

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1980 ГОД

Основан в 1957 г.

академиком

М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

«Археографический ежегодник за 1980 год» включает статьи и сообщения по проблемам археографии, архивоведения и других специальных исторических дисциплин, обзоры, описания и публикации документальных памятников отечественной истории.

В томе помещаются материалы о собирании, научном описании и издании произведений В. И. Ленина и документов о его деятельности, источников по истории первой русской революции и др.

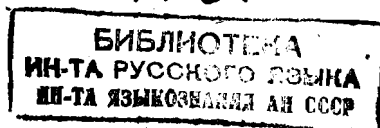
В связи с 600-летием Куликовской битвы публикуются обзоры повестей о ней; печатается статья по истории «Депо рукописей» в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде, материалы Московского государственного историко-архивного института. Сборник содержит сведения об археографической работе видных ученых, о неопубликованных трудах, воспоминаниях и личных фондах историков, о научных конференциях и деятельности Археографической комиссии АН СССР и ее отделений и др.

В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андрушайтите, Н. А. Долдобанова, С. А. Морозов, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРУШАЙТИТЕ, Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
В. А. ЧЕРНЫХ

8(n)
А-87

45538

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

К 110-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

(Совместное заседание
Центрального партийного архива
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
и Археографической комиссии АН СССР)

К. Н. Тарновский, Э. Н. Тихонова

«ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА И РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ИСКРА» С СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В РОССИИ. 1900—1903 гг.»

(археографические приемы подготовки издания)

Подготовленная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ЦГАОР СССР трехтомная публикация переписки В. И. Ленина и редакции «Искры» с социал-демократическими организациями в России¹ не только создала исключительно благоприятные условия для исследовательской разработки истории ленинской «Искры»² — она сама по себе является итогом, выражением и следствием такой разработки.

60-е годы характеризуются пристальным интересом к истории ленинской «Искры» вообще, к ее организационной деятельности в особенности. Первое обстоятельство связано прежде всего с подготовкой двух фундаментальных многотомных изданий — «Истории Коммунистической партии Советского Союза» и «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». В ходе этой подготовки была проделана огромная работа по изучению фондов центральных и местных архивов³. Что же касается преимущественного внимания к организационной деятельности «Искры», то она объясняется состоянием историографии проблемы: в 40—50-х годах изучалась прежде всего идейная, теоретическая деятельность «Искры»⁴. Устранение такой неравномерности⁵ — крупный итог разработки пробле-

¹ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.: Сб. док. в 3-х т. М., 1969—1970 / Ред. кол. М. С. Волин, А. Ф. Костин, Р. А. Лавров, Н. Р. Прокопенко, В. Н. Степанов; Подг. К. Г. Ляшенко, В. Н. Степанов, Э. Н. Тихонова. (Далее: Переписка...).

² Ознакомление с вышедшей за 10 лет со времени публикации «Переписки...» литературой по истории «Искры» показывает, что ни один автор, разрабатывающий данную проблему, не обходится теперь без «Переписки...».

³ Педосов А. Д. Опыт создания многотомной «Истории КПСС» и проблемы ее источниковедческой базы. — В кн.: Актуальные проблемы архивоведения и источниковедения марксизма-ленинизма и истории КПСС: Материалы научной конференции, состоявшейся 23—25 мая 1978 г. М., 1979. Ротапринт. (Далее: Актуальные проблемы...), с. 52—62.

⁴ Подробнее см.: Шейнблат И. М. Из историографии ленинской «Искры». (К 70-летию II съезда РСДРП). М., 1973. Ротапринт.

⁵ О ней свидетельствует, в частности, структура сборника статей «Ленинская „Искра“. К пятидесятилетию со дня выхода первого номера» (Л., 1950). Отдельные статьи в сборнике посвящены разработке «Искрой» проекта Программы партии, разгрому «экономизма», борьбе против эсеров, буржуазного национализма и международного оппортунизма. Организационной деятельности «Искры» по-

мы на протяжении 60-х годов. Уже в монографии М. С. Волина⁶,носящей обобщающий характер, содержится специальная глава «Ленинский организационный план в действии». Здесь охарактеризованы основные этапы складывания организации профессиональных революционеров, дан наиболее полный для того времени перечень агентов ленинской «Искры», рассмотрен процесс завоевания «Искрой» местных комитетов и групп РСДРП, а также деятельность «Искры» и ее Русской организации по подготовке II съезда партии. Появляется серия статей и публикаций по различным сторонам организационной деятельности «Искры» — транспортировке литературы, подпольным типографиям, группам содействия «Искре» и т. д.⁷ Эту полосу исследовательской разработки проблематики замыкает опубликованное в 1968 г. специальное исследование В. Н. Степанова о деятельности русской организации «Искры» в целом⁸.

Обращаясь к источниковой базе выполненных в 60-х годах работ, заметим, что исследователи, с одной стороны, активно изучали архивные фонды центральных и местных карательных органов царизма (департамента полиции, губернских жандармских управлений), с другой стороны, обращались к документам фонда редакции «Искры», хранящегося в ЦПА ИМЛ (ф. 24), прежде всего к тетрадам Н. К. Крупской, в которые бесценный секретарь редакции записывала содержание поступавших из России писем и ответы редколлегии российским корреспондентам.

Так широкий фронт исследователей вышел на редакционную переписку «Искры» с социал-демократическими организациями в России. Как обычно бывает в таких случаях, началась публикация отдельных документов из этой переписки, тематических подборок, а затем и документальных сборников⁹. Вместе с публикациями 1920-х годов¹⁰ они образовали уже довольно значительное собрание документальных печатных материалов для изучения организационной деятельности «Искры» и, конечно, помогли дальнейшему развертыванию этого изучения. При всем том указанным публикациям были присущи по меньшей мере два общих недостатка. Прежде всего даже в рамках поставленной задачи они не были полными. Например, в упомянутый выше «Украинский сборник...» была включена лишь непосредственная переписка с социал-демократическими организациями Украины, а сведения об украинских организациях, содержащиеся в письмах, формально не относящихся к Украине, не были учтены. Во-вторых, публикации различались по научному и археографическому уровню. Оба обстоятельства и потребность развития науки опре-

священа лишь небольшая статья Н. Хохолкова. Это беглый обзор истории Русской организации «Искры», сделанный на базе доклада редакции II съезду РСДРП. К архиву «Искры» автор не обращался.

⁶ Волин М. С. Ленинская «Искра» (1900—1903 гг.). М., 1964.

⁷ Королева В. В. Деятельность В. И. Ленина по организации доставки «Искры» в Россию (декабрь 1900 — ноябрь 1903 гг.). — Тр. Казанского авиационного ин-та. Общественные науки, 1962, вып. 54; Шнитман А. М. Из истории болгарского пути транспортировки ленинской «Искры» в Россию. — Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1954, № 4; Подпольные типографии ленинской «Искры» в России. Кишинев, 1962; Макеев Н. Я. Бакинская подпольная типография «Нина» (1901—1905). — Тр. Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, 1952, т. 17; Саркисов А. Бакинская типография ленинской «Искры». Баку, 1961; и др.

⁸ Степанов В. Н. Ленин и Русская организация «Искры». 1900—1903. М., 1968. Появлению книги предшествовала серия статей и публикаций исследователя (Степанов В. Н. В. И. Ленин и создание организации «Искры» в России. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 6; Он же. В. И. Ленин и подготовка Второго съезда партии. — Там же, 1963, № 5). Степанову принадлежит также обстоятельная подборка «У истоков партии. Материалы о социал-демократических организациях в России накануне II съезда партии» (там же, 1963, № 3, 9, 10, 12; 1964, № 1, 2, 3, 5). О подготовленных им публикациях см. ниже.

⁹ Наиболее значительный — «Переписка В. И. Ленина и руководимых им зарубежных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины. 1901—1905 гг.» (Киев, 1964. Далее: Украинский сборник...).

¹⁰ Из эпохи «Искры» и «Зари». Переписка В. И. Ленина с агентами «Искры», членами Русской организации «Искры» и членами ОК. Октябрь 1900 г. — май 1903 г. — В кн.: Ленинский сборник, VIII; Из переписки «Искры» с местными организациями. — ПР, 1928, № 6/7 (77/78), № 8 (79).

делили необходимость полного научного издания переписки редакции «Искры» с социал-демократическими организациями в России как главного источника сведений по организационной деятельности «Искры». За ее осуществление и взялся ИМЛ при ЦК РКПСС. Публикацию переписки «Искры» следует рассматривать поэтому и как итог публикаторской, т. е. археографической, деятельности института, как выражение (и продолжение) его археографической традиции.

В отношении публикации материалов ленинской «Искры» эта традиция восходит к середине 1920-х годов, когда в первых четырех томах «Ленинских сборников» были опубликованы обширные материалы редакции «Искры», в том числе по истории выработки Программы партии (т. 2), а также переписка между соредакторами «Искры» и «Зари» (т. III). К тому времени в Берлине вышла в свет переписка Ю. О. Мартова и П. Б. Аксельрода¹¹, которая также касалась истории взаимоотношений и смысла разногласий в редакционной шестерке.

Впервые примененные Институтом Ленина при ЦК РКП(б) археографические приемы и принципы издания документов станут яснее в сопоставлении с берлинской публикацией. Сразу оговорим, что под археографией вслед за С. Н. Валком и С. О. Шмидтом¹² мы понимаем научное собрание, описание и издание документальных памятников.

По типу своему «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова» — видовая публикация. Работа редакции «Искры» освещена здесь неполно, лишь на основании одного вида документов — писем, и односторонне, с позиций Аксельрода и Мартова. Но, по-видимому, в Берлине в то время именно эту цель и преследовали.

Институт Ленина поступил иначе. Во втором «Ленинском сборнике» наряду с письмами всех членов редакции опубликованы также все тексты обсуждавшихся документов — от первоначального варианта проекта Программы, подготовленного Плехановым, до так называемого комиссионного и редакционного проектов. В публикации факсимильным образом воспроизведены два документа — первая страница комиссионного проекта Программы с многочисленными замечаниями Ленина и ленинская поправка к аграрной части Программы. Получилась исчерпывающая публикация — даже теперь, более полувека спустя, к ней прибавить нечего.

Такой же характер имеет и публикация внутриредакционной переписки с октября 1900 по май-июнь 1902 г. в третьем «Ленинском сборнике». Но в нее были включены не только архивные документы, но и некоторые опубликованные материалы — несколько писем из упоминавшейся переписки Аксельрода и Мартова.

Так была сразу сведена до разряда вспомогательных берлинская публикация 1923 г. Применительно к «мюнхенскому» периоду истории «Искры» она оказалась попросту включенной в более полный комплекс документов и поданная в общем контексте, в связи с другими документами утратила свой преднамеренно заданный смысл и тон.

Не ограничившись этим, Институт Ленина опубликовал в том же томе первоначальный текст рукописи В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» с замечаниями автора, Плеханова, Аксельрода, Засулич и Мартова и относящуюся к этому вопросу переписку. Помещено также факсимильное воспроизведение 32-й и 33-й страниц ленинской рукописи с замечаниями Плеханова и Аксельрода и ответами Ленина.

Таким образом — и на это прямо указывает Институт — взятые вместе материалы второго и третьего «Ленинских сборников» исчерпывают внутриредакционную переписку «мюнхенского периода» истории «Искры».

¹¹ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова / Изд. Русского революционного архива. Берлин, 1923.

¹² Валк С. Н. Судьбы «археографии». — АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 464 и др.; Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии. — АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 134; и др.

Выделим теперь некоторые археографические приемы подготовки издания комплекса документов В. И. Ленина и редакции «Искры», примененные Институтом Ленина в середине 1920-х годов.

Составители «Ленинских сборников» сначала выделили (отграничили) публикуемые материалы из всего фонда «Искры» и максимально дополнили его документами других собраний (не только архивных, но в некоторых случаях — опубликованных). Затем последовала работа по организации полученного таким образом материала в документальный комплекс и уже после этого — его подготовка к печати. Первые три этапа археографической подготовки сопровождались весьма значительными исследованиями самого различного характера, от конкретно исторических до текстологических, в свою очередь требовавших привлечения многочисленных дополнительных источников. Вводные статьи и комментарии лишь отчасти характеризуют такую работу, ибо в сжатом виде отражают, как правило, лишь конечные ее итоги.

Отдельно следует сказать о заключительном этапе археографической работы — подготовке документов к печати. Подготовители не только полностью воспроизводили документы, но также описывали их внешний вид, степень сохранности и т. д. Была проявлена сугубая скрупулезность в передаче всех особенностей ленинского текста, как и текста других публикуемых документов. Переданы характерные для ленинской скорописи сокращения слов, вся система его подчеркиваний и отметок, оговорены исправления и т. д. Составители строго разграничили и шрифты (тексты составителей даны шрифтом, отличным от того, каким напечатаны документы).

С. О. Шмидт отмечает: «Известно, что техника исторического исследования развивается в отличие от методологии — не по законам идеологической преемственности, а по законам преемственности познавательной»¹³. Первые искровские публикации Института Ленина опирались на весь накопленный к тому времени опыт научного издания документов и внесли свой неопределимый вклад в этот опыт, прежде всего в области исследования содержания публикуемого документального материала. И в итоге самая строгая объективность совпала с партийностью, стала неотъемлемым средством ее выражения.

Для своего времени первые публикации Института Ленина стали выдающимися явлениями не только отечественной, но и мировой археографии.

Заканчивая публикацию внутриредакционной переписки «мюнхенского периода» истории «Искры» и подчеркивая ее значение для осмысления истории большевизма, Институт Ленина указал вместе с тем, что большая часть переписки Ленина этого периода относится к сношениям с Россией. Сообщалось также, что к изучению и приведению в порядок этой части переписки Ленина и редакции «Искры» уже приступили¹⁴.

Работа по подготовке к печати переписки «Искры» с российскими социал-демократическими организациями действительно велась. Это видно из серии публикаций промежуточного, так сказать, характера, предпринятых для удовлетворения самых насущных и неотложных потребностей не столько даже научной, сколько пропагандистской работы. Мы имеем в виду опубликованную в двух номерах журнала «Пролетарская революция» за 1928 г. документальную серию «Из переписки „Искры“ с местными организациями», подготовленную к печати Ц. С. Бобровской, выполнявшей в 1902 г. поручения редакции «Искры» в России. Публикация была приурочена к 25-летию юбилею II съезда РСДРП и состояла из трех частей. В первой сосредоточена переписка редакции «Искры» с пред-

¹³ Шмидт С. О. Некоторые вопросы истории и методики археографии и архивоведения. — Актуальные проблемы..., с. 172; *Он же*. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

¹⁴ Ленинский сборник, III, с. 34.

ставителями Организационного комитета (ОК)¹⁵, во второй — с Бюро Русской организации «Искры»¹⁶, в третьей — с редакцией «Южного рабочего»¹⁷. К работе над документами были также привлечены М. М. Эссен и Г. М. Кржижановский, написавшие предисловия соответственно к первой и второй частям публикации (предисловие к третьей части подписано инициалами «И. А.»).

Публикация, несомненно, способствовала пропаганде искровской истории и искровских идей. Более того, она на какое-то время определила направления научных разработок. Велико значение публикации для раскрытия революционных псевдонимов деятелей «Искры», конспиративных наименований и терминов, которыми буквально пестрит переписка «Искры» и без знания которых нельзя до конца разобраться в ее содержании.

Но археографический уровень публикации по сравнению с первыми томами «Ленинских сборников» снизился. Совсем отсутствуют легенды и сведения о виде и состоянии документов, расшифровка псевдонимов дана прямо в тексте, и притом без указания на то, что это сделано составителями, наличие вариантов текста не оговорено, без оговорок восстановлены сокращения слов и т. д. Однако самое серьезное отличие публикации «Пролетарской революции» от ранних публикаций «Ленинских сборников» — в полноте публикуемых материалов. Внутриредакционная переписка «Искры» была напечатана полностью, тогда как переписка редакции с Россией — в извлечениях. Не говоря уже о том, что вся переписка далеко не укладывается в намеченные составителями разделы, в пределах самих разделов помещены далеко не все сохранившиеся в архиве «Искры» письма.

Потребовались добавления. В том же 1928 г. в восьмом «Ленинском сборнике» было помещено еще 10 писем, относящихся к периоду с октября 1900 до середины 1903 г., т. е. к периоду от возникновения «Искры» до II съезда РСДРП. Во введении к публикации Н. К. Крупская указывала, что эти письма следует читать «в связи с уже опубликованным раньше материалом», что не всегда удобно, и делала следующий вывод: «Теперь уже опубликован обширный материал, относящийся к данному периоду: „Доклад ко II-му съезду Организации „Искры““, переписка „Искры“ с „Южным рабочим“, с самарским бюро, с представителями О. К. Надо этот материал объединить, расположить в хронологическом порядке, дополнить напечатанными воспоминаниями и ссылками на статьи. Получится нечто цельное, законченное. Надо бы это сделать, не очень откладывая в долгий ящик»¹⁸.

Так была сформулирована программа фундаментальной публикации переписки В. И. Ленина и редакции «Искры» с социал-демократическими организациями внутри страны. Ее осуществление, однако, в силу ряда причин задержалось более чем на 40 лет.

Свидетельства серьезной работы сотрудников ИМЛ над материалами ленинской «Искры» появляются в самом начале 1960-х годов. Началось с публикации обстоятельного обзора фонда «Искры». В нем подчеркивалось, что «подавляющее большинство документов до сих пор еще не использовано и изучаются лишь немногочисленными исследователями»¹⁹. Между тем богатства фонда огромны. В. Н. Степанов показал это несколькими публикациями. Так, место третьего пленарного заседания ОК по созыву II съезда партии он уточнил по сути дела чисто археографическими средствами. На одной из обнаруженных им копий информационного письма Г. М. Кржижановского о ходе заседания ОК было прямо указано место заседания: «у Каролины», причем слова эти написаны над зачеркнутым текстом. В переписке редакции слово «Каролина» обозначало

¹⁵ ПР, 1928, № 6/7 (77/78), с. 93 и след.

¹⁶ Там же, с. 136 и след.

¹⁷ Там же, № 8 (79), с. 50 и след.

¹⁸ Ленинский сборник, VIII, с. 95, 101.

¹⁹ Степанов В. Н. Документы Ленинской «Искры». — Вопросы истории КПСС, 1961, № 1, с. 174.

Харьков. При тщательном изучении зачеркнутого места удалось разобрать: «В Харьков». В связи с этим Степанов заметил, что «имеющиеся работы недостаточно освещают деятельность ОК, так как авторы не использовали всех сохранившихся документов об огромной организационной работе В. И. Ленина, Русской организации „Искры“ и ОК, ныне хранящиеся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС»²⁰.

Так была показана необходимость более широкого внедрения документов архива ленинской «Искры» в исследовательскую практику.

Скажем еще о двух публикациях, выполненных Степановым совместно с авторами настоящего доклада. Одна из них ввела в научный оборот ряд писем выдающегося агента «Искры» И. И. Радченко²¹, в другой были напечатаны письма в редакцию И. Г. Смидович-Леман²². Помимо большого интереса, с точки зрения содержащихся здесь фактических сведений, публикации интересны в трех отношениях. Во-первых, они свидетельствовали, что работа по разбору, учету и описанию документов фонда ленинской «Искры» была полностью завершена. Во-вторых, наряду с документами ЦПА ИМЛ в публикацию вошли также письма, обнаруженные в коллекции перлюстрированных писем департамента полиции (ЦГАОР СССР). Бралась, таким образом, на учет письма агентов «Искры» из других фондов и даже из других архивов. Наконец, в-третьих, составителям — в ряде случаев впервые — удалось полностью восстановить зашифрованные места переписки и откомментировать ряд неясных мест. Последнее обстоятельство свидетельствует о работе аналитического характера, проводящейся или в ходе научных изысканий, или при подготовке документов к публикации.

Велась и та и другая работа. О первой из них мы говорили выше. Объем и характер второй стал ясен в 1969—1970 гг., когда вышли в свет три тома «Переписки В. И. Ленина и редакции газеты „Искра“ с социал-демократическими организациями в России».

Всего в публикации содержится 1392 документа, в том числе 86 написано В. И. Лениным или с его участием и 522 — Н. К. Крупской. В сборнике впервые было опубликовано 25 надписей и пометок, сделанных В. И. Лениным на материалах, присланных в редакцию и упомянутых в переписке. Помещенные в сборнике письма по годам распределяются так: к 1900 г. относится 6 писем, к 1901 — 282, к 1902 — 651 и к 1903 г. (по август включительно) — 453 письма.

Из опубликованных писем свыше 500 ранее печатались в других изданиях. Это прежде всего ленинские документы, помещенные в его Полном собрании сочинений, а также материалы, написанные В. И. Лениным совместно с Н. К. Крупской или с членами редакции «Искры» и напечатанные в основном в восьмом «Ленинском сборнике» (их около 60). Кроме того, документы публиковались ранее в журналах «Пролетарская революция» (54), «Красный архив» (25), в «Украинском сборнике...» (около 300), в сборнике «Искровская организация в Твери. 1901—1903 гг.» (Калинин, 1957) (10) и других изданиях. Опубликованные ранее документы включены в сборник прежде всего для его полноты. Кроме того, в процессе их позднейшего изучения были прочтены не разобранные ранее тексты, уточнены даты написания, установлены подлинные авторы или адресаты²³.

Публикация осуществлена в соответствии со сложившейся в ИМЛ археографической традицией. Чтобы показать это, следует соотнести основные

²⁰ Степанов В. Н. О харьковском совещании Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. — ИА, 1962, № 1, с. 186.

²¹ Письма И. И. Радченко В. И. Ленину. Публикация В. Н. Степанова и З. Н. Тихоновой. — Неделя, 1964, № 47.

²² Степанов В. Н., Гарновский К. Н. Из истории Русской организации «Искры». Новые архивные документы. — Прометей. М., 1967, т. 3, с. 222—240.

²³ Подробнее см.: Тихонова З. Н. Переписка редакции ленинской газеты «Искра» как источник для истории местных социал-демократических организаций в России накануне революции 1905—1907 гг. — В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции: Сб. статей, М., 1977.

археографические приемы подготовки к печати комплекса документов, примененные подготовителями «Ленинских сборников» и данной публикации.

1. Выделение (отграничение) комплекса публикуемых материалов. Как было показано выше, уже в 1920-х годах редакция и составители «Ленинских сборников» делили редакционную переписку «Искры» на заграничную (переписка соредакторов) и российскую (переписка с социал-демократическими организациями в России). Такие же два крупных комплекса видели в искровской переписке редакторы и составители характеризуемой публикации. При этом в упомянутом выше обзоре документальных материалов фонда «Искры» подчеркивается, что переписка В. И. Ленина и Н. К. Крупской как секретаря редакции с агентами «Искры», искровскими группами и организациями в России составляет «основную массу документов» и охватывает «всю широту вопросов организационной деятельности В. И. Ленина и редакции „Искры“...»²⁴.

Большая часть переписки редакции с Россией сосредоточена в тетрадах Н. К. Крупской. Документы архива «Искры» формировались Крупской по корреспондентскому признаку. На отдельного корреспондента заходила специальная тетрадь, в которую записывались полученные и отосланные ему письма. Подлинные письма в редакции, как правило, не хранились по конспиративным соображениям, так как обнаруженные полицией могли привести к провалу российского корреспондента «Искры». Кроме того, хранение архива в виде тетрадей делало его компактным и удобным для использования в практической деятельности редакций. В качестве корреспондентов выступали комитеты РСДРП, несколько искровцев, живущих в одном городе и отдельные социал-демократы. В тетради письма записывались в хронологической последовательности, по мере их получения или отправки.

В ЦПА ИМЛ искровская переписка сосредоточена в двух фондах. В ф. 2 (В. И. Ленина) за искровский период сохранилось около 600 писем. Это прежде всего автографы самого Ленина и скопированные Н. К. Крупской письма Владимира Ильича, а также написанные ею по его прямому поручению. Большинство из них записано в упомянутых тетрадах, в которых имеются и письма других корреспондентов. В ф. 24 (редакция «Искры» и «Зари») хранится другая часть переписки ленинской «Искры» — около 700 писем. Они, как правило, также записаны в тетрадах, но есть и небольшое количество подлинных (48 документов), которые по каким-то причинам не были скопированы и уничтожены Н. К. Крупской.

Вот эти 1300 писем и образовали ядро публикации.

2. Пополнение выявленного комплекса материалов было произведено прежде всего в результате сплошного просмотра перлюстрированных писем, хранящихся в ЦГАОР СССР, в фондах департамента полиции (выявлено 130 документов) и московского охранного отделения (выявлено 10 документов). Они сохранились в виде машинописных копий, снятых с перехваченных «черным кабинетом» документов и отправленных после их копирования адресатам. В архиве департамента полиции сохранились и подлинники, взятые при арестах в качестве вещественных доказательств.

В сборник включены также материалы местных организаций, которые были опубликованы на страницах «Искры» (86 документов), содержащие принципиальные заявления о признании «Искры» своим руководящим органом, о конституировании комитетов и т. п. Некоторые редакционные сообщения печатались в «Искре» в разделе «Почтовый ящик». К такому способу переписки редакция прибегала обычно тогда, когда терялась установленная связь или сообщение носило спешный характер. Эти сообщения также включены в сборник. Так организованная и про-

²⁴ Степанов В. Н. Документы ленинской «Искры». — Вопросы истории КПСС, 1961, № 1, с. 176.

веденная работа по выявлению искровской переписки позволила отметить в предисловии к публикации: «Это издание включает всю сохранившуюся и известную в настоящее время переписку В. И. Ленина и редакции „Искры“, касающуюся российских дел»²⁵.

3. Организация всего выявленного материала в документальный комплекс произведена путем расположения писем в хронологической последовательности, как было сделано в «Ленинских сборниках» при публикации заграничной переписки «Искры». На желательность именно такого расположения указывала и Н. К. Крупская, Сохранив традицию и следуя совету Крупской, составители облегчили работу исследователей по сопоставлению данной публикации с публикациями второго и третьего «Ленинских сборников» (письма В. И. Ленина и Н. К. Крупской из восьмого «Ленинского сборника» вошли в соответствующие тома «Переписки...»). Надлежит иметь в виду, что около 135 писем, включенных в сборник, не были датированы. Кроме того, российские корреспонденты «Искры» письма свои датировали (не оговаривая) то по старому, то по новому стилю, что также создавало трудности при их расположении.

Таковы археографические приемы и принципы, примененные составителями при выявлении и организации комплекса документов, подлежащего публикации. Мы видим, таким образом, что характеризуемое издание ИМЛ при ЦК КПСС строго следует традициям, сложившимся при подготовке к печати «Ленинских сборников».

4. При непосредственной подготовке документов к печати составителям предстояло выбрать текст для публикации, прочитать, атрибутировать и откомментировать его.

Первый вопрос возник потому, что в распоряжении подготовителей издания имелось свыше 90 писем в нескольких вариантах — автограф и перлюстрация, копия и перлюстрация, два варианта копий. Было решено публиковать только один вариант, исключение составляет письмо В. И. Ленина Комитету РСДРП от 24 (11) августа 1902 г. (док. № 596). Оно сохранилось в виде автографа и перлюстрации, между которыми имелись разночтения редакционного характера. Составители сочли целесообразным опубликовать оба варианта. В остальных случаях выбирался наиболее полный текст, отдавалось предпочтение перлюстрации, так как именно этот текст дошел к корреспонденту, все фактические расхождения приводились в подстрочном примечании.

В отличие от внутриредакционной российской часть переписки «Искры» характеризуется сугубой конспиративностью. Деятельность «Искры» и ее организации развертывалась в обстановке постоянных преследований со стороны карательных органов царизма. Переписка, осуществлявшаяся почти исключительно при посредстве императорской почты, должна была поэтому носить безусловно закрытый характер и широко использовать приемы тайнописи («химией» между строк книги или легального письма) и криптографии, т. е. шифровки наиболее важных сведений. И если подлинники написанных «химией» писем до нас дошли в очень незначительных количествах, то шифрованные тексты встречаются в искровской переписке постоянно. Большинство их были разобраны Н. К. Крупской, некоторые прочтены в департаменте полиции, но есть и такие, которые ко времени подготовки публикации расшифрованы не были. В 35 случаях составителям их удалось расшифровать. В большей части это адреса: например, И. В. Бабушкина в Покрове (док. № 14), явки в Москве (док. № 15), в Шарлоттенбурге для получения искровской литературы (док. № 19), П. Н. Лепешинского в Пскове (док. № 24),

²⁵ Переписка..., т. 1, с. 8. Один из авторов данной статьи имел возможность ознакомиться с коллекцией перлюстрированных писем, хранящихся в фонде киевского губернского жандармского управления (ЦГИА УССР, ф. 274). В конце 1901 — начале 1902 г. в Киеве велось дознание по делу Русской организации «Искры». Неизвестных составителям публикации писем редакции и в редакцию «Искры» в этой коллекции не обнаружено.

адрес дома в Кургане, где лежал чемодан с искровской литературой (док. № 26) и др. В совместном письме В. И. Ленина и Н. К. Крупской в Харьков (док. № 35) есть текст: «Выругайте хорошенько 1.17, 3.12, 4.3, 3.12, 5.8, 9.5». После расшифровки фраза выглядит так: «Выругайте хорошенько Цюругу». В восьмом «Ленинском сборнике» (с. 133) оно было опубликовано с неточно расшифрованным текстом: «Выругайте хорошенько Ц[едербаума]». Док. № 49 был почти полностью зашифрован, после расшифровки выяснилось, что в нем перечислена посланная литература.

Неподписанных корреспонденций, авторы которых были установлены по почерку, в сборнике около 450, в основном они принадлежали Н. К. Крупской, членам редакции «Искры», Е. Д. Стасовой, П. Г. Смидовичу и др. Писем, подписанных псевдонимами, в сборнике 325. Чтобы установить подлинные имена их авторов, подготовителям пришлось тщательно изучить состав организации «Искры», местных комитетов и групп, используя в качестве источников прежде всего сами же письма и большое количество дополнительной литературы. Тоже можно сказать и об установлении адресатов.

У большей части документов место их написания и отправки определялось косвенным путем, для чего выяснялись не только постоянное местожительство, но и маршруты передвижения корреспондентов «Искры». Это удалось установить на основании документов департамента полиции по наружному наблюдению за социал-демократами, а также — воспоминаний искровцев и исследований советских историков. В некоторых случаях определению корреспондента и его местопребывания способствовали надписи Н. К. Крупской на обложках тетрадей: например, «Переписка с Одессой» или «Письма Гуци» (Е. Д. Стасовой) и др. Для 1903 г. в этом смысле источником стали тетради регистрации входящей и исходящей корреспонденции (они опубликованы в сборнике — док. № 1390—1392).

5. Способы воспроизведения текста документов связаны со стремлением составителей возможно более точно передать особенности публикуемого текста. Все, написанное В. И. Лениным, — прямым полужирным шрифтом; все, написанное редакцией «Искры» и ее корреспондентами, — прямым; текст подготовителей — курсивом. Такая разбивка шрифтов, неукоснительно проведенная через все три тома публикации, исключает возможность неточного использования, а в некоторых случаях — и толкования документа.

В самом тексте документа, переданного в соответствии с действующими правилами издания исторических документов по современной орфографии, пропущенные буквы, слоги, отдельные слова, а также поврежденные части текста восстанавливаются в прямых скобках; зачеркнутые по конспиративным соображениям слова и фразы восстанавливаются и заключаются в угловые скобки, притом, если возникают какие-либо сомнения в прочтении зачеркнутого текста, в скобках проставляется знак вопроса. Расшифрованные части текста набраны курсивом с обязательным воспроизведением в подстрочнике его цифрового выражения и указанием, кому принадлежит расшифровка. Нерасшифрованные части писем остаются в тексте, давая возможность специалистам провести дополнительные попытки по их прочтению²⁸.

Все комментарии по содержанию документа вынесены в примечания в конце каждого тома. Из сведений поясняющего характера в основном тексте помещены: данные составителями заголовки документов (подлинные фамилии авторов и адресатов, название города, из которого или в который послано письмо) и дата документа по новому и старому стилю; в подстрочных примечаниях помещаются сведения, относящиеся к тексту данного документа (обоснование авторства, адресата, даты и части тек-

²⁸ Сейчас неразобранные составителями тексты «Переписки...» прочтены Ю. С. Уральским. Их следовало бы опубликовать в каком-либо историческом журнале.

стов, зачеркнутые автором письма и восстановленные по другим источникам, явки, пароли, адреса, псевдонимы); в легенде к каждому документу сообщается место его хранения, вид документа (автограф, копия, подлинник), сведения о его публикации.

Таким образом, и в отношении передачи текста публикуемых документов составители идут в русле традиций, начатых «Ленинскими сборниками».

Но есть одна область археографии, в которой составители и редакция «Переписки» сделали весьма значительный шаг вперед по сравнению с публикациями искровских писем в «Ленинских сборниках». Мы имеем в виду указатели, помещенные в третьем томе публикации. Их пять: указатель произведений В. И. Ленина, упоминаемых в документах сборника, а также имен, партийных и других нелегальных организаций, конспиративных терминов и географический. Главное назначение указателей — помочь исследователям быстро навести необходимую справку и мобилизовать нужный материал. В данной публикации значение указателей шире. Обратимся к указателю имен. Он содержит сведения о 2500 лицах. В нем помещены не только фамилии, имена и отчества упоминаемых в публикации лиц на русском и иностранных языках, но и революционные псевдонимы искровского периода, и условные подписи агентов «Искры» с отсылкой на их настоящие фамилии. Указатель, таким образом, заключает в себе наиболее полный список агентов ленинской «Искры» с биографическими сведениями о них.

Редакция «Искры» не всегда сообщала адреса, по которым следовало отправлять корреспонденции из России, иногда назывался лишь порядковый номер адреса. Существовал, следовательно, список адресов, который сообщался (полностью или частично) редакцией «Искры» своим корреспондентам. И его смогли восстановить подготовители издания — расшифровкой номеров адресов, на которые посылались письма для редакции «Искры», заканчивается именной указатель.

Но не на все, однако, вопросы, возникающие при работе над перепиской «Искры», сумели ответить подготовители публикации. Некоторые имена и псевдонимы остались нерасшифрованными, о многих упоминаемых в переписке лицах не удалось собрать биографических сведений. Как правило, — это искровская «периферия», лица, сочувствовавшие «Искре» и чем-то помогавшие ее деятельности. Но ведь и периферию нужно изучать, чтобы до конца оценить размах деятельности и влияния «Искры». Не полон и список адресов, на которые посылались письма для редакции «Искры» — из 42 номеров неизвестны 4.

Таким образом, указатели к «Переписке» выполняют не только справочно-организующие функции. Это еще и археографическая форма подведения итогов расшифровки конспиративного аппарата искровской организации и формулировка задания на дальнейший поиск.

Вместо заключения — вопрос о типе публикации и ее функциях. Сами составители характеризуют ее как публикацию фондовую. Но такое определение вряд ли можно принять. Как было показано, в нее вошел далеко не весь фонд ленинской «Искры» и вместе с тем не только фонд «Искры». По смыслу своему это межфондовая (по происхождению) или комплексная (по результату) публикация. В этом — главная особенность осуществляемых ИМЛ документальных изданий, имеющая своим результатом, с одной стороны, четкое выделение документов определенного вида из основного фонда, а с другой — максимальное пополнение полученной коллекции за счет поисков однотипных материалов в других фондах и архивах до получения законченного документального комплекса. И именно в силу своей полноты и законченности полученный комплекс материалов может выполнить организующие функции — как в плане объединения в определенную систему всех других, пусть даже неполных и разрозненных материалов по данной теме, так и в плане целенаправленного поиска недостающих пока комплексов документов для более полной и всесторонней ее разработки.

Публикация внутривредакционной переписки «Искры» и связанных с нею документов позволила в свое время поставить на твердую фактическую основу разработку вопроса идейно-теоретической деятельности «Искры», и она же прямо указала на необходимость специального изучения и издания переписки «Искры» с социал-демократическими организациями в России, без чего нельзя было с необходимой полнотой рассмотреть организационную деятельность Ленина и «Искры».

Осуществленная к 100-летию юбилею В. И. Ленина публикация искровской переписки с социал-демократическими организациями в России позволила на протяжении истекшего десятилетия поставить на прочную источниковую основу изучение общей структуры и основных звеньев Русской организации «Искры». Она же указала на явную нехватку материала для изучения структуры и деятельности каждого ее подразделения. Чтобы ответить на этот вопрос, требуется выявить, организовать и издать внутреннюю переписку Русской организации «Искры» — ее Самарского бюро с агентами, группами и комитетами, агентов и комитетов друг с другом и т. д.

В этом, очевидно, и состоит очередная археографическая работа по изучению искровского периода.

К. Г. Ляшенко, Е. Д. Орехова, Н. А. Хомякова

**ПРИЕМЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПУБЛИКАЦИИ
«ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА
И РУКОВОДИМЫХ ИМ УЧРЕЖДЕНИЙ РСДРП
С ПАРТИЙНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ»**

Задачи, стоящие на современном этапе перед исторической наукой, а также уровень развития источниковедения и археографии вызвали перемещение центра тяжести в публикаторской деятельности с подготовки тематических изданий на пофондовые и видовые, которые вводят в научный оборот отдельные комплексы документов с максимальной полнотой. Среди публикаций этого рода значительное место занимают сборники партийных документов¹. Одним из крупных выходящих в настоящее время изданий является «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями»², осуществляемое ИМЛ при ЦК КПСС совместно с ЦГАОР СССР и Институтом истории СССР АН СССР. Оно сделает доступным для широкого круга исследователей, пропагандистов, преподавателей учебных заведений, аспирантов и студентов комплекс важнейших источников по истории партии и деятельности В. И. Ленина начиная со II съезда РСДРП.

В настоящее время публикация доведена до середины 1905 г. и включает 1999 документов, более трети которых публикуется впервые. Ее значение определяется не только массой новых документов и фактов, вводимых впервые в научный оборот. Повторное издание многих писем, в том числе В. И. Ленина, уже опубликованных в Полном собрании его сочинений, в сочетании с новыми заметно повышает информативный потенциал переписки в целом как исторического источника, открывает дополнительные возможности для изучения давно и, казалось бы, хорошо известных документов и прежде всего ленинского наследия: дает свежий материал для текстологического анализа, уточнения времени и обстоятельств написания ряда ленинских документов, выяснения их источниковой базы, позволяет пополнить список неразысканных писем Ленина, проследить географию распространения и время получения на местах номеров «Вперед» и «Пролетария» с ленинскими статьями, выяснить впечатление, произведенное ими на партийную массу.

Как подчеркнуто в рецензии на три первые тома издания, «углубленное проникновение в труды Владимира Ильича, как и в историю КПСС этого периода, немислимо без „Переписки“...»³. Другой рецензент обращает внимание на то, что публикация «является существенным вкладом в советскую археографию»⁴.

¹ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г.: Протоколы. М., 1959 и т. д.; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 гг. М., 1958; Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями: Сб. док. М., 1957—1974, т. 1—8; Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.: Сб. док. в 3-х т. М., 1969—1970.

² Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг.: Сб. док. в 3-х т. / Редкол.: М. С. Волин, А. Ф. Костян и др. М., 1974—1977. (Далее: Переписка... 1903—1905 гг.); Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905—1907 гг.: Сб. док. в 5-ти т. / Редкол.: Д. И. Антонюк, М. С. Волин, М. А. Зотов и др., т. 1. 22(9) января — март 1905 г., кн. 1—2. М., 1979. (Далее: Переписка... 1905—1907 гг.).

³ Мор Н. По подпольным адресам.— Коммунист, 1978, № 10, с. 112.

⁴ Рыбаков С. П. Источники по истории партии накануне первой русской революции.— СА, 1978, № 6, с. 90.

В задачу настоящей статьи не входит анализ содержания, огромного научного и политического значения опубликованных документов. Авторы поставили перед собой иную цель — рассмотреть некоторые приемы работы над этим изданием с точки зрения теории и практики археографии.

При подготовке «Переписки...» были учтены основные достижения советской археографии, в частности опыт историков и архивных работников Украины, выпустивших в Киеве в 1964 г. сборник документов и материалов «Переписка В. И. Ленина и руководимых им зарубежных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.)» (далее — Украинский сборник), опыт подготовки публикации переписки В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» за 1900—1903 гг. Преемственность анализируемого издания с последним обеспечивалась и почти тем же составом подготовителей⁵.

Несколько слов о ведении партийной переписки в рассматриваемый период.

Российская социал-демократическая рабочая партия существовала и действовала в условиях глубокого подполья. В. И. Ленин и большинство учреждений РСДРП вынуждены были находиться за границей. Переписка была одним из основных средств связи Ленина и зарубежных центров с партийными организациями и партийными работниками в России. Письма, приходившие из России, были для Ленина главным источником информации о положении в партийных организациях, которая позволяла ему своевременно оценивать ситуацию и намечать перспективу, в ответных письмах давать необходимые разъяснения, советы и рекомендации, а на ряд вопросов, волновавших партийных работников, откликаться в статьях и брошюрах. Посредством переписки Ленин добивался создания тесной идейной связи между руководимыми им партийными центрами и работниками на местах, организационного укрепления партии, усиления ее руководящей роли в революционной борьбе широких народных масс. Практически нет вопроса из жизни партии, который не нашел бы отражения в переписке.

Ценность переписки как источника определяется не только насыщенностью фактической информацией. Отличительная особенность переписки — ее яркая эмоциональность. Письма полны уверенности, оптимизма и размышлений, а случается — негодования, тревог и сомнений. Каждое носит отпечаток личности автора. Ленин обращал самое серьезное внимание на эту сторону получаемых писем. Его интересовало настроение автора, взгляды и понимание им партийных задач. Характерно в этом отношении одно из писем Ленина к С. И. Гусеву: «Дорогой друг! Спасибо за письмо... Вы делаете почин беседе с редакцией не по формальным только вопросам (об уставе, о связях, адресах и проч.), не на корреспондентские только темы (события были те-то и те-то), а на тему о *содержании* Ваших взглядов, Вашем *понимании* нашей тактики, о том, *как именно Вы* проводите ее на деле в рефератах, на собраниях и т. д. Такие беседы с нами русских практиков нам *крайне ценны...*»⁶.

Наладить регулярный обмен письмами с Россией стоило огромного труда. Со времен ленинской «Искры» выработывались и совершенствовались способы конспиративной переписки⁷. Первое условие: письма не посылались прямо адресату. Из Женевы (чтобы не привлекать внимание полиции, которой было хорошо известно местопребывание русских социал-демократических центров) письма посылались на промежуточные

⁵ Составители: В. Н. Степанов, З. Н. Тихонова (ЦПА ИМЛ), К. Г. Ляшенко (ЦГАОР СССР). Начиная со второго тома «Переписка... 1903—1905 гг.» к ним присоединилась Е. Д. Орехова (Институт истории СССР), а с первого тома «Переписка... 1905—1907 гг.» — Н. А. Хомякова (ЦПА ИМЛ); в разное время в отдельных томах принимали участие: Н. И. Кузнецов, Г. М. Тиунова, В. Н. Черпоус (ЦПА ИМЛ), С. П. Рыбаков (Институт истории СССР).

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 73.

⁷ См. об этом: Степанов В., Тихонова З. Адрес — Россия. — В кн.: Прометей. М., 1971, № 8.

адреса в различные страны Европы. С конца 1903 г. по начало 1905 г. действовало 75 заграничных адресов⁸. Оттуда письма пересылались в Россию также не прямо адресатам, а лицам, сочувствовавшим и помогавшим социал-демократам, но «благонадежным» с точки зрения полиции, по их личным или служебным адресам.

Например, письмо Ленина Сибирскому союзу РСДРП послано через Лейпциг по адресу: Томск, аптекарский магазин «Пойзнер и Нови», Елене Яковлевне Тернер; его же письмо в Одессу Э. Эссену — через Нью-Йорк по адресу: Одесса, Надеждинская ул., редакция «Южного обозрения», секретарю Соколовскому⁹ и т. д. Через промежуточные адреса шли письма и в Женеву.

Второе условие конспирации касается самого текста. Большинство писем писалось химическим способом между строк письма с вполне легальным содержанием, между строк книги или журнала; наиболее секретные части шифровались разными способами для разных корреспондентов. Корреспонденты имели псевдонимы¹⁰, и в одном и том же письме одно и то же лицо могло фигурировать под несколькими именами; местонахождение корреспондентов тщательно скрывалось — города, организации назывались условными терминами¹¹. К тому же многие письма не имели дат.

Даже такая беглая характеристика показывает, с какими трудностями сталкивается исследователь при обращении к этим документам, какая большая, кропотливая работа требуется от археографов для того, чтобы включить в издание массу новых писем, внести уточнения в уже известные и представить документы в таком виде, чтобы максимально облегчить их изучение.

Принципы выявления и отбора документов определены в самом названии издания. Это видовая публикация, включающая определенный вид документа — письмо. Следующий признак отбора документов — их происхождение (авторский и корреспондентский): в публикацию включена переписка Ленина и руководимых им учреждений партии с местными организациями.

К каким учреждениям партии в период конца августа 1903 — середины 1905 г. относится определение «руководимые Лениным»? Почему пришлось ввести в заголовок такой сложный грамматический оборот? В отличие от искровского периода, когда Ленин руководил одним учреждением — редакцией «Искры», после II съезда РСДРП это понятие относится к ряду сменявших друг друга учреждений.

По Уставу, принятому II съездом РСДРП, партийными центрами являлись редакция Центрального Органа (ЦО), которым была признана ленинская «Искра», Центральный Комитет (ЦК) и Совет партии — высшее учреждение в период между съездами. На съезде Ленин был избран в редакцию ЦО и как ее представитель входил в Совет.

II съезд, приняв Программу и Устав партии, избрав ее центральные учреждения, завершил процесс объединения революционных марксистских организаций России на идейно-политических и организационных принципах, которые были разработаны Лениным. Пролетариат России получил организацию, способную в новых исторических условиях успешно руководить его борьбой за свое социальное освобождение. Вместе с тем, как известно, на съезде выявилось новое оппортунистическое течение в ря-

⁸ Переписка... 1903—1905 гг., т. 3, с. 596.

⁹ Там же, док. 811, 825.

¹⁰ Вот некоторые из псевдонимов в конце 1903 — середине 1905 г.: Н. К. Крупская — Екатерина, Катя, Минога, Саблина, теть Аня, теть Катя, Шарко; М. М. Литвинов — Папаша, Теофилия, Феликс; С. И. Гусев — Лебедев, Мюллер, Нация, Павел, Павел Степанович, Харитон, Баритон, Надежда.

¹¹ ЦК РСДРП — Фауст, Журавль; комитеты РСДРП — Петербургский — Коля, Рижский — Ромуальд, Одесский — Осип и т. д. Города: Москва — Старуха, Киев — Инза и т. д.

дах российской социал-демократии — меньшевизм. Оппортунизм меньшевиков, со всей силой проявившийся сначала в области организационных принципов строительства партии, с конца 1904 г. перерос в оппортунизм в коренных вопросах тактики. Сразу после съезда меньшевики во главе с Мартовым, демонстративно отказавшимся от участия в редакции, стали на путь саботажа решений съезда, бойкота центральных партийных учреждений и дезорганизации их работы, ультимативно требуя возвращая, вопреки воле съезда, в редакцию «Искры» трех ее бывших редакторов, а также кооптации своих представителей в ЦК. Оппозиционеров поддержал Г. В. Плеханов, решивший добиваться «мира» в партии ценой любых уступок, а затем перешедший на позиции меньшевизма. Не желая разделять ответственность за эту беспринципную и гибельную для еще неокрепшей партии политику, Ленин 1 ноября (19 октября) 1903 г. заявил о выходе из редакции «Искры». Кооптированные Плехановым в редакцию меньшевики превратили ЦО в свой фракционный орган. 5 декабря (22 ноября) была вынуждена отказаться от секретарства в редакции и Н. К. Крупская.

Ленин был кооптирован в ЦК РСДРП. Будучи заграничным представителем ЦК, он руководил его заграничным отделом и находящимися за границей техническими учреждениями РСДРП, а также оставался членом Совета партии от ЦК. После ареста членов ЦК — твердых ленинцев в июне 1904 г. в ЦК получили перевес примиренцы. В конце июля они приняли ряд решений, по существу означавших капитуляцию перед меньшевиками. Ленин был лишен прав заграничного представителя ЦК. В октябре 1904 г. в ЦК тайно были кооптированы трое меньшевиков.

В то время как при содействии примиренцев меньшевикам удалось захватить центральные учреждения РСДРП, среди местных партийных организаций в России влияние большевиков было преобладающим. Для того чтобы иметь возможность отстаивать свои взгляды, Ленин и большевики, опираясь на поддержку российских комитетов, организовали самостоятельные учреждения: в конце августа — Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина в Женеве, в декабре там же — редакцию периодического органа газеты «Вперед» и Бюро комитетов большинства (БКБ) в России, которые сыграли исключительно важную роль в борьбе за преодоление партийного кризиса, сплочение местных организаций на позициях большевизма и подготовки III съезда РСДРП. III съезд избрал единый руководящий центр РСДРП — Центральный Комитет во главе с Лениным, который непосредственно руководил Заграничным бюро ЦК и был ответственным редактором ЦО партии — газеты «Пролетарий».

Итак, в интересующий нас период под руководством Ленина действовали следующие учреждения: август — октябрь 1903 г. — редакция ЦО «Искра», ноябрь 1903 — август 1904 г. — ЦК РСДРП (Заграничный отдел), сентябрь — ноябрь 1904 г. — Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина, декабрь 1904 — апрель 1905 г. — редакция газеты «Вперед» и БКБ, с мая 1905 г. — ЦК РСДРП (Заграничное бюро) и редакция ЦО «Пролетария».

Секретарем всех названных учреждений большевиков за границей была Н. К. Крупская, в руках которой было сосредоточено все дело ведения переписки.

Публикуемую переписку можно разделить на три группы. Основную массу составляет переписка Ленина и перечисленных заграничных учреждений РСДРП с отдельными членами партии, центральными учреждениями и местными партийными организациями в России. Вторую, довольно значительную, группу документов за конец 1903 — начало 1904 г. составляет внутренняя переписка между российской частью ЦК и местными организациями¹². Естественно, что в переписке с Лениным и руководимы-

¹² Практически в примечаниях опубликована и наиболее интересная переписка между российскими комитетами.

ми им учреждениями состояли главным образом лица, комитеты и группы, стоявшие на большевистских позициях.

Переписка между Лениным, заграничными учреждениями и заграничными группами РСДРП¹³ составляет третью, сравнительно небольшую, часть. Она велась в основном открыто. В письмах соблюдалась значительная осторожность при передаче информации, касавшейся России и работавших там лиц, но они посылались прямо на имя адресата, без шифровки текста; постоянно проживавшие за границей лица, как правило, назывались подлинными именами.

подавляющее большинство писем сохранилось в заграничном архиве РСДРП¹⁴. Некоторая часть документов РСДРП, в том числе и переписки, отложилась в России, в архивах полицейских и судебных учреждений¹⁵.

В каком виде откладывалась переписка за границей?

Письма в Россию — преимущественно автографы Ленина и Крупской. Часть писем, написанных рукой Крупской, создавалась ею по поручению Ленина, иногда — это ленинские письма, переписанные и отредактированные Крупской по его указанию¹⁶. Из опубликованных в трех томах за период с 22(9) августа 1903 г. до 22(9) января 1905 г. писем в Россию 17% — автографы Ленина, 76% — Крупской и около 7% — представителей и агентов ЦК, БКБ и некоторых других. Эти тексты затем готовились для отсылки в Россию (переписывались в нескольких экземплярах для отправки по разным адресам, шифровались, писались химическим способом). Одна из особенностей сохранившейся переписки — почти полное отсутствие текста писем в том виде, в каком они были действительно отправлены и получены адресатами в России. В письмах нередко встречаются указания Крупской о их подготовке для отправки: о замене псевдонимов, повторении тех же текстов разным адресатам и т. д. Так, на письме Ленина И. И. Страшинскому в Вильно от 16(3) сентября 1904 г. ею сделана следующая пометка для Л. А. Фотиевой: «То же самое написать и Феликсу; начиная с отчеркнутого места»¹⁷. В другом месте она просит Фотиеву повторить тот же текст в письме М. И. Ульяновой, П. И. Кулябко и Р. С. Землячке в Петербург¹⁸. Следы подготовки видны в виде надписанного прямо над конспиративными фразами или отдельными словами на полях или в конце письма цифрового шифра, помет о необходимости указать адрес, который вписывался обычно шифром только в отправляемый текст. Сравнение писем, сохранившихся в заграничном архиве, с их перлюстрациями показывает, что они не всегда идентичны, т. е. при переписке и размножении писем в первоначальный текст иногда вносились обычно незначительные изменения.

Что касается писем, полученных в Женеве из России, то за тот же период 76% их — копии, сделанные Крупской (иногда помогавшими ей Л. А. Фотиевой, М. Н. Лядовым, М. И. Ульяновой). Около четверти писем сохранилось за этот период в подлинниках. Среди них: проявленные химические тексты, тексты, расшифрованные между строк шифра,

¹³ В марте 1905 г. на учредительном съезде большевистских заграничных групп была создана Заграничная организация РСДРП с правами местного комитета.

¹⁴ В настоящее время они хранятся в ЦПА ИМЛ и были выявлены в фондах: ЦК РСДРП, БКБ, редакций «Искры», «Вперед», «Пролетария», Издательства социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина, Заграничной организации РСДРП и некоторых других. Все документы В. И. Ленина, а также адресованные непосредственно ему и имеющие ленинскую правку или пометы хранятся в фонде В. И. Ленина.

¹⁵ Основная масса документов встречается в фонде Департамента полиции (далее: ДП), отдельные письма — в фондах Московского охранного отделения (далее: МОО) и Временной канцелярии по производству особых уголовных дел Мипистерства юстиции, хранящихся в ЦГАОР СССР.

¹⁶ См., например: Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 222.

¹⁷ Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, док. 726.

¹⁸ Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, док. 727.

письма, написанные эзоповским языком¹⁹, или неконспиративного содержания, а также полученные с оказией. Интенсивность переписки с Россией по месяцам в публикации выглядит следующим образом:

Месяц	В Россию	Из России	Всего	Месяц	В Россию	Из России	Всего
22(9)–31(18) августа 1903 г.	—	3	3	Июль	9	5	14
Сентябрь	33	34	67	Август	19	9	28
Октябрь	31	37	68	Сентябрь	25	8	33
Ноябрь	30	34	64	Октябрь	31	15	46
Декабрь	25	24	49	Ноябрь	35	13	48
Январь 1904 г.	18	12	30	Декабрь	39	18	57
Февраль	21	14	35	Январь 1905 г.	36	54	90
Март	12	21	33	Февраль	36	65	101
Апрель	14	9	23	Март	52	103	155
Май	22	18	40	Апрель	24	58	82
Июнь	16	7	23	Май	21	53	74
				Июнь	34	84	118

Как видно, спад в переписке приходится на декабрь 1903 — сентябрь 1904 г., на самый тяжелый период внутрипартийного кризиса, характеризовавшийся обострением и углублением борьбы между большевиками и меньшевиками, в которую оказались вовлеченными все местные социал-демократические организации России.

Постепенное оживление переписки наблюдается с конца 1904 г. (только за три недели января 1905 г. число писем превысило переписку всего предыдущего месяца). Оно совпадает с укреплением позиций большевиков в России и за границей, созданием ими своих центров — БКБ и главное редакции печатного органа «Вперед». Затем интенсивность переписки возрастает неуклонно (с небольшим ослаблением в период отъезда делегатов на III съезд РСДРП). Причем резко увеличивается число писем из России. С началом и развитием революции строгость конспирации в переписке несколько ослабевает (соответственно возрастает число подлинников).

Более 10% писем, составляющих переписку с Россией, опубликованы по перлюстрациям. Общее число перлюстрированных писем значительно больше. Исключительно в виде перлюстраций или копий с писем, захваченных полицией при обысках и арестах, сохранилась внутренняя переписка между партийными учреждениями и организациями в России.

Полицейским чиновникам удавалось проявить химический текст, иногда полностью или частично правильно прочесть зашифрованные места, а некоторые псевдонимы раскрыть. Перлюстрации снабжались заголовком, куда вносились данные с конверта, а также другие дополнительные сведения, которыми располагала полиция, например: «Копия письма Надежды Крупской из Парижа от 18/5 января 1905 г. в Петербург,

¹⁹ Именно так нередко писал В. С. Бобровский из Тифлиса. Приведем выдержку из его письма Н. К. Крупской, где он сообщал об усилении примиренческих настроений в ЦК РСДРП к лету 1904 г.: «Лично я скажу Вам, что вынесла из личного свиданья с папашей впечатление, что папаша наш не устоит против чар обиженой вдовы и предложит ей руку и сердце. Вдова эта, конечно, предпочитает сделать это без лишних проволочек, без попа, лишь бы скорее привязаться к несчастному папаше. По крайности папаша открыто заявил, что все дети вдовы уже признаны им за учтивых и благоправных. Но не есть ли это шаг к тому, чтобы завтра представить нам вдовушку в качестве нашей второй мамашы? Возможно, что я ошибаюсь, но, по-моему, в личных признаниях папаши явно сквозили нотки, говорившие о дальнейшем развитии его миролюбия и любвеобилия» (Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, с. 332).

село Александровское, зуболечебный кабинет Шура»²⁰ или: «Копия письма с подписью „Нация“ из С.-Петербурга от 24 января 1905 г. к Лейтнеру, в Нюрнберг, Лоблейн-штрассе, 34, Колониальная торговля»²¹ и, наконец, «Выписка из письма из Лейпцига от 6 февраля 1905 г. к Н. Н. Лебедеву. Петербург, Государственный контроль. Департамент Гражданской отчетности (Письмо большинства, писал известный по Киеву Медведь)»²².

Адреса, взятые с конверта, были промежуточными, через которые пересылалось письмо. В первом случае в действительности письмо было послано Крупской из Женевы члену Петербургского комитета РСДРП В. В. Липшицу; во втором — член БКБ и Петербургского комитета РСДРП С. И. Гусев («Нация») из Петербурга писал лично Ленину в Женеву.

Дата, обычно установленная по почтовому штемпелю, указывала время отправки письма с этого адреса. В действительности письмо было написано несколько раньше. Так, в третьем примере полицейский заголовок относится к письму Крупской из Женевы Гусеву, написанному 4 февраля (22 января), т. е. на два дня раньше, чем указано в заголовке, и, очевидно, переписанному М. И. Ульяновой («Медведь»), которая послала его в Лейпциг. Из Лейпцига оно 6 февраля (24 января) было отправлено в Петербург.

Таким образом, при подготовке публикации перлюстрации могли быть единственным источником письма, иметь текст более полный или несколько отличный от сохранившегося в заграничном архиве и тем самым позволяли представить текст или один из его вариантов, непосредственно отправленный адресату, или служили основанием для датировки и несли некоторую дополнительную информацию.

Кроме писем, адресованных определенным лицам или организациям, в публикацию включены письма-обращения ко всей партии и так называемые открытые письма к отдельным лицам или учреждениям, предназначенные и для широкого ознакомления, которые обычно издавались листовками, помещались на страницах печатных органов.

Таковы обращение «К партии», «Письмо к товарищам (к выходу органа партийного большинства)», «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией», письма В. И. Ленина, членов редакции «Вперед» и уполномоченного БКБ А. М. Эссена к Г. Грейлиху и ЦК РСДРП к Плеханову²³, автором которых был Ленин, письмо Тверского комитета РСДРП редакции новой «Искры», заявление Сибирского союза РСДРП, письмо Женевской группы большевиков сторонникам большинства за границей, открытое письмо М. Н. Лядова Плеханову²⁴ и др.

Корреспонденты из России нередко включали в письма или прикладывали к ним различные документы: резолюции, заявления, выдержки из протоколов и т. п. Органически вошедшие в текст писем документы публикуются полностью как составная часть письма. В остальных случаях сведения о них или полные тексты даны в примечаниях²⁵.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 1, лит. А, л. 34; см. также: Переписка... 1903—1905 гг., т. 3, док. 1006.

²¹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 5, ч. 1, лит. А, л. 36; см. также: Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 92.

²² ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1905 г., д. 1360, л. 8; см. также: Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 77.

²³ Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, док. 674; т. 3, док. 899, 957; Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 67; т. 2, док. 125.

²⁴ Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, док. 489, 604, 631, 610.

²⁵ Как исключение в основном тексте опубликованы резолюции Южлой, Кавказской и Северной конференций большевистских комитетов РСДРП, состоявшихся в России в октябре — декабре 1904 г. (Переписка... 1903—1905 гг., т. 3, док. 786, 877, 916) и имевших принципиально важное значение для всей партии. Они упоминались и цитировались во многих письмах; к тому же резолюции Кавказской конференции опубликованы в «Переписке...» полностью впервые.

В публикацию включены материалы «Почтового ящика» «Вперед», представляющие собой по форме и содержанию письма, отличающиеся лишь способом передачи (через газету).

С момента организации в Женеве редакции «Вперед» отбор для публикации писем из России осложнился необходимостью выделять партийную переписку из многочисленных корреспонденций о рабочем движении и революционных событиях. Границы здесь весьма расплывчаты и подвижны. Наличие присущего письмам формуляра (обращения, типичной заключительной фразы и подписи) не может служить определяющим критерием. Обычно критерием служило присутствие в документе информации по партийным вопросам, при этом не могла быть исключена известная субъективность оценки.

Параллельно с отбором документов для публикации приходилось решать вопрос о выборе текста письма из нескольких сохранившихся вариантов. Исходя из характера и задач издания, предпочтение отдавалось тексту, отправленному адресату. Нередко выбор падал на перлюстрацию, так как автограф или копия оказывались более краткими. Все варианты, а также сколько-нибудь существенные расхождения оговаривались в подстрочных примечаниях.

Несколько слов о передаче текста ленинских писем. Если в Полном собрании сочинений В. И. Ленина во главу угла ставился, естественно, ленинский автограф, то для издания «Переписки...» важен текст письма, максимально близкий к тексту, отправленному адресату. Поэтому ленинские письма публикуются в «Переписке...» с пометами, приписками и правкой Крупской. Именно Крупская нередко проставляла на письме дату, указывала адресата. Правка в тексте обычно касалась псевдонимов, адресов и т. д., но бывала и более существенной: по просьбе Ленина Крупская опускала особенно резкие места, смягчала отдельные выражения. При наличии ленинского автографа письма и текста этого же письма, подготовленного для отправки адресату, в случае значительных разночтений публиковались оба текста²⁶.

Все тексты дважды сверялись с подлинниками. В ряде случаев в опубликованных ранее документах некоторые слова были разобраны впервые или прочтены по-новому, отчего отдельные фразы приобрели несколько иной и более ясный смысл. При передаче текста писем впервые воспроизведен цифровой шифр (раскрытый или предназначенный для шифровки — в подстрочных примечаниях, нерасшифрованный — в тексте). Во-первых, это отражает своеобразие публикуемых документов; во-вторых, дает материал для исследователей, которые, возможно, заинтересуются способами шифровки и сумеют расшифровать строки писем, оставшиеся непроцртенными. Зашифровывались обычно адреса, явки, пароли, псевдонимы, названия городов, ключи шифров и некоторые другие сведения. Довольно часто для шифровки использовались хорошо известные стихотворные произведения. Известны различные ключи шифров. Один из самых простых: знаменатель дроби обозначает номер строки, числитель — номер буквы в ней. В процессе работы над публикацией удалось прочесть зашифрованные части текста в 18 документах (расшифровка была произведена В. Н. Степановым).

При передаче текста самое серьезное внимание обращалось на авторскую правку. Слова и фразы, зачеркнутые по конспиративным соображениям, восстановлены в угловых скобках, зачеркнутые или замененные при редактировании, но имеющие смысловое значение, приводятся в подстрочных примечаниях.

Важным моментом является определение принципа систематизации документов. Подготовители сразу отказались от выделения в отдельный раздел писем Ленина, что нередко делается в местных изданиях. Такой подход нарушает органическую связь между содержанием документов.

²⁶ См., например: Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, док. 410, 437, 486, 526, 597, 688, 700; т. 3, док. 881 и др.

Письма Крупской неотделимы от писем Ленина. Часть их написана по прямым указаниям Ленина («Старик просит передать»), в большей их части передается ленинская мысль. То же самое можно сказать о многих письмах Заграничного отдела ЦК.

Один из возможных вариантов расположения писем — по корреспондентскому признаку (именно так формировала переписку сама Крупская). Такой принцип был принят в небольших подборках партийной переписки в журнале «Пролетарская революция» в середине 20-х годов, а также в региональных сборниках. Он имеет свои достоинства и недостатки. При публикации большого комплекса документов этот принцип менее приемлем. Переписка с отдельными организациями и лицами неравномерна по объему, не совпадает по хронологическим рамкам. При систематизации материала по корреспондентам составить общую картину истории партии в развитии было бы очень трудно. Кроме того, часто информация о положении в одной организации содержится в письмах, предназначенных для другой. Например, высокая оценка деятельности Петербургского комитета РСДРП по срыву выборов рабочих представителей в правительственную комиссию под председательством сенатора Н. В. Шидловского содержится в письмах Крупской в Одессу, Баку, Ярославль²⁷. В свою очередь, в письмах в Петербург сообщались сведения, касающиеся Одесского, Екатеринославского и других комитетов.

В издании принят единый хронологический порядок расположения документов, соответствующий естественному ходу переписки и позволяющий следить за последовательностью смены тем и вопросов, волновавших партию. Он тоже имеет свои неудобства. Однако они компенсируются соответствующим научно-справочным аппаратом.

В заголовке от составителей к каждому документу указываются подлинные фамилии авторов и адресатов, а также названия городов, где они находились. Одна строчка заголовка, включающая четыре понятия (кто, откуда, кому, куда), подчас является результатом целого исследования.

Ограничимся двумя примерами поиска.

Несколько писем, поступивших на имя Ленина в январе—марте 1905 г., имеют подписи: Гросвальд и Стояновский²⁸. Судя по содержанию, некоторые из них являются ответами на письма Ленина, тексты которых не обнаружены. Между обоими корреспондентами видна тесная связь. Каждое из этих писем зафиксировано в Биохронике В. И. Ленина²⁹ как принадлежащее М. В. Стояновскому (подлинная фамилия) и Гросвальду (судя по написанию фамилии — мужчина). Местонахождение корреспондентов также не указано.

При работе над этими письмами местонахождение корреспондентов подготовителями было установлено довольно просто — по обратному адресу, указанному в одном из писем, — Париж, ул. Веронез, д. 9. При изучении биографии М. В. Стояновского выяснилось, что в начале 1905 г. он находился в Сибири, данных о том, что он выезжал за границу, не было обнаружено. Таким образом, М. В. Стояновский как автор рассматриваемых писем отпадал. Начался поиск другого Стояновского. Изучение агентурных данных Департамента полиции о русских эмигрантах во Франции результатов не дало: Стояновский в них не значился. А вот поиск Гросвальда привел к успеху: эта фамилия оказалась зафиксированной в именной картотеке Департамента полиции с отсылкой к личному делу П. И. Нечаева³⁰. По данным полиции, в Париже в интересующее нас время на ул. Веронез, 9, на квартире, снимавшейся русской эмигранткой Е. Гросвальд (как выяснилось, социал-

²⁷ Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 310, 311, 313.

²⁸ Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 10, 91, 93, 106.

²⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. М., 1971, т. 2. 1905—1912, с. 4, 13, 27—28, 215.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1902, г., д. 573.

демократкой, работавшей раньше пропагандисткой в Петербурге), проживавший русский эмигрант, бывший наборщик типографии Сытина в Москве социал-демократ П. И. Нечаев. Подготовители вернулись к анализу содержания писем Стояновского и Гросвальд. В них шла речь об организации печатания большевистских документов на имевшемся в их распоряжении ручном печатном станке, было ясно, что Стояновский связан с Московским союзом типографских рабочих. Итак, напрашивался вывод о том, что «Стояновский» — не настоящая фамилия, а псевдоним П. И. Нечаева. Наконец, было найдено и прямое доказательство — автограф заявления Нечаева о возвращении ему рукописей, взятых полицией при обыске в 1904 г.³¹ При сравнении автографов Стояновского и Нечаева была установлена их идентичность, что сделало предположение бесспорным фактом.

Другим путем была выяснена настоящая фамилия лица, переписывавшегося в январе — марте 1904 г. с Заграничным отделом ЦК РСДРП и лично с Крупской под псевдонимом «Писатель»³². Из содержания переписки было очевидно, что это большевик, направленный в Россию Заграничным отделом ЦК, работавший в Николаеве, входивший в местный комитет, где вместе с ним работал еще один большевик — «Макар» и два примиренца. Несколько документов подписаны «Писателем» вместе с «Макаром», письма Крупской и Заграничного отдела ЦК адресовались также им вместе — «Писателю и Макару». Второй псевдоним хорошо известен — он принадлежал видному члену партии В. П. Ногину. Последнее письмо «Писателя» из Николаева имеет дату 4 марта (20 февраля), Ногина — 15(2) марта 1904 г., а 24(11) марта И. Х. Лалаянц из Южного бюро ЦК в Одессе написал Заграничному отделу ЦК о првале в Николаеве. В следующих письмах сообщались подробности: сначала была захвачена типография, потом арестованы К. и М.³³

По материалам Департамента полиции³⁴ установлено, что в Николаеве была захвачена типография и 20(7) и 21(8) марта арестован ряд членов социал-демократической организации. Среди арестованных 21(8) марта были члены комитета, имевшие паспорта на имя Н. П. Соколова и П. Н. Федякина, позднее открывшие свои настоящие фамилии — В. П. Ногин и В. А. Радус-Зенькович. Итак, вместе с Ногинным в Николаеве был арестован видный большевик Радус-Зенькович. Из воспоминаний Радус-Зеньковича следует, что действительно в указанное время он работал с Ногинным в Николаеве под именем Петра Никитича Федякина³⁵. Изучение переписки показывает, что Заграничный отдел ЦК в это время имел в Николаеве связь только с «Макаром» и «Писателем». Каждый из них подчеркивал, что ведет работу вдвоем.

Таким образом, логичен вывод о том, что «Писатель» и Радус-Зенькович (Федякин) — одно лицо. Но в письмах И. Х. Лалаянца и П. Ф. Кулябко из Южного бюро ЦК и ответных письмах Крупской речь шла об аресте вместе с М[акаром] некоего К., а не «Писателя». Потребовались дополнительные поиски. В автобиографии, написанной в 30-е годы для Всесоюзного общества старых большевиков, Радус-Зенькович, вспоминая о женовском периоде своей жизни (1902—1903 гг.), писал, что жил с паспортом на имя Ковалевского, работал в типографии «Искры»³⁶. Под этой фамилией он, очевидно, был известен Крупской, Лалаянцу и его жене Кулябко, одновременно с ним работавшим в женевских партийных учреждениях. Именно Лалаянц 7 декабря (24 ноября) 1903 г. просил

³¹ ЦГАОР СССР, ф. МОО, Общ. канц., 1902, д. 865, л. 184.

³² Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, док. 434, 462, 465, 481, 482, 503, 504, 520. В украинском сборнике, где ранее опубликованы эти письма, псевдоним не расшифрован (см. док. 430, 433, 434 и др.).

³³ Там же, док. 523, 531, 538, 559, 560.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7 д-во, 1904 г., д. 854, л. 20—22.

³⁵ Радус-Зенькович В. А. Страницы героического прошлого: Воспоминания и статьи. М., 1960, с. 18.

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1586, л. 5—6 об.

Заграничный отдел ЦК РСДРП направить Ковалевского для укрепления Николаевского комитета РСДРП³⁷. В свою очередь, Крупская в одном из писем называла среди выехавших в Россию партийных работников Ковалевского³⁸. Таким образом, К.— это Ковалевский, он же Радус-Зенькович («Писатель»)³⁹.

В обоих приведенных случаях речь шла о расшифровке определенных псевдонимов.

Нередко подготовителям приходилось сталкиваться с письмами, в которых не указаны ни псевдонимы, ни названия города или организаций. В этих случаях авторство устанавливалось только путем анализа и сопоставления содержания переписки.

Приведем простейший пример такого рода — копия письма неизвестного, как видно по содержанию, из Петербурга, с пометой Крупской: «Получено 20/1, № 6»⁴⁰. От того же числа имеется письмо Крупской «Серафиму» (псевдоним члена Петербургского комитета РСДРП С. Н. Афанасьевой), начинающееся словами: «Дорогой друг! Все Ваши письма получены. Последние № 6, № 5...»⁴¹. Письмо, полученное от Савелия (также псевдоним Афанасьевой) двумя днями раньше имело пятый номер⁴². Отсюда — вывод, что письмо неизвестного № 6, полученное 20 января, также от Афанасьевой.

Можно ли указать какие-то общие пути или приемы, применявшиеся для установления авторов и адресатов писем и расшифровки партийных псевдонимов⁴³. Как видно из примеров, их множество, использовавшихся в самом разнообразном сочетании и последовательности. Попробуем выделить основные.

Прежде всего это поиск готовой расшифровки.

К настоящему времени большинство псевдонимов революционеров социал-демократов и членов РСДРП уже раскрыто.

Самым большим собранием партийных псевдонимов является именной указатель к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. За период 1900—1903 гг. наиболее полный перечень псевдонимов содержит именной указатель к публикации переписки Ленина и редакции газеты «Искра», за последующие годы — указатели к томам анализируемого издания. Множество псевдонимов включают указатели к Ленинским сборникам, к изданиям протоколов партийных съездов, Украинскому сборнику, а также примечания к документальным подборкам по истории революционного социал-демократического движения в журналах «Пролетарская революция», «Красный архив», «Летопись революции» и др.

Однако отсутствие сводного указателя раскрытых псевдонимов делает этот путь достаточно трудоемким. Роль сводного указателя должен был сыграть библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», пятый том которого посвящался социал-демократам. К сожалению, издание осталось незавершенным⁴⁴. Вышедшие в 1931—1933 гг. два выпуска включили фамилии и псевдонимы на буквы А—Г.

³⁷ Переписка... 1903—1905 гг., т. 1, док. 333.

³⁸ Там же, т. 2, док. 422.

³⁹ Попутно небезынтересно отметить, что и в автобиографии, и в упоминавшихся воспоминаниях Радус-Зенькович не называет этого псевдонима, а пишет, что имел в Николаеве псевдоним «Егор». Более того, в 1960 г. на вопрос подготовителей подборки «Из переписки Н. К. Крупской с социал-демократическими организациями Украины» (для журнала «Исторический архив») о псевдониме «Писатель» высказал предположение, что он принадлежал И. Ф. Дубровинскому. Это является ошибкой, т. к. Дубровинский в то время не был в Николаеве (ИА, 1960, № 3, с. 103).

⁴⁰ Там же, т. 3, док. 1018.

⁴¹ Там же, док. 1019.

⁴² Там же, док. 1003.

⁴³ Кроме установления авторов и адресатов писем, множество псевдонимов разных лиц, упоминавшихся в тексте писем, требовало расшифровки.

⁴⁴ Неполный подготовительный материал для дальнейших выпусков хранится в ЦГАОР СССР, в фонде Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Другим источником выяснения псевдонимов являются воспоминания и автобиографии участников революционного движения, как опубликованные, так и неопубликованные⁴⁵. Но в этом случае невозможен путь розыска «от псевдонима». Если известен город или организация, откуда пришло или куда адресуется письмо, то по литературе и другим источникам предварительно выясняются фамилии лиц, работавших в местной социал-демократической организации в определенное время, а затем по их воспоминаниям — лицо, носившее подлежащий расшифровке псевдоним.

Поскольку переписка как вид источника по своему характеру представляет цепь тесно связанных по содержанию документов, основной путь для определения авторов и адресатов — анализ содержания писем и их сопоставление между собой. Связь между письмами ни в коем случае не сводится к двусторонней (корреспондент — адресат) или, если так можно выразиться, линейной (по линии переписки с определенной организацией). Это взаимосвязь всесторонняя, комплексная. Одна и та же информация доводится до сведения многих организаций, сведения, полученные от одного корреспондента с оценкой и комментариями, передаются по разным адресам. Это положение можно проиллюстрировать на примере работы с письмом Ленина от 9 марта 1905 г., опубликованным в Полном собрании его сочинений как письмо «неустановленному адресату»⁴⁶. В «Переписке...» оно обрело вероятного адресата и большую ясность содержания благодаря сопоставлению с еще четырьмя письмами: из Женевы в Петербург и Баку и из Парижа в Женеву, три из которых раньше не публиковались⁴⁷. Из содержания выясняются факты, которые становятся отправными точками для поиска. Важны и перспективны для последующей разработки сведения об аресте, работе или знакомстве с хорошо известными лицами, а также упоминание полученных или отосланных писем, резолюций и других документов. Самые незначительные на первый взгляд моменты в совокупности могут привести к результату. Например, обращение Крупской «Дорогая моя!» значительно ограничивает круг возможных адресатов.

Во всех случаях необходимо тщательное изучение биографий предполагаемых авторов и адресатов и соотнесение биографических данных, включая политическую позицию, с содержанием переписки.

Следует учитывать, что в близкие или даже совпадающие хронологические отрезки несколько лиц скрывались под одинаковыми псевдонимами, что порождает ошибки при расшифровке. Целый ряд социал-демократов одновременно имели псевдонимы «Александр» (Я. М. Гринцер, А. П. Смирнов), «Алексей» (А. Ф. Войткевич, М. С. Лещинский, Н. И. Малинин), «Андреев» (А. Я. Ветров, С. Е. Ярошевский), псевдоним «Антон» принадлежал и М. С. Макадзюбу и И. И. Страшинскому, «Том» — В. Д. Бонч-Бруевичу и Е. Н. Буренину.

Особенно сложны случаи, когда почти одновременно в социал-демократическом движении участвовали лица с совпадающими подлинными фамилиями и псевдонимами. Рассмотренный случай со Стояновским — не единственный.

Дополнительным способом проверки является сличение почерков (к сожалению, такая возможность представляется крайне редко, так как большинство писем, как уже указывалось, сохранилось в копиях).

Не всегда предположение подготовителей находило совершенно бесспорное подтверждение. В этих случаях в заголовке при фамилии или названии города ставился в скобках вопросительный знак.

⁴⁵ Последние сосредоточены преимущественно в фондах Всесоюзного общества старых большевиков (ЦПА ИМЛ), Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев (ЦГАОР СССР), личных делах персональных пенсионеров в фонде Министерства социального обеспечения (ЦГА РСФСР).

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 18—19.

⁴⁷ Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 307, 125, 311, 214, 236.

**Уточнения, внесенные в заголовки к ранее опубликованным документам,
при подготовке «Переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП
с партийными организациями»**

Т а б л и ц а 1
Уточнение авторства

Предыдущие издания	Автор	«Переписка...», № док.	Автор
		1903—1905 гг.	
Украинский сборник, с. 399, 405, 410	Писатель	462, 482, 504	В. А. Радус-Зенькович
Ленинский сборник X, с. 321—322	Г. М. Кржижановский	467	В. Л. Копп
Украинский сборник, с. 447	Член Южного бюро ЦК РСДРП И. А.	694	В. В. Воровский
Там же, с. 463	Н. К. Крупская	835	Л. А. Фотиева по поручению В. И. Ленина
Ленинский сборник XV, с. 256	Письмо из Баку	860	В. С. Бобровский
Там же, с. 243—245	Н. К. Крупская	864	В. И. Ленин
ПР, 1925, № 3 (38), с. 10—12	222	917	В. В. Липшиц
Там же, с. 18—20	Автор неизвестен	931, 1018	С. Н. Афанасьева
Там же, с. 21—24	Автор неизвестен	958	В. В. Липшиц
Там же, с. 24—25	Автор неизвестен	962	А. А. Богданов
Украинский сборник, с. 483	Из Одессы	975	Л. М. Книпович
		1905—1907 гг.	
ПР, 1925, № 5 (40) с. 42—43	Автор неизвестен	172,	Н. Н. Аладжалова
Украинский сборник, с. 504—507, 531—533, 538—539	Л. Роцин	72, 196, 264	А. А. Санин
Там же, с. 521—522, 577—578	Аполлинария	123, 432	Д. А. Лазуркина
ПР, 1925, № 4 (39), с. 29	Савелий № 10	212	С. Н. Афанасьева
Там же, № 5 (40), с. 48—50	Автор неизвестен	374	М. Г. Торшелидзе
Украинский сборник, с. 578—579	Организатор Одесского комитета	433	О. И. Виноградова

Самостоятельное значение для выяснения авторов и адресатов имеют тетради, в которые Крупская заносила тексты писем, указывая на обложке псевдоним лица, с которым велась переписка.

При включении в публикацию ранее опубликованных документов проводилась перепроверка всех элементов заголовка, исправлялись отдельные ошибки и неточности (см. табл. 1—3).

Письма из-за границы датировались их авторами по новому стилю, из России — по старому. Поэтому при публикации указываются два стиля — новый и в скобках старый.

Около четверти выявленных документов не имели дат. Они устанавливались⁴⁸ точно или приблизительно по целому ряду позиций: пометам о получении, ответах, но чаще всего по содержанию (по упоминаемым в тексте событиям и фактам). Здесь, как и при определении авторов и

⁴⁸ Все ранее опубликованные документы, не имевшие точных дат в тексте, датировались при подготовке настоящего издания заново.

Таблица 2
Уточнение адресата

Предыдущие издания	Адресат	«Переписка...», № док.	Адресат
		1903—1905 гг.	
Украинский сборник, с. 377	Киевский комитет РСДРП	95	Томский комитет РСДРП
Украинский сборник, с. 398, 400, 405, 409, 416	Писатель	434, 465, 481, 499, 520	В. А. Радус-Зевькович
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 379—380	М. С. Макадзюб	726	Н. Н. Страшинский
Там же, с. 383—384	В. П. Ногин	734	Нижегородский комитет и О. И. Чачина
Украинский сборник, с. 451	А. П. Доливо-Добровольский в Одессе	742	Владимир в России
Там же, с. 378	В. А. Вановский	768	А. В. Фабричный
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 389—391	И. И. Радченко	806	Аркадий
Там же, с. 401—402	Петербургская организация РСДРП	812	П. И. Кулябко
Там же, с. 410	Неустановленный адресат	876	И. А. Пятницкий
Там же, с. 423—424	Р. С. Землячка	904	О. Ф. Попова
Там же, с. 432—433	А. Я. Исаенко	936	О. Ф. Попова
ПР, 1925, № 3(38), с. 28—29, 38—39	Неустановленный адресат	961, 1019	С. Н. Афанасьева
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 47, с. 1—4	Товарищ в России	965	Г. Д. Лейтейзен в Бомоне (?)
ПР, 1925, № 3(38), с. 27	Неустановленный адресат	987	Р. С. Землячка
		1905—1907 гг.	
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 47, с. 10	Секретарь БКБ	35	А. А. Богданов
Там же, с. 18	Неустановленный адресат	307	П. А. Красилов (?) в Париже
Украинский сборник, с. 518—520, 534, 544, 550—552, 564—565	Роцин	116, 209, 248, 328, 380	А. А. Санин
Там же, с. 575	Одесский комитет	419	В. Л. Богрова

адресатов, большую помощь оказывают материалы Департамента полиции. Первая фраза письма В. В. Вакара к Ленину: «Пишу Вам из поезда, который приближается к русской границе» — дала возможность по материалам агентурного наблюдения установить, что на пограничную станцию Вакар прибыл 22(9) января 1904 г.⁴⁹, и, таким образом, датировать его письмо: «Не позднее 22(9) января». В предыдущей публикации оно было отнесено к началу марта 1904 г.⁵⁰

Датировка писем, не имевших точных дат в тексте, производилась дважды. Сначала ориентировочная — с целью распределения выявленных для всего выпуска документов по отдельным томам, и затем окончательная — при непосредственной работе над очередным томом. Естественно, что на втором этапе происходила передатировка отдельных документов, которая иногда выводила их за хронологические рамки тома.

В двух случаях даты уже напечатанных документов были уточнены только в процессе работы над следующими томами, что вызвало необходимость их повторной публикации. Об одном из них — письме редакции

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1900, л. 193, л. 27.

⁵⁰ Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, док. 436; Украинский сборник, док. 443.

Таблица 3

Уточнение датировки

Предыдущие издания	Дата	«Переписка...», № док.	Дата
		1903—1905 гг.	
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 433	Декабрь 1904 г.	17	6 сентября (24 августа) 1903 г.
Украинский сборник, с. 371—372	Позднее 13 сентября (31 августа) 1903 г.	62	22(9) сентября 1903 г.
Ленинский сборник VII, с. 86	14(1) октября 1903 г.	113	8 октября (25 сентября) 1903 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 311—313	Октябрь 1903 г.	115	Между 9 и 11 октября (26 и 28 сентября) 1903 г.
Там же, с. 311	Октябрь 1903 г.	116	Позднее 10 октября (27 сентября) 1903 г.
Там же, с. 437—442	Октябрь 1903 г.	118	Позднее 10 октября (27 сентября) 1903 г.
Украинский сборник, с. 381—382	Ранее 30(17) октября 1903 г.	152	19(6) октября 1903 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 8, с. 93—97	8 декабря (25 ноября) 1903 г.	312	Ранее 2 декабря (19 ноября) 1903 г.
Третий съезд РСДРП*, с. 246	После 28(15) декабря 1903 г.	408	Позднее 6 января 1904 г. (24 декабря 1903 г.)
Украинский сборник, с. 410—411	Ранее 5 марта (21 февраля) 1904 г.	436	Не позднее 22(9) января 1904 г.
Третий съезд РСДРП, с. 228—234	Не ранее декабря 1903 г.	444	Позднее 27(14) января 1904 г.
Украинский сборник, с. 398—399	23(10) января 1904 г.	447	29(16) января 1904 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 8, с. 164—169	Не ранее 18(31) января 1904 г.	454	Позднее 1 февраля (19 января) 1904 г.
Третий съезд РСДРП, с. 243—244	28(15) марта 1904 г.	487	Ранее 28(15) февраля 1904 г.
Там же, с. 108—110	9 марта (25 февраля) 1904 г.	489	Ранее 29(16) февраля 1904 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 354—356	Февраль 1904 г.	490	29(16) февраля 1904 г.
Украинский сборник, с. 430	24(11) мая 1904 г.	609	6 июня (24 мая) 1904 г.
Ленинский сборник XV, с. 98—99	Позднее 19(6) июля 1904 г.	651	Позднее 23(10) июля 1904 г.
Украинский сборник, с. 441	Вторая половина июля 1904 г.	675	Ранее 14(1) августа 1904 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 372	Не ранее 28(15) августа 1904 г.	690	Позднее 18(5) августа 1904 г.
Украинский сборник, с. 447—449	Ранее 26(13) сентября 1904 г.	694	Ранее 25(12) августа 1904 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 369—370	Между 18(5) и 31(8) августа 1904 г.	698	31(18) августа 1904 г.
Ленинский сборник XV, с. 128—132	Около 1 сентября (19 августа) 1904 г.	701	31(18) августа 1904 г.
Третий съезд РСДРП, с. 309—311	В первой половине сентября 1904 г.	715	Позднее 7 сентября (25 августа) 1904 г.
Ленинский сборник XV, с. 217—219	Конец сентября 1904 г.	786	18(5) октября 1904 г.

* Третий съезд РСДРП: Сб. док. и материалов. М., 1955.

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

Предыдущие издания	Дата	«Переписка...», № док.	Дата
Третий съезд РСДРП, с. 99	Октябрь 1904 г.	799	Ранее 26(13) октября 1904 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 386–387	Позднее 5 октября (22 сентября) 1904 г.	807	28(15) октября 1904 г.
Там же, с. 386	Позднее 5 октября (22 сентября) 1904 г.	808	28(15) октября 1904 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 387	Позднее 5 октября (22 сентября) 1904 г.	809	28(15) октября 1904 г.
Там же, с. 401–402	Октябрь – декабрь 1904 г.	812	30(17) октября 1904 г.
ПР, 1925, 3(38), с. 26–27	Конец декабря 1904 г.	842	Позднее 14(1) ноября 1904 г.
Третий съезд РСДРП, с. 106	После 14(1) сентября 1904 г.	853	21(8) ноября 1904 г.
Украинский сборник, с. 471–472	13 декабря (30 ноября) 1904 г.	894	10 декабря (27 ноября) 1904 г.
Третий съезд РСДРП, с. 48–50	Декабрь 1904 г.	916	Ранее 21(8) декабря 1904 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 46, с. 428	Между 23(10) декабря 1904 г. и 4 января 1905 г. (28 декабря 1904 г.)	928	26(13) декабря 1904 г.
Там же, с. 427	Между 23(10) декабря 1904 г. и 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.)	929	26(13) декабря 1904 г.
Там же, с. 432–433	26(13) декабря 1904 г.	936	30(17) декабря 1904 г.
Там же, с. 429–431	Не ранее 25(12) декабря 1904 г.	940	31(18) декабря 1904 г.
Третий съезд РСДРП, с. 319–321	Конец декабря 1904 г. — начало января 1905 г.	1011	Ранее 19(6) января 1905 г.
		1905–1907 гг.	
Украинский сборник, с. 515–516	Позднее 4 февраля (22 января) 1905 г.	195	23(10) февраля 1905 г.
ПР, 1925, № 2(37), с. 41–46	[Февраль] 1905 г.	201	25(12) февраля 1905 г.
ПР, 1925, № 4(39), с. 29	9 марта (24 февраля) 1905 г.	212	Позднее 26(13) февраля 1905 г.
Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг. Док. и материалы. Минск, 1955, с. 132–135	17(4) июня 1905 г.	243	Позднее 2 марта (17 февраля) 1905 г.
Украинский сборник, с. 544	9 марта (24 февраля) 1905 г.	248	3 марта (18 февраля) 1905 г.
ПР, 1925, № 2(37), с. 46–49	[Февраль] 1905 г.	254	4 марта (19 февраля) 1905 г.
Там же, с. 50–53	[Февраль] 1905 г.	260	5 марта (20 февраля) 1905 г.
<i>Ленин В. И.</i> Полн. собр. соч., т. 47, с. 16–18	Начало марта 1905 г.	279	Не позднее 8 марта (23 февраля) 1905 г.
ПР, 1925, № 4(39), с. 23–24	[Февраль] 1905 г.	321	12 марта (27 февраля) 1905 г.
Украинский сборник, с. 555–556	Позднее 16(3) марта 1905 г.	323	12 марта (27 февраля) 1905 г.
Третий съезд РСДРП, с. 334–338	Март 1905 г.	348	16(3) марта, 1905 г.

Таблица 3 (окончание)

Предыдущие издания	Дата	«Переписка...», № док.	Дата
ПР, 1925, № 5(40), с. 19–21	[Начало января] 1905 г.	361	Позднее 19(6) марта 1905 г.
Украинский сборник, с. 570–572	Ранее 25(12) марта 1905 г.	363	Ранее 20(7) марта 1905 г.
ПР, 1925, № 2(37), с. 62–64	[Март] 1905 г.	364	20(7) марта 1905 г.
Третий съезд РСДРП, с. 92–94	12 апреля (30 марта) 1905 г.	365	20(7) марта 1905 г.
ПР, 1925, № 4(39), с. 32–33	[Март] 1905 г.	378	22(9) марта 1905 г.
ПР, 1925, № 2(37), с. 53–55	[Февраль] 1905 г.	394	23(10) марта 1905 г.
Там же, с. 62	[Март] 1905 г.	403	24(11) марта 1905 г.
ПР, 1925, № 5(40), с. 50–51	Двадцатые числа марта 1905 г.	422	Ранее 28(15) марта 1905 г.
Третий съезд РСДРП, с. 219	12 апреля (30 марта) 1905 г.	447	29(16) марта 1905 г.
Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 694–697	Апрель 1905 г.	462	Конец марта 1905 г.

«Вперед» В. И. Невскому — расскажем подробнее. В январе 1905 г. Невский был направлен редакцией «Вперед» в Россию и с февраля довольно регулярно переписывался с Женевой. В фонде редакции сохранилось письмо к нему (автограф М. И. Ульяновой), не имевшее никаких ориентиров для датировки. В последней фразе с зашифрованным текстом «141, 412, 254, 611, 623, 1012, 1311, 1014, 622, 321, 234, 222, идет дружно, напишем, когда выяснится что-нибудь более определенное» были расшифрованы два слова: шифр «141, 412, 254, 611» прочтен как «наши», а «1014, 622, 321, 234, 222» — как «езде». Три цифры, соответствовавшие трем буквам, остались не расшифрованными. Письмо было отнесено к февралю — марту 1905 г. и на основании таблицы учета переписки редакции «Вперед» датировано по возможной дате отсылки — 24(11) марта и опубликовано в первом томе выпуска «Переписка...1905—1907 гг.»⁵¹ При работе над вторым томом привлекли внимание письма М. И. Ульяновой из Жeneвы в Россию от 6 мая (23 апреля), где она примерно в тех же выражениях сообщала, что на III съезде дело идет хорошо, дружно⁵², и давала обещание написать, когда «будет» или «выяснится» «что-либо более определенное»⁵³. Это напоминало частично расшифрованную строку из ее письма Невскому. Возвращение к расшифровке дало вместо «наши 623, 1012, 1311 езде» — «наши на съезде», что сразу позволяло считать письмо написанным не ранее 25(12) апреля 1905 г., а скорее всего, как и аналогичные письма Ульяновой, — 6 мая (23 апреля). С этой датой оно и публикуется во второй раз⁵⁴. К особенностям издания относится датировка по таблицам учета переписки редакции «Вперед» и «Пролетария» (подробнее о самих таблицах будет сказано ниже). В этих случаях письма публикуются с отмеченной в таблице датой отсылки. Такой прием может показаться на первый взгляд недостаточно строгим, но возможная погрешность невелика: один и — крайне редко — два дня; как показало предварительное изучение, чаще письма отсылались в день написания.

⁵¹ Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 402.

⁵² Там же, т. 2, док. 177.

⁵³ Там же, док. 175, 176, 179.

⁵⁴ Там же, док. 178.

В связи с датировкой некоторых писем были проведены исследования, представляющие самостоятельный научный интерес.

Необходимость датировать одно из писем Л. А. Фотиевой накануне III съезда потребовала выяснения такого важного и до сих пор открытого вопроса, как время отъезда Ленина из Женевы на съезд⁵⁵. Сопоставление ряда фактов и документов, изучение расписания поездов Женева — Париж, Париж — Лондон привело к выводу, что Ленин мог выехать из Женевы не ранее вечера 22(9) и не позднее вечера 23(10) апреля⁵⁶.

В результате выяснения подготовителями точной даты одного из писем Ленина к Фотиевой уже после съезда, в свою очередь, была установлена точная дата выступления Ленина в Женеве с открытым рефератом о решениях III съезда РСДРП и меньшевистской конференции⁵⁷.

Специфика публикуемой переписки требует тщательного комментирования содержания писем.

С одной стороны, для переписки характерно обилие фактической информации, с другой — ее недостаточная определенность. Стремление корреспондентов к скорейшей передаче свежей информации и обмену мнениями по поводу нее сочетается с отсутствием точных данных о сообщаемых фактах, событиях, документах. Отчасти это вызвано тем, что речь идет о злободневных явлениях, с полуслова понятных состоящим в переписке лицам, и отчасти тем, что интерес нередко представлял не столько факт сам по себе, сколько оценка его значения для хода событий. Далеко не всегда корреспонденты являются очевидцами или участниками тех событий, о которых сообщают: «говорят», «по слухам» — достаточно часто встречаем в письмах. Следует учитывать и условия, в которых велась переписка. Письма писали в дороге, на конспиративных квартирах, в вечной спешке, в состоянии крайней усталости. «Уже глубокая ночь. Посему не посетуйте, что пишу, может, неясно...»⁵⁸ — из России такие строки не редкость.

Наконец, неполная сохранность переписки приводит к тому, что смысл ответного письма при отсутствии инициативного иногда не может быть понят без дополнительного исследования. Несколько обычных сообщений: «...Совет объявил анафему — отлучение от партии всем, кто примет участие в съезде». — «Сегодня вышел № 55 с возмутительной статьей Аксельрода...» — «Миссия Бориса, говорят, не совсем удачна...» — «Заявлялся к нам один из новых, незаконно кооптированных „новой коллегией“ цекистов...» — «Узнали только что о Шлихтере: он арестован, говорят, с женой»⁵⁹. Речь идет в первом случае о постановлении Совета партии от 8 марта (23 февраля) 1905 г.; затем — о первой части статьи П. Б. Аксельрода «Объединение российской социал-демократии и ее задачи», направленной против организационных принципов строительства партии, провозглашенных ленинской «Искрой»; далее — о состоявшихся 6 сентября (24 августа) 1904 г. в Женеве переговорах члена ЦК РСДРП примиренца В. А. Носкова с меньшевиками Ю. О. Мартовым, И. С. Блюменфельдом и В. Н. Розановым, потребовавшими от ЦК новых уступок; «незаконно кооптированный цекист» — И. Ф. Дубровинский; сообщение об аресте А. Г. Шлихтера не соответствует действительности.

При комментировании по существу проводилась проверка достоверности большей части содержавшегося в переписке фактического материала. Ошибки обычно вкрадывались в сообщения об арестованных лицах, особенно при крупных провалах, хотя встречаются и другие. Например,

⁵⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 58, где указано, что «Ленин выезжает из Женевы в Лондон на III съезд РСДРП» ранее 25(12) апреля, т. е. дня открытия съезда.

⁵⁶ Переписка... 1905—1907 гг., т. 2, док. 121.

⁵⁷ Там же, док. 258, а также: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 34—35; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, т. 2, с. 89—90.

⁵⁸ Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, с. 381.

⁵⁹ Переписка... 1905—1907 гг., т. 1, док. 341; Переписка... 1903—1905 гг., т. 2, док. 402, 738; т. 3, док. 778; т. 2, док. 426.

в июне 1905 г. А. А. Богдановым из Петербурга было передано и затем попало в ряд писем Крупской неверное сообщение о признании и поддержке решений III съезда РСДРП Сибирским союзом, в то время как он продолжал оставаться на меньшевистских позициях, и т. п.

Помимо пояснений, о чем идет речь, и кратких справок о событиях, организациях, периодических изданиях и т. д., в комментариях отмечается публикация или использование писем на страницах газет «Вперед» и «Пролетарий», полностью или частично приводится большое число дополнительных документов.

При комментировании широко применяются перекрестные отсылки, с помощью которых, во-первых, устанавливается прямая связь между документами (отсылка к ответу и упоминаемым в нем полученным письмам); во-вторых, дается отсылка к письмам, где тот или иной бегло упоминаемый вопрос раскрывается более подробно; в-третьих, перекрестные отсылки позволяют избежать повторения комментариев о фактах, уже упоминавшихся и разъяснявшихся раньше.

Кроме комментариев, научно-справочный аппарат издания включает предисловия к каждому выпуску и введения к каждому тому, текстуальные примечания и следующие указатели: произведений В. И. Ленина, периодических изданий, аннотированный именной (содержащий справки на несколько тысяч лиц), партийных организаций, географический.

В приложениях к томам впервые публикуются тетради и таблицы учета переписки редакции «Искры» за сентябрь — октябрь 1903 г. и редакции «Вперед» за декабрь 1904 — март 1905 г.

В редакции «Искры» Крупская вела две отдельные тетради исходящих и входящих писем, включая заграничную переписку. В первой указывалось когда, куда, через какой город и кому отправлено письмо, во второй — когда, откуда, на какой адрес и от кого получено. В редакции «Вперед» в виде таблиц учитывалась только переписка с Россией за каждый месяц. Головка каждой таблицы разбита на графы, в которых указаны города, организации или лица.

В боковике таблицы написаны числа месяца. На месте пересечения этих граф Н. К. Крупская крестиком отмечала отправление письма, а получение — условным номером промежуточного заграничного адреса. При публикации тетрадей и таблиц подготовителями справа введена дополнительная графа для примечаний, в которой указываются номера соответствующих документов в томах. Соотнести письма, отмеченные Крупской в таблицах, с опубликованными далеко не просто, так как в публикации за основу берутся даты написания, в то время как в таблицах — даты отправления и получения. Даты написания и отправления совпадают или разнятся на один-два дня, между написанием и получением промежутков времени довольно значителен. Письма, написанные в России в конце декабря, оказываются занесенными в январскую таблицу и т. д. Кроме того, в таблицах учитывалось отправление одного и того же текста разным адресатам, иногда и число экземпляров.

Публикация таблиц представляет несомненный интерес. Они расширяют представление об объеме связей Ленина и заграничных партийных учреждений с местными организациями, так как отражают посылку и получение несохранившихся писем и тем самым открывают дополнительные возможности для оценки интенсивности, сохранности и степени полноты опубликованной переписки. Так, в таблицах за декабрь 1904 г. отмечено 49 отправленных и 41 полученное письмо, за январь соответственно — 47 и 70, за февраль — 51 и 110 (за два последние месяца подсчеты сделаны Крупской), за март — 65 и 228.

Из зафиксированных в таблицах посланных в Россию писем опубликовано за декабрь 90%, за январь и февраль — по 80%, за март — 75%, что свидетельствует об очень высокой репрезентативности издания⁶⁰.

⁶⁰ Для сравнения укажем, что в переписке секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями за март — октябрь 1917 г. «сохранились и являются

При сопоставлении таблиц и опубликованных писем из России следует учитывать, что не все полученные за границей и отмеченные в таблице письма были прочитаны, а следовательно, могли быть скопированы и отложиться в архиве: не проявлялся текст, написанный химическим способом, бывал спутан шифр. В переписке нередко выражается досада по этому поводу: «Дорогой товарищ! — читаем в одном из писем В. И. Невскому. — Получили Ваше письмо. Писано оно так плохо, что по крайней мере треть письма осталась неразобранной. И такая история получается с большинством Ваших писем. Делайте, пожалуйста, каждый раз пробу, прежде чем писать, а то очень уж обидно»⁶¹. Вопрос о степени сохранности и полноте публикации комплекса партийной переписки требует дальнейшего исследования.

Из всего вышесказанного совершенно очевидно, что современная археографическая практика немыслима без самого широкого использования всех приемов источниковедческого анализа документов. Думается, что при всем своеобразии рассмотренной партийной переписки накопленный при ее публикации опыт может быть использован подготовителями различных по характеру документальных изданий.

доступными не более 10—15% писем...» (*Городецкий Е. Н.* Переписка секретариата Центрального Комитета РСДРП(б). Март — октябрь 1917 г. — В кн.: *Источниковедение истории Великого Октября: Сб. статей.* М., 1977, с. 79.

⁶¹ Переписка... 1905—1907 гг., т. 2, док. 178.

Р. М. Савицкая

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ В. И. ЛЕНИНА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

100-летие со дня рождения корифея марксистско-ленинской науки, беззаветно преданного делу рабочего класса революционера, величайшего человека нашей эпохи Владимира Ильича Ленина было ознаменовано началом уникального издания — много томной Биографической хроники В. И. Ленина. В ней отражены по возможности все события и факты его жизни и деятельности с указанием источников, на которых они основаны.

Круг этих источников исключительно широк. Это прежде всего произведения самого В. И. Ленина; затем — документы КПСС, документы советских государственных органов и общественных организаций; статьи, речи, письма и записки деятелей партии и Советского государства, а также других участников или очевидцев событий. Использовалась также партийная и советская печать, синхронная событиям. Тщательно были изучены и проанализированы мемуары о В. И. Ленине. Названные виды исторических источников использовались как в опубликованном виде, так и из архивов. Не имея возможности в одной статье рассмотреть все источники Биографии В. И. Ленина советского периода, ограничимся анализом только архивных материалов.

Можно, не преувеличивая, отметить, что более половины фактов, нашедших отражение в уже вышедших томах Биографии В. И. Ленина, основаны на архивных материалах. Они прежде всего выявлены в фондах ЦПА ИМЛ.

Из фондов этого архива основным для Биографии В. И. Ленина явился фонд документов В. И. Ленина — фонд 2¹. Он представляет собою часть личного «Архива В. И. Ленина»², который сложился в результате деятельности В. И. Ленина как Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР и Совета Труда и Оборона (СТО). Все документы, написанные непосредственно В. И. Лениным независимо от их характера, содержания и вида (рукописи книг и статей, доклады, речи, письма, планы, конспекты, заметки и т. п.), по мере поступления в 1924—1928 гг. «Архива В. И. Ленина» в Институт Ленина выделялись из этого архива и включались в особый фонд подлинных документов В. И. Ленина (позднее фонд 2). В него вошли и документы с резолюциями, книги с пометками Ленина, подписанные им документы³. Кроме того, в фонд 2 были включены коллекции постановлений, писем, телеграмм, записок, написанных или подписанных В. И. Лениным, которые были получены из фондов государственных архивов, а также документы, полученные от разных лиц.

Сведения Биографии В. И. Ленина о написании им документов, еще неопубликованных, почерпнуты из фонда 2. При этом многие документы, преимущественно небольшие (записки, телеграммы, резолюции, распо-

¹ О формировании этого фонда см. кн.: Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970.

² Об «Архиве В. И. Ленина» подробнее см.: Любимова В. А. К истории создания архива В. И. Ленина. — Вопросы истории КПСС, 1964, № 4; Она же. Восстановление архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина. — ВИ, 1969, № 4; Она же. К истории научной обработки архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина в Центральном партийном архиве. — АЕ за 1969 год. М., 1971; Она же. Архив Председателя СНК и СТО — источник для изучения деятельности В. И. Ленина по руководству аппаратом Совнаркома (1917—1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Она же. Из истории архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина. М., 1976.

³ Шепелева Т. В. Научная обработка и хранение документов В. И. Ленина в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. — ИА, 1961, № 2, с. 172—173.

ряжения, надписи, пометки и т. п.), воспроизведены полностью или в виде отрывков. Это главным образом такие документы, которые по своему характеру не могут быть опубликованы самостоятельно. Их содержание, как правило, становится понятным лишь в связи с изложением определенных событий из жизни и деятельности В. И. Ленина. Всего в вышедших из печати десяти томах Биохроники В. И. Ленина за период 1870 г.— 12 июля 1921 г. впервые опубликованы (полностью или частично) около 5 тыс. ленинских документов.

Поскольку в Биохронике публикуются впервые многие ленинские документы, она наряду с Сочинениями и Ленинскими сборниками представляет собой издание, по которому читатель может использовать произведения В. И. Ленина.

Какие же документы впервые публикуются в Биохронике? Это прежде всего записки Владимира Ильича. Так, впервые опубликована записка В. И. Ленина заместителю наркома иностранных дел Г. В. Чичерину от 13 апреля 1918 г.: «Тов. Чичерин! Будьте любезны выдать подателю Тихону Ивановичу Попову *немецкий* текст Брестского договора (для Спудэ). Привет! Ленин»⁴.

В. И. Ленин, как известно, широко практиковал обмен записками с наркоматами и другими лицами на заседаниях СНК и СТО. В Биохронике опубликовано много таких записок. На одном из заседаний СНК (не ранее 25 марта 1918 г.), получив записку помощника наркома финансов Д. П. Боголепова с просьбой принять его на следующий день вместе с членом коллегии Наркомфина А. Е. Аксельродом, В. И. Ленин тут же ответил ему: «Я *надеюсь*, что буду посвободнее с завтрашнего дня (после обеда). Звонить 3.61.50 (в 12 ч., 4 ч.) и 3.61.82»⁵.

По фонду 2 в Биохронике опубликовано много резолюций Ленина на различных поступавших к нему документах. Вот одна из них. Ознакомившись со статьей члена ЦК Болгарской Коммунистической партии редактора центрального органа партии «Работнически вестник» Христо Кабакчиева «Болгария после империалистической войны», В. И. Ленин написал (ранее 6 ноября 1920 г.) на ней: «В редакцию *«Коммунистического Интернационала»*»⁶. (Статья была помещена в журнале № 14 за 1920 г.).

Впервые публиковались в Биохронике и отдельные ленинские телеграммы. Например, телеграмма Г. А. Усиевичу от 25 марта 1918 г. Ознакомившись с запиской члена Чрезвычайной комиссии по разгрузке Курской железной дороги Г. А. Усиевича, В. И. Ленин телеграфировал ему в Орел: «Все меры постараемся принять сегодня же. Сообщите фамилии комиссаров, угрожавших расстрелом. Ленин»⁷.

В Биохронике можно найти немало впервые опубликованных заметок В. И. Ленина, сделанных им для памяти. Так, 2 июля 1918 г. Ленин должен был выступать на митингах мобилизованных на фронт в цирке Саламонского и в манеже бывш. Алексеевского военного училища. Узнав, как ехать на эти митинги, он сделал такую запись: «1) По Неглинной — мимо Государственного банка, не доходя до Садовой ул. (продолжение Неглинной). Цирк Саламонского. 2) По Немецкой ул. (продолжение по рельсам)»⁸.

В Биохронике впервые опубликовано особенно много ленинских пометок, главным образом на повестках дня заседаний СНК и СТО, многочисленных пометок об утверждении декретов и постановлений, которые он делал в процессе председательствования на заседаниях СНК и СТО⁹.

⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. М., 1974, т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918, с. 378. (Далее: В. И. Ленин. Биохроника).

⁵ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 339.

⁶ Там же, т. 9. Июнь 1920 — январь 1921. М., 1978, с. 444.

⁷ Там же, т. 5, с. 336.

⁸ Там же, с. 595.

⁹ Там же, с. 79, 80—81 и др.

Впервые воспроизведено много надписей и пометок В. И. Ленина о необходимости поместить те или иные документы в его личный архив. Так, на письме Г. В. Чичерина с отзывом о написанном Лениным 30 мая 1920 г. «Письме к английским рабочим» Владимир Ильич сделал такие пометку и надпись: «*В архив*», «Чичерин о письме к английским рабочим»¹⁰.

Фонд документов В. И. Ленина явился источником, уточняющим даты, часы, место или обстоятельства написания уже изданных ленинских документов в тех случаях, когда их тексты не содержат этих сведений. Например, во время осуществления плана монументальной пропаганды Ленин направил наркоматам просвещения и имущества республики распоряжение с предложением «незамедлительно представить сведения о том, что именно сделано для выполнения декрета от 13.IV.1918, особенно по 1) снятию старых памятников, 2) по замене их хотя бы временными, новыми и 3) по замене старых надписей на общественных зданиях новыми (§ 5 декрета).

Двухмесячная проволоочка в исполнении декрета — равно важного и с точки зрения пропаганды и с точки зрения занятия безработных — непростительна»¹¹. Автограф Лениным не датирован. В Полном собрании сочинений после текста документа указана дата: «15 июня 1918 г.». Для подтверждения этой даты подготовители Биохроники сослались на соответствующее дело фонда 2, в котором наряду с недатированным автографом распоряжения хранится и его машинописный текст, подписанный Лениным; на нем стоит дата: «15 июня 1918 г.» и указан исходящий номер «№ 4032» отправки распоряжения в названные наркоматы¹².

Бывают случаи, когда опубликованный документ имеет проставленную В. И. Лениным дату, но все же нужно было сослаться и на фонд 2. Так, записка В. И. Ленина Л. Я. Карпову и Г. И. Петровскому о просьбе делегации Союза кожевников оказать содействие в восстановлении районных комитетов по кожевенным делам, распущенных местными органами, датирована 5 апреля 1918 г.¹³ Однако обстоятельства ее появления неясны. В фонде 2 оказался другой документ с той же датой — письмо В. И. Ленина по этому же поводу Д. П. Боголепову и Т. И. Попову с просьбой принять энергичные меры для установления порядка и выдачи денег кожевникам немедленно и вне очереди. Оно было вручено делегации кожевников для передачи адресатам. Запись об этом письме и ссылка на фонд 2 в Биохронике¹⁴ не только ввела в оборот новый факт, но и показала, что записка, как и письмо, были написаны В. И. Лениным во время приема им 5 апреля 1918 г. делегации Союза кожевников.

Документальный фонд В. И. Ленина дал возможность отразить в Биохронике и большое количество фактов подписания Лениным различных государственных и партийных документов: протоколов СНК, Малого СНК, Совета Рабоче-Крестьянской Обороны (СО), СТО, декретов и постановлений СНК, ВЦИК и СНК, СТО, циркулярных писем ЦК партии и т. п.

Главным же источником для раскрытия деятельности В. И. Ленина в качестве руководителя Российской Коммунистической партии послужили в первую очередь протоколы заседаний ЦК, Политбюро, Пленумов ЦК РКП(б) (ЦПА ИМЛ, ф. 17 — ЦК РКП(б)). Все факты участия В. И. Ленина в заседаниях ЦК, Бюро ЦК, Политбюро ЦК РКП(б) даны на основе прежде всего материалов этого фонда¹⁵.

Поскольку протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций РКП(б), состоявшихся при жизни В. И. Ленина (VII—XI съездов и VIII—XI конференций), изданы, постольку фонды 40—51 (Съезды и

¹⁰ Там же, т. 8. Ноябрь 1919 — июнь 1920. М., 1977, с. 610.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 101.

¹² См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 542.

¹³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 56.

¹⁴ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 359—360.

¹⁵ См. там же, с. 318 и др.

конференции РКП(б)) ЦПА ИМЛ привлекались лишь в отдельных случаях¹⁶.

В фонде 17 выявлены и другие факты из жизни и деятельности В. И. Ленина, например о делегировании ЦК РСДРП(б) 13(26) ноября 1917 г. В. И. Ленина на Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в качестве представителя ЦК¹⁷, где на следующий день он выступил от имени фракции большевиков с речью по аграрному вопросу¹⁸. Копия удостоверения В. И. Ленину от 13(26) ноября 1917 г. о его делегировании на съезд хранится в фонде 17.

Наряду с документами названных фондов одним из самых важных источников, который дал возможность показать деятельность В. И. Ленина в качестве главы первого в мире социалистического государства, явились протоколы заседаний СНК, СО, СТО, МСНК и приложения по повесткам дня: проекты декретов и постановлений (черновики и варианты), обсуждавшихся и принятых на заседаниях СНК и СТО (черновики, варианты, окончательные тексты), доклады и докладные записки наркоматов и других ведомств по различным вопросам, отчеты, материалы с мест, переписка участников заседаний, ответы на запросы, протоколы заседаний комиссий, создаваемых СНК и СТО по разным вопросам, мандаты, листы исполнения и т. п. Они поступили из Управления делами СНК в Институт Ленина в 1924 г. и хранятся в фонде 19 (опись 1 — СНК, опись 2 — СО, опись 3 — СТО) ЦПА ИМЛ, а также в фонде 130 ЦГАОР СССР.

Те подлинники протоколов СНК и СТО, которые были подписаны В. И. Лениным¹⁹, а также другие его документы (записки, пометки на повестках дня заседаний, проекты декретов и постановлений или пометки на них и т. п.), отложившиеся в приложениях к протоколам, хранятся в фонде документов В. И. Ленина (фонд 2). Машинописные же тексты или копии протоколов СНК (с № 77 от 18 марта 1918 г.) и СТО вместе с их черновиками, написанными от руки секретарями СНК, — в фонде 19 ЦПА ИМЛ. Копии находятся и в ЦГАОР СССР (ф. 130, оп. 1—6), как и другие материалы — документы Управления делами и канцелярии, бюро телеграмм и т. п.

Стенографирование заседаний СНК и СТО (лишь за единичными исключениями) не велось. Известно лишь несколько попыток стенографировать заседания: СНК — 4 марта 1918 г.²⁰ и 21 ноября 1922 г. (по вопросу о Главном концессионном комитете²¹), СТО — 17 февраля 1922 г. (по вопросу о топливном положении республики²²). Стенографистки регулярно начали присутствовать на заседаниях СНК с 15 мая 1919 г. Однако они стенографировали (под диктовку Ленина или других участников заседаний) лишь формулировки предложений по обсуждаемым вопросам повестки дня. Часть постановлений переписывалась или перепечатывалась в протоколы с их черновых набросков, проектов, написанных на отдельных листках предварительно, чаще всего Лениным²³ или другими участниками заседаний — наркомами и членами коллегий наркоматов.

В. И. Ленин, подписывая протоколы СНК, Малого СНК и СТО, иногда вносил в них требуемые исправления и уточнения²⁴. Так, подписывая 21 апреля 1918 г. протокол № 26 заседания Малого СНК от 20 апреля

¹⁶ См. там же, т. 7. Март — ноябрь 1919. М., 1976, с. 2, 6, 9, 14, 15; т. 8, с. 444 и др.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 54.

¹⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 94—95.

¹⁹ Первым протоколом, который В. И. Ленин подписал, был протокол заседания СНК № 77 от 18 марта 1918 г. До этого подлинники протоколов (№ 1—76) подписывал только секретарь СНК Н. П. Горбунов. Они хранятся в фонде 19.

²⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 411—414.

²¹ См. Ленинский сборник, XXXVIII, с. 426—429.

²² ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, д. 299, л. 167—171.

²³ Ленинские проекты, как правило, уже опубликованы.

²⁴ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 326, 334, 427.

1918 г., Владимир Ильич внес в постановление по пункту 11 повестки дня заседания (о советской государственной печати) такую поправку: «Отложить до выяснения вопроса о слове „социалистическая“ и вопрос о мече»²⁵.

Протоколы заседаний СНК в качестве исторического источника вообще уже рассматривались в нашей литературе историками Э. Б. Генкиной и А. С. Покровским²⁶. В статьях Э. Б. Генкиной была дана общая характеристика протокольного фонда СНК, СО и СТО за 1917—1922 гг. как единого комплекса исторических источников; сделан анализ происхождения протоколов, а также приложений к ним, повесток заседаний и т. д.; прослежено складывание, развитие принципиально нового содержания, новых принципов и методов деятельности правительства Советского государства во главе с В. И. Лениным как государства совершенно нового типа. В статье А. С. Покровского раскрывается происхождение и значение протоколов заседаний СНК для изучения законодательно-распорядительной деятельности Советского правительства во главе с Лениным в период нахождения правительства в Смольном.

Протоколы СНК и СТО дали возможность зафиксировать в Биохронике факты председательствования В. И. Ленина на заседаниях СНК, СО и СТО, выступлений его в качестве докладчика или с внеочередными заявлениями, внесения им предложений, включение его в создаваемые на заседаниях комиссии и т. п., а также назвать тот круг вопросов, который рассматривался под председательством Ленина. Во время хода заседаний В. И. Ленин непосредственно на повестках дня заседаний или на отдельных листках бумаги нередко фиксировал фамилии выступающих членов СНК, в том числе и свои собственные выступления с указанием времени выступлений и по каким вопросам. Эти записи являются ценнейшим источником для установления фактов непосредственного участия Владимира Ильича в обсуждении тех или иных вопросов. Первым заседанием, на котором он вел запись выступающих в прениях, было заседание СНК 18 ноября (1 декабря) 1917 г. По записи от 27 ноября (10 декабря) 1917 г.²⁷ установлено, что по его предложению об организации «особой комиссии для проведения в жизнь социалистической политики в области финансовой и экономической» Ленин выступил 5 раз. На отдельных заседаниях В. И. Ленин выступал по 10 и более раз. Так, на заседании СНК 21 ноября 1918 г. он выступил 16 раз²⁸.

Доклады, сообщения, заявления В. И. Ленина на заседаниях СНК, СО и СТО были подсчитаны и проанализированы Э. Б. Генкиной. Согласно таблице, составленной ею, Ленин в 1917—1922 гг. выступил 128 раз²⁹. Большинство его выступлений посвящено общим вопросам международного и внутреннего положения Советской республики. Так, 25 ноября (8 декабря) 1917 г. приняв делегацию совета Союза казачьих войск, которая вручила ему резолюцию совета от 24 ноября (7 декабря) 1917 г. с протестом против посылки СНК войск в казачьи области и против ведения мирных переговоров с Германией, Ленин дал указание включить в повестку дня предстоявшего заседания СНК его доклад о приеме делегации; дополнил повестку дня заседания в числе других и вопросом: манифест о Каледине, Раде и пр. На состоявшемся в этот же день засе-

²⁵ См. там же, с. 395.

²⁶ Генкина Э. Б. О докладах В. И. Ленина в Совнаркоме, Совете обороны и Совете Труда и обороны (1917—1922 гг.). — История СССР, 1973, № 4; Она же. О значении протоколов Совнаркома как исторического источника (ноябрь 1917 — март 1918 г.). — В кн.: Исторический опыт Великого Октября. К 80-летию лауреата Ленинской премии академика И. И. Мипца. М., 1975; Она же. Протоколы Совнаркома РСФСР за 1917—1922 гг. и их значение как исторического источника. — АЕ за 1976 год. М., 1977; Покровский А. С. Протоколы заседаний СНК РСФСР как исторический источник («Период Смольного»). — АЕ за 1972 год. М., 1974.

²⁷ См. Ленинский сборник, XXI, с. 106—107; В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 89.

²⁸ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 6. Июль 1918 — март 1919. М., 1975, с. 239.

²⁹ Генкина Э. Б. О докладах В. И. Ленина в Совнаркоме, Совете обороны и Совете Труда и обороны (1917—1922 гг.), с. 72.

дании СНК Владимир Ильич сделал упомянутый доклад. Было утверждено воззвание СНК к казачеству, призывавшее к борьбе с калединщиной и дутовщиной, принятое решение совместно с казачьим комитетом составить листовку для казаков и оказывать всяческое содействие казачьему комитету в отправке агитаторов в казачьи округа³⁰. Данный пример наглядно раскрывает как причины, вызвавшие необходимость ленинского доклада, так и результаты обсуждения его Совнаркомом.

16 июля 1918 г. он выступил за заседании СНК с сообщениями по вопросам о национализации тканей и о повышении жалования народным комиссарам в связи с болезнью А. Д. Цюрупы на почве недоедания³¹.

В СО и СТО ббльшая часть ленинских докладов посвящалась задачам обороны страны, снабжения Красной Армии вооружением, боеприпасами, продовольствием, обмундированием. Так, 3 сентября 1920 г. состоялся доклад В. И. Ленина на заседании СТО по вопросу о радиосвязи в Красной Армии³², 1 октября 1920 г. — о снабжении топливом и продовольствием восстанавливаемых заводов Иваново-Вознесенской губернии, причисленных к ударной группе текстильных предприятий. Непосредственной причиной для постановки последнего доклада послужила беседа В. И. Ленина с председателем Иваново-Вознесенского губисполкома и председателем ударного комитета по пуску текстильных фабрик Г. К. Королевым. В результате этой беседы Королев представил Ленину докладные записки Иваново-Вознесенского губкома партии и губисполкома с просьбами помочь продовольствием рабочим подготовленных к пуску в первых числах октября 1920 г. 19 фабрик в губернии, которые могли выпустить до 200 млн. аршин мануфактуры. По докладу Ленина на заседании СТО было решено: принять к сведению сообщение Наркомпрода о направлении в Иваново-Вознесенск 40 вагонов продовольствия, утвердить соглашение между Иваново-Вознесенским губпродкомом и Наркомпродом, остальные вопросы согласовать с заинтересованными ведомствами и представить на подпись Ленину³³. В результате такого согласования Ленин на пленарном заседании СТО 17 ноября 1920 г. подписал принятый СТО проект постановления о снабжении нефтью, мазутом и продовольствием текстильных фабрик Иваново-Вознесенской губернии³⁴. Ввиду того, что это постановление не было исполнено, Королев обратился в СНК снова, 2 декабря 1920 г., с заявлением. В. И. Ленин, находясь в это время в отпуске по болезни, поручил секретарю СНК Л. А. Фотиевой направить письмо заместителю председателя ВСНХ А. Ломову (Г. И. Оппокову) и заместителю наркома продовольствия Н. П. Брюханову с просьбой дать объяснение для доклада Ленину, что сделано по этому заявлению³⁵. Данный пример наглядно показывает, как протоколы СНК, СТО и приложения к ним дают возможность проследить отношение Ленина к разрешению тех или иных вопросов, к подготовке соответствующих постановлений по ним и к постановке контроля за их выполнением.

Ленинские записки и пометки на повестках дня заседаний СНК³⁶, СО и СТО представляют собой один из источников, показывающих многоплановость, разносторонность деятельности В. И. Ленина как Председателя СНК. Они дали возможность раскрыть роль Ленина в формировании повесток дня заседаний этих органов. На них Владимир Ильич делал пометки о снятии или включении дополнительно вопросов. Только с 3 (16) ноября 1917 г. по 9 марта 1918 г. Лениным было сформулировано более

³⁰ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 83—84; ДСВ, М., 1957, т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г., с. 156—159.

³¹ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 640—641.

³² См. там же, т. 9, с. 242.

³³ Там же, т. 9, с. 327; ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, д. 155.

³⁴ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 9, с. 477.

³⁵ См. там же, с. 630.

³⁶ Начиная с протокола заседания СНК № 5 от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. к протоколам прилагались повестки дня.

100 вопросов в сохранившихся повестках дня. Так, просматривая повестку дня заседания СНК 23 ноября (6 декабря) 1917 г., В. И. Ленин дополнил ее тремя важными вопросами: «16) Доклад о Красной гвардии. 17) Воззвание (или декрет) против саботажников. 18) Выдача денег для ЦИК»³⁷. Такого рода записи показывают, что Ленин предлагал включать в повестку дня важные, требующие немедленного разрешения вопросы.

Кроме того, записи на полях, напротив отдельных пунктов повесток дня дают сведения о том, какие вопросы были переданы в Малый СНК, в другие ведомства, приняты, отклонены, сняты, отложены и т. п. и даже почему были отложены. Например, на заседании СНК 13(26) декабря было отложено обсуждение 2, 5, 6, 7, 8 и 9 пунктов повестки дня. Напротив пункта 2 («Доклад согласительной комиссии о штатах служащих правительственных учреждений») Ленин написал: «Отложить за неувкой Аксельрода и Шляпникова»³⁸.

Приложения к протоколам раскрывают причины постановки на обсуждение СНК тех или иных вопросов. Так, 25 июля 1918 г. В. И. Ленин выступил на заседании СНК в качестве докладчика о предложении Президиума ВЦИК утвердить В. И. Невского наркомом путей сообщения³⁹. В приложениях к протоколу этого заседания хранится записка Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова В. И. Ленину следующего содержания: «В К[омиссар]ате путей сообщения некоторые неурядицы. Пора закончить назначением наркома Невского. Напоминаю, однажды в ЦК вопрос уже был решен в положительном смысле. Предлагаю сегодня же его назначить и представить на утверждение ЦИК»⁴⁰. Невский был назначен на этом заседании наркомом путей сообщения.

Данные в протоколах СНК о присутствии тех или иных лиц на заседаниях давали возможность уточнить даты встреч и бесед Ленина с ними. Например, из протокола СНК № 65 от 19 февраля 1918 г. стало известно, что А. Д. Цюрупа впервые присутствовал в этот день на заседании СНК. Эти сведения наряду с пропуском в помещении правительства в Смольном, выписанным ему 19 февраля 1918 г.⁴¹, послужили основанием для точной датировки беседы Ленина с Цюрупой в связи с его назначением наркомом продовольствия⁴².

Листы исполнения, приложенные к протоколам заседаний СНК и СТО, в которых указывалось, в какие заинтересованные ведомства, каким лицам или в печать и когда были разосланы, сообщены (лично или по телефону) принятые постановления и декреты (с указанием исходящих номеров), облегчают как выявление текстов соответствующих решений, так и уточнение дат подписания их Лениным.

Важным источником Биохроники в ряде случаев явился фонд 5 (Архив Председателя Совнаркома и СТО В. И. Ленина) ЦПА ИМЛ. Это — часть «Архива В. И. Ленина», органически связанная с фондом 2. Фонд 5 зачастую содержит сведения об обстоятельствах появления и создания ленинских документов, хранящихся в фонде 2. На документах фонда 5 имеются (рядом со штампом «Архив т. Ленина») пометки секретарей: «NB» — о том, что ему докладывали соответствующие документы; «O» — что не докладывали. На этих документах имеется много распоряжений Ленина, записанных секретарями. Пометки секретарей дают возможность установить, с какими именно материалами из того огромного количества, которое поступало в его адрес, Ленин ознакомился лично, о каких ему было известно.

³⁷ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 79.

³⁸ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 130.

³⁹ См. там же, с. 666.

⁴⁰ Цит. по статье: Генкина Э. Б. О докладах В. И. Ленина в Совнаркоме, Совете Обороны и Совете Труда и Оборона (1917—1922 гг.), с. 85.

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 58, л. 10 об.

⁴² См.: В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 265.

В фонде 5 хранится журнал регистрации исходящих писем, написанных Владимиром Ильичем или по его поручению (с 7 сентября 1920 г. и до последних дней его жизни), дневник Н. П. Горбунова, в котором он записывал поручения ему В. И. Ленина и делал отметки об исполнении, и другие материалы.

Материалы этого фонда дали возможность выявить или уточнить многие факты и даты жизни и деятельности В. И. Ленина. В этом фонде содержатся сведения и о таких ленинских документах, которые до сих пор не разысканы. Так, из докладной записки общезаводского комитета Монетного двора от 20 июня 1918 г. в СНК и телеграммы управделами СНК Петроградской трудовой коммуны С. И. Гусева от 19 июня 1918 г. В. И. Ленину стало известно, что 10 июня 1918 г. Ленин направлял запрос в СНК Петроградской трудовой коммуны об эвакуации Монетного двора из Петрограда в Екатеринбург⁴³.

Документы фонда 5 помогли установить ряд неизвестных ранее бесед В. И. Ленина. Так, на основе заявления В. Лейкаса В. И. Ленину, поступившего в Управление делами СНК 11 января 1919 г., был установлен факт беседы В. И. Ленина 27 января (9 февраля) 1918 г. с представителями Совета народных уполномоченных Финляндии О. Токоем, Г. Ровио и В. Лейкасом, обратившимися с просьбой помочь Финляндии хлебом. Именно в результате этой беседы Ленин дал указание включить в повестку дня заседания СНК вопрос: «Ходатайство Финляндии о хлебе»⁴⁴.

В ночь с 2 на 3 марта 1918 г. имела место беседа В. И. Ленина с Н. В. Крыленко о проекте учреждения Высшего военного совета для руководства всеми военными операциями с подчинением ему всех без исключения военных учреждений и лиц⁴⁵. Это стало известно из хранящегося в фонде 5 письма Крыленко в СНК от 4 марта 1918 г. Такой совет был создан. Вечером 3 марта 1918 г. В. И. Ленин подписал постановление об образовании Высшего военного совета в составе военного руководителя М. Д. Бонч-Бруевича и политических комиссаров П. П. Прошьяна и К. И. Шутко⁴⁶.

Хранящееся в названном фонде удостоверение двум делегатам завкома механического завода «Анчар», выданное им 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) для поездки в Смольный по вопросу о получении денег для выплаты рабочим, дало возможность точно датировать факт встречи В. И. Ленина с делегатами завода⁴⁷.

Материалы фонда 5 содержат сведения об отношении В. И. Ленина к ряду важных документов. Из надписей на хранящемся в нем «Декрете о выборах в Учредительное собрание» стало известно, что Ленин 9(22) ноября 1917 г. ознакомился с представленным в СНК проектом декрета⁴⁸.

В этом фонде содержатся документы о различных поручениях, просьбах В. И. Ленина. Так, в связи с поступившей телеграммой председателя Карабашского Совета (Пермская губ.) с просьбой сообщить о положении дел после 28 октября (10 ноября) 1917 г., ибо «провинция забита сомнительными нелепыми слухами», В. И. Ленин поручил секретарю СНК Н. П. Горбунову ответить председателю Совета от его имени, что Горбунов и сделал 13(26) ноября 1917 г.: «Власть перешла к Советам. Берите власть. Жизнь постепенно входит в норму»⁴⁹. Копия этой телеграммы хранится в фонде 5.

Из находящегося в том же фонде письма И. И. Скворцова-Степанова стало известно, что Ленин обращался (запиской) к нему и просил достать

⁴³ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 527.

⁴⁴ Там же, с. 237.

⁴⁵ См. там же, с. 291.

⁴⁶ См. там же, с. 293.

⁴⁷ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 154.

⁴⁸ См. там же, с. 44.

⁴⁹ Там же, с. 55.

книги серии «Берлинская рабочая библиотека», а также брошюру С. Боркхейма с предисловием Ф. Энгельса⁵⁰. К сожалению, записка эта не разыскана.

Наконец, документы «Архива Председателя Совнаркома и СТО В. И. Ленина» раскрывают тот круг информации о событиях в стране, которым располагал В. И. Ленин из поступающей в его адрес корреспонденции. Так, о начавшемся мятеже белогвардейцев в Ярославле Ленин узнал 6 июля 1918 г. в 13 ч. 40 мин. из телефонограммы комиссара округа Северных железных дорог Н. Г. Андреева, полученной через секретариат заместителя наркома путей сообщения В. И. Невского⁵¹. Эта телеграмма находится в фонде 5.

В нем хранятся путевки, выданные В. И. Ленину Московским комитетом РКП(б) для выступлений на известных «пятничных» митингах рабочих в 1918 г. В путевках обычно указывались районы и адреса митингов, а также время выступления Ленина на них. На основе этих путевок в Биохронике указаны адреса и точное время начала митингов. Сохранились путевки: на три митинга 28 июня 1918 г.— трудящихся Рогожского района, Симоновского подрайона Рогожско-Симоновского района и Замоскворецкого района на тему «Гражданская война»; на митинги 2 августа — красноармейцев на Ходынском поле и рабочих завода бывш. Михельсона на тему «Советская республика в опасности»; на митинг 9 августа в Сокольническом районе на тему «Пятый год мировой бойни»; на митинги 23 августа в Городском и Пресненском районах на тему «За что борются коммунисты (большевики)»; на митинги 30 августа в Басманном и Замоскворецком районах на тему «Две власти (диктатура рабочих и диктатура буржуазии)»⁵².

Отдельные факты для Биохроники В. И. Ленина были выявлены в персональных фондах видных деятелей КПСС и Советского государства (Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе и др.), хранящихся в ЦПА ИМЛ. Одна из записок наркома по делам национальностей И. В. Сталина наркому внутренних дел Г. И. Петровскому, которая хранится в его фонде 558, послужила основанием для включения в Биохронику факта, что В. И. Ленин поддержал ходатайство председателя Президиума Вологодского Совета Ш. З. Элиавы о субсидии⁵³.

Значительное количество фактов из жизни и деятельности В. И. Ленина при составлении Биохроники было почерпнуто из неопубликованных воспоминаний о Ленине. Они хранятся как в особом фонде (ф. 4, оп. 2, Неопубликованные воспоминания о В. И. Ленине), который временно помещается в научно-справочном кабинете сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ, так частично и в фонде 70 (Истпарт ЦК РКП(б)), в фонде 124 (Всесоюзное общество старых большевиков), в отдельных персональных и других фондах ЦПА ИМЛ. В материалах названных фондов выявлены многие ранее неизвестные факты. При этом учитывалось, кем (участником, очевидцем или свидетелем событий) и когда (по свежим ли следам памяти) были написаны воспоминания. Они сопоставлялись с историческими событиями и документами, с уже опубликованными воспоминаниями.

Факты, извлеченные из воспоминаний, очень разнообразны. Среди них прежде всего такие, как выступления Ленина на различных собраниях и заседаниях. Например, воспоминания И. С. Ашкенази явились одним из источников об участии В. И. Ленина в объединенном заседании ЦК РСДРП(б) и ЦК партии левых эсеров 23 февраля 1918 г. и его

⁵⁰ См. там же, с. 469.

⁵¹ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 606.

⁵² См. там же, с. 580—581; т. 6, с. 19, 41, 92—93, 113. Факсимиле путевки на митинги 30 августа 1918 г. опубликовано: *Смирнов И. С.* Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г.— лето 1918 г.). М., 1960, с. 177.

⁵³ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 241.

выступлении на нем с резкой критикой в адрес «левых коммунистов» и левых эсеров, требовавших отклонения германских условий мира⁵⁴.

В неопубликованных воспоминаниях содержится много новых сведений о приемах, встречах и беседах В. И. Ленина с различными делегациями и отдельными лицами. Так, из воспоминаний В. М. Корнева стало известно, что в июне (между 3 и 15) 1918 г. Ленин принял представителей продовольственных комитетов Выксы и Кулебак, участвовавших в работе Комиссии по созданию национального продовольственного центра (Нацпродцентр), обратившихся к нему с просьбой о выделении Наркомпродом нескольких вагонов хлеба и другого продовольствия для рабочих их заводов. Расспросив в беседе подробно о работе заводов и местных Советов, Ленин пообещал учесть их просьбу и помочь хлебом и продовольствием, о чем просил оповестить рабочих⁵⁵.

С 16(29) ноября 1917 г. обязанности главного контролера Петроградской конторы Госбанка исполнял Д. М. Соловей. Из стенограммы беседы бывшего заведующего ЦПА ИМЭЛ П. Б. Жибарева с ним стало известно, что в конце ноября 1917 г. В. И. Ленин приезжал в Госбанк и беседовал с руководящими работниками, расспрашивал их о ходе дел, о том, как они преодолевают трудности из-за саботажа старых высших служащих банка, как обеспечивают деньгами рабочих фабрик и заводов⁵⁶.

Неопубликованные воспоминания Д. П. Боголепова показали, что в апреле или мае 1918 г. В. И. Ленин дал ему поручение составить записку о мерах к поднятию производительности труда рабочих и что, готовясь (ранее 17 мая 1918 г.) к докладу на I Всероссийском съезде представителей финансовых отделов Советов, Владимир Ильич советовался по поводу содержания доклада с наркомом финансов И. Э. Гуковским и его заместителем Боголеповым⁵⁷.

Воспоминания В. А. Быстриянского подтвердили факт создания ЦК РСДРП(б), СНК и ВРК специальной комиссии во главе с В. И. Лениным 27 октября (9 ноября) 1917 г. для руководства обороной Петрограда от наступающих контрреволюционных войск Керенского — Краснова⁵⁸.

Из воспоминаний Д. И. Грязкина, написанных 4 сентября 1927 г., стало известно о беседе с ним В. И. Ленина в январе — не ранее 19 (1 февраля) — 1918 г., когда он был председателем большевистской фракции крестьянской секции III Всероссийского съезда Советов, по вопросу о взаимоотношениях большевиков с левыми эсерами в органах Советской власти⁵⁹.

В фонде П. И. Стучки (ф. 153) хранятся его неопубликованные воспоминания «Мой путь и мои ошибки», статья «Мысли о нашем правосудии», а также доклад и тезисы доклада «Пролетарский суд и буржуазное право», которые дополняют очень важными сведениями его уже опубликованные произведения о роли В. И. Ленина в подготовке проекта декрета о суде⁶⁰.

В работу по выявлению материалов для Биохроники В. И. Ленина, кроме сектора произведений В. И. Ленина и ЦПА ИМЛ, были вовлечены также центральные и местные государственные и партийные архивы и филиалы ИМЛ. Документальные материалы ЦГАОР СССР, ЦГАНХ, ЦГАСА, ЦГА ВМФ и других явились важным источником Биохроники В. И. Ленина.

Во второй половине 1959 г. дирекция ИМЛ при ЦК КПСС обратилась в центральные государственные, отдельные ведомственные, а также местные государственные и партийные архивы с просьбой включиться в работу по выявлению ленинских документов и фактов из жизни и деятель-

⁵⁴ См. там же, с. 275.

⁵⁵ См. там же, с. 513.

⁵⁶ См. там же, с. 100.

⁵⁷ См. там же, с. 420, 462.

⁵⁸ См. там же, с. 9.

⁵⁹ См. там же, с. 220.

⁶⁰ См. там же, с. 48.

ности В. И. Ленина для подготовки его Биографической хроники. Многие архивы широко развернули эту работу. Ряд архивов (ЦГАОР СССР, ЦГАНХ, ЦГАСА, Историко-дипломатическое управление МИД СССР (АВП) и др.) включили ее в свои планы. Некоторые из них специально для этого выделили научных сотрудников (ЦГАОР СССР — 2 человека, ЦГАСА — 1 человека). Вели работу в архивах также подготовители Биохроники и научные сотрудники ЦПА ИМЛ. Если до этого времени документы В. И. Ленина выявлялись в виде автографов или с его подписью, то с 1960 г. в ряде архивов начался полистный просмотр дел, в первую очередь в наиболее важных структурных частях фондов СНК, СТО, ВЦИК в ЦГАОР СССР, фонда ВСНХ в ЦГАНХ и др. Эта работа проводилась или специально, или в процессе каталогизации документов соответствующих фондов. Особенно большие трудности были связаны с выявлением ленинских документов, которые не подписаны Лениным. Это требовало от научных сотрудников архивов большого опыта, тщательного изучения других материалов, связанных с этими документами.

От многих архивов и институтов были получены ценные материалы для хроники. Достаточно сказать, что с 1960 по 1963 г. из центральных архивов поступило около 2 тыс. карточек: из ЦГАОР СССР — более 1 тыс., из ЦГАНХ (организован в ноябре 1961 г.) — не менее 600, из ЦГАСА — около 500. А к октябрю 1966 г. в государственных архивах из ленинских документов советского периода было уже выявлено более 5 тыс. документов⁶¹. В них содержались сведения не только о неизвестных ранее фактах из жизни и деятельности В. И. Ленина, но и о новых ленинских документах (в виде автографов или единственных сохранившихся копий). Это были главным образом письма, записки, телеграммы, резолюции, поручения, надписи В. И. Ленина на различных служебных бумагах и письмах, телеграммах, заявлениях, просьбах трудящихся, поступавших в СНК, СО, СТО или непосредственно в адрес Ленина, подписанные им выписки из постановлений СНК и т. п.

Выявленные в центральных государственных архивах документы В. И. Ленина⁶² были переданы на хранение в ЦПА ИМЛ. За шесть лет, с 1960 по 1965 г., в ЦПА ИМЛ из архивов поступило 242 подлинных документа В. И. Ленина в виде автографов или копий: из ЦГАОР СССР — 83, из ЦГАНХ — 117, из ЦГАСА — 42. Часть из них вошла в Полное собрание сочинений или в Ленинские сборники XXXVII—XXXIX и в другие издания. Например, в т. 51 Полного собрания сочинений вошла записка В. И. Ленина в ЦСУ П. И. Попову от 8 июня 1920 г., выявленная в ЦГАОР СССР в виде машинописного отлуска, в которой Ленин просил Попова прислать ему на короткий срок сводные тома германской и австрийской сельскохозяйственных переписей⁶³. Поэтому в Биохронике В. И. Ленина при ссылках на эти документы указываются, как правило, фонды ЦПА ИМЛ или соответствующие издания.

После завершения Полного собрания сочинений В. И. Ленина работа по выявлению новых ленинских документов и фактов из его жизни и деятельности для Биохроники продолжалась. Особенно много ценнейших сведений было выявлено в ЦГАОР СССР, в частности в фонде СНК (ф. 130). В нем оказались сведения о ряде писем, записок, телеграмм, запросов, переговоров В. И. Ленина по прямому проводу и т. п. Например, на основе документов этого фонда в Биохронику были включены факты о письме Владимира Ильича Г. В. Чичерину от 6 апреля 1918 г.

⁶¹ *Беляков С. Т., Веселина М. С.* Совершенствовать поиски документов В. И. Ленина.— СА, 1966, № 5, с. 15.

⁶² О документах В. И. Ленина, выявленных в государственных архивах, см.: *Беляков С. Т., Виноградов Л. К.* О новых архивных документах В. И. Ленина.— Вопросы истории КПСС, 1963, № 12, с. 136—138; *Беляков С. Т.* Из опыта работы по выявлению документов В. И. Ленина в Архиве народного хозяйства СССР.— Вопросы истории КПСС, 1965, № 12, с. 114—118; *Он же.* Поиск рукописей В. И. Ленина в ЦГАНХ СССР.— СА, 1973, № 1, с. 50—56; и др.

⁶³ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 213.

(по книге разносной корреспонденции), которое не разыскано; о его записке Т. Л. Аксельроду от 12 апреля 1918 г. с просьбой сообщить фактические данные о смете Бюро печати при СНК (по записи в исходящей книге Бюро печати)⁶⁴. Записи в аппаратном журнале дали возможность установить ряд фактов переговоров В. И. Ленина по прямому проводу в 1918 г.: 28 апреля — с Н. П. Авиловым (Н. Глебовым), находящимся в Новороссийске, о положении в Крыму и на Украине и с Екатеринбургом (дважды); 3 мая — с И. В. Сталиным, находящимся в Курске в качестве председателя делегации РСФСР для ведения мирных переговоров с Центральной радой; 12 июня — со станцией Грязи (Юго-Восточные железные дороги)⁶⁵ и др.

Большой интерес как исторический источник представляет хранящаяся в этом фонде Тетрадь записей поручений В. И. Ленина⁶⁶, которая велась управляющим делами СНК П. П. Горбуновым с 15 декабря 1920 г. по 13 января 1923 г. Записи за март — август 1921 г. и апрель — сентябрь 1922 г. отсутствуют, что объясняется или болезнью Владимира Ильича или отпуском и болезнью самого Горбунова. Тетрадь содержит не только факты различных поручений В. И. Ленина, но в отдельных случаях и сведения о содержании неразысканных ленинских документов. Так, в одной из таких записей за 17 ноября 1921 г. читаем:

«Послана бумага И. И. Радченко с надписью Владимира Ильича следующего содержания:

«Тов. Радченко! Дело важное. Надо: 1) созвать совещание (разве не было?), 2) выработать детальные правила и инструкцию, 3) план ее постепенного проведения, 4) проверку через евр[опейскую] раб[очую] (особ[енно] комм[унистическую]) прессу.

Верните с подробным ответом. 17/XI Ленин»⁶⁷.

Огромен материал указанного фонда СНК о фактах подписания В. И. Лениным различных документов: обращений, писем, телеграмм, отпущений, распоряжений, предписаний, приказов, извещений⁶⁸, мандатов и удостоверений⁶⁹. Отпуска подписанных В. И. Лениным декретов и постановлений СНК и СТО дали возможность уточнить даты подписания многих из них⁷⁰. Сведения о направляемых В. И. Лениным письмах, телеграммах, о рассылке подписанных им декретов, постановлений, распоряжений и т. п. содержатся в «Журнале исходящих бумаг». Из названного фонда почерпнуты данные о многочисленных распоряжениях, приказах, предписаниях, указаниях и просьбах Ленина к различным ведомствам и лицам⁷¹.

В находящихся в фонде 130 книгах выдачи пропусков в помещение СНК в Смольном и в здании Советского правительства в Кремле имеются сведения о выдаче пропусков как самому В. И. Ленину, так и по его непосредственному указанию ряду других лиц. 10(23) ноября 1917 г. В. И. Ленин получил пропуск в новое помещение СНК, расположенное в выступе правого, северного крыла Смольного на 3 этаже. Этот пропуск явился одним из документальных источников, подтверждающих факт начала работы Ленина в своем втором кабинете в Смольном именно 10(23) ноября 1917 г.⁷²

⁶⁴ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 364, 375—376.

⁶⁵ См. там же, с. 413, 428, 536.

⁶⁶ Машинописная копия тетради, подготовленная в аппарате СНК в августе 1924 г. по указанию Н. П. Горбунова, хранится в ЦПА ИМЛ.

⁶⁷ ИА, 1961, № 5, с. 48. Опубликовано в тексте тетради «Поручения В. И. Ленина по СНК и СТО» (по машинописной копии). В ЦПА ИМЛ хранилась и рукописная копия записки Ленина Радченко. Подлинный текст этой записки был обнаружен в ЦГАНХ и передан в ЦПА ИМЛ. Она написана на письме С. А. Лозовского, который в то время был генеральным секретарем Профинтерпа.

⁶⁸ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 41, 82, 133, 235, 292, 498, 565 и др.

⁶⁹ См. там же, с. 50, 346 и др.

⁷⁰ См. там же, с. 39, 237 и др.

⁷¹ См. там же, с. 128, 518, 667 и др.

⁷² См. там же, с. 48, 49.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. В. И. Ленин дал указание выписать пропуск в помещение СНК А. Я. Беленькому и принял его, 23 ноября (6 декабря) — Д. П. Боголепову, 7(20) декабря 1917 г. — Н. Г. Полетаеву, 12(25) января 1918 г. — И. Ф. Арманд, 27 января (9 февраля) 1918 г. — С. В. Иванову⁷³.

Книги выдачи пропусков в здание Советского правительства в Кремле дали возможность точно датировать многие приемы В. И. Лениным различных делегаций и отдельных лиц. Так, запись о выдаче 4 апреля 1918 г. пропуска А. В. Луначарскому явилась источником, по которой впервые точно датирована известная беседа с ним В. И. Ленина по вопросам монументальной пропаганды и другим важным вопросам⁷⁴.

По этим книгам установлены, например, даты приемов В. И. Лениным в 1918 г.: 13 апреля члена коллегии торфяной части отдела топлива ВСНХ известного инженера А. В. Винтера, 1 июня — наркома почт и телеграфов В. Н. Подбельского, 6 июля — наркома юстиции П. И. Стучки и комиссаров при начальнике Латышской советской стрелковой дивизии И. И. Вацетисе — К. А. Петерсона и К. Х. Данишевского и ряда других лиц⁷⁵.

В ЦГАНХ в важнейших фондах — ВСНХ и отдельных наркоматов — за 1963—1965 гг. было выявлено более 300 материалов, раскрывающих руководящую роль В. И. Ленина в разработке экономической политики партии и руководстве народным хозяйством. В 1963—1966 гг. было выявлено 120 документов В. И. Ленина⁷⁶. В фонде Наркомпрода (ф. 1943) — 4 автографа и 6 подписанных В. И. Лениным документов, в фонде ВСНХ (ф. 3335) — 5 документов, в фонде Главсособпродукт (ф. 2012) — 3 автографа, в фонде Наркомпути (ф. 1884) — 3 автографа, в фонде НКПС (ф. 2281) — 4 автографа, в фонде Наркомфина (ф. 1882) — 13 подписанных Лениным документов и др.⁷⁷ Они находились главным образом в делах переписки наркоматов с СНК и СТО. Подчас их обнаруживали даже в делах не тех учреждений, которым они были направлены. С. Т. Беляков и М. С. Веселина приводят пример обнаружения в фонде ВСНХ, в делах транспортно-материального управления ВСНХ, 6 выписок из постановлений СНК за 1919 г., подписанных В. И. Лениным, которые были адресованы Департаменту государственного казначейства Наркомфина, и 4 ленинских автографов (без подписи), большая часть которых отложилась в секретариате административно-финансового управления фонда Наркомзема (оп. 16). Резолюция В. И. Ленина на копии телеграммы крестьян дер. Калиновки от 28 апреля 1919 г.⁷⁸, например, была обнаружена в деле 71 «Переписка с Совнаркомом о проведении коллективизации сельского хозяйства, о снабжении с/х орудиями; телеграмма Княгининского уездного земельного отдела В. И. Ленину о принятии карательных мер по отношению к лицам, принуждающим крестьян к общественной обработке земли»; ленинская резолюция на телеграмме И. П. Бабкина от 19 января 1919 г.⁷⁹ — в деле 152 «Переписка с губернскими земельными отделами об утверждении Положения о социалистическом землеустройстве, о ремонтных мастерских и местных съездах Советов».

В фонде Наркомпрода (ф. 1943) имеются материалы о беседах В. И. Ленина с рядом лиц и делегаций, подписанные им постановления СНК о назначении руководящих продовольственных работников, его телеграммы по различным вопросам. Так, на основе материалов этого фон-

⁷³ См. там же, с. 74, 78, 116, 198, 237.

⁷⁴ См. там же, с. 358.

⁷⁵ См. там же, с. 379, 506, 518, 610.

⁷⁶ Беляков С. Т. Из опыта работы по выявлению документов В. И. Ленина в Архиве народного хозяйства СССР, с. 114.

⁷⁷ Беляков С. Т., Веселина М. С. Совершенствовать поиски документов В. И. Ленина, с. 16, 17, 18, 19.

⁷⁸ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 7, с. 133.

⁷⁹ См. там же, т. 6, с. 444.

да в Биохронике зафиксированы факты бесед В. И. Ленина 14(27) января 1918 г. с наркомом продовольствия А. Г. Шлихтером по поводу резолюции Всероссийского продовольственного съезда, а затем с представителями этого съезда, факт подписания Лениным именно 20 марта 1918 г. Постановления СНК от 19 марта 1918 г. о назначении Шлихтера чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Сибири⁸⁰. Ряд документов фонда дал возможность установить факты написания Лениным записок, которые до сих пор не разысканы, например записки в Наркомпрод о помощи голодающему населению Смоленской губернии, написанной им не позднее 25 марта 1918 г.⁸¹

В ЦГАСА в 1965 г. в фонде Управления делами Реввоенсовета республики (ф. 4) были выявлены (по почерку) три документа В. И. Ленина (без подписи)⁸². Материалы фондов ЦГАСА дали возможность включить в Биохронику факты ряда встреч и бесед В. И. Ленина с военными работниками, подписания им телеграмм, радиограмм военно-оперативного характера, а также факты многих распоряжений Народному комиссариату по военным делам в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, направления им различных документов в этот наркомат. Например, 12(25) декабря 1917 г. В. И. Ленин беседовал с наркомом по военным делам Н. И. Подвойским относительно снабжения фронта продовольствием⁸³. Об этом стало известно из телеграммы Подвойского Крыленко от 12(25) декабря 1917 г., хранящейся в фонде Управления делами Наркомата по военным делам (ф. 1).

1 и 3 июня 1918 г. В. И. Ленин дал два указания заведующему оперативным отделом Наркомата по военным делам С. И. Аралову: приготовить отряд в количестве 400 человек и предписать Совету броневых частей Красной Армии (Центробронь) приготовить броневик для отправки их с И. В. Сталиным в Астрахань⁸⁴. В названном выше фонде хранятся указание Аралова в Центробронь от 1 июня и его предписание в Военный комиссариат Москвы от 3 июня по этим вопросам. В июне же (не позднее 17) В. И. Ленин дает приказание направить для защиты Пензы бронепоезд № 122 с оружием и красноармейцами⁸⁵.

В ЦГА ВМФ его научными сотрудниками тоже был выявлен ряд ценных сведений для Биохроники В. И. Ленина: о его телефонограмме 7(20) января 1918 г. (телеграфный бланк) П. Е. Дыбенко по поводу убийства матросами А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокоскина; о приеме им в январе 1918 г. делегации ЦК Балтийского флота (Центробалт) по вопросу о вооружении моряков флота револьверами (по протоколу № 64 заседания Центробалта от 19 января (1 февраля) 1918 г.) и в конце марта 1918 г. — заведующего хозяйством Народного комиссариата по морским делам А. С. Максимова — об использовании технического состава и оборудования флота для осуществления планов ВСНХ⁸⁶. Это стало известно из письма Максимова председателю ВСНХ от 1 апреля 1918 г.

В АВП были выявлены важные новые факты о руководящей роли В. И. Ленина в осуществлении миролюбивой внешней политики Советского государства. Стало известно, например, что в июле (не ранее 12) 1918 г. В. И. Ленин беседовал с вернувшимся из Берлина Я. С. Ганецким, который в составе советской делегации принимал участие в переговорах с Германией по выполнению Брестского договора⁸⁷.

Отдельные факты для Биографической хроники были выявлены и местными партийными и государственными архивами. Так, в Филиале Го-

⁸⁰ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 203—204, 326.

⁸¹ См. там же, с. 335.

⁸² *Беляков С. Т., Веселина М. С.* Совершенствовать поиски документов В. И. Ленина, с. 18.

⁸³ См. В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 128.

⁸⁴ См. там же, с. 506, 511.

⁸⁵ См. там же, с. 548.

⁸⁶ См. там же, т. 5, с. 186, 197—198, 349.

⁸⁷ См. там же, с. 631.

сударственного архива Ярославской области в г. Рыбинске были обнаружены документы, из которых выяснилось, что В. И. Ленин принимал управляющего делами Рыбинского областного совнархоза инженера Н. И. Дыренкова не только 20 апреля, но и 18 апреля 1918 г.⁸⁸

Широкое использование архивных фондов очень обогатило Биохронику В. И. Ленина новыми фактами. Влившись в один хронологический ряд с уже известными из опубликованных источников фактами, они сделали их в ряде случаев более понятными. Они дали возможность многостороннее раскрыть огромную теоретическую и главным образом практическую организаторскую деятельность В. И. Ленина по руководству социалистическим государством, Коммунистической партией, народным хозяйством, социалистическим строительством, внешней политикой и защитой Советской республики.

⁸⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 693; т. 50, с. 59; В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 388.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ ¹

20 декабря 1979 г. состоялось совместное заседание Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Археографической комиссии АН СССР, посвященное 110-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Заместитель директора ИМЛ и заведующий Центральным партийным архивом Д. И. Антонок в своем вступительном слове охарактеризовал многогранную деятельность В. И. Ленина и отметил, что с именем Ленина связано и становление основ советской археографии.

Собрание, хранение и использование ленинского литературного и документального наследия составляет содержание одного из важнейших направлений в работе ИМЛ, являющегося крупнейшим мировым центром лениноведения. Пять изданий Сочинений В. И. Ленина, 39 Ленинских сборников, десять томов Биографической хроники жизни и деятельности В. И. Ленина, сотни сборников ленинских произведений и документов — таков вклад ученых ИМЛ в изучение ленинского наследия. Последнее издание Сочинений В. И. Ленина подготовлено с такой полнотой, с какой не издавались сочинения ни одного политического деятеля.

Десять лет назад вышла книга «Фонд документов В. И. Ленина» (М., 1970). Во второй главе ее рассказывается о собирании и поисках ленинских документов. С тех пор фонды ЦПА ИМЛ пополнились сотнями новых документов, написанных Лениным или имеющих его пометки, замечания, подпись. В подготовку публикаций ленинских произведений внесено много нового. Коллективный метод, примененный при расшифровке ленинских рукописей, в отличие от прошлого, индивидуального дает возможность избежать ошибок. Только благодаря коллективным усилиям удалось прочитать ленинские записи на календаре. Они впервые публикуются в XXXIX Ленинском сборнике (М., 1980). Выход ежегодно по одному тому Биографической хроники жизни и деятельности В. И. Ленина — тоже результат такой коллективной работы. Было выявлено 300 документов, не включенных ранее в Сочинения В. И. Ленина.

Доклады и сообщения, представленные на обсуждение собравшихся, позволяют раскрыть новые грани опыта ИМЛ по подготовке к изданию ленинских документов. Возросло число исследователей и учреждений, занимающихся этой тематикой. Сотрудничество с институтами АН СССР и Археографической комиссией поможет расширить границы и повысить научный уровень археографической деятельности в области собирания и публикации наследия классиков марксизма-ленинизма.

В заключение Д. И. Антонок сказал о заслугах ученых ИМЛ в издании новых источников по истории партии и советскому строительству (переписка В. И. Ленина и руководимых им партийных органов с местными партийными организациями, декреты Советской власти и др.), по проблемам международного рабочего движения. Отмечены роль местных партийных архивов в издательской деятельности и расширение публикации историко-партийных документов.

Запланированный доклад Р. М. Савицкой (ЦПА ИМЛ) об источниковой базе Биографической хроники В. И. Ленина не был прочитан на заседании ².

¹ Информацию о заседании см. также: ВИ, 1980, № 2, с. 149; СА, 1980, № 2, с. 91.

² Подготовленная на основе доклада статья публикуется в наст. изд.

Археографическим приемам совместно подготовленных изданий были посвящены коллективные доклады: К. Н. Тарновского (Институт истории СССР АН СССР) и З. Н. Тихоновой (ЦПА ИМЛ) «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты „Искра“ с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.»; К. Г. Ляшенко (ЦГАОР СССР), Е. Д. Ореховой (Институт истории СССР АН СССР), Н. А. Хомяковой (ЦПА ИМЛ) «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями»³.

Л. Л. Муравьева (Институт истории СССР АН СССР) выступила с докладом «Работа по выявлению заграничных адресов В. И. Ленина», в котором охарактеризовала методику поиска и источники. Прежде всего это литературное и эпистолярное наследие самого Ленина, его работы с пометками и ссылками на библиотеки, списки использованных им книг. Вторую группу источников составляют историко-партийные документы. В их числе значительную информацию содержит переписка с «Искрой», объявления о рефератах Ленина (афиши, газеты). Из воспоминаний в первую очередь должны быть привлечены воспоминания Н. К. Крупской. Большой интерес представляют местные материалы (справочные издания, адресные и коммерческие книги и т. д.). Сбор адресов, где бывал Ленин, продолжает оставаться задачей исследователей.

В. В. Анিকেев (ЦПА ИМЛ) рассказал о публикации писем трудящихся В. И. Ленину, их значения как особого вида исторических источников, не только научно-историческом, как документов эпохи, отражающих различные стороны жизни Советского государства, но и политическом, особенно в свете решений ЦК КПСС о работе с письмами трудящихся⁴.

Впервые сборники писем Ленину начали публиковаться в связи с подготовкой к 90-летию со дня его рождения. ЦПА ИМЛ и ЦГАОР СССР был выпущен сборник «Письма трудящихся к В. И. Ленину» (М., 1960; тираж 100 тыс. экз.), получивший одобрение в печати. Особенно широко эта работа развернулась к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Было издано 46 сборников по РСФСР и более 15 — в других союзных республиках. К настоящему времени их известно более 90 (многие из ранее опубликованных вышли вторым дополненным изданием). В это число входят как сборники, содержащие только (или преимущественно) письма трудящихся В. И. Ленину (апрель 1917 — январь 1924 г.), так и сборники смешанного типа, в которых письма выделены, как правило, в самостоятельный раздел.

Первый опыт советских археографов по публикации этого вида документов был обобщен докладчиком в 1961 г.⁵ Им обращалось внимание на целесообразность подготовки изданий писем трудящихся В. И. Ленину в областных, краевых и республиканских центрах объединенными силами работников партийных и государственных архивов, научно-исследовательских институтов и краеведческих музеев. Эта мысль получила поддержку ученых и издательств. В. В. Анিকেев далее рассказал о той исследовательской работе, которую провели в этом направлении архивы, и отметил вклад в подготовку указанных публикаций, внесенный архивистами и археографами РСФСР, особенно Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Он обратил также внимание на недостатки местных изданий с точки зрения полноты состава и принципов передачи текста. Публиковать письма следует по тем фондам, где хранятся оригиналы. Вступительные статьи и научно-справочный аппарат должны отражать специфику публикуемых документов. В заключение Анিকেев аргументировал необходимость составления полного каталога писем трудящихся В. И. Ленину.

³ См. наст. изд.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1978, т. 12, с. 269—272; М., 1981, т. 13, с. 357, 361—362.

⁵ Анিকেев В. В. Подлинно человеческие документы.— Вопросы истории КПСС, 1961, № 4.

Все вопросы, которые освещались в докладах и сообщениях, сказал Ю. Н. Амиантов (ЦПА ИМЛ), прямо или косвенно связаны с поиском новых ленинских документов. Он отметил далее, что тема его сообщения «Опыт поиска ленинского наследия» обширна, опыт собирания велик, поэтому им намечены лишь некоторые ее аспекты. По данным, которыми располагает ЦПА ИМЛ, отсутствует более 1000 документов (или групп документов), принадлежащих Ленину. В эту цифру не включены документы, подписанные Лениным, а также документы с пометками и резолюциями Ленина. В приведенные данные не входят, например, книги с пометками Ленина — комплекс источников, характеризующих его творческую лабораторию. Таким образом, предмет розыска достаточно широк.

За последние 12 лет получено около 900 новых ленинских документов из архивов (в том числе личных), библиотек и других организаций как СССР, так и зарубежных.

Особую группу составляют документы ЦПА ИМЛ, выявленные в результате подготовки изданий ЦПА и обработки фондов, экспертизы пометок на вырезках из газет периода первой мировой войны. Ведется работа по установлению состава книг, которыми Ленин пользовался в сибирской ссылке (исследования Д. С. Жаркова с помощью сотрудников ЦПА и библиотеки ИМЛ). Подготовлена публикация списка книг, переданных Лениным библиотеке РСДРП⁶.

Одна из задач работы по выявлению документов В. И. Ленина — это организация ее в системе государственных архивов. Всего же из государственных архивов с 1923 г. по настоящее время поступило более 7000 документов Ленина, что составляет около $\frac{1}{5}$ документального ленинского фонда ЦПА ИМЛ. Трудности поиска ленинских документов в архивах и библиотеках связаны с трудоемкостью самой работы, необходимостью знания особенностей делопроизводства того времени и истории деятельности учреждений, сложностью определения авторства документов (в особенности пометок) по почерку. Для облегчения решения этих задач необходимо: подготовить и разослать в архивы список неразысканных ленинских документов; подготовить альбом с образцами автографов Ленина, ряда деятелей Советского государства, работников Секретариата СНК и СТО; разработать новые методические рекомендации, обобщающие накопленный опыт, особенно в связи с подготовкой многотомного труда «В. И. Ленин. Биографическая хроника», систематически готовить кадры, способные вести эту сложную работу.

Что касается материалов и документов Ленина, могущих быть в семейных архивах, то информация, имеющаяся о них, уже недостаточна. Она должна быть полнее и шире с целью выявления новых источников и направлений поисков.

В заключение выступил председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт. «Научные конференции, — сказал он, — организуемые Комиссией (как научным проблемным советом, координирующим работу в области археографии и смежных научных дисциплин) и крупнейшими хранилищами документальных памятников, являющимися одновременно центрами научно-исследовательской работы, стали за последние годы традицией. Отрадно, что такая конференция состоялась совместно и с ЦПА ИМЛ и что произошло это вскоре после опубликования постановления ЦК КПСС от 13 декабря 1979 г. „О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина“⁷».

Прочитанные доклады позволяют еще раз убедиться в том, на каком высоком археографическом уровне ведется работа по выявлению, собиранию, научному описанию и публикации великого ленинского наследия. Они свидетельствуют также о тесных и постоянных творческих взаимосвязях научных сотрудников Института марксизма-ленинизма, учрежде-

⁶ ВИ, 1980, № 3, с. 84—97.

⁷ Правда, 1979, 16 дек.

ний АН СССР, архивов. Умелая кооперация работы — залог ее дальнейшего совершенствования.

Многообразная плодотворная деятельность Центрального партийного архива нашла ранее отражение в материалах конференции 1978 г., посвященной 60-летию подписанного В. И. Лениным декрета о реорганизации и централизации архивного дела в нашей стране⁸. Материалы эти представляют серьезный научный интерес, но изданы они ничтожно малым тиражом (400 экз.) и поэтому малодоступны для работников архивов и археографов. На конференции в докладе «Некоторые вопросы истории и методики археографии и архивоведения»⁹ говорилось уже о всемирно-историческом значении опыта собирания, изучения и издания наследия Маркса, Энгельса, Ленина для развития методологии и методики архивоведения, археографии, источниковедения и распространения исторических знаний.

Выдающимся достижением советской археографии являются Сочинения классиков марксизма-ленинизма, а также такие сопутствующие им издания, как «Архив Маркса и Энгельса», «Ленинские сборники», «Философские тетради» и другие работы, раскрывающие творческую лабораторию великих мыслителей.

В плане истории развития лениноведения недостаточно еще исследован и оценен вклад, внесенный в становление советской археографии и архивного дела ветеранами партии — соратниками Ленина. Известно, например (об этом упоминалось и на заседании), какую роль сыграла Н. К. Крупская в организации ленинского архива, системы изучения и издания ленинских материалов.

Выводы и наблюдения, о которых сообщалось в докладах, интересны не только для методики поиска и издания документальных памятников, относящихся к изучению жизни и творчества Владимира Ильича. Они имеют общеметодическое значение для источниковедения и археографии в целом. Прежде всего это относится к методике разыскания документов. Принципы комментирования ленинских трудов, особенно деловых записок, выписок из книг и т. п., могут быть использованы при изучении и издании так называемых «деловых бумаг» вообще, при изучении творческой лаборатории других мыслителей. Существенную методическую помощь археографам оказывает опыт издания переписки В. И. Ленина, выявления «скрытого текста», расшифровки псевдонимов, сопоставления сведений писем с данными воспоминаний и других разновидностей источников и т. д. Желательно, чтобы эти результаты работы сотрудников ИМЛ были обобщены, прежде всего в методической архивоведческой и археографической литературе.

В заключение было отмечено значение публикаций ИМЛ для формирования у широких слоев читателей научных представлений об археографической культуре. Читатель, осваивая содержание ленинских трудов и еще раз убеждаясь в безмерной глубине и актуальности ленинской мысли, воспринимает и приемы их издания как норму. Текстологические примечания, факсимильное воспроизведение ленинских автографов, особенно важное для многократно правленных Лениным текстов, фактологические комментарии, система указателей и т. п., которыми снабжены ленинские произведения и документы, составляют обязательные элементы издания, подготовленного археографически на должном научном уровне.

Л. Н. Растопчина

⁸ Актуальные проблемы архивоведения и источниковедения марксизма-ленинизма и истории КПСС: Материалы научной конференции, состоявшейся 23—25 мая 1978 г. М., 1979. Ротапринт.

⁹ Там же, с. 173 и др.

И. Н. Курбатова

175 ЛЕТ «ДЕПО МАНУСКРИПТОВ»

11 марта 1980 г. исполнилось 175 лет со времени образования Депо манускриптов, как первое время называлось Отделение рукописей имп. Публичной библиотеки, ныне Отдел рукописей и редких книг ГПБ¹. По правительственному рескрипту от 27 февраля (11 марта) 1805 г.² в основу Депо манускриптов была положена коллекция П. П. Дубровского, который был назначен его первым хранителем³.

История отдела — комплектование и раскрытие его фондов, деятельность по обслуживанию читателей, использование его материалов — довольно подробно освещена в «Истории Государственной Публичной библиотеки», вышедшей в 1963 г. к 150-летию библиотеки⁴. Поэтому можно не останавливаться на этих вопросах, а дать лишь общую характеристику рукописных фондов отдела⁵ и его деятельности после 1963 г.

ОР ГПБ — одно из крупнейших мировых хранилищ рукописных материалов, подлинная сокровищница памятников культуры России. Собрание русских рукописных книг дает обильный материал для изучения отечественной истории, истории русского языка, литературы и искусства (изобразительного, музыкального) с XI в. до наших дней. В первые же годы существования отдела сюда поступили некоторые из самых ценных древнерусских книг. В 1806 г. Александр I передал в Депо манускриптов «Остромирово евангелие» 1057 г. — старейшую из всех датированных русских книг⁶. В 1811 г. поступила «Лаврентьевская летопись» 1377 г. — самый древний датированный список начальной русской летописи. Это одна из немногих уцелевших рукописей собрания А. И. Мусина-Пушкина, так как это знаменитое собрание сгорело во время московского пожара 1812 г.

В отделе хранятся коллекции ценных славянских и русских рукописных книг, собранные трудами ученых и коллекционеров: слависта А. Ф. Гильфердинга, епископа Порфирия (Успенского), ростовского краеведа А. А. Титова, Ф. А. Толстого и др. Особенно ценным является собрание московского историка М. П. Погодина, поступившее в библиотеку в 1852 г. Большую часть его составляет «Древлехранилище», т. е. собрание памятников русской письменности, которое насчитывает 2050 номеров и содержит многие списки первостепенной научной значимости. Здесь имеются многочисленные древние списки летописей, Хронографа,

¹ Открытие библиотеки состоялось 2(14) января 1814 г.

² ПСЗ, I, т. 28, № 21640.

³ До этого времени, в 1795 г., в период собрания фондов будущей Публичной библиотеки в Петербург была привезена из Варшавы библиотека братьев А. С. и И. А. Залуских. В ней было 10 425 томов рукописных книг более чем на 20 западноевропейских и восточных языках. Однако славянских и русских рукописных книг были единицы. В 1925 г. книги бывшей библиотеки Залуских были переданы Советской Россией по Рижскому мирному договору Польше. Во время второй мировой войны значительная часть коллекции погибла.

⁴ История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963, 436 с.; см. также: Императорская публичная библиотека за сто лет. 1814—1914. СПб., 1914. 481 + XXVI с.

⁵ В 1960 г. к Отделу рукописей был присоединен «Дом Г. В. Плеханова», о рукописных фондах которого мы расскажем ниже. В 1970 г. к нему присоединился Отдел редких книг, который ныне является сектором Отдела рукописей и редких книг.

⁶ В 1957 г. в ГПБ была организована научная сессия, посвященная 900-летию «Остромирова евангелия», доклады которой см.: ТГПБ. Л., 1958, т. 5(8); среди них обобщающий характер имеет статья Н. Н. Розова «Остромирово евангелие в Публичной библиотеке. 150 лет хранения и изучения» (там же, с. 9—32).

Степенной книги, а также памятников русской публицистики XVI в. — сочинений Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Ивана Пересветова, Ивана Грозного, многие списки произведений древнерусской литературы, в том числе единственный дошедший до наших дней список «Повести о Горе-Злосчастии».

В середине XIX в. в отдел поступило еще одно очень ценное собрание — Эрмитажное, включающее как русские, так и иностранные рукописи. Его русская часть состоит из таких знаменитых рукописных книг, как Изборник 1076 г., Хронограф XV в., списки XVI в. Судебника Ивана IV, список опричников Ивана Грозного и материалов по истории русской науки, военного дела, экономики России XVIII в., а также списков XVIII в. с древнерусских памятников, часть из которых впоследствии была утрачена⁷.

После Октябрьской революции в отдел поступили собрания рукописных книг духовных учебных заведений и в их числе три исторически сложившихся комплекса: библиотеки Софийского собора в Новгороде, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей.

В отделе хранятся и первоклассные уникальные памятники искусства книги южных славян: Зографское евангелие XI в., Вуканово евангелие XII в. и др. В настоящее время в отделе насчитывается около 30 тыс. славянских и русских рукописных книг.

Первостепенное значение для изучения социально-экономической истории России феодального периода имеет собрание русских актов и грамот, насчитывающее свыше 10 тыс. единиц. Хронологический охват этих документов — в основном XIII—XVIII вв. Наиболее ранний документ — Договорная грамота Новгорода с Ригой и Любеком 1269 г., а самый длинный — около 15 м — украшенная миниатюрами челобитная грамота подьячего Ямского приказа Григория Всполохова царю Алексею Михайловичу по случаю рождения сына — будущего императора Петра I. В научном описании собрания актов и грамот принимали участие сотрудники отдела А. И. Андреев, В. Г. Гейман, Е. Э. Гранстрем. В настоящее время эта работа продолжается⁸.

Большую часть фондов отдела составляют русские фонды личного происхождения и отдельные автографы русских деятелей XVIII—XX вв. Первый большой массив подобных материалов поступил в собрании М. П. Погодина. Его коллекция автографов содержала в себе рукописи почти всех выдающихся писателей XVIII — начала XIX в.: А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина и др. В настоящее время число личных фондов и собраний превысило 1200. Среди них фонды Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, государственных деятелей М. М. Сперанского, В. К. Плеве, К. Г. Репинского.

Благодаря В. В. Стасову в отдел поступили многие фонды и отдельные рукописи русских композиторов: М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, М. П. Мусоргского, А. П. Бородина, М. А. Балакирева, А. Г. Рубинштейна, П. И. Чайковского, Ц. А. Кюи, А. К. Лядова, А. К. Глазунова и др. Стасов способствовал и пополнению отдела материалами художников и скульпторов. При его содействии поступили архив М. М. Антокольского, рисунки К. П. Брюллова, И. К. Айвазовского, И. Е. Репина и др.

В результате переговоров М. Горького с А. В. Луначарским в 1919 г. была приобретена у П. Л. Вакселя и Э. П. Юргенсона крупнейшая коллекция автографов, содержащая более 5000 рукописей русских деятелей культуры и около 3000 — иностранных. В советское время были приоб-

⁷ Альшиц Д. Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания. Памятники XI—XVII вв. Описание. М., 1968. 158 с.

⁸ Каталог актов и грамот. Л., 1979, вып. 6 / Сост. Т. П. Глушкова; Ред. Д. Н. Альшиц и В. И. Афанасьев. 271 с.

ретены и получены в дар фонды писателей А. А. Блока, С. А. Есенина, А. А. Ахматовой, В. А. Рождественского, А. С. Новикова-Прибоя, Л. Н. Сейфуллиной, В. М. Инбер, художника И. И. Шишкина, артиста Н. Ф. Монахова, композитора М. М. Ипполитова-Иванова и части фондов педагога К. Д. Ушинского, писателей В. В. Хлебникова, А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга, М. В. Исаковского, С. В. Михалкова. В них хранятся биографические, творческие, изобразительные материалы и переписка. В отделе имеется также несколько собраний, материалы которых не образовали отдельных фондов. Это — собрания нот, карт и планов, архитектурных чертежей, рисунков и акварелей, коллекции единичных поступлений.

К русским фондам XVIII—XX в. примыкают рукописи, которые хранятся в «Доме Г. В. Плеханова». Кроме фонда самого Плеханова, в нем находятся архивы членов группы «Освобождения труда» В. И. Засулич, Л. Г. Дейча и других лиц. Всего архив насчитывает 15,5 тыс. единиц хранения. Самую ценную его часть представляют рукописи Плеханова — автографы его произведений и подготовительные материалы к ним, которые являются базой для издания его трудов.

Собрание рукописей и автографов на западноевропейских языках включает в себя около 6000 рукописных книг и около 71 тыс. единиц хранения автографов. Это первоклассные источники по истории Западной Европы IX—XX вв. Основой фонда западных рукописей является коллекция П. П. Дубровского. Значительную часть этого собрания составляют средневековые кодексы и документы из парижского монастыря Сен-Жермен де Пре⁹. В начале XVII—XVIII вв. в этот монастырь были переданы книги и рукописи из собрания французского канцлера Сегье, библиотека рода Арлэ и рукописи знаменитого своей мастерской письма бенедиктинского монастыря Корби. Приобрел Дубровский также документы архива монастыря Сент-Антуан де Шан и целого ряда других монастырских и фамильных архивов Франции, а также часть архива Бастилии, в котором было «полицейское досье» Вольтера¹⁰. В числе западноевропейских рукописных книг коллекции Дубровского поступили такие уникалы, как сочинения Августина V в., рукопись Оригена VI в., пурпурный кодекс — Евангелие VIII в., Реймский миссал XIII в. и Бестиарий XII—XIII вв., молитвенник XV в., принадлежавший Марии Стюарт. Дубровский собирал также письма ученых и писателей XVI—XVIII вв., среди которых письма Эразма Роттердамского, Левенгука, Лейбница, Бернулли, Бюффона, Вольтера, Дидро, Руссо¹¹.

В 1836 г. в отдел поступила ценная коллекция генерала и русского посла в Стокгольме П. К. Сухтелена, в которой значительное место занимали средневековые рукописные кодексы на латинском, французском, шведском и голландском языках, а также более 13 тыс. автографов знаменитых людей с XVI в. до 1830 г. Среди них были документы и письма лиц почти всех королевских и княжеских фамилий Западной Европы, государственных деятелей, полководцев, ученых и писателей Англии, Германии, Италии, Нидерландов, Португалии, Франции, Швеции, а также России. К коллекции Сухтелена относится архив Вестфальского королевства (14 тыс. ед. хр.)¹² и архив итальянского филолога и литератора Анджело Калоджера, содержащий более 12 тыс. писем ученых Западной Европы XVIII в.

⁹ Воронова Т. П. П. П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи. — В кн.: Книги. Архивы. Автографы. М., 1973, с. 101—114.

¹⁰ Люблинская А. Д. Бастилия и ее архив. — В кн.: Французский ежегодник. 1958. М., 1959, с. 104—126; Она же. Документы из Бастильского архива: Аннот. каталог. Л., 1960. 328 с. Ротап rint.

¹¹ Люблинская А. Д. Западные рукописи в Ленинградской публичной библиотеке. — Советская наука, 1940, № 9, с. 96—107; Бернадская Е. В., Воронова Т. П. Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского. Л., 1963. 107 с.

¹² Искюль С. Н. Вестфальский архив в ГПБ. — АЕ за 1971 год. М., 1972, с. 284—289.

Иностранная часть Эрмитажного собрания включает в себя 470 рукописных книг. Среди них находятся кодексы XIII—XIV вв. из немецкого монастыря Вейсенау и знаменитые «Большие французские хроники» XV в., украшенные многочисленными миниатюрами Симона Мармиона и его учеников. С Эрмитажным собранием поступили авторизованные копии произведений Дидро. К западным фондам относятся также архив немецкого художника и астронома Г. Х. Эймарта, содержащий 2 тыс. писем немецких ученых и архив французского писателя и библиофила Поля Лакруа. Среди западных фондов исследователь найдет рукописи Баха, Бетховена, Моцарта, Листа и других выдающихся западноевропейских композиторов. Значительное количество иностранных материалов хранится в составе фондов русских деятелей: Ю. В. Крюденер, Н. К. Шильдера, П. Н. Батюшкова.

Коллекция Дубровского положила основание и восточным фондам отдела. В ней находилось около 100 рукописей на восточных языках. В 1814 г. в библиотеке имелось 183 восточных рукописи: 42 арабских, 29 персидских, 17 тюркских, 32 китайских, армянские, грузинские, коптские и др. Восточный фонд значительно увеличился в 1828—1830 гг., когда в библиотеку поступили 6 больших и ценных собраний рукописей на арабском, персидском и тюркском языках. Например, в 1829 г. в библиотеку было передано 18 великолепно оформленных персидских и таджикских рукописей поэтических и исторических сочинений¹³. В 1862—1876 гг. библиотека приобрела большое собрание еврейских, караимских, арабских и самаритянских рукописей, составленное археологом и путешественником А. С. Фирковичем. Важными приобретениями библиотеки явились купленные в 1864 г. собрания русского востоковеда-этнографа Н. В. Ханыкова (рукописи на арабском, персидском и тюркских языках) и французского арабиста Ж.-Ж. Марселя (132 рукописи на арабском языке, преимущественно VIII—X вв.). В 1871—1877 гг. поступили три большие коллекции рукописных книг на арабском, персидском, таджикском и староузбекском языках из Средней Азии. Во второй половине XIX в. продолжали поступать грузинские и армянские рукописи. В 1913 г. из Зимнего дворца поступили в отдел 20 роскошных персидских и татарских рукописей, подаренных бухарским эмиром по случаю 300-летия дома Романовых. Пополнение восточных фондов продолжалось и в советское время. Так, в 1939 г. библиотека приобрела две коллекции рукописей, принадлежавшие жителю г. Махачкалы А. И. Тамаго и представляющие значительный интерес для истории культуры Дагестана и других северокавказских областей в XVIII — начале XX в. В 1964 г. поступило около 100 арабских, персидских и татарских рукописей из Казани.

В составе восточного фонда отдела, кроме рукописей на уже перечисленных языках, имеются рукописи на курдском, китайском, японском, турецком, коптском, эфиопском, древнеегипетском, индийских (санскрите, пали, тамильском и др.) языках, рукописи, написанные на пальмовых листьях сингальскими, камбоджийскими, непальскими, джайнскими и бирманскими письменами. Хронологически восточные памятники охватывают период около 3 тыс. лет — с XI—X в. до нашей эры до 50-х годов XX в. В настоящее время этот фонд насчитывает около 20 тыс. единиц хранения. Среди них много уникальных и редких списков.

Значительную ценность представляет греческий фонд отдела. Он начал создаваться с момента образования Депо манускриптов, поскольку в собрании Дубровского были греческие рукописи. Всего поступило в 1805 г. 19 рукописей, в их числе рукописи IV в., Евангелие и Апостол XII в. с красочными миниатюрами. В 1850 г. к ним присоединились 55 рукописей, собранные в экспедициях лейпцигским профессором

¹³ Демидова М. П., Костыгова Г. И. Фонды рукописей и печатных изданий на языках народов Востока в ГПБ. — В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963, с. 163—171.

К. Тишендорфом. Среди этих материалов было несколько рукописей, написанных на папирусе, и много палимпсестов¹⁴. Большое число греческих рукописей — 288 единиц — поступило вместе с собранием Порфирия Успенского, который в течение ряда лет был представителем русской церкви на Востоке, что давало ему широкие возможности для коллекционирования рукописей¹⁵. В собрании архимандрита Антонина (Капустина) было 47 греческих рукописей IX—XIX вв. Почти половина фонда греческих рукописей, который насчитывает около 900 единиц хранения и является самым крупным в СССР, — это памятники византийского времени. Большую часть из них составляют богослужебные книги, произведения церковных писателей, но имеются также кодексы с произведениями античной и византийской светской литературы, памятники права и словари¹⁶. Коллекция содержит превосходные образцы византийского искусства и живописи¹⁷.

Даже такой краткий обзор рукописных фондов Отдела рукописей и редких книг свидетельствует о том, что отдел является сокровищницей источников по истории и истории культуры России и многих стран мира.

Фонды отдела продолжают непрерывно пополняться. Так, например, в восточные фонды в последние годы вошло собрание рукописных книг из библиотеки акад. И. Ю. Крачковского и собрание рукописей из Бахчисарайского музея. Для пополнения фондов древнерусской рукописной книги в 1978 г. было приобретено ценное собрание В. А. Крылова, значительная часть которого состоит из богато иллюстрированных книг XV—XIX вв.

Особенно активно в настоящее время комплектуется отдел русскими архивными материалами XVIII—XX вв. Значительная доля их приходится на фонды и отдельные поступления советского периода. Отдел принимает в дар и приобретает архивные материалы писателей, художников и архитекторов, ученых гуманитарного профиля и общественных деятелей. Особое место занимают среди них рукописи, раскрывающие историю Ленинграда, его культурную и научную жизнь после Октябрьской революции. Ежегодно в отдел поступает 4—6 тыс. единиц хранения¹⁸.

Образование и развитие Отдела рукописей связано со многими замечательными именами, оставившими значительный след в истории культуры. Главными хранителями его фондов были: П. П. Дубровский (1805—1812 гг.), один из первых русских палеографов и археографов А. И. Ермолаев (1812—1828), замечательный филолог-лингвист, автор классических работ по славяно-русскому языкознанию акад. А. Х. Востоков (в 1828—1844 гг. заведовал отделом, а с 1815 г. работал там помощником хранителя), видные ученые-палеографы акад. А. Ф. Бычков (1844—1881) и его сын чл.-кор. АН СССР И. А. Бычков (1881—1944). В работе Отдела рукописей принимали участие великий русский баснописец И. А. Крылов, выдающийся художественный и музыкальный критик В. В. Стасов, известные ученые А. Я. Гаркави, акад. П. К. Коковцев, чл.-кор. В. В. Бартольд, В. Н. Бенешевич, акад. В. Ф. Шишмарев, О. А. Добиаш-Рождественская, чл.-кор. Н. В. Пигулевская и др. Их тру-

¹⁴ *Tischendorf A. F. C. Anecdota sacra et profana ex oriente allata sive Notitia codicum graecorum, arabicorum, syruacorum, copticorum, hebraicorum, aethiopicorum, latinorum...* Lipsiae, 1855, XV + 220 p.

¹⁵ Краткий обзор собрания рукописей, принадлежавшего преосвященному епископу Порфирию, а ныне хранящегося в Императорской публичной библиотеке. СПб., 1885. 179 с.

¹⁶ *Гранстрем Е. Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ.— ВВ. М., 1959—1971, т. 16—32.

¹⁷ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки / Сост. А. В. Банк и М. А. Бессонов. М., 1977, т. 1—3, вып. 1. 191 с.; вып. 2. 155 с.; вып. 3. 179 с.

¹⁸ О поступлениях за последнюю четверть века см.: Новые поступления в Отдел рукописей. 1952—1966.: Краткий отчет / Под ред. Р. Б. Заборовой и А. С. Мильникова. М., 1968. 200 с.; Краткий отчет о новых поступлениях в Отдел рукописей за 1967—1968 гг.— В кн.: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1964—1968 гг. М., 1968, с. 152—208; Новые поступления Отдела рукописей и редких книг. 1974—1978 гг.: Каталог. Л., 1980. 168 с.

дами и трудами их помощников и учеников Отдел рукописей стал крупным центром по изучению всего комплекса проблем, связанных с хранением и использованием в науке неисчислимых рукописных богатств библиотеки.

Перед хранителями Депо манускриптов с первых же лет его существования стояли две главные задачи — комплектование и сохранение фондов, с одной стороны, и использование этих фондов — с другой. Использование рукописных фондов, в свою очередь, заключается в создании к ним справочного аппарата для разыскания нужного материала по требованию читателей, а также научное исследование силами самих сотрудников отдельных документов и их комплексов. С увеличением числа читателей задачи по использованию рукописей возросли, хотя и другие виды работ не уменьшились.

Работа по созданию справочного аппарата началась еще до образования Депо манускриптов, когда Дубровский составил инвентарную опись своего собрания. Ее продолжили А. И. Ермолаев и А. Х. Востоков. Оба они благодаря своей работе в Отделе рукописей стали крупными учеными-палеографами. Бычковы много сделали не только для организации фондов и комплектования Отдела рукописей, но и для развития отечественной науки по изучению древнерусской письменности и истории России.

Исключительное значение для организации и раскрытия фонда отдела имели описания, составленные Бычковыми в течение почти 100 лет (с 1852 г.) и публиковавшиеся в годовых отчетах о новых поступлениях рукописей в библиотеку¹⁹. В инвентарных книгах, которые вели Бычковы, а затем в печатных каталогах давались довольно подробные описания каждой вновь поступившей в отдел рукописной книги, описывались фонды и отдельные автографы XVIII—XX вв. Эти описания продолжают использоваться и до сих пор.

В советское время научное описание и исследование фондов отдела было не только продолжено, но и значительно расширено. Изучение всех вопросов, связанных с хранением рукописей и их использованием на принципиально иной методической основе, способствовало углубленному научному освоению источников. Каталоги, монографии, статьи, обзоры О. А. Добиаш-Рождественской, А. Д. Люблинской, Т. В. Луизовой, Т. П. Вороновой, Е. В. Бернадской, Н. В. Пигулевской, Е. Э. Гранстрем, А. Л. Троицкой, Г. И. Костыговой, В. В. Лебедева, Р. Б. Заборовой, М. Я. Стецкевич, Е. П. Федосеевой, А. С. Ляпуновой, И. А. Коноплевой, Н. Н. Розова, Д. Н. Альшица, Т. Н. Копреевой, Т. П. Глушковой и других сотрудников отдела, вышедшие в эти годы, являются серьезными исследованиями, значительно расширившими источниковую базу советской науки и способствующими разработке отдельных ее проблем.

В советское время были составлены каталоги на материалы по социально-экономической истории России, по истории революционного движения. Библиотекой были выпущены в свет обзоры и каталоги, раскрывающие фонды писателей, композиторов, а также тематические каталоги по истории городов, архитектуры, по библиотековедению²⁰. В последние годы сотрудниками отдела было подготовлено три сборника статей, обо-

¹⁹ Сведения о поступлениях в отделение рукописей печатались в Отчетах Публичной библиотеки, которые выходили регулярно начиная с 1851 по 1917 г. После Октябрьской революции И. А. Бычков еще два раза подготовил обзор новых поступлений, которые печатались в журнале «Библиографическое обозрение».

²⁰ Обзор этих изданий см.: История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; *Мыльников А. С.* Печатные каталоги и обзоры рукописных фондов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 455—457; Рукописные фонды Публичной библиотеки / Сост. Н. А. Зубкова; Ред. А. С. Мыльников. Л., 1971. 119 с.; *Стецкевич М. Я.* Справочные и методические пособия Отдела рукописей и редких книг ГПБ: Аннотированный список. — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 324—335.

ров и публикаций²¹. В них помещены исследования отдельных документов, фондов и коллекций всех частей отдела.

Продолжалось описание и публикация материалов по древнерусской рукописной книге. Сотрудники отдела приняли участие в составлении «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Е. В. Афанасьевой и В. М. Загребиным подготовлено научное описание древнерусских и славянских книг XI—XIII вв. для Сводного каталога. Сотрудниками западной группы составлен для него предварительный список²². Завершается подготовка к изданию многотомного каталога «Описание собрания рукописной книги М. П. Погодина», в котором участвуют почти все сотрудники группы древнерусской рукописной книги²³. В издательстве «Книга» была издана монография Н. Н. Розова²⁴.

По русским архивным материалам XVIII—XX вв. опубликовано несколько каталогов. Издания двух из них, раскрывающих русско-болгарские связи и связи России с балканскими славянами, были приурочены к 100-летию со дня освобождения Болгарии от османского ига. Один из этих каталогов был подготовлен совместно ГПБ и Народной библиотекой им. Кирилла и Мефодия и издан в Софии²⁵. Вышли каталоги архива Литфонда и материалов художника Г. С. Верейского²⁶. Продолжалась публикация рукописных материалов из фондов Дома Плеханова²⁷. Сотрудниками отдела подготовлен «Путеводитель по русским фондам XVIII—XX вв.» (64 а. л.).

Активно велось изучение восточных фондов. Большим достижением было издание трех выпусков «Восточного сборника», содержащих каталоги, обзоры и исследования восточных рукописных фондов отдела. Первый «Восточный сборник» вышел в 1926 г. под редакцией акад. Н. Я. Марра. Наряду с исследованиями и публикациями отдельных рукописей 2-й и 3-й выпуски включали также каталоги и обзоры некоторых фондов. Так, во 2-м выпуске были помещены алфавитный список курдских рукописей (М. Б. Руденко) и обзор греческих рукописей (Е. Э. Гранстрем); в 3-м выпуске — краткий каталог монгольских рукописей и ксилографов (Е. Н. Санкритьяна) и обзоры арабских, персидских и таджикских, тюркских рукописей «новых серий» (А. И. Михайлова, Г. И. Костыгова и Л. В. Дмитриева)²⁸. Вышли два каталога отдельных коллекций восточного фонда²⁹.

²¹ Книги. Архивы. Автографы. Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973. 281 с.; Из истории рукописных и старопечатных собраний. Л., 1979. 199 с.; Проблемы источниковедческого исследования рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979. 200 с.

²² Воронова Т. П. О предварительном списке рукописей латинского алфавита V—XV вв., хранящихся в ГПБ. (Для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР). — АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 18—23.

²³ В ходе этой работы был выявлен неизвестный до этого времени памятник древнерусской литературы (*Енин Г. П. Неизвестная повесть о Смутном времени.* — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология: Ежегодник. М., 1977, с. 12—22).

²⁴ Розов Н. Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. М., 1977. 122 с.

²⁵ Описание документальных источников по истории русско-болгарских связей за 1850—1970-е годы в рукописных фондах ГПБ / Сост. Л. И. Бучина, Т. Д. Винокурова, М. Я. Стецкевич; Под ред. К. Вызвизовой и М. Я. Стецкевич. София, 1978. 212 с.; Материалы по истории балканских славян в Отделе рукописей и редких книг ГПБ: Каталог / Сост. Л. И. Бучина, Т. Д. Винокурова, М. Я. Стецкевич; Ред. М. Я. Стецкевич. Л., 1977, вып. 1. 180 с.; вып. 2. 66 с.

²⁶ Описание архива Литературного фонда: Аннотированный указатель / Сост. Р. Б. Заборова и В. Н. Сажин; Ред. Р. Б. Заборова. Л., 1978, вып. 1. 247 с.; Л., 1979, вып. 2. 174 с.; Георгий Семенович Верейский: Каталог акварелей и рисунков его архива / Сост. Е. П. Федосеева. Л., 1977. 48 с.

²⁷ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова / Под ред. М. Т. Иовчука, И. Н. Курбатовой, Б. А. Чагина, П. Ф. Юдина. М., 1973—1974. Т. 1—3.

²⁸ ГПБ, т. 2 (V). Восточный сборник. Л., 1957, вып. 2. 238 с.; Восточный сборник. Л., 1977, вып. 3. 150 с.

²⁹ Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» ГПБ / Сост. Г. И. Костыгова; Ред. А. Н. Болдырев; Арабские документы IX—XX вв.: Каталог / Сост. В. В. Лебедев; Ред. О. Г. Большаков. Л., 1978, 105 с.

Много было сделано для раскрытия содержания фондов западной группы³⁰. Публикация Е. В. Бернадской материалов из архива А. Калоджера была издана в Италии³¹. Т. П. Вороновой продолжалось палеографическое исследование отдельных памятников и их комплексов³². После нескольких лет перерыва стали выходить каталоги, раскрывающие западные фонды³³.

В отделе все время велась активная методическая работа. Были разработаны инструкции, которые обобщили многолетний опыт описания рукописей сотрудниками отдела. Несколько инструкций были изданы в 1979 г.³⁴

Разумеется, сотрудники отдела не ограничиваются изучением только этих вопросов. Их исследования посвящены также изучению истории СССР, западных стран и стран Востока с древнейших времен до наших дней, различным вопросам истории книги, палеографии, кодикологии, археографии, филологии и лингвистики. Сотрудники ежегодно печатают свои статьи во многих специализированных научных журналах и сборниках, выступают с докладами и сообщениями на всесоюзных и межведомственных совещаниях и конференциях за рубежом.

Памятники истории культуры, хранящиеся в отделе, становятся достоянием науки после их публикации, печатаются монографии, в которых авторы исследуют отдельные части фондов отдела. В последнее время начинают выходить факсимильные издания особо уникальных памятников. В 1978 г. была издана «Киевская псалтирь»³⁵. Лейпцигским издательством опубликовано факсимиле «Молитвенника Людовика XII» (начало XVI в.). Издательство «Аврора» готовит факсимильное воспроизведение «Остромирова евангелия».

С 1969 г. отдел ведет большую работу по оказанию методической помощи периферийным хранилищам рукописной и редкой книги. Во время инспекционных выездов сотрудников отдела выявляется наличие рукописных и редких книг, делается их первичная обработка, инструктируются сотрудники по вопросам хранения и научной обработки фондов. За эти годы сотрудники отдела провели методическую работу в восьми областях РСФСР, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Чечено-Ингушской и Дагестанской автономных республиках³⁶. С 1979 г. библиотека является методическим центром по вопросам сохранности и ис-

³⁰ Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561—1563 / Под ред. проф. А. Д. Люблинской. М.; Л., 1962, т. 1. 363 с.; Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633—1649: Сб. документов из архива П. Сегье / Под ред. проф. А. Д. Люблинской. М.; Л., 1966, т. 1. 406 с.; Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633—1649: Сб. документов из архива П. Сегье / Под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1980, т. 2. Северные и центральные провинции; Древнейшие латинские рукописи ГПБ. Каталог рукописей VII — начала IX в. / Сост. О. А. Добиаш-Рожественская. Л., 1965. 153 с.

³¹ *Bernadskaja E. V. Le lettere di Girolamo Baruffaldi ad Angelo Calogera-Atti e memoire della Deputazione Prov. Ferrarese di Storia Patria*, 1973, Serie Terza, vol. 13, p. 223—243.

³² *Воронова Т. П. Нормандские финансовые документы XIV в. из коллекции П. П. Дубровского в ГПБ.* — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 319—336.

³³ Грамоты аббатства Сент-Антуан XIII—XVIII вв.: Каталог / Сост. Е. В. Бернадская. Л., 1979. 78 с.; Сборники документов коллекции П. П. Дубровского: Каталог / Сост. Т. П. Воронова. Л., 1979. 132 с.

³⁴ Рабочая инструкция по описанию материалов ведомственного происхождения в личных фондах / Сост. Л. А. Мандрыкина. Л., 1973. 78 с.; Сборник инструкций по рукописным фондам XVIII—XX вв. / Сост. Л. А. Мандрыкина и А. С. Ляпунова; Ред. Р. Б. Заборова. Л., 1979. 193 с.; Инструкция по описанию рукописных картографических произведений / Сост. А. Ф. Зинина; Ред. Р. Б. Заборова и Н. В. Лемус. Л., 1979. 53 с.

³⁵ Киевская псалтирь 1397 года из ГПБ в Ленинграде. М., 1978, т. 1. 229 с.; т. 2. *Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской псалтири.* 171 с.

³⁶ *Розов Н. Н. Итоги и перспективы работы Отдела рукописей и редких книг ГПБ по раскрытию рукописных фондов периферийных хранилищ.* — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981, с. 199—202.

пользования всех рукописных фондов и редких изданий областных, краевых и республиканских библиотек и музеев Российской Федерации.

Сотрудники отдела проводят большую работу по пропаганде своих фондов, организуя экскурсии по выставкам отдела, выступая с лекциями и обзорами, отвечая на многочисленные библиографические запросы советских и зарубежных учреждений и читателей. Ответы на запросы иностранных ученых и учреждений ежедневно направляются в десятки стран мира. Материалы отдела неоднократно вывозились на выставки в другие страны — в Чехословакию, Югославию, Англию, ФРГ, Францию.

Главной стороной деятельности отдела является обслуживание читателей. Для них комплектуются фонды, создается справочный аппарат, печатаются каталоги и обзоры. Число читателей отдела, которых стали регистрировать с 1870 г., росло непрерывно: 31 человек в 1870 г., 147 — в 1900 г., 257 — в 1914 г., в настоящее время число читателей колеблется от 800 до 900 человек в год. Но выдача материалов читателям выросла значительно больше: в 1870 г. выдано читателям 879 единиц хранения, 1349 единиц — в 1900 г. и 3500 — в 1914 г. В настоящее время ежегодно выдается 50—55 тыс. единиц хранения, т. е. выдача возросла в 17 раз.

О значении фондов Отдела рукописей для советских ученых превосходно сказал в своей книге «Над арабскими рукописями» академик И. Ю. Крачковский: «Рукописный отдел всегда был и остался редкой школой: сюда мы робко входили юными студентами, здесь создавались наши первые работы, и через десятки лет мы, уже поседев, все продолжали приходить сюда учиться со своими учениками и направляли сюда учеников своих учеников.

Среди этих высоких, немного суровых стен зародилось неисчислимое количество диссертаций, было сделано немало выдающихся научных открытий»³⁷.

³⁷ Крачковский И. Ю. Избр. соч. М.; Л., 1955, т. 1, с. 21.

А. А. Амосов

ПОВЕСТИ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ

Битва на Куликовом поле, 600-летие которой торжественно отмечалось в 1980 г., несомненно, явилась крупнейшим событием в истории России XIV в. и одним из наиболее значительных в европейской истории. Крупнейшим не только потому, что в сражении участвовали десятки тысяч воинов с каждой из сторон, не только по чисто военному его значению, но главным образом по влиянию его на все последующее развитие страны. На Куликовом поле впервые после нескольких веков феодальной раздробленности натиску степных орд противостояли не дружины отдельных княжеств, но общерусское ополчение; объединенные единым стратегическим замыслом, укрепленные сознанием общего для всех русских земель дела стали на пути врага полки московские, серпуховские, белозерские, западнорусские и др. На Куликовом поле Москва впервые открыто и обоснованно заявила притязания на главенство среди русских княжений, на общерусское представительство перед лицом внешней опасности. Куликовская битва показала Европе, что на востоке христианского мира находятся не отдельные земли, но могучее объединение, способное стать потенциальным союзником в борьбе с надвигавшейся османской угрозой.

Значение Куликовской битвы как своего рода поворотного момента русской истории осознавалось и ее современниками и следующими поколениями. Едва ли еще какое из событий российского средневековья породило столь многообразные отклики в официальной и частной историографии, в художественной литературе. Диапазон известий о битве на Дону простирается от сухих и кратких летописных статей до такого шедевра древнерусской словесности, как Слово Софония рязанца (Задонщина). Повествования о победе на Дону входили в круг излюбленного чтения наших предков уже с XV в. Первичные сочинения неоднократно перерабатывались, и в итоге многовекового бытования их в рукописной традиции перед современной наукой предстает множество текстов, множество списков, из состава которых выделяется особый цикл «Куликовских повестей». По обычаю, сложившемуся в последнее столетие, в этот цикл включаются Задонщина, так называемая Летописная повесть о побоище на Дону и Сказание о Мамаевом побоище.

Судьба этих повестей была несходной. Поэтическая Задонщина, насыщенная сложными образами, метафорами, параллелями, ассоциациями, как бы «полифоническая» по построению, воскрешающая еще домонгольскую литературно-художественную традицию, требовала для восприятия изрядной начитанности и, вероятно, уже поэтому была трудна для массового читателя и бытовала в среде утонченных любителей «словес древних». О малой распространенности ее говорит, как кажется, и количество известных сейчас списков (три более или менее полных, два значительных фрагмента и несколько малых отрывков). Летописная повесть о побоище на Дону в силу своих жанровых особенностей пришлась ко «двору» в древнерусском летописании и довольно устойчиво держалась в историографии XV—XVI вв., однако лаконичность языка, отсутствие «изукрашенных» отступлений лирического характера, столь многочисленных в Задонщине, не способствовали, по-видимому, ее широкой популярности. Таким массовым по распространению стало третье повествование — Сказание о Мамаевом побоище, счастливо соединившее в себе фактоло-

гическую насыщенность и многочисленные поэтические достоинства, т. е. как бы вобравшее наиболее сильные стороны двух других сочинений. Количество списков Сказания в настоящее время еще не поддается сколько-нибудь исчерпывающему учету, но без риска ошибиться можно полагать, что в хранилищах СССР их сотни¹.

По-видимому, именно эта широкая, можно даже сказать широчайшая известность Сказания (для рукописной литературы сотни списков — с учетом неизвестных нам и безвозвратно утраченных — бытовавшие в читательских кругах, например, в XVII в., составляют огромную цифру) и побудила авторов Киевского синопсиса включить произведение в текст первого печатного исторического пособия уже с третьего издания, пришедшегося, по стечению обстоятельств, на год 300-летнего юбилея Куликовской битвы — 1680 г. Многочисленные переиздания Синопсиса в конце XVII—XVIII в.² способствовали тому, что количество экземпляров Сказания, обращавшихся в читательской среде, стало исчисляться уже многими тысячами. К этому следует добавить и то, что уже в первой половине XVIII в. появляются лубочные издания, в основу которых была положена «Синоптическая» редакция памятника (пользуемся обозначениями, предложенными Л. А. Дмитриевым).

До середины XVIII в. Сказание в редакции Синопсиса было единственным печатным текстом памятника. Вскоре, однако, издаются и другие редакции. Так, Киприановская редакция в варианте Лицевого свода опубликована во втором томе «Древнего летописца» (1775 г.) Г. В. Козицким, в варианте Никоновской летописи в составе этого свода (1788 г.). Чуть позднее издается и Летописная повесть о побоище на Дону в редакциях Типографской (1784 г.), Львовской (1792 г.), Воскресенской (1793 г.), Софийской первой (1795 и 1820 гг.) летописей. Первые издания памятника в составе Синопсиса и летописей в сочетании с отдельными рукописями послужили основой для пересказов Куликовских повестей В. Н. Татищевым, М. М. Щербатовым, Н. М. Карамзиным, отчасти вольных, отчасти дословных. Таким образом, ко второй четверти XIX в. сложились все необходимые предпосылки для постановки источниковедческого и филологического изучения двух из трех произведений Куликовского цикла³.

Введение в оборот новых редакций и видов Сказания о Мамаевом побоище в XIX в. шло в основном в виде публикаций⁴ или обзоров отдельных списков или групп их, без сколько-нибудь широкого учета всей рукописной традиции памятника. Несколько иначе обстояло дело с публикациями Летописной повести. В 40-х годах XIX в. Археографической комиссией было начато издание Полного собрания русских летописей. У истоков дела стояли виднейшие археографы той поры, понимавшие важность учета по возможности всех списков издаваемых произведений

¹ Так, в 1959 г. Л. А. Дмитриевым было учтено 182 списка разных редакций (*Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 481—509*). Новые находки возможны в государственных хранилищах, собрания которых не описаны (например, ряд новых списков указав В. С. Мингалевым: *Мингалев В. С. Списки «Сказания о Мамаевом побоище» в ЦГАДА. — СА, 1970, № 6*) и у населения (например, только в БАН в 60—70-х годах экспедициями привезено несколько новых списков разных редакций, последняя находка — 1977 г.).

² Перечень их см., например, в кн.: *Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М., Л., 1962*.

³ Но затрагиваем историю изучения памятников, поскольку подробнейший историографический обзор литературы XIX в. был выполнен в начале нашего столетия С. К. Шамбинаго (*Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 1—47*).

⁴ Из них как важнейшую для своего времени назовем публикацию И. М. Снегиревым в кн. 1 т. III «Русского исторического сборника» (М., 1838) так называемого Печатного варианта Основной редакции, особенным признаком которого является наибольшая, сравнительно с другими, близость к Задонщине. Публикация Снегирева породила своеобразную дискуссию среди исследователей, обстоятельно освещенную в названной книге Шамбинаго.

(хотя и не всегда этому следовавшие). Поэтому Летописная повесть в составе Новгородской IV (1848 г.) и Воскресенской (1859 г.) летописей издавалась для своего времени образцово, с приведением вариантов и разночтений по доступным издателям спискам⁵.

Важнейшим моментом в историографии Повестей Куликовского цикла было открытие в середине XIX в. Задонщины. Первая публикация памятника, выполненная в 1852 г. И. Д. Беляевым и В. М. Ундольским в кн. 14 «Временника общества истории и древностей российских» по списку Ундольского, стала настоящей сенсацией и изрядно запутала картину взаимоотношений произведений о Куликовской битве (подробнее об этом см. в названной книге С. К. Шамбинаго). Положение еще более осложнилось последовавшей вскоре находкой еще одного списка, представлявшего уже другую редакцию Задонщины, опубликованного архимандритом Варлаамом в 1859 г. в т. 5 «Ученых записок Академии наук». Как то, так и другое издания не лишены ошибок в прочтении и транскрипции текста. В конце XIX в. А. И. Смирновым во № 2 «Русского филологического вестника» (Варшава, 1890) был издан еще один, третий, список Задонщины, также не без ошибок.

Итак, к началу XX в. в результате усилий многих исследователей были выявлены и напечатаны все три повести Куликовского цикла. Однако издания их, даже во всей совокупности, не отражали полностью уже известной в то время рукописной традиции, не учитывали реальных взаимоотношений списков и редакций, следовательно, не могли быть надежной базой для обобщающих работ. И если с Задонщиной и Летописной повестью ситуация была еще относительно благополучной, то вопрос о литературной истории Сказания о Мамаевом побоище являл собой «белое пятно». По-видимому, ощущалась потребность всестороннего изучения Сказания и сопоставления его с другими повестями цикла.

Эта задача отчасти была решена С. К. Шамбинаго в названной уже книге 1906 г. Автор впервые сопоставил все известные в то время списки Сказания (56 рукописей), четко сформулировал критерии различия между отдельными повестями цикла, установил текстологические признаки разных редакций Сказания и наметил основные списки для разных редакций. Результатом обстоятельной текстологической работы стало издание в приложении к книге пяти редакций памятника⁶. Исследование С. К. Шамбинаго было важным этапом в историографии и археографии Куликовских повестей, однако при многих достоинствах этот труд не решал основного вопроса — литературная история Сказания оставалась запутанной, а построения автора об этапах развития и переработки памятника не убеждали, так как собранный и представленный в работе обширный текстологический материал не укладывался в жесткую схему. Это было отмечено в рецензиях уже вскоре после издания названного труда⁷. На следующий год С. К. Шамбинаго напечатал еще одну большую работу, посвященную уже лицевым спискам Сказания, в которой опубликовал особый вид Основной редакции и миниатюры одного из списков⁸. Исследованиями С. К. Шамбинаго и рецензиями на его книги

⁵ На основании тех же принципов в 1897 г. был издан в т. XI ПСРЛ текст Киприановской редакции Сказания, но издателем было недостаточно учтено различие между вариантами собственно Никоновской летописи и Лицевого свода; разночтения приведены так, будто оба варианта представляют единый памятник (тем самым особенности Лицевого свода в значительной мере скрыты, а разночтения указаны не всегда верно).

⁶ С. К. Шамбинаго дал редакциям порядковые обозначения. По классификации Л. А. Дмитриева, редакции Сказания, изданные С. К. Шамбинаго, следующие: Летописная, Основная, Распространенная, переделка Распространенной, Западнорусская обработка.

⁷ Марков А. [Рецензия на диссертацию С. Шамбинаго] Повести о Мамаевом побоище.— ЖМНП, 1908, № 4; Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище».— В кн.: Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910.

⁸ Шамбинаго С. К. Сказание о Мамаевом побоище. СПб., 1907.

и завершается по сути дореволюционный период изучения повестей Куликовского цикла.

В советское время было опубликовано немало исследований, посвященных этим памятникам, тексты их неоднократно переиздавались⁹. Из всего многообразия литературы назовем лишь наиболее значимые работы.

Так, уже в трудном для страны 1922 г. Российская Академия наук изыскала возможность для издания Задонщины по Кирилло-Белозерскому списку, подготовленному к печати П. К. Симоном. Издание сделано весьма тщательно, и особенно примечательно приложением автотипического воспроизведения рукописного текста¹⁰.

Следует сказать, что Задонщине наиболее «повезло» из повестей цикла. В 1930 г. М. Н. Сперанским и М. Н. Тихомировым в фондах ГИМ были обнаружены еще два списка Пространной редакции памятника, а вскоре после Великой Отечественной войны почти одновременно появились два важных издания. Новонайденные списки ГИМ в 1947 г. были напечатаны В. Ф. Ржигой с приложением фототипических снимков с рукописных текстов¹¹. В том же году вышло в свет издание Задонщины, подготовленное по всем известным спискам В. П. Адриановой-Перетц, а в 1948 г. В. П. Адрианова-Перетц опубликовала свою реконструкцию авторского текста Задонщины, сопроводив ее публикацией каждого в отдельности списка¹². Изданиям текстов предшествовала необыкновенно тщательная текстологическая работа, что, по существу, позволяет приравнять названные труды В. П. Адриановой-Перетц к академическим изданиям.

Сложней обстояло дело с другими повестями. Летописная повесть в составе Новгородской IV летописи была переиздана в т. 4 ПСРЛ в 1920-х годах. Что касается Сказания о Мамаевом побоище, то обилие известных и вновь найденных списков (а их число со времени работы С. К. Шамбинаго к 1950-м годам более чем утроилось) требовало большой предварительной работы по отнесению их к установленным редакциям, по уточнению известных редакций, выявлению новых редакций и, наконец, определению генеалогических взаимоотношений различных редакций памятника. Эта работа в 1950-х годах выполнялась Л. А. Дмитриевым¹³.

1959 год стал как бы итоговым для советских исследований Куликовского цикла. В этом году в серии «Литературные памятники» Академией наук СССР была издана подготовленная М. Н. Тихомировым, В. Ф. Ржигой и Л. А. Дмитриевым книга «Повести о Куликовской битве», содержащая публикации, исследования и обзоры памятников. Данное издание является наиболее полной сводной публикацией повестей цикла. В книге напечатаны Задонщина (по списку ГИМ, Муз. 2060 с привлечением в разночтениях и для исправлений и других известных списков), Летописная повесть о побоище на Дону (по тексту Новгородской IV летописи в изд. 2 ПСРЛ), Сказание о Мамаевом побоище варианта «О» Основной редакции (по списку ГПБ, 0.IV, 22), Забелинского варианта Основной редакции (по списку ГИМ, Забел., 261), Летописной редакции (по списку

⁹ Исследования и издания указаны в библиографических справочниках, подготовленных Н. Ф. Дробленковой: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII веков за 1917—1957 гг. М.; Л., 1961; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР в 1958—1967 гг. Л., 1978—1979. Ч. 1—2.

¹⁰ Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Пг., 1922. Вып. 3. Задонщина.

¹¹ Ржига В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина).— Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1947. Т. 43.

¹² Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примечания.— ТОДРЛ. М.; Л., 1947, т. 5; Она же. Задонщина. Опыт реконструкции авторского текста.— ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. Кроме того, В. П. Адриановой-Перетц Задонщина издана в кн.: Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949.

¹³ Результаты этих работ см., в частности, в статьях Л. А. Дмитриева в ТОДРЛ (т. 10. М.; Л., 1954; т. 11. М.; Л., 1955) и книге «Повести о Куликовской битве» (М., 1959).

ГИМ, Син. 485), Распространенной редакции (по списку ГПБ, Погод., 1414). Издание совершенно справедливо получило высокую оценку (были рецензии как в отечественной научной периодике, так и в Японии, Румынии, Франции; перечень их см., например, в справочнике Н. Ф. Дробленковой за 1958—1967 гг.) и не случайно стало основой для перепечатки памятников в популярных и массовых изданиях. Однако правила серии «Литературные памятники» не предусматривали приведения разночтений и вариантов (это отчасти было сделано лишь для Задонщины), что существенно ограничило значение данной публикации для дальнейших текстологических разработок¹⁴.

Итак, за 300 лет (если вести отсчет от первой публикации 1680 г.) археографического бытования повестей Куликовского цикла сделано немало — обнаружено большое число списков, эти находки продолжают и по сей день, и, вероятно, (учитывая состояние наших рукописных хранилищ) будут продолжаться и далее; некоторые списки имеют подробное научное описание, другие — более краткое общее описание; основные тексты изданы, причем некоторые неоднократно. Однако есть еще и нерешенные задачи.

До сих пор нельзя назвать точное количество списков, сохранившихся от многовековой рукописной традиции повестей. Нет полного научного описания рукописей, сделанного с учетом палеографических и кодикологических признаков, с анализом окружения текстов повестей в составе сборников или более крупных памятников. Есть существенные пробелы и в плане эдиционной археографии. Так, лишь для Задонщины (см. названные работы В. П. Адриановой-Перетц) и Летописной редакции Сказания (в составе Вологодско-Пермской летописи — ПСРЛ. М.; Л., 1959, т. 26) существуют издания академического (или, во всяком случае, приближающиеся к академическому) типа. Ряд публикаций к настоящему времени устарел и не выдерживает критики, как, например, издания Летописной повести в составе Софийских и Воскресенской летописей, напечатанных в начале и середине прошлого века, или Печатного варианта Основной редакции Сказания, изданного И. М. Снегиревым еще в 1838 г., не говоря уже о публикациях Синоптической редакции Сказания. Более того, ряд текстов все еще остается ненапечатанным, в частности некоторые списки Основной редакции, не укладывающиеся ни в один из установленных вариантов и видов, особые виды Распространенной редакции, Хворостининская редакция и др.

История развития исторической и филологической наук показывает, что подготовка полного академического издания какого-либо памятника, тем более цикла памятников, требует больших затрат времени, труда издателей и, наконец, денежных средств. Но история же позволяет утверждать, что подготовка и выход в свет академического издания, как правило, вызывает настоящую ценную реакцию исследовательских работ, т. е. является мощным стимулом развития науки. Думается, что Повести Куликовского цикла вполне заслуживают чести академического издания.

Во второй половине 1970-х годов, в преддверии 600-летия сражения на Дону, в среде исследователей и издательских работников произошло оживление интереса к повестям Куликовского цикла. Многие издательства, как центральные, так и местные, внесли свою лепту в подготовку к юбилею, в том числе и выпуском в свет ряда изданий повестей. Подробно останавливаться на них нет нужды, так как в эдиционно-археогра-

¹⁴ Думается, что это обстоятельство послужило одним из оснований для очередной дискуссии вокруг Сказания о Мамаевом побоище, развернувшейся в 1960-х и особенно в 1970-х годах (см., в частности, статьи С. Н. Азбелева, В. С. Мингалева, М. А. Салминой и др.; библиографию см., например, в статье М. А. Салминой: ТОДРЛ. Л., 1977, т. 32). Использование публикаций отдельных списков и отдельных же рукописей без исследования *всей* рукописной традиции (как это было в свое время сделано Л. А. Дмитриевым) вполне закономерно приводит исследователей и к различным выводам, усугубляемым еще и разной методикой анализа.

фическом плане они, как правило, не содержат ничего нового¹⁵. Но на некоторых моментах стоит задержаться специально, поскольку они вырастают в серьезные проблемы.

Самый «ценный подарок» ученым и книголюбам подготовило издательство «Аврора». Это публикация Сказания о Мамаевом побоище из Лицевого свода времени Ивана Грозного. Издание предусмотрено в двух вариантах. Первый, более дешевый и упрощенный, включает перевод Сказания на современный русский и английский языки и цветное воспроизведение части миниатюр рукописи¹⁶. Второй, более дорогой и специальный, помимо этого имеет наборный древнерусский текст и, главное, факсимильное в цвете воспроизведение 126 листов из «Остермановского второго» тома Свода¹⁷. Оба варианта издания содержат пояснительные статьи к миниатюрам и тексту Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. Нет сомнения, что данное издание станет заметным событием и, может быть, побудит к решению о полной публикации Лицевого свода. Однако отсутствие описания миниатюр в нем ограничивает его научное значение.

Миниатюры Лицевого свода, как правило, очень сложны по композиции. Каждая миниатюра многоэпизодна, являясь не просто иллюстрацией, но суммой иллюстраций. Художественное видение наших предков заметно отличалось от нынешнего, и книжная иллюстрация в их понимании была не одномоментной картинкой, вырывающей из временного процесса секундную сцену, но как бы развертыванием этого процесса в пространстве (в данном случае проекцией его на плоскость миниатюры). Миниатюры содержат параллельное словесному графическое повествование. Но в отличие от словесника, ограниченного нормами грамматики, художник был не так скован жесткими канонами композиционного построения. Соблюдая некоторые общие принципы, художники Свода строили свои рисунки (в том числе и отдельные эпизоды миниатюр) весьма свободно: направление движения в изобразительном пространстве, варианты последовательности отдельных эпизодов многообразны¹⁸. Это обстоятельство ведет к тому, что *каждая* миниатюра Свода (следовательно, и Сказания) требует *прочтения*.

Но прочтение миниатюр предельно осложняется тем, что художники Свода широко использовали язык знаков. Они не изображали действие, событие, предмет, а обозначали его. Знаковые системы миниатюр включают как сравнительно реалистические отсылки (например, для показа известных архитектурных сооружений), так и предельно условные, абстрагированные обозначения для выражения эмоций, этикетных норм и т. п. Тем самым прочтение миниатюры сплошь и рядом превращается в расшифровку. А расшифровка миниатюры с целью полного извлечения вложенной в нее информации бывает подчас весьма трудной и для специалиста, занимающегося Сводом профессионально.

Поэтому отсутствие описания миниатюр в этой публикации Сказания (даже при блестящей вступительной статье Д. С. Лихачева, раскрывающей некоторые — но не все — принципы построения миниатюр) делает восприятие их читателем-неспециалистом весьма ограниченным, и, как

¹⁵ Исключение составляет «„Задонщина“». Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве» (Выбор, подготовка и комментарии А. А. Зимина, пер. Н. К. Фомина. Тула, 1980). В этом издании даны Краткая редакция по Кирилло-Белозерскому списку с переводом и Пространная редакция по Музейному I списку с реконструкцией первоначального текста и переводом.

¹⁶ Повесть о Куликовской битве. Л., 1980. К сожалению, цветопередача в воспроизведениях миниатюр настолько искажена, что читатель, не знакомый с оригиналом, получит о них крайне неверное представление.

¹⁷ В принципе подготовка издания в двух вариантах может считаться оправданной, так как удешевленный «массовый» вариант призван компенсировать значительные затраты по подготовке полного.

¹⁸ Подробнее о некоторых особенностях миниатюр Лицевого свода и их соотношении со словесным повествованием см.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979, с. 36—54; *Амосов А. А.* Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного. Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода. — ТОДРЛ. Л., 1979, т. 34.

следствие этого, замечательный памятник останется не вполне доступным во всем богатстве его содержания.

То же самое, но еще в большей мере, относится и к миниатюрам Лицевого свода, используемым в качестве иллюстраций к публикациям других редакций Сказания и остальных повестей цикла или к исследованиям и популярным работам¹⁹. Использование в качестве иллюстраций миниатюр свода, необычайно богатых по содержанию, вполне оправданно, поскольку, несомненно, оживляет как издания древнерусских сочинений, так и работы современных авторов. Однако необходимо *всегда* иметь в виду, что миниатюры свода изготовлялись применительно к определенному тексту, к конкретному памятнику и неразрывно связаны с иллюстрируемым эпизодом именно данного памятника. «Вырывание» миниатюр из контекста Лицевого свода обедняет их и как бы вдвойне зашифровывает. Поэтому совершенно необходимым представляется снабжение таких «изолированных миниатюр» аннотациями, раскрывающими их содержание и смысл. Думается, что нет нужды специально раскрывать и обязательность такого требования, как сопровождение *каждого* воспроизведенного «изолированной миниатюры» свода точной легендой: в конце концов это служит и показателем археографической культуры автора и издателя.

Поскольку речь зашла о лицевых списках Сказания, то необходимо отметить, что миниатюрами иллюстрирована не только Киприановская редакция, но и Основная. Если лицевой список Киприановской редакции абсолютно уникален, то лицевых списков Основной редакции несколько. Отсюда встает проблема их публикации. Миниатюры одного из этих списков (ГБЛ, Муз. 3123) были изданы в 1907 г. С. К. Шамбинаго. Еще несколько миниатюр воспроизведены в статьях Л. А. Дмитриева в т. 22 и 28 ТОДРЛ. Однако особенностью лицевых списков Основной редакции является то, что репертуар миниатюр в них различен вследствие истории происхождения каждого из них. К юбилею Куликовской битвы миниатюры одного из списков ГБЛ изданы Л. А. Дмитриевым²⁰, а два лицевых списка ГИМ опубликованы как факсимильные издания рукописей²¹. (В рамках настоящей статьи нет возможности разбирать особенности данных изданий. Этому целесообразно посвятить специальную работу). Думается, что следующий шаг — издание полного свода миниатюр Основной редакции по всем спискам (включая Лондонский, микрофильм которого есть в ОР БАН). Принадлежность их к одной редакции (хотя и к разным видам) освобождает от необходимости всякий раз воспроизводить тексты — достаточно будет лишь указать их разночтения с одним из факсимильно опубликованных списков ГИМ, и уже это даст немалую экономию времени и средств. Обязательным элементом такого рода свода миниатюр представляется их аннотация, указывающая место каждой миниатюры в своем списке. Издание такого рода потребовало бы существенно меньших затрат, нежели факсимильное издание всех лицевых списков, и в то же время дало бы ценнейший материал к иконографии Куликовской битвы в представлениях людей XV—XVIII вв.

Как видим из настоящей статьи, за 300 лет эдиционно-археографического бытования повестей Куликовского цикла и за полтора века их интенсивного историко-филологического изучения наряду с крупными достижениями и удачами остались (или встали вновь, проявились впервые) и многие нерешенные проблемы. Думается, что разработка их является одной из актуальных задач отечественной науки.

¹⁹ По сути даже в «массовом» варианте публикации Сказания издательством «Аврора» воспроизведение части миниатюр Свода является не более чем иллюстрациями к переводу памятника.

²⁰ Сказание о Мамаевом побоище: Лицевой список конца XVII в. Л.: Художник РСФСР, 1980.

²¹ Сказание о Мамаевом побоище: Лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного Исторического музея. М.: Советская Россия, 1980; Сказание о Мамаевом побоище. Текст в соврем. транскрипции и пер. на рус. яз. М.: Книга, 1980.

ЧЕШСКИЙ ДИПЛОМАТАРИЙ *

Под «чешским дипломатарием» мы понимаем критическое издание комплекса грамот, возникших на территории Чехии и Моравии или доставленных сюда и здесь хранящихся. Это значит, что речь идет о территориальном дипломатарии, в котором грамоты, данные чешскими государями, составляют значительную часть, но наряду с ними имеются также грамоты, дателыми и получателями которых были представители других слоев тогдашнего общества. Хотя относительно хронологических рамок дипломатария первоначально не было единого мнения, сразу скажем, что он должен содержать грамоты с древнейших времен до 1310 г., т. е. охватывать весь период правления первой чешской династии Пржемысловичей (прекратившейся в 1306 г.) и последовавшее затем время смуты, длившейся до воцарения Яна Люксембургского.

Потребность в издании чешского дипломатария возникла уже в XVIII в.— в эпоху становления критической историографии. В 1786 г. Ф. М. Пелцл предложил Королевскому Чешскому научному обществу проект публикации дипломатария. Но хотя проект в принципе и был принят, реализовать его не удалось. И даже крупнейший чешский историк XIX в. знаменитый Ф. Палацкий не смог осуществить подобное издание.

Однако усилия всех тех, кто стремился издать дипломатарий, не пропали даром. С самого момента возникновения идеи дипломатария началось копирование грамот, хранившихся в различных архивах Чехии и Моравии. Особенно возросло число скопированных документов в период деятельности Ф. Палацкого. Он сам переписал огромное количество грамот — прежде всего папских, зафиксированных текстуально в ватиканских регистрах. Возникшее таким образом собрание копий было передано в Национальный музей на хранение. Оно и поныне известно как «Музейный дипломатарий».

Впрочем, коллекция эта, за исключением копий Палацкого с папских регистров, используется совсем мало. Это и неудивительно. Ведь здесь были собраны просто копии, выполненные, по существу, без соблюдения каких-либо определенных правил издания. Они не сопровождались критической оценкой копируемого материала. Сам Палацкий, видимо, и не собирался издавать дипломатарий, однако он побуждал к этому профессора вспомогательных исторических наук Карлова университета в Праге Йозефа Эмлера. Тот хотя и напечатал программную статью о необходимости издать чешский дипломатарий и наметил определенные правила издания¹, но к самой публикации так и не приступил. Он был занят подготовкой изданий другого типа, прежде всего свода «*Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*».

Этот свод — тоже по инициативе Палацкого — начал издавать архивариус г. Праги Карел Яромир Эрбен. Он взял за основу упоминавшийся выше копийный материал, первоначально предназначенный для дипломатария. Эрбен издал первый том «Регестов» — до 1253 г.², а Эмлер

* Настоящая статья представляет собой перевод Л. П. Лаптевой (под ред. С. М. Каштанова) доклада, прочитанного (с некоторыми сокращениями) автором в Институте истории СССР АН СССР 4 октября 1979 г. Краткую информацию об этом докладе и его обсуждении см.: *Каштанов С. М. Доклад о чешском дипломатарии.* — АЕ за 1979 год. М., 1980, с. 355.

¹ *Emler J. O potřebě vydání diplomatář český a o tom, jak by se to díti mělo.* — *Časopis Musea Království Českého. Praha, 1877, roč. 51, s. 610—625.*

² *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Annorum 600—1253.* / Opera K. J. Erben. Pragae, 1855, pars 1.

продолжил «Регесты» до 1346 г., т. е. до времени воцарения Карла IV³. Это издание было для Палацкого, безусловно, важнее, чем дипломатарий, так как давало материал для работы над чешской историей в более широких хронологических рамках и, кроме того, выходило в свет быстрее (оно, впрочем, продолжается и в настоящее время)⁴.

Но имелось и другое обстоятельство, не способствовавшее реализации плана издания чешского дипломатария. В Моравии Антонин Бочек еще в 1836 г. начал печатать собственный дипломатарий под названием «Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae»⁵. Этот моравский дипломатарий по своему уровню и отдаленно не напоминает издания современного типа. К тому же он изобилует подделками самого Бочека (которые, впрочем, были разоблачены, хотя и значительно позже). Наличие публикации Бочека на какое-то время затормозило работу над чешско-моравским дипломатарием.

К задаче издания подлинно научного дипломатария чешские историки возвратились только в самом конце прошлого века. В 1898 г. «земская» (областная) Историческая комиссия постановила приступить к изданию чешско-моравского дипломатария (причем было признано целесообразным не считаться с тем, что часть материала была опубликована в моравском дипломатарии Бочека). На этот раз решение об издании чешско-моравского дипломатария было твердым. Готовить издание комиссия поручила Густаву Фридриху (1871—1943 гг.), ученику Эмлера и выпускнику венского Института по изучению австрийской истории (Institut für österreichische Geschichtsforschung).

Фридрих тогда был еще совсем молод, ему исполнилось лишь 27 лет. За выполнение поставленной перед ним задачи он взялся с огромным энтузиазмом и необычайным оптимизмом. В статье, посвященной 100-летию со дня рождения Фридриха (1971 г.), проф. И. Шебанек показал, с каким необыкновенным усердием проводил молодой ученый исследования в архивах, не пользуясь при этом уже упоминавшимся «Музейным дипломатарием»⁶. Фридрих сразу же начал готовить к печати т. 1 «Кодекса», включив в него материал до 1197 г., т. е. до того момента, когда за чешскими государями окончательно закрепился королевский титул. В связи с этой работой Фридриху пришлось заняться такими фундаментальными вопросами, как проблема зарождения грамот в Чехии (отсюда необходимость продолжить начатое еще до него разоблачение подделок Бочека), принципы издания дипломатария и др.

Даже став профессором вспомогательных исторических дисциплин Карлова университета, Фридрих испытывал большие трудности в общении с «заказчиком» дипломатария, каковым являлся в то время «земский» (областной) комитет. Последнему казалось, что работа над «Кодексом» продвигается слишком медленно.

Только тот, кто занимается подобной деятельностью, способен оценить огромный труд археографа, увенчавшийся изданием в 1908 г. т. 1⁷, а в 1912 г. — т. 2 дипломатария⁸. В т. 2 материал был доведен до 1230 г.

³ Idem. Annorum 1253—1310, 1311—1333, 1333—1346 / Opera J. Emler. Pragaе, 1882, 1890, 1892, pars 2—4.

⁴ Idem. Annorum 1346—1355 / Ed. J. Spěváček. Pragaе, 1958—1960, pars 5, fasc. 1—2; Annorum 1355—1358 / Ed. B. Mendl. Pragaе, 1928—1929, pars 6, fasc. 1—2; idem / Ed. B. Mendl — M. Linhartová. Pragaе, 1954, pars 6, fasc. 3; Annorum 1358—1363 / Ed. B. Mendl — M. Linhartová. Pragaе, 1954, 1955, 1958, pars 7, fasc. 1—3; idem / Ed. M. Linhartová — B. Mendl. Pragaе, 1961—1963, pars 7, fasc. 4—5.

⁵ Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae / Ed. A. Boček. Olomucii, 1836, 1839, 1841, 1845, t. 1 (ab annis 396—1190), t. 2 (ab annis 1200—1240), t. 3 (ab annis 1241—1267), t. 4 (ab annis 1268—1293); idem / Opus posthumus A. Boček, Ed. J. Chytil. Brunae, 1850, t. 5 (ab annis 1294—1306).

⁶ Šebánek J. Gustav Friedrich a jeho kodex.— Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university (Studia minorae facultatis philosophicae universitatis Brunensis). Rada historická. C. Brno, 1971, [roč.] 18—19, s. 129—140. (Далее: SPFFBU).

⁷ Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae / Ed. G. Friedrich. Pragaе, 1904—1907, t. 1 (805—1197). (Далее: CDB).

⁸ CDB / Ed. G. Friedrich. Pragaе, 1912, t. 2 (1198—1230).

В 1912 г. Фридрих начал подготовку к изданию т. 3, в котором предполагал поместить документы 1231—1253 гг. И за этот том он взялся с неослабевающей верой в успех, хотя, если следовать из критериев науки сегодняшнего дня, у него не хватало для такой работы прочной основы. Дело в том, что в тот период времени, к которому относились документы тома (годы царствования Вацлава I), форма, содержание и социальные функции грамот в Чехии значительно усложнились, Фридрих же располагал лишь весьма примитивными средствами исследования. Он, правда, имел собственные копии грамот, но у него почти не было фотокопий, без которых осуществление современного издания вообще нельзя себе представить. Ученый опирался только на сделанные им весьма несовершенные калки текстов. Проф. Шебанек все же не исключает того, что Фридрих при его необычайных способностях мог бы преодолеть и эти объективные трудности, если бы не первая мировая война.

Фридрих и в войну работал над дипломатарием, хотя дотации на его издание все уменьшались. Он даже отпечатал 10 листов т. 3, а после первой мировой войны подготовил еще 20 листов. Так возник вып. 1 того тома, который был издан в 1943 г. (хотя на титульном листе указан 1942 г.)⁹. Фридриху не привелось увидеть этот выпуск опубликованным — он умер за день до его выхода в свет.

Если вспомнить, с каким энтузиазмом Фридрих начинал свое дело, то покажется странным, что после 1918 г., в так называемом «свободном государстве» (1918—1938 гг.), издание продвигалось вперед столь медленно. Причин тому было, конечно, много. Фридрих исполнял массу различных обязанностей. Он был основателем и руководителем первой чешской Архивной школы, стоял у колыбели чешского Института истории, был инициатором ряда важных изданий, в которых сам принимал участие. Часто указывают и на то, что Фридриху не предоставляли достаточных средств для ведения публикаторской работы. Но ближе всего к истине объяснение, четко сформулированное проф. Шебанеком, считающим, что Фридрих скептически относился к самой возможности полного охвата и осмысления чешских грамот последних десятилетий XIII в. с точки зрения дипломатики (и прежде всего стилистики)¹⁰. Этот тезис проф. Шебанека довольно часто брался под сомнение, особенно приверженцами пражской школы дипломатики, однако его правоту косвенно доказывает то обстоятельство, что хотя Фридрих и издал замечательный труд в виде двух первых томов «Кодекса», он в то же время опубликовал сравнительно мало исследований по дипломатике, вытекающих непосредственно из его работы над этим изданием.

Методику исследований Фридриха и результаты ее применения мы можем проследить лишь по его вводным замечаниям к публикации отдельных грамот. Известно, что Фридрих был воспитанником венской школы дипломатики, которая всецело исходила из зиккелева метода сравнения письма и стиля. Сам Фридрих лично знать Зиккеля не мог, но его метод он освоил досконально. Однако применение этого метода в территориальном дипломатии требовало несколько иного, чем в издании Зиккеля¹¹, подхода ко всей совокупности обрабатываемого материала грамот.

При подготовке т. 1 «Кодекса» у Фридриха было относительно мало возможностей для собственно дипломатического анализа, поскольку он располагал лишь очень немногими документами, происходившими из одной и той же дипломатической среды, так что глубоко проникнуть в сам

⁹ CDB/Ed. G. Friedrich. Pragaе, 1942, t. 3, fasc. 1 (1231—1238); ср.: idem/Ed. G. Friedrich et Z. Kristen. Pragaе, 1962, t. 3, fasc. 2 (a mense iunio a. 1238 ad exeuntem inde annum 1240). Вып. 3 т. 3 готовит к печати Я. Бистрицкий (J. Bistřický).

¹⁰ *Sebánek J. Český diplomatář (Zpráva o přípravách k dalšímu vydání)*.— SPFFBU, 1955, [roč.] 2, s. 43—52. Под «стилем» в западной дипломатике подразумевается то, что в советской дипломатике называется «формуляром», а под «стилистикой» — то, что в последнее время получило у нас название «формуляроведения» (*Прим. ред.*).

¹¹ *Monumenta Germaniae Historica III. DD. Diplomata regum et imperatorum Germaniae.* / Ed. Th. Sickel. Hannover, 1879—1893, t. 1—2.

процесс создания грамот можно было только в редких случаях. В т. 2 ситуация была в этом смысле более благоприятной, и Фридрих использовал ее действительно мастерски. Этого, к сожалению, нельзя сказать о вып. 1 т. 3, где допущен ряд неточностей и ошибок при идентификации как писарского почерка, так и индивидуального стиля некоторых королевских и епископских потариев.

Совершенно исключено, чтобы сам Фридрих не замечал — хотя бы частично — этих недостатков. Вероятно, он просто не знал, как их преодолеть. Поэтому работа над «Кодексом» и приостановилась вплоть до времени после второй мировой войны, когда — в связи с реорганизацией научной работы в области чешской исторической науки — с предложением продолжить издание «Кодекса» выступил профессор вспомогательных исторических дисциплин Брненского университета Индржих Шебанек. Он придал новое и весьма позитивное направление не только собственно издательской работе над «Кодексом», но и развитию всей чешской дипломатики в целом. Шебанек выступил со своим предложением не случайно и не без соответствующей подготовки. Проблемами чешского дипломатария он занимался в течение всей войны. Вследствие закрытия высших учебных заведений Шебанек, лишенный возможности преподавания, сосредоточил свои усилия почти исключительно на исследовательской работе, причем связанной с вопросами издания дипломатария. Доказательством того, что эти усилия не были тщетными, является дальнейшая кипучая деятельность ученого в той же области, прерванная его скоростной смертью в начале 1977 г.

Из упоминавшейся выше статьи Шебанека 1955 г.¹² видно, какие мотивы побуждали его не бросать на произвол судьбы осиротевший чешский дипломатарий и какие аргументы он приводил, чтобы доказать возможность и необходимость продолжения этого издания.

Прежде всего он сознавал всю пагубность того, что после издания т. 2 работа над дипломатарием велась не в полную силу, а лишь более или менее формально. Чем бы ни вызывалась медлительность в этом деле — скептицизмом ли или другими причинами, — она тормозила не только издание дипломатария, но и изучение чешской истории XIII в., т. е. той чрезвычайно важной эпохи, когда возникли социально-экономические предпосылки кризиса феодализма — кризиса, который в Чехии выдвинулся в настоящее революционное движение.

Шебанек находился в трудном положении, поскольку он не мог сослаться ни на один пример какого-либо вполне научного издания дипломатария, где материал был бы доведен до XIII в. включительно. Чтобы доказать осуществимость такого издания, Шебанеку, по его собственным словам, не оставалось ничего иного, как попытаться самому взяться за подготовку дипломатария.

Дабы не потерпеть рано или поздно фиаско по тем же причинам, что и Фридрих, Шебанек построил свою работу на базе учета и воспроизведения в фотокопиях всего относящегося к изданию документального материала. Фотокопии — в сочетании с научным описанием переснятых рукописей — позволяли устранить трудности, связанные с разбросанностью документов по разным архивам. Для освоения собранного материала с различных точек зрения, и прежде всего со стороны графики и стиля, нужно было создать к нему справочный аппарат в форме карточек, которые и сложились постепенно из сотен и тысяч карточек. Все принципы, легшие в основу аппарата дипломатария, родились непосредственно из потребностей работы — по мере того, как эти потребности выявлялись. Таким образом, аппарат не был результатом подражания какому-либо образцу — подобного не существовало ни в Чехии, ни в ее ближайшем окружении.

С самого начала работы над дипломатарием Шебанек рассматривал материал грамот как неотъемлемую органическую часть всего комплек-

¹² См. прим. 10.

са сравнимых между собой источников, объединяющихся общностью территории, к которой они относятся, и вопросов, которые в них затрагиваются.

В отличие от своих предшественников Шебанек понял, что работу такого масштаба, как издание дипломатария, нельзя осуществить без хорошо организованного и достаточно широкого сотрудничества специалистов. Он сформировал коллектив, члены которого с самого начала деятельности группы участвовали в создании аппарата дипломатария, а затем все глубже проникали в существо работы по подготовке самого издания.

Весь ход исследований, проведенных Шебанеком и его группой, можно разделить на четыре фазы. Первая из них имела по преимуществу подготовительный характер. Фактически речь шла о пересмотре предшествующего «Кодекса» — труда Фридриха. В чем состояла цель пересмотра? Прежде всего в том, чтобы обеспечить строжайший учет всех археографических особенностей ранее выпущенных томов дипломатария, вплоть до мелких деталей, обычно ускользающих от внимания тех, кто просто пользуется каким-либо изданием. Далее следовало изыскать способы, которые позволили бы существенно усовершенствовать методику анализа стиля и палеографии грамот по сравнению с тем, что имелось у Фридриха в его «Кодексе», и таким образом полностью подготовить почву для овладения более поздним материалом, в основной своей массе еще не затронутым дипломатическими исследованиями. Обе эти задачи были выполнены, а результаты пересмотра «Кодекса» Фридриха опубликованы¹³.

Содержанием второй фазы явилась дипломатическая обработка еще не исследованного материала. Здесь Шебанек и его группа обратили внимание на упомянутый моравский дипломатарий А. Бочека, а именно на его т. 3, охватывающий 1241—1267 гг.¹⁴ и тем самым хронологически как бы продолжающий материал «Кодекса» Фридриха. Главным трудом этой фазы является так называемый «Критический комментарий к моравскому дипломатарию», законченный проф. Шебанеком и автором настоящих строк в 1952 г.¹⁵ В нем мы достаточно ясно показали, что и грамоты второй половины XIII в. поддаются дипломатической обработке. Нам удалось распределить почти все грамоты эпохи Вацлава I (1230—1253 гг.) по определенным почерковым и стилистическим группам. Мы также поставили историческую общественность в известность о том, что готовы немедленно приступить к продолжению издания дипломатария.

Необходимость освоения всего дипломатического материала до 1310 г. (что было конечной целью третьей фазы работы) привела нас к рассмотрению вопроса о состоянии наших формулярников (сборников образцовых документов) XIII — начала XIV в. Эту весьма обширную тему мы полностью не изучили и до настоящего времени, но уже тогда нам удалось исследовать вопрос об использовании формулярников в королевской канцелярии 1270—1305 гг. (конец правления Пржемысла II Отакара и царствование Вацлава II), а позднее — и в канцелярии епископской. Особенно интересовало нас происхождение этих сборников, поскольку оно связано с деятельностью одного из самых выдающихся чешских нотариусов — протонотария Индржиха, известного также как Индржих Влах, или Индржих из Исернии. Установив факт использования в канцелярии формулярников, мы тем самым доказали окончательно, что весь дипломати-

¹³ Šebánek J. Notář Otakar 5 a nejstarší listiny oslavanské a velehradské. — Časopis Matice moravské, Brno, 1947, roč. 67, čís. 3—4, s. 222—290 (далее: ČMM); Týž. Po stopách díla notáře Heřmana. — ČMM, 1948, roč. 68, čís. 3—4, s. 194—243; Týž. Z problémů slezského kodexu. Neznámá listina Václava I. pro hrobnické johanity. — Slezský sborník. Acta Silesiaca. Opava, 1951, roč. 49(9), seš. 1, s. 1—16; Dušková S. Velehradský falzátör z pol. 13 století. — ČMM, 1947, roč. 67, čís. 3—4, s. 291—307; Táž. Listiny rudíkovské. — ČMM, 1948, roč. 68, čís. 3—4, s. 244—282.

¹⁴ См. прим. 5.

¹⁵ Šebánek J., Dušková S. Kritický komentář k moravskému diplomatáři. Zpracování látky z III. svazku Bočkova moravského kodexu. Praha, 1952 (XXV + 410 s.) (Pota-top).

ческий материал того периода, который было предусмотрено охватить «Кодексом», поддается стилистическому (и, разумеется, палеографическому) анализу и что, следовательно, всякий скептицизм в этом отношении может и должен быть отброшен.

Четвертая фаза наших исследований ознаменовалась подъемом на новую, более высокую ступень познания дипломатического материала — во всей сложности его диалектических связей с действительностью. Дело сводилось, по существу, к осмыслению общественной функции документов.

Именно в этот период приобрела реальные очертания сама перспектива публикации дипломатрия, и многолетние усилия проф. Шебанека в этом плане увенчались, наконец, успехом. В 1954 г. брненской группе, руководимой Шебанеком, было официально поручено издание дипломатрия под эгидой реорганизованного тогда Института истории Чехословацкой Академии наук. Это дало всем участникам группы внутреннюю уверенность в том, что их работа не была напрасной и что дипломатрий будет опубликован.

Одновременно открылась возможность публикации исследований по частным вопросам в «Трудах Чехословацкой Академии наук», где вскоре и появились в качестве отдельных выпусков этого издания три книжки исследований, связанных с подготовкой т. 4 «Кодекса»¹⁶. Что касается самого тома, то рукопись его ч. 1 была сдана в издательство в 1959 г., а рукопись ч. 2 — в 1963 г. С тех пор каждые пять лет в печать сдается объемистый том, а это значит, что дело идет по намеченному плану и, надемся, не остановится, несмотря на смерть проф. Шебанека.

Разрабатывавшаяся параллельно с подготовкой дипломатрия и в связи с ней проблема общественной функции дипломатического материала была вопросом новым. То, что мы именуем функцией грамоты, является сложным синтезом различных отношений к документу со стороны представителей разных классов и классовых групп, причем разница позиций как раз и обуславливается разной классовой и сословной принадлежностью лиц, чьи интересы так или иначе затрагивались фактом выдачи грамоты.

Чтобы понять функцию дипломатического материала, нужно выяснить сначала отношение к грамоте представителей господствующего класса (при этом следует учитывать разницу позиций светских и духовных феодалов), затем — представителей угнетенных классов — жителей городов и деревень; далее необходимо установить, как то или иное лицо проявляло себя в роли грамотодателя, т. е. имело ли оно свою канцелярию, или в роли грамотополучателя, т. е. заботилось ли оно о сохранении принадлежавших ему грамот, иначе говоря, берегло ли оно свой архив.

Мы исходим из того, что от лиц одного социально-экономического и правового положения следует ожидать тождественного отношения к грамоте. Этим и определяется наше разделение так называемых частных актов на грамоты государей¹⁷, епископов, шляхтичей, низших духовных феодалов, городов и их жителей.

При конкретной обработке материала оказалось полезным обратить внимание в первую очередь на отношение к грамоте низших духовных феодалов — монастырей, церковей или [представляющих их] духовных чинов. Этот подход не требовал специального обоснования. Можно было

¹⁶ 1) *Sebáněk J.* Kdo byl notář Otakarus 5.— In: Studie k české diplomatice doby přemyslovské Rozpravy Československé akademie věd. Rada společenských věd, 1959, roč. 69, seš. 9, s. 3—39. (Далее: *Rozpravy...*); *Dušková S.* Počátky kanceláře Václava I.— Ibid., s. 57—81, *Táž.* Dva zvláštní případy konfirmačních listin Václava II.— Ibid., s. 83—109; 2) *Sebáněk J., Dušková S.* Panovnícká a biskupská listina v Českém státě doby Václava I.— *Rozpravy...*, 1961, roč. 71, seš. 4 (126 s.); 3) *Tíž.* Listina v Českém státě doby Václava I. (u nižších feudálů a u měst).— *Rozpravy...*, 1963, roč. 73, seš. 10 (154 s.).

¹⁷ Для западной дипломатики характерно отнесение княжеских и королевских грамот к числу «частных актов», в то время как к «публичным» относят императорские и папские акты (*Прим. ред.*).

заранее предположить, что низшие духовные феодалы были со всех точек зрения заинтересованы в процессе документирования в целом. Это определялось самим принципом оформления их права собственности: «*Quod non est in actis, non est in mundo*» («Чего нет в актах, того нет и в действительности»). Однако нам было необходимо показать, как этот принцип отражался на дипломатической практике.

Возникновение грамоты в условиях средневековой Чехии зависело, помимо всего прочего, еще и от того, в какой степени грамотодатель обладал правом приложения печати, являвшейся единственным удостоверительным средством. Что касается низших духовных феодалов, то старейшие свидетельства об их печатях относятся ко второй половине XII в.; в течение же XIII в. уже большая часть их имела собственные матрицы печатей. Первые дошедшие от второй половины XII в. грамоты низших духовных феодалов касаются исключительно сделок по обмену земельными владениями, что вполне объясняется теми историческими условиями, в которых создавались эти акты. В XII в. чешские духовные корпорации впервые добились признания за собой прав владения землей и соответственно — в той или иной степени — распоряжения ею.

От имени низших духовных феодалов в XII—XIII в. было составлено не более 20% общего числа выданных грамот. Часть из них адресована другим низшим духовным феодалам. Кроме того, есть грамоты, в которых дателем и получателем документа являлось фактически одно и то же лицо. Это — грамоты, составившиеся для регулирования внутривотчинных дел. Настоятель монастыря и члены монастырского собора («конвента») указывали в таких грамотах, какие изменения произошли в составе земельного владения, какие имения были проданы и какие вместо них куплены. По содержанию эти грамоты важны особенно потому, что они являются по существу единственным свидетельством стремления к объединению земельных владений и созданию основ позднейшего, типичного уже для XIII в. крупного феодального землевладения.

Партнером духовного феодала [при обмене земли и т. п.] мог быть как другой духовный феодал, так и светское лицо. В обоих случаях грамота составлялась, несомненно, у духовного феодала, но форма ее зависела от социальной принадлежности партнера. Когда обе стороны были представлены духовными феодалами, форма грамоты отвечала каноническому праву — например, в ней не приводились имена свидетелей. Когда же на почве сделки могли возникнуть споры, входившие в компетенцию областных органов власти или городского суда, духовные феодалы стремились к тому, чтобы оформление грамоты полностью удовлетворяло требованиям соответствующих судебных инстанций. Только так можно дипломатически объяснить до сих пор остававшиеся непонятными колебания в форме грамот низших духовных феодалов.

Если, как уже говорилось, низшие духовные феодалы выдали лишь меньшую часть дошедших грамот, то совершенно иначе вырисовывается их роль в качестве грамотополучателей. Не только номинально, но и фактически они являлись получателями подавляющего большинства грамот в течение всего периода правления Пржемысловичей. Мало того, значительную часть полученных ими грамот они сами изготовили. Можно даже сказать, что дипломатическая деятельность низших духовных феодалов гораздо чаще раскрывается в связи с их функцией грамотополучателей, нежели в связи с функцией грамотодателей. А на практике участие низших духовных феодалов в процессе создания грамот было еще шире. По существу все, что имело отношение к изготовлению грамот, до начала XIV в. находилось исключительно в их руках. Ведь духовные лица на службе у различных феодальных господ начиная с самого государя выполняли самые разнообразные канцелярские функции.

Случаи, когда нотариус был светским лицом, являются редкими исключениями. Из светских нотариусов наиболее известен Рудигер, находившийся на службе у одного из могущественнейших феодальных господ южной Чехии — Вока из Рожмберка (Rožmberk). Это исключение можно объяс-

нить тем, что Вок принял Рудигера к себе на службу в Штирии, где Вок исполнял по поручению Пржемысла Отакара II должность «земского гетмана» (наместника).

В церквах и монастырях Чехии и Моравии возникла устойчивая канцелярская традиция, имевшая глубокие корни, тянущиеся из XII в. Старейший центр канцелярской деятельности в цистерцианском монастыре в Пласах сменился в XIII в. новыми центрами: в Чехии — при пражском соборном капитуле в Вышеграде, в Моравии — при оломоуцком соборном капитуле.

Характерное для низших духовных феодалов позитивное отношение к документации проявилось, разумеется, и в их заботе о сохранении грамот. Сохранились учредительные грамоты (вопрос о подлинности которых мы оставляем сейчас в стороне) почти всех духовных корпораций, чьи архивы не погибли при каких-либо позднейших неблагоприятных обстоятельствах. От начала XIV в. дошел ряд копиариев (копийных книг), куда духовные феодалы переписывали имевшиеся у них грамоты для лучшего сохранения их текстов. Из всего этого следует, что низшие духовные феодалы заботились о своих архивах весьма тщательно.

Понятно, что высшие духовные феодалы, т. е. епископы, не отличались от низших в смысле отношения к грамоте. Однако здесь нельзя не отметить некоторые специфические особенности. Епископы, как оломоуцкий, так и пражский, стали располагать собственной печатью, несомненно, раньше, чем кто-либо из низших духовных феодалов, а именно уже с первой половины XII в. К этому времени относится и начало их деятельности в качестве грамотодателей. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от грамот низших духовных феодалов старейшие епископские грамоты (это грамоты оломоуцкого епископа Индржиха Эдика) касаются дел духовных. Для внедрения грамот в практику на наших землях епископ (в данном случае опять-таки оломоуцкий) сделал, пожалуй, больше, чем низшие духовные феодалы. Упомянутый Индржих Эдик принимал прямое участие в создании первой из ныне известных подлинных государевых грамот, которая была выдана в 1146 г. Владиславом II¹⁸. Позднее, в первых десятилетиях XIII в., в королевской канцелярии весьма активно, хотя и анонимно, действовал оломоуцкий епископ Роберт.

Епископы, как датели собственных грамот, учреждали и собственные канцелярии. Особенно характерна в этом отношении деятельность оломоуцкого епископа Бруно, который выдал большое число ленных грамот разным министериялам, наследственным старостам и тому подобным лицам в тот период, когда, используя свое влияние при дворе Пржемысла Отакара II, он создавал в северо-восточной части Моравии свою огромную вотчину, ставшую на многие столетия основой экономического могущества оломоуцких епископов. Что касается епископов пражских, то они выдали относительно мало грамот, да и их экономическая база была несравненно уже, чем у епископов оломоуцких. Но и пражские епископы имели собственную канцелярию, особенность которой заключалась в том, что в ней уже с середины XIII в. вошла в употребление канцелярская книга, ставшая основой известного формулярника епископа Тобиаша из Бехине. Хранение грамот [в епископских архивах] было налажено настолько хорошо, что, в частности, в Оломоуце большинство материалов дошло в оригиналах и лишь меньшая часть известна нам только по спискам в составе копиариев.

Теперь посмотрим, как отнеслись к грамоте светские феодалы. Можно сразу же сказать, что их отношение резко отличалось от того, которое характерно для духовных феодалов, причем различия касались многих аспектов и проявились уже в вопросе о владении печатью. Если абстрагироваться от государя как высшего представителя светских феодалов, то придется констатировать, что в среде последних в конце XII — начале XIII в. печать встречается только в порядке исключения, да и то лишь

¹⁸ CDB, t. 1, N 157, p. 161.

у наиболее богатых и политически влиятельных феодальных господ (например, у Витковцев). Печатью обладали «земские» (областные) и провинциальные должностные лица (прежде всего в Моравии).

Адресатом древнейших грамот, составленных от имени светских феодалов, были исключительно низшие духовные феодалы. По форме эти грамоты представляют собой протокольные записи об определенном юридическом действии, совершенном в соответствии с «земским» (областным) правом и с согласия герцога. Правда, надо заметить, что печатью последнего или же печатью пражского епископа скреплены и [многие] грамоты, изготовленные духовными феодалами. Типичны в этом смысле документы, возникшие на рубеже XII и XIII вв. в цистерцианском монастыре в Пласах.

Из грамот светских феодалов, выданных ими самостоятельно, без специального разрешения государя, и скрепленных собственной печатью грамотодателя, наиболее ранней является грамота 1220 г. Витека из Прчиц (представителя вышеупомянутого рода Витковцев) премонстранскому монастырю в Милевско, который и изготовил этот документ¹⁹.

Во второй половине XIII в. появляется еще один тип грамот, составленных от имени светских феодалов. Это грамоты, получателем которых был не духовный феодал, а сам король. Мы имеем в виду так называемые «присяги в верности». Впрочем, хотя они и шли от лица того или иного светского феодала, но составлялись в королевской канцелярии.

Лишь в конце эпохи Пржемысловичей и только в виде исключения мы встречаем грамоты, выданные одним светским феодалом другому. Следует подчеркнуть, что ничтожное количество этих грамот нельзя объяснить утратой документов. Напротив, надо полагать, что их никогда не существовало.

В качестве получателей грамот дворяне выступают в исключительных случаях, и обычно тут угадывается определенная заинтересованность какого-либо духовного феодала в выдаче грамоты.

В XIII в. у светских феодалов, хотя они и побуждались к составлению грамот феодалами духовными, все же изредка встречается собственная канцелярская организация изготовления грамот. Но ее имели только наиболее могущественные феодальные сеньоры: неоднократно упоминавшиеся Витковцы, а также господа из Лихтенбурка (Lichtenburk), разбогатевшие благодаря участию в разработке серебряных рудников. Однако непосредственным написанием грамот здесь занимались опять-таки низшие духовные феодалы, чаще всего члены монастырских корпораций, которые наряду с изготовлением грамот, по-видимому, участвовали и в хозяйственном управлении тем или иным светским имением.

Ядро феодальных владений обоих названных выше дворянских родов было в Чехии. В Моравии дело с выдачей грамот светских лиц обстояло иначе. Хотя здесь и имеется ряд грамот, выданных от имени чиновников провинциальных судов, мы все же вправе с полной определенностью утверждать, что, поскольку в этих судах не было писарей, которые могли бы документально фиксировать происходившие перед ними юридические действия, все грамоты, дошедшие до нас из этой среды, возникли у получателей, т. е. у духовных феодалов.

У дворянства не было и практической потребности сохранять свои грамоты. О существовании в этот период архивов каких-либо феодальных родов, кроме Витковцев и Лихтенбурков, сведений нет.

Несомненно, таким образом, что чешские и моравские шляхтичи относились к грамоте негативно. Но на рубеже XIII и XIV вв. и в этой среде проявилось стремление к документальному закреплению прав владения недвижимым имуществом, в результате чего возникли сначала провинциальные, а затем и «земские» (областные) «доски», которые хотя и представляли известную аналогию городским книгам, однако в систе-

¹⁹ CDB, t. 2, N 208, p. 192.

ме «земского» (областного) управления были все же явлением спорадическим²⁰.

Подобно тому как епископ занимал особое положение сравнительно с низшими духовными феодалами, среди светских феодалов выделялся государь, будь то герцог (князь) или король. Необходимо остановиться на его отношении к документам. То, о чем пойдет речь ниже, касается как герцога (князя) или короля Чешского, так и маркграфа Моравского и членов их фамилий.

Собственно княжеская (герцогская) печать (так называемая Свято-вацлавская) имеет древнюю, фактически даже доактовую традицию, уходящую корнями в те времена, когда она служила в качестве «sigillum citationis»²¹. Как атрибут документа печать впервые появляется в XI в. на грамотах князя Вратислава II, ставшего затем первым чешским королем²². Создание государевых грамот на протяжении всего периода правления Пржемысловичей находилось исключительно в руках духовных феодалов, т. е. ситуация тут была по существу та же, что и у других, менее крупных светских феодалов. И все же государь относился к документированию иначе, чем они, поскольку в выдаче грамот он видел также и форму проявления своей верховной власти. Прямо скажем, в известном смысле государь стремился подражать тому, кто был для него ближайшим образцом, — римскому королю (Rex Romanus). Как и этот последний, он поручал выдачу грамот членам своей дворцовой капеллы. Древнейшей из государевых грамот является грамота, выданная упомянутым выше князем Вратиславом II (1073 г.). Его грамоты имеют признаки канцелярского происхождения, но само появление этих грамот надо признать преждевременным, так как оно не было обусловлено социально-экономическими отношениями, базисом той эпохи. Поэтому выдача подобных грамот не получила на чешской почве естественного продолжения.

Только через 70 с лишним лет, при Владиславе II²³, создались благоприятные условия для возникновения государевой грамоты (1146 г.). Но и тогда, как уже отмечалось, в выдаче грамот принимал участие духовный феодал — оломоуцкий епископ. В XIII в. королевская дипломатика развилась в полной мере. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы отношение государя к грамоте было безусловно позитивным. В этой связи надо обратить внимание на следующие три обстоятельства. 1) В течение всего XIII в. ни сам чешский король, ни тем более члены его рода не создали условий для того, чтобы вся документация исходила из строго организованной канцелярии. Лишь в последних десятилетиях XIII в. число грамот, созданных в канцелярии, превосходило число грамот, изготовленных получателями также и в тех случаях, когда получателем был низший духовный феодал.

2) Еще в 80-х годах XIII в. устное свидетельство имело в суде полную силу, документальное же — играло вспомогательную роль.

²⁰ «Земские доски» — книги, в которых записывались сделки о купле-продаже недвижимости, а также судебные разбирательства. Возникли около 1278 г. при «земском» (областном) суде, являвшемся чисто дворянским сословным органом (*Прим. переводчика*).

²¹ «Sigillum citationis» (буквально — печать вызова в суд) являлась «земской» (областной) печатью. Оттиск печати судьи, посылаемый без грамоты, удостоверял полномочия судебного агента, непосредственно осуществлявшего вызов в суд. Согласно В. Эвальду, это был чисто славянский обычай (*Ewald W. Siegelkunde. Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte* / Hrsg. von G. v. Below und F. Meinecke. München u. Berlin, 1914, S. 24). Однако его находим и у венгров (*Sufflay M. Sigillum citationis. — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Innsbruck, 1907, Bd. 28, Hf. 3, S. 515*). Об употреблении этой печати в Чехии см.: *Bauer O. O původu dvojstrannosti české pečeti panovnické. — Český časopis historický / Vydává J. Pekař. Praha, 1931, roč. 37, seš. 2, s. 321*.

²² Князь Вратислав II правил с 1061 по 1092 г. В 1085 г. за службу Генриху IV он получил титул короля, однако этот титул не был наследственным (*Прим. переводчика*).

²³ Князь Владислав II правил с 1140 по 1173 г. В 1158 г. он получил от Фридриха I Барбароссы наследственный титул короля (*Прим. переводчика*).

3) Отношение короля к своему родовому (будущему коронному) архиву было поэтому таким же, как и отношение высших светских феодалов к их архивам.

Последними в ряду социальных групп, проявивших свое отношение к грамоте, стоят города и их обитатели. Во второй половине XIII в. все королевские и часть феодальных городов получили печати собственного образца. Древнейшей является брненская городская печать 1247 г. Городская печать служила и для удостоверения подлинности грамот, дававшихся отдельными горожанами, которые лишь в единичных случаях обладали своей собственной печатью.

Сначала города выступают только в роли получателей грамот от сеньора, в первую очередь короля. Наиболее ранний документ такого рода относится к 1223 г. Здесь следует подчеркнуть, что города и их жители знали цену документам, и в этом отношении они стоят ближе всего к низшим духовным феодалам. Но в отличие от последних города (особенно на первом этапе) не имели собственных средств изготовления документов, и большинство полученных ими грамот возникло в канцеляриях грамотодателей. В этом плане ситуация в городах напоминает скорее положение дел у светских феодалов.

Что касается изготовления грамот, выдаваемых самим городом или отдельными его жителями, то и тут положение было таким же, как у светских феодалов. Получатели этих грамот — большей частью низшие духовные феодалы, которые изготавливали грамоту собственными средствами. Хотя за XIII в. имеются сведения о наличии городских нотариусов в разных городах, действительное участие их в изготовлении грамот может быть доказано лишь в редких случаях. Грамот, выданных жителями одного и того же города друг другу, вообще не существует. Если, с одной стороны, можно предполагать значительную утрату документов (что доказуемо в отношении большого числа государевых грамот городам), то, с другой стороны, несравненно правдоподобнее будет допущение, что правовые дела между горожанами велись в городском суде в устной форме, и лишь позднее (в начале XIV в.) ход судебного процесса стал записываться в городские книги.

Уяснение общественной функции грамоты во всех классовых группах, имевших дело с документацией, позволило наиболее полно освоить весь дипломатический материал, предназначенный для издания в дипломатрии.

БУЕВИЩЕ «ПЕТРЯТИНО ДВОРИЩЕ» В НОВГОРОДЕ

В «Рукописании князя Всеволода», регулирующем права церкви Ивана на Опоках, имеется следующее топографическое свидетельство: «А буюище Петрятино дворище от прежних двери святого великого Ивана до погребя, от погребя до Кончаньского мосту; а того буюища имати куны старостам иваньским и старостам побереским, а класти куны в дом святого великого Ивана. А попов святого великого Ивана, и диакона, и дьяка, и сторожов призирати старостам иваньским, и купцам, и старостам побереским, и побережаном»¹.

Слово «буюище» неоднократно комментировалось исследователями, толковавшими его как площадь (возвышенное открытое кругом место), или как «буян» (речная пристань), или же как кладбище (существующее или заброшенное)². В последнее время возобладало мнение о том, что «буюище» «следует понимать как площадь, на которой с появлением Торга были устроены пристани и торговые склады»³. А. А. Зимин объяснял буюище Петрятино дворище как место остановки торговых гостей, центр, «куда съезжались купцы из разных земель еще задолго до составления „Рукописания“ князя Всеволода, а также место взимания с них пошрины»⁴.

В прямой связи с таким толкованием находится и представление о размерах буюища Петрятина дворища. По-видимому, со времен В. С. Передольского утвердилось мнение о том, что один из пределов этого буюища Кончанский мост находился на Федоровском ручье⁵. Такого же мнения придерживается А. А. Зимин⁶, а А. И. Семенов, говоря о прибрежном участке Торговой стороны от церкви Ивана на Опоках до Федоровского ручья, утверждал, что «уставная грамота князя Всеволода, данная церкви Ивана на Опоках около 1134—1135 гг., называет весь этот район «Буюище, Петрятино дворище»⁷.

Между тем изложенное представление выглядит в высшей степени странным, если учесть, что расстояние от церкви Ивана на Опоках до Федоровского ручья равно 630 м и что на этом пространстве существовала уличная застройка, частично сформировавшаяся уже к XI в. В частности, раскопки 1967 г. на древней Буяной улице (в 120 м к северу от церкви Ивана на Опоках) выяснили, что жилая застройка воз-

¹ Н. И. Л. М.; Л., 1950, с. 560. Цитируется по Троицкому списку. «Рукописание князя Всеволода» существует в двух редакциях. Древнейшая Троицкая представлена единственным списком 60-х годов XVI в. Более поздняя Археографическая, сохранившаяся в нескольких списках, опирается на протограф начала XV в. (самый ранний дошедший до нас вариант — в Комиссионной рукописи Новгородской I летописи младшего извода середины XV в.; там же, с. 508—509). Особенности текста Троицкой редакции свидетельствуют о том, что она сложилась в последней трети XIII в. (Янин В. Л. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода. — В кн.: АЕ за 1976 год. М., 1977, с. 60—68). «Рукописание князя Всеволода» издано по всем вариантам обеих редакций А. А. Зиминим в кн.: ПРП, вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953, с. 174—185.

² Обзор толкований этого слова см. в статье: Семенов А. И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10, с. 148—149.

³ Там же, с. 149.

⁴ ПРП, вып. 2, с. 181—182.

⁵ Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 333.

⁶ ПРП, вып. 2, с. 149.

⁷ Семенов А. И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода, с. 148.

ника там уже на рубеже X—XI вв., а самая ранняя мостовая этой улицы средствами дендрохронологии датирована 20 годами XII в.⁸ Следовательно, даже если придерживаться наиболее древней из фигурирующих в литературе возможных дат составления «Рукописания князя Всеволода» или его протографа (30-е годы XII в.), нельзя толковать все это пространство как «чистое место», площадь. Не менее существенным является очевидное отождествление в «Рукописании князя Всеволода» «Буевища» и «Петрятина дворища». Поскольку они определяют один и тот же топографический объект, представлять все это огромное пространство как бывший двор некоего Петряты — очевидный нонсенс. Никакое дворище не могло иметь столь значительных размеров.

В этой связи полезно вернуться к рассмотрению иных вариантов толкования термина «буевище». По В. И. Далю, «Буй м. *пск.*, *буево* ср. *арх.*, *буище*, *бувище*, искаж. *бубище*; буйвище ср. *сев.* возвышенное, открытое кругом место; пустырь на возвышении; погост, место, где стоит церковь (обычно на возвышенности), место внутри ограды церковной; кладбище, могилки, могильник, *сев.* борбк, божья-нивка; // местами (*твр.*) *буищем* зовут и выгон, простор за околицей, что не запахивается»⁹. Те же значения в диалектах указаны и И. И. Срезневским: «буй ныне означает в Псковской губ. пустое место около церкви в ограде; буево — кладбище (Олон.); бувище — место, где было прежде кладбище (Твер. Осташк)»¹⁰. Следовательно, одним из наиболее распространенных на севере значений этого слова оказывается — церковный участок, место внутри церковной ограды, где, в частности, могли хоронить прихожан.

В новгородских средневековых источниках термин «буевище» встречается еще дважды и оба раза он связан с церковными участками. В «Описании семи новгородских соборов» последней трети XV в. говорится: «да за Владычным двором на буевище Афонасей святыи да Анастасия святая, да Спас Милостивый, да Вход в Иерусалим, да Михаил святыи на полатех»¹¹. Перечисленные здесь храмы хорошо известны по летописным сообщениям: церковь Входа в Иерусалим основана в 1336 г., Афанасия и Кирилла — в 1390 г., Анастасии — в 1417 г., Спаса Милостивого — в 1424 г.¹² Все они были расположены в пространстве, непосредственно примыкающем к Софийскому собору и опоясывающем полукольцом его восточную часть. Указанное пространство было огорожено, о чем возможно судить по сообщению 1336 г.: «...В то же лето боголюбивый архиепископ Василии святую Софею тыном новым отыни»¹³. В Лавочной книге 1583 г. упоминается Дмитриевское буевище в Неревском конце¹⁴, т. е. участок церкви Дмитрия, известной по летописи с 1391 г. на Дослане улице. Такой же характер имеет упоминание «буевища» в Псковской летописи под 1418 г.: «...Того же лета повеле посадник Федос и весь Псков намостити буевище и около церкви святыа Троица, и тын отыниша около церкви»¹⁵.

Опираясь на приведенные здесь материалы, возможно высказать предположение, что и «Рукописание князя Всеволода» под «буевищем» подразумевает собственно церковный участок, заключенный в ограду, а тождество понятий «буевище» и «Петрятино дворище» указывает на то, что

⁸ Хорошев А. С. Раскопы южной части Плотницкого конца. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 176—191.

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1, с. 138.

¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893, т. 1, стб. 191—192.

¹¹ Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. — Вестник археологии и истории. СПб., 1898, вып. 10, с. 79; Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 111.

¹² Н I Л, с. 347, 383—384, 408, 415.

¹³ Там же, с. 347.

¹⁴ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С предисловием и под ред. С. В. Бахрушина. М., 1930, с. 151.

¹⁵ ПЛ. М., 1955, вып. 2, с. 120.

церкви Ивана в момент ее основания был отведен участок бывшего двора Петряты. Очевидной особенностью этого участка оказывается его треугольная в плане форма, поскольку локализация буевища произведена в «Рукописании» по трем ориентирам: прежние двери святого Ивана, погреб и Кончанский мост.

Многолетние археологические раскопки в Новгороде установили исключительную стабильность усадебных границ: частоколы дворов, возникшие в X—XI вв., возобновляются на своих традиционных местах на протяжении всего периода новгородской независимости. Эта закономерность, прослеженная при раскопках боярских владений, надо полагать, в еще большей степени приложима к церковным усадьбам, границы которых сугубо охранялись самим статусом этих земель, что, в частности, отразилось и в «Рукописании князя Всеволода», содержащем заклиание тому, кто пожелает «дом обидети святого великого Ивана».

Поэтому методически оправданной представляется попытка установить границы древнего владения церкви Ивана на Опоках по материалам сравнительно поздних писцовых книг конца XVI в., где оно достаточно подробно описано. До этого, однако, следует ориентироваться в топографии ближайших окрестностей церкви Ивана. Полезным для такой ориентировки представляется детальный план интересующей нас местности, выполненный в 1732 г. Григорием Охлопковым¹⁶. Указанный чертеж передает древнюю схему улиц, отражая их местоположение не только для первой половины XVIII в., но и для ряда предшествующих столетий. Повышенная влажность новгородской почвы была причиной тому, что костяк уличной сетки оставался практически неподвижным. Уличные мостовые многократно возобновлялись на одном и том же месте, благодаря чему в земле они откладывались в виде многоярусных конструкций, состоящих порой из десятков одновременных настилов.

Вблизи алтарей церкви Ивана на Опоках согласно указанному плану проходила в направлении с юга на север Пробойная улица — главная проезжая магистраль Торговой стороны в Плотницком конце. В 10 м севернее церкви на плане обозначена перпендикулярная Пробойной Иванская улица, своим западным концом выходявшая на берег Волхова. Севернее Иванской, примерно в 60 м от нее, проходила в целом параллельная ей Лубяница, а в 60 м севернее последней — Буяна, имевшая направление также с запада на восток. К востоку от церкви Ивана на Опоках, уже за Пробойной улицей, расположены церкви Димитрия и Георгия; первая — на расстоянии 10 м, а вторая — 20 м от Ивановского храма. Существующая и сейчас церковь Георгия известна на том же месте с 1133 г., несохранившаяся церковь Димитрия на Буяне или на Лубянице достоверно известна с 1300 г. — возможно, к ней относится летописное сообщение 1195 г. о постройке деревянной церкви «святого Дмитрия Ноздрьдиной». К показаниям плана 1732 г. возможно внести один существенный корректив. Реконструируя топографию новгородского Торга конца XVI в. по материалам писцовых и лавочных книг, А. И. Семенов доказал, что Иванская улица еще в XVI в., «начинаясь от Пробойной улицы, за церковью Ивана на Опоках поворачивала на юго-запад и через ряды подходила к Великому ряду и Волховскому (Великому) мосту»¹⁷. Этот проезд обозначен и на плане 1732 г., но там он не именован.

В писцовой книге Федора Мещерского 1585—1586 гг. описаны дворы Иванского клира, расположенные к северу от церкви: «На Иванской же

¹⁶ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода, с. 11; Янин В. Л. Из истории ранних попыток перепланировки Новгорода в XVIII в. — Русский город. М., 1979, вып. 2, вклейка, рис. 4.

¹⁷ Семенов А. И. Топография новгородского Торга в 1583 году. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Л., 1936, вып. 1, с. 26—27; см. там же вклейку со схемой Торга. Отметим также, что в описании пожара 23 апреля 1633 г. говорится, в частности, что сгорели «две улицы Ивановские» (ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 71, л. 2).

улице дворы церковные на церковной земле нетяглой от Пробойные улицы к реке к Волхову по правой стороне. Во дворе Иванской поп Иван; длина десять сажен, поперег полшесты сажени. Во дворе Иванской поп Иван же; длина десять сажен, поперег полшесты сажени. Во дворе Иванской дячек Федор; длина восемь сажен, поперег пять сажен. Во дворе Иванской дякон Роман; длина шесть сажен, поперег то ж. Во дворе Иванской пономарь Овдейко; длина десять сажен, поперег полчетверты сажени. Во дворе Иванской пономарь Михайлец; длина десять сажен, поперег полчетверты сажени. Во дворе Борисоглибской пономарь Гриша на церковной земле Ивана Предтечи; длина десять сажен, поперег то ж. И всего на Иванской улице церковных нетяглых 7 дворов, а людей в них нетяглых 7 человек»¹⁸. Согласно этому описанию на северной стороне Иванской улицы располагалась линия церковных усадеб на земле Ивана на Опоках. Эта линия протяженностью в 39 саж. (83 м) своим восточным концом упиралась в Пробойную улицу. Глубина застройки клировых участков — 10 саж. (ок. 21 м). Принимая во внимание то, что от церкви до Иванской улицы было примерно 10 м, а сама улица имела ширину около 4—5 м, угол частокла церковного участка и Пробойной улицы находим в 35—36 м к северу от церкви Ивана на Опоках на западной стороне Пробойной улицы. Поскольку северная граница церковной земли следует за изгибом Иванской улицы, западный угол участка локализуется против западного входа в церковь, на расстоянии примерно в 40 м от него.

Южная сторона Иванской улицы на участке от Волхова до площадки перед западным входом в церковь не входила в церковное владение. Описанные в Лавочной книге 1583 г. лавки этого участка располагались до «прохода к Ивану святому к лиснице, поперег 2 сажени»¹⁹.

Еще один принадлежавший церкви Ивана на Опоках участок находился к востоку от нее, за алтарями: «За проходом лавке каменные на поземе Ивана Предтечи за алтарем: лав. каменная Сеньки Григорьева темьяника с Холопыи по затвору 1½ саж., длина 1 саж. без лохти, оброку 10 ал., а позему попом давати 14 ал.; на поземе Ивана святого лавка каменная Первуши Трофимова свечника по затвору 1½ саж., длина 2 саж. без лохти, оброку 10 ал., а попом позему 14 ал.; прилавок за алтарем промеж лавок у Ивана святого Сушка Наумова Варлаамевского сторожа поперег саж., оброку полтина; на поземе Ивана Предтечи лав. каменная Лобана свечника по затвору 1½ саж. с лохтем, длина 2 саж., оброку 10 ал., позему попом 21 ал.; на поземе ж Ивана святого лавка каменная Сеньки Григорьева свечника по затвору саж. с лохтем, длина 2 саж., оброку 10 ал., попом позему 14 ал.; на поземе ж Ивана святого лавка каменная Мосейка Осипова свечника с Никитины по затвору саж. с лохтем, длина 2 саж., оброку 10 ал., попом позему 14 ал. Проход на Опоки ж меж лавок поперег 2 саж. За проходом на поземе ж Ивана святого: лав. каменная Истомы Ботова по затвору 1½ саж., длина 2 саж., оброку 10 ал., а попом позему 14 ал., а ныне за его женою за Любовай; на поземе ж Ивана святого лавка каменная Демедка Тимофеева ветошника по затвору саж. с лохтем, длина 2 саж., оброку 10 ал., а попом позему 14 ал.; на поземе Ивана святого лав. каменная новокрещена Олеша тотарина по затвору саж. с лохтем, длина 2 саж., оброку 10 ал., а попом позему 14 ал.; на поземе Ивана святого лав. каменная Гриши Зеновьева житничного сторожа по затвору 1½ саж., длина 2 саж., оброку 10 ал., а попом позему 14 ал., а ныне за его сыном за Степанком за житничным сторожем. Проход в Белильной ряд. За проходом на поземе Ивана святого лав. каменная Ефимка Иванова с Щерковы по затвору 1½ саж. с пядью, оброку 10 ал., а попом позему давати 14 ал.»²⁰

¹⁸ Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI века. СПб., 1912, с. 18.

¹⁹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., с. 94.

²⁰ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., с. 94—95.

В приведенном описании говорится о трех группах каменных лавок. Первая — общей протяженностью в 16,5 м и глубиной в 4 м находилась непосредственно за алтарями церкви Ивана на Опоках. Заметим, что ширина церкви равна 16 м²¹, и, следовательно, линия лавок полностью прикрывала апсиды, будучи обращена лицом к Пробойной улице. Имеющийся в этой линии лавок прилавок, надо полагать, был расположен против окна центральной апсиды, открывая доступ свету. Далее следует двухсаженный проход к церкви, несомненно, ведущий к ней с той же Пробойной улицы. За проходом расположена линия каменных лавок общей длиной в 11,5 м, за ней проход в Белильный ряд, а за проходом — еще одна лавка длиной в 3 м. Ориентировать эти лавки на плане можно, зная расположение Белильного ряда относительно церкви Ивана. Лавочные книги по этому поводу замечают, что «от Белильного ряда до Ивана святого площадь 7 саж. с лохтем» (ок. 15,5 м)²², из чего очевидно, что ряд тянулся вдоль южного фасада Ивановской церкви в 15,5 м от нее. Между тем от первой группы лавок до конца второй (учитывая двухсаженный проход между ними) было 7 саж. с 2 локтями. Надо полагать поэтому, что и проход в Белильный ряд вел с Пробойной улицы, а за ним в той же линии была еще одна лавка (Ефимка Иванова), стоявшая на церковной земле.

Пространство к западу от этой линии, т. е. непосредственно примыкавшее к южному фасаду Ивановской церкви, к церковному участку не относилось. В конце XVI в. оно было занято уже упомянутой площадью, о статусе которой в Лавочных книгах сказано: «Торговати всем людем Великого Новгорода безоброчно, а полком и лавкам на том месте не быти»²³. Близко к церкви Ивана на Опоках подходил Ветошный ряд, но он находился на восточной стороне Пробойной улицы, против описанных выше заалтарных лавок²⁴. Никаких других участков, принадлежавших церкви, кроме линии клировых усадеб и линии каменных лавок, источники не знают. Даже колокольница Ивана на Опоках, расположенная немного юго-западнее храма, возвышалась среди лавок, находившихся только на обroke, но никому не платящих позем.

Таким образом, церковный участок Ивана на Опоках реконструируется по материалам 80-х годов XVI в. в виде, близком к треугольнику, одна из сторон которого длиной 83 м уже описана, другая совпадает с западной красной линией Пробойной улицы и имеет длину примерно 74—75 м, третья, соединяющая их, идет по линии южного фасада церкви, нарушаясь у Пробойной улицы выбегающим на юг узким участком каменных лавок (см. рис.). Площадь этого участка приблизительно равна 3000 кв. м, что вдвое превосходит обычный размер хорошо известной по археологическим раскопкам боярской усадьбы (1200—1500 кв. м).

Рассмотрим теперь этот участок применительно к древней топографической ситуации.

В 120 м южнее церкви Ивана на Опоках находилась церковь Успения на Торгу, имевшая и другое широко распространенное наименование — храма Успения на Козьей Бородке (основана в 1133 г.). Последнее ее обозначение принято производить от слова «брод», предполагая наличие в этом месте древнего, несуществующего ныне ручья. Не знаю, в какой мере такое толкование этимологически правомерно, но ручей здесь в древности действительно существовал, что подтвердилось данными геологического бурения. «При изучении Славенского конца, — пишет И. И. Кушнир, — удалось отчасти проследить русло впоследствии засыпанного ручья, имевшего название Козий Брод или Козья Бородка. Он проходил у церкви Успения на Торгу, вдоль улицы 1 Мая между двумя возвышенно-

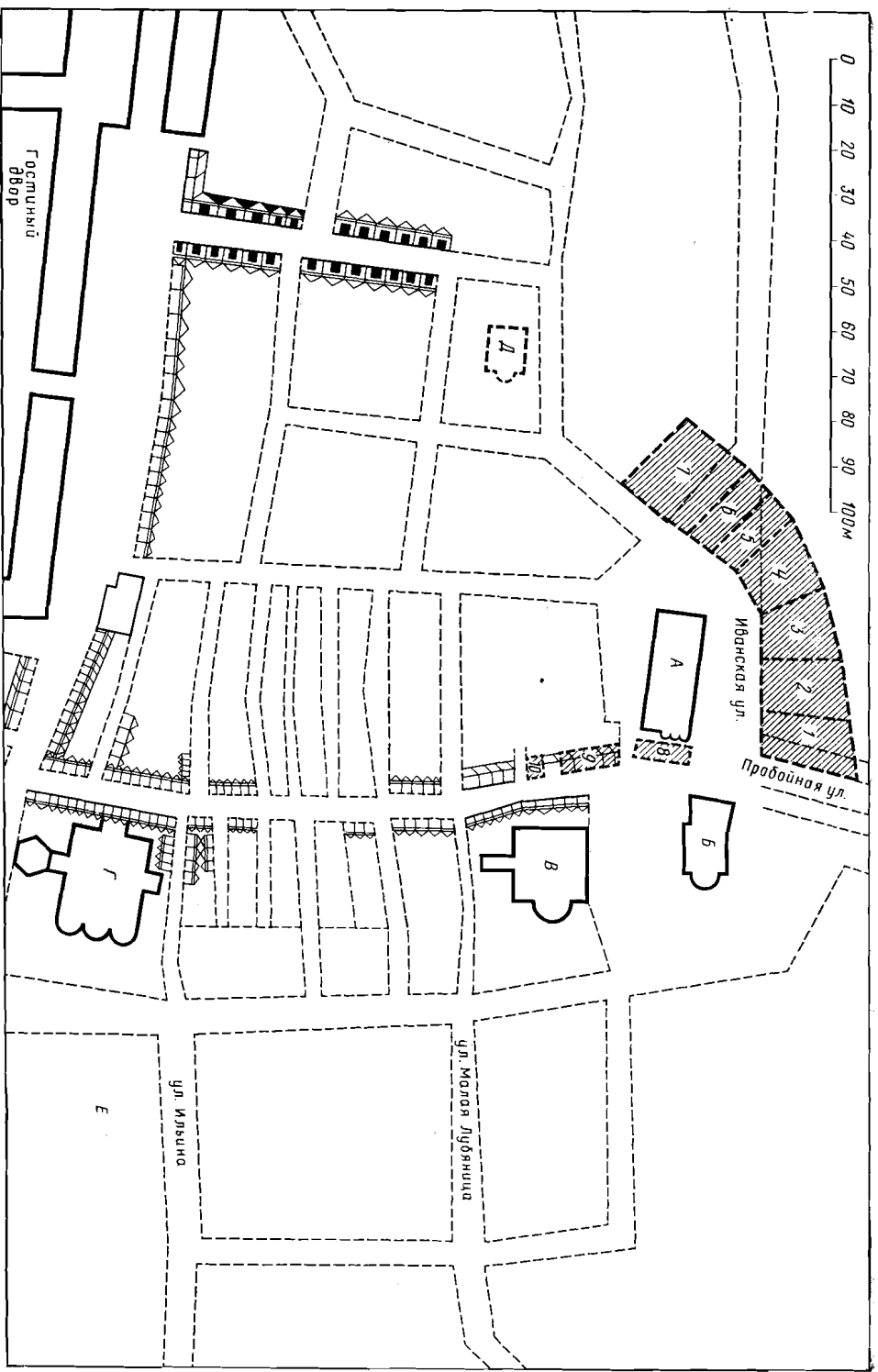
²¹ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, ч. 1, с. 297—298 (размеры церкви — 9×7½ саж.).

²² Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., с. 96.

²³ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., с. 96.

²⁴ Там же.

Схема расположения церковного участка Ивана на Опокат, привязанная к чертежу Г. Огломова 1732 г.: А. Церковь Ивана на Опокат; Б. Церковь Дмитрия; В. Церковь Родины; Г. Церковь Успения; И. Церковь Бориса и Глеба; Е. Неменный двор; 1—7. Каменные участки; 8—10. Участки двора.

стями»²⁵. Надо только думать, что не ручей мог называться Козьим Бродом, а переправа через него против церкви Успения. Важнее, однако, другое — ложбина между двумя возвышенностями, т. е. русло ручья, как это показывает обращение к приложенной к статье И. И. Кушнера схеме, проходит между церквями Успения и Ивана на Опоках.

В прошлом столетии, когда следы древнего рельефа еще просматривались на поверхности, не будучи сглажены современными нивелировками, желобину древнего ручья описал В. С. Передольский. По его наблюдениям, желобина выходила из Тарасовца (Копани) — водной протоки, опоясывающей вал Окольного города на Торговой стороне, — против церкви Филиппа апостола; она тянулась к Успенской на Торгу церкви, огибала ее и «склонялась в берег Волхова, примерно — где Буяновская улица» (ныне ул. Большевиков); правда, «следы желобины едва заметны, начинаясь от Знаменской улицы» (ныне ул. 1 Мая), «которую она пересекает близ Московской» (ныне проспект В. И. Лесина)²⁶, и участок ручья от этого пункта до берега Волхова недостаточно документирован. Отметим, что в конце XVI в. описанная линия на значительном ее протяжении именовалась Трубой²⁷. Мощные водоотводные сооружения, связанные с дренированием этого ручья, были расчищены в 1973 г. при раскопках на ул. Кирова и датированы на одном из участков 1304 годом²⁸. Известно также о водоотводной системе Немецкого двора, расположенной по течению того же ручья²⁹, и о значительной дренажной системе, отдельные участки которой исследовались в прибрежной части Торга, на территории Гостиного двора³⁰.

Легко заметить, что южная граница церковного участка Ивана на Опоках находится вблизи течения этого несуществующего ныне ручья. В этой связи небезынтересен смысл термина «Опоки». В. И. Даль разъясняет слово «опока» как меловой известняк, известковатый суглинок, белая сероватая глина; «опочистая» или «опоковатая» почва — белый известковатый суглинок; «опочник» — опочковый, опочный камень, мергель, туф³¹. Во всех случаях речь идет о коренных, материковых породах, выходы которых наблюдаются, как правило, там, где имеются естественные размывы почвы. Опись Новгорода 1615 г. числит на Опоках три храма: «На Опоках храм камен Иоанн Предтеча, придел Пророк Захарий; храм Дмитрий Великомученик, придел Богоявление Господне; храм камен Борис и Глеб»³². Местоположение церкви Дмитрия нам уже известно; остатки храма Бориса и Глеба наблюдались при земляных работах примерно в 80 м западнее церкви Ивана на Опоках³³.

Надо полагать, что и сам ручей в этой его прибрежной (относительно Волхова) части служил границей между Славенским и Плотницким концами. Убеждает в этом тяготеющая к древнему кончанскому делению соборная организация Новгорода, которая отражена в памятнике конца XV в. — «Описании семи новгородских соборов». Согласно этому документу церковь Ивана Предтечи была соборной, объединяя все храмы Плотницкого конца (в том числе церкви Дмитрия и Борисоглебскую, числящиеся по описи 1615 г. на Опоках), а церковь Успения на Козьей

²⁵ Кушнер И. И. К топографии древнего Новгорода. — Советская археология, 1975, № 3, с. 179; см. вклейку там же.

²⁶ Передольский В. С. Указ. соч., с. 104.

²⁷ Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959, вып. 9, с. 67—68.

²⁸ Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция. — В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 37.

²⁹ Гильдебранд Г. Отчет о разысканиях, произведенных в рижских и ревельских архивах по части русской истории. — Зап. имп. Академии наук, 1877, т. 29, кн. 1, прилож. № 3, с. 39 и сл., док. № 107, 111, 140, 146.

³⁰ Медведев А. Ф. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого. — МИА. М., 1956, № 55.

³¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 2, с. 681.

³² Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 86.

³³ Орлов С. Н. К топографии исторических каменных зданий древнего Новгорода. — Учен. зап. Новгородского пед. ин-та, 1965, т. 1, вып. 1, с. 67 и рис. 4, 6.

Бородке, также соборная, объединяла все церкви Славенского конца³⁴. В таком случае мост через указанный ручей должен был соединять оба конца Торговой стороны, вполне соответствуя своим назначением наименованию Кончанский. Этот мост должен был находиться в единственно возможном месте — на Пробойной улице, которая, имея направление с юга на север, безусловно, пересекала ручей. Обращение к плану 1732 г., на котором показана Пробойная улица, обнаруживает, что мост через ручей может быть локализован в непосредственной близости к южной оконечности стоявших на поземе Ивана Предтечи каменных лавок.

Второй угол треугольника в «Рукописании князя Всеволода» совпадает с «погребом». Этот термин можно трактовать по разному — как хранилище, как кладбище и как тюрьму. В последнем значении это слово употреблено в документе конца XII в.: «Немчина не сажати в погреб Новгороде, ни новгородца в Немцх, нъ емати свое у виновата»³⁵. Вне зависимости от смысла термина «погреб» обозначенный им пункт находился у того же ручья, ниже Ивана на Опоках по течению. Дело в том, что церковь Бориса и Глеба, расположенная к западу от Предтеченского храма, но, как уже отмечено, в пределах Опок, в «Описании семи новгородских соборов» именуется церковью Бориса и Глеба «на погребнице». Очевидное совпадение микротопонимов локализует «погреб» в указанном месте. В 1464 г. «обложи церковь святого Бориса и Глеба в Торгу, на погребе скуделнем, при архиепископе владыке Ионе, юже сам обложи своима рукама»³⁶. Отсюда очевидно, что «погреб» «Рукописания князя Всеволода» все же был кладбищем. Впервые церковь Бориса и Глеба в районе Торга упомянута в летописи под 1300 г.³⁷

Обозначая границу церковного участка Ивана на Опоках по ручью, мы должны ответить на неизбежно возникающий вопрос: почему эта граница в конце XVI в. совпадает с южной стеной церкви, не включая находящейся перед ней площади, которая — логически — должна располагаться на северном берегу ручья, т. е. принадлежать Предтеченскому храму? Противоречивая конфигурация границы здесь усугублена наличием узкого «языка» земли, принадлежащей церкви Ивана на Опоках между восточной границей площади и Пробойной улицей. По-видимому, в данном случае следует учитывать те коррективы, которые неизбежно должна была внести засыпка ручья на этом участке и отвод его в дренажную систему. Ликвидация ручья, нивелировочные работы на его месте, которые могли быть произведены только на средства «Всего Новгорода», дали городу новые полезные для общественного освоения участки, на которые иммунитет прежних владельцев уже не распространялся. Думается, что и площадь перед южным фасадом церкви Ивана на Опоках возникла только в результате этих нивелировочных работ.

Что касается третьего угла церковного участка, расположенного у Пробойной улицы примерно в 75 м к северу от Кончанского моста, то только с этим углом могут совпадать «прежние двери святого Ивана». Возможно догадываться, что некогда ворота церковного участка Ивана на Опоках находились в указанном пункте Пробойной улицы, а затем изменили свое местоположение, когда организация нового прохода к церкви привела к возникновению Иванской улицы.

Таким образом, церковный участок Ивана на Опоках, как он описан в писцовых книгах 80-х годов XVI в., в целом совпадает с тем, который обозначен в «Рукописании князя Всеволода». Вместе с тем в связи с упоминанием Кончанского моста имеются основания говорить о том, что Троицкая редакция «Рукописания князя Всеволода» фиксирует пределы Предтеченского участка до ликвидации Кончанского ручья. Поэтому дальнейшие археологические работы по уточнению времени сооружения

³⁴ Никольский А. Описание семи новгородских соборов, с. 81—82.

³⁵ ГВНП. М.; Л., 1949, с. 56, № 28.

³⁶ ПСРЛ. СПб., 1889, т. XVI, стб. 218.

³⁷ Н I Л, с. 91.

Трубы и, следовательно, ликвидации ручья способны будут внести дополнительную ясность и в проблему датирования этого важного для истории Новгорода письменного документа.

Следует теперь остановиться на некоторых обстоятельствах, связанных с ранней историей церкви Ивана на Опоках. Согласно летописному рассказу в 1127 г. «заложи церковь камяну святого Иоанна Всеволод Новегороде, на Петрятине дворе, в имя сына своего». Иван Всеволодович умер в 1128 г. в возрасте не старше четырех лет (женитьба его отца относится к 1123 г.), а церковь была закончена в 1130 г.³⁸ А. И. Семенов, обратив внимание на то, что в 1130—1134 г. в Новгороде посадничал Петрило Микульчич, погибший в 1134 г., допускал, что «Всеволод, приближая к себе Петрилу, мог построить и церковь Ивана на его дворе, местность которого после опустошительного пожара Торговой стороны в 1134 году могла получить название — „Петрятино дворище“»³⁹.

На наш взгляд, изложенное предположение неверно. Новгородские летописи сообщают о дальнейшей судьбе церкви Ивана на Петрятине дворе следующие факты. В 1184 г. «заложи архиепископ Илия с братом церковь святого Иоанна камяну на Търговищи»⁴⁰. В 1453 г., «весне, почаша рушити церковь камяну святого Ивана на Петрятине дворе, в торгу, повелением владыки Еуфимия, месяца июня в 3 день в неделный, на память святого Лукиана... Того же лета свершиша церковь святого Ивана, в торгу, на Петрятине дворе, месяца септяврия в 23 день, в неделю; и свячена бысть архиепископом владыкою Еуфимием, на память Зачатия святого Иоанна». В 1455 г. «подписан святыи Иван на Петрятине дворе повелением владыке Еуфимия»⁴¹.

По-видимому, к росписи 1455 г. восходит частично уцелевшая и новоленная наружная фреска на главном алтарном полукружии Предтеченской церкви; в прошлом столетии она была обозрима в большем объеме, нежели сегодня: «Против горнего места в нише под карнизом стенное древнее изображение Иоанна Предтечи, указующего в чаше на предвечного младенца с предстоящими святителями Никитою и Иоанном новгородскими, а под Предтечею господь Саваоф и два ангела»⁴². Эта фреска, имеющая безусловно ктиторский характер, изображением архиепископа Иоанна (Илии) связана с капитальной перестройкой церкви в 1184 г. Отражения в ней первоначального каменного строительства 1127—1130 гг. нет, вероятно, потому, что епископ Иван Попьян, занимавший кафедру в эти годы, не только не был канонизирован, но, напротив, исключен из поминания на ектеньях («сего не поминают») ⁴³. Однако епископ Никита, помещенный на той же фреске, умер еще 30 января 1109 г., т. е. за 18 лет до начала каменного строительства. Это может означать, что каменной церкви Ивана на Опоках предшествовала деревянная, строительство которой было связано с деятельностью епископа Никиты (около 1096—1109 гг.)⁴⁴. Если это так, то возможно назвать истинного владельца Петрятин двора. Вторым (после Завида) посадником по организации в Новгороде в конце 80-х годов XI в. боярского посадничества был Петрята, деятельность которого приходится на рубеж XI—XII вв.⁴⁵

Не исключено, что построенная при епископе Никите деревянная церковь Ивана Предтечи поначалу находилась на другом участке. Имеет в виду легендарный рассказ «Повести о посаднике Добрыне», включен-

³⁸ Н I Л, с. 21—22, 206.

³⁹ Семенов А. И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода, с. 149.

⁴⁰ Н I Л, с. 37, 228; ПСРЛ. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 172.

⁴¹ ПСРЛ, т. XVI, стб. 193—194; Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 274.

⁴² Макарий. Указ. соч., с. 1, с. 298.

⁴³ Н I Л, с. 473; Янин В. Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна (1110—1130 гг.).— ВИД. Л., 1978, вып. IX.

⁴⁴ Никита был на кафедре 13 лет (Н I Л, с. 473).

⁴⁵ Н I Л, с. 164, 474; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 54—62.

ной в некоторые рукописные сборники XVI в.⁴⁶ Согласно этому рассказу немцы, прибывшие торговать в Новгород, пожелали построить там свою церковь. После вечаго отказа они при содействии посадника Добрыни все же получили такое разрешение и выбрали для строительства ропаты место «посреди града в Торгу, где стоит церкви древяна святого Иоанна Предтечи. Посадник же Добрыня ослеплен мздою и научен диаволом, и повеле церкви святого Иоанна Предтечи нести на ино место, а то место отвел немцам». Далее легенда рассказывает, что по возвращении с веча домой в насаде Добрыня был в наказание за мздоимство вихрем поднят на высоту и утонул в Волхове, а тело его не получило православного погребения. Посадник Добрыня известен летописцу: он умер 6 декабря 1117 г.⁴⁷, т. е. спустя восемь лет после смерти епископа Никиты.

Вероятные реалии легенды (перенос деревянной церкви Иоанна Предтечи ради сооружения «немецкой ропаты» и то, что это произошло в посадничество Добрыни) хорошо проецируются на изложенные выше обстоятельства хронологического порядка. Между тем в XVII в. легенда о посаднике Добрыне была освоена сводчиком Новгородской III летописи в ином хронологическом контексте: «В лето 6692. Заложыша церковь древяну Иоанн архиепископ Собор святого Иоанна Предтечи; и в лето 6700 пренесли церковь древяну святого Иоанна Предтечи на иное место, а на том месте поставиша Немецкую ропату, и о том бысть чудо о посадники Добрыни»⁴⁸. Относя сооружение деревянной Предтеченской церкви к 1184 г. и ее перенос к 1192 г., Новгородская III летопись, очевидно, не может иметь в виду церковь Ивана на Опоках.

В самом деле, «Описание семи новгородских соборов» конца XV в. знает в районе Торга две Предтеченские церкви — «соборную церковь Рождества Предтечи на Опоках» и церковь «Усекновения Ивана Предтечи у Немецкого двора»⁴⁹. Не может ли известие о переносе храма иметь в виду этот последний, тем более что его соседство с Немецким двором обозначено в названии церкви, и отражать событие не начала, а конца XII в.? Анализ летописных материалов позволяет ответить на этот вопрос отрицательно.

Другая Предтеченская церковь, именуемая иначе храмом Ивана Ишкова, упоминается раньше 1184 г., когда она уже существовала одновременно с «латинской» церковью, а последняя впервые фигурирует в летописи под 1152 г.: «Априля 23 загореся церкы святого Михаила в сред Търгу, и много бысть зла; и погоре весь Търг и двори до ручья, а семо до Славна, и церкви съгоре 8, а 9-я Варязьская»⁵⁰. В 1181 г. «месяца июля в 3 зажъжена бысть церкы от грома Варязьская на Търговищи, по вечернии, в час 10 дни; и церкы съгоре святого Иоанна Ишькову»⁵¹. В 1217 и 1275 гг. Варязьская церковь снова горела вместе с другими, к сожалению, непоименованными⁵². В 1299 г. от пожара, начавшегося на Немецком дворе, сгорело 12 церквей, в том числе «Иоанн Креститель» и «Иоанн Предтеча»⁵³. В 1303 г. снова «срубиса ...святого Ивана Ишкову»⁵⁴. В 1311 г., «июля 16, в ночь, загореся на Ильине улици, и ту

⁴⁶ Памятники старинной литературы. СПб., 1860, вып. 1, с. 252; *Никольский А. И.* Сказание о двух новгородских чудесах из жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. — ИОРЯС, 1907, т. 12, кн. 3, с. 98—116; *Шмидт С. О.* Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; *Рыбина Е. А.* Повесть о новгородском посаднике Добрыне. — АЕ за 1977 год. М., 1978.

⁴⁷ Н I Л, с. 20, 204.

⁴⁸ Новгородские летописи, с. 194.

⁴⁹ *Никольский А.* Описание семи новгородских соборов..., с. 80—81.

⁵⁰ Н I Л, с. 29, 215.

⁵¹ Там же, с. 37, 226—227.

⁵² Там же, с. 57, 258, 323.

⁵³ Новгородские летописи, с. 211—212.

⁵⁴ Н I Л, с. 94; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 252.

также бысть лют пожар, вихром наборзе, треском; и погоре торг, и домове по Рогатию, а церкви сторе деревянных 6: святого Дмитрия, и святого Георгия, и святого Бориса и Глеба, и святого Ивана Ишкова, и святых Катерины, и святого Прокопья, и Христова; а каменных 6 огоре, 7-я Варяжская»⁵⁵. В 1359 г. возникает каменное здание этой церкви: «Постави Лазута святый Иоанн церковь камену у Немецкого двора»⁵⁶. В 1385 г. во время пожара 14 июня «в святом Иване конець Славна в Торгу в церкви сторожь затьхнулся»⁵⁷. В 1471 г. «2 церкви огоре: святый Иоанн у Немецкого двора и святый Георгий в Торгу, и Немецкий двор горнии на горе»⁵⁸. Наконец, в 1542 г. во время большого пожара в числе огоревших церквей названы «святый Иоан на Опоках» и «святый Иоан Креститель»⁵⁹.

Мы подробно привели все эти сведения, чтобы показать отсутствие в районе Торга третьей Предтеченской церкви и подтвердить тем самым идентификацию храма Ивана Ишкова и церкви Ивана у Немецкого двора, поскольку часто полагают, в частности составители указателей к летописям, что это разные храмы. В писцовой книге Леонтия Аксакова 1581—1582 гг. расположение этой церкви и Немецкого двора описано следующим образом: «На Большой на Пробойной на улицы на Славенской у Ивана у Крестителя за Торгом на Торговой стороне на левой: место нетяглое, что был двор Немецкой Ливонские земле, а ныне на том месте полатка камена, а хором на нем нет; длина дватцать пять сажен, поперег пятнадцать сажен»⁶⁰. Сохранилась описная книга церкви Ивана Крестителя на Большой Славенской улице 1686 г.⁶¹ Эта церковь с приделом показана на плане 1732 г. в начале Славной улицы на ее южной стороне и имеет обозначение: «43. Церковь Иоанна Крестителя на Славной улице». Она сгорела в пожар 1745 г.⁶² и больше не восстанавливалась. Ее остатки обнаружены при археологических раскопках 1975 г.⁶³

Таким образом, возникновение католической церкви на месте православной Предтеченской никак не может относиться к концу XII в. Католическая существовала уже в середине XII в., а церковь Ивана у Немецкого двора находилась поблизости от нее и до 1184 г. Очевидно, что сводчик Новгородской III летописи привязал легенду о посаднике Добрыне к известию 1184 г. о строительстве другой Предтеченской церкви на Торгу — храма Ивана на Опоках, «исправив» это известие превращением каменной церкви в деревянную. Однако при этом он располагал сведениями, не известными в других источниках, о том, что перенесенная на другое место деревянная церковь стояла на своем первоначальном участке восемь лет. Этот срок весьма интересен. Если перенос Предте-

⁵⁵ Н I Л, с. 93, 213. На этом пространстве к 1311 г. действительно было шесть каменных церквей (в скобках указаны годы их строительства в камне): Николая (1113), Ивана на Опоках (1127), Успения (1135), Параскевы (1207), Михаила архангела (1300), Святых отцов (1308).

⁵⁶ Н I Л, с. 364—365.

⁵⁷ ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 342.

⁵⁸ Там же, с. 448.

⁵⁹ ПСРЛ. Л., 1929, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 617—618.

⁶⁰ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 244.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Монаст. книги, № 2, л. 50—63.

⁶² Никольский А. И. Новгородский большой пожар церквей в 1745 г. — Вестник археологии и истории. СПб., 1902, вып. 15.

⁶³ В Новгороде под мостовой проспекта В. И. Ленина в 10 м к западу от его восточной красной линии и в 65 м к югу от ул. 1 Мая, т. е. на территории Немецкого двора, были обнаружены остатки кладки из блоков красного известняка (Орлов С. И. Указ. соч., с. 68, рис. 4, 8). С. Н. Орлов, безусловно, заблуждается, отождествляя ее с храмом Ивана Крестителя у Немецкого двора, остатки которого обнаружены, как уже отмечено, в другом месте. Нельзя эту кладку связывать и с «латинской ропатой», коль скоро кладка из ракушечника может быть датирована временем не раньше XIV в. Вероятно, в указанном месте обнаружены остатки той самой «каменной палатки», о которой говорится в писцовой книге Леонтия Аксакова.

ченской церкви произошел в посадничество Добрыни, т. е. не позднее 1117 г., то за восемь лет до него в Новгороде епископом был Никита (около 1096—1109 гг.), изображенный на ктиторской фреске церкви Ивана на Опоках. Не отражает ли все это ранних дат истории церкви Ивана Предтечи на Петрятином дворе? Допустив, что деревянная церковь была основана около рубежа XI—XII вв. и перенесена спустя восемь лет после основания, мы тем самым устанавливаем и предположительную дату возникновения в Новгороде «латинской» церкви.

Известно, что до возникновения в Новгороде «немецкой» церкви Петра там существовала «варяжская» церковь Олуфа, упоминаемая в источниках начала XII в. или даже рубежа XI—XII вв.⁶⁴, а также, что Готский двор располагался ближе к Волхову, нежели Немецкий: договор 1269 г. устанавливает «возчикам в Новгороде брать с каждой ладьи за перевозку в Новгороде в Немецкий двор 15 кун, а в Готский двор — 10 кун»⁶⁵. Нам представляется, что совершенно права Е. А. Рыбина, связавшая реалии легенды о посаднике Добрыне с организацией не Немецкого «горнего» двора, а Готского набережного двора. Исследовательница отметила, что активное проникновение в Новгород немецкого купечества наблюдается лишь с конца XII в., а более ранний период ознаменован активностью готландских купцов, между тем как легенда о Добрыне недвусмысленно связывает перенос Предтеченской церкви с организацией первого в истории Новгорода католического храма⁶⁶.

⁶⁴ Мельникова Е. А. Сведения о древней Руси в двух скандинавских рунических надписях.— История СССР, 1974, № 6, с. 177; Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879, с. 61.

⁶⁵ ГВНП, с. 60, № 31.

⁶⁶ Рыбина Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне; Она же. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978, с. 122—128.

ПОЛНЫЕ СПИСКИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ХРОНИКИ
ВСЕГО СВЕТА» МАРЦИНА БЕЛЬСКОГО

«Хроника всего света» известного польского хрониста XVI в. Марцина Бельского является первой всемирной хроникой, созданной в Польше и написанной на польском языке.

Над своим трудом Марцин Бельский работал долго. «Хроника» при жизни автора издавалась трижды — в 1551, 1554 и 1564 гг. — причем каждое последующее издание перерабатывалось автором и существенно отличалось от предыдущего.

Наиболее богатым по материалу является третье издание. В этом издании текст «Хроники» делится на десять частей — «книг»: книга первая — библейская и древняя история (охватывала, по периодизации М. Бельского, «I—V века»), книга вторая — история христианского времени (по периодизации М. Бельского, история «VI века») от рождения Христа до 1544 г., книга третья — обзор истории реформации, книга четвертая — о турках и Скандербеге, книга пятая — космография, книга шестая — о Венгерском королевстве, книга седьмая — о Чешском королевстве, книга восьмая — о Польском королевстве, книга девятая — о княжестве Московском, книга десятая — о Новом Свете.

Оценка труда М. Бельского в исторической литературе неоднозначна. И. Хжановский, написавший специальное исследование о жизни и творчестве М. Бельского, полностью отрицает влияние гуманизма на Бельского и считает, что его творчество не выходило за рамки средневековой культуры. А. И. Рогов стоит на противоположных позициях и называет Марцина Бельского «выдающимся польским гуманистом»¹. Нам представляется, что обе точки зрения являются крайними и нуждаются в коррективах, так как в творчестве и мировоззрении польского писателя и ученого имело место переплетение черт старого и нового. Традиционная для средневековья, построенная на богословской основе периодизация истории, некритически воспринятые легенды и рассказы о чудесах — все это тянуло назад, к средним векам; положительное отношение к реформации, внимание к великим географическим открытиям, расширявшим горизонт человечества, связывали труд Бельского с новой культурой эпохи Возрождения и Реформации (в этой связи отметим использование М. Бельским таких выдающихся для своего времени трудов, как сочинение о реформации немецкого ученого И. Слейдана и сборника путешествий «Новый Свет»²). О большом культурно-просветительном значении для польского общества «Хроники всего света» и ее идейном звучании красноречиво говорит тот факт, что, выдержав в XVI в., в период польского Возрождения, несколько изданий, труд М. Бельского позже, когда в Польше возобладала контрреформация, был внесен в список запрещенных католической церковью сочинений наряду с произведениями А. Моджевского и Коперника. Как отмечает К. Будзык, М. Бельский никогда не поднимался до уровня этих великих представителей польского Возрождения, но он пытался своими примитивными средствами содействовать реализации их целей — целей общественного прогресса³.

¹ *Chrzanowski J.* Marcin Bielski. Studium literackie. Warszawa, 1906; *Рогов А. И.* Известия по истории России в «Хронике всего света» М. Бельского. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 133.

² *Commentarii de statu religionis et republice Carolo quinto Cesare.* Argentoratum, 1556; *Novus orbis regionem ac insularum incognitarum...* Baseliae, 1532.

³ *Budzyk K.* Marcin Bielski. — В кн.: *Budzyk K.* Szkice i materialy do dziejow literatury staropolskiej. Warszawa, 1935, s. 172.

«Хроника всего света» М. Бельского, переведенная на русский язык, заняла важное место и в истории русской культуры XVI—XVII вв. Она являлась для русских читателей первым сочинением по всеобщей истории, дававшим изложение истории не только восточного, православного мира, как это делали хронографы, но и латинского Запада. Ее переводы были использованы при создании ряда крупных и важных памятников русской историографии XVI—XVII вв.: «Хронограф западнорусской редакции», «Хронограф второй редакции» (1617 г.), «Хронограф третьей редакции» (после 1620 г.), «Скифской истории» Лызлова. «Хроника всего света» послужила также одним из источников «Синописа», изданного Иннокентием Гизелем, архимандритом Киево-Печерской лавры в 1674 г. На основе переработок отдельных частей «Хроники всего света» возникли такие литературные произведения, как «Повесть о Скандербеге», рассказывающая о героической борьбе албанского народа против турок, «История о Бохеме», излагающая сюжеты из чешской истории, и др.

Сохранились два перевода на русский язык «Хроники всего света», сделанные в XVI в.: один перевод дошел до нас в виде извлечения из первого издания (1551 г.) «Хроники» Бельского, включенного в состав «Хронограф западнорусской редакции», второй, выполненный в 1584 г., представляет собой перевод третьего издания «Хроники» (1564 г.), сохранившийся в нескольких списках⁴.

Сведения о времени и обстоятельствах возникновения перевода 1584 г. имеются в некоторых его списках. Наиболее подробная запись в списке ГПБ, Ф. IV, 162 гласит, что по повелению польского короля Сигизмунда II Августа «Хроника», написанная Марцином Бельским, была переведена с польского языка на русский шляхтичем Великого княжества Литовского Амброжием Брежевским. Далее в записи сообщается, что «списана сия книга в царствующем граде Москве в лето 7092, а в польских числах в лето от нарождения божия в 1584 генваря в 5 день»⁵. В других списках русского перевода «Хроники» указывается лишь, что она была переведена с «польского на российский на Москве» в 1584 г. 5 января⁶. На основании приведенных записей исследователи считают, что по распоряжению польского короля Сигизмунда II Августа (умер в 1572 г.) Амброжий Брежевский перевел «Хронику всего света» на белорусский язык, а в 1584 г. она была переведена в Москве на русский (великорусский) язык⁷.

Полный текст русского перевода «Хроники всего света» 1584 г. известен в трех списках. Самый ранний из них — ГИМ, Синод., № 113. Эта рукопись находилась первоначально в собственной библиотеке патриарха Никона и затем была передана им в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь⁸. На нижнем поле л. 1—28 рукописи находится запись Никона о том, что рукопись дана им в качестве вклада в Ново-Иерусалимский монастырь в 1661 г.⁹ Таким образом, список, написанный скорописью середины XVII в., датируется временем до 1662 г. Список иллюстрирован большим числом гравюр, которые вырезаны из польского издания труда Бельского и наклеены на листах рукописи.

Второй список — ГПБ, Ф. IV, 162 — имеет на л. 1317—1318 об. упомянутую нами ранее запись, рассказывающую об истории перевода «Хроники всего света» на русский язык и датирующую перевод 1584 г. На

⁴ Характеристику русских переводов «Хроники всего света» см.: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв. / Из истории международных культурных связей России. Л., 1980, с. 230—253.

⁵ ГИМ, Синод., № 113, л. 318 об.

⁶ БАН, Арханг. С., № 135, л. 1; БАН, Арханг. Д., № 422, л. 1.

⁷ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 53—54.

⁸ О передаче Никонем в 1661 г. своих книг в монастырь см.: Леонид, архимандрит. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища Ставропогального Воскресенского, Новый Иерусалим, именуемого, монастыря. Б. в. д., с. 1—3.

⁹ ГИМ, Синод., № 113, л. 1—28.

л. 1319 находится еще одна запись, гласящая: «Начата сия книга писати царственная в лицах лета 7179 месяца сентября»; эта запись дает основание датировать список или, во всяком случае, начало работы над ним 1670 г. Возможно, что список ГПБ, Ф. IV, 162 восходит к списку ГИМ, Синод., № 113. На эту мысль наводит наличие в списке ГПБ большого количества свободных от письма мест. Судя по величине и расположению этих мест, они предназначались для вклейки в рукопись иллюстраций, как это было сделано в рукописи ГИМ. Наличие двух близких по времени списков перевода «Хроники всего света», оформление которых было задумано одинаково, дает основание связывать их происхождение с одной книгописной мастерской. Возможно, что мастерская находилась при патриаршей кафедре: высказать это предположение позволяет тот факт, что одна из двух рассмотренных нами рукописей представляла собой, как отмечено выше, вклад патриарха Никона.

К патриаршей кафедре ведут нити и от третьего полного списка русского перевода «Хроники всего света» М. Бельского, находящегося в настоящее время в БАН (Арханг., С., № 135)¹⁰. Рукопись двухтомная. На л. 4 первого тома имеется запись: «Лета 7206-го, повелением преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского, написана книга сия Кроника, собрание полских авторов, его архиерейским келейным иждевением, ради ведения, со книги патриарша дому казначая во блаженном успении монаха Паисия, древних переводников самый просторечивый перевод с полска языка на русский простый глагол, яже обретается ныне в Сийском монастыре...»¹¹ Из записи следует, что рукопись была написана в 1698 г. по повелению и для библиотеки известного книголюбца конца XVII в. архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия. Протографом рукописи послужила находящаяся в Антониево-Сийском монастыре книга бывшего казначая патриарха, а затем монаха Антониево-Сийского монастыря Паисия Сийского. Книга Паисия Сийского, точнее ее первый том, сохранилась. Это список (неполный, отсутствует второй том) перевода «Хроники» М. Бельского, находящийся ныне также в БАН (Арханг., Д., № 422). На нижних полях л. 1—167 рукописи имеется запись, сообщающая, что книга представляет собой вклад казначая патриарха, старца Паисия Сийского, сделанный им в монастырь 20 сентября 1692 г. Очевидно, Паисий, находившийся ранее в качестве казначая патриарха в Москве, вывез оттуда список перевода «Хроники» Бельского, изготовленный, возможно, в книгописной мастерской при патриаршей кафедре. Со списка Паисия Сийского в 1698 г. была снята, как мы уже отметили, копия для архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия, сохранившаяся в полном объеме (БАН, Арханг., № 135).

Полный список перевода «Хроники всего света» (БАН, Арханг., № 135) достаточно подробно описан в Описании Рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Ниже дается описание двух полных списков перевода «Хроники» М. Бельского — ГИМ, Синод., № 113 и ГПБ, Ф. IV, 162¹².

ГИМ, Синод., № 113, в лист, скоропись середины XVII в., 1108 листов, рукопись иллюстрирована большим числом наклеенных гравюр, вырезанных, очевидно, из «Хроники всего света» издания 1564 г.

Л. 1—28 — на нижних полях этих листов запись: «Лета 7169 года сию книгу положил в дом святого живоносного Воскресения господа бога и спаса нашего, Иисуса Христа, Нового Иерусалима, смиренный Никон, божиею милостию патриарх. А кто восхощет ю усвоити, яко же Ахарь сын Хармиев, или утаит, яко же Анания и Сапфира, да отъимет от него господь бог святую свою милость, и затворит двери святых щедрот своих,

¹⁰ Описание рукописи см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959, ч. 3, вып. 1, с. 26—29.

¹¹ Там же, с. 27.

¹² Список ГИМ, Синод., № 113 кратко описан Т. Н. Протасевой (Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. М., 1973, ч. 2, с. 125), список ГПБ, Ф. IV. 162 не описан.

и да приидет на него неблагословение, и клятва, и казнь божия, душевная и телесная, в нынешнем веце и в будущем вечная мука. А кто сие писание каким злым умышлением испишет от книги сея, да испишет его имя господь бог от книги животныя».

Л. 1 — «Первой век починается от Адама...»

Л. 307 — «Починаетца век шестой от нарожения господа Иисуса Христа...»

Л. 451 — «Книги третьие Краники света о раздвоении веры римской для Мартиновой веры Лютора в Немецкой земле, Французской, в Англинской, в Угорской и в Италианской короткими словесы написал Ян Шлейдан»¹³.

Л. 579 — «Зачало о турских царех...»

Л. 627 об. — «Книгы пятыя всего света Козмография, сии речь розмерение всея земли».

Л. 711 об. — «Лета от нарожения божия 401 гуни, род татарской, пошол он от востоку...»¹⁴

Л. 756 об. — «О Ческом королевстве».

Л. 796 — «О Польском королевстве».

Л. 998 — «Род великих князей московских русских, а по писанию Жигимонта Ерберсина от цысарей крестьянских, которой трижды ездил в посольстве к Москве, и тот писал землю Московскую и кранику писал Московскую вкратце по малой части, потому что было ему взяти негде, а в полских и в лагынских и в римских и в греческих Московская краника негде не объявилася, лише что не иного мудрецы философи писали, и он, справя с тем, описал московских государей и з землю их и з города и реками и с людьми».

Л. 1038 — «О островех морских новых, которых прозывают Новой Свет, на восток солнца и на запад солнца и на полдень и на полночь, о которых островех и мудрыя философи старые не могли изведати».

ГПБ, F. IV, 162, в лист, скоропись разных рук второй половины XVII в., 1352 листа (первый лист без текста, нумерованный; следующие 29 листов с оглавлением имеют пагинацию арабскими цифрами, проставленными карандашом; далее следует буквенная пагинация чернилами, снова повторно с л. 1 и по 1318; между листами с различной пагинацией, а также в начале и конце рукописи находятся чистые нумерованные листы, всего пять). На многих листах рукописи оставлены незаполненные места, предназначавшиеся для рисунков, как можно думать по аналогии с Синодальным списком.

Л. 1 *¹⁵ — «Сказание известно главам, яже суть в книзе сей царственной Козмографии описания всего света».

Л. 29 * — после окончания оглавления запись: «А писана сиа книга Мартином Белским, спляхтичем земли Мазовецкой, лист 1317. А сиа книга списана с полского языка на русский язык, лист 1318».

Л. 29 об.* — «Начата сиа книга писати царственная в лицах лета 7179 году месяца сентября в 21 день, лист 1319».

Л. 1 — «Когда списывалися мудрецы в летех своих от сотворения света, покаместа та книга писана...» (далее следуют хронологические выкладки).

Л. 2 об. — «Первый век света начинается от Адама...»

Л. 323 об. — «Починается век шестой от нарожения господа Иисуса Христа...»

Л. 496 — «Книги третьие Краники света о розд[в]оении веры римской для Мартыновой веры Лютора в Немецкой земле, во Французской, в Англинской, в Угорской, в Италианской, короткими словесы написал Ян Шлейдан».

¹³ На л. 450 об. портрет Лютера (гравюра).

¹⁴ Приведенной фразой начинается раздел, имеющий в других списках заголовок «О Угорском королевстве».

¹⁵ Знаком * обозначены листы пагинации карандашом.

Л. 639 об.— «Зачало о турских царех...»
Л. 694 — «Книги пятые всего света Козмаграфия, сиречь размерение
всёа земли».

Л. 776 — «О Угорском королевстве».

Л. 832 об.— «В лето от нарождения Христова 644»¹⁶.

Л. 884 — «О Полском королевстве».

Л. 1168 — «Род великих князей Московских русских, а по писанию
Жигимонта Ерберсина от цысарей христианских, которой трижды ездил
в посольстве к Москве, и тот писал землю Московскую в Краинку писал
Московскую вкратце по малой части, потому что было ему взяти негде,
а в польских и в латынских и в римских и в греческих Московская
краинка нигде не объявилась, лише что не много мудрецы и философы
писали, но не справа, и тем описал московских государей и з землею
их и з грады с реками и с людьми и со обычаем сколко мог».

Л. 1212 об.— «О островах морских новых, которых прозывают Новой
Свет, на восток солнца и на запад солнца и на полдень и на полунощь,
о которых островах и мудрыя философи старые не могли изведати».

Л. 1317 об.— 1318 — запись: «А писана книга сия Мартыном Бел-
ским сшляхтичем земли Мазовецкой, списывал ее с латынсково и с иных
языков с пемецких и с арапских и з греческих на полской язык по по-
веление государя своего божиею милостью короля Польского и великого
князя Литовского, Руского, Пруского, Мазовецкого, Жемотцкого и иных
государств государя и дедича Жигимонта Августа, короля Польского;
а сведена та книга и списана с лытынского языка и со многих иных язы-
ков на польской язык мудрым правым предложением, и о том писали муд-
рыя многия философи. И тот сшляхтичь Мартын Белский Мазовецкие
земли написал в ней так: кто захочет гораздо право сию книгу знать,
описание всего света сия Краиники, и разумети гораздо, наперед бы вы-
шел и ростолковал о четырех царствах великих, о которых царствах про-
рок великий Даниил написал о видении объявления божия Данилу, о пер-
вом царстве Асирийском и Халдейском, о втором царстве Перском,
о третьем царстве Греческом и Макидонском, Александра царя великого,
о четвертом царстве Римском. И кто те царства прочтет гораздо со вни-
манием и ростолкует гораздо, и тот всю землю имет ведати и философ-
скую мудрость».

Л. 318 об.— запись: «А сия книга списана с польского языка на рус-
кий язык по повелению Жигимонта короля Польского, а переводил ее
сшляхтичь Великого княжества Литовского и сковировал повету (sic! —
Н. К.) Амброжей Брежевский на честь и на хвалу господу богу, а на
науку и на поучение руским людем. Списана сия книга в царствующем
граде Москве в лето 7092 году, а в польских числех в лето от нарожде-
ния божия в 1584 году генваря в 5 день»¹⁷.

¹⁶ Этими словами начинается раздел, имеющий в других списках заголовок «О Чес-
ском королевстве».

¹⁷ Две последние записи напечатаны: Попов А. Обзор хронографов русской редак-
ции. М., 1869, вып. 2, с. 94.

К ИСТОРИИ «УТВЕРЖДЕННОЙ ГРАМОТЫ» ЗЕМСКОГО СОБОРА 1613 г.

Изучение Земских соборов XVI—XVII вв. сопряжено с немалыми трудностями, так как соборная документация, за единственным исключением, либо совсем не сохранилась, либо дошла до наших дней в копиях. Исследователи Земского собора 1613 г. имеют в своем распоряжении целый ряд документов, среди которых наибольшую ценность представляет основной документ собора, — так называемая «Утвержденная грамота», сохранившаяся в оригинале. Однако до настоящего времени она не стала предметом специального источниковедческого исследования. Среди историков Земского собора 1613 г. было даже высказано мнение, что содержание «Утвержденной грамоты» не представляет интереса для изучения собора¹. Этот взгляд на историческую ценность «Утвержденной грамоты» стал до некоторой степени традиционным.

В советской исторической литературе последних лет появился целый ряд работ, в которых документация Земских соборов анализируется в источниковедческом плане. Это исследования М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта, Р. Г. Скрынникова, В. И. Корецкого, С. П. Мордовиной и др.²

Неоценимый вклад в разработку проблемы Земских соборов внесло фундаментальное исследование Л. В. Черепнина о соборах Русского государства в XVI—XVII вв. Л. В. Черепнин впервые привлек все имеющиеся основные источники, дал их научную классификацию, разработал методику источниковедения Земских соборов³.

«Утвержденная грамота» Земского собора 1613 г. заключает в себе соборное постановление и написана в двух экземплярах⁴. Издатель грамоты С. А. Белокуров установил идентичность текста грамоты в обоих экземплярах, исключая некоторые мелкие и несущественные разночтения или опiski. Он указал также ряд источников, которые были использованы при составлении текста грамоты. «Утвержденная грамота» является официальным документом, оба ее экземпляра заверены подписями участников Земского собора. Подписи (рукоприкладства) расположены на оборотной стороне грамоты. Под одним экземпляром грамоты имеются 235, под другим — 238 рукоприкладств.

Большинство исследователей не подвергали сомнению время создания «Утвержденной грамоты». Текст документа гласит, что она была составлена и подписана на «вселенском соборе» в мае 1613 г.⁵ Однако П. Долгорукий и Д. И. Иловайский не согласились с датой написания грамоты, указанной в ее тексте. П. Долгорукий относил сбор подписей ко времени после 1619 г.⁶ Д. И. Иловайский полагал, что грамоту сочи-

¹ Платонов С. Ф. Заметки по истории московских земских соборов. — В кн.: Платонов С. Ф. Соч. 2-е изд. СПб., 1912, т. 1, с. 11.

² Новейшие исследования о Земских соборах XVI в. указаны в книге С. О. Шмидта «Становление российского самодержавства». М., 1973, с. 126—129; см. также: Черепнин Л. В. Крестьянские войны в России в период феодализма. — Коммунист, 1973, № 3; Скрынников Р. Г. Земский собор 1598 года и избрание Бориса Годунова на трон. — История СССР, 1977, № 3.

³ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 47—52, 190—191.

⁴ Там же, с. 191.

⁵ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Под ред. и с предисловием С. А. Белокурова. 2-е изд. М., 1906, с. 73. (Далее: Утвержденная грамота об избрании...).

⁶ Любомиров П. Г. О рукоприкладствах на «Утвержденной грамоте». — В кн.: Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Пг., 1917, прилож. 2, с. 248.

няли и редактировали в течение долгого времени⁷. П. Г. Любомиров показал ошибочность взглядов П. Долгорукого и Д. И. Иловайского и, датируя отдельные подписи, установил, что они могли появиться под грамотой не позднее 20-х чисел июня 1613 г.⁸ «Утвержденная грамота», по мнению П. Г. Любомирова, была написана до конца июня 1613 г. и уже в это время на ее обратной стороне имелись «рукоприкладства». В то же время П. Г. Любомиров отметил, что подписание грамоты могло продолжаться вплоть до 1617 г., вследствие чего грамота не отражает действительный состав Земского собора 1613 г.⁹

Так ли это? Сначала рассмотрим текст «Утвержденной грамоты», написанный на ее лицевой стороне¹⁰. С. А. Белокуров, подготавливая фототипическое издание грамоты, обнаружил в тексте следы редакторской деятельности. В частности, он указал на то, что второй и третий листы грамоты оказались короче остальных, что длина строк третьего листа несколько больше длины строк прочих листов грамоты и они написаны другим почерком¹¹. На этом основании С. А. Белокуров сделал вывод, что текст третьего листа подвергся переделке, а затем был подклеен ко второму и четвертому листам. Причиной составления новой редакции, по мнению С. А. Белокурова, был новый взгляд на роль Филарета, получивший отражение на третьем листе грамоты¹². На втором листе грамоты заметны следы редакторской деятельности: в общий текст, в предварительно оставленное место, более мелким почерком вписаны слова об убийении царевича Дмитрия «повелением Бориса Годунова»¹³.

Исследователи Земского собора 1613 г. уже неоднократно отмечали, что «Утвержденная грамота» в значительной части является компилятивным документом, составленным по типу подобной грамоты царя Бориса 1598 г., причем начало текста «Утвержденной грамоты» 1613 г. полностью переписано с грамоты 1598 г.¹⁴ Действительно начальная часть текста грамоты 1613 г., где излагается история правления Рюриковичей, почти дословно воспроизводит текст одного из списков (Строгановского.— ГПБ, ОР, О. IV, 17) грамоты 1598 г. Однако в описании отдельных сюжетов правления царя Федора имеются существенные разночтения.

*Строгановский список
грамоты 1598 г.*

*Архивский экземпляр
грамоты 1613 г.*

...от его (Грозного.— А. С.) царьского прекрасноцветущаго корени пресветлая и преславная ветвь процвete, сын его государь наш...

Федор Иванович... и т. д.¹⁵
...а душу свою праведную приказал (царь Федор.— А. С.) отцу своему и богомольцу... патриарху Иеву и шурина своему царьскому, а великие государыни нашей брату, государю Борису Федоровичу¹⁷

от его царьского прекрасноцветущаго корени пресветлая и преславная ветвь, от бога данные и благочестивые супруги, от великие княгини Настасеи Романовны Юрьева

процвete сын его государь наш... и т. д.¹⁶
а душу свою праведную приказал отцу своему и богомольцу... патриарху Иеву, да брату своему царьскому Федору Микитичу Романову, а великие государыни царицы... брату Борису Федоровичу Годунову¹⁸

⁷ Иловайский Д. И. Смутное время Московского государства (1603—1613 гг.). М., 1894, с. 314, прилож. к гл. 6.

⁸ Любомиров П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения. 2-е изд. М., 1939, с. 244—246, 248. (Далее: Очерки).

⁹ Любомиров П. Г. Очерки, с. 270.

¹⁰ В настоящей работе ссылки даны на изданный факсимильно Архивский экземпляр «Утвержденной грамоты» (Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова: Фотокопия. М., 1904. Далее — АЭ).

¹¹ Белокуров С. А. Предисловие.— Утвержденная грамота об избрании..., с. 5.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 6.

¹⁴ ААЭ. СПб., 1832, т. 2, № 7.

¹⁵ Там же, с. 18.

¹⁶ АЭ, л. 1 (с. 26). В скобках указаны страницы по изданию: «Утвержденная грамота об избрании...»

¹⁷ ААЭ, т. 2, № 7, с. 19.

¹⁸ АЭ, л. 1 (с. 27).

В «Утвержденной грамоте» 1613 г. в отличие от грамоты 1598 г. избрание на трон Бориса Годунова описано очень кратко и сухо¹⁹. Указанные различия в текстах грамот свидетельствуют о том, что составители грамоты 1613 г. не просто переписали часть грамоты 1598 г., а внесли в ее текст изменения. Последующий текст «Утвержденной грамоты» не зависит от грамоты царя Бориса. Текст повествует о правлении Бориса Годунова, ставшего царем «по умолению» патриарха Иева и других чинов. Царствование Годунова представлено как вполне законное. Царь Борис правил страной «семь лет во всем благочестиво и бодроопасно»²⁰. Конец первого и начало второго листов грамоты заполнены сведениями об Отрепьеве, назвавшемся царя Ивана «сыном царевичем Дмитрием». Смерть царя Бориса грамота представляет как всеобщую беду: «грех ради наших... оставя земное царство отыде в вечное блаженство»²¹. Гришка же Отрепьев «скарედный и проклятый еретик», «злобесный пес», «злодей», «сын диявол» истребил семью Годунова и «низверг» патриарха Иева²².

Однако последующий текст второго и третьего листов «Утвержденной грамоты» резко отличается от изложенного выше своей политической направленностью. Как уже отмечалось, на втором листе грамоты было оставлено место, куда затем были вставлены слова, принадлежавшие будто бы Марфе Нагой, о том, что «сын ее царевич Дмитрий на Угличе повелением Бориса Годунова яко незлобиво ягня, заклан бысть в 99-м году»²³. Отрепьев награждается здесь эпитетами «проклятый волхв», «богоотступник»²⁴. В рассказе о перенесении из Углича в Москву мощей царевича Дмитрия при царе Шуйском вновь встречается обвинение в адрес Годунова. Текст говорит о том, что митрополит Филарет «еже бысть преже боярин Федор Микитич Романов, а по зависти дьяволи от царя Бориса невинно бысть во изгнании и в заточении, и там восприя ангильский образ для будущих вечных благ»²⁵.

На третьем листе «Утвержденная грамота» повествует о событиях 1610 г. Царь Василий оказывается сведенным с престола по челобитию людей, «которые в то время была на Москве» и которые поверили обещаниям польского короля Сигизмунда. Далее вновь на поверхности политических событий оказывается фигура митрополита Филарета. Текст говорит о том, что Филарет, «выехав на Лобное место.. взывал» к народу «не прельщаться злым прелестным королевским листом, никако то истинно быти не может». Но «бояре, и воеводы, и дворяне и всяких чинов люди» якобы не послушали пророческих слов Филарета, заключили договор с поляками и отправили его с кн. В. В. Голицыным под Смоленск к Сигизмунду с этим договором. Заканчивается третий лист описанием бесчинств поляков в Москве²⁶.

В первом — начале второго, втором и третьем листах особенно бросается в глаза оценка личности Бориса Годунова и Филарета. В одном случае Годунов показан как законноизбранный царь, «благочестиво и бодроопасно» управлявший государством, а Филарет упомянут лишь вскользь. В другом — царю Борису брошено страшное обвинение в убийстве царевича Дмитрия. Филарет здесь представлен защитником интересов Русского государства, а «бояре, и воеводы, и дворяне и всяких чинов люди», бывшие «в то время на Москве», выглядят весьма неблагоприятно. Приписать подобную логическую непоследовательность одному автору невозможно. За противоположной трактовкой этих сюжетов стояли различные по своим политическим симпатиям круги Земского собора.

¹⁹ Там же, л. 1 (с. 28).

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 1—2 (с. 31).

²² Там же, л. 2 (с. 32).

²³ Там же, (с. 32).

²⁴ Там же, (с. 29).

²⁵ Там же, (с. 33).

²⁶ Там же, л. 3 (с. 39—40).

Редакторская деятельность выразилась не только во вставке слов, обвиняющих Годунова в причастности к смерти царевича Дмитрия, и заново написанном третьем листе грамоты, как считал С. А. Белокуров. Переделке подвергся почти весь текст второго и третьего листов, вклеенных на место общего листа, существовавшего первоначально. Границы этой редакторской деятельности можно увидеть вполне отчетливо. На втором листе она прослеживается не только по различной политической трактовке событий, но и по характеру изложения.

Так, рассказ об истреблении семьи царя Бориса «Гришкой» ведется в третьем лице: Отрепьев «придает» ее злой смерти, «низвергает» патриарха Иева, «возводит» на это место Игнатия, «расточает» государственную казну, золото и серебро «отсылает» в Польшу. Далее изложение событий об Отрепьеве приобретает повествовательную форму: «И многая латинская учителя с собою привезе не ис Польши, но и из Риму от папы...» и так далее²⁷. Этими словами на втором листе грамоты начинается текст, обвиняющий Бориса Годунова и возвеличивающий митрополита Филарета. Закачивается редаKTуpa на втором—третьем листах грамоты рассказом о сожжении и разграблении Москвы поляками. Текст четвертого и последующих листов грамоты по своей политической направленности сходен с текстом первого листа. Главными участниками событий вновь оказываются бояре, дворяне и иные чины. Причем роль боярства выступает особенно рельефно. Бояре пришли с Трубецким под Москву и стремились вместе с остальными вызволить будущего царя Михаила из польского плена. «Московского государства бояр и всяких людей, которые были у них (поляков.— А. С.) в неволе, в городе держали, и ис Кремля нукуда не пускали»,— подчеркивает грамота²⁸. Избрание Романова на трон также связывается с особой миссией боярства, специально призванного для этого в Москву²⁹.

Основные этапы редактирования «Утвержденной грамоты» можно представить следующим образом. Первоначально текст грамоты был составлен в духе первого, четвертого и последующих листов. Затем второй лист грамоты, не удовлетворивший кого-то из составителей своим содержанием, был изъят. Вместо него написали новый, сохранивший лишь в начале текст первого варианта второго листа. Позднее в оставленное место внесли слова об убийении царевича Дмитрия «повелением Бориса Годунова». Однако содержание второй половины второго листа вновь было отвергнуто. Вторая часть нового варианта второго листа была отрезана и к ней подклеили лист (теперь третий) с заранее подготовленным текстом.

Бросается в глаза особенность редакторской деятельности. Редактирующим не удалось внести указанные изменения в период написания текста грамоты, они сделали это позднее. Участники редаKTуры не нашли возможность переписать целиком второй лист грамоты и прибегли к подклейке заранее подготовленной части листа (теперь третьего листа грамоты). Все это сделало следы переделки, а точнее подделки, «Утвержденной грамоты» весьма заметными.

Авторами переделок в тексте грамоты были, скорее всего, политические сторонники митрополита Филарета, выступившие осенью 1612 г. с инициативой избрания на трон Михаила Романова. Именно они должны были внести в текст первого листа «Утвержденной грамоты», переписанного с аналогичной грамоты 1598 г., фрагменты о родстве Романовых с Рюриковичами и о завещании Филарету русской короны. Однако описание исторических событий, последовавших за смертью царя Бориса, было выполнено первоначально не так, как хотел бы этого романовский кружок. Сторонникам Романовых удалось, правда, добиться переделки второго (теперь второго и третьего) листа грамоты, где, как уже говорилось,

²⁷ АЭ, л. 2 (с. 31).

²⁸ АЭ, л. 4 (с. 40).

²⁹ Там же, л. 4 (с. 40—41).

было оставлено в одной из строк свободное место, а позднее вписана нужная фраза. И, наконец, политические сторонники Романовых пошли на прямой подлог, когда вырезали вторую часть второго листа грамоты и подклеили на его место лист с заранее подготовленным текстом, где центральной фигурой московских политических событий периода польско-шведской интервенции оказался митрополит Филарет, отец нового царя. Общая политическая направленность текста «Утвержденной грамоты» (за исключением отмеченных листов) свидетельствует о том, что романовский кружок при составлении грамоты столкнулся с мнением участников бывшего боярского правительства — «семибоярщины». Не случайно грамота обошла молчанием предательское сотрудничество боярской верхушки с польскими интервентами. Вместе с тем составители грамоты постарались выделить роль бояр («князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи») в избрании на трон Михаила Романова³⁰. Сторонникам Романовых пришлось пойти на подлог, чтобы в какой-то мере отразить свои политические позиции в главном документе об избрании на трон их кандидата — Михаила Романова.

Оборотная сторона «Утвержденной грамоты», заполненная подписями различных чинов русского общества начала XVII в., также требует специального рассмотрения. Мнение П. Г. Любомирова о том, что сбор подписей, начавшийся в июне 1613 г., продолжался до середины 1617 г., нуждается в проверке. Трудно представить, чтобы доступ к подписанию грамоты был открыт в течение четырех лет. Известно, что уже в 1614 г. оба экземпляра грамоты хранились в Посольском приказе, о чем говорит опись дел этого приказа, составленная окольными кн. Д. И. Мезецким и дьяком П. Даниловым: «...ясщик, оболочен бархотам червчатым, а в нем две грамоты утвержденные о обирание великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца *за руками* митрополитов и архиепископов, и епископов и всего освященного собору, и бояр, и окольных, и крайчего, и чашников, и столников, и стряпчих, и дворян, и детей боярских и всяких чинов людей» (выделено нами. — А. С.)³¹. В описи указывается, что «Утвержденная грамота» «за руками», т. е. подписана «всем освященным собором», думой, столичным и городовым дворянством и другими «всякими чинами». Аргументация П. Г. Любомировым крайней даты рукоприкладств связана с датировкой им подписей А. Ю. Сицкого, И. А. Хованского (Большого) и Г. П. Ромодановского. Все трое расписались на оборотной стороне грамоты, среди других бояр, как бояре. Между тем боярские чины они получили в 1615 г.³² Если принять точку зрения, что подписи под грамотой собирались постепенно, то в отношении Сицкого, Хованского и Ромодановского возникает вопрос: почему они, бывавшие в Москве до 1615 г. не расписались в прежних чинах? Ждали боярства? Едва ли. А. В. Лобанов-Ростовский и Ю. Е. Сулешов получили боярство раньше их, однако под грамотой они расписались соответственно чашником и стольником, т. е. в тех чинах, какие имели в 1613 г.³³ Необъяснимо также отсутствие подписей бояр Б. М. Лыкова и В. Т. Долгорукова, находившихся большую часть времени с 1613 до 1617 г. в столице. И, наконец, остается непонятным, почему в 1617 г. прекратили сбор рукоприкладств под грамотой, хотя далеко не все думные и столичные чины поставили под ней свои подписи.

Изучение подписей на «Утвержденной грамоте», их датировка сопряжены с большими трудностями. Скудность биографических данных в большинстве случаев лишает возможности проверить время подписания грамоты тем или иным лицом. Это касается особенно столичных чинов и выборных представителей городов и уездов. Поэтому исследователи со-

³⁰ Там же (с. 44).

³¹ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 96.

³² Дворцовые разряды. СПб., 1850, т. 1, стб. 174—176, 208.

³³ Дворцовые разряды, т. 1, стб. 170; Утвержденная грамота об избрании..., № 56—56, с. 78; № 62—66, с. 79.

средоточили главное внимание на подписях представителей Боярской думы, о которых в отдельных случаях удается собрать некоторые сведения.

Как показывают наблюдения, в изучении подписей исследователи упустили из виду очень важную деталь — порядок расположения подписей думцев на грамоте. Практика сбора рукоприкладств бояр и других думцев под документами предполагала расположение подписей в особой последовательности с учетом местнических счетов. Именно так расписались члены Боярской думы под избирательной грамотой Земского собора 1598 г.³⁴ Между тем нетрудно заметить, что местнические традиции в порядке размещения фамилий, подписавшихся под «Утвержденной грамотой» 1613 г., грубо нарушены. Схему подписей можно представить следующим образом:

Кн. Ф. И. Мстиславский	Кн. И. В. Голицын	Кн. А. Ю. Сицкий
Кн. Д. Т. Трубецкой		
Кн. И. М. Воротынский	Ф. И. Шереметев	Кн. И. Н. Одоевский
Кн. А. П. Куракин (за него и за себя расписался окольничий Ф. В. Головин)		
Кн. Д. М. Пожарский	В. П. Морозов	Б. М. Салтыков
Кн. И. С. Куракин	Кн. Г. П. Ромодановский	
Кн. И. А. Хованский (за него расписался Кн. Д. М. Пожарский) ³⁵		
Кн. И. Б. Черкасский	И. Н. Романов	
Окольничий А. В. Измайлов		
Окольничий кн. Д. И. Мезецкий		
Боярин В. И. Бахтеяров-Ростовский	Окольничий С. В. Головин	
Кравчей М. М. Салтыков ³⁶		

Сравнение расположения подписей на оборотной стороне грамоты с боярскими списками этого периода показывает, что бояре Трубецкой, Пожарский, Хованский, Черкасский, Ромодановский, Сицкий, окольников Измайлов, Мезецкий и Головин расписались значительно выше их действительной «чести». Трудно представить, чтобы, например, такой родовитый боярин, как И. С. Куракин, поставил свою подпись после Д. М. Пожарского — недавнего провинциального дворянина или позволил ему расписаться выше себя. Как могло это произойти? По всей вероятности, подписи указанных лиц, нарушившие местнический порядок, были поставлены уже после того, как расписались «большие бояре» и, скорее всего, без их уведомления. Если учитывать местнические счета, то подписи думцев на оборотной стороне грамоты должны были располагаться первоначально следующим образом:

<i>«Утвержденная грамота» 1613 г.</i>		<i>Боярский список 1610—1611 гг.³⁷</i>
Кн. Ф. И. Мстиславский	Кн. И. В. Голицын	Кн. Ф. И. Мстиславский
Кн. И. М. Воротынский	Ф. И. Шереметев	Кн. И. М. Воротынский ³⁸ ...
Кн. А. П. Куракин		Кн. И. В. Голицын ³⁸ ...
Кн. И. С. Куракин	В. П. Морозов	Ф. И. Шереметев
		Кн. А. П. Куракин
		Кн. И. С. Куракин

³⁴ ААЭ. СПб., 1836, т. 2, № 7, с. 42.

³⁵ Далее находится место склейки л. 2 и 3.

³⁶ Далее находится место склейки л. 3 и 4.

³⁷ Боярский список 1610—1611 гг. — ЧОИДР. М., 1909, кн. 3, I, с. 74. В. П. Морозова в боярском списке 1610—1611 гг. нет.

³⁸ Далее следуют фамилии других бояр.

Интересно, что подписи высшей титулованной и старомосковской знати оказались размещенными на втором листе грамоты до линии отреза. Приблизительно можно установить, когда появились эти подписи. Согласно царскому указу первыми расписывались под грамотой представители высшего духовенства, затем бояре и так далее³⁹. Подписи духовенства датируются временем не позднее 25 июня 1613 г. по подписи епископа Силивестра⁴⁰. Надо полагать, что бояре расписались сразу вслед за духовенством, как требовал этого царский указ и как действительно размещены боярские подписи (вслед за подписями духовенства).

Относительно времени появления остальных подписей можно высказать следующие соображения. Черкасский и Пожарский расписались в боярском чине, который они получили 11 июля 1613 г.⁴¹ Значит, их подписи под грамотой появились не ранее этого числа. То же самое можно сказать о подписях ряда других бояр. Салтыков и Одоевский стали боярами в декабре 1613 г.⁴² Сицкий — соответственно 25 марта 1615 г., Хованский — 2 апреля 1615 г., Ромодановский — 25 декабря 1615 г.⁴³ Все они поставили свои подписи, скорее всего, в одно время, когда представилась возможность и грамота была извлечена из запечатанного ларца, в котором хранилась в Посольском приказе. Подпись Ромодановского является первой, начальной хронологической гранью возможного сбора подписей этой группы думцев. Заключительная хронологическая грань связана с именем окольного Мезецкого. Расписаться окольным Мезецким мог до 1 октября 1617 г., так как в этот день он получил боярский чин⁴⁴. Итак, подписи, нарушившие местнический порядок в расположении боярских фамилий, были поставлены на обороте грамоты в период между 25 декабря 1615 г. и 1 октября 1617 г.

Биографические данные позволяют более точно назвать время появления этих подписей. Так, боярин кн. В. И. Бахтеяров-Ростовский умер в первой половине 1617 г.⁴⁵ Окольный Мезецкий — в августе 1616 г. был отправлен на переговоры со шведами под Ладогой и в этом году в Москву уже не возвращался⁴⁶. В первой половине 1616 г. в столице находились все интересующие нас думцы, за исключением Хованского, Сицкого и Измайлова. Хованский прибыл в Москву из-под Смоленска в конце марта, а на смену ему туда были отправлены Сицкий и Измайлов⁴⁷. Вновь они появились в столице где-то во второй половине июня 1616 г. Со второй половины июня до августа 1616 г. (до отъезда Мезецкого на переговоры со шведами) в Москве при дворе находились все эти думцы, в том числе И. Н. Романов. К этому времени и надо отнести подписание «Утвержденной грамоты» указанной группой боярства.

Политическая линия этой группы поддается определению и в известной степени объясняет причину своеобразного подлога в подписании грамоты. Это или родственники царя Михаила и политические единомышленники романовской группировки (Романов, Салтыковы, Черкасский, Сицкий), или приближенные к трону в первые годы правления новой династии. Интересно, что подлог в тексте грамоты, о котором говорилось выше, совершили сторонники Романовых. Такое совпадение вряд ли является случайностью. Скорее всего, подлог в тексте и подписях грамоты был делом рук одних и тех же лиц и произведен летом 1616 г. Характер самого подлога говорит в пользу этого соображения. Как уже отмечалось, нижняя линия отреза второго листа на оборотной стороне грамоты служит границей правильного, согласно местническим счетам, расположения подписей «больших бояр». На момент официального подписания грамоты

³⁹ Белокуров С. А. Предисловие, с. 4.

⁴⁰ Любомиров П. Г. Очерки, с. 248.

⁴¹ Дворцовые разряды, т. 1, стб. 96.

⁴² Там же, стб. 120.

⁴³ Там же, стб. 174—175, 175—176, 208.

⁴⁴ Там же, стб. 299.

⁴⁵ Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд., М., 1791, ч. 20, с. 90.

⁴⁶ Дворцовые разряды, т. 1, стб. 227.

⁴⁷ Там же, стб. 198.

часть боярских подписей располагалась, очевидно, ниже. Там могли расписаться бояре Б. М. Лыков, В. Т. Долгорукий и А. В. Трубецкой. Этим объясняется отсутствие их подписей под грамотой, вызывавшее недоумение исследователей. Подписи этих бояр и, возможно, других думцев исцезли вместе с вырезанной в 1616 г. второй половиной бывшего второго листа, а на их месте, на вновь подклеенном листе, появились рукоприкладства родни Романовых и лиц, приближенных к трону.

Таким образом, изучение текста «Утвержденной грамоты» 1613 г. и подписей членов Боярской думы свидетельствует о том, что составление грамоты проходило в условиях острой политической борьбы. «Большие бояре» оказались достаточно сильными и в основном отстояли в содержании грамоты свою концепцию политической жизни России конца XVI — начала XVII в.

Подделка Романовых в «Утвержденной грамоте», относящаяся к 1616 г., ввела в заблуждение исследователей, которые на основе датировки боярских подписей полагали, что все рукоприкладства под грамотой собирались в течение ряда лет и поэтому они не могут служить источником для определения состава Земского собора 1613 г. Характер и содержание подлога свидетельствуют о том, что в этой, по всей вероятности, тайной акции романовского кружка вряд ли могли принять участие много лиц. Что касается подписей столичных чинов и выборных из городов и уездов, то они появились здесь, очевидно, в одно и то же время с подписями духовенства и части боярства. Так, столичный дворянин И. Чичерин и дьяк А. Витовтов могли расписаться под грамотой не позднее начала июля 1613 г., а Солвой-Протасьев и дьяк М. Данилов — не позднее 20-х чисел июня 1613 г.⁴⁸ В указанные сроки эти люди были отправлены послами за рубеж и возвратились в Россию в 1614—1615 гг.⁴⁹

Подписи выборных представителей из провинции, сгруппированные в основном в столбец, собирались в один короткий срок⁵⁰. Правительство не могло задерживать выборных в Москве на сколько-нибудь продолжительное время. Жизнь в столице была в этот период крайне дорога, и царю шли жалобы от выборных на их нищенское существование⁵¹. Это торопило правительство с подписанием грамоты провинциалами.

Датой, ограничивающей время официального подписания «Утвержденной грамоты», было, скорее всего, 11 июля 1613 г., когда в Москве произошло коронование М. Романова, т. е. заключительный акт царского избрания на престол. По понятным причинам подписание «Утвержденной грамоты» предшествовало царскому коронованию, как было, например, в 1598 г.⁵² Это подтверждается отсутствием подписей казаков на «Утвержденной грамоте», которых к началу июля, а возможно, уже и в июне в Москве не было: почти все казачьи отряды, находившиеся в столице, были отправлены под Смоленск с воеводами Черкасским и Троекуровым. Маловероятно, чтобы казаки позволили правительству обойти их в столь важном деле, как подписание соборной грамоты. Разрядные записи свидетельствуют о том, что в Москве в мае-июне 1613 г. в казачьих отрядах было не менее 2,5 тыс. человек⁵³. Это была грозная сила, с которой московское правительство не могло не считаться, тем более готовясь использовать казаков для борьбы с поляками под Смоленском. Наблюдения над текстом «Утвержденной грамоты» и подписями на ее оборотной стороне существенно дополняют скудный материал о политической борьбе в Москве в период деятельности Земского собора 1613 г.

⁴⁸ Утвержденная грамота, № 152—153, с. 83; № 136—136, с. 82; № 118—108, с. 81; № 131—123, с. 82.

⁴⁹ Дворцовые разряды, т. 1, стб. 105—106; Белокуров С. А. Предисловие, с. 14.

⁵⁰ Любомиров П. Г. Очерки, с. 269.

⁵¹ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (столбцы Печатного приказа). Под ред. Л. М. Сухотина.— ЧОИДР. М., 1915, кн. 4, 1, № 153, с. 78; № 238, с. 97; № 329, с. 117, № 349, с. 120.

⁵² Скрынников Р. Г. Земский собор 1598 года и избрание Бориса Годунова на трон, с. 152.

⁵³ Разрядные книги 1598—1638 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1974, с. 255.

СУДЬБА АРХИВА ДЕКАБРИСТА С. П. ТРУБЕЦКОГО

Настоящая статья является, в сущности, частью моих воспоминаний, как и две написанные ранее¹. Считаю своим долгом сообщить историю гибели архива С. П. Трубецкого, подробности которой в настоящее время известны только мне одной. При этом мною руководит сознание, что описываемые события не только важны и интересны, но и весьма поучительны.

Эту историю гибели целого собрания документов огромного значения невозможно изложить кратко, ограничиваясь лишь сухим перечнем фактов: слишком сложны и глубоки были судьбы и переживания участвовавших в ней людей.

На рубеже XIX и XX вв. в Крыму доживали свой век Петр Васильевич Давыдов, сын декабриста В. Л. Давыдова, и его жена Елизавета Сергеевна, урожденная Трубецкая. Петр Васильевич родился в 1825 г., т. е. до восстания, как и его старший брат Николай². Поэтому за ними обоими сохранялись все права и привилегии, в том числе и право на владение родовым именем Давыдовых Каменкой Киевской губернии. Их же братья и сестры, рождавшиеся в Сибири, лишь впоследствии были частично восстановлены в своих правах.

В 60—70-х годах прошлого столетия старший сын Давыдовых Николай Васильевич проживал в Каменке с вернувшейся из Сибири матерью Александрой Ивановной Давыдовой и двумя сестрами. Что касается П. В. и Е. С. Давыдовых, то они сначала обосновались в своем имении «Юрчиха» поблизости от Каменки, а зиму обычно проводили в Москве.

На рубеже 70—80-х годов Петр Васильевич и Елизавета Сергеевна навсегда переехали в Крым. Со слов моих родителей известно, что это решение было принято ими в связи с состоянием здоровья Петра Васильевича. Зимнее время года они жили в Симферополе, а лето проводили в своем имении в Саблах. На оборудование этого имения, расположенного в здоровой горной местности, Давыдовы положили немало личного труда. Пока была жива мать Петра Васильевича, они регулярно наезжали в Каменку.

Отец Елизаветы Сергеевны Сергей Петрович Трубецкой дожил до амнистии, вернулся на родину и умер в 1860 г. в возрасте 70 лет. Его вторая дочь Елизавета вышла замуж за П. В. Давыдова в 1852 г., когда он ездил в Сибирь к родителям. Елизавета Сергеевна родилась в 1834 г. Таким образом, большая часть каторги ее отца проходила уже на ее глазах. Как увидим дальше, тяжелые впечатления детства оказали огромное влияние на формирование ее личности и взглядов.

Самая существенная часть моих воспоминаний приходится на 1909—1914 гг., когда мне было 15—20 лет. Наша семья жила в Симферополе. Моя мать Анна Николаевна, урожденная Плешкова, была уроженкой этого города и прожила в нем всю жизнь. Она была дочерью известного в свое время крымского врача Н. В. Плешкова. Мой отец Арсений Иванович Маркевич, впоследствии профессор Таврического университета, чл.-кор. АН СССР³, был уроженец Брест-Литовска (ныне г. Брест).

¹ Памяти А. И. Маркевича.— Изв. Крымского отдела Географического общества СССР, 1961, вып. 7; Николай Владимирович Плешков.— Крым. Альманах Крымского отделения Союза писателей Украины, 1956, № 19.

² Ряд сведений к этой статье мне сообщила правнучка В. Л. Давыдова Ксения Юрьевна Давыдова, за что я приношу ей глубокую благодарность.

³ К 100-летию со дня рождения А. И. Маркевича.— ВДИ, 1955, № 4.

В 1883 г. он перевелся в Симферополь на должность преподавателя русского языка и словесности (литературы) в старших классах Симферопольской казенной мужской гимназии, бывшей в то время единственной полной гимназией в Крыму. Когда в 1887 г. в Симферополе была основана Таврическая ученая архивная комиссия, первое научное общество в Крыму, Арсений Иванович принял в ее организации и работе самое деятельное участие, занимая последовательно должности библиотекаря комиссии, затем правителя дел (секретаря) и, наконец, ее бессменного председателя. Это последнее обстоятельство играет существенную роль в излагаемой истории. Совмещая в течение более трех десятилетий преподавательскую работу с научно-просветительской и исследовательской деятельностью, А. И. Маркевич постепенно становится крупным знатоком и общественным деятелем Крыма, пользующимся большим уважением и популярностью среди его населения.

Когда именно мои родители познакомились с Давыдовыми, я не знаю, вернее всего, в конце 80-х годов. Во всяком случае, в 1904 г. они были уже хорошо знакомы. Знакомству способствовало то обстоятельство, что доктор Н. В. Плешков был лечащим врачом Давыдовых. Жили Давыдовы в Симферополе на Лазаревской улице (ныне ул. Ленина) в одном из лучших домов города, как раз напротив городского сада. Жили крайне замкнуто, окруженные только самыми близкими людьми. Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что П. В. Давыдов более 10 последних лет жизни был слепым и очень болел. После смерти мужа в 1902 г. Елизавета Сергеевна не изменила образа жизни: приемов у себя не устраивала и сама ни к кому не ездила. Моя мать — известная общественница города — бывала у Давыдовой редко; что касается отца, то он был занятой человек и считал, что не может терять время на всякого рода визиты. Тем более поразительным являлось то обстоятельство, что в течение ряда лет Арсений Иванович находил время для регулярных посещений Елизаветы Сергеевны, ради которых и она охотно нарушала свой обычный образ жизни. Не реже двух раз в месяц, всегда по воскресеньям, отец отправлялся к ней сейчас же после завтрака и возвращался к обеду. Я положительно не помню другого такого случая. Очевидно, что для этого должны были иметь место какие-то особые основания. Так оно и было в действительности.

Дело в том, что Е. С. Давыдова владела подлинным сокровищем: архивом своего отца С. П. Трубецкого. Она всегда употребляла именно это определение. Со слов отца я доподлинно знаю, что бумаг действительно было много: записки и черновики самого Трубецкого, документы, большое количество писем; были фотографии и рисунки. Знаю точно (об этом не раз говорилось у нас в семье), что часть документов непосредственно касалась деятельности Северного общества. Мне представляется закономерным и естественным тот факт, что С. П. Трубецкой оставил свой архив именно Давыдовым. Елизавета Сергеевна и ее муж, несомненно, были в глазах Трубецкого единственными из их детей, кому следовало передать на сохранность бумаги столь огромной исторической ценности.

Времени для решения этого важного вопроса у Трубецкого было мало ввиду его возраста и состояния здоровья, подточенного испытаниями его жизни. Между тем его единственный сын (Иван Сергеевич Трубецкой, 1843—1874) был еще подростком, а старшая дочь Александра Сергеевна, в замужестве Ребиндер, была серьезно больна. Она умерла от туберкулеза за четыре месяца до смерти отца.

Елизавета Сергеевна отличалась крепким здоровьем и сильным характером, а ее безграничная преданность семье была, разумеется, хорошо известна ее отцу. Передавая свой архив Е. С. и П. В. Давыдовым, он вполне мог предоставить им право самим решать впоследствии его участь.

В старости Е. С. относилась крайне болезненно к вопросу о судьбе этих бумаг. Несмотря на свой возраст и на то, что этот вопрос ее действительно беспокоил, она никак не решалась с ними расстаться. Между

тем сделав моего отца как бы своим поверенным, она часто говорила ему: «Когда все это прочтут, многое выяснится». Уже одна эта фраза свидетельствовала о важности этого наследия.

Однако, насколько я помню, даже отцу Давыдова не давала возможности как следует ознакомиться с этими бумагами. В конце концов, вняв его убеждениям, она решила все бумаги передать отцу с тем, чтобы он временно хранил их в запечатанном виде в архиве Таврической учёной архивной комиссии, пока путем соответствующих переговоров и переписки не выяснится, в какое именно государственное хранилище их лучше всего поместить. Не знаю, было ли при этом оговорено, что отец должен дожидаться кончины Елизаветы Сергеевны, но считаю, что это вполне могло иметь место. Во всяком случае, я точно помню, что Давыдова, по словам отца, обязала его честным словом до времени хранить все это в тайне и ради спасения столь ценного архива он это слово дал.

Решение Давыдовой обратиться в связи с этим важным и вместе с тем мучительным для нее вопросом к А. И. Маркевичу было следствием не только ее доверия и уважения к нему. Она знала, что по характеру своей деятельности Арсений Иванович поддерживает связь с многими ведущими историками, археологами и литературоведами России, двое из которых, в будущем академики А. С. Лаппо-Данилевский и Н. С. Державин, были питомцами Симферопольской мужской гимназии. Было у Арсения Ивановича в научном мире и много личных друзей. И все же, естественно, возникает вопрос, почему Е. С. Давыдова не могла самостоятельно решить судьбу бумаг С. П. Трубецкого. Причина была чисто психологическая. Но именно она и является тем ключом, который раскрывает сущность этой печальной истории. Давыдова именно потому и решила передать все в ведение председателя Таврической учёной архивной комиссии, что боялась самое себя, своих сомнений. И понять (не оправдать, а именно понять) ее переживания не так уж трудно, если вспомнить трагедию ее отца, ставшую впоследствии и ее трагедией. Не секрет, что в печати того времени уже не раз обсуждались характер и убеждения Трубецкого и его поведение в день восстания. Мне хорошо известно, со слов моих родителей, как тяжело это воспринималось его дочерью.

В Сибири Трубецкой наравне со всеми декабристами мужественно переносил каторгу. Вместе с женой, роль и подвиг которой в его судьбе и судьбе его товарищей трудно переоценить, всячески помогал им и их семьям. Но дума «о тех пятерых», по неоднократному свидетельству его дочери (о чем я часто слышала от своего отца), никогда не покидала его, и невольно приходила в голову мысль, что, выйди он на площадь, он был бы шестым повешенным. Это усугубляло его страдания, что, естественно, передавалось и его близким. В своих долгих и откровенных беседах с Арсением Ивановичем Е. С. Давыдова не раз говорила об этом. С течением времени она, при всей сдержанности и даже скрытности характера, становилась все более откровенной с ним, всегда приветливо его встречала, расспрашивала о новостях, местных и в мире науки. Но было известно, что всякое неосторожное или несправедливое (в действительности или по ее мнению) слово о Трубецком тяжело ранило ее сердце. Она и не скрывала от Арсения Ивановича своего опасения, что опубликование архива «даст пищу для новых пересудов и домыслов» по адресу ее отца.

Поэтому независимо от того, что произошло в дальнейшем, решение Елизаветы Сергеевны довериться опыту и руководству А. И. Маркевича было его несомненной победой. Он твердо верил, что ему удастся в конце концов спасти архив, о котором в Симферополе если кто-либо и знал, то только понаслышке, предположительно. В то же время отец прекрасно понимал, что любой его неосторожный шаг может привести в столь сложных обстоятельствах к самым печальным последствиям. Беспокоило Арсения Ивановича и то, что Давыдова просила не торопить ее. Видя его тревогу, она ему говорила: «Арсений Иванович, не беспокойтесь, я не

нарушу своего слова; но мне не легко расстаться с этими реликвиями: я часто перебираю их, перечитываю, вспоминаю далекое прошлое».

Беда пришла неожиданно и по причине, которую совершенно невозможно было предвидеть. Я хорошо помню этот зимний день 1912/13 г. Было воскресенье. После завтрака отец отправился к Давыдовой. Когда раздался его звонок, я побежала открыть ему и испугалась: на нем, как говорят, лица не было. Велев мне позвать мать, Арсений Иванович сказал ей только: «Все кончено, Нета» — и попросил оставить его одного. Он так и пролежал у себя в кабинете до вечера. Вероятно, у него был сердечный приступ. В этот день я узнала от матери только то, что Елизавета Сергеевна неожиданно сожгла все бумаги своего отца. Но постепенно я узнала все подробности, так как впоследствии много раз слышала от отца эту печальную повесть.

Как и обычно, Давыдова встретила отца приветливо, велела подать кофе, стала о чем-то расспрашивать. Но он быстро заметил в ее поведении что-то нервное, не свойственное ее обычной сдержанности. Подумав, что она чем-то озабочена или плохо себя чувствует, отец решил сократить визит и стал прощаться. И тут услышал: «Подождите, Арсений Иванович, не уходите, я должна Вам что-то сказать: сегодня ночью я сожгла в этом камине (в гостиной был камин) все бумаги отца».

Арсений Иванович говорил, что сначала он просто не понял, не мог поверить, потом в ужасе стал чуть ли не кричать на Елизавету Сергеевну, что это преступление, что она не имела права так поступать. Видя его отчаяние, Елизавета Сергеевна заплакала и рассказала все.

Дело в том, что еще в 1907—1908 гг. в России стали выходить в виде приложений к газете «Новое время» воспоминания А. П. Араповой — дочери Н. Н. Пушкиной от второго брака⁴. С целью якобы «реабилитировать» свою мать (в чем Н. Н. Пушкина, кстати сказать, совершенно не нуждалась), Арапова не пощадила в этих записках память великого поэта, приводя искусственно подобранные и далеко не доказанные факты его биографии и освещая их к тому же желательным ей образом. Помнится, они вызвали самое отрицательное отношение в среде русской общественности и довольно скоро были забыты.

Некоторые владельцы журналов переплетали их, очевидно, для себя в одну книгу. Во всяком случае, я отлично помню, что читала их приблизительно в 1911—1912 гг. в переплетенном виде. Вероятно, тогда же они попали к Давыдовой.

«Когда я прочла эти записки, — говорила плача Елизавета Сергеевна Арсению Ивановичу, — и подумала, что вот так, может быть, снова начнут трепать и имя моего отца, я почувствовала, что не могу, не должна этого допустить — и все сожгла! Не судите меня!»

Отец рассказывал, что был вне себя и прибавлял: что, наверное, наговорил много лишнего. И вот, видимо, в ответ на его слишком резкую или несправедливую, с ее точки зрения, фразу Елизавета Сергеевна вдруг перестала плакать, выпрямилась и с огромной силой сознания какой-то внутренней своей правоты сказала: «Хорошо Вам говорить! Вы не видели того, что видела я, не испытали того, что испытала я!» Говорить больше было не о чем. Отец встал, низко поклонился, вышел из комнаты и еле добрался домой.

Остается добавить немного. Арсений Иванович, несмотря на то, что вышеприведенная сцена произвела на него незабываемое впечатление, так и не простил Давыдовой ее поступка.

Насколько помнится, он еще раза два-три заходил к Давыдовой, видимо, не желая так сразу прервать знакомство. Но крушение всех его надежд и усилий долго переживалось им крайне болезненно.

Думается, что подобных случаев, когда оскорбленные чувства близких вели к потере для истории ценных материалов, было немало. Ни в коем

⁴ Новое время, 1907—1908, № 11406, 11409, 11413, 11416, 11425, 11435, 11442, 11446, 11449.

случае не оправдывая Е. С. Давыдову, в то же время невольно задумываешься о том, как трагически сложившиеся обстоятельства повлияли на судьбу архива С. П. Трубецкого.

Вскоре началась война. Затем я переехала в Петроград и только время от времени приезжала в Крым. Мне не известна судьба двух библиотек (в Саблах и Симферополе) и остальных бумаг, гравюр, портретов, рисунков и документов Давыдовых⁵. Только одни письма к П. В. Давыдову его матери, братьев и сестер представляли бы для исследователей огромную ценность. По свидетельству сотрудников библиотеки Симферопольского университета, в настоящее время в ней имеется только несколько книг, относительно которых можно предположить, что они принадлежали Давыдовым.

⁵ 15 января 1931 г. на заседании Общества истории, археологии и этнографии Крыма с сообщением «Крымские материалы о декабристах» выступил А. К. Сирота. Как записано в протоколе, автор «анализирует имеющуюся в Ц[ентральном] М[узее] Т[авриды] коллекцию рисунков декабристов из семейного архива Давыдовых и рассматривает вопросы: к какому времени и какому месту ссылки относятся рисунки, что именно они изображают, кем рисовались и какие выводы о характере ссылки они позволяют сделать» (*Прим. ред.* Сообщено С. Б. Филимоновым).

Н. М. Пирумова

СПИСКИ ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

В начале 1902 г. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел обратился ко всем губернским и уездным управам с предложением представить сведения о всех земских служащих: их числе, социальном происхождении, возрасте, образовании, стаже работы и жалованье. Сведения эти летом того же года стали поступать в МВД. Всего в 34 земских губерниях оказалось учтенными 26 546 человек¹. В эту цифру, как правило, не входили учителя начальных земских школ, которые значились за Министерством просвещения и число которых приближалось к общему количеству всех других земских служащих.

Как в губернской, так и в уездной управе списки составлялись по единой форме МВД. После фамилии, имени и отчества каждого служащего секретарь управы должен был указать «звание или чин, лет от роду, где получил образование и окончил ли курс, занимаемую должность или обязанности, исполняемые по земскому хозяйству, получаемое содержание, с какого времени на службе в земстве, другие должности, занимаемые по государственной или общественной службе». В списках, пришедших с мест, по-разному были организованы сведения, по-разному давались ответы на некоторые вопросы; различным был и характер пропусков тех или иных данных.

Укажем конкретно на главные особенности списков. Сведения о служащих чаще всего распределялись в них по отделам, имеющимся в управе. В этом случае список представлял определенную информацию об организации земского хозяйства и становился более удобным для обработки. Но ряд губернских и уездных управ руководствовался другим принципом, а именно: перечислением по алфавиту всех лиц, служащих в данном земстве. Губернские списки, как правило, были организованы лучше уездных и содержали более точные и конкретные ответы, но и здесь частыми оказывались пропуски, неполнота сведений, разнობой. Так, на первый же вопрос о звании или чине в одних случаях давался ответ: потомственный дворянин, или крестьянин, или мещанин, или потомственный почетный гражданин и т. д. В других же: врач, учитель, фельдшер, акушерка, т. е. должность, которая тут же повторялась в следующей графе. Довольно частым было отсутствие данных о звании или чине вообще, а также об образовании, возрасте или стаже работы. Случались и пропуски целой категории служащих. Так, в списке губернского Полтавского земства совсем не оказалось врачей и вспомогательного медицинского персонала, которых не могло не быть на службе в губернском земстве. Не все управы, готовя материал для МВД, включали в них временных сотрудников, к числу которых относились счетчики и регистраторы, а также агенты по страхованию. Во многих губернских земствах не учитывался низший медицинский персонал². В ряде уездных списков, напротив, бывали случаи включения в число служащих земств учителей.

Указанные особенности списков служащих земских управ создают известные трудности при рассмотрении их состава в целом. Но другого подобного источника, дающего ряд важных объективных данных о большой социальной группе провинциальной интеллигенции, на начало

¹ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 651 (Общее дело о земских служащих на июль 1902 г.), л. 12.

² Исключение составляли психиатрические колонии.

XX в. нет. Списки были затребованы с мест в 1902 г. впервые. В губерниях и уездах все нужные данные собирались и обобщались также впервые. Обычно, до этого времени, губернские управы располагали относительно полными сведениями о врачах, инженерах, агрономах, ветеринарных врачах, заведующих отделами. Среднее же и самое многочисленное звено служащих (фельдшера и акушерки, счетчики и регистраторы, помощники статистиков, агенты по страхованию, канцелярские работники) оставалось в тени. Среди них, особенно в периоды проведения статистических обследований, оказывалось много временных служащих, часто бывали случаи зачисления на службу ряда лиц без разрешения администрации. Самое большее, что можно обнаружить в фонде земской управы того или иного местного архива об этой категории служащих — перечень фамилий без признаков каких-либо объективных данных. Исключения составляли лица, находящиеся под наблюдением полиции. Но материалы о них, сосредоточенные в фонде Губернского жандармского управления, в каждом местном архиве и в фондах Департамента полиции (3-е и 7-е делопроизводство) ЦГАОР СССР, не дают обычно сведений об образовании, жалованье, стаже работы. Главное же, что общее число лиц, состоящих под наблюдением полиции, составляет 5,1%³ от общего числа служащих земств, и поэтому сведения о них мало чем могут быть полезны при анализе всего состава земской интеллигенции.

Отсутствие как архивных, так и опубликованных данных о земской интеллигенции на начало XX в. делает списки уникальным документом, позволяющим определить социальное происхождение, возраст, пол, образование, материальное положение и стаж работы для значительной группы земских служащих.

Изучение этой группы, получившей в истории название «третьего элемента»⁴, весьма важно. В журнале «Заря» В. И. Ленин писал, что «рост числа и влияния таких лиц, служащих в земстве в качестве врачей, техников, статистиков, агрономов, педагогов и т. п., давно уже обращает на себя внимание наших реакционеров...

Надо вообще сказать, что наши реакционеры, — а в том числе, конечно, и вся высшая бюрократия, — проявляют хорошее политическое чутье. Они... понимают непримиримость самодержавия с какой бы то ни было самостоятельностью, честностью, независимостью убеждений, гордостью настоящего знания ...

И в самом деле: если люди, исполняющие те или иные общественные функции, будут цениться не по своему служебному положению, а по своим знаниям и достоинствам, — то разве это не ведет логически неизбежно к свободе общественного мнения и общественного контроля, обсуждающего эти знания и эти достоинства? Разве это не подкапывает в корне те привилегии сословий и чинов, которыми только и держится самодержавная Россия?»⁵. Подчеркивая «всю непримиримость самодержавия с интересами общественного развития, с интересами интеллигенции вообще, с интересами всякого настоящего общественного дела»⁶, В. И. Ленин особенное внимание обращал на интеллигенцию земскую как на общественную группу, в которой под влиянием революционного подъема усиливается «вера в себя и готовность к борьбе»⁷.

Общественное значение этой группы интеллигенции и оценка ее В. И. Лениным делают весьма актуальным конкретное изучение ее состава. Для исследования нами выбраны 10 наиболее типичных губерний Центрально-промышленного и земледельческого Южного районов страны, а также 10 уездов. Губернские земские служащие с точки зрения общественного звучания их деятельности представляют для нас наиболь-

³ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, 1902 г., д. 651, л. 22 об.

⁴ Впервые название это сформулировано реакционным самарским вице-губернатором В. Г. Кондоиди для обозначения лиц, не принадлежащих ни к администрации, ни к представителям сословий.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 327—328.

⁶ Там же, с. 333.

⁷ Там же, с. 334.

ший интерес. В губернских управах более широко ставились проблемы, выходявшие за рамки профессиональной деятельности служащих, здесь организовывались съезды и курсы, готовились отчеты и земские собрания, публиковались земские материалы, а порой и периодические земские издания. Обычно в губернской управе сосредоточивалась наиболее общественно активная часть земской интеллигенции.

Из 26 546 человек, на которых МВД собрало определенные данные, 7721 человек (или 29%)⁸ служили в губернских управах. В рассматриваемых нами губерниях (Московской, Вятской, Саратовской, Полтавской, Нижегородской, Курской, Тверской, Херсонской, Псковской, Самарской) на службе в управах состояло 2972 человека. Каждая управа организовывала хозяйство, медицинское обслуживание населения и школы согласно своим возможностям и местным особенностям. Последние определялись не только экономическими условиями того или иного района страны, но и в значительной мере степенью прогрессивности или реакционности ведущей группы гласных в земском собрании. Однако, регулируя количество земских служащих, управа далеко не всегда могла добиться «благонадежности» их состава, не могла фактически запретить совещаний или съездов «третьего элемента», не могла свести их деятельность исключительно к исполнению профессиональных функций. Отсюда происходили постоянные конфликты земских служащих с реакционно настроенными собраниями и управами, на которые обращал внимание В. И. Ленин⁹.

Не связанные никакими положениями о числе и профессиях служащих, не имея органа печати, на страницах которого возможен был бы обмен опытом между земствами, не имея разрешения и на проведение общеземских съездов, управы и собрания каждой из рассматриваемых нами губерний решали вопросы о наемных служащих по-своему. В Вятской губернии работало 332 человека, в Курской — 232, в Московской — 462, в Нижегородской — 376, в Полтавской — 134, в Псковской — 168, в Самарской — 364, в Саратовской — 364, в Тверской — 330, в Херсонской — 213 человек¹⁰.

Списки, в которых служащие указаны по отделам, дают возможность определить как их общее число, так и число лиц, занятых в той или иной земской отрасли. Отделов в губернской управе бывало довольно много (от 12 до 22). В Нижегородском земстве, например, было 12 отделов:

Распорядительное отделение — 17 человек;

Санитарное бюро — 10 человек (из них 3 врача и 7 счетчиков);

Отдел народного образования — 6 человек (из них 1 делопроизводитель и 5 канцелярских служащих);

Агрономическое отделение — 28 человек (из них 9 агрономов, остальные — канцелярские служащие, садовники, приказчики);

Кустарное отделение — 31 человек (в их числе 19 мастеров кустарных промыслов);

Статистический отдел — 25 человек;

Дорожный отдел — 31 человек (инженеры, техники и десятники);

Страховой распорядительный отдел — 42 человека (главным образом страховые агенты);

Страховое счетное отделение — 10 человек (бухгалтер и канцелярские служащие);

Бухгалтерия — 14 человек;

Ветеринарное отделение — 34 человека;

Благотворительные заведения — 128 человек (контора благотворительных учреждений, соматическая больница, аптека, колония для ду-

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 651, л. 12.

⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 329—335.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 656, л. 1—35 об.; д. 661, л. 2—26 об.; д. 662, л. 1—54 об.; д. 663, л. 1—47 об.; д. 669, л. 2—9 об.; д. 670, л. 2—21 об.; д. 672, л. 2—70 об.; д. 674, л. 1—48 об.; д. 679, л. 2—191 об.; д. 683, л. 2—149 об.

левнобольных, колония посемейного поселения, приют подкинутых детей, психиатрическая лечебница) ¹¹.

Более широкий профиль имела работа Самарской управы, где, помимо аналогичных по существу отделов, были еще: Строительное отделение, архив, библиотека, книжный склад, школа сельских учительниц, губернская больница и при ней фельдшерская школа ¹². В Саратовском земстве имелись еще и Пастеровская станция, типография и редакция газеты «Земская неделя» ¹³.

В Московской управе отделы были наиболее значительны по числу сотрудников и вместе с тем не включали в себя все земские лечебные и учебные учреждения. Так, Врачебный отдел (138 человек) состоял из санитарных врачей, счетчиков, врачей и фельдшеров участковых лечебниц, но не губернской земской больницы. Дорожный отдел имел 86 служащих, страховой — 59 человек, экономический — 33 человека, ветеринарный — 48 врачей и фельдшеров ¹⁴. Различия в числе служащих отделов в разных губерниях были весьма заметны. Так, если в Саратове ветеринарными делами только в губернном земстве занималось 156 человек, то в Москве — 48, в Твери и вовсе не было ветеринарного отдела, а в Херсоне отдел состоял из 2 ветеринарных фельдшеров и 9 сотрудников бактериологической лаборатории. Кстати, в Херсоне, в сельскохозяйственном отделе, работали губернский энтомолог и его помощник. Такая должность была редкой в земском хозяйстве.

В целом наличие тех или иных отделов, показательное для организации работы в губернской управе, не может служить отправной точкой для анализа состава земских служащих как потому, что в анализируемом источнике эти отделы выделены не везде, так и потому, что люди, занимающиеся одним и тем же делом, могли служить в самых разных отделах. Именно поэтому за основу нами взят обобщающий перечень профессий или занимаемых должностей, в рамки которого удалось включить всех служащих, перечисленных в списках, составленных в десяти управах летом 1902 г. Данные по 12 выделенным нами категориям служащих включены в табл. № 1.

Самой многочисленной категорией среди тех, кто призван был налаживать земское хозяйство, в губерниях оказались служащие канцелярий и отделов управ. Их число в целом составляло 32% всех служащих ¹⁵. Руководящий состав губернских управ (заведующие отделами, секретари, бухгалтера) выделен в особую категорию, и число их было сравнительно невелико — 3,5%.

Вторая по численности категория губернских служащих — это счетчики и регистраторы. Их 13%. Это помощники главным образом статистиков и санитарных врачей в подворных переписях и обследованиях непосредственно среди крестьян, или участники работ по обобщению собранного статистического материала. Число же статистиков, руководящих подобными исследованиями, также невелико — 3% всех служащих.

Немного и врачей, указанных в анализируемых списках, — 6,5%.

Среди них примерно половина — санитарных, но точные сведения по этому поводу не всегда указаны в рассматриваемом источнике. Более многочислен средний медицинский персонал — фельдшера и акушерки. Их 10,5%. В их число не включены служащие больниц, сиротских домов, психиатрических колоний, исполняющие главным образом подсобные санитарные функции. Подобных лиц около 5%, причем учтены они далеко не всеми управами.

Из заметных групп служащих следует отметить агентов по страхованию (7,5%). Эти сотрудники заняты были главным образом страхова-

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 663, л. 1—47 об.

¹² Там же, д. 672, л. 2—70 об.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 674, л. 1—48 об.

¹⁴ Там же, д. 662, л. 1—54 об.

¹⁵ Более всего служащих этой категории было в Нижегородской (134) и в Московской (130) губерниях; менее всего — в Псковской (45 человек).

Таблица 1

Состав земских служащих 10 губернских управ на 1902 г.¹

Специальность или занимаемая должность	Все служащие		Пол		Социальное происхождение							Возраст		
	мужчины	женщины	из дворян и чинов- ников	из мещан	из крестьян	из купцов	из духо- венства	почетные граждане	20—30 лет	30—40 лет	40 и бо- лее лет			
												4	3	
Заведующие отделами, секретарь, бухгалтер	107	1	40	12	5	2	3	14	4	58	41			
Служащие канцелирии и отделов управы	942	227	207	230	191	13	15	75	353	290	237			
Врачи	495	18	37	5	1	—	4	5	30	78	81			
Средний медицинский персонал	316	181	51	91	75	3	9	17	128	87	72			
Ветеринарные врачи ²	164	—	7	2	2	2	6	2	51	53	34			
Ветеринарные фельдшеры	169	—	—	2	13	—	—	3	17	27	14			
Агрономы, почвоведы, землемеры, лесоводы ³	72	—	11	7	3	3	—	8	25	34	11			
Инженеры, техники ⁴	129	—	21	26	16	—	8	8	65	41	16			
Статистики ⁵	99	1	26	20	18	2	3	18	42	36	11			
Счетчики, регистраторы	379	194	142	58	27	5	15	34	255	52	39			
Служащие по страхованию ⁶	210	23	101	29	17	4	—	25	35	72	87			
Учителя сельскохозяйственных и фельдшерских школ, воспитатели сиротских домов	48	16	12	2	8	—	6	4	13	17	18			
Обслуживающий персонал сирот- ских домов, больниц ⁷	145	69	24	37	42	—	2	3	63	53	29			
Итого:	2975	730	679	521	418	34	63	216	1081	898	690			
В %	75,5	24,5	35	27	21	2	4	41	40,5	33,5	26			

Специальность или занимаемая должность	Образование					Стаж работы			Годовой оклад, в руб.				
	высшее	неполное высшее	среднее	неполное среднее	городские и уездные училища	другие виды образова- ния	с 80-х лет и ранее	с 90-х лет	с 90-х лет	3000— 4500	1500— 1000	1000— 500	500 и ниже
Заведующие отделами, секретарь, бухгалтер	55	12	23	4	10	3	33	49	23	71	31	5	—
Служащие канцелярии и отделов управы	24	16	318	90	150	276	132	422	364	14	62	253	573
Врачи	195	—	—	—	—	—	37	75	64	60	89	31	15
Средний медицинский персонал	4	41	145	20	7	128	52	115	141	—	1	35	279
Ветеринарные врачи ²	154	2	4	—	2	—	32	71	59	7	157	—	—
Ветеринарные фельдшеры	—	—	21	1	1	35	19	94	56	2	5	4	158
Агрономы, почвоведы, землемеры, лесоводы ³	35	1	29	—	2	4	6	36	30	7	39	24	2
Инженеры, техники ⁴	64	17	36	4	2	5	8	40	71	53	40	23	2
Статистики ⁵	24	10	43	13	5	4	1	19	—	10	40	42	7
Счетчики, регистраторы	8	44	156	38	50	57	20	86	235	—	7	114	247
Служащие по страхованию ⁶	10	7	89	15	24	38	50	90	70	1	59	78	28
Учителя сельскохозяйственных и фельдшерских школ, воспитатели сиротских домов	13	10	18	—	4	3	10	24	10	4	1	12	31
Обслуживающий персонал сирот- ских домов, больницы ⁷	2	1	30	5	13	79	12	74	59	1	1	12	131
Итого	588	149	912	190	270	633	412	1195	1182	230	532	633	1473
В %	22	4,5	33,5	7	10	23	15	43	42	8	18	23	51

¹ Губернии: Московская, Вятская, Саратовская, Полтавская, Нижегородская, Курская, Тверская, Херсонская, Пензенская, Самарская. ² В Тверской и Пензенской губерниях не было в штате ни ветеринарных врачей, ни фельдшеров. В Херсонской на службе было только 2 фельдшера, в Полтавской — лишь 2 ветеринарных врача.

³ Служащие этих профессий были в 8 губерниях из 10. ⁴ Инженеры и техники были в 9 губерниях. ⁵ Штатных статистиков совсем не было в Саратовской управе. ⁶ Страховых агентов не было в Полтавской и Херсонской управах. ⁷ Нижний медицинский персонал больниц и других учреждений выделен лишь в 5 губерниях, в остальных он значится в графе: служащие канцелярий и отделов управы.

нием от огня. Учитывая опустошительный характер столь частого в то время стихийного бедствия, можно считать эту группу служащих весьма важной.

Остальные категории земских служащих: ветеринары (врачи и фельдшеры), агрономы, почвоведы, лесоводы, инженеры и техники, наконец, преподаватели — весьма немногочисленны (см. табл. 1). Педагогов в учительских и фельдшерских школах, сиротских домах и учебных мастерских на 10 земств было мало. Объяснить это можно как отсутствием учительских и фельдшерских школ в некоторых губерниях, так и тем, что в фельдшерской школе чаще всего преподавали врачи губернской больницы, числящиеся по месту своей главной работы.

Исчерпывающие данные на всех приведенных в списках земских служащих мы имеем лишь по вопросу их пола. Ясно, что мужчин в целом в 4 раза больше, чем женщин; некоторое преобладание женщин встречается лишь среди среднего медицинского персонала (57%) и счетчиков (51%). Большое число женщин среди низшего медицинского персонала больниц — 90%. Значительно их количество среди канцелярских служащих — 25%. Из врачей женщин было 9%. Есть женщины среди страховых агентов (ок. 11%) и преподавателей (33%). Среди ветеринаров, агрономов, инженеров и статистиков женщин нет совсем¹⁶.

Весьма интересны, с нашей точки зрения, данные о социальном происхождении. Здесь мы располагаем сведениями на 1931 человека. На их примере можно конкретно представить себе разночинную среду того времени. Из всех сословий в губернии лидируют все еще дети дворян и чиновников.

По профессиям или занимаемым должностям из дворян и чиновников происходило: 71% врачей, 57% служащих по страхованию, 52,5% заведующих отделами, 50,5% счетчиков и регистратов, 37% статистиков, 28% канцелярских служащих и почти столько же инженеров. Совсем не было детей дворян или чиновников среди ветеринарных фельдшеров. В других случаях процент выходцев из дворян незначителен.

Наибольший процент происхождения из мещан свойствен среднему медицинскому персоналу — 37%, канцелярским служащим — 31%, низшему медицинскому персоналу больниц — 34%, а также статистикам — 28%.

Из крестьян происходило 39% низшего медицинского персонала, 30% фельдшеров и акушерок и 26% канцелярских служащих. Из 52 врачей, на которых имеются данные о социальном происхождении, только 1 человек был из крестьян.

Купцы и духовенство не были теми сословиями, из которых формировались земские служащие. Процент их незначителен. Несколько больше детей потомственных и просто почетных граждан. Среди статистиков их 20%, заведующих отделами — 18%, инженеров и статистиков — 12%, среднего медицинского персонала — 10%.

Из всех приведенных данных можно заключить, что выделялась группа врачей. Скорее всего это связано с тем, что врачи — самая образованная категория земских служащих. Высшее образование было доступнее сыну дворянина или чиновника, чем крестьянину или мещанину, редко имевшим средства к продолжению обучения. В целом же в социальном составе земских служащих наиболее важно не то, что выходцы из дворян и чиновников все еще составляли более $\frac{1}{3}$ их числа, а то, что остальные были главным образом выходцы из мещан, крестьян, почетных граждан.

Вопреки сословной политике правительства «непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самим ростом капитализма и вызывает потребность в „интеллигентах“, число которых все

¹⁶ Исключение составляет одна женщина, занимающаяся статистикой в Тверской губернии.

возрастает...»¹⁷, — так писал В. И. Ленин в 1901 г., характеризуя рост и значение земской интеллигенции.

Нельзя сказать, чтобы в рассматриваемое время социальное происхождение определяло наличие высшего образования у служащих земств, но связь между двумя этими факторами существовала. Данные об образовании мы имеем в целом на 2712 человек. Из них $\frac{1}{4}$ часть имеет высшее и незаконченное высшее, более $\frac{1}{3}$ — среднее или специальное образование. Определение «среднее» здесь условно. В эту графу включены окончившие полный курс гимназий, прогимназий, духовных семинарий и епархиальных училищ, а также специальные учебные заведения: учительские семинарии, фельдшерские школы, акушерские курсы при Николаевском военном госпитале или других подобных медицинских учреждениях.

В отдельную группу выделены лица, имеющие незаконченное среднее образование, что чаще всего означало неполный курс гимназии или духовной семинарии. Городские и уездные училища также выделены отдельно. Число окончивших их довольно значительно. Среди других видов образования часто встречается домашнее образование, начальные школы (главным образом земские), обучение на военной службе, различные курсы, организованные земством.

Из всех профессий земских служащих врачи — не только самая образованная, но и, наряду со статистиками, самая общественно активная группа земской интеллигенции. Последнее обстоятельство связано с регулярными уездными и губернскими съездами врачей, с публикациями ими материалов санитарных обследований, с участием многих в Пироговских съездах, с широким представительством их в специальной и местной периодической печати. Ветеринарные врачи в основном (154 из 164) имеют высшее образование, но общественной активностью в целом, как группа, не отличаются.

Более половины инженеров, техников, агрономов, землемеров, почвоведов окончили высшие учебные заведения. Среди остальных — 13% инженеров и техников имели незаконченное высшее образование и 28% — среднее. 40% агрономов и землемеров также окончили средние учебные заведения.

Численно небольшая группа статистиков была далеко неоднородна по образованию. 24% имели высшее и 10% — незаконченное высшее образование; 43% окончили средние учебные заведения, остальные учились в городских уездных или других училищах. Среди счетчиков и регистраторов преобладали люди со средним образованием (44%). Высшее образование было лишь у 2% этой категории служащих, незаконченное высшее — у 12% и незаконченное среднее — у 10%. Счетчиками во время обследований часто становились студенты тех или иных учебных заведений. Шли на эту работу многие девушки, окончившие гимназии или другие учебные заведения. (Женщин здесь была половина состава.) Примерно также обстояло дело и с агентами по страхованию. Однако формально средний образовательный уровень последних трех групп служащих не снижал значения выполняемых ими общественных функций.

Среднее медицинское образование имели 40% фельдшеров и акушеров, 5% их состава окончили высшие учебные заведения или учились в них. Среди остальной половины среднего медицинского персонала было много ротных фельдшеров в прошлом, получивших свои знания на военной службе, акушеров, окончивших повивальные школы, курсы или получивших образование при больнице.

У служащих канцелярий и отделов управ образование было самым различным. Среди заведующих отделами преобладали люди с высшим и со средним образованием. Среди рядовых сотрудников среднее образование было у 36%, высшее — у 3%, остальные же имели за плечами незаконченные средние учебные заведения, городские, уездные или другие

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 328.

низшие училища, а также домашнее образование. Наименее образованными категориями служащих были ветеринарные фельдшеры (образование получено на военной службе) и низший медицинский персонал больниц и сиротских домов.

Какого же возраста люди работали в земствах? Анализ списков служащих показал, что из 2669 человек, указавших свой возраст, 40,5% были людьми молодыми — от 20 (иногда от 18) до 30 лет, 33,5% — от 30 до 40 лет и лишь 26% представляли возраст от 40 и более лет.

Молодые люди (от 20 до 30 лет) работали счетчиками и регистраторами — 74%. Инженеры и техники в этом возрасте составляли 53%, статистики — 47%, фельдшеры и акушерки — 45%. Пожилых людей (после 40 лет) было значительное число (41%) среди руководящего состава управ, врачей (42%) и служащих по страхованию (42%).

Возраст был естественно связан и со стажем работы. С 1900 по 1902 г. на службу в земство поступило более 40%, примерно столько же человек, сколько работало в земствах с 90-х годов и к моменту составления списков имело стаж от 12 до 3—4 лет. Остальные служащие начали свою деятельность в 80-х, а некоторые из них в 70-х и 60-х годах. Более всего людей со стажем было среди руководителей отделов (30%), служащих по страхованию (23%), ветеринарных врачей (20%) и просто врачей (18%); единицы или десятки их (в зависимости от числа служащих) имелись в каждой профессии, но менее всего старых сотрудников оказалось среди статистиков.

Каково же было материальное положение рассматриваемой группы служащих? Мы располагаем сведениями о жалованье на 2868 человек. Для большинства это жалованье составляло единственный источник существования. Служащие канцелярии, фельдшеры, акушерки, как правило, не имели собственного хозяйства, приносящего доход. Врачи не имели обычно совместительства, за исключением преподавания в фельдшерских школах, причем в этом случае их жалованье увеличивалось примерно на 500 руб. в год¹⁸. Впрочем, врачи составляли наиболее высокооплачиваемую группу служащих. Среднее жалованье их равнялось 1500 руб. в год. 76% всех врачей получало от 3 до 1 тыс. руб.¹⁹, 16% — от 1 тыс. до 900 руб. и 8% — от 500 руб. и ниже. К последней категории относились те совместители, которые одновременно вели педагогическую работу. В целом же высокооплачиваемые служащие (от 3 до 1,5 тыс. руб.)²⁰ составляли лишь 8% всех работающих в губернских земствах.

Кроме врачей к этой категории относились начальники отделов (66%), инженеры и техники (44%). Среди остальных высокая оплата труда встречалась в единичных случаях.

По второму разряду (от 1,5 до 1 тыс. руб.) жалованье получали 18% служащих: 95% ветеринарных врачей, 54% агрономов и землемеров, 40% статистиков, 28% заведующих отделами и агентов по страхованию.

Жалованье от 1 тыс. до 500 руб. получали 23% служащих. Здесь выделялись статистики (41%), агенты по страхованию (37%), агрономы и землемеры (33%), счетчики и регистраторы (31%).

¹⁸ Так, в Самарской губернии врачи, преподававшие в фельдшерской школе, получали от земства от 2 до 4 тыс. руб. в год; в Нижегородской губернии пять врачей получали по 4 тыс. руб. в год, но двое преподавали в фельдшерской школе бесплатно. В Саратовской губернии пять врачей получали за совместительство доплату ниже 500 руб.

¹⁹ Здесь объединены данные двух граф (2,5—1,5 тыс. и 1,5—1 тыс. руб. в год), в которых рассматривается материальное положение служащих в табл. 1.

²⁰ 3 тыс. руб. и иногда более получали заведующие колониями душевнобольных, главные врачи губернских больниц; 3 тыс. руб. получали и заведующие отделами управ, а в Московском земстве такой же оклад был и у заведующего музеем. В ряде случаев жалованье превышало 3 тыс. руб. Так было в Тверском земстве, где заведующие отделами шоссежных дорог и оценочным отделом (последним вел дел С. А. Харизоменов) получали по 4800 руб. Губернские инженеры в Нижегородском, Саратовском и Курском земствах получали по 4—4,5 тыс. руб. в год.

Более всего служащих получало жалование от 500 руб. в год и ниже. Их число составляло 51% всей группы в 2868 человек. Это прежде всего ветеринарные фельдшеры (93%), подавляющее большинство среднего медицинского персонала (89%) и низший медицинский персонал больниц (90%); счетчики и регистраторы (68%), служащие канцелярий (64%) и преподаватели школ (64%).

Так, средний оклад фельдшера или акушерки составлял 360 руб. в год; счетчики и регистраторы получали от 350 до 240 руб.; канцелярские служащие чаще всего — от 350 до 200 руб. в год.

Обратимся теперь к спискам служащих десяти уездных земских управ (см. табл. 2): в двух уездах Курской губернии (Курский, Суджанский), в двух Тверской (Весьегонский и Новоторжский), в двух Московской (Московский и Можайский) и по одному в Псковской (Псковский), Самарской (Бугурусланский), Херсонской (Одесский) и Полтавской (Роменский) губерниях ²¹.

Число служащих в уездных земствах самое различное: от 167 человек в Весьегонском уезде, до 18 человек в Можайском. Это обстоятельство связано с неоднородным хозяйственным и территориальным положением уездов, с составом и направлением деятельности местного земского собрания и управы. Порой большее число служащих в том или ином земстве определялось и включением в число земских служащих уезда учителей. Так было в следующих уездах: Весьегонском (132 учителя из 167 человек всех служащих), Одесском (29 учителей из 135 служащих), Суджанском (91 учитель из 158 служащих), Псковском (85 учителей из 155 служащих) и Курском (57 учителей из 90 служащих).

Включение учителей в число служащих земств формально, как мы уже говорили, было неправомерно и, как правило, не практиковалось. Инспектор народных училищ Бугурусланского и Бугульминского уездов Самарской губернии давал по этому поводу следующее разъяснение: «Учителя и учительницы народных училищ, содержимых земством, сельскими и другими обществами, определяются на службу и увольняются от службы не содержателями училищ, а училищным Советом, инспектором училищ, дирекцией народных училищ, а потому таковые учителя и учительницы находятся в ведомстве Министерства народного просвещения и не могут считаться «земскими» служащими в настоящем смысле этого слова» ²².

Однако некоторые земства, готовящие сельских учителей, платившие им жалование, снабжавшие их учебными пособиями, не без основания считали их своими служащими и включали в списки, направленные в МВД. Всего в рассматриваемых нами списках учителей было 37% от общего числа служащих. Если бы не 5, а все 10 земств включали в свои списки учителей, то число их должно было бы увеличиться примерно вдвое и составлять не менее 70% всех служащих. Подобному соотношению не приходится удивляться, поскольку учителя составляли самую многочисленную категорию земской интеллигенции.

В 10 рассматриваемых уездных земствах служило 1071 человек. По численности второе место вслед за учителями принадлежало среднему медицинскому персоналу. Фельдшеров и акушеров было 25%. Третье место занимали канцелярские служащие — их было 22,5%. Число врачей составляло 10%, ветеринарных фельдшеров — 2,5%. Остальные профессии были представлены весьма немногочисленно, да и не все специальности присутствовали в списках уездных служащих. Так, статистики, как правило, служили в губернских земствах, страховые агенты обычно были служащими губернской управы; преподаватели земских специальных учебных заведений, находящихся чаще всего в губернском городе, были также губернские служащие.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, 1902, д. 662, л. 57—73 об.; л. 153—154 об.; д. 669, л. 145—159 об.; д. 674, л. 54—76, л. 174—191 об.; д. 683, л. 126—142; д. 662, л. 57—73 об.; д. 661, л. 109—124 об.; д. 670, л. 22—50 об.; д. 661, л. 26—33 об.

²² ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 27, д. 672, л. 157.

Таблица 2
Состав земских служащих 10 уездных управ на 1902 г. 1

Специальность или занимаемая должность	Пол		Социальное происхождение						Возраст		
	Все служащие		из дворян и чиновников	из мещан	из крестьян	из купцов	из духовенства	из почетных граждан	20—30 лет	30—40 лет	40 и более лет
	мужчины	женщины									
Служащие канцелярии управы	242	49	30	71	55	8	7	18	86	72	75
Врачи	109	14	17	4	2	—	5	3	17	45	25
Средний медицинский персонал	268	405	17	31	41	5	9	12	66	99	86
Ветеринарные врачи 2	12	—	4	—	—	—	1	1	9	8	1
Ветеринарные фельдшеры	27	—	—	4	8	—	1	1	7	8	6
Учителя 3	394	250	40	35	62	6	43	39	206	99	42
Агрономы 4	12	—	1	—	1	—	—	1	3	5	2
Инженеры, техники 5	5	—	2	1	—	—	—	—	—	4	—
Служащие по страхованию и статистике 6	3	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—
Итого:	1071	418	112	146	170	19	65	75	394	341	237
В %	61	39	19	25	29	3	41	13	41	35	24

Специальность или занимаемая должность	Образование						Стаж работы			Годовой оклад, в руб.			
	высшее	неполное высшее	среднее	неполное среднее	городские и уездные училища	другие виды образования	с 80-х годов	с 90-х годов	с 900-х годов	2500—1500	1500—1000	1000—500	500 и ниже
Служащие канцелярии управы	6	4	46	20	48	88	39	95	89	19	39	68	86
Врачи	109	—	—	—	—	—	45	44	42	64	33	8	—
Средний медицинский персонал	—	2	152	9	25	65	55	105	95	—	6	95	151
Ветеринарные врачи 2	11	1	—	—	—	—	3	5	4	5	6	—	—
Ветеринарные фельдшеры	—	—	—	9	—	12	2	7	11	—	—	10	17
Учителя 3	5	—	311	3	38	27	104	154	121	—	—	91	294
Агрономы 4	4	2	2	1	—	1	2	5	4	6	6	1	—
Инженеры, техники 5	5	1	1	—	—	—	1	2	2	3	2	—	—
Служащие по страхованию и статистике 6	1	—	—	1	1	—	1	1	1	1	—	2	—
Итого:	144	10	512	43	142	193	222	418	370	98	94	276	548
В %	14	1	50	4	11	20	22	41	37	10	9	27	54

1 Уезды: Курский и Суджанский (Курской губ.), Всеволожский и Новоторжский (Тверской губ.), Московский и Можайский (Московской губ.), Псковский (Псковской губ.), Одесский (Херсонской губ.), Бугурусланский (Самарской губ.), Ромненский (Полтавской губ.).
 2 Ветеринарные врачи есть в 6 уездах из 10.
 3 Учителя — в 5 уездах.
 4 Агрономы — в 6 уездах.
 5 Инженеры и техники — в 2 уездах.
 6 Страховые агенты и статистики — в одном уезде (Одеском).

Из всех рассматриваемых в табл. 2 уездных земских служащих мужчин было 61%, женщин — 39%. Показательно значительное повышение числа женщин по сравнению с губернскими служащими. Это обстоятельство может быть объяснено опять-таки присутствием среди уездных служащих группы учителей, число которых составляло 64% всех учителей. Кроме того, среди среднего медицинского персонала было 39% женщин; 20% — среди канцелярских служащих и 13% — среди врачей.

Любопытны данные о социальном происхождении уездных служащих. Подобными сведениями мы располагаем лишь на 587 человек, но и они дают определенную картину социального состава. Почти $\frac{1}{3}$ всех служащих были выходцами из крестьян; $\frac{1}{4}$ часть приходилась на долю мещан и лишь 19% были детьми дворян или чиновников.

Разница с губернскими служащими — довольно заметна: число выходцев из привилегированного сословия значительно меньше, выходцев из крестьян больше, чем в табл. 1²³. Больше стало и выходцев из духовенства (чаще всего детей низшего духовенства — их 11%). Число же мещан на 2% ниже, чем у губернских служащих; почетных граждан 11% — столько же, сколько и в губернском земстве. В целом создается впечатление, что состав уездной интеллигенции по сравнению с губернской несколько более демократичен.

Данными об образовании мы располагаем на 1011 человек. Здесь разница с губернскими служащими значительна. Специалистов с высшим образованием в уездах, конечно, меньше. Это прежде всего врачи, ветеринары, агрономы, инженеры, но последних двух категорий служащих немного. В среде учителей люди с высшим образованием встречаются редко. Среднее же или специальное образование имеет половина всех служащих уездного земства, что на 15% превышает число людей со средним или специальным образованием в губернском земстве.

Можно предположить, что большая демократизация социального состава известным образом связана и с образовательным цензом служащих. Вместе с тем нельзя не отметить важность большого, по тому времени, числа людей со средним, главным образом специальным образованием, работающих непосредственно среди крестьянства. По профессиям они учителя, фельдшеры, акушерки. Это кадры, подготовленные в значительной своей части земством, в земских учительских семинариях, фельдшерских школах при земских больницах или на земских стипендиях в других учебных заведениях. Это наиболее многочисленная и типичная часть земских служащих.

По возрасту уездные служащие близки к губернским. Самая молодая профессия — учительство. До 30 лет — 60% учителей, канцелярских служащих — 34%, фельдшеров и акушерок — 26%. Несмотря на близость возрастных данных, стаж работы у уездных служащих имеет по сравнению с губернскими свои особенности. Так, в уездах больше, чем в губерниях, число людей (22%) состоит на службе в земстве с 80-х годов; соответственно меньше служащих (37%), пришедших на работу в начале 900-х годов. По профессиям с 80-х годов работали в уездных земствах 27% учителей (от числа всех земских служащих), 21% фельдшеров и акушерок, 15% врачей, 16% канцелярских служащих.

Материальное обеспечение служащих уездных и губернских земств было в основном аналогичным. И там и здесь преобладала армия низкооплачиваемых служащих (ниже 500 руб. в год); в уездах она составляла 54%, а в губерниях — 51%. Категория высокооплачиваемых служащих в уездах на 2% оказалась выше губернской, но зато в уездах не было ставок 3,5—4 тыс. руб. в год, получаемых отдельными инженерами, врачами или руководителями управы. К категории низкооплачиваемых отно-

²³ Наибольшее число выходцев из крестьян приходится на служащих канцелярии — 32%, учителей — 36% и средний медицинский персонал — 24%. Среди врачей более половины — дети дворян и чиновников, но остальные 45% из мещан, крестьян (2 человека), духовенства и почетных граждан.

сились все учителя и средний медицинский персонал. Жалованье последних колебалось обычно от 420 до 300 руб., составляя в среднем, как и в губернских земствах, 360 руб. Жалованье учителя колебалось между 480 и 240 руб. и средняя цифра также составляла примерно 300—360 руб. в год.

Основываясь на списках земских служащих, мы рассмотрели ряд объективных данных об около 3 тыс. губернских и свыше 1 тыс. уездных земских служащих. Конкретный анализ показал, что эта группа интеллигенции на 60% представляла собой выходцев из крестьян и мещан, что в ее рядах присутствовало около 30% женщин и около 40% молодых людей (до 30 лет).

Важная черта земских служащих — наличие значительного количества специально подготовленных кадров. Более половины всех служащих имеют высшее, среднее или специальное образование. И хотя людей со средним или чаще специальным образованием значительно больше, в целом перед нами группа специалистов, вносящих посильный вклад в удовлетворение самых насущных потребностей местной жизни в культурном и хозяйственном отношении.

Большинство земских служащих (более 60%) — не новички на своих местах. Они работали в земствах с 80-х, а чаще с 90-х годов. То, что остальные 40% — недавние служащие, связано с ростом земского хозяйства, особенно заметно обнаружившимся с конца 90-х годов. Постоянство же основного контингента свидетельствовало о сложившейся традиции земской службы. Традиция эта — не служить, а работать, работать вопреки отсутствию чинов, карьерных и материальных соображений — складывалась среди земских служащих с 70-х годов. Она прочно держалась и последующие десятилетия, о чем свидетельствует то, что не менее 50% из 69% всех низкооплачиваемых служащих работали в земствах с 80—90-х годов.

Таковы основные черты и особенности группы земской интеллигенции, выявить или подтвердить которые удалось, руководствуясь данными списков земских служащих.

**П. П. ДУБРОВСКИЙ — ПЕРВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ
«ДЕПО МАНУСКРИПТОВ» ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ**

12 февраля 1800 г. Петр Петрович Дубровский в возрасте 46 лет возвратился в Петербург, пробыв на дипломатической службе за границей 23 года — половину своей жизни. И хотя по служебной лестнице он не слишком продвинулся (его чин коллежского асессора — всего лишь 8-я ступень четырнадцатиклассной таблицы о рангах), зато привез с собой уникальную рукописную коллекцию.

По возвращении его ожидала большая неприятность — он был отчислен из Коллегии иностранных дел в Герольдию и, таким образом, оказался без службы и средств, ибо в довершение всего лишился также собственных денег, которые хранились на его счету у иностранных банкиров¹. О тяжелом положении П. П. Дубровского в то время сообщает в своих записках А. Д. Бестужев-Рюмин: «...графа Ростопчина я очень хорошо знал по многим отношениям, а особливо по несправедливому поступку его с приятелем моим Петром Петровичем Дубровским, который 25 лет находился вне пределов отечества при разных посольствах и служил всегда с честью и похвалою. Граф Ростопчин не знал даже лица его, но при вступлении в звание вице-канцлера, в царствование императора Павла I, исключил его, Дубровского, из службы единственно потому, что он не был никому знаком из приближенных к графу, и такою несправедливостью ввергнул его в самое затруднительное положение возвратиться в отечество; и потом, когда он, Дубровский, „кое-как“ возвратился и явился к нему, Ростопчину, он обругал его перед государем, и Дубровский выслан был из С.-Петербурга»².

Нам мало известно о последовавших после возвращения Дубровского на родину почти пяти годах его жизни, за исключением, пожалуй, того, что в 1804—1805 гг. на своей квартире в Петербурге он организовал что-то вроде «музея», куда приглашал любителей старины и искусства. Изредка сведения о его коллекции появлялись в периодической печати. Например, в «Вестнике Европы» сообщалось, что «наши соотечественники, знатнейшие особы, министры, вельможи, художники и литераторы, с удовольствием посещают скромное жилище г-на Дубровского и осматривают богатейшее сокровище веков, которое, конечно, достойно занимать место в великолепных чертогах»³. Именно в это время у него побывали среди прочих — маститый вельможа А. С. Строганов, главный директор императорских библиотек, известный библиофил П. К. Сухтелен, коллекция которого позднее (в 1836 г.) также будет приобретена Публичной библиотекой, будущий директор последней А. Н. Оленин, ученые: Ф. П. Аделунг, составивший первое печатное описание коллекции Дубровского⁴, митрополит Евгений (Болховитинов) — автор известных словарей русских писателей, духовных и светских, а также многих трудов по славяно-русской археографии.

¹ ОР ГИБ, F.IV, № 494, л. 70.

² Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о 1812-м годе. — РА, 1910, кн. 2, вып. 5, с. 80—81.

³ ВЕ, 1805, ч. XX, № 5, с. 54; Северный вестник, 1805, ч. 5, № 2, с. 210—229; ч. 6, № 4, с. 85—98, № 5, с. 207—222. Краткий обзор собрания Дубровского см. также в статье: Луизова Т. В. Собрание П. П. Дубровского в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — ВИ, 1952, № 8, с. 150—154.

⁴ Nachricht von der Dubrowskischen Manuscripten-Sammlung in St. Petersburg. — In: Russland unter Alexander dem Ersten: Eine historische Zeitschrift / Hrsg. von H. Storch. St. Petersburg; Leipzig, 1805, Bd. VI, S. 254—276; 1806, Bd. VIII, S. 82—113.

С 1804 г. через А. С. Строганова идут переговоры о передаче коллекции в Публичную библиотеку. В сборниках писем к П. А. Строганову из Общего собрания русской рукописной книги ОР ГПБ выявлено четыре неопубликованных документа, содержащих дополнительные сведения об этих переговорах. Это подлинные письма и записки А. С. Строганова, составленные им для доклада Александру I через своего сына Павла Александровича Строганова, исполнявшего в 1804—1805 гг. обязанности докладчика по особо важным делам⁵.

18 января 1805 г. А. С. Строганов писал П. А. Строганову о желательности скорейшего приобретения коллекции Дубровского, ибо «тесные обстоятельства» последнего «могут принудить его уступить оную какому-либо иностранному государству». Речь идет об англичанах, которые и «поныне» делают владельцу самые выгодные предложения. В приложенной к докладу записке «О манускриптах Дубровского» А. С. Строганов заключает, что «такого числа редкостей в руках частного человека никогда не находилось. Для собирания оных потребно было двадцатилетнее неусыльное рвение, благоприятные случаи, пребывание в Риме, Мадриде, Париже, и напоследок самая революция Франции, которая во время ужасных мятежей отверзла тайные хранилища». Строганов имел в виду архив Бастилии и монастырские библиотеки, среди которых прежде всего библиотеку Сен-Жерменского аббатства в Париже. Далее он продолжал, что «Дубровский, собиравший сии сокровища, желая посвятить оные отечеству, составляет план для учреждения при Императорской библиотеке особого Депо манускриптов», ибо «сии сокровища заслуживают занимать в ней первое место». На докладной записке А. С. Строганова имеется помета, вероятно, сделанная П. А. Строгановым: «Докладовано 27 янв. 805 — Высочайше повелено принять манускрипты и удовлетворить просьбу»⁶.

23 февраля 1805 г. последовал указ Александра I, по которому Дубровский был восстановлен в Коллегии иностранных дел в чине надворного советника с 1 апреля 1801 г.⁷ с получением из сумм этого ведомства компенсации в 15 тыс. руб.

27 февраля 1805 г. датируется рескрипт Александра I Строганову о создании Депо манускриптов: «Граф Александр Сергеевич! Согласно представлению Вашему об учреждении при Императорской библиотеке особенного Депо манускриптов, положив оному начало посвящаемым надворным советником Дубровским в пользу Отечества драгоценным собиранием... поручаю Вам принять от него означенное собрание и соответственно желанию его и способностям определить его хранителем сего Депо, которое и должно по важности своей составлять особенное отделение Императорской библиотеки и находиться единственно под начальством главного директора»⁸.

9 июня 1805 г. в специальном докладе императору А. С. Строганов, сообщив о принятии рукописей от Дубровского, просил «дать хранителю... товарища или сотрудника, который бы, присоединяя к познаниям иностранных языков правила строжайшей честности, разделил бы с ним все труды по сему месту», далее он рекомендовал секретаря своей канцелярии коллежского асессора Франца Ласковского; затем ходатайствовал о выделении «для сделания шкафов, переплетов и прочих по сему месту нужных расходов, единовременной суммы в 9418 рублей». Нельзя не упомянуть, что именно в этом докладе Строганов излагал свое мнение, каким образом пополнить Депо манускриптов отечественными рукописями, находящимися в монастырях и других архивах. «Сии в неизвестно-

⁵ ОР ГПБ, Ф. IV, 493, л. 3—3 об., 5—7 об., 46—48 об., 80; Ф. IV, № 494; л. 69—71. Пользуюсь случаем поблагодарить Д. Н. Альшица за предоставленную мне возможность ознакомиться с обнаруженными им в этих томах материалами о П. П. Дубровском.

⁶ ОР ГПБ, Ф. IV, 494, л. 69—70 об.

⁷ АЛОИИ, к. 238, оп. 2, ед. 251/2, л. 2.

⁸ Русская старина, 1899, т. 97, № 1, с. 134. См. также: ПСЗ, т. 28, № 21640.

сти погребенные,— писал он,— и в углу какого-либо монастыря истлевающие манускрипты принесут немалую пользу в сем Депо и попечительным за ними присмотром будут сохранены от разрушения. С какою удобностью может тогда историк приступить к начертанию отечественной истории, между тем как раздробленные ныне источники, затрудняя собрание их, останавливают его в столь похвальном и полезном подвиге»⁹.

Первые годы Дубровского на посту хранителя были нелегкими. Ему пришлось наряду с прямыми обязанностями решать многие организационные вопросы и прежде всего по оборудованию Депо. Именно при нем строились специальные шкафы для рукописей, ему поручал Строганов выбрать в Академии художеств бюсты для украшения помещения¹⁰. Одновременно в нынешнем первом зале Отдела для него готовилась квартира, поскольку Строганов считал, что хранитель должен находиться рядом с Депо, «от чего во многом зависит сохранность хранящихся там сокровищ»¹¹. Чисто хранительская деятельность Дубровского шла по трем направлениям: 1) прием коллекции Залуских и ее размещение, 2) каталогизация и 3) переплетные работы.

Дубровскому предстояло принять от шеваляе д'Огара (исполнявшего тогда обязанности помощника главного директора императорских библиотек) 44 ящика, содержащих более 11 тыс. западноевропейских рукописей. Сохранились не только описи этих ящиков, но и все сдаточные документы, подписанные д'Огаром, Дубровским и Строгановым. Они переплетены в толстый (595 л., in-folio) сборник, озаглавленный «Каталог рукописей»¹². Ценность его несомненна, по нему мы можем не только восстановить все этапы приемки, длившейся 15 месяцев (с 14 июня 1806 г. по 5 сентября 1807 г.), но этот сборник является также единственной полной описью всей коллекции Залуских, поступившей в Публичную библиотеку. Следует отметить, что при приеме коллекции Дубровский нередко дополнял и уточнял названия рукописей, вносил разного рода поправки, расписывал некоторые сборники, т. е. принимал коллекцию не формально, хотя Строганов торопил его. 27 апреля 1807 г. Дубровский получил предписание принимать коллекцию просто по счету, не составляя описей¹³. Однако он продолжал работу и закончил ее так же, как и начал.

Одновременно осуществлялась каталогизация принимаемых рукописей. Она велась под руководством и при участии самого хранителя студентами Педагогического института в период с июля 1806 г. по сентябрь 1807 г. В архиве Публичной библиотеки сохранились счета за эти работы на сумму 300 руб., а так как платили 60 руб. с 1 тыс. рукописей, следовательно, студенты закаталогизировали не менее 5 тыс.¹⁴ К сожалению, эта огромная картотека по неизвестным для нас причинам была рассыпана: обнаружены лишь ее остатки, около 900 карточек (159 — в архиве Бычковых¹⁵, более 700 — в западном фонде). Некоторые карточки сохранились в самих рукописях, но их сравнительно немного. Значительная часть найденных карточек написана рукой Дубровского. Карточки содержат краткие сведения о рукописи: название, дату, язык, формат, материал, шифр. По-видимому, они предназначались для алфавитного каталога, ибо к некоторым из них приклеены алфавитные указатели. Работа над коллекцией Залуских еще продолжалась, когда 29 ноября 1807 г. Дубровский получил новое предписание от Строганова о приеме из Сената 50 картонов с папскими буллами и польскими материалами (с хронологическим охватом от 1130 г. по 1793 г.)¹⁶.

⁹ ОР ГПБ, Ф. IV. 493, л. 46—48 об.

¹⁰ АЛОИИ, к. 238, оп. 2, № 251/2, л. 6.

¹¹ Там же, л. 8.

¹² ОР ГПБ, Разн. Ф. XVIII. 174.

¹³ АЛОИИ, к. 238, оп. 2, № 251/2, л. 6 об.

¹⁴ АГПБ, 1806, № 43.

¹⁵ ОР ГПБ, ф. 120 (А. Ф. и И. А. Бычковых), № 1882.

¹⁶ АЛОИИ, к. 238, оп. 2, № 251/2, л. 9.

В награду за проведение всех этих работ в 1807 г. Дубровскому присваивается чин коллежского советника и орден св. Владимира 4-й степени¹⁷.

Наряду с приемом новых рукописей и их расстановкой в Депо ведутся большие переплетные работы. В архиве библиотеки сохранился список отданных в 1810 г. в переплет 107 томов рукописей с XIII по XVIII в. Они переплетались в кожу и красный сафьян. Известно и имя переплетчика — Петр Росликов¹⁸. Безусловно, это не единственная подготовленная Дубровским партия для переплета, он выработал для них настоящую иерархию в зависимости от редкости рукописи: от самых простых (картонные крышки, оклеенные розовой или синей бумагой с уголками и корешком из красной кожи) до роскошных парчевых или сафьяновых с золотым тиснением. Выявлено более 10 видов различных переплетов. Внутри некоторых рукописей встречаются вклеенные между первым листом и форзацем бумажные вкладыши, на которых Дубровский писал для переплетчика название, вытесненное затем на корешке.

По всей видимости, к 1810 г. относится личное знакомство П. П. Дубровского с Г. Р. Державиным, для которого он транскрибировал одну песню в честь девы Марии из поэмы XIII в. Готье де Куэнси по редкому и самому раннему списку, хранящемуся в его собрании¹⁹. Эта песнь была опубликована Державиным в «Чтениях» в 1812 г.²⁰ Как считает акад. М. П. Алексеев, «в русской литературной истории это был первый случай опубликования по древней рукописи средневекового французского текста с русским переводом». Кстати, он же высказал предположение, что известное стихотворение А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» может быть навеяно именно этим переводом Державина, о котором Пушкин, бесспорно, знал²¹.

Вероятно, в связи с указанным сотрудничеством Державин подарил Дубровскому две свои рукописи, на одной из которых он сделал дарственную запись: «Сей манускрипт как охотнику до подобных редкостей подарен самим автором Петру Петровичу Дубровскому в Петербурге 1811 году января 11 числа и подписан собственною моею рукою Гавриил Державин»²².

В этом же году Дубровский получил в дар еще три литературные рукописи: «Риторику» Я. Б. Княжнина²³, черновики писем Д. И. Фонвизина из-за границы и начало его комедии «Обманчивая наружность»²⁴. Даритель — небезызвестный в то время писатель и переводчик Александр Писарев — в сопроводительном письме писал: «Вот почерк руки двух знаменитых наших писателей: трагика и комика. Они вам, милостивый государь, одолжены будут, что и самая их тленность переживет века»²⁵.

Но самым поразительным, быть может, в деятельности Дубровского как хранителя является та поистине беспримечная работа, которая была проделана им по описанию кодексов и документов из своей коллекции. Полной описи его собрания не сохранилось, хотя известно, что

¹⁷ Имп. Публичная библиотека за сто лет. 1814—1914. СПб., 1914, с. 23.

¹⁸ АГПБ, 1806, д. 43, № 25.

¹⁹ ОР ГПБ, Франц. Ф. v. XIV. 9 (Готье де Куэнси. Жизнь и чудеса святой девы Марии).

²⁰ Державин Г. Р. О лирической поэзии.— Чтение в беседе любителей русского слова. СПб., 1812, кн. 6, с. 19—21.

²¹ Алексеев М. П. Из истории русских рукописных собраний.— В кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960, с. 56—57. О П. П. Дубровском см.: там же, с. 36—62.

²² ОР ГПБ, Ф. XIV, 16, 10. Сочинения вначале были поднесены Екатерине II; потом возвращены автору в 1795 г. после ее кончины и подарены им затем Дубровскому.

²³ ОР ГПБ, Ф. XV. 15.

²⁴ Там же, Q. XIV. 20 и Ф. XV. 25.

²⁵ Там же, Ф. XV. 2, л. II.

она существовала²⁶. Но дубликат ее, если можно так выразиться, Дубровский перенес на сами рукописи. Почти каждая из них сопровождается описанием, подчас кратким, порой же превратившимся в развернутую аннотацию, свидетельствующую о том, как он разбирался в содержании рукописей, умел их датировать, определять автора, а нередко и восстановить историю того или иного кодекса или документа. Теперь по этим описаниям можно воссоздать исчезнувшую опись Дубровского, которая представляет несомненный интерес не только для раскрытия содержания коллекции, но и для характеристики эрудиции самого коллекционера, его ученой компетентности, которая, «с легкой руки» А. Н. Оленина, была подвергнута сомнению, и это вошло в литературу о Дубровском. Вот как характеризуется директором библиотеки Дубровский в «Записке о хранителе Депо манускриптов», поданной на высочайшее имя в связи с его уходом на пенсию: «Нельзя однако ж умолчать, что познания его по части палеографической и вообще по ученой части совсем не соответствуют драгоценности поднесенных им рукописей и сведениям необходимо нужным по званию его хранителя Депо манускриптов, в чем главное начальство императорской библиотеки неоднократно по личному испытанию имело уже случай удостовериться»²⁷.

Нам представляется эта характеристика не только неверной, но и субъективной. Образ Дубровского как деятеля русской культуры XVIII в. долгое время оставался в тени. Его знаменитая коллекция затмила самого образвателя, а уничижительная характеристика Оленина довершила дело. Дубровский не мог быть одинаково эрудированным во всех тех областях, по которым представлены в его собрании рукописи. И особенно он уступал в знаниях славянских памятников своему помощнику А. И. Ермолаеву — правой руке Оленина во всех ученых разысканиях последнего. Коллекция Дубровского — в основном западноевропейская, хотя она и включала также 94 восточные рукописи на 15 языках, около 50 славянских и два десятка греческих кодексов²⁸.

Но бесспорно, что Дубровский — воспитанник знаменитого Киево-Могилянского коллегіума (первого на Украине высшего учебного заведения, основанного в XVII в. по западноевропейскому образцу и преобразованного Петром I в Академию) обладал знаниями вполне на уровне науки своего времени. К тому же после пятилетней службы копиистом в Синоде в 1777 г. Дубровский «желая, — как он пишет в послужном списке, — довершить свои учения в иностранных университетах, испросил место церковника при российской церкви в Париже, где сверх того продолжал службу при Посольской канцелярии полномочного министра и кавалера кн. Ивана Сергеевича Барятинского, за что по представлению его сиятельства определен в 1780 г. гос. коллегии иностранных дел к той же миссии студентом»²⁹.

Сохранились каталоги его личной библиотеки, по которым можно составить представление о той специальной справочной литературе, которой он пользовался в своей работе. Здесь и палеографические исследования и всевозможные словари — языковые, толковые и биографические³⁰.

Возникает вопрос, почему Оленин в «Записке», прося для Дубровского в связи с его уходом на пенсию различных наград, тем не менее не удержался от столь нелестной оценки своего сотрудника. После смерти д'Огара в 1808 г. Оленин был назначен помощником главного директора Строганова. Как уже упоминалось, по рескрипту Александра I

²⁶ Воронова Т. П. Первые описи собрания П. П. Дубровского. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности / Всесоюзная научная конференция. Ленинград, 14—16 февраля 1979 г.: Тезисы докладов. Л., 1979, с. 13—14; См. также: Она же. П. П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи. — В кн.: Книги. Архивы. Автографы. М., 1973, с. 101—114.

²⁷ РА, 1878, № 8, с. 441.

²⁸ ОР ГПБ, Разн. Ф. XVIII. 193 (Собрание рукописей Дубровского).

²⁹ АГПБ, 1805, д. 40, № 20.

³⁰ ОР ГПБ, Ф. XVIII. 19, л. 27—41; Лат. Ф. XVIII. 48; Франц. Ф. XVIII, № 21.

Дубровский как хранитель Депо подчинялся непосредственно Строганову, а не Оленину, что последнего, видимо, задевало. Косвенное свидетельство этому мы находим в одном его письме к Дубровскому, где он в насмешку называет последнего «сиром де Куси»³¹ (как известно, девизом этого средневекового французского феодала были слова: «Я не король, не принц, не герцог, даже не граф, я — сир де Куси»).

Имя Оленина вызывало у современников разноречивые толки как о человеке и общественном деятеле. Действительный статский советник, статс-секретарь, он принадлежал по линии матери к русской высшей знати, будучи племянником князя Григория Семеновича Волконского (отца декабриста С. Г. Волконского), получил аристократическое воспитание, обладал немалым состоянием. По словам известного мемуариста Ф. Ф. Вигеля, в целом симпатизирующего Оленину, «он прослужил целый век и приобрел много познаний, правда весьма поверхностных, но которые в его время и в его кругу заставляли видеть в нем чрезвычайно ученого и делового человека»³². Его биограф (И. Кубасов) сообщает, что особенно обильную пищу нареканиям давало постоянное стремление Оленина окружать себя лицами своего «салона», людьми своего круга. Многие современники говорят о его «заискивании у сильных», утверждают, что весьма тактично он пользовался расположением к нему А. С. Строганова³³ (кстати, при жизни последнего никаких претензий к Дубровскому он не предъявлял). Дубровский же не только не был вхож в его «салон», но ни по происхождению, ни по возрасту, ни по положению в обществе не относился к лицам его круга. Он принадлежал к старому екатерининскому времени, тогда как Оленин был типичным представителем александровской эпохи. Нельзя забывать также, что интерес Дубровского к французской культуре накануне Отечественной войны 1812 г., в период антифранцузских настроений был весьма не ко времени.

После смерти Строганова в 1811 г. Оленин был назначен директором библиотеки. На следующий же день после назначения он подал рапорт министру народного просвещения А. К. Разумовскому, где ставил вопрос о правомочности проживания Дубровского в здании библиотеки и одновременно о его непосредственном подчинении директору. В конце октября Оленин получил положительное для себя решение министра по обоим вопросам, а также предписание проверить наличие рукописей в Депо манускриптов³⁴.

Приведем выдержку из неопубликованной объяснительной записки Дубровского от 14 ноября 1811 г., автограф которой хранится среди его личных бумаг в архиве ЛОИИ, в составе коллекции Н. П. Лихачева. Она, бесспорно, характеризует остроту отношений Дубровского и Оленина. Сообщив, что он получил предписание директора с приложенной выпиской решения министра, Дубровский писал далее: «Что касается до сохранности вверенного мне Депо, Вы, милостивый государь, изволили уже видеть, что большая часть манускриптов, принадлежавшая к коллекции Залуского, изуродована от неосторожности в перевозке и худой укладки. Многие из рукописей, будучи подмочены, заражены гнильностью, другие совсем рассыпались, иные пополам разрезаны и требовали много труда собрать рассеянные части, привести их в порядок и сделать сочинения целыми. Для сохранности же их и излечения от заразы, мало-помалу их истребляющей, потребно большое иждивение и особенно присяжный переплетчик, что зависит от вашего соизволения, а не от меня; следовательно, и разрушение их до моей ответственности принадлежать не может.

Коллекция же бывшая моя, несмотря на частые перевозки, морем и сухим путем из самых дальних стран,— пишете он с гордостью,— нахо-

³¹ АЛОИИ, к. 238, оп. 2, № 251/2, л. 24—25.

³² Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1892, ч. 4, с. 144.

³³ Кубасов Ив. Оленин Алексей Николаевич.— РБС. СПб., 1905, т. 13, с. 218.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 15, д. 4, л. 1—5.

дится в такой свежести и сохранности, которой все посетители удивляются. Известная всем моя привязанность и страстная охота... удержат ее во всей целостности до тех пор, пока меня не разлучат с нею»³⁵, — так Дубровский уже предчувствовал намерение Оленина. Нам неизвестно, была ли отправлена эта записка, поскольку ее автограф остался в архиве Дубровского. Судя по тону, она явно была написана хранителем сгоряча.

12 ноября 1811 г. Оленин организовал срочную проверку Депо. К ней был привлечен чуть ли не весь тогда штат библиотекарей (Двигубский, Семигановский, Красовский, аббат де Грандидье, помощник хранителя Ермолаев, помощники библиотекаря Козловский, Сопиков, Гнедич, Федор Ласковский). Проверка длилась три с половиной месяца, вплоть до 2 марта 1812 г. В упомянутых описях, по которым Дубровский принимал рукописи от д'Огара, имеются расписки всех девяти проверявших его библиотекарей с указанием, что никаких недостатков не обнаружено³⁶. Однако в «Записке» (по поводу ухода Дубровского на пенсию) этот вывод был сформулирован более уклончиво: «... существенного по сей проверке недостатка ни в какой части не оказалось»³⁷.

Сразу после проверки Дубровский заболел, так что «почти не было надежды на его выздоровление»³⁸. 17 марта он написал Оленину письмо, в котором, в частности, просил: «Но поелику болезнь моя привела меня в такое расслабление, что я сомневаюсь получить выздоровление, то дабы сестры мои, не имеющие никакого состояния, не могли иметь особенных беспокойств в приискании суммы, нужной для предания тела моего земле, я прошу, Ваше превосходительство, употребить благодетельное старание ваше исходатайствовать на сей случай ту сумму 2800 руб. сер., которую употребил я на перевозку книг из Парижа в Гамбург, а оттуда в Петербург. Касательно же получаемого мною пенсионом 3000 руб. асс., половину или часть оного обратить бедным престарелым двум родным моим сестрам Марии Чулошниковой и Софии Шенгелидзе-вой, кои никакого состояния не имеют и в крайней находятся бедности»³⁹.

5 апреля 1812 г. во время болезни Дубровский был отстранен от должности, пробыв хранителем всего семь лет. Ему был присвоен чин статского советника, дана прибавка к пенсии и орден св. Анны 2-й степени с бриллиантовым знаком⁴⁰. Вот как сообщил Оленин об этом Дубровскому: «5 апреля 1812 г. Статс-секретарь Оленин en sueur [в поте лица] уведомляет его высокородие господина статского советника Петра Петровича Дубровского, что сего дня он в сей чин всемилостивейше пожалован с присовокуплением к тому бриллиантовых знаков ордена св. Анны 2-го класса, с оставлением пенсии по 3000 в год ассигнациями и с обращением оной по жизни сестрицам Петра Петровича по смерти их, с присовокуплением к сей старой пенсии новой по 1000 серебром в год, и, наконец, одновременные издержки на перевоз книг и поправку комнат велено заплатить. Теперь можно спросить Петра Петровича Дубровского: Es-tu content, Cousu? [Доволен ли ты, Куси?]. Неужели он скажет: Cousi-cousi! [Так себе, не особенно]»⁴¹. Нельзя не заметить, что насмешливый тон письма явно не соответствует серьезности сообщаемой адресату новости.

Спустя два года, 2 января 1814 г., на торжественном собрании по случаю открытия Публичной библиотеки имя П. П. Дубровского отсутствует среди огромного числа приглашенных (более 300 человек)⁴².

³⁵ АЛОИИ, к. 238, оп. 2, № 251/2, л. 17—18.

³⁶ ОР ГПБ, Разн. Ф. XVIII. 174.

³⁷ РА, 1878, № 8, с. 440.

³⁸ Имп. Публичная библиотека за сто лет, с. 68.

³⁹ РА, 1878, № 8, с. 438.

⁴⁰ ОР ГПБ, Ф. XVIII. 7 (Отчет за 1812 г.), л. 19 об.

⁴¹ АЛОИИ, к. 238, оп. 2, № 251/2, л. 24—25.

⁴² Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки..., с. 107—126.

Отголосок несправедливой, на наш взгляд, неприязни библиотечного начальства к Дубровскому нашел отражение и в официальной истории библиотеки за 100 лет: «Притязания Дубровского к библиотеке этим еще не кончились: он стал требовать, чтобы за его квартиру платила библиотека, и желал получить уплату за оставленный им в Депо свиток египетских иероглифов. Граф Разумовский приказал уплатить за квартиру с 1 ноября 1811 по 5 апреля 1812 г. и 22 руб. 50 коп. за свиток, но вместе с тем велел отобрать от Дубровского подписку, что более никаких претензий он к библиотеке не имеет. После этого Дубровский действительно не обращался уже к библиотеке ни с какими претензиями; 9 января 1816 года он умер»⁴³. Кстати, отметим, что Дубровский оставил библиотеке не только египетский свиток из своей коллекции, но также многие рукописи, подаренные ему после 1805 г., в частности упоминавшиеся рукописи Державина и Фонвизина.

Среди бумаг Дубровского в коллекции Лихачева хранится прошение в суд, составленное его сестрой М. П. Чулошниковой в 1818 г.⁴⁴. В нем содержатся весьма любопытные сведения, касающиеся Дубровского. В течение 10 лет сестра вела его хозяйство (он был холост) и потому ее свидетельство заслуживает доверия: «... брат мой, — писала она, — по самую смерть свою не имел о себе никакого недвижимого имущества, ни капитала на сохранение положенного, а жил, по получении от службы отставки, одною своей пенсией». А так как этой пенсии не хватало, то к моменту смерти Дубровского накопился долг в 10 тыс. руб. «за разные заборы провизии и прочие припасы». По распоряжению брата этот долг она должна была покрыть, продав «всю мебель и вещи, серебро, чашки и фарфор и библиотеку, в малом количестве состоящую». И далее она писала: «Брат не оставил по себе никакого капитала, кроме найденных в комоды при свидетелях 50-ти рублей ассигнациями, да вещей в бриллиантовом ордене св. Анны состоящего». На полученные под залог от этих бриллиантов деньги Дубровский был похоронен на Смоленском кладбище⁴⁵.

И в заключение приведем несколько строк из письма Дубровского Оленину от 7 апреля 1812 г.: «Неблагоугодно ли будет, Ваше превосходительство, учредить мою отставку таким образом, чтобы я как первый основатель Депо манускриптов считался навсегда в нем почетным хранителем, чему есть многие примеры в Германии и Англии, сделанные в честь основателей. Притом же я буду всегда нужен для объяснения исторических манускриптов, которые другому известны быть не могут»⁴⁶.

Отмечая 175-летие Отдела рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, мы отдаем должное этому человеку, что бы ни писали о нем Оленин и составители до-революционной истории библиотеки, посвятившему свою жизнь одной цели — собиранию рукописных памятников для отечества. Когда Дубровский обращался с просьбами о заслуженной оценке его деятельности и о выделении средств к существованию, он имел в виду, что эти вознаграждения быть может «в соотчичах наших зародят благородное соревнование привозить из чужих краев вместо богатых гардеробов, кружев, фарфоровых сервизов и прочего разные предметы учености, обогащающие науки и художества»⁴⁷.

⁴³ Имп. Публичная библиотека за сто лет, с. 69.

⁴⁴ АЛОИИ, к. 238, оп. 2, № 251/2, л. 37—42.

⁴⁵ «Дубровский Петр Петрович, ст. сов. и кавалер, первый основатель и хранитель Депо манускриптов имп. библиотеки, р. 9 декабря 1754, ум. 9 января 1816. Памятник сей во свидетельство достодожной любви к брату и благодарности к благодеяниям соорудила над его гробом родная сестра, вдова майорша Мария Петровна Чулошникова, рожд. Дубровская июня 29 дня 1816 г. в С.-Петербурге». — Петербургский некрополь. СПб., 1912, т. 2, с. 95.

⁴⁶ РА, 1878, № 8, с. 438.

⁴⁷ Там же, с. 439.

К ВОПРОСУ О ПУБЛИКАЦИИ РАБОТ В. И. ЛЕНИНА
В МЕСТНОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ
НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

(по материалам Нижнего Поволжья)

Распространение большевистской партией ленинских идей в массах явилось одной из важнейших субъективных предпосылок победы Великого Октября. Осветить эту сторону деятельности большевиков позволяет, в частности, изучение местной партийной прессы.

Наиболее часто встречающиеся в ней перепечатки ленинских произведений 1917 г. впервые были рассмотрены Х. М. Астраханом¹. Фронтальное выявление публикаций статей и речей В. И. Ленина дооктябрьского периода в большевистской печати провели сотрудники ИМЛ при ЦК КПСС. Результаты их многолетних поисков отражены в различных историко-библиографических изданиях². В последние годы некоторыми исследователями предпринимались попытки на основе ряда архивных документов, а также изучения местной прессы уточнить или дополнить уже имеющиеся сведения из истории перепечатки и распространения ленинских произведений в России, путем подсчетов определить масштабы такой публикаторской деятельности большевиков. Как справедливо отметил М. С. Волин, несмотря на несомненные успехи в разработке вопроса, на сегодняшний день выявлены далеко не все публикации ленинских работ на местах³.

Так, в имеющихся ныне библиографических справочниках и хрониках среди публикаций, осуществленных накануне Октября лишь в нижевожском регионе (Саратов, Царицын, Астрахань), не упомянуты, по крайней мере, 11 ленинских произведений⁴: доклад В. И. Ленина на VII (Апрельской) конференции о текущем моменте, написанные им и принятые конференцией резолюции о пересмотре партийной программы и о войне, «Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой», «Материалы по пересмотру партийной программы», статьи «Как мы доехали», «Восемнадцатое июня», «Куда привели революцию эсеры и меньшевики?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», ленинский Декрет о мире и обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!» от 25 октября 1917 г.⁵

¹ Астрахан Х. Произведения В. И. Ленина в местных большевистских газетах 1917 года.— Советская печать, 1956, № 11, с. 9—10.

² Большевистская партийная периодическая печать в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март — ноябрь 1917 г.): Библиографический указатель. М., 1957; Хронологический указатель произведений В. И. Ленина. М., 1962. Ч. 2; Большевистская периодическая печать (декабрь 1900 г.— октябрь 1917 г.): Библиографический указатель. М., 1964; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. Март — октябрь 1917 г.

³ Волин М. С. Публикация произведений В. И. Ленина комитетами РСДРП(б) в 1917 г.— Вопросы истории КПСС, 1977, № 4, с. 113; См. также: Совокин А. М. К истории публикации работ В. И. Ленина перед Октябрем.— Вопросы истории КПСС, 1974, № 12.

⁴ Это составляет приблизительно 1/3 общего числа ленинских работ, опубликованных в Нижнем Поволжье за это время.

⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 119—121, 342—360, 403—406, 414—415; т. 32, с. 135—162, 195—197, 360—362, 370—372, 418; т. 35, с. 11—18; Социал-демократ (Саратов), 1917, 5, 11, 31 мая, 9, 24 июня, 2, 4, 5, 20 июля, 4 ноября; Борьба (Царицын), 1917, 7 и 11 июля; ГАСО, фонд листовок, № 1683, 2186, 2928, 6400. В «Хронологическом указателе произведений В. И. Ленина» (ч. 2, с. 103) упоминается перепечатка Декрета о мире лишь в меньшевистской газете «Рабочая мысль» (Царицын).

Трудности поисков вызваны прежде всего плохой сохранностью многих периферийных изданий, а также их распыленностью по архивам и книгохранилищам⁶. В этой связи представляется необходимым тщательное изучение не только комплектов газет, но и коллекций листовок, а также документальных материалов, хранящихся как в архивах, так и в музеях страны.

Вместе с тем, нынешний уровень разработки темы позволяет наряду с активизацией дальнейших поисков и уточнением количественной стороны вопроса поставить и ряд конкретных археографических проблем. Одна из них — установление первоисточников публикации ленинских работ местными комитетами партии. Важность этого вопроса определяется, в частности, тем, что его выяснение позволяет уточнить характер и формы связей комитетов с центральными органами партии.

Разумеется, важнейшим каналом, по которому произведения В. И. Ленина поступали на периферию, была центральная печать — газеты «Правда», «Солдатская правда», московский «Социал-демократ» и другие, в которых эти произведения обычно публиковались впервые. В ряде случаев на основе текстологических сопоставлений (совпадение отдельных элементов типографского оформления, шрифтовых выделений и т. д.) можно с полной определенностью указать именно на этот первоисточник.

Так, например, ленинскую статью «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского»⁷ царичинская газета «Борьба» (1917, 11 июля) перепечатала из «Листка „Правды“» (1917, 6 июля). Об этом свидетельствуют: слово «сегодня» в первом абзаце, которое не соответствовало времени местной публикации (разрыв составил 5 дней); идентичность примечаний к одному и тому же абзацу; полное совпадение текста, набранного курсивом; отсутствие, как и в «Листке „Правды“», последней фразы, опубликованной позднее.

Из «Правды», судя по всему, были перепечатаны местными газетами также ленинские статьи: «Большевизм и „разложение“ армии»⁸, «Есть ли путь к справедливому миру?»⁹, «Великий отход»¹⁰, «Введение социализма или раскрытие казнокрадства?»¹¹, «Восемнадцатое июня»¹², «Как Родзянко оправдывается»¹³, «Куда привели революцию эсеры и меньшевики?»¹⁴ и др. Интервал во времени публикации названных статей в центральной и местной печати, как правило, составлял всего несколько дней.

Иногда ленинские работы перепечатывались в местных газетах дважды, что можно объяснить наличием различных источников для каждой из этих публикаций. Так, «Резолюцию об экономических мерах борьбы с разрухой» саратовский «Социал-демократ» вначале привел частично в одной из статей (редакция располагала тогда лишь текстом проекта, заимствованным из московской большевистской газеты «Социал-демок-

⁶ О наличии большевистских газет Нижнего Поволжья за 1917 г. см.: Головкин Г. М. Отчеты о денежных сборах на легальную партийную печать как источник (по материалам Нижнего Поволжья, 1917 г.). — АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 123, прим. 7.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 418.

⁸ Ср.: Правда, 1917, 3 июня; Социал-демократ (Саратов), 1917, 9 июня (публикация имеет ссылку на «Правду»); Борьба, 1917, 16 июня; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 255—257.

⁹ Ср.: Правда, 1917, 7 июня; Борьба, 1917, 17 июня; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 304—305.

¹⁰ Ср.: Правда, 1917, 8 июня; Социал-демократ (Саратов), 1917, 14 июня; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 310—312.

¹¹ Ср.: Правда, 1917, 9 июня; Социал-демократ (Саратов), 1917, 15 июня; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 318—320.

¹² Ср.: Правда, 1917, 20 июня; Социал-демократ (Саратов), 1917, 24 июня; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 360—362.

¹³ Ср.: Правда, 1917, 21 июня; Социал-демократ (Саратов), 1917, 25 июня; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 369.

¹⁴ Ср.: Правда, 1917, 22 июня; Борьба, 1917, 7 июля; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 370—372.

рат»), а затем, после появления уже утвержденной резолюции в «Правде», поместил ее еще раз полностью¹⁵.

То же следует сказать и о «Письме в редакцию „Новой жизни“»¹⁶. Первый раз саратовские большевики опубликовали его в своем печатном органе под другим заголовком и не полностью, оговорившись, что текст взят из буржуазной газеты «Русское слово», так как «Новая жизнь» еще не поступила в Саратов; а в следующем номере — целиком и с заголовком «Письмо в редакцию „Новой жизни“»¹⁷.

Сопоставление дат появления отдельных ленинских работ в центральной и местной печати, сравнение текстов позволяет в то же время сделать вывод, что не всегда мы имеем дело с перепечатками из других газет. В частности, материалы, связанные с работой I Всероссийского съезда Советов («Речь об отношении к Временному правительству», «Речь о войне»), были обнародованы в Саратове *до того*, как полные тексты их поместила «Правда»¹⁸. Объяснение этому факту может быть двойное: или источником публикации служили сообщения Петроградского телеграфного агентства, которое подробно освещало в те дни работу съезда (его сообщения публиковались под рубрикой «Телеграммы»¹⁹, или, что также вероятно, материалы съезда присылали его делегаты «саратовцы» М. И. Васильев-Южин или В. П. Милютин (одновременно с речами В. И. Ленина в саратовской большевистской газете были помещены «Письма из Петрограда» о съезде М. И. Васильева-Южина²⁰).

Наоборот, ленинское «Воззвание к солдатам всех воюющих стран» появилось в газете «Борьба» лишь спустя два месяца после того, как оно было напечатано в «Правде». Объясняется это тем, что «Борьба» стала выходить значительно позднее²¹. Обращают на себя внимание и различия в текстах, приводимых центральной и местной газетами. Можно предположить поэтому, что первоисточником для публикации воззвания в Царицыне в данном случае послужила листовка, которая по указанию ЦК партии распространялась в то время среди солдат воюющих армий на русском, немецком и других языках²².

Существовали и другие пути доставки работ В. И. Ленина на периферию. Как показывают последние изыскания, наиболее важные из этих работ выходили в центральном издательстве «Прибой» в виде отдельных брошюр²³ и направлялись непосредственно Секретариатом ЦК РСДРП(б) местным партийным организациям²⁴. Таким образом, по значению они приравнивались, по существу, к директивам партии. Вот почему именно эти (присланные) материалы публиковались в местной печати, как правило, в обязательном порядке (в отличие, например, от выборочной перепечатки статей из «Правды»). Таковы материалы VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов», «Воззвание к солдатам всех воюющих стран», «Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой», «Материалы по пересмотру партийной программы», статья «К лозунгам» и

¹⁵ Социал-демократ (Москва), 1917, 25 мая; Правда, 1917, 4 июня; Социал-демократ (Саратов), 1917, 31 мая, 9 июня.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 6—7.

¹⁷ Социал-демократ (Саратов), 1917, 14 и 15 июля.

¹⁸ Правда, 1917, 15, 16, 30 июня, 1, 2 июля; Социал-демократ (Саратов), 1917, 11 и 14 июня; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 263—291.

¹⁹ Социал-демократ (Саратов), 1917, 7, 8, 9, 10 июня.

²⁰ Социал-демократ (Саратов), 1917, 11 июня.

²¹ В «Правде» воззвание было напечатано 21 апреля, в газете «Борьба» — 17 июня 1917 г. Царицынские большевики приступили к выпуску газеты лишь во второй половине мая 1917 г.

²² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 293—296, 555, прим. 136.

²³ Волин М. С. Указ. соч., с. 114; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1а, д. 79, л. 172.

²⁴ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.): Сб. док. М., 1957, т. 1, с. V—VI; Аникеев В. В. Журнал исходящих документов ЦК РСДРП(б) за 1917 г. — В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1968, вып. 2, с. 81—84; Он же. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году: (Хроника событий). М., 1969, с. 122, 144, 153, 173, 229.

др. Их публиковала вся местная пресса²⁵. Так, «Материалы по пересмотру партийной программы» были направлены Секретариатом ЦК в Саратов 23 июня 1917 г.²⁶, а опубликованы в местной газете в начале июля²⁷.

Иногда ленинские работы привозили с собой возвращавшиеся из столицы делегаты местных партийных организаций или доставляли представители ЦК, направляемые на места.

Другая не менее важная сторона вопроса касается способов воспроизведения и форм публикации ленинских материалов. Все это имеет существенное значение при организации поиска таких публикаций. Следует учитывать, в частности, что работы В. И. Ленина перепечатывались не только в местных большевистских газетах, но и издавались в виде брошюр, а в дни Октября довольно распространенным способом их воспроизведения стала листовка. Известно, например, что астраханское издательство «Рабочее дело» накануне революции выпустило несколько брошюр В. И. Ленина: «К лозунгам», «Корень зла» (первая часть статьи «Из дневника публициста»), «О компромиссах», а в саратовском издательстве «Борьба» вышла брошюра «Удержат ли большевики государственную власть?»²⁸. Первые советские декреты о мире, о земле, воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», «Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства» от 26 октября 1917 г. были отпечатаны на отдельных листах в качестве приложений к местным газетам. Они же предназначались для расклейки²⁹.

Газетные публикации отличаются большим разнообразием в формах передачи ленинских текстов. Их анализ позволяет наметить несколько возможных вариантов: 1) ленинский текст в местном издании воспроизведен полностью и под авторским заголовком; 2) перепечатка содержит пропуски или разночтения; 3) текст тот же, но заголовок изменен; 4) текст дан в изложении (газетный отчет); 5) ленинская работа публикуется частично или цитируется в статье местного автора.

Как правило, определенную трудность представляет обнаружение перепечаток ленинских произведений в последних трех случаях. Приведем несколько примеров расхождений в заголовках (курсивом выделены заголовки, данные местными редакциями): «Материалы по пересмотру партийной программы» — «*О пересмотре партийной программы*»; «Письмо в редакцию „Новой жизни“» — «*К травле большевиков*»; «Письмо в редакцию „Пролетарского дела“» — «*Заявление Ленина и Зиновьева*»³⁰. Иногда новый, редакционный заголовок отражал какие-то изменения, которые претерпел первоначальный текст. Такова, например, публикация под заголовком «Современный момент и наши задачи», помещенная в качестве передовой статьи в саратовской газете «Социал-демократ» от 30 апреля 1917 г. Только тщательное изучение текста позволяет установить, что этот материал составлен из двух резолюций ЦК РСДРП(б) (обе написаны В. И. Лениным), посвященных апрельскому кризису: одна была принята 21-го, другая — утром 22 апреля 1917 г.³¹, причем соединены они не в хронологическом порядке. Кроме того, в ма-

²⁵ Социал-демократ (Саратов), 1917, 30 апреля, 5, 11, 31 мая, 9 июня, 2, 4, 5 июля; Борьба, 1917, 22 мая, 2, 17 июня; Астраханский рабочий, 1917, 3 сентября.

²⁶ Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году, с. 173.

²⁷ Такое сопоставление по срокам высланных ЦК и опубликованных на местах материалов помогает подчас уточнить, какие именно материалы высылались. Так, в документах ЦК имеются сведения, что Секретариат 3 июня 1917 г. направил партийным организациям 84 бандероли с резолюциями, название которых не было указано (Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году, с. 146). На основании же последовавших затем на местах публикаций можно утверждать, что речь шла о «Резолюции ЦК РСДРП(б) по поводу нот Англии и Франции от 11 и 13 мая 1917 г.» Она была опубликована 7 июня одновременно в нижеволовских газетах «Борьба» и «Социал-демократ».

²⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 342, 360; Хронологический указатель произведений В. И. Ленина, ч. 2, с. 88.

²⁹ ГАСО, фонд листовок, № 1680, 1686, 1809, 2186, 2925, 2959, 6395, 6586 и др.

³⁰ Социал-демократ (Саратов), 1917, 2, 4, 5, 15 и 21 июля; Борьба, 1917, 18 июля.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 309—311, 319—320.

териале отсутствует деление на пункты, которое есть в оригинале, отдельные пункты опущены, имеются и разночтения в тексте.

То же можно сказать и о газетных отчетах. Поиск ленинских документов в этих случаях облегчается, если в отчете дано прямое указание на их авторскую принадлежность, например «Выступление Ленина», «Речь Ленина», «Ленин о мире», «Ленин об уничтожении помещичьей собственности»³². Однако не всегда газетные отчеты снабжены подобными подзаголовками³³.

Нелегко бывает обнаружить ленинский текст, когда он опубликован неполностью³⁴, особенно если отрывок или цитата включены в собственные материалы газеты. Так, выдержки из написанной В. И. Лениным и принятой VII (Апрельской) конференцией РСДРП(б) «Резолюции о войне» были нами обнаружены в статье М. И. Васильева-Южина «Коалиционное правительство и революционная демократия»³⁵.

Необычна история публикации ленинской резолюции о пересмотре партийной программы, также принятой Апрельской конференцией. Она появилась в саратовском «Социал-демократе» два с половиной месяца спустя после ее опубликования в газете «Солдатская правда». Резолюция оказалась включенной в газетный отчет о работе Саратовской общегородской партконференции, поскольку на ней при обсуждении проекта программы одним из выступавших был зачитан текст данной резолюции³⁶.

В ряде случаев ленинские работы как таковые хотя и не публиковались в местной печати, но тем не менее оказывали непосредственное влияние на содержание многих статей собственных корреспондентов газет. Это проявляется, например, в сходстве заголовков близких по тематике статей В. И. Ленина и статей местных авторов³⁷, совпадении в них отдельных выражений³⁸. Иногда газеты ссылаются на работы В. И. Ленина³⁹.

Наконец, заслуживает внимания и такой вопрос, как выяснение мотивов отбора тех или иных ленинских статей для публикации в местных изданиях (речь прежде всего идет о перепечатках из «Правды»). Определяющую роль при этом играли конкретные социальные и политические условия, в которых приходилось действовать комитетам РСДРП(б), а также занимаемые ими в то время тактические позиции. Имел, видимо, значение и чисто формальный признак: перепечатывались, как правило, те статьи В. И. Ленина, которые шли за его подписью (уже это указывало на особую важность данного материала).

Так, царьцынских большевиков, например, накануне Октября интересовали в первую очередь ленинские произведения, в которых рассматривались аграрный, а также военный вопросы. Причина состояла в том, что местная организация РСДРП(б) главное внимание в своей деятельности, как отмечалось в материалах VI съезда партии, уделяла преиму-

³² Социал-демократ (Саратов), 1917, 11 июня, 4 ноября.

³³ См., например: Социал-демократ (Саратов), 1917, 11 мая, «Всероссийская конференция».

³⁴ В газете «Астраханский рабочий» от 29 октября 1917 г. опубликована предпоследняя глава работы В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Предшествующие номера газеты не сохранились. Возможно, в них были опубликованы и другие главы ленинской работы.

³⁵ Социал-демократ (Саратов), 1917, 5 мая.

³⁶ Социал-демократ (Саратов), 1917, 20 июля. Этим, в частности, можно объяснить, почему подобные публикации не нашли отражения в существующих библиографических указателях.

³⁷ Ср.: Ленин В. И. Как окончить войну? (Полн. собр. соч., т. 32, с. 398—400) и Ерман Я. Как окончить войну? (Борьба, 1917, 23 июля); Ленин В. И. К лозунгам (Полн. собр. соч., т. 34, с. 10—17) и «Нечто о лозунгах», «Что значит „Вся власть Советам!“» (Борьба, 1917, 22 и 27 июля).

³⁸ Сопоставление текстов показывает, что начальная фаза «Карты раскрыты» ленинской статьи «Нота Временного правительства» была использована в качестве заголовка саратовской большевистской газетой (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 297; Социал-демократ, 1917, 30 апреля).

³⁹ См., например, статью «Капиталистов нельзя, солдат можно» со ссылкой на речь В. И. Ленина об отношении к Временному правительству на I Всероссийском съезде Советов (Социал-демократ (Саратов), 1917, 5 июля).

щественно солдатским массам, которые состояли в основном из вчерашних крестьян и которых глубоко волновали проблемы мира и земельных отношений⁴⁰. Поэтому не случайно в местной большевистской газете мы находим такие работы В. И. Ленина, как «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов», резолюция Апрельской конференции по аграрному вопросу, резолюция ЦК РСДРП(б) по поводу нот Англии и Франции от 11 и 13 мая 1917 г., статьи «Большевизм и „разложение“ армии» и «Есть ли путь к справедливому миру?», «Воззвание к солдатам всех воюющих стран» и др.⁴¹ Обострение борьбы большевиков с мелкобуржуазными партиями, усиление нападок буржуазной прессы на ленинскую партию летом 1917 г. объясняют нам причины публикации в местных газетах статей В. И. Ленина «Куда привели революцию эсеры и меньшевики?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», писем в редакции газет «Новая жизнь» и «Пролетарское дело». Так, первая статья была помещена в номере царичинской «Борьбы», целиком посвященном предстоящим через два дня выборам в городскую думу, а «Письмо в редакцию „Новой жизни“» соседствовало с такими собственными материалами газеты, как «Революция в опасности», «Аресты», «Безобразные явления» и другими, характеризующими наступление контрреволюции после июльских дней⁴².

Интерес саратовского «Социал-демократа» к проблемам экономики (см. ленинскую «Резолюцию об экономических мерах борьбы с разрухой», статьи «Введение социализма или раскрытие казнокрадства?» и «Великий отход»⁴³) можно объяснить, в частности, тем обстоятельством, что в газете сотрудничал специалист по этим вопросам член ЦК РСДРП(б) В. П. Милютин. Не случайно в одном из последующих номеров газета опубликовала статью Милютина по материалам его выступления на I Всероссийском съезде Советов — «Экономический развал и борьба с ним»⁴⁴.

Знание конкретной ситуации на местах в ряде случаев позволяет также раскрыть причины встречающихся пропусков в перепечатываемых ленинских текстах. Так, «Социал-демократ», публикуя резолюцию ЦК РСДРП(б) от 21 апреля 1917 г., опустил пункты 6—8, в которых осуждалась как глубоко ошибочная, мелкобуржуазная «политика доверия и соглашения с правительством капиталистов»⁴⁵. Известно, что как раз в этот период саратовские большевики допускали колебания по вопросу об отношении к Временному правительству⁴⁶.

Изучение истории публикации и пропаганды на местах наиболее значительных произведений В. И. Ленина позволяет, таким образом, вскрыть степень воздействия этих работ на деятельность местных партийных организаций, а также яснее представить себе происходившие в них в 1917 г. внутренние процессы, связанные с восприятием и усвоением великих ленинских идей. Публикация статей и речей В. И. Ленина в местной печати, как свидетельствуют факты, имела важное мобилизующее значение. Они выполняли роль руководящих партийных документов, раскрывали главные направления политики партии, а с другой стороны, в значительной степени определяли тематику собственных материалов периферийных изданий.

Наши наблюдения лишней раз подтверждают целесообразность дальнейших поисков. Определение подлинных масштабов публикации ленинских произведений в предреволюционной России требует концентрации усилий местных архивов, музеев и библиотек.

⁴⁰ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958, с. 367—370.

⁴¹ Борьба, 1917, 22 мая, 2, 7, 16 и 17 июня.

⁴² Борьба, 1917, 7 и 18 июля.

⁴³ Социал-демократ, 1917, 9, 14 и 15 июня.

⁴⁴ Социал-демократ (Саратов), 1917, 25 июня.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 311.

⁴⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, т. 3, кн. 1, с. 72; Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967, с. 83.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. С. ОЛЬМИНСКОГО ПО ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

В литературе по археографии отмечаются заслуги М. С. Ольминского в области публикации источников¹, но нет анализа этой деятельности. Изучение данной темы представляет немалый научный интерес еще и потому, что особенно активно Ольминский работал как публикатор, организатор, руководитель и редактор изданий источников по истории Коммунистической партии, Октябрьской революции, революционного рабочего движения, советского общества в 1920—1924 гг., т. е. в такой период, когда делались первые шаги, разрабатывалась археография источников указанных отраслей исторической науки.

В статье сделана попытка проанализировать деятельность М. С. Ольминского по публикации источников и организации этой работы, главным образом до 1925 г., кроме вопроса об его участии в издании ленинского литературного наследия, который был уже исследован².

Опыт издания источников у Ольминского был немалый. С 1891 г. работая статистиком в статистическом отделе петербургской губернской земской управы (1891 — начало 1894 гг.), он обрабатывал собранный экономистами и статистиками полевой материал, составлял таблицы³.

Осенью 1891 г. с помощью Ольминского были опечатаны на гектографе речи четырех петербургских рабочих на первом в России праздновании 1 Мая⁴. В начале 1894 г. «Группа народолюбцев», в которую входил и Ольминский, выпустила гектографированный «Рабочий сборник». Ольминский был одним из двух его составителей и редакторов, автором вступительной статьи. Уже в этом первом печатном политическом выступлении он призывал к изучению истории рабочего движения. В качестве приложения к статье «Стачка на ткацкой мануфактуре Воронина» (статья без подписи) им было помещено письмо рабочего — участника стачки, в котором излагалась история эксплуатации рабочих этой фабрики за 14 лет. В предисловии к нему сказано, что письмо — «один из подлинных документов», которым пользовались при подготовке статьи. Расхождение данных в статье и письме объясняются тем, что статья написана на основании ряда документов⁵.

Обе публикации были предприняты в политических целях. Они являются редкими и ценными документами по истории рабочего движения, изданными в тот период.

Будучи одним из редакторов большевистских газет — «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» (1905), Ольминский под руководством В. И. Ленина участвовал в издании источников по истории рабочего движения, истории РСДРП на страницах этих газет.

В 1906 г., опираясь на свой опыт в издании источников, Ольминский прорецензировал № 1 журнала «Былое», который начал публиковать

¹ История советской археографии: Учебное пособие. М., 1966, вып. 2, с. 9, 10, 19, 20; Булыгин И. А. Археография. — СИЭ. М., 1961, т. 1, стб. 813.

² Михайлова Н. М. М. С. Ольминский как историк и руководитель Истпарта: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1977, с. 13—14.

³ Материалы по статистике народного хозяйства. СПб., 1891—1894, вып. 6—8. Крестьянское хозяйство; вып. 9—16. Частновладельческое хозяйство. Документы и материалы об этом см.: Старый большевик, 1934, № 2 (10), с. 54, 84.

⁴ Переизданы им же в кн.: От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894 гг.) [Ростов н/Д], 1921, с. 71, 121—127.

⁵ Рабочий сборник. 1-е апреля 1894 года. Издание народолюбцев. — Красная летопись, 1922, № 4, с. 354—355.

источники по истории революционного движения в России. Проанализировав помещенные в номере материалы, принцип их отбора, он высказал важное методологическое положение: темы и источники при подготовке к публикации надо отбирать так, чтобы они правильно отражали революционное движение как массовое движение, показывали не только его видных деятелей и яркие исторические события, но основное внимание уделяли рабочему движению⁶. По совету В. И. Ленина Ольминский публиковал в этом журнале свои воспоминания⁷.

В 1907 г. Ольминский (редактор большевистского книгоиздательства «Вперед») издал сборник «Памяти погибших», в котором поместил некрологи, корреспонденции — все, что публиковалось в петербургских большевистских газетах 1905—1906 гг. об этих участниках социал-демократического движения⁸. В предисловии к сборнику он мотивировал необходимость издания материалов, относящихся к биографиям погибших участников революции 1905—1907 гг., рабочего, социал-демократического движения как нуждами революционной борьбы, так и потребностью изучения истории партии, революционного движения, писал о значении некрологов и других источников биографического характера для этих целей⁹.

В 1910—1914 гг. Ольминский принимал участие в публикации документов по истории революционного рабочего движения, о борьбе правительства и эксплуататорских классов против пролетариата в газетах «Звезда», «Невская звезда», «Правда», которыми руководил В. И. Ленин. Это были резолюции собраний организованных рабочих, их письма, протокольные записи выступлений депутатов-большевиков в Государственной думе, а также документы из враждебного лагеря, как, например, секретное письмо вице-председателя общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района членам этого общества от 30 апреля 1912 г. и др. Документы печатали в политических целях. Источники из враждебного лагеря публиковали по нотариальной копии. Этого требовала практика революционной борьбы. Большевистская пресса стремилась достичь наибольшей доказательности отстаиваемого положения, лозунга, взгляда, постановки вопроса в данный момент борьбы¹⁰.

В мае 1917 г. Ольминский как составитель и редактор подготовил сборник статей из «Правды», «Социал-демократа» и других социал-демократических газет «Революция и временное правительство»¹¹. Хотя он не вышел в свет, но представляет интерес для характеристики археографической методики Ольминского. В вводной статье «Ход событий» он осветил обстановку кануна Февральской революции и проанализировал причины ее быстрого свершения. В примечании указал, что в сборник «вошли статьи, напечатанные в [социал]-д[емократических] газетах в марте-апреле 1917 г.»¹². За вводной статьей была помещена работа В. И. Ленина «Первый этап первой революции» (Письма из далека. Письмо 1)¹³, затем в хронологической последовательности событий шли 22 статьи из указанных газет. Им было установлено авторство некоторых работ (в газетах они опубликованы без подписи)¹⁴. Сборник

⁶ *Ольминский М.* «Былое» (журнал, посвященный истории освободительного движения, № 1). — *Наша мысль*, 1906, № 5, с. 11.

⁷ *Ольминский М.* Арест И. Н. Мышкина. — *Былое*, 1906, № 10, с. 259—260; Группа народолюбцев. — Там же, № 11, с. 1—27; Смерть Яновича. — Там же, № 12, с. 97—100.

⁸ *Ольминский М.* Вместо предисловия. — В кн.: *Памяти погибших*. СПб, 1907, с. 8.

⁹ Там же, с. 3—10.

¹⁰ *Ольминский М.* Общий очерк эпохи. — В кн.: *Из эпохи «Звезды» и «Правды»*. [М.], 1921, вып. 1, с. 70, 92.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 32, л. 1—39 (л. 1 — титульный, л. 2, 3 — вводная статья — написаны рукой М. С. Ольминского, остальные — вырезки из газет с редакторскими и корректорскими пометками).

¹² Там же, л. 2—3.

¹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 11—22.

¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 32, л. 4.

был подготовлен с целью накопления источников для изучения истории Февральской революции.

С сентября 1920 г. Ольминский как руководитель Истпарта уделял много времени организации издания источников по истории Коммунистической партии, революционного движения, Октябрьской революции, советского общества и лично участвовал в подготовке изданий.

В организации публикаторской работы в Истпарте Ольминский и руководимая им коллегия опирались на ленинские методологические принципы, дореволюционный опыт партии в публикации источников, учитывали достижения и недостатки вольной русской печати (издательства В. Г. Черткова, М. К. Элидина, Г. А. Куклина)¹⁵, журнала «Былое»¹⁶. В работе коллегия не имела предшественников. «Дореволюционная историческая литература,— по словам С. Н. Валка,— не оставила нам ни одного труда, в котором были бы изложены общие основы археографической работы», ни правил издания документов даже для периода до XVIII в.¹⁷ Археографы старой школы в 1917—1920 гг. продолжали публиковать источники главным образом отдаленного прошлого, подготовленные еще до революции. «Правила издания документов» 1919 г. в основном касались древнего периода и не могли быть использованы при публикации массовых источников новейшего времени¹⁸. В издательской деятельности научно-исследовательских учреждений в 1918—1920 гг., по мнению археографов, были определенные положительные моменты, но в целом она «не отвечала задачам современной ей исторической науки... развивалась медленно, была разобщена», даже Главархив не имел единого плана издания, единого руководящего органа¹⁹.

В условиях острой идеологической борьбы начала 20-х годов коллегия Истпарта должна была в научных и политических целях организовать в кратчайший срок издание большого количества источников по истории партии, истории революционного движения и Октябрьской революции.

Скупые записи постановлений коллегии, президиума Истпарта не всегда позволяют выявить долю каждого сотрудника, внесенную в решение вопроса. Неизученность деятельности в Истпарте заместителей и помощников Ольминского (П. Н. Лепешинского, В. И. Невского, М. А. Савельева, А. И. Ульяновой-Елизаровой), членов коллегии, президиума затрудняет определение степени их участия в различных видах работы Истпарта. К. А. Остроухова, Н. В. Нелидов — в прошлом работники Истпарта — пишут, что Ольминский «был инициатором большинства начинаний Истпарта, человеком, умевшим объединить вокруг себя нужных людей»²⁰. Кроме анализа протоколов, журналов заседаний коллегии, президиума Истпарта, отчетов, планов²¹, автор данной статьи устанавливала принадлежность документов, статей Ольминскому, степень его участия в составлении тех или иных документов Истпарта по пометкам подготовительных материалов, по письмам, запискам, пометам, анализу особенностей археографического оформления.

Известно, что археография требует от историка специальной подготовки, разносторонних знаний. Историю партии большевиков, революци-

¹⁵ Кондратьев В. А., Сивков К. В. Архивное дело и публикация исторических источников. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, т. 3, с. 585.

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 79—80 (План работы Истпарта. Составлен Ольминским).

¹⁷ Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948, с. 41.

¹⁸ Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960, с. 334; Новосельский А. А., Кондратьев В. А. О публикации исторических источников в СССР за 40 лет. — История СССР, 1958, № 3, с. 205, 212.

¹⁹ Кондратьев В. А., Хевролина В. М. Из истории археографической деятельности в первые годы Советской власти (1917—1924 гг.). — АЕ за 1959 год. М., 1960, с. 262.

²⁰ Амиантов Ю. Н., Нелидов Н. В., Остроухова К. А. У истоков советской историко-партийной науки. (К 50-летию Истпарта). — Вопросы истории КПСС, 1970, № 9, с. 115.

²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 1—4, 11—12, 16—20, 45—49, 94 и др.

онного движения, обстановку, в которой появились важнейшие партийные документы, причины их создания Ольминский знал по личному участию в революционной борьбе, работе в редакциях большевистских изданий, как партийный публицист, который писал историю современности. Одновременно он был историком-исследователем, источниковедом, работал над изданием ленинского литературного наследия, был также опытным партийным редактором, хорошо знал людей.

По поручению коллегии Истпарта (25 августа 1920 г.) М. С. Ольминский и А. С. Бубнов составили планы работы Истпарта, которые были утверждены на заседании коллегии 7 сентября, как и план П. Е. Щеголева²². План Ольминского, намечавший собрание и изучение документов по истории партии до 1917 г., включал подготовку к печати следующих материалов с комментариями: «1) Резолюции партсъездов с выдержками из протоколов, прений и речью докладчика; 2) Собрание листков [листовок — Н. М.] и постановлений ЦК и заменяющих его органов; 3) Собрание листков и постановлений мест[ных] ком[итетов]; 4) Библиографический справочник нелегальной и легальной литературы; 5) Хронологические справочники; 6) Словарь деятелей партии, живых и мертвых»²³. Здесь же были указаны наиболее важные для публикации темы и хронологические рамки, очередность работ, подчеркнута необходимость раскрытия партийных кличек и литературно-партийных псевдонимов. В определении характера публикаторской деятельности Истпарта Ольминский исходил из двух факторов: необходимости удовлетворения насущных потребностей в пропагандистских и учебных материалах и накопления опубликованных исторических источников для изучения истории партии, революционного движения, Октябрьской революции.

Еще до 7 сентября 1920 г. Ольминский (от имени Истпарта) заключил соглашение о работе по изданию документов с группой сотрудников Петроградского историко-революционного архива во главе с П. Е. Щеголевым²⁴. Он обговорил с ним условия, план, характер работы, принципы отбора и подготовки документов к печати²⁵; определил срок (2 месяца) для начала сдачи материалов в печать; обусловил за собой руководство работой группы со стороны Истпарта, а затем контролировал ее²⁶. Общий план работы Истпарта, по решению коллегии, был составлен В. И. Невским на основании планов М. С. Ольминского, А. С. Бубнова (по истории партии периода 1917—1920 гг.), П. Е. Щеголева. За основу был взят план Ольминского, о котором говорилось выше. Подготовленный В. И. Невским проект общего плана был исправлен, отредактирован Ольминским, 13 сентября утвержден²⁷ и опубликован как «Общий план работы» Истпарта за подписью В. И. Невского²⁸.

В «Общий план работы» Истпарта, помимо собрания, изучения, входило издание источников (из своей среды и враждебного лагеря) по истории рабочего движения (1870 — октябрь 1917 г.), истории партии, Октябрьской революции и советского общества. План содержал указания на степень достоверности и ценности различных групп источников, приемы их проверки. В нем было оговорено, что при публикации памятник должен сопровождаться краткими сведениями об обстоятельствах и месте

²² Там же, д. 16, л. 4, 10.

²³ Там же, д. 45, л. 76.

²⁴ В группу входили: А. А. Шилов, С. Н. Валк, Л. Н. Фанштейн, В. В. Водовозов, Д. С. Махлин, В. М. Николаевский, М. А. Сильвин (Там же, л. 88).

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 87—88. (План издания материалов по истории рабочего движения и по истории РСДРП).

²⁶ Там же, д. 45, л. 88; д. 16, л. 44. В апреле 1921 г. М. С. Ольминский вместе с П. Н. Лепешинским и В. И. Невским ознакомились в Петрограде с работой группы. 4 мая 1921 г. по докладу Ольминского коллегии постановила: приостановить работу, закрыть кредиты в связи с тем, что работа в срок не была выполнена и руководитель П. Е. Щеголев не мог определить времени ее окончания (там же, д. 20, л. 9). Впоследствии работа была продолжена.

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 1—20.

²⁸ Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 1, с. 185.

издания (если он был опубликован ранее.— *Н. М.*), авторстве, степени распространения и т. п., «причем все эти сведения должны быть проверены не только на основании полицейских показаний материалов, но и на основании данных, почерпнутых из революционных изданий и прессы»²⁹.

Вопросы публикации источников систематически обсуждались на заседаниях коллегии, пленума, совета Истпарта. Анализ постановлений коллегии Истпарта в периоды, когда Ольминский руководил ею, позволяют выявить его роль в публикаторской работе. Так, с 29 сентября 1920 г. по 31 марта 1922 г. коллегия Истпарта (Ольминский, В. В. Адоратский, Н. Н. Батурин, Н. А. Бубнов, П. Н. Лепешинский, В. И. Невский) под руководством Ольминского регулярно собиралась 2 раза в месяц. На заседаниях она утвердила темы публикации источников по истории Коммунистической партии, революционного движения, Октябрьской революции, установила их хронологические и географические рамки. Она также определила состав источников по периодам, исходя из их классовой и партийной принадлежности; установила очередность публикаций, сроки, виды изданий (сборники документов, протоколы съездов, «Хроника революции», «Историческая хрестоматия», «Памятники борцам пролетарской революции», библиография по истории РКП(б) и т. д.)³⁰.

В этот период коллегия Истпарта под руководством Ольминского выработала основные марксистские методологические и методические положения публикации документов по истории указанных отраслей, без которых какая бы то ни было деятельность по организации издания документов, особенно в период острейшей классовой борьбы в стране, была невозможна. В это же время была проделана большая работа по подготовке к изданию и публикации намеченных коллегией источников.

За шесть месяцев болезни Ольминского (с 12 апреля 1922 г. по 2 января 1923 г.) было проведено всего четыре заседания коллегии Истпарта, на которых рассматривались вопросы о ходе работы над ранее начатыми в Истпарте публикациями³¹.

Когда Ольминский опять приступил к работе, коллегия Истпарта возобновила свою регулярную деятельность (с 12 февраля 1923 г. по 11 декабря 1924 г.)³². Она продолжала под его руководством контролировать издание ранее намеченных материалов. Были приняты следующие решения: переиздать с комментариями и примечаниями как дополнение к Собранию сочинений В. И. Ленина ставшие библиографической редкостью большевистские газеты, которыми руководил В. И. Ленин: старую «Искру», «Вперед», «Пролетарий» (1905 г.), «Новую жизнь», «Волну», «Эхо», «Вперед», «Пролетарий» (1906—1908 гг.); переиздать газеты «Русский рабочий» Г. В. Плеханова, «Рабочее дело», «Рабочую мысль», агитационную литературу 80—90-х годов, «Набат» П. Н. Ткачева, издать протоколы съездов Коммунистической партии (II—XIII) с дополнениями и примечаниями; выпустить юбилейные сборники источников: о I съезде РСДРП, Красной армии, 4-й сборник «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», сборник документов «История 1905 г.», «Альбом портретов выдающихся деятелей 1906 г.», публиковать в «Пролетарской революции» «помесячный материал» о революции 1905—1907 гг.³³ План издания источников по истории революции 1905—1907 гг. в связи с 20-летним ее юбилеем был подготовлен Ольминским³⁴. По каждому изданию были утверждены

²⁹ Там же.

³⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 16, л. 19, 23, 26, 31, 34, 40, 44, 45; д. 20, л. 4; д. 19, л. 12; д. 1, л. 40, 9—9 об.; д. 2, л. 3.

³¹ Там же, д. 2, л. 7, 8, 11—11 об.; д. 3, л. 3.

³² Ольминский был заведующим Истпартотделом ЦК РКП(б) до 11 декабря 1924 г., председателем совета Истпарта — с 1 декабря 1924 г. по 28 октября 1928 г., затем членом дирекции Института Ленина, ИМЭЛ.

³³ Было решено публиковать материалы в хронологической последовательности, выпуская их за два месяца до юбилея события.

³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 58, л. 26.

редакторы, подготовители; определены источники, порядок их размещения в изданиях, справочный аппарат, объем, формат публикаций³⁵.

Публикации источников были связаны с подготовкой празднования знаменательных дат в деятельности нашей партии, юбилеев революционных событий, с пропагандой исторических знаний и агитационной работой. Привезенные из-за границы партийные архивы, документы, полученные от частных лиц, материалы, собранные на местах, позволили Истпарту осуществить публикацию достоверных источников, вышедших из революционной среды.

Руководящие документы Истпарта, статьи М. С. Ольминского, М. Н. Покровского, П. Н. Лепешинского давали необходимые указания провинциальным бюро Истпарта, всем заинтересованным в его работе лицам, как лучше решить задачу массовой публикации источников в кратчайший срок.

Коллегия столкнулась с большой трудностью — отсутствием кадров сколько-нибудь подготовленных для археографической работы в указанных отраслях исторической науки. Одновременно с организацией работы надо было готовить и специалистов. Коллегия считала возможным решить эту задачу посредством привлечения к публикаторской работе (особенно на периферии) коммунистов, «не чуждых литературной работе»³⁶.

Для оказания периферийным работникам помощи в качестве примеров публикации источников коллегия еще в сентябре—октябре 1920 г. постановила издать сборники документов и материалов по периодам: Октябрьская революция, новый революционный подъем, история рабочего движения и социал-демократии в 80-х — первой половине 90-х годов XIX в.³⁷ Ольминский энергично взялся за их подготовку. И в декабре 1920 — марте 1921 г. три сборника были сданы в печать. Первый сборник «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“» был сдан в Госиздат в декабре 1920 г. Ольминский в помещенной в нем статье «Общий очерк эпохи» писал о том, как нужно издавать различные виды источников. В нее он включил (изданные ранее в «Правде», «Невской звезде»): 21 резолюцию рабочих собраний, заявление от шести депутатов, внесенное в социал-демократическую фракцию 18 октября 1913 г., секретный документ Московского промышленного общества фабрикантов и заводчиков, статью из «Северной рабочей газеты» (ликвидаторской), две статьи из «Звезды» и «Правды». Каждому из названных источников предпослал историческую справку, дал заголовок, указал, где он был напечатан³⁸.

В вводной к сборнику статье «О мемуарах» Ольминский наметил периодизацию истории партии и Октябрьской революции; указал, какие вопросы должны быть изучены (психология и быт рабочих, революционеров, длина рабочего дня, уровень зарплаты, степень доступности для рабочих общего образования, идейная и политическая борьба и т. д.); писал о взаимосвязи изучения истории партии и рабочего движения³⁹. Так в этих статьях он изложил методологические указания о выявлении, отборе, археографической обработке и публикации документов по разным периодам истории партии и революционного движения.

В виде приложения к вводной статье были помещены два документа коллегии: рассмотренный выше «Общий план работы» Истпарта⁴⁰, который содержал основные методологические положения по отбору и подготовке документов к публикации, и «Конспект-минимум для воспоми-

³⁵ Там же, д. 3, л. 1, 5, 16; д. 4, л. 7 об.—8, 9, 11 об.

³⁶ Там же, д. 46, л. 153а (копия статьи Ольминского, направленной в редакции газет «Известия ВЦИК» и «Правда» в сентябре 1920 г.)

³⁷ Там же, д. 16, л. 19, 26; ф. 91, оп. 1, д. 48, л. 95.

³⁸ Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 1, с. 61—67, 72—79, 92—99, 145, 23, 106—109, 127—128.

³⁹ Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 1, с. 4.

⁴⁰ См. об этом: Михайлова Н. М. М. С. Ольминский о собирании биографических материалов.— АЕ за 1971 год. М., 1972.

нений»⁴¹. Последний уточнял круг указанных вопросов, дополнял положения вводной статьи, являлся руководством не только для написания мемуаров, но и для публикации документов.

В июне 1921 г. Ольминский отредактировал второй сборник «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“»⁴². В введении к сборнику «От редакции» (без подписи)⁴³ сказано о достоинствах и недостатках помещенных в обоих сборниках источников и работ, о необходимости отбирать источники для публикации так, чтобы в ней сочетались данные о положении пролетариата, забастовочном движении, использовании легальных возможностей, деятельности подпольной организации партии, профдвижении, деятельности думской фракции, ее внутренней жизни⁴⁴; о недопустимости публикации материалов, дающих одностороннее освещение исторического периода⁴⁵; о необходимости отбора источников различных типов как по происхождению — из своего и чуждого лагеря (позволяющих раскрыть позиции враждебного класса), так и по видам (архивные документы, опубликованные — легальные и нелегальные источники, воспоминания участников движения).

Работа В. И. Невского и приложение к ней, помещенные в сборнике, расценивались во введении как образец статьи с анализом той эпохи и подготовки документов к публикации. Указанное приложение составлено: из документов архива Департамента полиции (один из своей среды и один из враждебного лагеря) — «Проект „Наказа“ депутату от рабочих Харьковского Губ. Сов. Деп. Муранову» и «Сообщение жандарма в Департамент полиции»; из листовки «Листок 1 Мая», выпущенной группой харьковских социал-демократов; из партийного опубликованного документа — «Отчет об избирательной кампании по рабочей курии г. Харькова» («Социал-демократ», 1912 г.); из трех статей «Правды» 1912 г., ставших библиографической редкостью⁴⁶.

В такой форме публикации — приложение к исследованию — функцию введения к издаваемым источникам выполняло само исследование, так как в нем излагалась обстановка появления документов и указывалось, кому они принадлежат. Каждый из помещенных источников имел заголовок, указание на его происхождение, подстрочные примечания, расшифрованные псевдонимы и клички.

В 1921 г. Истпарт издал и третий сборник — «От группы Благоева к „Союзу борьбы“», составленный и отредактированный Ольминским. В введении «Пробел в нашей истории» Ольминский писал, что период 1885—1896 гг. в истории рабочего движения и социал-демократии совсем не изучен и наиболее удален по времени. Он обосновал необходимость его изучения, охарактеризовал помещенные в сборнике источники и главный принцип их отбора — достижение достоверности отображения исторической действительности⁴⁷.

Сборник составлен из различных материалов: мемуаров, документов, относящихся к истории революционного движения в Петербурге, Москве, Харькове.

В воспоминаниях участников дана общая картина рабочего, социал-демократического, народолюбческого движения в Петербурге в указан-

⁴¹ Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 1, с. 185. «Конспект-минимум» опубликован за подписью Н. Н. Батурина. Судя по рукописи, значительно дополнен Ольминским (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 91—92 об.).

⁴² Почти все редакционные примечания в сборнике имеют подписи: М. О., М. Ольминский.

⁴³ По стилю письма и манере анализа работы можно предположить, что введение принадлежит Ольминскому.

⁴⁴ От редакции.— В кн.: Из эпохи «Звезды» и «Правды», [М.], 1921, вып. 2, с. 7, 8.

⁴⁵ Во введении сказано: «Иначе дальнейшее печатание материалов по истории эпохи станет невозможным; ведь если и третий сборник, посвященный ей, будет говорить только о сфере использования легальных возможностей, то вся эпоха получит ложное освещение, как бы ликвидаторский уклон» (там же, с. 8).

⁴⁶ Там же, с. 117—142.

⁴⁷ Ольминский М. Пробел в нашей истории.— В кн.: От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894 гг.), с. 5.

ный период. В приложении к ним опубликованы «Речи рабочих на первомайском собрании 1891 г.»⁴⁸ В мемуарах изложена обстановка появления документов, история их издания в 1891 г., указаны авторы речей, значение этих документов, сообщено о впечатлении, которое они произвели на различные слои населения города. Таким образом, мемуары выполняли роль не только источника, но и исторического введения к публикуемым документам.

Воспоминаниям Н. Д. Богданова Ольминский предпослал введение, в котором дал сведения об авторе, его партийной принадлежности (меньшевик) в момент написания воспоминаний (1918 г.), о первой их публикации, отметил, что они переиздаются в извлечениях и с поправками в примечаниях, написанных на основании сведений от других участников движения, могут быть использованы как достоверный исторический материал⁴⁹.

Документы о революционном движении в Москве Ольминский поместил в виде подборки «Материалы по делу М. С. Бруснева»; документы по истории социал-демократии в Харькове — как приложение к статье В. И. Невского⁵⁰.

По поводу формы публикации документов московского процесса Бруснева Ольминский писал во введении, что при обработке тенденциозного жандармского материала лицом, не знавшим вопроса по личному участию, не имевшим о нем сведений из достоверных источников — материалов, вышедших из революционной среды, — неизбежны были бы ошибки, поэтому указанные документы даны «в сыром виде», как подборка без изложения истории вопроса. В ней представлены: жандармские документы («Постановление» с изложением агентурных данных, доносы провокатора, «Список найденного у Бруснева», «Л. Б. Красин в Новгороде», «Список лиц, привлеченных к дознанию», «Показания Федора Афанасьева»); судебные («Приговор»); вещественные доказательства (проект программы, программа занятий, список отобранных при обыске книг — документы из социал-демократической среды).

На такой форме публикации Ольминский остановился еще и потому, что два видных деятеля этой организации, хорошо знавшие ее историю по личному участию (М. И. Бруснев и Л. Б. Красин), были живы. Они, по мнению Ольминского, и должны были написать воспоминания с достоверным отображением деятельности организации.

Ольминский оценил публикации следующим образом: «Бесспорным в таком материале должно считаться далеко не все, а может быть даже очень немногое. В данном случае бесспорными могут быть признаны: проект программы, программа занятий, список отобранных при обыске книг, даты арестов, приговоры и т. п. Что же касается внутренней жизни организации, то вся эта область еще подлежит изучению»⁵¹. Источники имеют заголовки. К ним даны примечания по содержанию.

Вопрос об издании документов по аналогичному харьковскому «делу» был решен иначе. Жандармским документам была предпослана статья Невского, написанная тоже на основании жандармских источников. По этому поводу в предисловии Ольминский писал: «К сожалению, главный работник (харьковской организации. — Н. М.) Ю. Мельников за смертью уже не может дать связной картины жизни харьковской организации, и потому пришлось дать жандармские материалы в обработанном виде. Необходимо, однако, чтобы оставшийся еще в живых участник харьковской организации т. Перазич дополнил то, чего не мог узнать т. Невский из официального „дела“, а также чтобы исправил ошибочные выводы, неизбежные при такой работе»⁵².

⁴⁸ От группы Благоева к «Союзу борьбы», с. 121—127.

⁴⁹ Там же, с. 39, 46.

⁵⁰ *Ольминский М.* Вместо предисловия. — В кн.: От группы Благоева к «Союзу борьбы», с. 5.

⁵¹ Там же, с. 5.

⁵² Там же.

В этом сборнике Ольминский показывал на примерах подход к отбору источников для публикации, способы издания тенденциозных, классово враждебных материалов (жандармских, охранных, судебных и т. п.) для раннего периода истории революционного движения и социал-демократии; проиллюстрировал различные приемы правильного отображения исторической действительности посредством сопоставления разнообразных по классовой и партийной принадлежности, характеру и форме источников.

Три рассмотренных сборника являлись примерами публикации, наиболее приемлемыми в то время как для издателей, так и для читателя. Опытный партийный издатель и редактор Ольминский исходил в решении этого вопроса из реальных возможностей.

С конца 1923 г. Ольминский в соответствии с планом, составленным им и утвержденным коллегией, начал готовить к переизданию первые большевистские газеты 1905 г. «Вперед» и «Пролетарий»⁵³. С помощью сотрудницы Истпарта М. Мальт он провел работу по исследованию архива этих газет. Им установлена (по рукописям и посредством опроса авторов) принадлежность статей, опубликованных в свое время без подписей, выявлены материалы, не вошедшие в номера газет, и помещены как дополнения к соответствующим номерам. Ольминский выявил редакторов статей и дал указание своим помощникам изложить эти сведения в примечаниях⁵⁴. Он выделил ленинскую правку в статьях других авторов и подчеркнул необходимость отметить ее квадратными скобками. Им предложено поместить фотоснимки членов редакции, факсимиле рукописей редакторов, авторов и активных сотрудников переиздаваемых газет, составить указатели (имен, организаций, фабрично-заводских предприятий и учреждений, произведений печати, тематический). Он же написал предисловие⁵⁵, определил формат издания и составил (в начале 1924 г.)⁵⁶ для издательства «Прибой» инструкцию⁵⁷, как его печатать.

В предисловии Ольминский изложил историю создания газет, условия работы в редакции, характер взаимоотношений между соредакторами, распределение обязанностей, связи газет с Россией, т. е. привел необходимые сведения для понимания публикуемых источников. Подготовив к переизданию «Вперед» и «Пролетарий», Ольминский тем самым разработал принципы, методику переиздания тех печатных партийных органов, которыми руководил В. И. Ленин. Согласно этим принципам и методике была подготовлена к печати ленинская «Искра» (под редакцией и с предисловием П. Н. Лепешинского и со вступительной статьей Н. К. Крупской)⁵⁸ и другие большевистские газеты.

Ольминский оценивал значение переиздания газет «Вперед» и «Пролетарий» так: «В редактировании этих газет главное участие принимал Ленин; он ни одной статьи не пропускал без своего просмотра и исправления. Состояли в числе редакторов Воровский и Луначарский. Они брали часто темы по прямому указанию Ленина; некоторые статьи начинал Воровский, а кончал Ленин». Ольминский подчеркивал, что переиздание этих газет имело большое значение и в связи с тем, что «почти все статьи шли без подписей авторов (таким образом Ленин брал на себя

⁵³ «Вперед» и «Пролетарий»: Первые большевистские газеты 1905 года / Полный текст под ред. Истпарта, вступ. статья М. Ольминского. (М.; Л.), 1924—1925, вып. 1—6.

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 158, л. 1—40. «Записки М. С. Ольминского в связи с работой по переизданию „Вперед“ и „Пролетария“ и опубликованию других архивных дел» (1924—1926 гг.).

⁵⁵ *Ольминский М.* Предисловие.— «Вперед» и «Пролетарий»: Первые большевистские газеты 1905 года, вып. 1, с. I—III.

⁵⁶ До 1 апреля 1924 г. (В письме М. Мальт от 1 апреля 1924 г. М. С. Ольминскому говорится об этой инструкции как о готовой.— ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 158, л. 1).

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 48, л. 174.

⁵⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 40, л. 82 (Копия письма С. Гладнева (Закса) М. С. Ольминскому от 3 ноября 1924 г.).

ответственность за эти статьи)»⁵⁹. Данная оценка позволяет понять принципы отбора источников, проводимые Ольминским, показывает, что он стремился к максимальной полноте и достоверности публикации.

В октябре 1924 г. Ольминский подготовил к переизданию первую легальную большевистскую газету «Новая жизнь»⁶⁰, возглавлявшуюся В. И. Лениным. Он заказал Л. Б. Красину (ее организатору) статью, М. М. Литвинову, Ис. Гуковскому, Е. Смиттен — воспоминания о работе в редакции этого органа⁶¹, сам подготовил предисловие и комплект «Новой жизни» с примечаниями. В письме от 18 октября 1924 г. С. Гладневу (Заксу) (главному редактору издательства «Прибой») он писал о том, как надо переиздавать газету⁶². Предисловие, статья Л. Б. Красина «Как возникла „Новая жизнь“» и указанные воспоминания послужили как бы введением к изданию, знакомили с характером источника, его историей, позволяли понять принципы публикации. Такой прием составления введений применялся Ольминским и раньше.

Переиздание большевистских газет имело и имеет большое значение для изучения истории нашей партии и революционного движения⁶³.

В журнале Истпарта «Пролетарская революция», ответственным редактором которого Ольминский был с 24 октября 1924 по март 1925 г. (а затем входил в состав редколлегии, контролировал ее работу как председатель Совета Истпарта), источники публиковались в разделе «Материалы и документы» и в виде приложений к исследованиям и мемуарам⁶⁴. В журнале помещались также руководящие документы Истпарта, содержавшие методологические и методические указания по различным вопросам работы истпартов, в том числе и по изданию источников; в рецензиях на журналы и сборники местных бюро Истпарта отмечались достоинства и недостатки этих изданий. Через журнал Истпарт организовывал и направлял публикацию исторических источников на периферии, обучал этой работе сотрудников на конкретных примерах. Мы не располагаем данными об участии Ольминского как ответственного редактора в подготовке тех или иных публикаций в журнале. Но известно его письмо С. И. Канатчикову от 6 ноября 1925 г., из которого видно, что он считал обязанностью руководителя знакомиться с каждой публикацией, статьёй и контролировать ее вплоть до корректуры. Как ответственный редактор Ольминский оказывал большое влияние на отбор и размещение материалов в журнале даже во время болезни⁶⁵.

В 1922 г. в № 4 журнала «Пролетарская революция» Ольминский напечатал три письма, адресованные ему Г. И. Петровским (от 29 января 1917 г.), Я. М. Свердловым (без даты) и В. Л. Антоновым-Саратовским (без даты). В предисловии к публикации «Три письма» он изложил обстановку появления документов «незадолго до Февральской революции», их значение для изучения истории партии и революционного движения, просил присылать письма с авторскими пояснениями в Истпарт, указы-

⁵⁹ *Ольминский М.* Письмо в редакцию. — ИР, 1930, № 4, с. 200.

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 30—31. «Новая жизнь». Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября — 3 декабря 1905 г. / Полный текст под ред. с предисл. М. Ольминского. Вступ. статьи Л. Красина, М. Литвинова, Ис. Гуковского и Е. Смиттен.

⁶¹ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 96, л. 5 (Письмо М. С. Ольминского к Л. Б. Красину от 10 октября 1924 г.).

⁶² Там же, ф. 91, оп. 1, д. 40, л. 82.

⁶³ Обобщающий археографический анализ методики переиздания большевистских газет Истпартом дан в кн.: История советской археографии: Учебное пособие. М., 1966, вып. 2, с. 8—13.

⁶⁴ О составе и методике публикаций документов в журнале см.: История советской археографии, вып. 2, с. 13—15. О журнале в целом см.: *Шельдешев Э. М.* Исторический журнал «Пролетарская революция» — орган Истпарта — Института Ленина (1921—1931 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1972.

⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 49, л. 150; д. 12, л. 3 об., 4 об.; *Ульянова-Елизарова А. М.* [Доклад о журнале на II совещании истпартоделов]. — Бюллетень Истпарта, 1924, № 2, с. 35.

вал на необходимость пополнения опубликованной источниковой базы новыми документами⁶⁶.

В 1924 г. Ольминский подготовил статью «Редакторская работа тов. Ленина»⁶⁷, в которой показал образцы редакторской правки В. И. Ленина своих работ и работ других авторов.

В 1925 г. Ольминский подготовил к изданию сборник своих работ «1917 год. Полное собрание статей из „Правды“ и „Социал-демократа“». В предисловии «От автора» он охарактеризовал обстановку, в которой были созданы эти газеты, рассказал о своем участии в них, отметил недостатки уже выпущенных авторских сборников статей из этих газет, предложил издавать такие сборники по единым правилам, изложенным в этом предисловии. Ольминский обратил внимание также на то, что сборники статей только профессиональных авторов, принимавших участие в газетах «Правда» и «Социал-демократ», не могут дать «картины эпохи», потому что «будут утрачены голоса не профессиональных писателей, — голоса рабочих и солдат»⁶⁸.

В этом предисловии Ольминский обосновал необходимость переиздания газет к 10-й годовщине Октябрьской революции как важного и необходимого источника для историков и пропагандистов. Касаясь значения переиздания газет, он писал: «Серьезным же историкам полагается верить только подлиннику или копии, заверенной авторитетным издательством. Бумага подлинников очень плохая, — и через несколько лет обратится в труху»⁶⁹. Это мнение Ольминского было учтено. «Правда» за 1917 г.⁷⁰, а позднее за 1912—1913 гг. (неполностью) была переиздана Истпартом — ИМЭЛ. В этой работе также принимал участие Ольминский.

Во всех приведенных случаях издания источников Ольминским обращают на себя внимание предисловия, которые, по его мнению, должны иметь «значение руководящее именно для большевистского понимания материалов, приведенных в книге»⁷¹. Предисловия Ольминского содержат марксистско-ленинские методологические и методические положения по археографии и источниковедению истории партии, революционного движения, Октябрьской революции.

Анализ методологических положений в области археографии содержат также его письма в редакцию журнала «Пролетарская революция» и рецензии. Так, в цитированном выше письме в редакцию Ольминский писал о недопустимости объективистского подхода к отбору источников для публикации⁷². В течение своей деятельности в Истпарте — Институте Ленина Ольминский настаивал на соблюдении ленинского принципа отбора источников для издания — отбора таких источников, которые давали бы достоверное отражение событий.

В 1927 г. Истпарт начал подготовку полного выпуска протоколов съездов и конференций ВКП(б). В «Замечаниях на „Инструкцию по подготовке к изданию протоколов съездов и конференций“» (вторая половина 1927 — первая половина 1928 г.)⁷³ Ольминский изложил следующие положения: какие материалы съезда, конференции должны быть помеще-

⁶⁶ ПР, 1922, № 4, с. 275—277.

⁶⁷ Впервые опубликована: Старый большевик, 1933, № 5 (8), с. 141—143.

⁶⁸ Ольминский М. От автора. — В кн.: 1917 год: Полн. собр. статей из «Правды» и «Социал-демократа». М., 1926, с. 4.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Правда, 1917, № 1—227 / Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой. Л., 1927—1933, вып. 1—7; Правда, 1912, № 1—204 / Полный текст под общ. ред. М. С. Ольминского, М. А. Савельева. М., 1933—1934, вып. 1—4; Правда, 1913, № 1—289 / Полный текст под общ. ред. М. С. Ольминского и М. А. Савельева. М., 1935, вып. 1—8.

⁷¹ ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 1, д. 2, л. 92 (Письмо М. С. Ольминского от 30 сентября 1929 г. в редакцию журнала «Пролетарская революция»).

⁷² Там же, л. 94, 95.

⁷³ Там же, д. 48, л. 181—182 (Черновик «Замечаний», написанный рукой М. С. Ольминского, не датирован. Судя по указанию на истпартовское издание протоколов VI съезда партии 1927 г. и упоминанию Истпарта и Института Ленина, написано не ранее 1927 г. и не позднее октября 1928 г.).

ны и как размещены, что и в каком объеме необходимо изложить в предисловиях, в примечаниях (под текстом, после него), в приложениях.

В «Замечаниях» он говорит и о необходимости разграничения материалов (стенографированных, запротоколированных), о включении заявлений, деклараций, адресов и обращений, только оглашенных на съезде, конференции. Ольминский считал, что при наличии нескольких списков вопрос о выборе текста для публикации должен решаться «не Истпартом, а совещанием редакторов вместе с представителями Института Ленина», разночтения текстов надо помещать в примечаниях. Он придерживался мнения, что «ошибки и неточности нужно исправлять в тексте и лишь в исключительных случаях под текстом»⁷⁴.

В замечаниях на «Тезисы Института Ленина о перестройке работы» (1930 г.) Ольминский настаивал на скорейшем издании протоколов съездов и конференций⁷⁵. Таким образом, организацией подготовки издания протоколов и стенограмм съездов и конференций Коммунистической партии Ольминский занимался с 1920 по 1930 г. Но данными о его личном участии в археографической обработке этих документов мы не располагаем.

Публикаторская деятельность Истпарта развивалась на основании положений марксистско-ленинской методологии и методики археографии. Издание источников в центре и на местах велось по единому плану, в основу которого был положен план Ольминского. Тяжелая болезнь во второй половине 20-х годов не позволила Ольминскому обобщить опыт работы в области источниковедения и археографии. Приведенными данными об издании Ольминским источников далеко не исчерпывается его публикаторская деятельность. Но они позволяют сказать, что при подготовке источников к изданию Ольминский выступал как организатор публикации, обосновывал ее необходимость, разрабатывал принципы и приемы публикации документов.

Результатом деятельности центрального Истпарта под руководством Ольминского (сентябрь 1920—1925 г.) явились следующие издания: 17 сборников документов, 20 названий мемуаров, 6 томов хроники революции 1917 г., 7 томов хрестоматии «Революция и РКП(б) в материалах и документах»; протоколы II, III, VII съездов партии, VII (Апрельской) конференции 1917 г.; «РКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций (1898—1921)»; Отчет РСДРП VIII Международному Социалистическому конгрессу; переиздание газет «Вперед» и «Пролетарий»; начато переиздание газеты «Новая жизнь» и ленинской «Искра»⁷⁶; 40 номеров «Пролетарской революции».

Местные бюро Истпарта в тот же период издали 22 сборника документов, 55 сборников, в которые входили и документы, 17 названий мемуаров, 13 названий журналов, в которых публиковались документы. Кроме того, они помещали источники в местных партийных журналах и газетах⁷⁷.

Указанные публикации являлись не только материалами для пропагандистов, лекторов и слушателей учебных заведений, но и источниками для изучения истории партии и революционного движения. Многие из них представляют для историков большой интерес и сегодня. Введенные в научный оборот документы имели важное научное и политическое значение.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, л. 131—132.

⁷⁶ Подсчет сделан по «Списку книг, изданных Истпартом ЦК ВКП(б), со времени его основания в ноябре 1921 г. до его слияния с Институтом Ленина в сентябре 1928 г.» — ПР, 1929, № 1 (нумерации страниц нет). Учтены и работы, подготовленные под руководством Ольминского, но вышедшие в 1925 г.

⁷⁷ Данные о провинциальных изданиях неполны. Подсчитаны по опубликованным отчетам Истпарта. — ПР, 1922, № 8, с. 236; 1924, № 1, с. 282—309; № 10, с. 282—289; 1925, № 2, с. 244—247.

Деятельность системы Истпарта в целом имела большое значение для развития археографии⁷⁸. Конец 1920—1924 гг. специалисты по истории археографии рассматривают как новый этап в издании документов и в развитии архивного дела в связи с тем, что система Истпарта внесла «новое направление в публикаторскую работу». Она «давала пример использования и разработки методов публикации документов советского периода». Сборники источников, изданные центральным и местными истпартами, «были новыми как по тематике, так и по источниковедческой базе». Публикация документов истпартами проводилась в тесном контакте с архивами, сборники документов часто издавались совместно. Сотрудники истпартов нередко были и научными работниками архивов. В истпартах подготавливались «новые кадры из числа партийных работников, ученых-марксистов», которые приходили на работу в архивы⁷⁹.

Для обмена опытом, в том числе в области источниковедения и археографии, большое значение имели совещания истпартотделов в 1921—1924 гг., подготовленные и проведенные под руководством и при участии Ольминского.

В публикации источников системой Истпарта имелись недостатки; далеко не все издания были одинаковы по уровню археографической обработки⁸⁰. Но это не меняет общей высокой оценки публикаторской работы Истпарта, в организацию и проведение которой внес огромный вклад М. С. Ольминский.

⁷⁸ Новосельский А. А., Кондратьев В. А. Указ. соч., с. 205—206; Кондратьев В. А., Хевролина В. М. Указ. соч., с. 264—266.

⁷⁹ Кондратьев В. А., Хевролина В. М. Указ. соч., с. 264—266.

⁸⁰ Там же, с. 270—273; История советской археографии, вып. 2, с. 7, 8, 13, 14.

НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пристальное внимание историков и общественности к истории первой русской революции вызвано ее глобальной значимостью: она открыла новую эпоху всемирной истории — эпоху революционных бурь и социальных потрясений. В. И. Ленин отмечал, что 1905 год превратил «дремлющую Россию» «в Россию революционного пролетариата и революционного народа»¹. Революция 1905—1907 гг. явилась «генеральной репетицией» как Февральской, свергнувшей царизм, так и Великой Октябрьской социалистической революции, покончившей с эксплуатацией человека человеком и открывшей новую эру в истории человечества.

Уже более 60 лет в Стране Советов систематически создается источниковая база по истории первой русской революции. Краткие обзоры советских публикаций этих источников с первых лет Советской власти до 1975 г. были помещены в АЕ². Кроме этих и других специальных обзоров, большую ценность для истории археографии имеют предисловия к сборникам документов. Какие же публикации документов, материалов печати и воспоминаний о революции 1905—1907 гг. изданы за прошедшие пять лет?

К 75-летию революции 1905—1907 гг. ИМЛ при ЦК КПСС совместно с Институтом истории СССР АН СССР и ЦГАОР СССР организовали подготовку третьего выпуска фундаментального издания переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями за 1905—1907 гг. Первый том уже вышел из печати³. Он посвящен ответственному и трудному периоду в деятельности большевистской партии. РСДРП еще не преодолела окончательно кризиса, в который ввергли ее после II съезда меньшевики своей дезорганизаторской деятельностью. Поставленная В. И. Лениным в ноябре 1903 г. задача созыва III съезда РСДРП как единственного средства выхода из кризиса партии стала еще более насущной в условиях начавшейся в России революции.

Документы первого тома «Переписки...» свидетельствуют о том, что В. И. Ленин являлся подлинным вождем большевистской партии, осуществлявшим руководство партией в целом и ее местными организациями. Порой это было невероятно трудно. Так, например, В. И. Ленину лишь в январе 1905 г. удалось установить связь с одной из крупнейших большевистских организаций — Московской — после длительного перерыва времени арестов членов МК РСДРП и активных деятелей организации осенью 1904 г. (док. 47). В письме в МК РСДРП от 1 февраля (19 января) 1905 г., положившем начало регулярной связи последнего с заграничными центрами и Лениным, Владимир Ильич интересовался бук-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.

² Багаева Т. В. Документы по истории рабочего движения периода революции 1905—1907 гг. в журнале «Красный архив». — АЕ за 1975 год. М., 1976; Угаров И. Ф. Основные советские публикации документов и материалов по истории революции 1905—1907 гг. — Там же.

³ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905—1907 гг.: Сб. док. в 5 т. Т. 1. 22(9) января — марта 1905 г., кн. 1—2 / Ред. кол.: Д. И. Антонюк, М. С. Волин, М. А. Зотов и др. М., 1979 (Далее: Переписка...). О приемах подготовки выпуска см. статью К. Г. Ляшенко, Е. Д. Ореховой, Н. А. Хомяковой «Основные приемы археографической подготовки публикации переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями» в наст. изд.

важно всем: «Что у вас делается? Есть ли силы в комитете? Есть ли в комитете рабочие? Как стоит работа? Есть ли техника? Предлагал ли ЦК проводить в жизнь план „Искры“ по отношению к либералам? Как отнесся к этому плану комитет? На чьей точке зрения по этому вопросу он стоит, Ленина или „Искры“?»⁴.

Переписка В. И. Ленина с партийными организациями отражает разработку им политической стратегии и тактики большевизма в первой русской революции. По документам сборника исследователь может проанализировать деятельность большевистских партийных центров: редакции газеты «Вперед» и Бюро комитетов большинства (БКБ), а в дальнейшем и большевистского ЦК РСДРП, их роль в созыве III съезда партии и в руководстве революционным движением. В переписке исключительно большая роль отводится вопросу организационно-технической подготовки вооруженного восстания, являвшегося в тех исторических условиях единственным средством свержения самодержавия. Переписка отражает деятельность видных партийных работников: В. Д. Бонч-Бруевича, В. В. Воробьевского, С. И. Гусева, А. И. Елизаровой (Ульяновой), В. М. Загорского, Н. К. Крупской, М. М. Литвинова, А. В. Луначарского, И. А. Пятницкого, М. И. Ульяновой, С. Г. Шаумяна и многих других. В письмах к партийным работникам В. И. Ленин разоблачал оппортунизм меньшевиков, призывал к сплочению местных партийных организаций на основе принципов большевизма и давал конкретные советы в этом направлении.

Зная содержание первого тома и архитектуру всего выпуска, можно согласиться с оценкой, данной в предисловии к изданию: «Богатый документальный материал этого выпуска позволит исследователям-марксистам полнее и глубже изучать исторический опыт борьбы ленинской партии большевиков, поднявшей рабочий класс, революционные массы крестьянства на первый решительный штурм самодержавия и обеспечившей их победу в грядущих битвах против помещиков и капиталистов за демократию и социализм»⁵.

Первый том выпуска содержит 462 документа, хранящихся в ЦИА ИМЛ (фонды В. И. Ленина, редакции газеты «Вперед», БКБ, Комитета Заграничной организации, ЦК РСДРП) и в ЦГАОР СССР. Из них около половины (228 документов) публикуются впервые.

Археографическая обработка документов сборника проведена в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» 1969 г. и проведена исключительно тщательно. Полнота и разнообразие публикуемых документов, передача текста, составление заголовков, точность легенд, обширный научно-справочный аппарат — все это дает возможность судить о высоком научном уровне подготовки публикации. Особо следует отметить тщательно выполненную передачу текста, преодоление при этом трудностей, связанных с расшифровкой множества псевдонимов и условных выражений, присущих конспиративной переписке. Каждый документ снабжен примечаниями — текстуальными и по содержанию. В отличие от общепринятых правил последние даны не в конце тома, а после каждого документа. Исследователю и любому читателю это облегчает понимание его содержания.

Квалифицированно подготовлены другие элементы научно-справочного аппарата: предисловие к выпуску и введение к тому; указатели (произведений В. И. Ленина, упоминаемых в томе, именной — с краткими биографическими сведениями, географический, организаций и учреждений РСДРП). В приложении к тому опубликованы «Таблицы учета входящей и исходящей корреспонденции редакции „Вперед“ с 22(9) января по март 1905 г.», «Расшифровка номеров адресов» и «Список книг, названных сокращенно». Таблицы, составленные Н. К. Крупской, — ценное дополнение к переписке. Они дают возможность более точно датировать отправку и получение писем, уточнить их авторов и адресатов, полу-

⁴ Переписка..., т. 1, кн. 1, с. 99; Ленинский сборник, XXXVII, с. 12.

⁵ Переписка..., т. 1, кн. 1, с. 11—12.

чить сведения о несохранившихся письмах. Документы в обеих книгах тома имеют валовую нумерацию и расположены в хронологической последовательности. Перечень документов дан в каждой книге.

Дополнением к научно-справочному аппарату отмеченной публикации переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП является опубликованная в журнале «Вопросы истории КПСС» (1975, № 3, с. 115) «Адресная книжка большевистской газеты „Новая жизнь“» (подгот. В. Н. Степанов). Этот документ представляет собой расшифровку криптограмм около 250 адресов, служивших для связи первой большевистской легальной газеты с партийными организациями многих городов и местностей России. Источник ценен тем, что раскрывает неизвестные ранее стороны деятельности редакции газеты «Новая жизнь» и партии в целом в период высшего подъема революции 1905—1907 гг. Адресная книжка показывает технику конспирации в работе партии: пароли, ключи к шифрам, частично раскрывает сеть явочных квартир, адресов для посылок листовок, нелегальной литературы. В примечаниях дана часть установленных составителем фамилий, имен и кличек партийных работников.

Еще к 70-летию первой русской революции изданы две публикации документов и материалов, отражающих деятельность большевистской партии в общероссийском масштабе, которые по содержанию более или менее сходны между собой и рассчитаны на массового читателя. Одна из них подготовлена ИМЛ при ЦК КПСС⁶. Другая — группой историков под руководством А. В. Ушакова⁷.

В обоих сборниках содержатся партийные документы (резолюции III, IV, V съездов и конференций РСДРП периода революции 1905—1907 гг.); произведения В. И. Ленина или извлечения из них, характеризующие важнейшие проблемы революции; листовки БКБ, ЦК РСДРП и местных большевистских комитетов; документы зарубежных социал-демократических и рабочих организаций; воспоминания участников революции, статьи и речи деятелей международного рабочего движения (Ф. Меринг, К. Цеткин, К. Либкнехт, Р. Люксембург, С. Катаяма, К. Каутский, А. Запотоцкий, Ф. Платтен, Г. И. Бакалов) и культуры (А. Франс и Дж. Лондон).

Документы и материалы в сборнике «Первая русская революция и ее историческое значение» систематизированы по общепринятой периодизации революции, а в сборнике «Революция 1905—1907 годов» — по принадлежности документов и материалов и в зависимости от их вида: «Работы В. И. Ленина и материалы центральных органов партии», «Документы местных большевистских организаций и Советов рабочих депутатов», «Участники и свидетели революции рассказывают», «Отклики на революцию 1905—1907 гг. за рубежом», «Песни и стихи революции».

Все документы и материалы обоих сборников ранее публиковались. Содержание их частично повторяет, а в большей степени — дополняет друг друга. Это объясняется тем, что в сборниках одного вида источники даны в разных пропорциях. Так, в сборнике «Первая русская революция и ее историческое значение» существенную долю составляют листовки. В сборнике «Революция 1905—1907 годов» они занимают сравнительно небольшой объем, но более половины его составляют произведения В. И. Ленина, материалы центральных органов партии (решения съездов и конференций РСДРП и др.) и воспоминания участников революции.

С точки зрения археографической подготовки сборников их недостатком является неполнота научно-справочного аппарата. В сборнике «Первая русская революция и ее историческое значение» он сведен к краткому историческому предисловию и примечаниям по содержанию в конце

⁶ Первая русская революция и ее историческое значение / Сост.: А. И. Середа при участии В. С. Кыриллова. Науч. ред. А. Ф. Костин. М., 1975.

⁷ Революция 1905—1907 годов: Док. и материалы / Под ред. А. В. Ушакова. Сост.: Г. И. Ведерникова, Ю. Ф. Мосев, А. В. Ушаков. М., 1975.

книги. В сборнике «Революция 1905—1907 годов» он представлен хроникой революционных событий, библиографией и вводной статьей А. В. Ушакова о всемирно-историческом значении первой революции в России. Более полный состав научно-справочного аппарата этих сборников увеличил бы их археографическую значимость и помог массовому читателю пользоваться ими.

К 70-летию революции 1905—1907 гг. сотрудники ИМЛ при ЦК КПСС И. П. Дюков, И. М. Мишакова и Н. В. Сеничкина подготовили сборник воспоминаний активных участников революции 1905—1907 гг. «Первая русская...» (М., 1975). Он рассчитан на самые широкие круги читателей и содержит извлечения из ранее публиковавшихся воспоминаний М. Горького, М. В. Фрунзе, Н. К. Крупской, М. И. Васильева-Южина, Э. Я. Литвина-Седого и других — всего 31 воспоминание. Они отражают наиболее яркие события революции в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, в городах Поволжья, на Украине, Урале и других городах и местностях бывшей Российской империи. Страницы ряда воспоминаний посвящены В. И. Ленину. Краткая характеристика воспоминаний дана в обращении «К читателям» акад. П. Н. Поспелова. В конце книги — краткие биографические сведения об авторах воспоминаний. Другие элементы научно-справочного аппарата в книге отсутствуют.

В. И. Ленин неоднократно отмечал международное значение революции 1905—1907 гг. в России. «Русская революция, — писал он, — вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаружившееся в поступательном движении *cотен и сотен* миллионов людей, нескоренимо»⁸.

Этому аспекту первой русской революции посвящена публикация документов из АВПР ИДУ «Влияние революции 1905—1907 гг. в России на Турцию, Иран и Китай (по донесениям российских дипломатических и консульских представителей)»⁹, подготовленная А. С. Чернецовым и В. Н. Гудеевой.

В ней — секретные донесения посла в Турции И. А. Зиновьева, посланника в Иране Н. Г. Гартвига, в Китае — Д. Д. Покотилова, а также поверенного в делах России в Иране А. С. Сомова министрам иностранных дел России В. Н. Ламздорфу и сменившему его А. П. Извольскому. Из 10 документов 6 публикуются в извлечениях, остальные — полностью. 8 документов опубликованы впервые.

Можно согласиться с составителями, которые в кратком историческом введении отмечают, что публикуемые донесения, несмотря на классовую ограниченность их авторов, отражают факт пробуждения и втягивания в политическую борьбу под влиянием революции в России народов Турции, Ирана и Китая против прогнивших деспотических режимов и иностранного засилья.

Большинство публикаций рассматриваемой тематики за истекшее пятилетие было посвящено событиям революции 1905—1907 гг. на местах и в основном приурочено к 70-летию революции. В 1975 г. вышел из печати подготовленный Институтом истории партии МГК и МК КПСС сборник воспоминаний, документов и материалов «На баррикадах Москвы» (сост. В. П. Величкина, И. Ф. Угаров). Московский пролетариат под руководством большевистского МК РСДРП осенью 1905 г. встал в авангарде революционного движения в России. Документы и воспоминания сборника отражают бурные революционные события в Москве и Подмоскowie в период высшего подъема революции 1905—1907 гг. По замыслу составителей документы и материалы большевистской печати, составляющие треть сборника, призваны существенно дополнить воспоминания участников событий, занимающие две трети его. Из 47 документов и материалов большая часть освещает события в Москве, в основном ход вооруженного восстания (№ 2—31), а остальные — революционные со-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

⁹ Новая и новейшая история, 1976, № 4, с. 141—150.

бытия в Подмоскowie (№ 32—46). Подавляющее большинство источников исходит из революционного лагеря: листовки, воззвания, отчеты Московских городского и окружного комитетов РСДРП, революции и постановления Московского Совета рабочих депутатов, корреспонденции газет «Пролетарий» (центральный орган РСДРП), «Борьба», «Вперед» (МК РСДРП) и «Известия Московского Совета рабочих депутатов», воспоминания.

Для восполнения картины революционных событий привлечены также документы, исходящие из враждебного революции лагеря и требующие, ввиду их тенденциозности, особо критического отношения к себе.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей и содержит, за немногим исключением, ранее опубликованные источники. Впервые переизданы материалы из газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов», выходящей с 7 по 12 декабря 1905 г. Они отражают деятельность Московского Совета как органа вооруженного восстания и действия восставших против войск и полиции (док. № 14, 19, 21, 23). Сборник снабжен обширным научно-справочным аппаратом: небольшое предисловие, примечания по содержанию, краткие биографические сведения об авторах воспоминаний, перечень документов, указатели (именной, географический, предприятий, учреждений и учебных заведений).

Ценным дополнением к этому сборнику является журнальная публикация «Документы о вооруженном восстании в Москве в декабре 1905 года» (подгот. Т. Н. Шеломенцева)¹⁰. В ней содержатся четыре ранее не публиковавшиеся документа (в извлечениях): обвинительные акты Московской судебной палаты по делу строительства баррикад в районе Арбата и по делу одного из руководителей боевой дружины члена забастовочного комитета станции Мытищи А. С. Андрианова; протокол допроса начальника станции Бирюлево Рязано-Уральской железной дороги П. А. Левитского и смотрителя погрузочного двора Н. М. Колесникова, являвшихся членами забастовочного комитета станции; донесение московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова Николаю II о подавлении декабрьского вооруженного восстания в Москве. Сведения этих документов дополняют фактическую сторону московского вооруженного восстания в декабре 1905 г.

В 1905 г. революционное творчество народных масс, возглавляемых пролетариатом, создало новые, невиданные ранее органы борьбы — Советы рабочих депутатов, являвшиеся зачаточными органами новой революционной власти, а в период высшего подъема революции, когда Советы стали возникать в массовом порядке, также и органами вооруженного восстания. К 70-летию революции 1905—1907 гг. был подготовлен ряд публикаций о них¹¹.

В сборнике, посвященном Иваново-Вознесенскому Совету, сделана попытка собрать воедино документы и материалы о возникновении и деятельности первого в России Совета рабочих депутатов. Они сгруппированы в шести разделах по происхождению источников: документы Иваново-Вознесенского Совета; материалы большевистской печати; буржуазной печати; воспоминания участников стачки; высказывания партийных и советских деятелей; статьи и воспоминания газет «Правда» и «Известия» об Иваново-Вознесенском Совете. Наиболее ценные документы содержатся в первом разделе, открываемом протоколом организационного собрания уполномоченных рабочих 15 мая 1905 г. и отражающем возникновение и деятельность Совета (с. 27—28). Документы других разделов дополняют общую картину событий весны и лета 1905 г. в Ива-

¹⁰ СА, 1975, № 6, с. 16—18.

¹¹ Первый в России: Иваново-Вознесенский общегородской Совет рабочих депутатов 1905 года: В документах и воспоминаниях / Сост. Л. В. Левкович и В. П. Терентьев. М., 1975; Заре навстречу. Костромской Совет в 1905 году / Сост.: А. В. Малкова, Е. И. Румянцева, М. И. Сивяжников и др. Ярославль, 1977; Документы о деятельности Красноярского Совета рабочих депутатов (октябрь — декабрь 1905 года) / Сост.: А. И. Козлова и Г. Н. Кожевников. — СА, 1975, № 6, с. 9—15.

ново-Вознесенске. Большую научную ценность представляет то, что более половины (60 из 116) источников публикуются впервые. Сборник содержит наряду с газетными корреспонденциями, письмами, воспоминаниями документы и материалы из центральных, Владимирского и Ивановского партийных и государственных архивов.

В плане археографического оформления сборник значительно выиграл бы, если бы составители более точно придерживались существующих правил публикации (отсутствует нумерация публикуемых документов и материалов, как и их перечень, географический указатель и др.). Вместе с тем следует положительно оценить наличие в приложении развернутого именного указателя, что в такого рода сборниках встречается довольно редко, хроники возникновения городских Советов рабочих депутатов в России в 1905 г., списка депутатов Иваново-Вознесенского Совета 1905 г., сведений об арестах и расправе над ними. В целом сборник, несмотря на некоторые недостатки археографического оформления, безусловно, полезен не только для широкого круга читателей, но и для исследователей.

Не менее удачно составлена публикация о Костромском Совете рабочих депутатов. В нее включены документы, выявленные в ЦПА ИМЛ, ЦГИА г. Москвы, Партархиве Костромского обкома КПСС, Государственном архиве Костромской области. Композиционно сборник построен по типу публикации об Иваново-Вознесенском Совете только, может быть, с еще более тщательной классификацией документов по разделам. Они отражают деятельность как первого Костромского Совета рабочих депутатов, возникшего в июле 1905 г., так и второго, образованного в ноябре 1905 г. В сборнике помещены листовки, бюллетени и переписка Костромского комитета РСДРП, материалы центральных большевистских газет «Пролетарий» и «Новая жизнь», местных газет «Костромской листок» и «Известия Совета рабочих депутатов Костромы», резолюции, обращения и воззвания Совета, воспоминания участников революционного движения, а также жандармско-полицейские документы, в которых отражена фактическая сторона революционного движения в Костроме и деятельность местного Совета рабочих депутатов. Источники охватывают период с января по декабрь 1905 г.

Научная ценность сборника состоит не только в комплексной публикации в нем источников, но также в новизне многих из них: 68 документов из 142 опубликованы впервые.

Археографическое оформление костромского сборника в основном соответствует «Правилам издания исторических документов в СССР» 1969 г. Значительно более полно представлен научно-справочный аппарат. Однако эта в целом хорошая публикация не содержит перечня документов и примечаний по содержанию, что является серьезным упущением составителей. Имеющиеся кое-где краткие примечания под строкой ни в коей мере не удовлетворяют читателя.

Очень полезна публикация документов о деятельности Красноярского Совета рабочих депутатов (октябрь — декабрь 1905 г.). Из 11 документов 7 публикуются впервые. Документы свидетельствуют о том, что Красноярский Совет рабочих депутатов действовал с четко выраженными функциями новой революционной власти, поскольку с 6 декабря 1905 г. по 3 января 1906 г. существовала «Красноярская республика». Документы дополняют сведения о ней. Примечания помогают читателю лучше представить смысл и ход революционных событий в Красноярске в конце 1905 г.

В 1975—1979 гг. на местах продолжалось переиздание большевистских листовок. Они представляют собой своеобразную форму партийной печати и являются важнейшим источником по истории КПСС, ее местных организаций дооктябрьского периода и революционного движения в России. Листовки дают возможность исследователям установить направление деятельности местных комитетов РСДРП, практику партийной работы по руководству борьбой пролетариата, крестьянства, революционно-демократической интеллигенции, среди солдат и в других слоях общества.

За указанный период были переизданы листовки вятских, саратовских, ярославских большевиков за 1902—1917 гг., а также большевиков Кубани и Черноморья за 1903—1920 гг.¹² В каждом издании значительная часть листовок относится к периоду революции 1905—1907 гг.: в вятском сборнике три четверти всех листовок (59 из 81), в саратовском — 54 из 76 (он посвящен 75-летию первой русской революции); в ярославском — 21 из 75; в краснодарском — 41 из 65. Содержание листовок позволяет составить представление о деятельности большевиков и о революционном движении рабочих, крестьян и интеллигенции этих губерний.

Составители вятского и саратовского сборников ставили перед собой задачу включить все известные листовки, что характеризует полноту выявленных и опубликованных источников.

Археографическое оформление перечисленных изданий в целом соответствует «Правилам издания исторических документов в СССР» 1969 г., но в разной степени. Например, в вятском сборнике не везде удовлетворительно составлены заголовки: во многих из них отсутствует указание на авторство листовок. Нет единообразия и в составе научно-справочного аппарата. Во всех публикациях имеются введения — историческое и археографическое, примечания по содержанию и текстуальные. Однако в саратовском сборнике нет перечня опубликованных листовок, но имеются географический указатель (отсутствующий в других сборниках), указатель фабрик и заводов, перечень использованных архивных фондов (отсутствующие в вятском издании), список выявленных, но не включенных листовок, именной указатель (отсутствующие в ярославском сборнике). Только в вятском сборнике есть указатель газет, в ярославском — перечень корреспонденций из Ярославской губернии, опубликованных в центральной партийной печати 1901—1917 гг., и список организаций и групп РСДРП Ярославской губернии за 1900—1916 гг. Ни в одной из этих публикаций нет хроники важнейших революционных событий.

Несмотря на ряд недостатков преимущественно археографического характера, отмеченные переиздания листовок содержат наиболее полное собрание их (а многие из листовок — впервые), что является определенным вкладом в источниковую базу истории местных большевистских организаций РСДРП.

Документы и материалы по истории революции 1905—1907 гг. содержатся в сборниках, посвященных революционному движению на Брянщине¹³ и в Калужской губернии¹⁴.

В брянском сборнике первой русской революции посвящены разделы II (1905 г.) и III (1906 — 3 июня 1907 г.). Они содержат около трети всех документов и материалов сборника (76 из 241), освещающих рабочее, крестьянское и солдатское революционное движение на Брянщине. В историческом предисловии, написанном первым секретарем Брянского обкома КПСС М. К. Крахмалевым, дана характеристика революционного движения на Брянщине в 1895—1907 гг., отмечены пробелы сборника из-за отсутствия материалов по ряду важных проблем революции (о внутрипартийной борьбе, о Советах рабочих депутатов, о подготовке к вооруженному восстанию и других, упоминаемых в мемуарах). Деятельность большевиков отражена в публикуемых листовках и резолюциях Брянского и Полесского комитетов РСДРП, других организаций партии. Революцион-

¹² Листовки Вятского большевистского комитета РСДРП, 1903—1917. Сб. док. / Сост.: Е. С. Садырина, М. А. Прежесмыцкая, М. М. Россохина. Киров, 1975; Пламенное большевистское слово: Подпольная литература в Ярославской губернии. 1902—1917 гг. / Сост.: Н. С. Алексеева, Е. А. Ражев. Ярославль, 1975; Листовки саратовских большевиков. 1902—1917 гг. / Сост.: В. М. Гохлернер, Э. Э. Герштейн, Г. А. Дзякович и др. Саратов, 1979; Листовки большевиков Кубани и Черноморья (1903—1920 гг.) / Сост.: Н. С. Вертышева, В. Ф. Латкин, А. А. Прохорова и др. Краснодар, 1979.

¹³ Революционное движение на Брянщине (1895 — февраль 1917 г.): Сб. док. и материалы / Под общей ред. М. К. Крохалева; Сост.: Э. Д. Брежнева, М. Ф. Долгова, Л. В. Налетова и др. Тула, 1976.

¹⁴ Калужский край: Док. и материалы. Калуга, 1977, кн. 2. С 1861 по март 1917 г.

ное движение в крае отражают материалы большевистской газеты «Пролетарий», а также местных газет «Брянский голос», «Брянская жизнь», «Мальцевский рабочий», в резолюциях и воззваниях рабочих собраний и др. Две трети (52 из 76) документов, посвященных революции 1905—1907 гг., опубликованы впервые, что особенно ценно.

Сборник «Калужский край» подготовлен сотрудниками Госархива Калужской области. В главе IV «Калужский край в годы первой русской революции (1905—1907 годы)» содержится 20 документов: листовки Калужского комитета и Медынской группы РСДРП, требования рабочих к фабрикантам, различные документы, отражающие стачечное движение рабочих и крестьянские волнения. Из них лишь два документа публикуются впервые.

Археографическое оформление обоих сборников соответствует современным требованиям, предъявляемым к научно-популярным публикациям.

В Постановлении ЦК КПСС от 17 декабря 1974 г. «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России» подчеркивается ее всероссийский характер: «Вместе с русским пролетариатом и крестьянством борьбу против царизма и эксплуататорских классов вели рабочие и крестьяне Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и других национальных районов России»¹⁵.

К 70-летию революции 1905—1907 гг. Партархив Днепропетровского обкома КП Украины и Днепропетровский областной государственный архив подготовили и издали сборник документов и материалов о революционном движении на Екатеринославщине¹⁶. В нем опубликованы весьма разнообразные по характеру и происхождению документы и материалы: произведения В. И. Ленина, анализирующие наиболее важные события революции 1905—1907 гг. в России и на Украине; письма профессиональных революционеров, участвовавших в создании и укреплении большевистской организации в Екатеринославе; листовки, корреспонденции и сообщения большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и других; бюллетени екатеринославского Боевого стачечного комитета; резолюции рабочих митингов; требования рабочих и крестьян к предпринимателям, чиновникам и царским властям, а также документы из враждебного лагеря.

Документы и материалы в сборнике сгруппированы по периодам революции, в отдельный раздел выделены работы В. И. Ленина. Разнообразие и сравнительная полнота публикуемых источников (всего их в сборнике помещено свыше 300) воспроизводят картину революционного движения в Екатеринославской губернии: состояние большевистских организаций и их роль в руководстве борьбой рабочих и крестьян против самодержавия; ярко освещены революционная борьба пролетариата в период Всероссийской октябрьской политической стачки и вооруженное восстание в губернии.

Подавляющая часть документов и материалов сборника публикуется впервые. Археографическое оформление его также соответствует современным требованиям. обстоятельно написаны историческое введение (автор — П. Л. Варгатюк), археографическое предисловие составителей, а также примечания. Вместе с тем вызывает сожаление сравнительная скудость научно-справочного аппарата в целом выполненной на высоком научном уровне публикации. В ней отсутствуют указатели, хроника важнейших событий.

Институт истории партии при ЦК КП Азербайджана и Институт истории АН АзССР подготовили публикацию материалов центральной большевистской печати об Азербайджане¹⁷. В сборнике собраны воедино

¹⁵ Правда, 1975, 9 янв.

¹⁶ Екатеринославщина в революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы / Ред. кол.: А. Я. Пашенко и др.; Сост.: Б. Я. Бриккер и др. Днепропетровск, 1975.

¹⁷ Центральная большевистская печать об Азербайджане (1905—1907 гг.): Сб. материалов / Сост.: А. А. Гусейнов и Н. Я. Мамеев. Баку, 1976.

материалы большевистских центральных газет «Вперед» (1905 г.), «Пролетарий» (1905 г.), «Новая жизнь», «Казарма», «Волна», «Вперед» (1906 г.), «Эхо», «Пролетарий» (1906—1907 гг.), «Новый луч», «Наше эхо», «Труд», содержащие информацию о деятельности большевистских организаций Азербайджана и освещающие борьбу народных масс во главе с пролетариатом против самодержавия, капиталистической и феодальной эксплуатации; произведения В. И. Ленина и выдержки из них, дающие оценку важнейшим революционным событиям в стране, в том числе в Баку.

Каждый раздел сборника представляет собой группу материалов одной из отмеченных газет и открывается краткой справкой об этой газете. Разделы сборника отражают материалы газет, связанные с внутрипартийной жизнью, рабочим движением, рубрики «Хроника», «Почтовый ящик» и др. Такого рода публикации, до сих пор редко встречающиеся, на наш взгляд, целесообразны, поскольку они обогащают источниковую базу по истории местных партийных организаций.

В Дагестане к 70-летию революции 1905—1907 гг. были переизданы листовки Кубанской, Ставропольской, Черноморской, Владикавказской, Армавирской и других организаций РСДРП — всего 21 листовка, которые содержатся в подборке «Листовки организаций РСДРП в первой русской революции (1905—1907 гг.) на Северном Кавказе»¹⁸. Археографическое оформление публикации дано с отступлением от действующих правил издания документов (неполнота заголовков, легенд, отсутствие, за исключением исторического введения, научно-справочного аппарата). Часть листовок публикуется впервые.

Подводя итоги публикаторской деятельности за рассмотренные годы, можно отметить увеличение числа выпущенных сборников и объема содержащихся в них источников. Если за 1965—1974 гг. было выпущено шесть сборников документов и материалов, посвященных революции 1905—1907 гг. и три сборника с документами, освещающими хронологически более широкий период, включая первую русскую революцию, то за 1975—1979 гг. таких изданий было соответственно восемь и шесть. Настоящая статья свидетельствует о том, что публикаций были разнообразными по типам, видам и формам изданий. Научным изданием является фундаментальная публикация переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений с партийными организациями РСДРП, близки к нему тематические сборники об Иваново-Вознесенском и Костромском Советах рабочих депутатов. Остальные представляют собой научно-популярный тип изданий, предназначенных для распространения исторических знаний и использования документов в агитационно-пропагандистских целях. Наряду с тематическими встречаются издания отдельных видов источников (листовки, переписка). По форме это и серия («Переписка...»), и отдельные сборники, преобладание которых очевидно, и журнальные публикации.

В сборниках, охватывающих хронологически более широкий период, по истории революции 1905—1907 гг., как правило, помещены документы одного вида, преимущественно листовки большевистских организаций.

Изданные за последние пять лет документы и материалы явились результатом совместного труда сотрудников партийных и государственных архивов, ученых-историков и партийных работников. Они освещают деятельность большевистской партии во главе с В. И. Лениным, историю революционного движения в России и ее национальных районах. Многие документы и материалы опубликованы впервые. Они, безусловно, обогащают источниковую базу истории первой русской революции.

К сожалению, не все рассмотренные издания безупречны по археографической подготовке. Типичным недостатком является отсутствие единообразия в составе научно-справочного аппарата, хотя многие сборники в общем одинаковы по направленности и назначению. Формируя сборники комплексного характера, составители зачастую меньше помещают архивных документов, отдавая предпочтение воспоминаниям и материалам печати.

¹⁸ Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975, вып. 3.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1980 ГОДА

ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИИ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Н. ТИХОМИРОВА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ»

14—16 мая 1980 г. в Новосибирске проводились традиционные «Тихомировские чтения» (тема: «Деятельность М. Н. Тихомирова и актуальные проблемы археографии»), организованные Археографической комиссией АН СССР, ее Сибирским отделением, ИИФФ СО АН, НГУ и ГПНТБ СО АН.

В конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска и Барнаула. Было проведено 4 заседания, на которых заслушано 22 доклада и 3 сообщения.

Конференцию открыл директор ИИФФ СО АН акад. А. П. *Окладников*. В его докладе «Фольклор народов Сибири о Ермаке и Кучуме» говорилось о связи между легендами и реальностью, о роли фольклорных источников. Анализ фольклора сибирских татар о Ермаке позволил показать сложность процесса присоединения Сибири. В докладе также говорилось о создании своеобразного культа Ермака у сибирских татар после его смерти. А. П. *Окладников* очень интересно объяснил этот факт особого почитания бывшего врага, проведя параллель с известием из истории чжучженей династии Цинь, из этнографического материала кочевых народов Азии.

На первом заседании конференции прозвучал доклад председателя Археографической комиссии АН СССР С. О. *Шмидта* «Тихомировские традиции. Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова». В докладе было подчеркнуто, что сфера воздействия Тихомировских традиций очень широка. Это обнаруживается и в области исследовательской работы — и в выборе ее направлений, определении тематики, и в стиле научных сочинений, и в области подготовки научных кадров, и в плане участия ученых в общественной жизни, и в понимании ими общественного долга, и особенно в плане выявления, изучения и охраны памятников культуры.

Издание научного наследия Тихомирова важно не только для изучения истории нашей науки, говорилось в докладе. Труды Тихомирова обогащают исследователей методами научного творчества. В настоящее время завершено издание избранных трудов ученого в шести книгах, подобранных по тематическому признаку: «Русская культура X—XVIII вв.», «Исторические связи России со славянскими странами и Византией», «Древняя Русь», «Российское государство XV—XVII вв.», «Классовая борьба в России XVII в.», «Русское летописание». Напечатано много статей, посвященных жизни и творчеству М. Н. Тихомирова. Наступила пора подготовить новое издание библиографии М. Н. Тихомирова. Основываясь преимущественно на документальных материалах личного фонда акад. Тихомирова, докладчик охарактеризовал роль ученого в развитии гуманитарных наук в Сибири, историю передачи его коллекции Сибирскому отделению АН СССР.

В русле Тихомировских традиций — издание ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины», осуществляемое Ленинградским отделением Археографической комиссии АН СССР. Инициатором и организатором этого издания был С. Н. Валк. Несмотря на то, что первый выпуск ежегодника был осуществлен в 1969 г. — через четыре года после

смерти М. Н. Тихомирова, — начальную работу по подготовке этого издания следует связывать и с именем М. Н. Тихомирова. С основными направлениями и проблемами ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» участников конференции познакомил *Н. Е. Носов* (ЛОИИ). Большое внимание было уделено проблемам углубленного развития вспомогательных исторических дисциплин. Особо говорилось (как в докладе, так и в прениях по докладу) о необходимости подготовки справочных изданий по отдельным вспомогательным историческим дисциплинам, причем изданий самого различного типа, включая учебные пособия, картографический материал и альбомы. Носов подчеркнул, что в дальнейшем на страницах ежегодника необходимо дать более определенную характеристику значения трудов А. С. Лаппо-Данилевского в области «систематического исследования формуляра частных актов». Лаппо-Данилевский не был марксистом, но многие его начинания в области отечественного источниковедения, успешно продолженные его учениками, безусловно, позитивны и заслуживают самого внимательного изучения.

Доклад *Е. К. Пиотровской* (ЛОИИ) был посвящен решению вопроса о времени перевода и появления в письменности Руси древнерусской версии византийского земледельческого закона. Пиотровская привела аргументы в пользу того, что перевод был сделан древнерусским книжником до конца XIII в.

Е. К. Ромодановская (ИИФФ СО АН) в своем докладе поставила вопрос об отражении идейной борьбы в повестях-притчах XVII в. о гордом царе. Самым ярким образцом этой группы памятников является «Повесть о царе Агее», созданная в период борьбы за реабилитацию сосланного патриарха Никона, в противовес официальному культу царя Алексея Михайловича. Ряд ее позднейших редакций отразил многие критические ситуации в истории Русского государства (восстание Пугачева, дело Арсения Мацевича), крестьянские представления об идеальном царе; творческая история сюжета завершается в 1880-х годах его обработками, принадлежащими крупнейшим русским писателям — В. М. Гаршину, Л. Н. Толстому. В докладе *Н. С. Гурьяновой* (ИИФФ СО АН) показаны связи народной эсхатологии и антифеодального протеста, эволюция представлений XVIII в. о государях-антихристах. *Н. Н. Покровский* (ИИФФ СО АН) на материале Тарского следственного дела 1722 г. показал эту связь в конкретном воплощении, проанализировав идеологию восставших. В докладе *Л. И. Журовой* (Барнаульский гос. пед. институт) говорилось об одной из любопытнейших повестей, вошедших в летописные своды XV—XVII вв., — «Повести о Луке Колоцком». Текстологический анализ повести в составе поздних летописных сводов позволил сделать вывод о том, что ее литературная история заканчивается в XVII в. созданием III летописной редакции. Сообщение *А. И. Плигузова* (НГУ) было посвящено обобщению первых результатов кодикологической работы по уточнению этапов создания кормчей Вассиана Патрикеева. В докладе *О. Н. Бахтиной* (НГУ) «К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском» отмечается один из моментов литературного развития повести: вопрос о связи Хронографической («Русский временник») и Минейной редакций. Бахтина пересматривает точку зрения Л. Т. Белецкого на соотношение этих редакций. На основе текстуальных сопоставлений «эпилога» Хронографической редакции и «вступления» Минейной высказывается предположение о зависимости протографа Минейной редакции от протографа Хронографической.

Заседания второго дня конференции проходили в ГПНТБ, где хранится рукописная коллекция, переданная М. Н. Тихомировым Сибирскому отделению. В своем выступлении директор библиотеки *Б. С. Елепов* подчеркнул неопценное значение Тихомировского собрания для Новосибирского научного центра. Рукописная коллекция М. Н. Тихомирова всесторонне изучается как историками, так и филологами, доказательством чего явились доклады, сделанные в этот день.

В докладе *В. Н. Алексеева* (ГПНТБ СО АН) «Собрание М. Н. Тихо-

мирова и сибирские территориальные коллекции ГПНТБ СО АН СССР» была дана общая характеристика всего рукописного фонда ГПНТБ. Алексеев отметил, что прошло 15 лет со времени передачи Тихомировского собрания. Собрание было помещено в ГПНТБ и явилось ядром, вокруг которого формировались коллекции рукописей. Сейчас этот фонд насчитывает 15 тыс. единиц хранения и может проиллюстрировать историю русской книги с древнейших времен до наших дней. Алексеев подчеркнул, что передача рукописного собрания, как и деятельность М. Н. Тихомирова, способствовали продолжению археографической работы в Сибири силами Сибирского отделения АН. Результатом ежегодных археографических экспедиций (с 1966 г.) было создание территориальных коллекций рукописей, документов и старопечатных книг, например таких, как Томская, Красноярская и Забайкальская, являющихся ценнейшим материалом к изучению духовной культуры русского населения Сибири.

Е. И. Дергачева-Скоп (НГУ) основное внимание в докладе уделила выделению из собрания М. Н. Тихомирова частных коллекций. Она подробно остановилась на одном из главных источников Тихомировского собрания — коллекции В. Ф. Груздева; выявила большинство рукописей, перешедших от Груздева к Тихомирову. Важность изучения каждой рукописи отдельно была, в частности, проиллюстрирована примером с двумя сборниками XVI в., вышедшими из-под пера одного писца (одна из рукописей была приобретена археографической экспедицией в Томской области в 1968 г., другая хранилась в собрании М. Н. Тихомирова).

Доклад *В. Б. Кощеева* (ГПНТБ СО АН) был посвящен обзору одной из частей документального собрания М. Н. Тихомирова — архиву И. П. и В. И. Серебренниковых. В докладе *Л. А. Ситникова* (ГПНТБ СО АН), посвященном проблемам книжного бытования и распространения, было показано, что существовал за Уралом контингент читателей (как иностранцев, так и русских), нуждавшихся в иноязычной книге не только в силу узкопрофессиональных, но и общекультурных интересов. Обращение к архивным книжным описям и просмотру дошедших до нас западноевропейских книг с сибирскими пометами дает возможность, по мнению докладчика, сделать вывод о достаточно широком круге чтения горожан-сибиряков в XVIII в., для которых в определенной степени актуальными являлись и проблемы, связанные с идеями эпохи Просвещения и Великой французской революции.

В докладе *И. А. Гузнер* (ИИФФ СО АН) рассматривались различные типы записей на рукописях Тихомировского собрания. В продажных, вкладных владельческих записях содержится богатейший материал для освещения вопроса социального состава читательской среды, характера и масштаба книготорговли. Писцовые маргиналии дают сведения о древней рукописной традиции России, монастырских книгописных центрах Северной Руси.

Н. С. Демкова (ЛГУ) в докладе «Фрагменты сочинений Аввакума Петрова в собрании М. Н. Тихомирова» остановилась на характеристике рукописей с упоминанием Аввакума и сделала вывод, что «Послание Аввакума» (Тих. № 100) и «Беседа скитская и ответ на сие протопопа Аввакума» (Тих. № 108) — сочинения XVIII в. и не принадлежали перу Аввакума. Более подробно Н. С. Демкова остановилась на характеристике фрагмента сочинения Аввакума (толкование на 13 главу Апокалипсиса) из сборника (Тих., № 327), показав параллели с новооткрытыми эпистолярными текстами, имеющими отношение к творчеству Аввакума.

Доклад *Л. В. Тиговой* (ИИФФ СО АН) также основан на материале рукописей Тихомировского собрания. В докладе была охарактеризована первоначальная редакция одного из списков «Беседы отца с сыном о женской злобе» (Тих., № 76), а также дана характеристика сборнику № 183, где, кроме «Беседы», содержится тематическая подборка различных Слов о женской злобе. Докладчица показала, сколь велико влияние «конвоя» на литературную историю текста «Беседы».

Доклад *Т. Н. Ансит* (ГПНТБ СО АН) был посвящен «Истории о Францеле Венециане» — одному из первых русских рыцарских романов. Это произведение, как известно, пользовалось большой популярностью в средних слоях русского общества и дошло до нас в нескольких редакциях. Список его из собрания М. Н. Тихомирова является особой поэтической обработкой этого сочинения, сохранившейся в единственном экземпляре, и дает представление о народной стихотворной культуре XVIII в.

В последний день конференции в основном обсуждались направления археографической работы, намеченные М. Н. Тихомировым. *И. В. Левочкин* (ГИМ) остановился на принципах описания рукописных собраний М. Н. Тихомировым в его ранних работах. Докладчик показал на примере «Описания рукописей Иргизских монастырей и Описания собрания Вахрамеева», сделанных М. Н. Тихомировым в 1923 г., что основным требованием, предъявляемым автором к описанию, было дать первичную информацию исследователю, не откладывая этого до более полного исследования рукописей собрания.

Доклад *Н. Б. Шеламановой* (Археографическая комиссия) «Деятельность М. Н. Тихомирова и Сводный каталог рукописей, хранящихся в СССР», продолжил тему, охарактеризовал роль М. Н. Тихомирова в создании Сводного каталога. Докладчик показала, что М. Н. Тихомиров не только обосновал необходимость и возможность создания Каталога, сформулировал задачи его, предложил методику составления Каталога, но и сплотил вокруг него большое число единомышленников. Шеламанова осветила последующие этапы работы над Каталогом и сформулировала задачи на будущее.

Задачам изучения славянского рукописного наследия XII—XIV вв. был посвящен доклад *О. А. Князевской* (Археографическая комиссия).

Т. В. Дианова (ГИМ) в сообщении «Водяные знаки и их значение в археографическом описании» говорила о путях достижения наиболее точной датировки источника при его археографическом описании, о необходимости публикации в приложении к описанию не найденных в справочной литературе филиграней. *Л. В. Тиганова* (ГБЛ) остановилась на проблемах формирования частных коллекций в рукописных фондах ГБЛ.

В заключительном докладе *В. А. Черных* (Археографическая комиссия) говорил об основных направлениях работы созданной по инициативе М. Н. Тихомирова Археографической комиссии АН СССР. М. Н. Тихомиров большое внимание уделял вопросам дальнейшего пополнения государственных хранилищ. Докладчик отметил, что в последние годы плодотворную работу по собиранию рукописей проводят археографы Свердловска, Казани, Уфы и других научных центров страны.

Черных доложил о результатах археографической работы в 1979 г., рассказал о перспективах на будущее. Одним из важнейших моментов работы Археографической комиссии следует считать распределение районов археографической работы, введение новой системы выдачи разрешений на полевую археографическую работу.

Конференция прошла на высоком научном уровне. В докладах и выступлениях были затронуты актуальные проблемы современной исторической науки, разработке и решению которых посвятил свою жизнь один из крупнейших ученых нашей страны — академик М. Н. Тихомиров.

Н. С. Гурьянова, Л. В. Титова

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Ю. Тугушева

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ УЙГУРСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ В РУКОПИСНОМ СОБРАНИИ ЛО ИВАН И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

В конце XIX — начале XX в. в Восточный Туркестан с целью изучения края были направлены экспедиции из разных стран. В результате их деятельности, систематических и настойчивых поисков исследователей, путешественников, коллекционеров в тот период были собраны обширные коллекции восточнотуркестанских древностей, среди которых немаловажное место занимают раннесредневековые письменные памятники уйгуров, хранящиеся в настоящее время в рукописных собраниях в Берлине, Киото, Ленинграде, Лондоне, Париже, Пекине, Стамбуле.

Уйгурские письменные памятники раннего средневековья происходят из государства Кочо, основанного в Восточном Туркестане в середине IX в. племенами, переместившимися в этот регион после распада Уйгурского каганата, и существовавшего до середины XIII в. Государство Кочо занимало ключевые позиции на трассе, соединяющей Восток и Запад, и это обстоятельство сыграло немаловажную роль в становлении раннесредневековой уйгурской культуры, вобравшей в себя элементы центральноазиатские, ближневосточные и дальневосточные.

Ко времени переселения в Восточный Туркестан уйгуры имели развитую письменность, сформировавшийся литературный язык¹. Смена исторической обстановки, обусловленная переселением, послужила стимулом к дальнейшему развитию и перестройке культуры. В центре Азии возник новый очаг культуры, существование которого не могло не отразиться на развитии региона в целом. Соответственно, письменные памятники государства Кочо служат важным источником для изучения раннесредневековой истории и культуры не только уйгуров, но и других народов Центральной Азии.

Раннесредневековые уйгурские письменные памятники, хранящиеся в рукописном собрании ЛО ИВАН, были доставлены в свое время экспедициями во главе с Д. А. Клеменцом (1898 г.), В. И. Роборовским и П. К. Козловым (1897 г.), М. М. Березовским (1906—1907 гг.), С. Ф. Ольденбургом (1909—1910, 1914—1915 гг.), С. Е. Маловым (1909—1911, 1913—1915 гг.). Часть материалов собрана консулами Н. Н. Кротковым, Н. Ф. Петровским, А. А. Дьяковым, доктором А. И. Кохановским и другими в период их пребывания в Восточном Туркестане². Они включены

¹ См. эпиграфические памятники уйгуров, найденные на территории Монголии (*Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei.*— *Journal de la Société Finno-ougrienne*, 1913, vol. 30, 3; *Orkun H. N. Eski türk yazitları I.* Istanbul, 1936, s. 164—185; *Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии.* М.; Л., 1959, с. 30—44.

² О формировании фонда см.: *Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1819: Краткая памятка.* Пг., 1920; *Баргольд В. В.* Изучение Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 139—140, 143—144, 277; *Малов С. Е.* Отчет о путешествии к уйгурам и сарарам.— *Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.* СПб., 1912, сер. II, № 1, с. 94—99; *Он же.* Отчет о втором путешествии к уйгурам.— Там же. Пг., 1914, сер. II, № 3, с. 85—88; *Миронов Н. Д.* Из рукописных материалов экспедиции М. М. Березовского в Кучу.— *ИАН*, 1909, № 8, с. 547; *Ольден-*

в состав Центральноазиатского фонда рукописей и разделены на десять коллекций в зависимости от источника поступления. Небольшое число рукописей, источник поступления которых не установлен, хранится вне коллекций под шифром Uig; отдельные фрагменты с уйгурским текстом представлены в Дуньхуанском фонде. Каждая единица хранения снабжена шифром, состоящим из: фамилии коллекционера (дана сокращенно, латинскими буквами) и порядкового номера внутри коллекции (0/5, Koz/3, Rob/2, D/5 и т. д.); коллекции Н. Н. Кроткова шифрованы знаками Кг I, II..., 2 Кг, 3 Кг, 4а Кг, 4б Кг. Общее число уйгурских рукописей и ксилографов в собрании ЛО ИВАН составляет приблизительно 4000.

Уйгурские письменные памятники были найдены по большей части на развалинах древних поселений среди песка и мусора и чаще всего имеют вид полуистлевших обрывков. Это обстоятельство определяет характер фонда, состоящего в основном из фрагментов. В сравнительно полном виде до нашего времени дошли лишь редкие экземпляры сочинений, сохранившихся в качестве священных реликвий в тайниках монастырей или забытых библиотеках. Встречаются фрагменты различных размеров: от обрывков 3×3 см до многострочных текстов, но число последних сравнительно невелико.

По содержанию уйгурские памятники могут быть разделены на две основные группы. К первой группе относятся сочинения религиозно-философского содержания, ко второй — разного рода пособия, использовавшиеся в повседневной жизни (медицинские, астрономические, гадательные), деловые документы, эпистолярные сочинения и т. п. В количественном отношении доминируют памятники первой группы, но целые, неразрушенные тексты среди них также встречаются редко. К числу последних может быть отнесено считанное число памятников и прежде всего «Алтун ярук» — уйгурская версия сутры Суварнапрабхаса, созданная выдающимся литератором государства Кочо Синьку Сели-тутунгом. Наиболее полный список этой сутры, хранящийся в рукописном собрании ЛО ИВАН, содержит 347 листов формата 22×58 см, оформленных по типу пальмового листа потхи. Согласно колофону рукопись изготовлена в 1687 г., но, несмотря на это, по своему оформлению она мало отличается от образцов, восходящих ко времени государства Кочо. Судя по результатам сопоставления, сколько-нибудь существенному изменению и модернизации не подвергся и язык этого относительно позднего списка сочинения. По всей видимости, переписчики изготовляли по мере возможности точную копию «священного образца», не стремясь, как это нередко случается, «исправить» и «пояснить» участки текста, ставшие недоступными пониманию их современников. Возможно, что этому немало способствовала вера в особые, магические свойства этих текстов.

Во многих отношениях сближается с сутрой «Алтун ярук» и в то же время стоит несколько обособленно от других памятников этой группы другое произведение Синьку Сели-тутунга — уйгурская версия биографии известного путешественника VII в. Сюань-цзана³. Для уйгурской литературы религиозно-философского содержания в целом характерны абстрагированность от явлений и понятий конкретной реальности и свойственная средневековым литературам приверженность к известным, «автори-

бург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг.: Краткий предварительный отчет. СПб., 1914; *Он же.* Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909—1910 гг.—ЗВО РАО, 1912, т. 21, вып. 1. Протоколы, с. XX—XXI; *Он же.* Русские археологические исследования в Восточном Туркестане.—Казанский музейный вестник, 1921, № 1—2, с. 25—30; *Радлов В. В.* Уйгурские фрагменты, открытые в Восточном Туркестане.—ЗВО РАО, 1909, т. 19, с. XIX; и др.

³ Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана из ЛО ИВАН идентифицированы и по частям подготовлены к изданию Л. Ю. Тугушевой. См.: *Тугушева Л. Ю.* Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из гл. X).—В кн.: Письменные памятники Востока. 1971. М., 1974, с. 253—296; *Она же.* Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. М., 1980.

тетным» сюжетам. Этому типу средневековых произведений, как правило, присущ особый, «высокий» стиль языка, оторванный от повседневной речи, строящийся на фундаменте литературных стереотипов и штампов. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана в этом отношении отличается от других произведений этой группы. Она более конкретна по содержанию, так как предметом описания часто выступают реальные ситуации, имевшие место во время путешествия. Некоторая «нетипичность» содержания не могла не привести к поискам новых структурных схем, так как содержание в этом случае не могло быть адекватно выражено с помощью трафаретов и формул, разработанных на основе предшествующего литературного опыта. Такого рода формальная идентификация произведения была невозможна без лингвистического творчества.

К числу относительно хорошо сохранившихся памятников из собрания ЛО ИВАН, кроме того, могут быть отнесены: уйгурская версия сутры «Дишаствустик» (рукописная книга в 43 листа форматом 14×13 см, из которых 11 довольно сильно повреждены), перевод на уйгурский язык двадцать пятого раздела из сутры Саддхармалундарика (рукописный свиток в 226 строк), манихейская покаянная молитва «Хуастуанифт» (рукописный свиток в 160 строк) и ряд других произведений.

Памятники второй группы, основную часть которых составляют деловые документы, сосредоточены главным образом в коллекциях Ольденбурга, Малова, Кроткова. В фонде представлены также фотокопии некоторых документов (в частности, документов из коллекции Кроткова), оригиналы которых утрачены.

Начало изучению памятников раннесредневековой уйгурской письменности в нашей стране было положено акад. В. В. Радловым. Он одним из первых откликнулся на открытия в Восточном Туркестане. В кратчайшие сроки Радлов дешифровал и опубликовал часть материалов экспедиции 1898 г., проложив путь в эту новую для того времени область тюркологии. В дальнейшем как председатель Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии он стал одним из инициаторов и организатором ряда экспедиций в Восточный Туркестан. Им были опубликованы значительные памятники из собрания Азиатского музея⁴. Многие направления, по которым уйгуроведение в нашей стране развивалось в дальнейшем, намечены Радловым.

Большой вклад в дело изучения уйгурских памятников был сделан также учеником Радлова Маловым, предпринявшим две поездки в Восточный Туркестан, в результате которых были доставлены новые материалы и в их числе один из наиболее полно сохранившихся списков сутры «Алтун ярук». Текст сутры издан на уйгурском языке Радловым и Маловым в серии «Bibliotheca Buddhica» (Bd. 17). Маловым осуществлено издание ряда уникальных текстов, в том числе доставленных им из Восточного Туркестана⁵.

Уйгурам Кочо были знакомы разные виды письменных систем. В уйгурских сочинениях из Восточного Туркестана представлены письменные системы: манихейская, руническая, эстрангело, брахми центральноазиатского типа, тибетская и уйгурская. Судя по источникам, наибольшее распространение среди уйгуров получило письмо уйгурское, являющееся переработанным вариантом одного из видов семитского алфавитного письма. Возможно, что одной из причин популярности явилась относительная компактность уйгурской системы письма, строящейся на основе шестнадцати графических элементов, с помощью которых передается

⁴ *Bibliotheca Buddhica*. СПб., 1910, Bd. 12; 1911, Bd. 14; 1913—1917. Bd. 17; *Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler*. L., 1928; *Idem. Chuastuanit*. St-Petersburg, 1909 etc.

⁵ *Малов С. Е.* Два уйгурских документа.— В кн.: В. В. Бартольд. Ташкент, 1927, с. 387—394; *Он же.* *Śitāpatrā-dhāraṇī* в уйгурской редакции.— ДАН, 1930, № 5, с. 88—94; *Он же.* Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга.— Зап. ИВАН, 1932, № 1, с. 129—149; *Он же.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с. 108—130; и др.

около трех десятков фонем уйгурской речи вместе с аллофонами. Относительная детализация в передаче звуков достигается путем сочетания графических элементов: отдельные устойчивые сочетания графических элементов (диграфы, триграфы) соответствуют звукам и фонемам устной речи. Общее число графем не превышает 20, поэтому некоторые графемы являются многозначными (полифонными), аллографы же разных фонем в некоторых позициях совпадают. Эти особенности уйгурского письма вместе с тем являются причиной повышенной сложности ее дешифровки.

Коллекции уйгурских рукописей комплектовались по большей части без системы, по мере поступления, и поэтому нередки случаи, когда фрагменты одних и тех же сочинений (и списков сочинений) рассредоточены по разным коллекциям в разных странах. Такова, к примеру, судьба рукописи уйгурской версии биографии Сюань-цзана, части которой оказались в разных собраниях и ныне хранятся в Париже, Ленинграде, Пекине. При таком положении вещей естественно, что успехи в изучении памятников разных коллекций непосредственным образом взаимообусловлены. Как показывает практика, синхронность в освоении материалов разных собраний является одним из условий успеха в их изучении⁶. После некоторого снижения темпов исследования, относящегося ко времени второй мировой войны, в новейшее время интерес к письменным памятникам из Восточного Туркестана возродился вновь, и их изучению уделяется внимание во многих странах мира. В последние годы в научный оборот введен значительный по объему и содержанию новый материал⁷, приводятся в соответствие с требованиями времени и уточняются методы интерпретации памятников.

Круг вопросов, выдвигаемых на первый план в процессе изучения уйгурских письменных памятников, варьируется в зависимости от типов памятников. В известной степени это связано с тем, что в разных типах памятников используются разные стили, мотивируемые конкретной функцией текста в процессе социального общения. Литература религиозно-философского содержания состоит главным образом из переводов или переложений каких-либо известных сочинений, как правило, не местного происхождения. Поэтому обращение к непосредственному содержанию (сюжету) этих текстов не дает желаемого результата с точки зрения изучения структуры уйгурского общества, так как не всегда можно определить, какие элементы этой литературы органично вошли в культуру народа в качестве основ, регулирующих нормы поведения, и какие остались внешними, чуждыми по отношению к ней.

Когда произведение искусства строится на основе заранее заданного, известного сюжета, роль сюжета как носителя семантики постепенно отступает на второй план. В этих условиях одним из основных средств, с помощью которого литератор добивался создания напряжения, необходимого для успешного функционирования текста как произведения искусства, становится способ организации текста. Произведение искусства, перенесенное в иную языковую среду, в новых условиях как бы воссоздается заново. Языково-поэтическая система нового варианта произведения

⁶ Начало исследованию памятников, сосредоточенных в зарубежных собраниях, было положено благодаря публикациям: Müller F. W. K. Uigurica I—III.— In: *Abhandlungen der (Königlich) Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.*, 1908, fasc. 2; 1910, fasc. 3; 1920, fasc. 2; Müller F. W. K. Uigurica IV.— In: *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.*, 1931, fasc. 24; *Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho. I—III.*— In: *Abhandlungen der (Königlich) Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.*, 1911 (Anhang), 1919, fasc. 3; 1922, fasc. 2; *Türkische Turfan-Texte I—VI.*— In: *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.*, 1929, fasc. 15; 1929, fasc. 22; 1930, fasc. 13; 1930, fasc. 24; 1931, fasc. 14; 1934, fasc. 10; *Türkische Turfan-Texte VII.*— In: *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.*, 1936, fasc. 12; *Pelliot P. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyānamkara et Pāramkara.*— In: *T'oung Pao. Leide*, 1914, vol. 15, p. 225—272 etc.

⁷ Представлены в публикациях А. фон Габен, Р. Рахмети Арата, Ш. Текина, П. Циме, Дж. Р. Хамильтона, Д. Кара, Э. Р. Тенишева, Г. Хазаи, С. Тезджана, Н. Ямада, М. Мори, Фэн-цзя-Шэна, Л. Ю. Тугушевой и др.

базируется уже на иных связях и отношениях между его частями и иных внетекстовых связях, чем система оригинала. Эта особенность литературы стимулировала интерес к фактам языка, как к частицам этой системы. В этот период на уйгурский язык были переведены многие значительные произведения, получившие распространение в центральной и Восточной Азии. Уйгурские литераторы в сравнительно короткие сроки выработали основы литературного этикета применительно к новым условиям и создали язык, который мог служить эталоном и оказал заметное влияние на развитие тюркских литературных языков в последующие эпохи. На развитие раннесредневекового уйгурского литературного языка также оказало влияние вовлечение в его сферу субкодов, используемых в повседневной жизни (при деловых, эпистолярных контактах и т. п.), что, в свою очередь, способствовало обогащению и перестройке языка.

В памятниках разных типов применяется в основе своей единый литературный язык, но структура каждого отдельного текста определялась его конкретной функцией. Так, например, в «художественных» произведениях встречаются как «мягкие», так и «жесткие» структуры, чередующиеся в соответствии с замыслом автора, в то время как в деловых документах преобладают «жесткие», однозначные структуры. В первом случае способ построения текста может служить своеобразным средством накопления и передачи информации, во втором случае текст строится с учетом осведомленности адресата в пресуппозиции и ситуациях, с которыми текст коррелируется, в силу чего некоторые участки семантики не находят в нем непосредственного выражения. В зависимости от такого рода особенностей текстов меняются способы их интерпретации и методы исследования.

Из всего богатства раннесредневековой уйгурской литературы до нашего времени дошла сравнительно небольшая часть, рассредоточенная в настоящее время в рукописных собраниях разных стран. Материалы, хранящиеся в рукописном собрании ЛО ИВАН, составляют важную часть этого наследия. Наиболее значительные памятники из этого собрания изданы, но предстоит еще немалая работа, прежде чем можно будет говорить о том, что в научный оборот введена не избранная, а большая часть материалов фонда. Одной из первоочередных задач исследователей является публикация памятников, но успехи на этом поприще предполагают параллельное всестороннее и комплексное их изучение.

О. А. Князевская, А. П. Шёберг

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЕРГАМЕННЫЕ РУКОПИСИ ШВЕЦИИ

Сведения о наличии славянских памятников письменности в государственных и частных коллекциях Швеции встречаются в научной литературе еще в XIX в. Время от времени отдельные рукописи или несколько рукописей привлекали внимание специалистов, которые обращались к ним с точки зрения задач своих конкретных исследований. К сожалению, научное описание коллекций славянских памятников письменности в шведских хранилищах до сих пор отсутствует. Наиболее значительное по объему и достаточно известное собрание находится в фондах Государственного архива Швеции; кроме того, коллекции славянских рукописей хранятся в Королевской библиотеке в г. Стокгольме и в библиотеке университета г. Унсалы. Из них к наиболее изученным следует отнести собрание рукописей библиотеки Унсальского университета¹. Что каса-

¹ *Давидссон К.* Собрание славянских рукописей в библиотеке университета в Унсале. — В кн.: *Slavica Lundensia*. Lund, 1975, с. 57—86. (Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции, 3 р.).

ются фондов Королевской библиотеки и Государственного архива², то можно сказать, что в них корпус славянских рукописей полностью еще не выявлен, не установлено число конкретных источников, отсутствуют необходимые археографические сведения о каждой единице хранения, не исключено, что некоторые славянские рукописи до сих пор находятся в составе частных библиотек, которые не имеют описаний и недоступны для исследователей. Известно, что еще не обработаны в библиотеках Швеции рукописные и печатные кодексы XVI—XVIII вв. на шведском, датском, финском и других языках. Благодаря этому никто точно не знает, что можно обнаружить под переплетами этих кодексов. Например, в 1966 г. в городской библиотеке г. Вестерос в переплете (1620 г.) немецкой книги найдены 16 пергаменных листов древнерусской псалтыри XIV в.³ К сожалению, задачи выявления и научного описания собраний славянских рукописных источников в Швеции в литературе почти не ставились. Предстоит еще большая работа по разысканию, учету и обработке славянского фонда памятников письменности.

Предлагаемый краткий обзор доступных для рассмотрения древнерусских пергаменных отрывков имеет своей целью привлечение внимания специалистов к ним. Кроме того, в обзоре высказываются некоторые соображения о возможных путях распространения славянских памятников письменности в Швеции.

Впервые сообщил общие сведения о пергаменных древнерусских рукописях в Скандинавии и поставил вопрос о необходимости их описания в 1937 г. Кнут Кнутссон⁴. В вводных замечаниях к обзору евангельских отрывков Кнутссон сообщил, что в Швеции хранятся только фрагменты пергаменных восточнославянских кодексов и что ему известны свыше 100 листов из рукописей XIII—XVI вв. Все фрагменты не датированы и не локализованы. Сведения, приведенные в статье Кнутссона о месте хранения и о числе отрывков, оказали существенную помощь в нашей работе по разысканию источников. Нам удалось ознакомиться с семьюдесятью листами и несколькими отрывками пергамена: 58 листов и несколько отрывков из Королевской библиотеки и 12 листов из библиотеки университета г. Упсалы⁵.

Королевская библиотека в Стокгольме (далее: KB) имеет 58 листов пергамена, они хранятся в картонной папке с шифром А 787а. В папке заключены 29 обложек, в 28 из них вложены пергаменные листы с текстом. На двадцати семи обложках проставлены цифры от 1 до 27, первая и последняя обложки не имеют цифровой пометы. В первой обложке хранится двойной лист кожи, темно-коричневого цвета. По характеру обработки этот толстый лист нельзя назвать пергаменом, не исключено, что он является только заготовкой. Названные 58 листов вместе с небольшим отрывком из последней обложки представляют собой фрагменты из

² Опубликованные в разное время краткие обзоры славянского фонда Государственного архива Швеции не содержат полного описания. (Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского архива.— ЧОИДР, 1890, кн. 1, отд. II, с. 1—38; кн. 4, отд. III, с. 39—78; Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции.— ИА, 1959, № 6, с. 113—126; Черепнин Л. В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме.— В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1961, т. 9, с. 221—255; Он же. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции.— ТОДРЛ. Л., 1961, т. 17, с. 454—481; Birnbaum H. Novogorodiana Stockholmiensia.— Scando-Slavica, Copenhagen, 1964, т. 10, s. 154—173.

³ Виднэс М. Б. Неизвестный отрывок псалтыри из Вестерос в Швеции.— ТОДРЛ. Л., 1971, т. 26, с. 352—356.

⁴ Кнутссон К. О нескольких древнерусских пергаментных отрывках евангельских чтений в Швеции.— Slavia. Praha, 1937, гош. 15, seš. 1, s. 60—72.

⁵ Не удалось обнаружить 41 отрывок из коллекции барона Р. М. Клинквострёма. Эта коллекция ранее хранилась в поместье Стафсунд, а затем поступила в Государственный архив Швеции. Не известна судьба двух отрывков из библиотеки университета в г. Лунд. Из 11 листов пергамена, служащих обложками архивных дел, в Государственном архиве Швеции мы увидели только 8 листов.

22 древнерусских рукописных книг. Среди них отрывки из трех книг евангелия-апракос XIV—XV вв. (в обложке № 1 — 2 листа; № 16, 18, 21 — 4 листа; № 6, 10, 15, 23 — 7 листов), которые составляют 13 листов пергамена. Отрывки из двенадцати книг пролога XIII—XV вв. составляют 22 листа (в обложке № 2 — 1 лист; № 4 — 2 листа, № 5 — 4 листа и два фрагмента, № 7 — 1 лист, № 8 — 3 листа, № 11 — 2 листа; № 14 — 1 лист, № 17 — 2 листа, № 19 — 1 лист, № 20 — 2 листа, № 24 — 2 листа, № 26 — 1 лист). Остальные 23 листа пергамена из 7 обложек содержат литургические тексты иного содержания. По палеографическим и графико-орфографическим особенностям к числу наиболее ранних из них, по нашему мнению, следует отнести фрагменты из обложек № 2, 7, 11, 14, 27. Их можно датировать XIII в., а некоторые — концом XIII — началом XIV в. Отрывок 22 возможно относится к XV в.; к сожалению, этот текст на одном листе пергамена очень плохой сохранности и почти не читается.

В университетской библиотеке г. Упсалы (далее: UBU) также в особой папке хранятся 12 листов пергаменных фрагментов из шести древнерусских книг XIII—XIV вв.⁶ Папка не имеет инвентарного номера хранения, пергаменные листы не пронумерованы и не атрибутированы⁷. Часть фрагментов библиотеки университета г. Упсалы извлечены из переплетов неславянских книг, некоторые из них служили обложками, все они требуют реставрации; на них затекшие пятна клея и грязи. Благодаря этому в настоящее время не поддается идентификации текст на трех листах фрагментов из двух книг. По начертаниям отдельных букв, которые можно прочитать невооруженным глазом, их следует датировать XIV в. Среди достаточно хорошо сохранившихся отрывков к XIII в. относятся 2 листа пролога. По кодикологическим признакам — величине записанного столбца, разлиновке, а также по характерным особенностям почерков и графико-орфографическим нормам письма можно с уверенностью предполагать, что названные два листа находились в составе одной книги, хотя почерки их различны. Два листа пергамена из книги конца XIII — начала XIV в. представляют собой отрывок из какого-то четвертого сборника, его статьи по содержанию близки к статьям Изборника 1073 г. Три листа пергамена составляют отрывки из псалтыри XIV в.; два листа с текстом плохой сохранности являются отрывком из евангелия-апракос конца XIV — начала XV в.

Как уже говорилось выше, коллекции славянских пергаменных отрывков не имеют научного описания. В Королевской библиотеке г. Стокгольма хранится составленный на французском языке А. А. Рубцом краткий рукописный каталог «Les manuscrits slaves de la Bibliothèque royale de Stockholm (section russe)», в нем атрибутирован текст из шести обложек А 787а (№ 5, 15, 17, 19, 23, 26)⁸. Отрывки трех рукописей евангелия-апракос из семи обложек получили описание в названном выше обзоре К. Кнутссона (№ 1, 6, 15, 23, 16, 18, 21). Фрагменты из двух книг пролога были рассмотрены и опубликованы финской исследовательницей М. Б. Виднэс (№ 5 и 24)⁹. Отрывки евангелия-апракос XV в. (№ 6, 10, 15, 23) были опубликованы и прокомментированы Г. Бирнбаумом¹⁰. Интересные дополнения к публикации Бирнбаума сделала М. Б. Виднэс¹¹. Из приведенного материала следует, что в рукописной и печатной

⁶ В обзоре К. Кнутссона говорится только о наличии 9 листов пергамена (Кнутссон К. Указ. соч., с. 54).

⁷ Названный выше обзор К. Давидссон не включает описание пергаменных отрывков.

⁸ В описании Рубца (л. 23—51) № 8—1(15), 8—2(23), 8—3(26), 8—4(5), 8—5(17), 8—6(19).

⁹ Widnäs M. Les synaxaires slavo-russes des «Fragments Finlandais». Helsinki, 1966, N 31, 33, 34, 36, 44, 45, 93, 94, 95, 96.

¹⁰ Бирнбаум Г. Стокгольмский отрывок древнерусского евангелия-апракос.— Scando-Slavica. Copenhagen, 1961, t. VII, p. 203—232.

¹¹ Widnäs M. Étude sur quelques feuilles complémentaires à l'Évangélaire de la Bibliothèque Royale de Stockholm KB A 787a 10 et 6.— Scando-Slavica. Copenhagen, 1970, t. XVI, p. 205—224.

литературе имеются сведения о пергаменных фрагментах из 13 обложек KB, A 787a: № 1, 5, 6, 10, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 23, 24, 26. Какие-либо сведения об отрывках из остальных 14 обложек в научной литературе отсутствуют.

Значительно менее известной является коллекция пергаменных фрагментов из Университетской библиотеки г. Упсалы. Отрывок евангелия-апракос на двух листах пергамента рассматривается весьма кратко в обзоре К. Кнутссона¹². Кроме того, в той папке, где хранятся славянские пергаменные листы, имеется машинописное описание двух листов пролога, которое выполнил А. А. Рубец в 1919 г. Можно предполагать, что после 1936—1937 гг. к пергаменным листам UBU никто не обращался.

Почти не уделялось внимания вопросам появления и распространения славянских рукописных книг древнейшей поры в Скандинавских странах. Как известно, большая часть рассмотренных пергаменных фрагментов или употреблялись в качестве переплетных листов, или служили непосредственными обложками разнообразных хозяйственных отчетов шведской администрации в Финляндии и Прибалтике. На обложках часто сохраняются шведские надписи с наименованиями самих документов, сделанные по соскобленному славянскому тексту. Как правило, они датированы временем между 1580 и 1617 гг., т. е. относятся к периоду наиболее интенсивных военных столкновений между Швецией и Россией. Наличие подобных записей послужило основой для заключений о времени появления и распространения славянских рукописей в Скандинавии. Полагают, что именно в этот период с конца XVI в. шведы в качестве военных трофеев забирали в русских церквях и монастырях пергамен для сугубо утилитарного употребления: сделать из него обложки для хозяйственных отчетов. Думается, что названный путь миграции славянских рукописей не был единственным. Есть все основания считать, что рукописи распространялись в Швеции и «мирным» путем. Давно доказано, что между русскими и шведами в средние века существовали экономические отношения. В частности, именно в первой половине XVII в. документально доказано наличие в Швеции трех мастерских русских кожевников¹³. Следовательно, в это время на шведской территории существовали колонии русскоязычного населения, и в его среде могли бытовать русские книги. Кроме того, для XVI—XVII вв. также следует считать доказанным, что в специальных школах переводчиков местное шведское население изучало русский язык и, очевидно, также читало славянские книги¹⁴. Полагаем, что и сами по себе пергаменные фрагменты в определенном отношении ставят под сомнение вывод о том, что их привезли в XVI—XVII вв. в Швецию в качестве военной добычи. В частности, обращает на себя внимание определенное временное несоответствие. Остается неясным, почему в эту эпоху шведы предпочитали брать для обложек пергамен из рукописей XIII—XIV вв. и их не интересовали, например, для этих целей рукописи XI—XII вв. Среди шведских фрагментов также очень мало пергамента из рукописей XV в.

На наш взгляд, нельзя считать до конца аргументированным еще одно положение о том, что в Швеции бытовали только отрывки древнерусских рукописных книг. Кнутссон об этом пишет: «Уже то обстоятельство, что обыкновенно мы из всех фрагментов встречаем чаще всего только один, довольно редко два или больше отрывков одного и того же кодекса, говорит именно за то, что кодексы в полном виде никогда не существовали в Швеции»¹⁵. Не вполне соответствует действительности первая часть приведенного высказывания, так как среди пергаменных

¹² Кнутссон К. Указ. соч., с. 71—72.

¹³ Шаскольский И. П. Русские мастера кожевники в Швеции в XVII в.— История СССР, № 2, 1964, с. 215—216.

¹⁴ О школах переводчиков русского языка см.: Янсон Б. К истории учебников и словарей русского языка в Западной Европе.— В кн.: Slavica Lundensia. Очерки по равному периоду славяноведения в Швеции, 3 р., с. 90—93.

¹⁵ Кнутссон К. Указ. соч., с. 56.

отрывков Королевской библиотеки и библиотеки Упсальского университета встретилось по 6—8 листов пергамена из одной книги. К ним относятся четыре листа и два фрагмента одного листа из пролога (КВ, А 787а: № 5), восемь листов из евангелия-апракос (КВ, А 787а: № 6, 10, 15 и 23), шесть листов из другого евангелия-апракос (КВ, А 787а: № 16, 18, 21 и 2 листа из UBU). Думается, что дальнейшее изучение пергаменных отрывков в сопоставлении с рукописями того же времени из других хранилищ может внести известные коррективы. Прежде всего необходимо сопоставительное исследование шведских фрагментов с финляндскими отрывками в собрании БАН.

Известно, что в 1869 г. Ф. Нурдквист отправил из архива финляндского сената коллекцию, содержащую 166 славянских пергаменных листов, во II отделение Академии наук в Петербург. Там они получили название финляндских отрывков и впервые были исследованы И. И. Срезневским¹⁶. При этом оказалось, что многие из них служили обложками для шведских архивных дел, на них также сохранились надписи на шведском языке с датами конца XVI — начала XVII в.

Сопоставительное изучение пергаменных отрывков евангелия из Королевской библиотеки с финляндскими отрывками БАН привели М. Б. Виднэс к очень интересным выводам. Она установила, что среди названных отрывков находятся части некогда единых древнерусских кодексов. Так, по ее наблюдениям, отрывки евангелия-апракос КВ, А 787а: № 6, 10, 15 и 23 (8 листов) ранее являлись частью рукописи, в состав которой входили восемь листов пергамена из коллекции финляндских отрывков БАН, 4.9.7¹⁷. Ею же было установлено, что отрывки пролога КВ, А 787а: № 5 являются частью рукописи, из которой 28 листов и 3 фрагмента ныне хранятся в упомянутой коллекции финляндских отрывков БАН, 4.9.20, также представляют собой части одной рукописи два листа пергамена КВ, А 787а: № 24 и 14 листов БАН, 4.9.36. Считаем, что приведенные примеры неопровержимо свидетельствуют о значительно большем числе листов из одного рукописного кодекса (чем один-два), как предполагал первоначально Кнутссон. Нам представляется более правдоподобным, что древнерусские рукописные книги, находившиеся на территории Шведского государства, там расплетались по мере необходимости на отдельные листы.

Не лишено интереса еще одно наблюдение о содержании шведских пергаменных листов. Просмотренные нами 70 листов славянских фрагментов представляют собой отрывки из собственно четых, а не богослужебных книг. Среди них находятся отрывки из трех книг евангелия-апракос (два, восемь и шесть листов) и одной псалтыри (три листа), а остальные листы (51) в большинстве случаев по содержанию являются отрывками пролога, паремийника и четых сборников. Кажется несколько странным столь «избирательный» подход к отбору пергамена, не ясно, почему шведы выбирали для своих обложек пергаменные листы из книг правоучительного содержания.

Нам кажется, что нельзя исключить предположения о наличии в шведских землях не только в XVI—XVII вв., но и в XIV—XV вв., а может быть, и в XIII в. населения, читавшего древнерусские книги. В настоящее время трудно сказать, были ли это выходцы из северо-западных земель древней Руси или шведы, выучившиеся читать славянские книги.

¹⁶ Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1876, [т. 2].

¹⁷ Widnäs M. Etude sur quelques feuillets complémentaires à l'Évangélaire...— Scando-Slavica, t. XVI, 1970, p. 205—224; Она же. Славяно-русские пергаменные отрывки в скандинавских сборниках.— В кн.: Текстология славянских литератур: Доклады конференции. Ленинград, 25—30 мая 1971 г. Л., 1973, с. 236—237.

К ИСТОРИИ КОНЮШЕННОГО ПРИКАЗА XVII В.
ПО «ОПИСИ РАЗНЫМ КОНЮШЕННЫМ ВЕЩАМ И КАЗНЕ» 1706 Г.

В ЦГАДА сохранился интереснейший документ начала XVIII в.— «Опись разным конюшенным вещам и казне»¹.

Этот документ полностью не издавался. Над ним работали А. Е. Викторов и М. М. Денисова. Выдержки из него были опубликованы А. Е. Викторовым в «Описании записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов» и М. М. Денисовой в статье «Конюшенная казна. Парадное конское убранство», опубликованной в сборнике научных трудов «Государственная Оружейная палата Московского Кремля»².

Опись дает полный перечень конского убранства и экипажей, составлявших богатую царскую конюшенную казну и хранившихся в «палатах» Конюшенного приказа Московского Кремля. Датирована она 1706 г. По-видимому, работа продолжалась и в 1707 г., так как на первом листе описи имеется пометка: «216-ого [1707] декабря в 4 день записать в книгу и выписать».

Составителем описи был стольник Ф. С. Бутурлин с «товарыщи». В начале описи сказано: «Лета 1706 апреля въ первый день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич... указал комнатному стольнику Федору Самсоновичу Бутурлину Конюшенную всякую казну и всякую статью переписать и оценить, а у той переписи быть с нимъ в товарищахъ стольнику Веденихту Яковлеву сыну Хитрово да дякамъ Василью Кашкину да Ивану Козлову. И по тому великого государя... Петра Алексеевича... указу комнатной стольникъ Федоръ Самсоновичъ Бутурлинъ с товарищи ево великого государя Конюшенную казну... осматривали, описали и оценили...»³

Документ сохранился полностью. Это — большая книга в коричневом кожаном переплете. В ней насчитывается 569 листов с оборотами, написанных разными почерками скорописью. Документ скреплен подписями Ф. С. Бутурлина и В. Кашкина.

Описания вещей систематизированы по видам конского убранства и экипажей. Например, в одну группу объединены все узды золотые, серебряные и медные, в другую — паперсти «с камень и без камень». Третью группу составляют сани и т. д. В пределах группы все описания пронумерованы. В конце каждой группы выделены описания «убылых вещей» или «вновь прибылых».

Кроме конских уборов и экипажей в описи содержится реестр одежды «чинов» Конюшенного приказа: кафтаны теплые и холодные, шапки и пояса.

В конце описи помещены доклады — «допросы и сказки об убылых вещах», а также списки оценщиков, которые осматривали и ценили вещи Конюшенной казны.

Детальное изучение описи 1706 г. позволяет сказать, что составлена она тщательно, ее отличительной особенностью является точность и определенность выражений в описании предметов. Описания драгоценной конской упряжи и парадных экипажей выполнены образно, четко и подробно. Для примера можно привести описание седла первой половины XVII в.: «Седло лука нагибная, нарески и крыльца бархат турской, золото съ серебром и съ шолки розных цветов. Луки оправлены въ серебро чеканное, золочено. На передней луке три яшмы же, а въ тех яшмах изумруды и яхонты червчатые и бирюзы... по сторонам средней яшмы

¹ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 1022.

² Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883, вып. 2; Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство. — В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

³ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 1022, л. 1.

по лалу большому в гнездах, да сверху кругом кайма изумрудная въ гнездах, да исподняя кайма — бирюзы и винисы в гнездах. По той же луке вычеканены два левица да птицы, на известях по лалу въ гнездах, три петли, 28 гвоздей... по углам плащи золочены, на них птицы, шесть наконешников... Стремена опаиваны серебром»⁴.

Вещи, не содержащие драгоценных металлов и камней, а также расхожие экипажи описаны очень лаконично. Вот перечень таких описаний: «три телеги казенные, решетчатые, покрытые кожами красными»⁵, «четыре узды панихидные черные»⁶, «двадцать науздников шиты золотомъ и шолкомъ розных цветов»⁷.

Такие описания дают возможность определить предметы конского убранства и экипажи, в настоящее время входящие в собрание Оружейной палаты. Они помогают установить также, что большая часть вещей, перечисленных в документе, дошла до наших дней.

Эту опись можно считать одним из первых сохранившихся каталогов конского убранства и экипажей ныне существующей коллекции Оружейной палаты.

Сравнивая ее с более поздними описями Конюшенной казны 1711, 1727, 1729 гг., находящимися в ЦГАДА, мы установили, что она легла в их основу⁸.

В описи 1706 г. особую ценность для исследователя представляют ссылки на более ранние, не сохранившиеся до наших дней описи Конюшенной казны 1688, 1689 и 1692 гг. В качестве образца приведем следующую запись: «Узда (золотая)... привозу персидского посла Русанбека 133-го [1625] году... По переписи и по осмотру 197-го [1689] году та узда съ золотными и серебряными плащами съ прежнею переписною книгою 196-го [1688] году сошлась. И по переписи 200-го [1682] году та узда с прежнею переписною книгою 197-го году сходна. По осмотру 215 [1706] году та узда с прежнею переписною книгою сошлась»⁹. Некоторые из таких ссылок на ранние тексты содержат упоминания об их авторах. При сличении текста описи 1706 г. и ссылок в ней на предыдущие удалось определить, что авторами описи 1692 г. были думный дворянин Степан Богданович Ловчиков и дьяк Григорий Молчанов¹⁰.

Стало ясно также, что утверждение А. Е. Викторова о том, что исходным текстом рассматриваемого нами документа была опись 1687 г., составленная думным дворянином А. Ф. Полибиным, не соответствует действительности¹¹. Опись 1687 г., не в пример другим, в исследуемом документе совсем не упоминается. Напротив, Артемий Федорович Полибин и дьяк Михаил Яковлев были составителями Описи Конюшенной казны 1689 г. На л. 530 находим этому убедительное доказательство: «...в прошлом 197 [1689] году как в Конюшенном приказе переписывали казну думный дворянин Артемий Федоровичъ Полибин да дьяк Михаил Яковлев».

Вместе с тем нам удалось проследить, что наиболее ранним документом, положенным в основу описи 1706 г., была составленная стольником Ефимом Кондыревым опись Конюшенной казны 1688 г.¹² Таким образом, целый ряд сведений, содержащихся в описи 1706 г. и касающихся атрибуции, происхождения вещей, следует относить к 80—90-м годам XVII в., а не к началу XVIII в.

Особенно интересными нам представляются содержащиеся в рассматриваемом документе сведения о месте, времени исполнения и принадлеж-

⁴ Там же, л. 149, 150.

⁵ Там же, л. 476.

⁶ Там же, л. 55.

⁷ Там же, л. 55.

⁸ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 1023; ф. 396, оп. 2, ч. 3, д. 1259, 1260, 1261.

⁹ Там же, ч. 2, д. 1022, л. 1—2.

¹⁰ Там же, л. 1.

¹¹ Викторов А. Е. Указ. соч., с. 504.

¹² ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 1022, л. 530, 531.

ности вещей определенным лицам. Вот образцы записей: «Узда крымская... плащи невелики, золотые...»¹³ «Сани выходные резные золочены... поверх государева места резан круг... писано: великого государя, царя... Федора Алексеевича»¹⁴. «Карета большая черная... Делана та карета в Конюшенном приказе во 148 [1640] году»¹⁵.

Кроме того, в описи имеются не менее важные для исследователя указания о времени и обстоятельствах поступления упряжи и экипажей в Конюшенный приказ: «Карета бархатная... Взята та карета после боярина Никиты Ивановича Романова во 164 [1656] году»¹⁶ или «Мундштук турский. Плащи золотые. Великому государю челом ударил посол Фома Котакузинъ во 141 году. Принесен с Казенного двора во 144 году»¹⁷.

Все эти данные позволяют значительно расширить круг атрибутированных предметов конского убранства и экипажей ныне существующего собрания Оружейной палаты.

Достаточно подробные описания дают возможность внести и некоторые уточнения в терминологию конского убранства XVII в. Они позволяют установить, какая часть упряжи записана под тем или иным названием, что особенно важно, так как старая терминология, судя по документу, не всегда совпадает с современной. Так, например, под мундштуком составители описи понимали узду и оголовь без удил¹⁸.

По данному документу можно восстановить и ныне утраченные термины конского убранства, представить, какие предметы под ними подразумеваются. В описи неоднократно встречаются такие термины, как «кутаз, ухват, узденица, очёлок, начёлок». Часть документа, где описаны конские уборы, была изучена М. М. Денисовой и опубликована в работе «Конюшенная казна. Парадное конское убранство». Поэтому в этой части мы освещаем лишь те места, на которые в свое время не обратила внимания М. М. Денисова¹⁹.

Нам представляется очень важным, что в большинстве случаев в описи определены форма и декор предмета. Например, «сани большие выходные резные, золочены, с царствы, на китах деревянных резных, те киты посеребрены. В тех санях обито бархатом червчатый двоёморхим, на нем травки и коруны золотные. Государево место сделано креслами... На шиту и назади два орла двоеглавые, межъ глав коруны; орлы деревянные резные золоченые»²⁰ или «седло передняя лука нагибная...»; «седло... передняя лука широкая ложатая...»²¹

Такие описания помогают установить характерные формы и художественную декорировку конских уборов и экипажей русской и иностранной работы XVI — начала XVIII в.

Во второй половине XVII в. большое распространение имела обивка экипажей гладким бархатом, тисненой кожей и декор из медных гвоздей со шляпками различной величины.

М. М. Денисова высказала мнение, что такой род декора был характерен только для польских экипажей. Однако опись 1706 г. это опровергает. В документе имеется множество свидетельств, что такой способ оформления экипажей, как украшение гвоздями, широко использовался в это время как в России, так и на Западе.

Большую ценность представляет также детальное описание конструкций экипажей. Так, авторы описи специальным названием «пялцы» и «дуги» выделили только что появившиеся во второй половине XVII в. приспособления для поворота экипажа — поворотный круг и лебяжью

¹³ Там же, л. 412.

¹⁴ Там же, л. 3 об., 4.

¹⁵ Там же, л. 431.

¹⁶ Там же, л. 395.

¹⁷ Там же, л. 56 об., 57.

¹⁸ Там же, л. 49 об., 51.

¹⁹ Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сб. статей. М., 1954.

²⁰ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 1022, л. 430.

²¹ Там же, л. 142, 149.

шейку: «Коляска Колычевская... под коляскою пялцы сделаны, у пялец две дуги железные... Круг деревянный, обит железом»²². Из другого описания выясняется появление запяток уже в середине 40-х годов XVII в.: «Сани выходные, старье... Возничье место обито сафьяном... Запятки обиты сукном красным... те сани строены блаженные памяти при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче»²³. До сих пор эти нововведения приписывали началу XVIII в.

В литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что кареты с дверями появились только в начале XVIII в. Опись 1706 г. дает и здесь убедительные доказательства, что они были известны уже в середине XVII в.²⁴

Встречается, например, такое описание: «Карета бархатная... верх и по сторонам и двери обиты бархатом червчатым гладким... Взята та карета после боярина Никиты Ивановича Романова во 164 [1656] году»²⁵.

В «Описи разным конюшенным вещам и казне» перечисляются находившиеся на кремлевском каретном дворе различные по типу и назначению экипажи русской и иностранной работы XVI — начала XVIII в. Поэтому имеется возможность уточнить, какой из типов экипажа был характерен для того или иного времени. Здесь записаны две «коптаны» XVI в. — «избушки на полозьях» и 9 колымаг — больших 2- и 4-местных экипажей начала XVII в. Небольшое число такого типа экипажей свидетельствует, что они использовались в XVI—XVII вв., а в начале XVIII в. уже вышли из употребления. Две колымаги (одна английская, другая польская) дошли до наших дней и хранятся в Оружейной палате.

Опись подчеркивает разнообразие саней русского и иностранного производства XVII в. Перечисляются сани: выходные, покоевые, полевые, потешные, птгичьи и панихидные.

В этой связи небезынтересно отметить, что на Руси в саях иногда ездили даже летом. Передвижение в саях считалось почетнее езды на колесах, поэтому использование саней летом было привилегией исключительно высшей светской и духовной знати²⁶.

В описи названо 84 возка: запасных, детских, теплых, потешных, постельных, крестовых и панихидных. Почти все они датированы XVII в. Надо полагать, что в это время возки и сани были наиболее широко употребляемым зимним экипажем. Возки, как видно из описи, представляли собой «избушку» с маленькими окопечками и широкими дверями. Однако для объяснения назначения того или иного возка данные описи необходимо пополнить сведениями, опубликованными в работе И. Забелина «Троицкие походы»²⁷: во время «походов» царя в «крестовых возках» размещали «образную казну» — иконы, в «постельных» — сундуки с царской постелью, а в «запасных» — находились царские платья и белье. Сам царь и его семья ехали в «теплых возках», обитых внутри соболями. В ныне существующей экспозиции Оружейной палаты представлены два дошедших до наших дней потешных возка конца XVII в.

Опись называет также четыре «полукаретья» XVII в. — экипажей, «верх которых рознимается надвое: задняя половина кладется на задние столшцы, а под переднюю подставляется крючок железный; окончины круглые».

Среди экипажей XVII в. опись выделяет и такой тип экипажа, как коляска. Всего перечисляются 12 колясок. Шесть из них записаны как «росхожие».

²² Там же, л. 428.

²³ Там же, л. 431.

²⁴ Там же, л. 399, 400.

²⁵ Там же, л. 394.

²⁶ См. миниатюру Царственной книги, изображающую митрополита Макария в саях летом. Огубл.: Шмидт С. О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги. — Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1976, вып. 2, с. 15.

²⁷ Забелин И. Троицкие походы. — ЧОИДР, 1848, № 5, с. 32, 33.

Кроме того, на кремлевском каретном дворе находились 112 карет русского и иностранного производства XVII в. Каретами документ называется закрытые экипажи. Эти экипажи имели большой, низко посаженный кузов. Одни из них со всех сторон были закрыты занавесками, плотно пристегнутыми к краям кузова. В окнах других были вставлены слюда или «хрустальное стекло». Важно отметить такой факт, что среди карет опись ни разу не упоминает карету типа «berline»²⁸. В иностранной научной литературе нередко высказывалась мысль о том, что такой экипаж появился в XVII в. По-видимому, начало изготовления карет типа «berline» — экипажей довольно элегантных, 4-местных, с небольшим кузовом — следует отнести к более позднему времени — первой половине XVIII в.

В момент составления описи кареты не являлись еще распространенными экипажами. Согласно указу «О правилах езды», относящемуся к концу XVII в., в России разрешалось ездить в каретах только высшему духовенству, боярам, окольных и думным людям²⁹.

Опись 1706 г. позволяет также сделать вывод, что в XVI — начале XVIII в. в Русском государстве не пользовались портшезами. Мы не встретили здесь ни одного описания этого экипажа, хотя портшезы в Европе были известны еще в XIV в. Кроме перечисленных экипажей записаны 17 рыдванов и 15 «образных, казенных и портомойных» телег.

«Опись разным конюшненным вещам и казне» — очень многогранна. Она дает возможность по-новому осветить вопрос об искусстве экипажного дела в России в XVII в.

В литературе существовало мнение, например, таких известных исследователей, как Н. Тарасов, что налаженное производство экипажей в России относится к XVIII в.

В «Приходных и расходных книгах денежной казне XVII века», опубликованных А. Е. Викторовым в «Описании записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов», содержатся некоторые сведения о покупках краски, тканей и кожи, предназначенных для покраски или обивки саней и возков. У Викторова и в статье М. М. Денисовой «Конюшенная казна. Парадное конское убранство» встречаются упоминания о мастерах колымажного и каретного дела, работавших в Конюшенном приказе, описания нескольких русских карет XVII в.

Рассматриваемая же нами «Опись разным конюшненным вещам и казне» 1706 г. свидетельствует, что в XVII в. в России было уже вполне развитое, налаженное экипажное производство. В ней записано 313 экипажей этого времени, из них 290 исполнены мастерами Московского Кремля. Эти экипажи, как можно судить по их описаниям, по своим художественным достоинствам и эксплуатационным качествам не уступали лучшим экипажам иностранной работы, находившимся в то время на кремлевском каретном дворе.

Приведем для сравнения описания нескольких экипажей русской и иностранной работы одного и того же времени. Вот описания карет русского производства: «Карета... кузов резной деревянный, решетчатый, писан золотомъ и розными красками... Делана та карета в Конюшенном приказе во 143 [1635] году»³⁰: «Карета новая... с лица обито кожами черными, наверху также кругом обито гвоздми медными золочеными... В окнах и дверях окончины хрустальные... Делана та карета на Москве во 195 [1687] году»³¹.

И вот описания экипажей работы иностранных мастеров этого же времени: «Карета старая польская, верх и стороны, двери обиты кожей черною... около каймы биты гвозди 3-х статей медные... У кареты 6 окон-

²⁸ Их впервые начали изготавливать в г. Берлине.

²⁹ *Малиновский А. Ф.* Москва или исторический путеводитель по знаменитой столице государства. М., 1831, с. 128.

³⁰ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 1022, с. 405.

³¹ Там же, л. 400.

чин хрустальных... Отдана царевне... Татьяне Михайловне»³²; «Карета немецкая... верх и стороны обиты кожей черною... с гвоздями медными.. Куплена у иноземца Галанкизели»³³; «Карета польская... по стенам, столпцы резные золочены... резаны травы и листья...»³⁴

Сравнительный анализ наглядно показывает, что те и другие кареты имели совершенно одинаковые конструкции. Это свидетельствует о том, что русским мастерам-каретникам были известны новейшие достижения в области экипажного дела. Все вместе взятое убеждает нас, что Россия уже в XVII в. имела вполне развитое экипажное производство, центром которого являлись мастерские Конюшенного приказа Московского Кремля. «Опись разным конюшенным вещам и казне» 1706 г. дает и достаточно определенное представление о деятельности Конюшенного приказа Московского Кремля в XVII — начале XVIII в. Конюшенный приказ в это время напоминал весьма солидное учреждение с огромным штатом в 700 человек. В его ведении находились мастерские, изготовлявшие экипажи и конское убранство, оформление царских выездов и встреч иноземных послов, царские конюшни и каретные дворы. Судя по документу, в его «палатах» скапливались огромные богатства, составлявшие царскую конюшенную казну. Здесь сосредоточивались произведения, сделанные в мастерских приказа и других художественных мастерских Московского Кремля, а также экипажи и драгоценная конская упряжь, поступившие в Россию через торговых представителей и в качестве дипломатических подарков.

В опись включено более 2 тыс. предметов. Среди них золоченые кареты, седла, оправленные золотом и серебром; золотые и серебряные узды, обильно украшенные драгоценными камнями; подшейные кисти из жемчуга и золотных нитей; наметы, чепраки³⁵ и чалдары³⁶ из парчевых и бархатных тканей, с золотным шитьем и жемчугом.

Такое накопление богатой конской упряжи и экипажей позволяет судить о том, как пышен был ритуал царских выездов во второй половине XVII — начале XVIII в., что организации и оформлению церемониальных процессов придавалось такое же большое значение, как и в более ранние времена.

Документ 1706 г. наглядно показывает, что среди богатств Конюшенной казны преобладающее место занимали вещи русской работы. Например, из 226 седел, внесенных в опись, 198 сделаны мастерами Московского Кремля. Основная часть этих предметов была выполнена в Конюшенном приказе. «Опись разным конюшенным вещам и казне» довольно полно освещает деятельность его мастеров.

В описи особо выделены «арчаки»³⁷ новые, сделанные в Конюшенном приказе». Большинство экипажей, записанных в документе, были изготовлены в его «каретной, колымажной, возковой и санной палатах», что свидетельствует о большом размахе работ в мастерских приказа.

Целый ряд документов архива Оружейной палаты сообщает о том, что живописные, резные, столярные работы нередко выполнялись мастерами других палат³⁸. Резные украшения для экипажей иногда делали мастера «резных и столярных дел». Среди них известны: Клим Михайлов, Давид Павлов, Герасим Окулов, Андрей Иванов «с жалованием от 7 до 10 рублей». Заведовавший резной палатой старец Ипполит «во 180

³² Там же, л. 401.

³³ Там же, л. 399.

³⁴ Там же, л. 401.

³⁵ Чепрак — попона, закрывающая круп коня.

³⁶ Чалдар — попона, надевавшаяся под седло и закрывавшая спину, бока и грудь коня.

³⁷ Арчак — седло с низкими и широкими луками, подушкой, пристегнутой к сиденью.

³⁸ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 9, д. 11254, л. 1; д. 15909; д. 16433, л. 1—5; ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 955, л. 64; д. 956, л. 39.

[1672] году июня в 14 день на дворе боярина Никиты Ивановича Романа к каретному делу режет столпы да гербы»³⁹.

Золотили и расписывали экипажи живописцы. «Живописец Кондрат Иевлев по наряду каретного дела был у золочения»⁴⁰. Сохранились документы о выдаче денег Ивану Безымену за «стройку кареты», ее золочение и роспись⁴¹.

Известны документы, рассказывающие о том, что во второй половине XVII в. кареты расписывали, золотили и в мастерской Посольского приказа, но такие работы являлись исключением⁴².

Документы архива Оружейной палаты отмечают целый ряд работ, которые выполнялись в других художественных мастерских Кремля. Так, мастерами Серебряной палаты иногда изготовлялись даже узды, седла и серебряные гремячие цепи⁴³. Фиксируются случаи, что загормистры из кузнечной мастерской оковывали колеса карет. «Загормистры и кареты оковывают и замки большие к светлицам делают они же...» Как «Михалко Микитин да два сына, Филка Тарасов да у него ж сын...»⁴⁴

Рассматриваемая опись подтверждает, что мастерские Конюшенного приказа имели непосредственную связь и с другими художественными мастерскими Московского Кремля⁴⁵.

Опись 1706 г. дает некоторое представление о системе учета и хранения вещей в Конюшенном приказе.

Здесь неоднократно упоминается о необычайно бережном хранении «конюшенной казны». Документ отмечает, что «палаты» находились под присмотром «специального лица» — стольника, опечатывались его и государевой печатями. Особое внимание было обращено на сохранность «золотой конской упряжи с каменьем», парадных экипажей и предметов, связанных с историческими событиями. В описи указывается, что парадные экипажи «от повреждений и пыли» были закрыты мягкими чехлами из сукна или крашенины.

Опись 1706 г. позволяет судить о том, что в Конюшенном приказе велся строгий учет предметов, драгоценных металлов и камней. В этом убеждает нас сам документ, составленный очень тщательно. В описи имеются точные указания: откуда поступила или куда из «казны» убыла та или иная вещь. Например, «арчак... именовану великого государя указу отдан уставщику Сергею Ивановичу во 197 году [1689] марта в 26 день»⁴⁶ или «Карета немецкая... куплена у иноземца Галанкизели»⁴⁷.

Выдача предметов из «казны» производилась по ведомости: «Подлинные тому ведомости по докладной выписке в конце книги сия»⁴⁸.

Особенно строго учитывались драгоценные металлы, камни и жемчуг. В описи подробно зафиксированы повреждения золотой или серебряной оправы, накладок, утраты золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней: «Узда с ошейком и с паперстью... По осмотру на той узде и на паперсти двадцать одного лалика да ошейка, законешника золотова с забирзатом нет...»⁴⁹; «Покровец с царствы... шит жемчугом... По нынешней переписи 215 [1706] году... на том покровце над орлом и около царств жемчуг осыпался в девяти местах. От того среднего места, на

³⁹ *Соболев Н. Н.* Русская народная резьба по дереву. М., 1934, с. 150.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 9, д. 11254, л. 1.

⁴¹ Там же, д. 15909; д. 16433, л. 1—5.

⁴² *Калишевский З. Е.* Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности. Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961, с. 398.

⁴³ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 1022, л. 224—254.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 396, д. 4640, л. 1, 2. Сообщены М. Н. Ларченко.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. 1022, л. 224—254.

⁴⁶ Там же, л. 149.

⁴⁷ Там же, л. 408.

⁴⁸ Там же, л. 531.

⁴⁹ Там же, л. 2 об., л. 3.

правом углу, на первом кругу, жемчуг осыпался з двенадцати мест... по правую сторону... внизу, на кругу, жемчуг осыпался в трех местах»⁵⁰ или «Карета бархатная... По осмотру на той карете серебряных крестов двух не оказалось»⁵¹. Отмечены даже малейшие утраты золота и серебра. Так, на одном из седел «кизылбашского дела» значится утрата двух маленьких золотых колечек: «...на известях 8 золотых колечек с петли да 2 петли без колечек...»⁵² С необычайной строгостью велся учет драгоценных камней, золота и серебра, золотых и серебряных запон, дорогих тканей, которые выдавались мастерам для переделок или реставрации предметов.

Надо полагать, что «Опись разным конюшенным вещам и казне» была основным учетным документом. «... И по тому великого государя... указу комнатной стольник... Бутурлин с товарищи ево великого государя Конюшенную казну по описным книгам описи думного дворянина... Ловчикова да дьяка... Молчанова прошлого 200 году осматривали, описали и оценили...», — читаем на первом листе исследуемого документа.

Опись 1706 г. вобрала в себя много интересных и важных исторических сведений о состоянии дел Конюшенного приказа.

«Опись разным конюшенным вещам и казне» — один из основных источников для изучения предметов конского убранства, хранящихся в музеях Московского Кремля.

Она является также ценнейшим документом для изучения искусства экипажного дела в России и на Западе в XVI — начале XVIII в. Эта опись дает достаточно полное представление о деятельности Конюшенного приказа и его мастерских, подчеркивая их роль в развитии русского каретного производства.

Нам представляется, что рассматриваемая опись привлечет к себе внимание исследователей.

⁵⁰ Там же, л. 305, 306.

⁵¹ Там же, л. 394, 395.

⁵² Там же, л. 132.

Б. А. Градова, Б. М. Клосс, В. И. Корецкий

О РУКОПИСЯХ БИБЛИОТЕКИ Д. М. ГОЛИЦЫНА В АРХАНГЕЛЬСКОМ

В предыдущей статье¹ мы рассмотрели сохранившиеся описи библиотеки кн. Д. М. Голицына в с. Архангельском (под Москвой), опубликовав в приложении самый исправный и полный список каталога 1737—1738 гг. ее светских книг, а также переводную таблицу номеров описей XVIII—XIX вв. и современных шифров. Настоящая статья посвящена изучению истории формирования библиотеки Д. М. Голицына и анализу содержания наиболее интересных для русской истории и литературы рукописей как отечественных, так и переводных².

¹ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына. — АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 238—253.

² К библиотеке Д. М. Голицына, одной из крупнейших русских библиотек первой половины XVIII в., усилился в последние годы интерес советских ученых. См.: Шаркова И. С. Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 371—374; Она же. «Анти-Макьявелли» Фридриха II и его русские переводы. — В кн.: Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979, с. 106—111; Лупнов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 204—223.

Дмитрий Михайлович Голицын (1663—1737 гг.) — видный государственный деятель первой трети XVIII в. (занимал пост киевского воеводы, а затем губернатора (1707—1718 гг.), являлся президентом Коммерц-коллегии и членом Верховного тайного совета). Голицын принадлежал к знатнейшим сановникам государства и выступал за ограничение самодержавной власти (Анны Иоанновны) в пользу высшей аристократии. Живой свидетель петровских преобразований, Голицын в то же время был ревнителем русской старины. Получив образование за границей и зная несколько иностранных языков, он проявлял интерес к зарубежной литературе. Один из наиболее просвещенных людей своего времени, крупный администратор, кн. Д. М. Голицын имел большие возможности к целенаправленному собиранию своей библиотеки: покупать, переписывать, получать в дар рукописи, делать переводы с иностранных книг. Будучи киевским губернатором, Голицын организовал многочисленные переводы произведений иностранных авторов. Одновременно Голицын развил бурную деятельность по приобретению и переписыванию древних отечественных рукописей.

Знаменитая библиотека Д. М. Голицына складывалась постепенно. Вероятно, в ее основу была положена библиотека его отца кн. М. А. Голицына. Помимо разрядных, родословных и других книг, необходимых представителям знатных дворянских родов для местных счетов и имевшихся, безусловно, под рукой и у М. А. Голицына, следует обратить внимание на то, что в его распоряжении находились книги исторического содержания. Так, сохранилась рукопись русского хронографа (третьей редакции) с владельческой записью: «Сия книга, богоблагодетеля г[р]анаграв, бол[я]рина князя Михаила Ан[д]реевича Голицына, благословение Никиты Васильевича Кафтырева...»³. В конце XVII в. княжеские библиотеки, судя по описи 1689 г. библиотеки князей Ромодановских, имели значительные собрания рукописных и печатных книг, среди которых находились не дошедшие до нас летописи⁴.

Не исключено, что в библиотеку Д. М. Голицына вошла часть книг из библиотеки его опального родственника кн. В. В. Голицына, крупнейшего дипломата и государственного деятеля конца XVII в., книги которого были конфискованы⁵ или разошлись по рукам. Один из рукописных сборников В. В. Голицына находится в настоящее время в Отделе редкой книги библиотеки Харьковского университета (инв. № 129). Это «История о великом князе Московском» Андрея Курбского и другие его сочинения⁶. Кстати, сборник аналогичного содержания числился, судя по описи конфискации (под № 150), в собрании книг Д. М. Голицына. Заметим, что в библиотеке последнего хранился ряд рукописей XVI—XVII вв. дипломатического содержания. Сопоставим это с фактом, что В. В. Голицын длительное время стоял во главе Посольского приказа.

В истории формирования библиотеки Д. М. Голицына можно отметить несколько этапов. На большинстве рукописей (в основном впереди на переплетных листах) видны следы четырех нумераций, проставленных в XVIII в., а в ряде случаев имеется еще и пятая нумерация черными чернилами, располагающаяся обычно в самой нижней части листов. Последовательность нумераций хорошо определяется на примере рукописи ГПБ, Ф.П.58(2), где на одном листе представлены все указанные нумерации: 1) сначала был написан № 652; 2) другими чернилами этот номер зачеркнут и рядом проставлен № 467; 3) против него другой рукой и другими чернилами замечено — «старой», а ниже подписано: «1755 году № 374»; 4) ниже четвертым почерком сделана запись: «Кни-

³ Н. В. Кафтырев — дворянин, служивший в 50-х годах XVII в. во Владимирском и Московском судебных приказах (*Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.: Л., 1946, с. 260*).

⁴ ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 454. Текст описи подготовлен к печати Б. Н. Морозовым.

⁵ *Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970, с. 107—110.*

⁶ *Осипова К. С. «История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голицынском сборнике.— ТОДРЛ. Л., 1979, т. XXXIII, с. 298—307.*

га история о министере кардинала Михерия, книга седмая. № 121»; 5) ниже всех перечисленных номеров черными чернилами поставлен номер 82⁷. В рукописи ГПБ, Q.XV.5 размещение первых двух нумераций несколько иное: первоначальный № 740 (последняя цифра первоначальной записи не совсем ясна) переделан вторым почерком на 432, против него третьим почерком написано — «старый», а ниже «№ 341 1755 году»; еще ниже четвертым почерком: «Описание риторики № 369»; последним значится номер 178 (пятый почерк)⁸.

Происхождение пятой нумерации определяется легко: она соответствует номерам описи конфискации 1737—1738 гг. и проставлена в 1739 г. сотрудником Библиотеки Академии наук А. И. Богдановым, отбравшим наиболее интересные голицынские рукописи для академической библиотеки⁹ (отождествлено по почерку).

Третья нумерация датирована 1755 г. и сопровождается в ряде рукописей¹⁰ подписью А. Д. Голицына (младшего сына Дмитрия Михайловича). Итак, составитель описи 1755 г. — кн. А. Д. Голицын (1697—1768 гг.), который стал владельцем библиотеки после смерти отца.

Четвертая нумерация помещена вслед за нумерацией 1755 г. Характерно, что в рукописях ГПБ, F.I. 179; F.I.276; F.II.27 предшествующие нумерации зачеркнуты теми чернилами, которыми написана четвертая нумерация. Во многих случаях номер этой описи сопровождается замечанием — «новой»¹¹. «Новая» опись была составлена в 1770 г., как это определяется из пометы на рукописи ГПБ, Q.II.7: «№ 500 1770 году».

Во время написания предыдущей статьи нам еще не были известны обстоятельства создания описи 1770 г. Теперь они прояснились: опись создавалась под наблюдением известного историка XVIII в. Г. Ф. Миллера. В письме, написанном между 1781 и 1783 гг. Николаю Михайловичу Голицыну (племяннику Д. М. Голицына), с предложением приобрести Архангельскую библиотеку для Московского архива Коллегии иностранных дел, Миллер, в частности, писал: «В. с-во имели преж сего старание о оставшейся за покойным князем Алексеем Дмитриевичем его библиотеке, чтоб как печатным книгам, так и манускриптом оныя точный каталог сочинен был, к чему вы изволили тогда меня употребить, и каталог сделан по моему указанию, из коего усмотреть можно, что в сей библиотеке находится много для России полезных и нужных книги и манускрипты на разных языках, коими сын покойного князя, князь Николай Алексеевич, будучи всегда упражнен при дворе, уповательно, мало пользуется»¹².

Имеется возможность определить время появления печатного экслибриса «Ex Bibliotheca Arcangelina» на голицынских рукописях. Оказывается, в рукописях ГПБ, F.II.36(2); F.II.36(3); F.II.58(1); F.IV.89; F.IV.98; Q.I.264; Q.II.25; Q.II.31; Q.XV.29; ГБЛ, ф. 304/II, № 17—

⁷ Аналогичная картина наблюдается в рукописях: ГПБ, F.II.41; F.II.56(4); F.II.62; F.II.64; F.II.68; F.III.8; F.IV.105; F.IV.179; Q.I.109; Q.II.31.

⁸ Аналогично в рукописях: ГПБ, Q.VII.1; Q.XVI.13; O.I.38; O.I.39.

⁹ Материалы для истории Академии наук. СПб., 1887, т. 4, с. 178—190. В литературе бытует неверное утверждение, будто бы опись книг Голицына составил А. И. Богданов, см.: *Кобленц И. Н.* Андрей Иванович Богданов (1692—1766). Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., 1958, с. 124; *Моисеева Г. Н.* Об Андрее Богданове, первом русском книговеде. (К вопросу о его участии в работе Ломоносова над «Кратким российским летописцем»). — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1973, т. III, с. 286. О наличии маргиналий Богданова на рукописях Д. М. Голицына известно не было.

¹⁰ См. рукописи: ГПБ, F.I.182; F.IX.10; Q.II.31; Q.IV.125; Q.IV.95; Q.XVI.13.

¹¹ См. рукописи: ГПБ, F.I.179; F.IV.99(4); F. IV.121; Q.I.83; Q.II.23; Q.II.36; Q.IV.19; Q.IV.85; Q.IV.91; Q.IV.92; Q.IV.98; Q.IV.110; Q.IV.136; Q.VI.8 Q.VII.1; Q.XV. 14; собр. Михайловского, Q.16; БАН, 4.7.25, 4.7.28.

¹² *Голицын Н. В.* Портфели Г. Ф. Миллера. — Сборник МГАМИД. М., 1899, вып. 6, с. 491—492. Уместно заметить, что в 1770 г. в архиве была снята копия («Голицынская выписка») с посольской книги из библиотеки «Алексея Дмитриевича села Архангельского»: Сб. РИО. СПб., 1882, т. 35, с. V—VI (имеется в виду рукопись ГБЛ, ф. 304/II, № 9).

эклибрис частично наклеен на нумерацию 1755 г. А в рукописи ГПБ, Q.II.36 эклибрисом частично заклеена даже нумерация 1770 г. Кроме того, эклибрис наклеен на «Журнал путешествия по Европе 1770 г.» (музей-усадьба «Архангельское», инв. № 18402). Следовательно, печатный эклибрис Архангельской библиотеки был изготовлен после 1770 г.; а поскольку он печатался на голубой бумаге, имевшей хождение в конце XVIII — начале XIX в., то его изготовление следует относить именно к этому времени.

Рассмотрим теперь самые первые описи Архангельской библиотеки. Нумерация, непосредственно предшествующая описи 1755 г., названа А. Д. Голицыным (составителем описи 1755 г.) «старой». Этой «старой» описи предшествовала еще более древняя опись. На рукописи ГПБ, F.IV.121 номер Богданова пришелся прямо вслед за номером «старой» описи, поэтому нумерацию 1755 г. в данном случае составитель вынужден был расположить ниже богдановской. Следовательно, «старая» нумерация была выполнена до конфискации имущества Д. М. Голицына в 1737 г. Но на рукописи ГПБ, Q.XV.12, на которой читается запись о продаже ее Яковом Васильевым в 1726 г., имеется «старый» номер, но нет «древнего». Таким образом, «старая» опись составлена между 1726 и 1737 гг. Поскольку «древняя» нумерация проставлена на Каталоге иностранных книг 1722 г. (ГБЛ, ф. 64, к. 80, ед. 10) и на рукописи 20-х годов XVIII в. ГПБ, F.I.182, то можно считать, что «древняя» опись составлена в 1720-х годах.

В ряде голицынских рукописей видны следы еще более ранней описи — славянских буквенной нумерации, проставленной в большинстве случаев в правом верхнем углу первого листа, занятого текстом. Чтобы выяснить происхождение данной нумерации, обратимся к рассмотрению ее особенностей. Оказывается, буквенная нумерация представляет последовательный ряд чисел, без повторов¹³, но с пробелами, объясняющимися тем, что голицынская библиотека дошла до нашего времени далеко не полностью. Приводим таблицу этих номеров (в порядке возрастания):

111 — ЛОИИ, ф. 36, № 662,	256 — ГПБ, F. IV.170,	452 — ГПБ, F. IV.99(2),
115 — ГПБ, Q. IV.117,	259 — ГПБ, F. IX.3,	454 — ГПБ, F. II.36(3),
117 — ГПБ, Q. IV.105,	262 — ГПБ, F. IV.114,	455 — ГПБ, F. II.36(2),
118 — ГПБ, Q. II.36,	3.. — ГПБ, F. IV.112,	456 — ГПБ, F. IV.115,
119 — ГПБ, Q. IV.75,	320, 323 — ГПБ, F. IV.176,	459 — ГПБ, F. II.26(1),
124 — ГПБ, Q. I.222,	326 — ГПБ, F. IV.113,	462 — ГПБ, Q. XVIII.5,
125 — ГПБ, Q. IV.65,	327 — ГПБ, F. IV.116,	463 — ГПБ, F. II.56(2),
126 — ГПБ, Q. IV.39,	332 — ГПБ, F. IV.231,	464 — ГПБ, F. II.62,
128 — ГПБ, Q. IV.98,	355 — ГПБ, F. IV.88,	465 — ГПБ, F. II.56(4),
130 — ГПБ, Q. IX.1,	356 — ГПБ, F. IV.113,	466 — ГПБ, F. IV.99(3),
144 — ГПБ, F. II.68,	398 — ГПБ, F. IV.70,	467 — ГПБ, F. II.56(3),
145 — ГПБ, F. I.326,	399 — ГПБ, F. IV.101,	472 — ГПБ, F. IV.99(4),
149 — ГПБ, F. XV.21,	404 — ГПБ, F. II.58(1),	473 — ГПБ, F. III.3,
152 — ГПБ, F. IX.12,	406 — ГПБ, F. II.31,	475 — ГПБ, F. IV.97,
200 — ГБЛ, ф. 304/II, № 19,	415 — ГПБ, Q. I.274,	476 — ГПБ, F. IV.96,
210 — ГПБ, F. IV.130,	417 — ГПБ, Q. II.35,	480 — ГПБ, F. II.46,
211 — ГПБ, Отд. редк. книги, инв. № IV. 4. 8(б),	444 — ГПБ, F. IV.98,	486 — ГПБ, Q. IV.115,
215 — ГПБ, F. IV.180,	444 — ГПБ, F. III.8,	487 — ГПБ, F. II.52,
242 — ГПБ, F. IV.162,	446 — ГПБ, Q. II.17,	491 — ГПБ, Q. I.243,
247 — ГБЛ, ф. 178, № 6574	447 — ГПБ, F. I.254,	501 — ГПБ, F. IV.77,
248 — ГПБ, F. IV.124,	448 — ГПБ, Q. II.19,	506 — ГПБ, F. IV.105,
	449 — ГПБ, F. II.56(1),	514 — ГПБ, F. I.247,
	451 — ГПБ, F. II.36(1),	535 — ГПБ, F. IV.92.

Не исключая возможности поступления книг с буквенной нумерацией из других библиотек, мы все же склоняемся в пользу мнения, что в своей основе эта нумерация отражает опись книжного собрания Д. М. Голицына, составленную в течение первых двух десятилетий XVIII в.: во-первых, опись составлена явно по форматному признаку (сначала указаны рукописи в 4°, а с номера 144 по 406 — рукописи и печатные кни-

¹³ За единственным исключением: номер 444 проставлен на двух рукописях. Это можно объяснить либо ошибкой составителя описи, либо происхождением этих двух книг из различных библиотек.

ги в 1°, только после этого замечается разнорядность в форматах, зависивший, очевидно, от последовательности поступления различных книг в библиотеку); во-вторых, среди рассмотренных рукописей значительный пласт составляют рукописи киевского происхождения, ставшие собственностью Д. М. Голицына в бытность его киевским губернатором¹⁴.

Прежде чем перейти к обзору голицынских книг историко-литературного содержания, нельзя не упомянуть еще об одной нумерации, проставленной на части рукописей Архангельской библиотеки, имеющих картонные переплеты. Это — указанная в предыдущей нашей работе так называемая «печатная» нумерация, проставленная на верхней крышке переплета и выполненная черной краской с прорисей или со штемпелей. Ниже мы укажем основания, позволяющие связывать происхождение «печатной» нумерации с С. Д. Голицыным (старшим сыном Д. М. Голицына).

Роль Сергея Дмитриевича Голицына (1696—1738 гг.) в истории русской культуры и историографии XVIII в. не выяснена еще должным образом. Он получил блестящее по тому времени образование: в десятилетнем возрасте был послан на учебу за границу, где пробыл десять лет, посетив ряд европейских государств и овладев несколькими иностранными языками (греческим, латынью, немецким, голландским, английским, французским, испанским, итальянским). В частности, сохранилось известие о пребывании С. Д. Голицына в Вольфенбютеле, где находилась одна из крупнейших европейских библиотек¹⁵. Ознакомление с организацией вольфенбютельской библиотеки и, очевидно, с другими библиотеками позволило впоследствии С. Д. Голицыну создать каталог иностранных книг Архангельской библиотеки на уровне европейских требований, чем он резко отличался от всех известных описаний русских библиотек своего времени. Вернувшись на родину, С. Д. Голицын занимал ряд ответственных государственных постов: являлся русским послом в Мадриде (1723—1726 гг.), в Берлине (1729—1730 гг.), в Персии (1733—1736 гг.), президентом Камер-коллегии (1731—1733 гг.), казанским губернатором (1736—1738 гг.). Известны тесные и дружеские отношения С. Д. Голицына с В. Н. Татищевым. Когда С. Д. Голицын находился на губернаторстве в Казани, Татищев, возглавляя Оренбургскую канцелярию, жил по соседству в Самаре и навещал его. В это время, по словам Татищева, он получил «от любознательного и хвалы достойного» князя Сергея Голицына копию письма Ивана IV архиепископу казанскому Гурию и Соборного уложения царя Бориса Федоровича Годунова о мобилизации сил на борьбу с самозванцем¹⁶. Но начало знакомства Татищева и С. Д. Голицына произошло, по-видимому, десятью годами ранее. В 1726 г. вернулся в Москву из Испании Сергей Голицын, в этом же году приехал из Швеции Татищев и начал с февраля 1727 г.¹⁷ работать в Москве в Монетной конторе (в течение 1727—1733 гг.). Как известно, с 1727 г. Татищев приступил к написанию «Истории Российской»¹⁸, и именно в это время, надо полагать, историк посетил Архангельское и занимался в голицынской библиотеке. Резко не принимая политическую позицию Д. М. Голицына («верховника»), Татищев вместе с тем высоко оценивал собранную им библиотеку. Он называл ее «лучшей русской библиотекой»¹⁹. «У сего весьма любопытного министра, — писал Татищев, — многое число таких древних книг со-

¹⁴ См., например, рукописи ГПБ, Q.I.222; Q.IV.75; Q.XVIII.5; F.I.326; F.III.8; F.IV.99(2); F.IV.99(3); F.IV.99(4).

¹⁵ В 1710 г. Б. И. Куракин записал, что, находясь в загородном дворце герцога, имел возможность видеть наряду с ценными картинами итальянских мастеров одну картину «живописца московского Архипа, подъячего одного, который с князь Сергеем Голицыным был в Вольфенбютеле, и в бытность свою то написал» (Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891, кн. 2, с. 209—210).

¹⁶ Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968, т. 7, с. 368, 385—386.

¹⁷ Юлт А. И. В. Н. Татищев в Москве. — Изв. М., 1978, т. 101, с. 273, 278.

¹⁸ Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, с. 657—658.

¹⁹ Татищев В. Н. История Российская, т. 7, с. 387.

брано было, ис которых при описке растасчено, да и после я по описи многих не нашел и уведал, что лучшие бывший герцог Курлянский и другие расхитили»²⁰. В Архангельском Татищев работал над исключительно интересной «Голицынской летописью». Манускрипт, как вспоминал Татищев, — «из библиотеки князя Дмитрия Голицына, писанной белорусским письмом»²¹. Мы узнаем эту рукопись под № 102 в описи конфискации 1737—1738 гг.: «Летописец Нестора Печерского Руской земли, рукописной, белорусским письмом». По данным Татищева, в библиотеке Голицына хранился Устав князя Всеволода Мстиславича²², список Судебника 1550 г. с дополнительными статьями²³, а также договорная грамота, по которой «за Оболенское княжение взяли 2 села да 5000 рублей деньгами»²⁴. Кроме того, в библиотеке имелось собственноручное «письмо царя Михаила Федоровича к Федору Шереметеву, которой Голицыну был дед по жене»²⁵.

О пребывании Татищева в Архангельском во второй половине 1720-х годов свидетельствует голицынская рукопись ГПБ, F.IV.223. Это — копия с Академического списка Новгородской I летописи младшего извода, принадлежавшего лично Татищеву и взятого им «у одного раскольника в лесу»²⁶. В последнем академическом издании Новгородской I летописи рукопись F.IV.223 неправильно датирована серединой XVIII в.²⁷ Между тем ее филигрань совершенно явственно указывает на 20-е годы XVIII в.²⁸ Летопись скопирована одним писцом, почерк которого мы обнаружили и в других голицынских рукописях этого времени: ГПБ, Q.I.270; Q.I.273; Q.II.25; F.II.24; F.II.41; F.III.10; F.IV.87; F.IV.202 (л. 3 об.—5,25 об.—33); ГБЛ, ф. 304/II, № 7 (л. 1—36 об.); заметим, что в рукописях Q.I.273, F.II.41, F.IV.202 использована та же бумага, что и в F.IV. 223. Таким образом, мы получаем новые факты в изучении деятельности Татищева. Во-первых, Татищев был на Урале в 1720—1723 гг. и этим временем следует датировать приобретение им древнего списка новгородской летописи²⁹. Во-вторых, датируя рукопись F.IV.223 концом 20-х годов XVIII в. (после 1726 г.), к этому же времени следует относить и занятия Татищева в Архангельской библиотеке.

Располагая подлинным автографом С. Д. Голицына (его письмом к отцу от 3 декабря 1736 г.)³⁰, можно высказать более определенно о происхождении некоторых рукописей Архангельской библиотеки.

Особый интерес представляет рукопись ГБЛ, ф. 304/II, № 21, содержащая сочинение по русской истории (на 123 л., в 1°). По палеографическим данным она относится к концу 20-х годов XVIII в.³¹, причем здесь использована бумага с филигранью четыре якоря (л. 119—120, 122 и подклейки на л. 20, 21, 21 об., 121 об.) — такая же, как в списке F.IV.223. Рукопись целиком писана рукой Сергея Голицына. Манера работы С. Д. Голицына удивительно напоминает методику, которой пользовался Татищев при составлении «Истории Российской»: страницы рукописи разграфлены на две половинки, причем в верхней помещены вы-

²⁰ Там же. М.; Л., 1962, т. 1, с. 124.

²¹ Там же.

²² ААН, ф. 1, оп. 3, д. 82, л. 199 (Письмо Татищева И. Д. Шумахеру от 21 декабря 1735 г.).

²³ Татищев В. Н. История Российская, т. 7, с. 368.

²⁴ Там же, с. 345.

²⁵ Там же, с. 370.

²⁶ Татищев В. Н. История Российская, т. 1, с. 124.

²⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Подг. изд. и ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950, с. 10—11.

²⁸ Филигрань: четыре якоря (Клепиков С. А. Филигранные и штамповые печати на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959, № 869, 1721—1727 гг.).

²⁹ Юхт А. И. Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720—1722 гг. — Изв. М., 1976, т. 97, с. 178.

³⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 189, ч. 1, л. 403, 404.

³¹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 294—295.

писки из основного летописного источника, а нижняя отведена под «отметы» и «прибавки», где приведены разночтения и дополнительные известия из других источников. Выписки продолжены до 6660 г., после чего работа была прервана (возможно, в связи с отъездом Сергея Голицына в Берлин в 1729 г.). Основным источник фигурирует под названием «Временник, сиречь Летописец, А». Цитаты из него сопровождаются указанием листов оригинала. По характеру цитированного текста можно определить, что был использован патриарший свод 70-х годов XVII в. по рукописи ГБЛ, Виф. № 34. Но, судя по разметке листов, в руках С. Д. Голицына был не сам летописец Виф. № 34, а копия с него³². Дополнительными источниками служили: «Хронограф Русский» (в одной из редакций XVII в.), «другой летописец», «Новый летописец», сочинения иностранных авторов (Длугоша, Бельского, Орбини, Мейерберга). По особенностям цитированного текста «другого летописца» и приведенным данным о нумерации его листов удалось определить саму рукопись этого источника — ею оказалась так называемая Ростовская летопись (ЦГАДА, ф. 181, д. 20)³³.

Не менее интересна рукопись ГПБ, Q.II.7 под заглавием «Ведение о торговле Росийской, в Мадрите 1 сентября 1724». П. М. Строев, описывая собрание Ф. А. Толстого, высказал мнение о принадлежности сочинения С. Д. Голицыну, являвшемуся русским послом в Испании в 1723—1726 гг., но П. П. Пекарский оспорил это предположение и утверждал, что рукопись писана рукой И. А. Щербатова (сравнение производилось им с черновым экземпляром перевода сочинения Джона Ло «Деньги и купечество» по списку ГПБ, Эрм. № 120)³⁴. Ошибку совершил Пекарский, так как почерк рукописи Q.II.7 не имеет ничего общего с Эрм. № 120 и представляет бесспорный автограф С. Д. Голицына. В «Ведении о торговле Росийской» изложены в алфавитном порядке и отдельными статьями различные известия о русской торговле, причем указаны источники: собрание указов 1714 и 1719 гг., регламент об управлении адмиралтейства, торговый морской устав и тариф. Любопытна статья «О торговле России»³⁵, в которой имеются ссылки на датские, норвежские и шведские «истории». При рассмотрении торговых отношений Новгорода Великого в начале XV в. процитирована (с указанием номеров листов) «Гистория новгородская», причем анализ разночтений приводит к выводу, что автор пользовался копией патриаршего свода Виф. № 34, т. е. той же самой рукописью, что и при составлении сочинения по русской истории (ГБЛ, ф. 304/II, № 21).

В 1722 г. был создан Каталог иностранных книг Архангельской библиотеки (ГБЛ, ф. 64, к. 80, д. 10). Исследователь этого описания Н. В. Голицын, отметивший высокий профессиональный уровень, на котором оно было выполнено, в частности, сказал: «Писан каталог четким почерком с полным соблюдением орфографии, что доказывает, что он написан человеком образованным и знающим, может быть, самим вла-

³² О патриаршем летописании конца XVII в. см.: *Клосс Б. М.* Указ. соч., с. 280—295.

³³ Любопытна судьба этой рукописи. На верхнем поле л. 1—8 имеется запись: «Летописец сей подарен мне от его светлости бригадира князя Сергея Дмитриевича Кантемира, а я оной отдаю навсегда в библиотеку Государственной Коллегии иностранных дел архива. Коллежской асессор Николай Бантыш-Каменской. 1 мая 1787 года». К Кантемирам рукопись, скорее всего, попала при передаче имущества С. Д. Голицына его сестре Анастасии, бывшей замужем за К. Д. Кантемиром. Имеется соответствующее представление Сената (от ноября 1739 г.) об «отдаче жене гвардии капитан-поручика князя Константина Кантемира, княгине Настасье Дмитриевне, движимого и недвижимого имения, оставшегося после смерти брата ее, бывшего казанского губернатора, тайного советника князя Сергея Голицына» (Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век Сост. П. Баранов. СПб., 1875, т. 2 (1725—1740), с. 617).

³⁴ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 247—248.

³⁵ Напечатано со многими искажениями в приложении к книге П. П. Пекарского (с. 564—567).

дельцем библиотеки»³⁶. Однако сопоставление названий ряда произведений иностранных авторов, занесенных в каталог, со ссылками на них, имеющимися в рукописях ГБЛ, ф. 304/II, № 21 и ГПБ, Q.II.7, показывает полную идентичность почерка, что позволяет признать автором каталога 1722 г. С. Д. Голицына. Идентификацию подтверждают несколько строчек, написанных в каталоге по-русски (л. 91): они также принадлежат руке С. Д. Голицына.

Получив в свое распоряжение иностранные автографы С. Д. Голицына, мы смогли выявить в музее-усадебке «Архангельское» ряд рукописей, связанных с его именем. Рукопись под № 18387 на немецком языке имеет на форзаце сделанную С. Д. Голицыным помету: «Князь С. Д. Г.» Рукопись под № 18392 также имеет аналогичную помету, кроме того, последние пять листов написаны по-немецки самим С. Д. Голицыным и представляют заметки по русской истории (перечисление русских великих князей и царей с их характеристиками, последним упомянут Василий Шуйский). С. Д. Голицыну, русскому послу в Мадриде, по-видимому, принадлежала рукопись (№ 18386), содержащая генеалогическую роспись испанского царствующего дома. Зато рукопись (№ 18403) под заглавием «Collectanea Politica atqvae Statistica in Madrid. 1725» совершенно точно принадлежала С. Д. Голицыну: все заметки, расположенные здесь в алфавитном порядке, писаны его рукой. Кстати, буквы и цифры в заголовке этой рукописи оттиснуты с тех же самых штемпелей, с которых сделаны оттиски упоминавшейся выше «печатной» нумерации на переплетах ряда голицынских рукописей. Поэтому можно полагать, что «печатная» нумерация обязана своим происхождением С. Д. Голицыну и отражает принадлежавшее лично ему небольшое собрание книг.

В основном собрании рукописей Архангельской библиотеки также имеются книги, связанные с именем С. Д. Голицына. Так, на нижнем поле л. 1 списка Хроники А. Гваньини (ГПБ, F.IV. 130) читается помета: «Князь Сергей Голицын, 1723 год». Следы многочисленных вставок и приписок на полях, сделанных рукой С. Д. Голицына, несет родословная книга по списку ГПБ, F.IV.176 (в александровский лист, конца XVII в., переплет — тиснения Московского печатного двора).

В библиотеке Д. М. Голицына была хорошо подобрана коллекция книг и рукописей по истории России и зарубежных стран. Русская история представлена летописями различных традиций.

В первую очередь здесь следует сказать об одной из частей уникального памятника русского изобразительного искусства и исторической мысли, каковым является Лицевой свод Ивана Грозного. Огромнейшая рукопись, почти каждая страница которой была украшена миниатюрами, была разделена на одиннадцать томов, каждый из них претерпел сложную судьбу, но, как это ни удивительно, почти все они (а именно 10 томов из 11) дошли до нашего времени³⁷. Текст Лицевого свода за 6622—6760 гг. еще в середине XVII в. (судя по копии этого времени, которую представляют Лебедевская и Александровская летописи) составлял одно целое, но впоследствии был разделен на два тома (с присоединением и других текстов): один оказался в собственности петербургского купца И. П. Лаптева (ГПБ, F.IV.233), другой был приобретен Д. М. Голицыным (ГПБ, F.IV.225) после 1728 г., так как в рукописи на л. 3 имеется запись: «1728 июля 13 дня Правянтского приказу подъячей Семен Иванов продал я собственную сию книгу Летописец в лицах гостиной сотни Алексею Федорову сыну Коробейщикову зачисто, в том и подписал своею рукою». Опись конфискации фиксирует рукопись под № 98: «Летописец, начавшейся от Владимера Мономаха по год 6989, на больших листах, весь в лицах, рукописной».

³⁶ Голицын Н. В. Новые данные о библиотеке кн. Д. М. Голицына (верховника). — ЧОИДР. М., 1900, кн. 4, Смесь, с. 4.

³⁷ Об истории Лицевого свода см.: Клосс Б. М. Указ. соч., с. 206—265.

Московское летописание вообще широко представлено в голицынской библиотеке. Мы уже упоминали о так называемой Ростовской летописи (ЦГАДА, ф. 181, д. 20), из которой делал выписки С. Д. Голицын. Рукопись представляет собой сборник, датируемый началом XVIII в.³⁸ Собственно летописный текст помещен на л. 1—620 и переписан четырьмя писцами: 1) л. 1—442 об., 2) л. 443—450 об., 3) л. 451—458 об., 4) л. 459—620 об. Первым почерком написаны еще л. 837—853 об., 875—885 об.³⁹ Таким образом, указанными почерками переписан сборник, послуживший протографом и для списка Дубровского (ГПБ, F.IV.238). Но в Архивской рукописи имеются еще дополнительные статьи, написанные другими писцами: 5) л. 854—874 об., 6) л. 621—828 об., 7) л. 829—832. При составлении летописи использованы следующие источники: Московский великокняжеский свод 1479 г., Новгородский свод 1539 г. и Никоновская летопись (отрывки из которой включены, например, в статью 6496 г. о взятии Корсуня и крещении кн. Владимира). Эти источники были непосредственно привлечены при создании Архивского списка: так, на л. 68 в конце статьи 6581 г., переписанной из Московского свода 1479 г., поставлен знак вставки, а на нижнем поле добавлены тем же писцом, но другими чернилами известия, заимствованные из Новгородского свода 1539 г.— об основании Печерской церкви и о смерти игумена Антония; на л. 72 к известию 6584 г. о смерти князя Святослава Ярославича приписано на полях: «княжив 4 лета» (из новгородского источника), а далее: «И седе по нем на великое княжение Всеволод, брат его» (из Московского свода); на л. 443 к известию 6917 г. о смерти епископа Арсения, взятому из Московского свода, на полях сделано добавление из Новгородского свода: «пас церковь божию 19 лет и 6 месяцев»; там же, после окончания статьи 6917 г., переписанной вторым писцом целиком из Московского свода, первый писец добавляет (с переходом на поля) еще известия о смерти псковского князя и двух новгородских посадников, заимствованные из Новгородского свода.

На л. 636 об.—829 об. в Архивском списке переписан Новый летописец с продолжением до 1686 г. В Архангельской библиотеке имелись и другие списки Нового летописца — центрального памятника официального летописания XVII в. (ГПБ, F.IV.213; F. XVII.18; Q.IV.329). Виды исторических источников, хранившихся в собрании Д. М. Голицына, весьма разнообразны: Казанская история (ГПБ, Q.XVII.78), летописец церковного происхождения, основанный на Никоновской летописи (ЦГАДА, ф. 181, № 66)⁴⁰, патриарший свод 1652 г. (ГПБ, Q.IV.139)⁴¹, Хронограф первоначальной редакции начала XVI в. (ГПБ, Q.IV.88; Q.IV.105) и редакции 1617 г. (ГПБ, F.IV.104), копии грамот и договоров Великого Новгорода (ГБЛ, ф. 304/II, № 7), выписки из Посольских книг о сношениях России с Польшей (ГБЛ, ф. 304/II, № 8, 9). Три разрядные книги указаны в описи конфискации под № 247, это: ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 662; ГПБ, Q.IV.89, Q.IV.64. Еще одна голицынская разрядная книга (ГБЛ, ф. 178, № 8986) известна под названием «Колюбакинской», исходя из владельческой записи: «Стольника Поликарпа Артемьевича Колюбакина, а потписал своею рукою». Но имя П. А. Колюбакина наведено поверх стертых букв, где ранее читалось: «Еуфима Семеновича Ковдырева»⁴².

³⁸ Филigrани: 1) герб семи провинций и монограмма из букв GIW — Вурц, № 92 (1699 г.); 2) герб Амстердама — типа: Клепиков, № 1094 (1708 г.); 3) герб семи провинций и литеры CDG — Клепиков, № 943 (1691, 1711 гг.).

³⁹ О составе сборника см.: *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, с. 1—15.

⁴⁰ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, с. 414—416.

⁴¹ О своде 1652 г. см.: *Насонов А. Н.* Материалы и исследования по истории русского летописания. — III. М., 1958, вып. 6, с. 261; *Он же.* История русского летописания, с. 483—486.

⁴² Водяной знак рукописи: голова шута с пятью бубенцами (Герасимов, № 1241, 1681 г.). О стольнике Е. С. Ковдыреве см.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьбы XVII в. М., 1946, с. 263.

Д. М. Голицын, занимая в разные годы должности смоленского наместника и киевского губернатора, имел возможность приобретать летописные памятники местных традиций. Так, в его библиотеке имелась подборка летописно-хронографических материалов, сходная со смоленской летописью Авраамки (ГПБ, F.IV.96), два списка Хронографа западнорусской редакции (БАН, 4.7.25; ГПБ, F.IV.143 — рукопись принадлежала киевскому Михайловскому Златоверхому монастырю), список Синописа издания 1680 г. (ГПБ, Q.IV.69), Хроника Феодосия Софоновича (ГПБ, F.XVII.19). Особый интерес представляют две летописные компиляции, происходящие из Киево-Печерской лавры: ГПБ, F.IV.214 и F.IV.215. По отпечаткам несохранившихся первых листов А. М. Рогозинскому удалось установить, что автором обеих компиляций являлся эконо́м Киево-Печерского монастыря Пантелеймон Кохановский⁴³. Общность происхождения рукописей F.IV.214 и F.IV.215 доказывается одинаковыми тиснениями на переплетах⁴⁴ и почерками писцов⁴⁵. При составлении своих компиляций Кохановский использовал Хронику Софоновича, Тверской сборник, сочинения польских хронистов и фрагменты южнорусского свода, который, по предположению В. А. Кучкина⁴⁶, имел определенные черты сходства с другой летописью, находившейся в библиотеке Д. М. Голицына («Голицынской летописью»).

Традиция северного летописания представлена в собрании Голицына списками Соловецкого летописца (ГПБ, O.XVII.15) и Двинского летописца (ГПБ, Q.IV.136, Q.IV.143). Кроме упоминавшейся рукописи Новгородской I летописи младшего извода (ГПБ, F.IV.223), скопированной со списка, принадлежавшего В. Н. Татищеву, имелся список начала XVI в. Новгородской IV летописи старшей редакции (ГПБ, Q.XVII.62) и фрагмент той же летописи в списке XV в. (ГПБ, Q.IV.138). Рукописи Архангельской библиотеки широко привлекались при издании «Полного собрания русских летописей».

Из описи конфискации 1737—1738 гг. можно видеть, что в библиотеке Д. М. Голицына были почти все издания петровской эпохи, в том числе и русские книги, изданные в Амстердаме И. Копиевским. Но основную часть составляет уникальное собрание рукописной книги. Особенностью этой части голицынской библиотеки является множество переводов с иностранных языков, сделанных в начале XVIII в. Знакомство с этими рукописями дает возможность уточнить представление об истории просвещения петровского времени.

Еще П. П. Пекарский писал, что, рассматривая русские переводы начала XVIII в., «не без удивления замечаешь внезапное появление переводов таких произведений, которые в Европе XVII столетия были предвозвестниками последовавших там потом преобразований и в науке, и в жизни. Если рассматривать в совокупности русские переводы подобных сочинений, то не трудно убедиться, что они делались с целью ознакомления с теми результатами, которых достигла наука на Западе по части политического устройства государств, законодательства, истории и настоящего положения их»⁴⁷. Высказывая эти мысли, Пекарский говорит далее о сочинениях Гуго Гроция, С. Пуффендорфа, Томаса Бурнета,

⁴³ Рогозинский А. М. «Кройника» Феодосия Софоновича и ее отношение к «Киевскому Синопису» Иннокентия Гизеля. — ИОРЯС. СПб., 1910, т. 15, кн. 4, с. 276, 279.

⁴⁴ Переплетные доски, обтянутые кожей, имеют в обеих рукописях одинаковые тиснения на нижних крышках и совпадающие рамки на верхних крышках.

⁴⁵ Распределение почерков в рукописи F.IV.214: 1) л. 1—10, 153—156 об., 159—394 об., 423—495 об.; 2) л. 11—152 об., 157—158 об., 395—422, 496—518 об. В рукописи F.IV.215 текст на л. 1—253 об., 279—387 об., 420—420 об. написан вторым писцом предыдущей рукописи, а на л. 255—277 об., 388—419 об., 421—424 об., 426—644 об. — первым писцом; третий почерк виден на л. 645—674 об. Позднее (в конце XVII — начале XVIII в.) был приписан текст на л. 675—676 об.

⁴⁶ Кучкин В. А. К спорам о В. Н. Татищеве. — В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971, с. 246—262.

⁴⁷ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, с. 255—257.

И. К. Бекмана, X. Г. Бесселя и других авторов, переводы которых представлены рукописями голицынской библиотеки. Тематика большинства указанных переводных произведений связана непосредственно с преобразовательной деятельностью Петра I в области государственного устройства — учреждением Сената, организацией коллегий и т. п. Так 30 июня 1712 г. Петр повелел Сенату организовать перевод «прав других государств». В том же и последующих годах студентами Киевской духовной академии выполняются переводы, отвечающие этому указу: «Министерство кардинала Рихелия и Мазарина», «Книга на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское» Максимилиана Фауста, «О законах брани и мира» Гуго Гроция, «Иоанна Павла Фельвингера Норминбергского, учителя Алтдорфинского, курсы политические о всех образех владетелей добрых и поврежденных и о иных некоторых материях, подлежащих к учению политическому» и т. д.⁴⁸ Некоторые из указанных переводов имеются в библиотеке Голицына в двух и более экземплярах. Сочинение «О советах и советниках княжеских... Фридрика Фурия Кориолана о наставлении князя», переведенное в конце XVII в. Симоном Схардия с итальянского языка, имеется в двух списках начала XVIII в., представляющих две поздние редакции этого перевода.

Почти все рукописи голицынской библиотеки, содержащие переводные сочинения, являются единственными известными списками, что отмечалось А. И. Соболевским в его работах о переводной литературе петровского времени⁴⁹.

В то время, когда в Киеве студентами Духовной академии выполнялись переводы сочинений, отвечавших указу Петра, Д. М. Голицын был киевским губернатором. Видимо, именно ему принадлежала непосредственно роль организатора переводов по указанию царя. Это обстоятельство впервые было отмечено еще П. М. Строевым при описании библиотеки Ф. А. Толстого. В рукописи «Изчисление нарочитых академий и училищ в Европе» (ГПБ, Q.XVIII.5) содержится весьма характерное обращение переводчика к Д. М. Голицыну: «Ты усердно тщишься вся знати, вся разумети, елика бесчисленныя в мире мудрецы и авторы древними и нынешними времени написаху. Не аз, но толь многие книги, яже иждивением твоим на свойственный отечества сего язык преведены, тебе суть о сем свидетельствуют».

П. П. Пекарский приводил документы, подтверждающие участие Д. М. Голицына в выполнении заказов Петра на переводы. Очень любопытно в этом отношении письмо Голицыну, по-видимому, кабинет-секретаря А. В. Макарова, из которого видно, что Голицын и сам подбирал сочинения для переводов: «Государь мой милостивый, князь Димитрий Михайлович! Царское величество указал к вашему сиятельству послать приложенные при сем 5 книг, которые извольте отдать и перевести школьным учителем на русский язык; а как переведут, тогда извольте их прислать сюда в Петербурх. Також его величеству известно, что ваше сиятельство изволили приказать в Киеве переводить некоторые новые книги исторические и политические и прочие, и того для указал его величество к вашему сиятельству отписать, чтоб вы из тех книг, которые уже переведены, изволили прислать сюда к его величеству, и которые из них его величеству понравятся, те изволит приказать здесь напечатать»⁵⁰.

⁴⁸ На рукописи перевода «Истории о державе французской» Жана де Буссьера имеется помета: «История французская, перевод студента Конашевича» (ГПБ, F.IV.99/4), л. 20; аналогичные пометы, частично срезанные при переплете, читаются на л. 340, 352, 423 рукописи F.IV.99(3). На книге «Андрея Максимиана Фредра наказание нравоучительное» (ГПБ, F.III.8), на нижнем поле л. 1 можно разоб- рать помету: «Перевод чернеца К...».

⁴⁹ Соболевский А. И. Из переводной литературы петровской эпохи: Библиографические материалы.— Сб. ОРЯС. СПб., 1908, т. 1 (XXXIV), № 3.

⁵⁰ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, с. 259 (примеч.).

Отметим, что в 1709 г. Петр писал киевскому губернатору Д. М. Голицыну, чтобы он велел перевести в семинарии братской две книги⁵¹.

После смерти Петра I переводческая деятельность продолжается. Ее центрами становятся Москва и Петербург. В библиотеку Голицына поступали переводы и в 20-х годах XVIII в. К таким переводам, например, относятся: «Житие Веспасиана Флавия», перевод с итальянского Андрея Васильева (1726 г.), «Щит православия», перевод с греческого Алексея Барсова (1728 г.) и др. Однако о существовании некоторых из них можно судить только по описи конфискации 1737—1738 гг., так как их рукописи пока не обнаружены. Особый интерес представляют два перевода, сделанные молодым Антиохом Кантемиром: «Синописис исторический Константина Монасца» (СПб., 1725 с лат. яз.) и «Письма одного сицилианца своему другу, содержащие критическое описание Парижа и французов» (СПб., 1726, с франц. яз.). Указание на то, что в библиотеке Голицына имелись переводы Кантемира, проливает новый свет на обстоятельства первых лет литературной деятельности известного сатирика. В частности, подтверждается факт знакомства А. Кантемира с богатейшей библиотекой Голицына, особенно с ее иностранными изданиями.

При конфискации библиотеки Голицына в 1737 г. специальное внимание было обращено на переводы иностранных сочинений. Так, в предписании Высшего суда московскому главнокомандующему С. А. Салтыкову указывалось: «...все книги в одно место собрать и им всем особую опись учинить, а наперед тем, которые с чужестранных на русский язык переведены»⁵². По поводу сочинений Макиавелли и Бокалини, запрещенных в России, между Салтыковым и Высшим судом возникла даже отдельная переписка. В результате все издания этих авторов были отобраны и доставлены в Петербург в Кабинет ее императорского величества⁵³. Однако, несмотря на тщательный поиск и последующее изъятие крамольных произведений из голицынской библиотеки, одна рукопись с переводом сочинения Бокалини в собрании сохранилась и попала даже в официальный реестр. Произошло это, видимо, потому, что данная рукопись (часть большого произведения «Парнаские ведомости») не имела названия и не носила имени автора сочинения.

Библиотека Голицына содержала много произведений иностранных авторов: рукописных, с которыми предполагалось познакомить русское общество, и печатных книг. Выбор их определялся не только заказами Петра, но и вкусами и политическими взглядами самого Д. М. Голицына. Это собрание и послужило базой для организации переводов. Поэтому нам представляется, что нельзя рассматривать библиотеку Голицына как результат только его библиофильства. Скорее всего, собрание переводных произведений представляло собой своеобразный архив широко задуманного издания литературы по вопросам государственного права, экономики, юриспруденции, философии (в том числе по этике и о нравственном облике правителя) — столь важного для развития новых форм управления в петровскую эпоху. Широко были здесь представлены исторические и географические описания разных государств.

Архангельская библиотека Д. М. Голицына, в которой работали В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир, С. Д. Голицын и другие выдающиеся деятели культуры, явилась по сути «предтечей» гуманитарного отделения Московского университета и его библиотеки, важным центром русской культуры и просвещения первой половины XVIII в. Рукописи голицынской библиотеки, без сомнения, дадут исследователям богатый материал, будут способствовать установлению новых исторических фактов из жизни русского общества того времени⁵⁴.

⁵¹ Там же, с. 214—216.

⁵² ЦГАДА, ф. 6, д. 189, ч. 1, л. 143—143 об.

⁵³ Библиографические записки. СПб., 1861, т. 3, № 11, стлб. 319—324.

⁵⁴ В последнее время авторами обнаружены новые рукописи из Архангельской библиотеки: ГБЛ, ф. 178, № 6574; ф. 205, № 210; ф. 711, № 95; ГПБ, F.IV.113; F.IV.231.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ О РЕВКОМАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 1919—1921 ГГ.

В последние годы в связи с разработкой вопросов советского и национально-государственного строительства привлекает все больше внимания история чрезвычайных органов диктатуры пролетариата — революционных комитетов (ревкомов), создававшихся в годы гражданской войны как на территории РСФСР¹, так и союзных республик².

Значительный вклад в решение данного вопроса внесен и архивистами страны. Издан ряд капитальных сборников документов и материалов, посвященных непосредственно организации и деятельности ревкомов в различных районах Советской республики, в том числе и на Северном Кавказе.

Однако в источниковедческом и археографическом плане этот вопрос исследовался мало. К настоящему времени известны лишь обзоры источников по истории ревкомов Туркестана³, Азербайджана⁴ и по отдельным вопросам создания ревкомов в стране⁵.

Попытка классифицировать источники по истории организации и деятельности ревкомов Северного Кавказа была впервые предпринята А. К.-М. Исрапиловым⁶. Однако он не дает группировки архивных документов, а освещает только их состояние, отсутствуют характеристики многих важных из них. Автор оперирует в основном документами по истории ревкомов национальных районов Северного Кавказа, а не в целом по ревкомам края.

В данном обзоре предпринимается попытка дать общую оценку архивным документам и публикациям по истории ревкомов Северного Кавказа, попытаться классифицировать архивные документы как основной комплекс источников по проблеме, показать наиболее важные из них, определить возможности их использования.

Прежде всего следует выделить синхронные публикации документов ревкомов Северного Кавказа, предпринятые в практических целях: сборники отчетов, резолюций, приказов губернских и областных ревкомов, изданные еще в 20-е годы. Нам известны только издания отчетов отделов Ставропольского губернского ревкома⁷ и приказов Терского областного ревкома⁸.

Материалы указанных сборников позволяют выяснить многие стороны деятельности, условия и объем работы губернского и уездных ревкомов. Например, Ставропольский губревком за период своего существова-

¹ *Гюев М. И.* Деятельность революционных комитетов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957; *Литвинова Г. И.* Революционные комитеты в годы гражданской войны. М., 1974; *Шишкин В. И.* Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны. 1919—1921 гг. Новосибирск, 1978; *Бугай Н. Ф.* Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919—1921 гг. М., 1979; *Он же.* Ревкомы Подмосковья. М., 1979; и др.

² *Потарикина Л. Л.* Ревкомы Украины в 1918—1920 гг. Киев, 1957; *Агалая И. Д.* Революционные комитеты Грузии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (февраль 1921 г.— март 1922 г.). Сухуми, 1968; *Петриков П. Т.* Ревкомы Белоруссии. Минск, 1975; и др.

³ *Шамсутдинов Р. Т.* Документы о создании ревкомов в Туркестане (1918—1923 гг.).— СА, 1969, № 2.

⁴ Городские и уездные революционные комитеты Азербайджана: Обзор документов и материалов. Баку, 1961.

⁵ *Морозова А. Т.* Автограф Д. М. Фурманова.— СА, 1966, № 3.

⁶ *Исрапилов А. К.-М.* Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Махачкала, 1976.

⁷ Сборник отчетов и резолюций Ставропольского губревкома и съездов Советов губернии (март 1920 — март 1921 гг.). Ставрополь, 1921.

⁸ Приказы Терского областного революционного комитета. Владикавказ, 1920.

ния (февраль 1920 г.— февраль 1921 г.) провел 145 заседаний, разрешил около 900 вопросов военного и народнохозяйственного значения, издал 350 приказов⁹.

Незначительная часть архивных документов по истории создания советского аппарата на местах в 1917—1921 гг. была впервые опубликована в сборниках документов и материалов, посвященных борьбе за Советы в областях и губерниях Северного Кавказа, вышедших в 50-е годы¹⁰. Но, как правило, эти документы показывают историю слома старой государственной машины в первый год существования пролетарской диктатуры в крае, мобилизации трудящихся на борьбу с контрреволюцией. По этим материалам отчетливо прослеживается организующая и направляющая деятельность партии большевиков в революционном процессе на Северном Кавказе.

Документы, раскрывающие процесс восстановления Советской власти в крае после его освобождения (на этот период как раз и приходилась деятельность ревкомов), в этих сборниках единичны, носят чисто информационный характер и, как правило, содержат сведения лишь о дате организации областных и губернских, некоторых окружных и уездных ревкомов и их составе.

Начиная с конца 50-х годов заметно расширяется печатная источниковая база по проблеме ревкомов, особенно за счет документов из центральных архивов страны. Наиболее ценны публикация переписки Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями¹¹, в том числе организациями Северного Кавказа, а также издание декретов Советской власти¹² и Биографической хроники В. И. Ленина¹³.

В документах переписки Секретариата с местными партийными организациями Северного Кавказа содержатся сведения по истории создания и деятельности ревкомов Ставропольской губернии, Кубано-Черноморья, Дагестана. Особый интерес вызывает публикация сообщения политотдела 10-й армии Южного фронта в ЦК РКП(б). В нем впервые указывалось на необходимость организации Ставропольского губернского бюро РКП(б) и губернского ревкома¹⁴.

В сборниках декретов Советской власти имеются декреты, раскрывающие процесс и условия строительства Советской власти на Северном Кавказе. Важное значение имеет циркуляр ВЦИК от 2 июня 1918 г., в котором впервые указывалось, как поступать на местах в случае возникновения чрезвычайного положения¹⁵. Особую ценность для данной темы представляют следующие публикации: «Положение о революционных комитетах»¹⁶, в котором четко определены функции различных типов ревкомов, сформулированы их задачи и принципы построения; декрет «О строительстве Советской власти в казачьих областях», предусматривавший создание органов власти согласно Конституции РСФСР¹⁷; постановление Совета Обороны «Об упразднении губернских и уездных революционных комитетов и о снятии военного положения в губерниях, находившихся под угрозой прорыва кавалерийских частей Деникина»¹⁸ и других.

⁹ Сборник отчетов и резолюций Ставропольского губревкома..., с. 8.

¹⁰ Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1921 гг.: Сб. док. Краснодар, 1957; Борьба за власть Советов в Кабарде и Балкарии. 1917—1920 гг. Нальчик, 1957; Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957; Борьба за власть Советов в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1958; Борьба трудящихся масс за установление и укрепление Советской власти на Ставрополье (1917—1921 гг.). Ставрополь, 1957; и др.

¹¹ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями: Сб. документов. М., 1972, т. 7; М., 1974, т. 8.

¹² ДСВ. М., 1959, т. 2 и др.

¹³ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1976, т. 7; 1977, т. 8. (Далее: В. И. Ленин. Биохроника).

¹⁴ Переписка Секретариата ЦК РКП(б)..., т. 7, с. 43, 523.

¹⁵ ДСВ, т. 2, с. 606—607.

¹⁶ Там же. М., 1973, т. 6, с. 225—228.

¹⁷ Там же. М., 1974, т. 7, с. 391—392.

¹⁸ Там же, с. 72—73.

Благодаря появлению Биохроники В. И. Ленина в распоряжение исследователей истории ревкомов Северного Кавказа были предоставлены новые, ранее неизвестные, документы, затрагивающие фактически все стороны процесса создания и деятельности ревкомов. Они значительно обогащают имеющиеся сведения о ревкомах края.

Вопросы организации советского строительства на Северном Кавказе, как показывают документы Биохроники, постоянно находились в центре внимания партии и лично В. И. Ленина. Так, 31 декабря 1919 г. В. И. Ленин участвовал в заседании Политбюро ЦК РКП(б), где наряду с другими вопросами обсуждался и вопрос об организации Кавказского ревкома¹⁹. Как известно, первоначально предполагалось, что Кавказский ревком будет осуществлять общее руководство районами Северного Кавказа и Закавказья.

В конце 1919 — начале 1920 г. происходил процесс поиска наиболее приемлемых форм строительства Советской власти на Северном Кавказе, о чем уже говорилось во многих работах. На территории края еще шла гражданская война. Складывавшаяся в начале 1920 г. обстановка в этом районе страны показывала, что Кавказский ревком не в силах будет охватить своей работой огромный территориальный комплекс. Было принято решение об образовании Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе. Политбюро ЦК РКП(б) 17—18 января 1920 г., на котором председательствовал В. И. Ленин, обсудило вопрос о предоставлении средств создаваемому Бюро.

Несомненный интерес представляют документы Биохроники о борьбе с контрреволюцией, об установлении революционного порядка в крае, переписка о роли нефтяных районов Северного Кавказа в решении топливной проблемы в стране, о необходимости восстановления сельского хозяйства в крае, разоренного за годы гражданской войны²¹. Сквозь призму этих документов отражается и деятельность многих организаторов ревкомов, тех, кто не только восстанавливал Советскую власть на Северном Кавказе, но и отстаивал ее в решительных схватках с остатками белогвардейской контрреволюции на заключительном этапе гражданской войны.

Существенно пополнили источниковую базу по рассматриваемой проблеме сборники документов 60—70-х годов, посвященные непосредственно истории ревкомов Северного Кавказа²². Структура сборников одинакова, документы сгруппированы по таким вопросам, как организация сети ревкомов в районах края, роль ревкомов в восстановлении революционного порядка, в борьбе с контрреволюцией, в организации промышленного производства, в осуществлении ленинской аграрной политики, в налаживании системы здравоохранения, образования, в постановке культурно-просветительской работы, в проведении социальной политики Советской власти. Такая группировка документов, конечно, облегчает работу исследователей и в целом дает достаточно полное представление по ряду вопросов истории ревкомов Северного Кавказа.

Архивные документы по истории ревкомов Северного Кавказа, по нашему мнению, можно распределить на четыре основные группы. Конечно, такое деление весьма условно, так как некоторые документы, особенно обобщающего характера (доклады, отчеты и т. д.), можно встретить в каждой отдельной группе.

¹⁹ В. И. Ленин. Биохроника, т. 8, с. 163.

²⁰ Там же, с. 231.

²¹ Там же, с. 486, 338, 528.

²² Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (март 1920 г.—декабрь 1921 г.): Сб. док. Махачкала, 1960; Революционные комитеты Кабардино-Балкарии и их деятельность по восстановлению и упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (декабрь 1919 г.—июль 1920 г.): Сб. док. и материалов. Нальчик, 1968; Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 — август 1920 гг.): Сб. док. и материалов. Сухуми, 1971.

К первой группе мы относим документы центральных партийных и советских органов, определяющие порядок организации ревкомов, их задачи, принципы взаимоотношений с другими организациями. Это прежде всего материалы переписки ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (циркулярные письма, доклады, переписка с руководителями областных партийных организаций, членами революционных комитетов, записи телефонных разговоров руководящих партийных и советских работников).

Особую значимость в этой группе представляют хранящиеся в ЦПА ИМЛ документы фондов Кавказского бюро ЦК РКП(б) (ф. 64), Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) (ф. 65), раскрывающие руководящую роль партии в процессе организации ревкомов, а также документы из фондов Г. К. Орджоникидзе — председателя Северокавказского ревкома (ф. 85) и С. М. Кирова (ф. 80) — заместителя председателя Севкавказкома. Так, в фонде Г. К. Орджоникидзе содержатся материалы (телеграммы), свидетельствующие о связи В. И. Ленина с работниками Северного Кавказа. В этих документах имеются ценные сведения о создании и задачах Северокавказского ревкома, губернских, областных и некоторых окружных и уездных ревкомов, письма и телеграммы о ходе борьбы с бандитизмом в крае в период деятельности революционных комитетов, организации Военной инспекции при Северокавказском ревкоме, вооруженных сил в крае и т. д. В фонде С. М. Кирова хранятся инструкции о создании ревкомов в прифронтовой полосе на Северном Кавказе, запись беседы В. И. Ленина с членом реввоенсовета 11-й армии К. А. Мехоношиным²³, многочисленные телеграммы по вопросам хозяйственного возрождения края.

По рассматриваемой теме имеются важные документы в ЦГАОР СССР в фондах ВЦИК (ф. 1235), СНК (ф. 130), Наркомата по делам национальностей (ф. 1318), представительств Кабардинской автономной области и Горской АССР при Наркомнаце (ф. 1323, 1326). Это, как правило, декреты ВЦИК по советскому строительству, в том числе и неоднократно публиковавшееся «Положение о революционных комитетах» от 24 октября 1919 г. В фондах хранятся отчеты о строительстве ревкомов, их численности по районам Советской республики, отчеты о ходе работ по восстановлению промышленности, транспорта, сельского хозяйства, народного образования, здравоохранения, о мероприятиях в области социальной политики, проводимой ревкомами на местах, об организации ревкомами социалистического соревнования, проведении ленинской национальной политики.

Большую ценность представляет «Положение о сельских ревкомах» (документ не датирован)²⁴. Учитывая тот факт, что оно поступило в СНК союзных республик в феврале 1920 г., можно предположить, что оно было разработано в январе—феврале 1920 г. «Положение...» помогает определить структуру сельских ревкомов, компетенцию и порядок их организации. Оно существенно дополняло «Положение о революционных комитетах» от 24 октября 1919 г.

Судя по материалам о создании ревкомов на местах, содержанию инструкций о строительстве ревкомов, областные и губернские партийные и советские органы Северного Кавказа, а также военные учреждения, ведавшие советским строительством, строго придерживались требований этого «Положения...».

Вторую большую группу документов по истории ревкомов составляют документы военных органов — Реввоенсовета Советской республики, реввоенсоветов Южного, Юго-Восточного и Кавказского фронтов и армий, политотделов воинских подразделений, фонды которых находятся в ЦГАСА. Это, как правило, приказы по строительству ревкомов, отчеты

²³ Бугай Н. Ф. Северо-Кавказский ревком — чрезвычайный орган Советской власти. 1920 г. — Изд. М., 1974, т. 93, с. 275.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 22, д. 7, л. 57.

о работе политотделов, занимавшихся организацией чрезвычайного аппарата Советской власти в 1919—1921 гг. на Северном Кавказе. Для исследователя особый интерес представляют в этой группе полностью сохранившиеся оперативные сводки, докладные записки о военных операциях в крае и участии в них ревкомов, о разгроме белогвардейских группировок, о помощи Красной Армии ревкомом в преодолении голода и разрухи, о политработе в прифронтовой полосе, о продовольственных кампаниях, протоколы совместных заседаний военных и советских органов, воззвания реввоенсоветов к трудящимся края. Эти и другие документы содержатся в фондах Реввоенсовета Южного фронта (ф. 245), управления 8-й (ф. 191) и Первой Конной армией (ф. 109), штабов Терской группы войск (ф. 320) и Екатеринодарского укрепленного района (ф. 723), управления 1-й Донской дивизии (ф. 100), 33-й стрелковой дивизии 10-й Терско-Дагестанской армии (ф. 378), войсками Северокавказского военного округа (ф. 25896). В фонде последнего хранятся оперативные и разведывательные сводки штабов округа и воинских соединений по ликвидации банд, доклады военных комиссариатов, действовавших на местах. Эти документы помогают более глубоко изучить еще одну сторону деятельности ревкомов — созидательную, раскрывают состояние экономики края, говорят о мерах, принимаемых советскими и военными организациями по ее возрождению.

Ценность документов военных органов и в том, что они помогают раскрыть сложности борьбы с контрреволюцией в крае, трудности, встречавшиеся в процессе советского строительства. Так, в сводке штаба Екатеринодарского укрепленного района имеются интересные данные о численности ревкомов Кубани, перечислены все населенные пункты, в которых создавались ревкомы, а также говорится о помощи, оказываемой военными органами в создании революционного аппарата власти на Кубани сразу же после освобождения области от денкинских войск.

Так, только по данным сводки политотдела реввоенсовета Кавказского фронта, в первой половине 1920 г. для постоянной работы в учреждениях (ревкомах, военных комиссариатах и т. д.) Северного Кавказа реввоенсоветом фронта были направлены 115 коммунистов, 6 кандидатов в члены партии, 14 беспартийных²⁵. Имеются и другие документы, свидетельствующие о постоянном внимании военных учреждений к вопросам организации боевых гражданских органов власти — ревкомов.

Следует заметить, что незначительная часть материалов военных учреждений содержится и в фондах областных (Кубанском, Терском), губернских (Терском, Ставропольском) ревкомов. Это прежде всего инструкции по строительству чрезвычайных органов Советской власти — ревкомов, разработанные политотделами армий, дивизий, действовавших на той или иной территории края. Так, например, в Ставропольской губернии советское строительство проводилось на основе «Конструкции (схемы) ревкомов в районе прохождения 39-й стрелковой дивизии»²⁶, разработанной политотделом 39-й дивизии 10-й армии, возглавлявшимся Е. А. Кастериным.

К третьей группе относятся материалы краевых, областных, губернских партийных и советских органов. Это документы из фондов Северокавказского ревкома (ПАРО, ф. 911), из фондов ГАРО: Краевого экономического совета юго-востока России (ф. Р-3758), Промышленного экономического бюро юго-востока России (ф. 1185), Северокавказской краевой рабоче-крестьянской инспекции (ф. 1185), документы из фондов областных и губернских партийных комитетов и ревкомов — Кубано-Черноморского (ГАНК, ф. 158), Терского (ЦГА СО АССР, ф. Р-39, и др.), Ставропольского (ГАСК, ф. 100), Дагестанского (ЦГА ДагАССР, ф. 4).

Документы этой группы — материалы партийных областных, окружных и уездных конференций, заседаний партийных комитетов, отчеты и

²⁵ ЦГАСА, ф. 109, оп. 2, д. 91, л. 227—229.

²⁶ ГАРО, ф. 969, оп. 1, д. 15, л. 15.

доклады вышестоящим партийным организациям, отчеты губернских и областных ревкомов, протоколы их заседаний, сводки, переписка с местными (уездными, отдельскими, окружными, сельскими) ревкомами, с партийными организациями и военными органами, приказы ревкомов как военного, так и хозяйственного характера, списки со сведениями о партийном и национальном составе ревкомов, инструкции о строительстве ревкомов на местах, финансовые сводки о предоставлении денежных и материальных средств в качестве помощи трудящимся края, о формах взаимоотношений между партийными, советскими и военными органами.

Как известно, Северный Кавказ являлся преимущественно аграрным районом страны. Надо было выработать четкие направления строительства Советской власти на селе. В связи с этим особую ценность для исследования в этой группе документов представляет «Инструкция о создании волостных ревкомов», принятая 2 марта 1920 г. Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе (существовало до создания в конце марта 1920 г. Северокавказского ревкома)²⁷. Инструкция четко определяет организационную структуру, права и компетенции волостных ревкомов.

Документы третьей группы содержат многочисленные сведения о руководителях губернских и областных ревкомов на Северном Кавказе — тех, кто занимался их организацией: Г. К. Орджоникидзе, Я. В. Полуяне, В. М. Квиркелия, С. В. Петренко, М. А. Коробкине, Д. Коркмасове, Д. А. Фурманове, особоуполномоченном ВЧК по Северному Кавказу, начальнике Особого отдела Кавказского фронта К. И. Лацдере, представителе от Наркомата иностранных дел А. А. Пономареве, бывшем наркоме финансов Латышской республики, заведующем финансовым отделом Северокавказского ревкома Р. Я. Карклине, политкомиссаре Первой Конной армии Г. Н. Пылаеве и многих других.

К этой группе относятся и многочисленные документы о ходе избирательных кампаний по выборам в Советы, передаче власти ревкомами Советам. В фондах областных и губернских ревкомов содержатся многие инструкции по выборам в Советы, списки депутатов, их партийный, социальный и национальный состав, прослеживается борьба ревкомов за чистоту Советов, их связь с партийными организациями в ходе проведения выборных кампаний. Документы показывают, что хотя в 1921 г. был взят курс на ликвидацию ревкомов, особенно в районе Кубани, Ставрополья, все же из-за крайне сложной политической и военной обстановки приходилось вновь возвращаться к ревкомам почти во всех районах края вплоть до 1926 г.

Среди документов о советском строительстве в 1921 г. на Северном Кавказе привлекают особое внимание документы (постановления, отчеты, приказы) фонда Ставропольского губревкома в ГАСК (ф. 100) о создании и деятельности ревкомов в Терской губернии, о которых мало известно в литературе.

К четвертой группе источников по истории ревкомов края следует отнести многочисленные документы низовых (уездных, отдельских, окружных и сельских) ревкомов. Их отчеты, инструкции, приказы, сводки, протоколы заседаний, собраний жителей селений, станиц, съездов трудящихся, воззвания, хранящиеся как в центральных, так и в местных партийных и советских архивах, существенно облегчают работу по выяснению численности ревкомов в районах края. В марте — апреле 1920 г. на Северном Кавказе «сплошной полосой» создаются низовые ревкомы. В документах содержатся сведения о составе уездных и сельских ревкомов, направлениях их деятельности, поисках ими новых форм работы по упрочению Советской власти на местах.

Документы четвертой группы раскрывают особенности советского строительства на Северном Кавказе, одной из которых была организация

²⁷ ПАРО, ф. 911, оп. 1, д. 2, л. 45.

такой категории ревкомов, как участковые и районные ревкомы, которые создавались для установления тесных связей между сельскими и уездными (окружными, отдельскими) ревкомами в национальных и казачьих районах края²⁸. Они помогают выяснить трудности организации ревкомов в аулах и селах национальных районов края, казачьих селениях и станицах, раскрывают ход избирательной кампании по выборам в Советы.

Комплексное использование архивных и опубликованных документов с другими источниками — материалами периодической печати, воспоминаниями — дает возможность воссоздать историю организации ревкомов на Северном Кавказе, выявить закономерности и особенности их образования, показать их место и роль в советской системе диктатуры пролетариата, в упрочении Советской власти на Северном Кавказе.

²⁸ ЦГА ЧИ АССР, ф. 73, оп. 1, д. 14, л. 36—37; *Бугай Н. Ф.* Северо-Кавказский ревком — чрезвычайный орган Советской власти. 1920 г., с. 277.

А. Б. Закс

ОБЛАСТНЫЕ МУЗЕЙНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ В РСФСР 1926—1927 ГОДОВ

(По материалам ОПИ ГИМ)

1920-е годы — период становления и бурного развития советского музейного дела. Он характеризуется широким участием музейной общественности в управлении музеями, в разработке принципов и методов их работы. Одной из наиболее эффективных форм привлечения широких кругов музейных работников к творческому участию в музейном строительстве были музейные конференции. Материалы этих конференций важны не только для исследователя-музееведа, краеведа, но и для историка советской культуры¹. Среди них значительный интерес представляют хранящиеся в ОПИ ГИМ (фонд Главнауки Наркомпроса РСФСР) материалы шести областных конференций 1926—1927 гг.² — времени, сравнительно мало освещенного в музееведческой литературе³.

К концу периода восстановления народного хозяйства (1921—1925) советское музейное дело имело значительные достижения. Преодолевая трудности, связанные с вынужденным сокращением размаха культурно-просветительной работы в первые годы нэпа, Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (Музейный отдел) Главнауки Наркомпроса РСФСР провел большую работу по рационализации музейной сети, профилированию музеев, упорядочению их собраний, по организации Государственного музейного фонда и его распределению. Но одна из важнейших задач, поставленных перед музеями с первых лет Советской власти, — приблизить музеи к массам — еще не была решена⁴. В связи с началом социалистической реконструкции народного

¹ Обзор музейных конференций 1920-х гг. см. в кн.: *Очерки истории музейного дела в СССР*. М., 1968, вып. 6, с. 30—45.

² ОПИ ГИМ, ф. 54, ед. хр. 2576/35. Материалы каждой конференции имеют свой номер (№ 522—524; 534, 536, 540, 541). Далее в тексте указываются только эти номера.

³ *Ионова О. В.* Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти. — В кн.: *История музейного дела в СССР: Сб. статей*. М., 1957. В статье, освещающей развитие музейного дела 1920-х годов, не выявлены черты, характерные для их второй половины.

⁴ *Равикович Д. А.* Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). — В кн.: *Очерки истории музейного дела в СССР*, вып. 6, с. 104.

хозяйства и необходимостью ускорения темпов развития особенно острой стала проблема использования музеев для повышения культурного уровня народа, для политико-просветительной работы и установления живой связи музеев с жизнью страны. Об этом говорилось на партийном активе Главнауки в конце 1925 г. Наряду со значительными достижениями в работе Музейного отдела партийная организация Главнауки выявила и серьезные недостатки. Отсталым участком оказалось научно-просветительная работа (в частности, экскурсионная), непосредственно связанная с экспозиционной. Новые кадры не были подготовлены. Коммунисты насчитывались единицами. В резолюции было указано: «...сделать их (музеи. — А. З.) источником развития марксистской мысли в стране»⁵.

Для обсуждения очередных вопросов музейного строительства предполагалось созвать Всероссийский музейный съезд. Цели и проблематика были намечены двумя циркулярами-обращениями Главнауки от 18 июня 1926 г.⁶ В циркуляре «О Первом музейном съезде РСФСР» сформулированы основные цели съезда: подведение итогов работы и выработка общих директив для дальнейшего развития музейного дела и охраны памятников искусства и старины РСФСР, определение места и роли музеев в системе научно-исследовательских и научно-просветительных учреждений. Циркуляр заканчивался предложением созыва областных музейных конференций. Были указаны 10 областей и пунктов для их проведения и рекомендовано широко привлечь к участию в конференциях местную научную и педагогическую общественность.

В циркуляре «О созыве областных музейных конференций» дана примерная программа их. Она охватывала разные стороны деятельности музеев, не выделяла наиболее актуальных проблем, не сосредоточивала внимание на требованиях, предъявляемых к музеям как идеологическим учреждениям. Самому слабому участку — просветительной работе музеев — посвящен лишь один пункт, а о характере и методах построения экспозиций — основного канала для связи с массами — не говорится вообще. Не был поставлен выдвинутый на партийном активе Главнауки особенно актуальный вопрос о борьбе за марксистско-ленинский подход к отражению в музеях истории природы и общества, об изучении и пропаганде истории революционного движения. Не выделена проблема развития музейной сети. Обойден вопрос о подготовке новых кадров.

Рассмотренные документы свидетельствуют, что руководство Музейным отделом, активно содействуя концентрации и сохранению памятников культуры, не смогло возглавить стоявшую на очереди дня идеологическую перестройку музеев. Оба циркуляра исходили из задач прошедшего пятилетия, но не намечали перспектив развития музейного дела.

Предложенная программа послужила основой для выработки повесток областных конференций. Они были многотемны, перегружены. Однако в ряде случаев, как мы увидим ниже, содержание их работы было более созвучно требованиям современности.

В каждой конференции участвовали представители Музейного отдела и местных отделов народного образования, делегаты от музеев, от краеведческих организаций, учебных заведений, научно-исследовательских учреждений. На некоторых конференциях присутствовали работники местных истпартов, архивных управлений, местных отделов охраны памятников.

Документация конференций представлена в фонде с разной степенью полноты: повестки (предварительные и осуществленные), списки участников, более или менее подробные протоколы с изложением содержания докладов (сообщений) и выступлений (см. Перечень), тезисы докладов, резолюции по ним и обобщающего характера, а также текущая переписка. Имеются и печатные материалы о некоторых конференциях.

⁵ Цит. по: *Равикович Д. А.* Указ. соч., с. 144.

⁶ Циркуляры эти имеются в материалах почти всех областных конференций 1926—1927 гг.

Цикл областных музейных конференций начался в сентябре 1926 г. в Керчи (№ 524, л. 1—40). Музейные работники Крыма имели опыт созыва подобных совещаний: в 1921—1924 гг. их было проведено три. Внимание к этой, четвертой, конференции было подчеркнуто тем, что на ней председательствовал руководитель Главнауки Ф. Н. Петров. В конференции участвовало 25 человек. Краткие сообщения с мест освещают некоторые большие вопросы жизни музеев (трудности ремонта, финансы, штаты), но не дают ее общей картины.

Почти одновременно с Крымской в Казани состоялась конференция музеев Средне-Волжской области (№ 523, л. 1—69)⁷. На ней присутствовали делегаты музеев Казани, кантонных центров ТАССР, Марийской и Удмуртской АССР, Самарской, Ульяновской и Пензенской губерний. В работе участвовало 40 человек. В отличие от крымских казанские материалы достаточно полно знакомят с состоянием музейного дела в области.

В октябре 1926 г. в Саратове работала музейная конференция Нижне-Волжской области (№ 534, л. 1—35)⁸. На ней были представлены музеи Саратова, Пензы, Уральска и уездных городов Саратовской губернии — Марксштадт (Маркс) и Покровск (ныне Энгельс). Делегаты (их было 47) вместе с гостями составили около 100 человек.

12—16 декабря 1926 г. в Ярославле состоялась конференция музеев Центрально-промышленной области (ЦПО), объединявшей 10 губерний Нечерноземья. Музейная сеть этого региона включала более одной трети всех музеев страны (54 государственных, 72 местных, а также около 70 ведомственных)⁹. Доклады в основном продолжали разработку музейно-краеведческих проблем, поставленных на первой конференции музеев ЦПО в Рязани в 1924 г.¹⁰ Поскольку в состав ЦПО входила и Москва, в конференции участвовали и представители центральных учреждений ГАИМК, Первый Московский государственный университет (У МГУ), Центральное бюро краеведения (ЦБК), Центральные реставрационные мастерские (ЦРМ). В конференции участвовал 91 делегат¹¹.

Материалы конференции хранятся в двух папках: в первой — протоколы заседаний (№ 540, л. 1—62), во второй — тезисы докладов на пленуме и секциях, резолюции (№ 541, л. 1—107). Особый интерес представляют записи прений по докладом, в которых отразилась борьба старых и новых взглядов на сущность и принципы музейной работы.

В конце декабря 1926 г. в г. Свердловске состоялась третья Уральская областная краеведческо-музейная конференция (№ 536, л. 1—86)¹². В 1921 г., еще до организации ЦБК, по инициативе Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) в Екатеринбурге (ныне Свердловск) был созван Первый съезд музейных деятелей Урала и Приуралья¹³ (№ 539). Хотя намеченные съездом планы лишь в незначительной степени могли быть претворены в жизнь (о чем говорилось на втором музейно-краеведческом областном съезде Уральской области в

⁷ В деле имеются печатные материалы: Первая Средне-Волжская областная музейная конференция в Казани 26—30 сентября 1926 г. Казань, 1926; Открытие областной музейной конференции в Казани.— Красная Татария (Казань), 1926, 28 сент.; 5 октября.

⁸ Саратовская областная музейная конференция 12—15 октября 1926 г. Саратов, 1926. (Имеется в деле).

⁹ ОПИ ГИМ, ф. 54, ед. хр. 2576/35, № 541, прилож. «Музейная сеть ЦПО» — материалы А. Н. Топорниина на тему «Финансовые и штатные перспективы музеев Центрально-промышленной области на 1926 / 27 г.».

¹⁰ Вопросы областного музейного дела по данным первой конференции музейных работников Центральной промышленной области. Рязань, 1925.

¹¹ О конференции см.: Музейные съезды.— Краеведение, 1927, т. 4, № 3, с. 396—399; Музейная конференция.— Северный рабочий. Ярославль, 1926, 12 декабря. (Имеется в деле).

¹² О третьей Уральской областной краеведческой конференции см.: Уральское краеведение. Свердловск, 1927, вып. 1, с. 114—118.

¹³ Бирюков В. П. Первый Уральский съезд деятелей краеведения 10—16 апреля 1921 г.— Записки УОЛЕ. Свердловск, 1924, т. 39, с. 123—125.

1924 г.)¹⁴, они открывали перспективы музейного строительства и отражали характерный для этих лет подъем творческой мысли.

Присутствовавшие на конференции 1926 г. 102 делегата (из них 56 из Свердловска) представляли краеведческие организации всех округов Уральской области и музеи. Широкое развитие краеведения на Урале, связанное с проблемами, выдвинутыми индустриализацией, наложило отпечаток на программу конференции: на пленуме и секциях (краеведческой и музейной) большинство докладов было посвящено краеведческой тематике. В деле имеется составленное на основе вышеуказанных циркуляров Музейного отдела «Положение о Третьей Уральской областной краеведческо-музейной конференции» (№ 536, л. 7).

В сопроводительном документе к материалам конференции указывается: «Характерной и очень ценной особенностью этой конференции было то, что она привлекла к себе представителей из многих низовых краеведческих организаций из самых глухих, до сих пор оторванных от общей культурной жизни и краеведческой работы уголков. Конференция познакомила и связала область с местами и отдельными округами и дала новое, практическое направление музейной и краеведческой работе — изучение и выявление производительных сил Уралобласти» (№ 536, л. 10). Материалы конференции широко освещают состояние краеведческой работы на Урале: структуру сети краеведческих организаций (общества изучения местного края и их филиалы, краеведческие кружки при школах и техникумах), связь краеведения с разными аспектами изучения Урала.

Последняя из цикла конференций, подготовительных к музейному съезду, Вторая музейная конференция Северной области (Вятско-Ветлужская) (№ 522, л. 1—26), работала в Вятке (ныне Киров) в феврале 1927 г. Эта конференция, представлявшая громадную по своей территории область, но с мало развитой музейной сетью, была сравнительно немногочисленна — 27 участников, из них 10 — от ГВОМ и 7 — представителей районных музеев Вятской губернии. Лишь из Котельнича можно было доехать до Вятки поездом. Остальные делегаты добирались на лошадях по санному тракту. На конференцию прибыли также представители Вологодского и Марийского (г. Краснококшайск) областных музеев.

Не состоялись запланированные конференции музеев Среднечерноземной и Северокавказской областей, а также Восточной и Западной Сибири, сотрудники которых приняли участие в работе музейно-архивной секции Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда¹⁵.

Остановимся на материалах, освещающих проблемы, особо волновавшие музейную общественность. На всех конференциях обсуждалось состояние и перспективы развития музейной сети. В 1923—1925 гг. Музейным отделом была проведена большая работа по ее упорядочению. Однако главное внимание было уделено центральным и крупнейшим областным музеям. Сеть местных музеев, составлявшая около половины всех музеев РСФСР, нуждалась в организации и дальнейшем уточнении. Проводившееся одновременно профилирование музеев касалось также только центральных музеев. Местным музеям было дано лишь общее указание — перестройка на краеведческой основе¹⁶. Бездумное выполнение его приводило в некоторых случаях к стиранию специфики конкретного музея. По краеведческому принципу начали перестраиваться, например, Музей обороны Севастополя, Керченский музей, широко известный уникальными археологическими памятниками. Это вызвало возражения участников Крымской конференции.

¹⁴ Хандрос А. М. Второй областной съезд деятелей краеведения Свердловской области. — Там же, с. 127—130.

¹⁵ Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд: Материалы к докладом музейно-архивной секции. Новосибирск, 1926.

¹⁶ Равикович Д. А. Указ. соч., с. 114—118, 128—130.

Материалы конференций дают представление о состоянии музейной сети на местах и о проектах ее совершенствования. Хотя сеть музеев неизмеримо выросла за годы Советской власти, почти на всех конференциях отмечалось ее несоответствие возросшему культурному уровню народа, стихийность создания, параллелизм в работе музеев одной губернии, случайный состав отделов музеев. Вносились предложения и проекты создания научно обоснованной, построенной по единому принципу музейной сети и предлагалось точно определить функции губернских и уездных (районных) музеев, превратить районные музеи в филиалы областных, поручить губернским музеям координировать работу местных музеев.

Наиболее законченным и продуманным был проект организации сети крымских музеев, изложенный в докладе представителя Крымохрис И. П. Бирзгала «Типология крымских музеев и границы их научно-исследовательской деятельности» (№ 524, л. 5—14). Разработка этого вопроса велась по решению предыдущей Всекрымской конференции (1924 г.), проходившей в разгар упомянутой выше работы по упорядочению музейной сети РСФСР. Проект этот интересен тем, что он перекликается с современной нам тенденцией объединения музеев в пределах одного региона и точного профилирования каждого из них¹⁷.

В проекте предлагалось сделать ведущим ГЦМТ (в Симферополе)¹⁸, который получал комплексный профиль и состоял из двух отделений — естественноисторического и историко-культурного. Каждый местный музей получал узкий профиль в соответствии со своими коллекциями. В итоге в Крыму, кроме упомянутого музея, должны были функционировать: три археологических музея — Херсонесский, Феодосийский и Керченский; два этнографических музея — Восточный музей в Ялте и музей в Евпатории. Историко-бытовой профиль получал Алушкинский дворец Воронцова — памятник русской усадебной культуры первой половины XIX в., ставший музеем быта крупного дворянства 20—30-х годов XIX в. В докладе отмечалась дискуссионность этого решения. Споры о том, как музеефицировать дворцовые или усадебные ансамбли, представлять их как памятники быта или как архитектурно-художественные комплексы, велись в те годы в Ленинграде в связи с громадной посещаемостью дворцов-музеев. Использование дворцов как памятников недавно ушедшего быта открывало большие возможности для политико-просветительской работы, для критики самодержавного строя и было вполне правильным для того времени.

Богатые коллекции произведений изобразительного искусства, хранившиеся в Крыму, предлагалось сосредоточить в Ялтинском художественном музее и в Феодосийской картинной галерее (работы И. К. Айвазовского и К. Ф. Богаевского). Историко-архитектурный профиль получал Бахчисарайский дворец-музей, бытовую обстановку которого не удавалось восстановить. К музеям военно-исторического профиля был отнесен Севастопольский музей с панорамой «Оборона Севастополя», перед которой была поставлена задача изучения военных действий в Крыму в 1854—1855 г. Музей курировал памятники героической обороны — Исторический бульвар, Малахов курган, Братское кладбище.

Ялтинский краеведческий музей получал естественнонаучный профиль и превращался в Музей природоведения. Координация научной деятельности крымских музеев возлагалась на Крымохрис. В связи с профилированием предполагалось организовать перераспределение фондов. Этот проект нуждался в поправках и уточнениях¹⁹. Все же он явился

¹⁷ Опыт проводится в настоящее время во Владимирской, Новгородской, Калининской областях, в Бурятской АССР, в Краснодарском крае и др.

¹⁸ В настоящее время Симферопольский музей является головным музеем Крымской области.

¹⁹ Критические замечания на проект см. в записке музейоведа Г. Л. Малицкого (№ 524, л. 15—18).

шагом вперед в разработке проблемы научной организации музейной сети, хотя и не был осуществлен.

Созвучно нашему времени предложение о создании организованной сети художественных музеев, внесенное на Уральской конференции. Художественные отделы предлагалось выделить из местных краеведческих музеев и на базе их собраний создать в наиболее крупных уездных центрах на Северном и Южном Урале по три художественных музея (доклад Н. Н. Серебренникова, № 536, л. 54). Подробное описание музеев ЦПО служило основанием для упорядочения музейной сети области (№ 541, л. 69). Во многих выступлениях отмечался постоянный рост музейной сети. О задачах планомерного ее расширения говорилось в докладе Б. С. Лукаша «Об организации краеведческой работы в музейной и школьной сети» Вятско-Ветлужского края (№ 522, л. 15). Музейная сеть должна быть построена так, чтобы обеспечить все местные школы «научно подобранным материалом»; развитая музейная сеть будет содействовать удовлетворению культурных потребностей населения, выявлению талантливых самородков. Вместе с тем музеи должны стать опорными базами для планомерного изучения страны и хранения связанной с ним документации.

В материалах конференций можно найти не только сведения об организации государственной музейной сети. В них отражен малоизвестный и поучительный, в особенности для изучающих современные народные и школьные музеи, фактический материал о создании небольших музеев местного края, связанных с деятельностью краеведческих кружков и работавших на общественных началах. Наиболее интересны доклады с обзором краеведческой сети Урала (Л. М. Каптерев, № 536, л. 46) и мероприятий по улучшению краеведческой работы в Уральской области (В. В. Кондаков, № 536, л. 17). В них идет речь о массовом возникновении «музейных» ячеек. Каждое местное краеведческое общество (они имелись во всех окружных центрах области) организовывало сеть филиалов (№ 536, л. 12). В школах, техникумах и даже при избах-читальнях создавались краеведческие кружки, работа которых в значительной мере состояла в собирании материалов по истории края. Все кружки «заняты собиранием экспонатов в надежде иметь свой музей» (№ 536, л. 13).

Это было в основе своей положительное явление, связанное с бурным ростом социалистического строительства, с подъемом общественной инициативы и активности, стремлением познать свой край и внести вклад в его культурную жизнь. Однако развивающееся стихийно, без необходимой материальной базы, оно нередко приводило к отрицательным результатам. «Собираемый школами иногда довольно богатый краеведческий материал никем не обрабатывается и не суммируется, в большинстве случаев не используется в последующей работе школы, небрежно хранится и в большинстве случаев растеривается» (№ 536, л. 22). Подобные «музеи» организовывались главным образом при школах. Докладчики предлагали ряд мер для внесения элементов организации в это стихийное движение (выделение опорных школ для создания в них музеев, разработка их программ, связанных с учебным процессом, помощь в обработке материалов и т. п.). О значении школьных музеев как в педагогическом, так и в научном отношении говорилось на Средне-Волжской конференции (Е. К. Штукенберг, № 574, л. 36), причем указывалась желательность передачи (после определенного срока) наиболее ценных материалов в государственные музеи (выступление Н. Ф. Калинина, № 534, л. 36). Как известно, подобное массовое движение за создание музеев при школах, предприятиях, колхозах и т. д. вновь возникло в середине 50-х годов и продолжается в настоящее время. Но в последние годы ряд положений²⁰ в какой-то степени регулирует это

²⁰ Положение о школьном музее. М., 1974; Типовое положение о музеях, работающих на общественных началах. М., 1978.

движение, предотвращает гибель материалов, влияет на идейное содержание и качество их работы.

С развитием музейной сети была тесно связана проблема учета и охраны памятников. Некоторые музеи располагались в зданиях, представляющих собой памятники архитектуры. Лучшим способом сохранения памятника было превращение его в музей. Государственные и школьные музеи нередко по собственной инициативе включали эту работу в свои планы. На конференциях 1926—1927 гг. ей был посвящен ряд докладов²¹. Внимание к этой проблеме было одной из ленинских традиций в культурном строительстве. В декрете ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» и сопутствующей ему инструкции того же названия (1924 г.) была намечена программа действий в этой области²². Однако, как известно, во второй половине 20-х годов получило распространение свойственное вульгарному социологизму нигилистическое отношение к культурным традициям, к памятникам прошлого. Участники конференций 1926—1927 гг. решительно выступали против подобных тенденций. В докладах подробно описывалось нередко катастрофическое состояние памятников, отмечалось отсутствие кадров специалистов. Мнение музейной общественности наиболее полно отражает резолюция, принятая конференцией ЦПО (№ 541, л. 64). В ней говорилось о несовершенстве учета памятников, о необходимости составления их твердого списка, постоянного и планомерного надзора за ними, создания унифицированных форм и методов учета, а также накопления графических и описательных материалов по каждому объекту. Предлагалось уделять внимание не только архитектурно-художественным памятникам и ансамблям, но и историческим. Поставлен был вопрос о сохранении старинных производств, предметов и интерьеров, отражающих условия труда.

Отдельным пунктом указанной резолюции выдвигалось требование точно регулировать условия использования памятников архитектуры для хозяйственных и культурных нужд — один из самых больших вопросов, получающий разрешение лишь в настоящее время. Многие недостатки и ошибки в этом деле, говорилось в резолюции, связаны со слабостью местного руководства музеями, в помощь которому следует широко привлекать общественность, низовые краеведческие организации, уездные музеи, школы. Этому должна послужить широкая популяризация дела охраны памятников.

На конференциях отмечалась необходимость участия музеев в учете и охране памятников революции (№ 534, л. 13). Но этому вопросу было уделено мало внимания.

В докладах и резолюциях по вопросам охраны памятников природы подчеркивалось их научное, педагогическое и эстетическое значение и намечались мероприятия, в первую очередь по их учету. Помимо устройства заповедников и национальных парков, предлагалось учесть и поставить под охрану отдельные виды растений и животных, места загородных прогулок, красивые ландшафты вдоль путей сообщения и близ населенных пунктов, а также места, связанные с историческими событиями или с сохранившимися народными костюмами, известными сказителями и песенниками (№ 522, л. 23; № 523, л. 33; № 536, л. 40, 42).

²¹ См. перечень: на конференции музеев ЦПО доклады Н. Г. Первухина, И. Г. Клабуновского, А. Н. Топорнина, Н. Р. Левинсона; на Средне-Волжской — В. В. Егерева, А. А. Першакова; на Вятско-Ветлужской — А. Д. Фокина; на Уральской — А. А. Хребтова; на Нижне-Волжской — А. В. Леонтьева; на Крымской — А. И. Полканова. Вопросы реставрации памятников материальной культуры были поставлены на конференции ЦПО в докладах П. Д. Барановского, В. А. Перцова, А. И. Анисимова.

²² СУ, 1924, 24 марта, № 18, ст. 179; СУ, 1924, 10 сентября, № 66, ст. 654. См. *Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917—1967)*. — В кн.: Тр. научно-исследоват. ин-та музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970, вып. 22, с. 53—63.

Обсуждение вопроса об охране памятников на конференциях, несомненно, активизировало музейную и краеведческую общественность. С ее помощью проводился учет архитектурных памятников на местах. Если в 1923 г. было зарегистрировано 2900 памятников, то в 1927/1928 г.— 7043. В середине 1930-х годов наметились положительные сдвиги в деле сохранения и использования памятников истории, культуры и природы²³.

На конференции активно обсуждался вопрос о научно-исследовательской работе музеев, не потерявший своей актуальности и до сегодняшнего дня. Многие отмечали отсутствие ясности в определении места музеев в системе научных учреждений. Музеи не должны заниматься исследованиями в области профильной дисциплины, они опираются на труды соответствующих научных институтов, получая от них материалы, считали одни²⁴. Музеи должны самостоятельно и всесторонне изучать свой край, возражало большинство²⁵. Правильность этой позиции подтверждали многочисленные доклады, подводившие итоги научных изысканий музеев (см. Перечень). Самостоятельная исследовательская работа, отмечалось на Вятско-Ветлужской конференции,— это надежный путь избавить музеи от застывших форм экспозиционной работы, от выставления обычно плохо изученного материала. Вместе с тем он позволяет постоянно согласовывать работу музея с требованиями жизни (№ 522, л. 16).

В орбиту внимания музеев входили и архивные материалы. Точка зрения музейной общественности на этот, бывший тогда дискуссионным, вопрос была выражена в резолюции конференции ЦПО: архивные материалы не могут быть изъяты из музеев, так как они непосредственно связаны с коллекциями музеев, подтверждают и документируют последние и отражают историю коллекций (№ 541, л. 43).

Интересны попытки выявить специфику научно-исследовательской работы краеведческого музея. Указывалась непосредственная связь ее с собиранием материала (имелась в виду полевая, экспедиционная работа), с его изучением и хранением (№ 523, л. 52).

На конференциях были представлены итоги научно-краеведческих изысканий музеев в области археологии, этнографии, истории феодальной Руси, естествознания²⁶.

Остановимся на материалах, в которых выявляются особенности научной работы музеев. Наиболее актуальным для того времени было выяснение возможностей вклада музеев в развитие производительных сил края, в изучение новых производственных отношений, процесса ломки старого быта. Этим должны были заниматься повсеместно создаваемые промышленно-экономические отделы. В этой связи отметим выступление уральского краеведа Л. А. Лазарева, не потерявшее актуальности и до настоящего времени. В его докладе «Задачи и организация промышленно-экономических отделов в музеях Урала» указывалась специфика музейно-краеведческой тематики, ограничение ее территорией «именно местного округа, района, завода, рудника, деревни». Собранный в процессе изучения материал должен сосредоточиваться и подвергаться специальной обработке в местных музеях. Докладчик напоминал, что ценные для музеев предметы — старые станки, инструменты, образцы

²³ См. постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» от 10 августа 1933 г. (СУ, 1933, № 44, ст. 179) и от 10 февраля 1934 г. (СУ, 1934, № 9, ст. 52).

²⁴ Наиболее четко эта мысль была выражена Ф. Н. Петровым на Крымской конференции (№ 524, л. 31).

²⁵ Это особенно подчеркивалось во многих выступлениях музейных работников ЦПО, Урала, Вятско-Ветлужского края.

²⁶ См. перечень: Можаровский Б. А., Рыков П. С., Степанов Н. Д.— на конференции Нижне-Волжской области; Гревс И. М., Смолин В. Ф.— на Средне-Волжской конференции; Бочкарев В. Н., Гревс И. М., Рязановский Ф. А., Свиринов А. Н.— на конференции ЦПО.

изделий, модели, чертежи, карты, планы, диаграммы, таблицы, характеризующие работу данной отрасли производства и народного хозяйства, материалы о подготовке съездов, конференций «украшают кабинеты учреждений, а зачастую завернутые в трубки мирно покоятся в шкафах или за шкафами»; нужно уметь «выделить из всей этой массы устаревшего, ненужного, все то ценное в культурно-историческом смысле, что необходимо для обеспечения преемственности и возможности успешного планирующего строительства в дальнейшем. Необходимо привить, восстановить внимательность, вдумчивость, умелый подход к остаткам прошлого, имеющим определенную ценность как для нас самих, так и для будущего. Глубокой ошибкой и даже преступлением, ничем не оправданным варварством, надо назвать целый ряд фактов, когда без всякого основания, по одному только телефонному распоряжению в течение двух-трех недель вывозится и бесследно исчезает имеющее громадную культурно-историческую ценность заводское оборудование. Старые станки, инструменты, образцы старинных изделий, а также карты, планы, гравюры, сжигаются, отправляются на мартен». Он отмечал характерный для музеев метод работы — опору на общественность, особенно на рабочих-ветеранов. «Использованы ли герои труда на Урале, эти живые летописи, хранители фактов из жизни прошлого, работавшие с малолетства по 30—40 лет и более?» (№ 536, л. 50—51). В докладе предлагалось включить в научную работу музеев запись автобиографий, составление истории отдельных предприятий.

С особенностями изучения музеями социально-экономического развития области знакомят доклады об организации завода-музея в г. Невьянске и отделов быта в уральских краеведческих музеях (А. Н. Словоцов, № 536, л. 39, 58, 84). Невьянский завод — один из старейших заводов Урала, оставаясь действующим и не реконструированным, должен был стать центром, куда свозятся экспонаты, отражающие историю уральской заводской техники, изобретательства и условий труда рабочих с XVIII в. вплоть до современности²⁷. В Нижнем Тагиле предполагалось создание музея, «исследующего трудовую обстановку рабочего быта»²⁸ (№ 536, л. 82).

Значение активной полевой работы для создания промышленно-экономических отделов было подчеркнуто и в докладе Г. Н. Залкинда на Средне-Волжской конференции: «При организации экономических отделов музею мыслилось, что они будут создаваться получением готовых экспонатов из соответственных учреждений (такая организация работы сохраняется местами и до настоящего времени.— А. З.), на деле музеи сами должны производить сбор экспедициями и обследованиями, и только при этом они смогут верно охарактеризовать местное хозяйство» (№ 523, л. 54). При этом, естественно, нужен был контакт с рядом экономических и научно-исследовательских учреждений.

На всех конференциях с разной мерой обстоятельности и глубины обсуждался вопрос о создании отделов истории революционного движения или историко-революционных филиалов. Этот вопрос был особенно актуален ввиду приближавшейся 10-й годовщины Октября. Перед музеями стояли большие трудности, в первую очередь связанные с неразработанностью самой историко-революционной тематики. Неясен был и состав материалов. В выступлениях подчеркивалась необходимость тесного контакта с Истпартом. Специальные доклады по этой проблеме были сделаны на конференции ЦПО (Ф. Я. Селезнев и И. Г. Клубуновский²⁹, № 541, л. 34, 57; № 540, л. 25, 33) и Нижне-Волжской области

²⁷ Вопрос о создании на Урале музея истории заводской техники поднимался не раз. Ныне недалеко от Невьянска организуется подобный музей под руководством Свердловского областного краеведческого музея.

²⁸ Впоследствии Нижний Тагил стал центром социологических исследований рабочих коллективов. В работе принимал участие и краеведческий музей.

²⁹ Этого доклада И. Г. Клубуновского в деле нет. Опубл.: Об отделах революционного движения в краевых музеях.— Краеведение, 1927, т. 4, № 3, с. 325.

(З. С. Петров, № 534, л. 13). В работу историко-революционного отдела входило и изучение современности. И. Г. Клабуновский предлагал собирать и объединять материалы по следующим рубрикам: 1) Жизнь партийной организации; 2) Деятельность советских органов; 3) Профессиональные и общественные организации; 4) Комсомол и пионеры; 5) Партийная и общественная работа среди женщин; 6) Печать; 7) Народное образование. Фонды следовало пополнять не только местным, но и общероссийским материалом.

В докладах и выступлениях выявляется еще одна черта, характерная для музеев: включение экспозиционной работы в круг их научно-исследовательской деятельности.

Наиболее четко мысль о научно-исследовательском характере экспозиционной работы прозвучала на Уральской конференции в докладе Л. М. Каптерева: «Отражая в вещественных объектах производительные силы и культурные достижения края, они (экспозиции. — А. З.) являются синтезом краеведческого исследования» (№ 536, л. 46). В отдельных выступлениях подчеркивалась необходимость строить экспозицию на новой методологической основе, отражать «диалектику развития общественно-экономических формаций», взаимодействие экономического базиса и культурно-исторической надстройки, классовую борьбу (№ 523, л. 27, 32; № 534, л. 32; № 540, л. 5). Однако подобные предложения принимались далеко не всеми. Характерна отрицательная реакция участников конференции ЦПО на доклад Б. М. Соколова «Будущее края и его отражение в местном музее», в котором предлагалось собирать и показывать проекты социалистического переустройства, мотивируя это не только необходимостью их сохранения, но и возможностью использовать «для привлечения населения к краестроительству», поскольку «заглянуть в будущее — необходимая потребность творческой живой мысли» (№ 540, 8—9).

Типичные «болезни» музейных экспозиций были отмечены Л. М. Каптеревым на Уральской конференции: «Ценнейшая страница нашей недавней истории — русская революция — нашла отражение лишь в немногих музеях», для музеев характерно «слабое отражение современности, под влиянием старых традиций обращение преимущественного внимания на не всегда характерную старину, благодаря чему из их поля зрения ускользают весьма показательные и практически ценные объекты современности» (№ 536, л. 46).

Материалы конференции знакомят нас с поисками новых методов, с попытками преодолеть и «кунсткамерную бессистемность» (№ 536, л. 46), и господствовавшую в музеях вещевую систематику, ограничивающуюся показом эволюции памятников материальной культуры, использовать хронологически-тематический принцип показа, сделать экспозицию доступной пониманию посетителей (№ 524, л. 25, 36)³⁰.

В этой связи особый интерес представляет доклад С. Н. Чернова на Нижне-Волжской конференции «О роли архивных материалов в музейной работе». Вопреки сложившимся традициям докладчик предлагал включать не только в фонды музея, но и в музейные экспозиции письменные источники, что дает, по его словам, «зрительный эффект» и, подчеркнем особо, «взаимное обслуживание совместно выставленных архивных материалов и других предметов» (№ 534, л. 34). Таким образом, был сформулирован так называемый «прием взаимной документации» — один из основных в современных тематических экспозициях. Отметим, что, пропагандируя экспонирование архивных материалов, С. Н. Чернов указал на необходимость в целях сохранности заменять подлинные документы фотокопиями³¹.

³⁰ Над этой проблемой успешно работал в те годы Музей Революции СССР, но результаты его опыта были опубликованы позднее (*Дружинин Н. М. Методы историко-революционной экспозиции.* — В кн.: Музей Революции СССР. М., 1927).

³¹ Вместе с тем он предлагал архивным учреждениям создавать свои музеи, стационарные и передвижные выставки для «выявления некоторых процессов и сторон минувшей жизни».

Новые подходы к построению экспозиций встретили возражения со стороны многих участников конференции, стоявших за сохранение систематических экспозиций по отраслям материальной культуры (№ 540, л. 44—45; № 541, л. 26; № 534, л. 7).

Состояние, в котором находилось, в частности, решение проблем экспозиций, как и ряда других проблем, можно охарактеризовать словами, сказанными на конференции музейных работников ЦПО еще в 1924 г.: «Новые пути жизни указывали и указывают на необходимость глубоких изменений прежних видов деятельности музеев... Отыскание наиболее гибких, наиболее целесообразных форм является главной задачей деятельности музеев... Мысль мучительно бьется в их поисках и, часто обесиленная, возвращается на прежнюю стезю»³².

Так, в обобщающих докладах и конкретных выступлениях формировался один из разделов теории музейного дела — определение специфических черт научно-исследовательской работы музеев, а именно формирование фонда в процессе планомерного собирания материалов (термин «научное комплектование фондов» возник позднее), изучение этих материалов и создание на их основе выставок и экспозиций, входящих в круг исследовательской работы музея.

Значительное внимание на конференциях было уделено подготовке кадров. Предлагалось включить в программу педагогических институтов (или факультетов) курсы и практические занятия по музееведению, организовать краткосрочные курсы для музейных работников, используя для этого подобные курсы для педагогов, ввести систему командировок в центральные и местные музеи, периодически созывать при областных музеях совещания по вопросам музейно-методической и исследовательской работы. Особо подчеркнем предложения о создании центрального руководящего и областных журналов по музейному делу (№ 523, л. 66—67; № 534, л. 32; 536, л. 60; № 541, л. 62).

На всех конференциях обсуждались вопросы массовой культурно-просветительной деятельности музеев. Решение их вытекало из определения характера музейной работы. В общей форме оно было дано А. В. Луначарским еще на Первой Всероссийской конференции музеев в 1919 г., указавшим на единство научно-исследовательских и научно-просветительных задач музеев³³. Имевшее место в среде музееведов отрицательное отношение к широкой просветительной деятельности музеев проявилось лишь в единичных выступлениях (№ 540, л. 29). Посвященные этой проблеме доклады утверждали массовую работу как одну из важных сторон деятельности музеев, но касались в основном организационных вопросов: втягивать в круг влияния музеев новые слои населения, связываться со школой, для широкого оповещения о своей работе использовать прессу, плакаты, снабдить экспозицию подробным этикетажом, каталогами, организовывать передвижные выставки, вести культурно-просветительную работу во время экспедиций и пр. (№ 524, л. 31—32; № 541; л. 63; № 523, л. 38). Все сходились на том, что основной вид культурно-просветительной работы — экскурсии по музейным экспозициям. Построенные на научной основе они должны быть доступны посетителю. Во всей широте вопрос о массовой работе музея, об ее органической связи со всей его деятельностью, об ее пропагандистском, учебном и воспитательном значении не был поставлен.

Материалы конференций 1926—1927 годов свидетельствуют о значительных успехах в строительстве музеев, о многих музееведческих находках, не потерявших значения и до настоящего времени, о тесной связи музееведческих и краеведческих изысканий. Вместе с тем они знакомят со сложным, медленным процессом перестройки музейной работы в соответствии с требованиями современности. Бурное разрывывание индустри-

³² Вопросы областного музейного дела. Рязань, 1925, с. 2.

³³ Записки А. В. Луначарского на конференции по делам музеев. — АЕ за 1976 год. М., 1977, с. 213—215.

ализации страны и коллективизации сельского хозяйства, сопровождавшееся обострением идеологической борьбы и активным наступлением на буржуазную идеологию требовали коренного, резкого перелома во всей работе музеев. Всероссийский музейный съезд был отложен. Он состоялся лишь в конце 1930 г. и сформулировал новые задачи, вставшие перед музеями.

В процессе пересмотра прежних музееведческих позиций вместе с ликвидацией существенных недостатков нередко отменялись и предавались забвению несомненные достижения музейной мысли и практики, знание которых может обогатить и современного исследователя.

Введение в научный оборот материалов конференций 1926—1927 гг. заполняет пробел в истории советского музейного дела, расширяет источниковую базу современных музееведческих и культуроведческих исследований.

Приложение

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ НА МУЗЕЙНЫХ ОБЛАСТНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ В РСФСР 1926—1927 ГГ. *

*Крымская музейная конференция
г. Керчь, 12—13 сентября 1926 г.*

Барсамов Н. С. (Феодосийский краеведческий музей). О пополнении галерей [И. К.] Айвазовского; О взаимоотношениях возникающих вновь музеев в Старом Крыму и в Судак с Феодосийским музеем; О пенсии сторожу Феодосийского музея. Бирзгал И. П. (г. Симферополь, Крымохрис). Типология крымских музеев и границы их научно-исследовательской деятельности. Боданинский У. А. (Гос. Бахчисарайский дворец-музей). О Бахчисарайском дворце; О культурно-просветительной работе. Гриневич К. Э. (Гос. Херсонесский музей). Вопросы экспозиции археологических коллекций в крымских условиях; План археологических раскопок в Крыму; О праздновании 100-летия Херсонесских раскопок; О Херсонесском музее; Об учреждении в крупных крымских музеях должности директора по административно-хозяйственной части. Ивин И. (Севастопольский военно-исторический музей и памятников обороны). О Севастопольском военно-историческом музее. Кемаль Я. О. (Ялтинский восточный музей). О Ялтинском восточном музее. Коренев А. Г. (Ялтинский художественный музей). О Ялтинском художественном музее. Марти Ю. Ю. (г. Керчь. Гос. археологический музей). О Марфинском кладе; О Керченском музее. Полканов А. И. (г. Симферополь, Крымохрис). О Севастопольской картинной галерее; О Ливадийском дворце; О Центральном музее Тавриды; Об изъятии из Севастопольского краеведческого музея археологических коллекций и передаче их в Государственный археологический музей; О необходимости дальнейшего существования Крымохрис. Пузанов И. И., проф. (г. Симферополь, ГЦМТ). Методы экспозиции в естественноисторических музеях; Изучение производственных (так в тексте.— Е. З.) сил и поднятия народного хозяйства в Крыму. Чепурнина П. Я. (Евпаторийский археолого-этнографический музей). О площадях раскопок в Евпатории. О возвращении Евпаторийскому музею предметов из коллекции Гудалевича, найденных в Евпатории; О Евпаторийском музее. Ширяев С. Д. (Гос. Алушкинский дворец-музей). Методы экспозиции в историко-художественных и бытовых музеях; Музейно-просветительная работа и ее методы; О запрещении ведения экскурсионно-просветительной работы частным которам и организациям на Южном берегу Крыма; Об Алушкинском дворце.

Участники прений: Голландский П. Я. (г. Симферополь, ГЦМТ); Маркевич А. И. (г. Симферополь. Археологическая секция Академического Совета Крымского отделения Наркомпроса); Петров Ф. Н. (г. Москва, Главнаука Наркомпроса РСФСР).

* Составлен Е. М. Зенц на основании документов конференций (ОПИ ГИМ, ф. 54, ед. хр. 2576/35). Материалы конференций расположены в хронологической последовательности, фамилии докладчиков и выступавших в прениях — в алфавитном порядке. Поскольку в прениях, как правило, участвовали и докладчики, то в перечне указаны только фамилии остальных выступавших. При отсутствии тезисов доклада (сообщения) или его изложения в протоколе название доклада (сообщения) устанавливалось по резолюциям. Места работы выступавших на конференции указаны при наличии этих сведений в документах. Названия музеев даны по работе А. Н. Топорина «Музейная сеть СССР, 1925/26 г.» (ОПИ ГИМ, ф. 54, ед. хр. 2576/35, л. 1—85), поскольку в указанной статье Ионовой (см. сноску 3) сеть музеев дана на конец 1927 г.

Архарова Т. И. (Свияжский кантонный музей). Музей в Свияжске. Бельтюкова И. С. (г. Глазов. Уездный отдел народного образования (ОНО)). О музее в Глазове. Булич А. И. (Чистопольский музей краеведения). Музей в Чистополе. Вилькен А. М. (г. Казань. Общество естествоиспытателей). Взаимоотношения между музеями и научно-исследовательскими обществами и учреждениями. Воробьев Н. И. (г. Казань, Центральный музей (ЦМ) ТАССР). Положение музейного дела и Центральный музей ТАССР; Зоосад ТАССР; Взаимоотношения музеев и вузов; Национальный момент в музейной работе Средне-Волжской области; О финансах и штатах музеев. Гречкин П. Я. (Губмузей. Гос. Ульяновский областной музей). О музеях г. Ульяновска и губернии. Гурьев Н. В. (Сызранский музей местного края). О Сызранском музее. Дмитриев В. С. (Козьмодемьянский местный музей). О состоянии Марийского музея в Козьмодемьянске. Дульский П. М. (г. Казань. ЦМ ТАССР). Издательское дело музеев. Егерев В. В. (г. Казань. Музейный отдел Наркомпроса ТАССР). Об охране памятников старины ТАССР. Залкинд Г. М. (г. Казань). Задачи и методы музейной работы в области экопомики; О культурно-просветительной деятельности в музеях. Ильин М. И. (Ижевский музей местного края). О музее в Ижевске. Корнилов П. Е. (г. Казань. Музейный отдел Наркомпроса ТАССР, ЦМ ТАССР). О Тетюшском музее; Структура и работа музейного отдела в областном или губернском масштабе. Першаков А. А. (г. Казань. Институт сельского хозяйства и лесоводства). Краеведческая и музейная работа института сельского хозяйства и лесоводства в Казани; Состояние памятников природы в Казанском крае; О музейных экспонатах по кустарной и индустриальной промышленности как памятниках материальной культуры. Сергеев А. И. (г. Елабуга. Кружок краеведения). Музей и краеведческий кружок в г. Елабуге. Смолин В. Ф. (г. Казань. Бюро краеведения Наркомпроса ТАССР). Изучение археологических памятников Казанского края. Терехов А. Ф. (Гос. Самарский областной музей). О Самарском музее. Шестоперов Г. П. (г. Казань. Студенческий кружок по изучению Ульяновской губернии). Краеведческая работа студенческого кружка в Казани по изучению Ульяновской губернии. Штукенберг Е. К. (Гос. Пензенский областной музей) Пензенский областной музей; Областной музей и его задачи; Охрана памятников природы в Пензенской губернии; Взаимоотношения музея и школы.

Участники прений: Владимиров В. Р. (г. Буинск. Кантонный ОНО); Гревс И. М. (г. Ленинград. ЦБК); Калинин Н. В. (г. Казань. ЦМ ТАССР); Колесницкий Н. Н. (г. Казань. Академический центр ТАССР; Линсцер Г. Ф. (г. Казань. Академический центр ТАССР); Тешлов В. П. (г. Казань. Студенческий кружок «Любители природы»); Эфрос А. М. (г. Москва. Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР).

*Музейная конференция Нижне-Волжской области
г. Саратов, 12—14 октября 1926 г.*

Бутенко В. А. (г. Саратов. Отделение ГСОМ. Радищевский музей). Задачи строительства провинциальных художественных музеев. Дингес Г. Г. (г. Покровск. Центральный музей АССР немцев Поволжья). Схема построения центральных музеев автономных республик; Музеи в Покровске и Марксштадте. Зайковский Б. В. (г. Саратов. Губернское архивное бюро). О Саратовском Губархивбюро. Игнатович С. М. (Вольский уездный музей). Музей в Вольске. Калачев П. В. (г. Уральск. Общество изучения Казахстана). Музей в Уральске. Квитковский В. А. (г. Саратов. Историко-революционный отдел ГСОМ). Организация отдела «Старый Саратов» областного музея. Клецов И. В. (Кузнецкий музей местного края им. А. Н. Радищева). Организация производственного отдела при музеях местного края; Музей в Кузнецке. Кротков А. А. (г. Саратов. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, ГСОМ). Взаимоотношение научных обществ краеведения и музеев. Леонтьев А. В. (г. Саратов. Губмузей). О задачах изучения и охраны памятников искусства и старины в Саратовском крае. Можаровский Б. А. (г. Саратов. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения). История и перспективы развития гидрогеологических работ в Южно-Волжской области. Папанасопуло К. Н. (г. Саратов. Отделение ГСОМ: Радищевский музей). Западноевропейская живопись в Радищевском музее. Петров З. С. (г. Саратов. Истларт, Губархив). Структура историко-революционных отделов музеев. Познанский Н. Ф. (Саратовский музей народного образования при губернском отделе социального воспитания). О музее народного образования в г. Саратове. Рудольф К. И. (г. Саратов. Отделение ГСОМ. Радищевский музей). Рост и развитие Радищевского музея. Рыков П. С. (г. Саратов, ГСОМ. Губмузей). Положение музейного дела в области, современное его состояние и развитие; Итоги и перспективы изучения Нижне-Волжской области в археологическом отношении. Степанов П. Д. (Этнографический отдел ГСОМ). Итоги и перспективы изучения Саратовского края в этнографическом отношении. Черпов С. Н. (г. Саратов. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения). О роли архивных материалов в музейной работе. Черемисинов М. М. (г. Сердобск. Уполномоченный по охране памятников старины, искусства и быта). Музей в Сердобске. Черпышевская-Быстрова Н. М. (г. Саратов. Отделение ГСОМ: Дом-музей

им. Н. Г. Чернышевского). Проект организации музея Н. Г. Чернышевского. Янишевский Д. Э. (г. Саратов. Общество естествоиспытателей). К итогам краеведческой работы по ботанике в Нижне-Волжской области.

Участники прений: Григоров С. П. (г. Москва. Музейный отдел Главнауки НКП РСФСР); Любомиров П. Г. (г. Саратов. Государственный университет им. Н. Г. Чернышевского); Подъяпольская Е. П. (ГСОМ).

*Музейная конференция Центрально-промышленной области
г. Ярославль, 12—16 декабря 1926 г.*

Секции: естественноисторическая, культурно-историческая.

Аписимов А. И. (г. Москва. ЦРМ). Достижения последних лет в области раскрытия памятников древнерусской живописи Барановский Л. Д. (г. Москва. ЦРМ). Достижения архитектурной реставрации в ЦПО. Богданович А. Е. (г. Ярославль. Научная библиотека ГЯОМ). О музее книги. Бочкарев В. Н. (г. Москва). Монастырская сензория Верхне-Волжского края Введенский А. И. (Гос. историко-художественный музей в г. Сергиеве). Отдел кустарной промышленности в краевых музеях. Вейденбаум М. А. (г. Кострома. Научное общество). Подотдел геологии в краевых музеях. Гревс И. М. (г. Ленинград. ЦБК). Устройство отдела по истории города в краевых музеях. Грезе Б. С. (ГЯОМ). Об участии краеведческих музеев ЦПО в развитии лимнологии и об экспозиции лимнологических материалов в музеях. Григоров С. П. (г. Москва. Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР). Основные положения к построению краеведческих музеев. Дорогушин Н. А. (г. Москва. Гос. музей ЦПО). Место музеев в системе местных научных учреждений. Елагин Н. С. (совм. с Григоровым. Г. Москва. Музейный подотдел Московского губернского ОНО). О положении музейного дела в Московской губернии и о штатно-финансовом положении музеев. Жуков Б. С. (г. Москва. Исследовательский институт при I МГУ). О принципах организации палеоэтнологических подотделов в музее. Золотарев Д. А. (ГКОМ). Принципы организации этнографических отделов в краеведческих музеях. Клабуновский И. Г. (г. Москва. Гумбузей). Вопросы учета и охраны памятников искусства и старины. Об отделах революционного движения в краевых музеях. Кузнецов А. М. (г. Иваново-Вознесенск. Научное общество). Принципы построения отделов фабрично-заводской промышленности в краеведческих музеях. Левинсон Н. Р. (г. Москва. Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР). Вопросы учета и охраны памятников искусства и старины. Малинина М. Д. (ГРОМ). Одежда крестьян Рязанского края; Опыт картографирования при этнографическом обследовании Севера. Мансуров А. А. (ГРОМ). Типы музейных изданий. Первухин Н. Г. (ГЯОМ). Просветительная деятельность краеведческих музеев. Перцев В. А. (ГЯОМ). Коллекции искусства в краевых музеях. Полосин И. И. (г. Москва). Аграрная история деревни в экспонатах краевого музея. Рязановский Ф. А. (г. Кострома). Костромские изразцы XVII—XVIII веков. Свиринов А. Н. (Сергиевский краеведческий музей). Ярославские вкладчики в Сергиев монастырь. Свободов А. Н. (г. Нижний Новгород. Педагогический ин-т). Литературный и мемуарный материал в областных музеях. Селезнев Ф. Я. (Владимирский гос. областной музей). Увязка музейной работы с задачами советской общественности и революционные подотделы при провинциальных музеях. Смирнов М. И. (ГКОМ). Роль архивных материалов в музейной работе. Соколов Б. М. (г. Москва. Гос. центральный музей народоведения). Будущее края и его отражение в местном музее. Соловьев К. А. (Дмитровский музей местного края). Принципы организации уездного краеведческого музея. Топорнин А. Н. (г. Москва. Гос. музей ЦПО). Штаты и финансовое положение музеев ЦПО на 1926/27 г. Уранов А. А. (г. Москва. Гос. музей ЦПО). Экспозиция ботанических коллекций в музеях. Ушаков Д. А. (Гос. Ростовский музей древностей). Методы собирания коллекций древнерусского искусства. Федченко Б. А. (г. Ленинград. Главный ботанический сад). Достижения и перспективы ботанического исследования Ярославской губернии. Филиппов А. И. (г. Рыбинск. Научное общество). Геолого-минералогический подотдел в общей системе природных коллекций местного края. Принципы организации кустарно-промышленного отдела в Рыбинске. Шестаков А. В. (г. Ярославль. Естественноисторическое и краеведческое общество). Экспозиция энтомологических коллекций в музеях. Шибанов Н. В. (г. Москва. Гос. музей ЦПО). О принципах построения зоологических подотделов краевых музеев.

Участники прений: Азбель А. И. (Ярославский музей социальной гигиены); Виноградов И. А. (Гос. Тверской областной музей); Виноградов К. Я. (Гос. Воскресенский историко-художественный краеведческий музей); Галанов, Горбунов В. А. (г. Ярославль. Общество врачей); Иконников А. И. (г. Нижний Новгород. Гос. Нижегородский историко-художественный музей, Гумбузей); Копорский С. А., Коровкин А. А. (Череповецкий губернский музей местного края, Бюро краеведения); Куропатников Ф. П. (Гос. Вологодский областной музей); Кузнецов А. М. (г. Иваново-Вознесенск. Гумбузей); Любимов Л. К. (г. Ростов. Краеведческое общество); Мапулевич Л. А. (г. Ленинград. Государственный Эрмитаж); Мизеров А. В. (г. Устюг. ОНО); Невский Л. А. (Нерехтский музей местного края); Некрасов А. И. (г. Москва, I МГУ); Пауль И. П. (ГКОМ); Петровичев Р. И. (г. Ярославль. Архивное бюро); Петровичев Г. Н. (г. Ярославль. Губернский архив); Порунин Н. В.

(Рыбинский музей местного края); Ржевский Н. Н. (Гос. Ростовский музей древностей); Рыньков И. О. (г. Ростов, Научное общество по изучению края); Саградьян И. Н. (г. Ярославль. Губернский ОНО); Слободской С. Н. (г. Ярославль. Естественноисторическое и краеведческое общество); Суворовский А. М. (г. Ярославль. Педагогический ин-т); Устинов Г. В. (г. Кострома. Научное общество); Фесенко А. И. (ГРОМ); Шаханин Н. И. (г. Ярославль. Губмузей).

*Третья Уральская
областная краеведческо-музейная конференция.
г. Свердловск, 27—30 декабря 1926 г.*

Секции: краеведческая (подсекции: программно-методическая, научно-исследовательская), музейная.

Березова М. Ф. Настоящее положение и пути развития школьного краеведения. Берс А. А. Архивное строительство в связи с краеведением. Бобылев Д. М. Краеведческое издательство на Урале. Богословский П. С. Об историко-культурном изучении Урала. Бранский П. Е. Топографическое изучение Урала (картография и краеведение). Будрин В. И. (г. Свердловск. Уездный отдел бюро краеведения). О выделении обменных фондов в музеях; Взаимоотношения краеведческих, музейных, научно-исследовательских и архивных организаций. Войтов И. И. Опыт наметки круга вопросов экономического краеведения Урала. Генкель А. Г. Об обмене семенами, организованном Ботаническим садом Пермского государственного университета. Игумнов А. Н. Вспомогательные предприятия при музеях. Каптерев Л. М. Музейное строительство в Уральской области. (г. Свердловск, Уральский ОНО). Кондаков В. А. Мероприятия по подготовке краеведов и по углублению краеведческой работы в Уральской области. Лазарев Л. А. (г. Свердловск). Задачи и организация промышленно-экономических отделов в музеях Урала. Лебедев А. С. Задачи современного музея краеведения. Ломоносенко Б. В. Кооперация и краеведение. Мерхалев. Сельскохозяйственная статистика и краеведение. Наумов А. А. Роль школьного краеведения в общей краеведческой работе. Протопопов. Об опытах низовой краеведческой работы в Сургутском районе Тобольского округа. Руденко А. И. Место и задачи сельскохозяйственной метрологии в краеведческой работе. Свяцкий Д. О. (г. Ленинград. ЦБК). О новых формах контакта ЦБК с местами. Семенов К. С. Лес как памятник природы. Серебренников Н. Н. (г. Пермь). Организационно-методическое разрешение вопроса о художественных отделах музеев. Слоцов А. Н. (г. Тагил). Организация отдела быта уральского рабочего эпохи крепостного права. Об организации завода-музея в г. Невьянске; Роль школьного краеведения в общей краеведческой работе; Опыт работы низовых краеведческих ячеек в связи с построением краеведческой сети. Удинцев С. А. Собрание материалов о Д. Н. Мамине-Сибиряке и других художниках слова. Хандрос Л. М. (г. Свердловск. Уездный отдел бюро краеведения). Об охране памятников природы на Урале; Об историко-культурном изучении Урала; О состоянии Ильменского заповедника. Хасанкаев. (г. Свердловск. Уральский ОНО). Краеведческая деятельность среди меньшинств. Хребтов А. А. Об охране памятников природы на Урале. Шмидт А. В. Археологическое изучение Уральской области и краеведение. Ямзин И. А. Колонизация и краеведение.

*Вятско-Ветлужская музейная конференция
г. Вятка, 21—28 февраля 1927 г.*

Боголюбов Г. М. (г. Вятка. Губмузей). Краткий очерк организационной работы Губмузея к десятой годовщине Октября и отчет о работе Губмузея за два последние года; Работа Губмузея по учету и охране памятников искусства, старины и природы. Евсеев Т. Г. (Краснококшайский национальный Марийский музей). Об организации и работе Краснококшайского центрального Марийского музея. Коган Р. Е. (Котельничский музей местного края). Информационное сообщение о работе по восстановлению Котельничского музея. Куропатников Ф. И. (Гос. Вологодский областной музей). О Вологодском музее. Лапин Г. Н. (Слободской научно-художественный музей). Отчетный доклад о работе Слободского музея. Лопатина А. М. (ГВОМ). О методах исследовательских работ и методах хранения материала в геологическом кабинете Вятского государственного музея. Лукаш Б. С. (ГВОМ). Значение музейных учреждений различных типов в современной краеведческой работе и в поднятии производительных сил страны, в связи с вопросом о рационализации их структуры и функций; Об организации краеведческой работы в музейной и школьной сети. Матвеева Е. В. (ГВОМ). О методах исследовательских работ и методах хранения материалов в этнографическом кабинете Вятского государственного музея. Плесский П. В. (ГВОМ). О методах исследовательских работ и методах хранения материалов в этнографическом кабинете Вятского государственного музея. Румянцев Н. Н. (Художественная секция ГВОМ). Работа художественного отдела Вятского областного музея. Рухлядев И. М. (Советский научно-художественный музей). О работе Советского музея. Рыбинин А. Н. (г. Ленинград. Геологический комитет). Новые данные о находках лабиринтодонтов из нижнего триаса Вятско-Ветлужского края. Северновский В. Ф. (Хал-

туринский народный музей). О работе Халтуринского музея. Фокин А. Д. (ГВОМ). Работа по охране природы в областном масштабе; О методах исследовательских работ и способах хранения материалов в ботаническом кабинете Вятского государственного музея. Хабиков А. В. (ГВОМ). Краткий исторический очерк об организации и методах исследовательских работ геологического кабинета Вятского государственного музея. Черных И. Т. (Яранский центральный музей). О работе Яранского музея.

Е. Ю. Наумов

ПЕРЕПИСКА Г. В. ЧИЧЕРИНА С Б. Н. И А. А. ЧИЧЕРИНЫМИ В ФОНДАХ МОСКОВСКИХ АРХИВОВ

Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936) — выдающийся советский государственный деятель, дипломат ленинской школы, мыслитель, ученый. Многогранен его портрет. Своеобразно по творческой манере его наследие, о чем свидетельствуют, в частности, опубликованные записки о Моцарте¹. Все это предполагает дальнейшее изучение различных аспектов биографии Чичерина.

Значительный материал для освещения процесса становления личности молодого Чичерина, эволюции его мировоззрения содержит переписка с родными — дядей по отцу, крупным историком и общественным деятелем буржуазно-либерального направления Борисом Николаевичем Чичериным (1828—1904) и его женой Александрой Алексеевной. Лишь частично введенная в научный оборот², переписка представляет интерес также в плане изучения историографии и истории русской культуры последней трети XIX — начала XX в. Хранится она в составе двух личных фондов Б. Н. Чичерина в ОР ГБЛ (ф. 334) и ЦГАОР СССР (ф. 1154). Всего сохранилось 75 писем за август 1886 — сентябрь 1908 г.³, их общий объем превышает 500 листов.

В ОР ГБЛ находятся 19 писем Чичерина к Борису Николаевичу за 1899—1900 гг., 1 его письмо к Александре Алексеевне от 14 июля 1902 г. и 6 ее писем к племяннику за 1891—1894 гг.⁴ В ЦГАОР СССР имеются 35 писем Чичерина к Борису Николаевичу и Александре Алексеевне за 1886—1908 гг., 1 его письмо к тете от 17 января 1892 г., 3 его письма к ней же за 1904—1905 гг., 6 писем Бориса Николаевича к Георгию Васильевичу за 1897—1902 гг., переписанное рукой Чичерина предсмертное письмо к нему дяди от апреля 1903 г., а также письмо Александры Алексеевны к племяннику 1906 г. и его письма к ней от 17(4) июля и 17(4) сентября 1907 г., приложенные ею к другим документам⁵. Наибольшее число писем приходится на 1891—1895 и 1899—1904 гг. В биографии Чичерина это время обучения в Санкт-Петербургском университете и работы в Государственном и Санкт-Петербургском главном архивах МИД. До нас дошло 61 его письмо к тете и дяде и только 14 их писем племяннику, поэтому показать переписку как диалог двух сторон можно лишь в ряде случаев.

И тете и дяде Чичерин писал примерно об одном и том же, зная, что письма читаются обоими сообща, независимо от того, кому непосредствен-

¹ Чичерин Г. В. Моцарт. Исследовательский этюд. Л., 1970.

² Горозов И. М., Замятин Л. М., Земсков И. Н. Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. 2-е изд. М., 1973; Зарницкий С., Сергеев А. Чичерин. 2-е изд. М., 1975; Кизельштейн Г. Б. Мучительно жажда высокой цели: Из архива Г. В. Чичерина. — Огонек, 1963, № 48, с. 18; Он же. Молодые годы Г. В. Чичерина. По материалам опубликованной переписки. — В кн.: Прометей. М., 1969, т. 7, с. 230—235.

³ Встречающиеся в переписке цитаты и прямые отсылки позволяют полагать, что до нас не дошло, по крайней мере, 25 писем за 1891—1908 гг.

⁴ ОР ГБЛ, ф. 334, карт. 10, д. 1; карт. 29, д. 60.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, 588, 589, 72, 935, 941.

но адресовываются. Нередко в ответ на свое письмо к тете он получал два: от нее и от Бориса Николаевича. Следует подчеркнуть, что Александра Алексеевна была полностью равноправным, а часто и ведущим участником переписки. Ее высказывания об истории, философии, литературе и искусстве, как и житейские наставления племяннику, подтверждают справедливость высокой оценки, данной ей в воспоминаниях Б. Н. Чичерина: «Живой и общительный характер моей жены, ее сердечное участие ко всем, не только близким, но и посторонним, ее возвышенный нравственный строй... ее образованный ум и неизменная деликатность привлекают к ней старых и молодых»⁶.

Воспитанное с детства стойкое пристрастие к эпистолярному жанру Георгий Васильевич сохранил потом на всю жизнь. Переписка явилась одним из эффективных средств формирования его личности, характера, интеллекта и нравственных устоев. Письмо учило Юрия (так звали Чичерина в детстве и юности) самопознанию и самооценке, проясняло и приводило в некую по-своему последовательную систему полученные от других сведения и собственные суждения о разных предметах. Оно было то дневником, то отчетом перед старшими, то интимной исповедью, облегчавшей душу. Оно развивало целостное видение мира, чувство стиля и формы и по существу представляло собой маленькое художественное произведение, способ самовыражения и самоутверждения автора, удовлетворявший потребность в общении с духовно близким человеком и со всем миром. Уже первое из сохранившихся его писем, помеченное 11 августа 1886 г. и посланное тете из Тамбова, обнаруживает несомненные эпистолярные навыки и литературные способности: «Сначала, после приезда из Караула, тихая и однообразная жизнь в Покровском казалась мне скучною; но я очень скоро привык и так наслаждался ею, что был положительно в отчаянии, когда нужно было уехать. Главный интерес в Покровском: лечение больных и раздавание книжек ребятам. Крестьянские мальчишки так милы!.. Но что особенно жалко было мне покидать, это — природа. В нашей березовой роще я находил постоянно новые красоты; я часто отправлялся в нее, садился и мечтал. Под влиянием ее я написал даже несколько стихотворений»⁷. Художественные зарисовки встречаются в письмах Юрия постоянно. Особенно удачен портрет гимназического учителя русского языка П. М. Филонова, занявший две странички в письме к тете от 30 декабря 1888 г., где с легкой иронией изображен фронт, демонстрирующий свои роскошные усы и тонкие пальцы⁸.

Письма Чичерина 1900-х годов имеют еще большие выразительные и смысловые достоинства. Строчки, написанные на одном дыхании, без помарок, абзацев и точек (вместо последних ставится точка с запятой) словно летят над поверхностью согнутых пополам листов бумаги. В русский текст свободно вторгаются абзацы по-французски и по-немецки, отдельные изречения и слова на греческом, латинском, английском, шведском и других языках. Мастерское владение пунктуацией, преднамеренное столкновение несоединимых на первый взгляд в едином стилевом русле русских и иностранных слов производит сильное впечатление. Например, в письме к тете 3 октября 1900 г.: «Я слышал, будто на Парижской выставке grand prix за народное образование присужден Св[ятейшему] Синоду! Это великолепно. Св[ятейший] Синод — от Millierand [Мильерана] — за народное образование — grand prix!»⁹

О своем стиле Юрий так писал ей же весной 1892 г.: «Странно только, что во всяком моем откровенном излиянии, хотя бы самому себе, есть

⁶ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская дума. М., 1934, с. 305.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 1—1 об. Караул — имение Б. Н. Чичерина в Кирсановском уезде Тамбовской губ.; Покровское — имение родителей Г. В. Чичерина в Козловском уезде той же губернии.

⁸ Там же, л. 12 об., 27.

⁹ Там же, л. 73—73 об.

и позирование и искренность, и притом в столь смешанном виде, что не могу разобрать... Когда у меня является мысль (особенно, когда я анализирую себя), я стараюсь тотчас придать ей ясную, законченную форму; когда я кому-нибудь пишу откровенно, то результаты своего анализа над собой и свои интимные мысли и наблюдения я передаю именно в этой выработанной ранее форме, т. к. в ней мне удалось лучше всего выразить желаемое»¹⁰. Гибкость и импровизационная свобода стиля сочетаются в письмах юноши с индивидуализированной устойчивой лексикой и фразеологическими конструкциями.

Годы учения Юрия в тамбовской и петербургской гимназиях предстали четырьмя письмами за 1886—1891 гг. Они имеют в основном описательный характер: племянник сообщал тете об учителях и преподаваемых предметах, о чтении литературных произведений, собственном стихотворстве и занятиях музыкой. Уже в то время все больше привлекала его история. «Я вообще чувствую влечение к тихой семейной жизни и занятиям,— писал он 26 декабря 1886 г.,—... изучению математики я покоряюсь, как печальной необходимости, без которой нельзя пробить себе дорогу, а историей занимаюсь с увлечением. На нее уходят все мои свободные часы; и я особенно интересуюсь не фактовой частью, а рассуждениями... и развитием государственного строя. Я прочел почти всю историю [Н. И.] Костомарова и некоторые из его монографий и исследований и необыкновенно им увлекаюсь. Мне нравится его смелая, меткая и ясная критика, его толковые рассуждения, его характеристики; особенно интересными я нашел его «Мысли о федеративном начале Руси»... Василий Григорьевич говорит еще, что многие события, например, самоотвержение Сусанина, может быть, и неверны, но по чувству патриотизма их нужно благоговейно оставлять в покое; да тогда где же истина? Не лучше ли, исследовав дело, как Костомаров или [Д. Л.] Мордовцев, отвергнуть, скрепя сердце, их историческую достоверность и смотреть на них как на прекрасную легенду? После Костомарова я намереваюсь прочесть [К. Н.] Бестужева-Рюмина и [В. О.] Ключевского»¹¹.

На это письмо Борис Николаевич отвечал племяннику 6 января 1887 г.: «Ты увлекаешься Костомаровым. Это естественно, ибо у него есть художественный талант в изображении лиц и событий. Но, к сожалению, ему недостает серьезной подготовки и основательности. У историка основательность состоит прежде всего в критическом отношении к источникам, а Костомаров по своей фантазии отвергает достоверное и принимает вымысел. Примером может служить его воззрение на историю Сусанина... В общих же вопросах он, по недостатку подготовки, до крайности слаб. Так, федеративное устройство древней России не что иное, как произвольный вымысел. Федеративное устройство государства есть юридическое и политическое понятие, которое имеет свою историю, но которое никак не прилагается к древнему русскому быту. Не будучи юристом и плохо зная общую историю, Костомаров строит воздушные замки, в которых нет ничего похожего на действительность. Бестужев-Рюмин — не такой фантазер, это — добросовестный труженик, но ему недостает ума и таланта. Ключевский напечатал только одно или два хороших специальных исследований. Единственный крупный историк нашего времени, это, бесспорно, [С. М.] Соловьев. Только из него ты можешь узнать, что такое русская история. Но Соловьев сух, он часто дает очень сырой материал. Может быть, тебе лучше подождать с этим учением, а то оно, пожалуй, тебе смертельно надоест»¹².

Интересные, блестящие по форме характеристики историков — преподавателей университета даны в письме 19-летнего первокурсника, посланном Александре Алексеевне 22 октября 1891 г. и целиком посвященном

¹⁰ Там же, л. 40—40 об.

¹¹ Там же, л. 6 об., 11—11' об. Василий Григорьевич, — вероятно, воспитатель Г. В. Чичерина.

¹² Там же, д. 72, л. 1—2 об.

учебному процессу: «В этом году у меня самый крупный предмет — древняя история Греции и Рима. Ее читает Ф. Ф. Соколов, старый профессор, обладающий замечательной ученостью, резким, сухим и односторонним умом». Он признает только «факты», взятые из источников официального происхождения, но не «общие выводы». «В бессвязных фразах своих лекций он сообщает страшно много, — продолжал Юрий, — он не умеет говорить плавно, и у него нельзя, как например у [Н. И.] Кареева, извлечь и запомнить суть; у него, что ни фраза, то суть... Конечно, это — исторический чернорабочий, а далеко не идеал профессора; но мне кажется, что для нас его строгая фактическая дисциплина очень полезна, потому что приучает не увлекаться блестящими и привлекательными фантазиями, основанными на песке, а с строгой научностью рассмотреть прежде всего фактический фундамент красивой системы; это именно, мне кажется, может предохранить от увлечения блестящими фантазиями [Ж. Э.] Ренана или какого-нибудь [Э.] Шюре».

Общий курс новой истории читал Н. И. Кареев. По словам Юрия, «приверженец объективизма, Кареев не представляет такой сильной, поражающей, захватывающей индивидуальности, как, например, [Л.] Ранке (я читал его «Päpste»¹³), который говорил, что в истории начало и конец — личность историка, и, будучи сам атлетом, создавал сильных; ничего подобного у Кареева нет, но, как умный, талантливый и серьезный профессор, он дает нам очень много. Не будучи сам сильною индивидуальностью, он удивительно умеет понять и выяснить индивидуальность другого, будет ли то историческая личность или писатель!». Далее юноша отмечал «замечательно интересный» спецкурс Кареева на III курсе об историках французской революции и его же курс «Исторической энциклопедии» для всех семестров.

Историю средних веков читал «очень дельный» профессор В. Г. Васильевский, которого Юрий слушал всего один раз. Зато он «часто и с удовольствием» бывал на лекциях молодого приват-доцента Г. В. Форстена по истории Реформации, Ливонского ордена и правления Густава III, а также слушал курс приват-доцента А. Н. Щукарева «Греческие государственные древности».

«Русская история, — писал он далее, — будет для меня главным предметом в будущем году. Ее читает очаровательный талантливый молодой профессор [С. Ф.] Платонов. Я несколько раз у него бывал на лекциях; слушать его — истинное наслаждение. При простоте, ясности, последовательности, его лекции имеют какую-то особенную очаровательность и прелесть. Это — сирена. Особенности *chef-d'oeuvres* [шедевры (*фр.*)] — те лекции, где он рассматривает полемику по какому-нибудь спорному вопросу; он так мастерски умеет проследить весь ход полемики! Из приват-доцентов по русской истории мне очень понравился [А. С.] Лаппо-Данилевский («История сословий в XVIII веке»). Зато невыносимо скучен [А. А.] Слепцов («Древнейший быт восточных славян и сельское управление в допетровской Руси»); этот молодой человек так сонно и однообразно читает по тетрадке, что даже трудно следить за мыслью, скрывающейся за этим тягучим *adagio molto* [очень медленно (*ит.*)]. Наоборот, [Н. Д.] Чечулин — «Русские мемуары XVIII в.» — слишком быстр»¹⁴.

В том же письме от 22 октября 1891 г. давались характеристики профессорам и приват-доцентам, преподающим филологические дисциплины. Эти лекции не удовлетворяли Юрия, казались скучными и сухими; зато он часто бывал на другом факультете на лекциях по политэкономии П. И. Георгиевского и по государственному праву приват-доцента Н. М. Коркунова¹⁵.

¹³ Имеется в виду, видимо, работа: *Ranke L. Die römische Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im 16 und 17 Jh. Berlin, Bd. I—III, 1834—1836.*

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 39 об., 29—32 об.

¹⁵ Там же, л. 34 об.— 36 об.

О знании юношей нескольких иностранных языков и широте его интересов говорит список прочитанного им за неполных два месяца обучения в дополнение к программе. Вот этот список: *Соколов Ф. Ф.* Гомеровский вопрос. — ЖМНП, 1868, ноябрь, с. 360—442; декабрь, с. 834—886; разделы о древней Греции из кн.: *Ranke L.* Weltgeschichte. Leipzig, 1881—1888, Т. 1—9, Bd. 1—16; *Weber G.* Allgemeine Weltgeschichte mit besonderer Berücksichtigung des Geistes- und Kulturlebens der Völker. Leipzig, 1857—1858, Bd. 1—15; *Grote G.* A History of Greece. London, 1846, v. 1; *Воеводский Л. Ф.* Введение в мифологию Одиссеи. Одесса, 1881; *Порфирьев И. Я.* История русской словесности. Казань, 1870. Ч. 1. Древний период. Устная народная и книжная словесность до Петра Великого; *Burckhardt I.* Die Kultur der Renaissance in Italien. Basel, 1860; Pius II. Commentarii. Pisa, 1893; *Freeman E.* Comparative politics and unity of history. London, 1874, а также несколько произведений на латинском языке кардинала П. Бембо и палеографическое руководство М. А. Шосса¹⁶.

Пребывание в университете (1891—1895), отразившееся в 14 письмах, знаменовало один из переломных моментов в биографии молодого Чичерина. Начался долгий период нравственных и философских исканий. В конце 1891 г. Юрий написал не дошедшее до нас письмо к тете, в котором, по словам Бориса Николаевича, вслед за «немецким профессором» (вероятно, Буркхардтом. — *Е. Н.*) противопоставлял нравственную красоту, с одной стороны, уму, а с другой — вакхическому энтузиазму, видя в нем начало возрождения человечества¹⁷. Романы Толстого и Достоевского, письма Сенеки, работы Ницше, исторические биографии Светония, «поэзия и музыка fin de siècle [конца века] (*фр.*)» (в письмах тети, к сожалению, не названо ни одно имя поэта или композитора) заронили в душу юноши семена раздумий и сомнений. Он перестает верить в мудрую гармонию ума и нравственности, добра, красоты и истины в мире, в гуманистическое влияние искусства и познавательные способности науки (конец 1891 г.). Незаметно для себя перейдя от анализа к самоанализу, он, уже охваченный какой-то тревогой, пытался дотошно исследовать эту впервые открывшуюся ему область (весна 1892 г.). «C'est ce que j'appele être précocose [Это я называю рано созреть (*фр.*)]», — писала Александра Алексеевна племяннику 19 марта 1894 г.¹⁸

Письмо от 1 мая 1894 г. — своеобразный символ веры 22-летнего молодого человека, законченный психологический автопортрет его, во многом проясняющий и собственно исторические темы писем. Чичерин писал, что русское общество 1890-х годов «идеальной жизненной цели» указать не может, ибо в нем господствует эротомания, картежная игра, декадентская поэзия и каждый думает лишь о себе. Так высшей целью жизни становится «личное эгоистическое удовлетворение», самоутверждение, демонстрация своего превосходства над другими, однако это лишь усиливает сознание пустоты и никчемности земного существования¹⁹. Получается, таким образом, порочный круг, из которого не видно выхода...

Самое важное в приведенном рассуждении — еще наполовину неосознанное ощущение зависимости своего угнетенного состояния от общей атмосферы эпохи. Отсюда интерес юноши не только к личности вообще, но и к личности исторической. Сильные, яркие, сложные, не поддающиеся однозначной оценке характеры — Август, Константин, Бэкон, Мирабо — привлекали его с психологической точки зрения, рассматривались им как носители определенных пороков или добродетелей. История становилась для Юрия «учительницей жизни», преподававшей нравственный урок. Не удивительно, что при таком подходе в один ряд с Клеопатрой и Карлом II Английским он ставил Кармен Сильву²⁰.

¹⁶ Там же, л. 37—38.

¹⁷ Там же, д. 72, л. 4.

¹⁸ ОР ГБЛ, ф. 334, карт. 22, д. 60, л. 14.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 4 об., 3 об., 6 об.

²⁰ Там же, д. 588, л. 2 об Кармен Сильва — псевдоним румынской королевы Елизаветы (Полины-Оттилии-Луизы, 1843—1916).

Еще весной 1892 г. он писал тете: «Я хотел тебе передать некоторые свои впечатления об истории. Если в них много ребяческого, детски незрелого, не обвиняй в этом моих профессоров; я затрону такие вопросы, которые при мне ими не рассматривались, исключая вопроса о всесторонности истории, о которой при мне говорил Кареев (ему вообще я за многое благодарен).

Мне кажется, что наука дает общеобязательное и объективное (по крайней мере, общечеловечески субъективное), и в ней индивидуальное касается достижения решения... а не самого вывода. Или история — наука, или она индивидуальна и субъективна. Мне кажется, что история как наука сводится к историческому материалу и исследованию. Но высшая часть истории — историческое повествование, которое пониманием освещает исторический материал, добытый исследованием, и, воссоздавая реальность (или, по крайней мере, стремясь к этому), идет от истины к реальности, а не, как другие науки, от реальности к истине (роман, например, дает реальность, а химия отвлекает из реальности известные явления, положительным образом исследует и систематизирует, получается несомненная для человеческого мышления истина, а не реальность, которой смысл еще должна была бы понять личность индивидуально и субъективно).

Чтобы объяснить, например, поступок исторического лица психологически, чтобы при этом выдвинуть, например, религиозность, или политические соображения, или легкомысленную страсть, — надо воссоздать характер...»²¹.

Реакция Бориса Николаевича на это заявление неизвестна, но сохранился ответ Александры Алексеевны от 8 марта 1892 г.: «Еще слово об истории. Чтобы понять ее дух, цель, значение, надо остерегаться разглагольствования *вообще*, — а изучать ее *фактически* стараясь понять всякое явление *исторически*, т. е. в связи с *предшествующим* и *последующим*, улавливая *общую связующую* нить. Из такого изучения можно уже вывести *общее* понятие об истории... История — одна из самых обширных наук — и ее полнота требует и изображения и понимания развития *всех* многосторонних явлений человеческой жизни и духа. Она (неразборчиво одно слово. — *Е. Н.*) только ряд моментов *покоя*, как ты говоришь, она раскрывает всю *связь* этих моментов, весь трудный путь, которым достигаются эти результаты — борьбу, прогресс, с которыми одни моменты переходят в другие»²². В письме от 11 января 1893 г. она замечала: «...если очень верно то, что в основательных сочинениях об отдельных эпохах можно почерпнуть гораздо больше исторического понимания об этой эпохе, чем во всеобщей истории, то без нее... понимание и *связь* отдельных частей рискует совершенно исчезнуть. И то и другое, необходимо изучать, как целое, так и части»²³.

С блеском окончив весной 1895 г. университет и пробыв около двух лет за границей, Юрий поступил на государственную службу в архив МИД. Кому принадлежала мысль об архиве, из переписки установить не удалось. Во всяком случае, как видно из письма дяди от 5 сентября 1897 г., в выборе места предполагаемой службы у племянника тогда еще были колебания между архивом и цензурой. «Ты писал, что чувствуешь неодолимое влечение к истории, — замечал дядя, — это очень хорошо, если только это не праздный дилетантизм, а серьезная работа... В этом отношении служба в архиве имеет ту выгоду, что дает возможность работать по первоисточникам. Но собственно архивные занятия — чисто механические, приведение дел в порядок, составление карточек и т. п. Приготовление тут не требуется никакого, и ты можешь прямо поступить на место... В Петербурге есть архив министерства иностранных дел, который содержит в себе все документы по иностранной политике. Дмитрий Кап-

²¹ Там же, д. 157, л. 42 об. — 44 об. Конец письма утерян.

²² ОР ГБЛ, ф. 334, карт. 22, д. 60, л. 41—42.

²³ Там же, л. 28 об.

нист может тебя туда определить. Он теперь здесь, и я с ним об этом говорил. Он возвращается в Петербург около 20 октября. Сходи тогда к нему на Знаменскую, 43. Он тебе расскажет все, что там делается, и с своей стороны сделает все, что может... На счет цензуры не имею никаких предубеждений... Тут нужно много такта и знакомства с господствующими течениями. Напиши, на чем ты окончательно остановишься. С Капнистом переговорить во всяком случае полезно»²⁴.

Период 1897 — первой половины 1904 г. в биографии Г. В. Чичерина был началом гражданской зрелости. Кампания борьбы с голодом 1897 г., по его словам, резко обострила интерес к политике²⁵. В письме к дяде 30 апреля 1899 г. он сообщал о голодовке петербургских студентов и студенческих волнениях в других городах. В конце характерная фраза: «Чтобы письмо действительно попало к тебе, посылаю заказным, так будет и впредь»²⁶. А начал его Юрий с рассуждений о проблеме, поставленной перед ним самой жизнью, — о «необходимости фиксировать живой момент» и возможностях истории как науки: «...Нам нужно знать, во-первых, то, где практически еще невозможна паука; научно можно изучать народную мифологию, обычное право, антропологические признаки etc., но нам нужно также схватывать, например, современное смешение мифологических, христианских и случайных воззрений... и еще в большей степени для всего прочего вообще фиксировать живой момент, сложность жизни, во всем разнообразии действительности, современного хаоса; тут наука не поспеет, а я живой человек, должен жить и знать, составлять свои наблюдения, пользоваться чужими. Если бы для этого был совершенный метод и совершенные органы на местах, было бы еще лучше; раз их нет, лучше несовершенные, чем ничто. Это никоим образом не напоминает статистики волостных правлений; неверная статистика есть отсутствие статистики, как неверный архивный инвентарь есть отсутствие инвентаря, а несовершенное наблюдение есть все-таки человеческое наблюдение. Где нет метода или возможности его приложения, нет и науки, а живое наблюдение везде. Во-вторых, мне столь же нужно то, что вовсе не поддается науке, как разговоры мужиков с их воззрениями на всякие предметы... Именно *первые встречные*, близко знавшие народ, нужны для этой задачи, а не ученые этнографы, не специалисты с специальными целями. Живая жизнь и живые наблюдения не менее науки формируют личные взгляды и чувства, а потому и создают жизнь, и создают самую историю, сотканную из личных деятельностей. В моих представлениях о человеческом мире небольшая часть сформирована научно; я должен жить и действовать, не могу ждать науки и ею ограничиваться, я хватаюсь за живые наблюдения и за публицистику. Для наблюдения за образованным обществом какая-нибудь программа была бы смешна, но народ — достаточно однородная и отделенная от нас масса...

Ты потом пишешь о наполнении индивидуальной пустоты содержанием религиозным, научным, общественным; ...важнее, по-моему, содержание *идейное*, т. е. тех идей, которые исходя из наук философских и политических, проникая в общество, ко всякому неспециалисту, делается *idees fines* [настоящими воззрениями (*фр.*)] ...живыми ветрами, как это было в эпоху, например, станкевических «идеалистов», или J-Paul-евских романтиков, или при Французской революции — но и это лишь в известные эпохи; общественное содержание, конечно, наполняло людей почти во все времена истории, но у нас теперь только суррогаты — салонные фрондирования, негодования, анекдоты, арифметики студенческих самопожертвований. Эготические же проблемы также принадлежат к объективной сокровищнице человечества, их даже методологически нельзя обойти, а раз попав, нельзя выйти, когда нет настоящего исхода, и мож-

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 72, л. 10—10 об. Капнист Дмитрий Алексеевич, родной брат Александры Алексеевны, директор Азиатского департамента, а с февраля 1897 г. — I департамента МИД.

²⁵ ОР ГБЛ, ф. 334, карт. 10, д. 1, л. 56.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 57 об.

но только замазывать пустоту — ту пустоту, кот[орая] составляет предмет древнейшей человеческой премудрости — ярче всего, может быть, в перс[идском] суфизме, почему Omar Naumat и сделался одним из вдохновителей fin de siècle [конца века (фр.)]»²⁷.

В 1899 г. вспыхнули массовые волнения в Финляндии, вызванные царским манифестом, который сильно урезал ее автономию. Финляндский кризис 1900-х годов не просто привлек внимание Георгия Васильевича, а сделал его активным участником общественной борьбы, сознательно ставшим в оппозицию к правительственному лагерю. «Я хотел везде, где возможно, спорить и сражаться против господствующей лжи о Финляндии...», — писал он дяде 5 ноября 1899 г.²⁸

Этой задаче и стала служить отныне переписка, что во многом изменило ее характер. Резко возросло число и объем писем: за 1899 г. их сохранилось 17, за 1900 г. — 16, причем самое большое письмо содержит 37 листов основного текста и 29 листов приложений²⁹. Г. В. Чичерин писал тогда родным 2—3 раза в неделю; о Финляндии — только Борису Николаевичу. В большинстве писем на эпистолярный жанр намекает лишь обращение «милый мой дядя Борис...», а дальше идет подробный, обстоятельный разбор Финляндских событий. Так как многие письма из-за их содержания «пропадали», Георгий Васильевич заявил, что «трусить — значит ободрять насилие», начал нумеровать листы и принял систему заказных писем³⁰, которые еще и запечатывались сургучом³¹. Наиболее важные материалы не доверялись почте, а передавались через родственников, едущих из Петербурга в Москву или в Караул навестить Александру Алексеовну и Бориса Николаевича.

Что же могло заинтересовать власти в этих письмах? Прежде всего иронично-откровенная свобода высказываний, хотя бы о самой почтовой службе: «...счастливы был бы тот человек, который получил вместо письма копию: часто находят, что проще *изъять* письмо. Во всех странах открыт простор dem freien Spiel [свободной игре (нем.)] естественных сил общества, только у нас они заменены предписаниями начальства, и если кто осмеливается думать не по этим предписаниям, то его письма попадут к Зволянскому»³². 23 сентября 1899 г. Георгий Васильевич сообщал: «В течение последних месяцев я понемножку отвоевывал клочки энергии и пользовался этим, ездя в Финляндию для прочтения всяких брошюр, документов, газет по финскому вопросу, т. к. пошлейшие фразы из глупейших брошюр или статей у нас общераспространены, и я хотел знать дело, чтобы иметь почву для отрицания, слыша кругом тенденциозные утверждения... Познакомившись с делом, я увидел, что кампания против Финляндии до того построена на лжи... что я прежде и не подозревал такой степени гадости. Полтора года тому назад, кампания против голода была для меня новинкою, теперь я вижу, что это была безделица по сравнению с другими кампаниями. Это такое грязное дело, что чувствуешь и величайшее негодование, и величайшее уважение к стойким и честным гражданам, против которых это все производится»³³.

Финляндский кризис дал Г. В. Чичерину как историку очень много: разобраться в «деле» нельзя было без фактов, а факты надо добывать из документов. «Я тебе достаточно посылаю для выяснения исторического и правового вопроса, — писал он дяде 25 мая 1899 г., — но есть еще вопрос политики. У нас есть полные феннофобы (так в тексте. — Е. Н.), кричащие о необходимости порабощения Финляндии; с ними спор бесплоден;

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 56—56 об., 59—59 об., 57—57 об. Жан Поль — псевдоним немецкого писателя И. П. Ф. Рихтера.

²⁸ ОР ГБЛ, ф. 334, карт. 10, д. 1, л. 99.

²⁹ Там же, д. 1. Письмо Г. В. Чичерина к дяде от 30 июля (11 августа) 1899 г.

³⁰ ОР ГБЛ, ф. 334, карт. 10, д. 1, л. 55.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 61.

³² ОР ГБЛ, ф. 334, карт. 10, д. 1. Письмо Г. В. Чичерина к дяде от 5 сентября 1899 г. Зволянский С. Э. — директор Департамента полиции.

³³ Там же, л. 55 об. — 56.

но есть многие, так сказать, *частичные феннофобы*, желающие частичной борьбы, для устранения частичных обстоятельств, кажущихся им несправедливыми. Они основываются на фактах, как эти факты до них дошли, с ними можно и нужно спорить фактами; между тем русская печать первого лагеря непрерывно кричит о тех или других будто бы несправедливостях по отношению к России, другой лагерь обязан молчать, а шведских газет Финляндии мы не понимаем»³⁴.

С мая по начало сентября 1899 г. Георгий Васильевич регулярно три дня в неделю ездил в Монрепо (Финляндия), встречался там с простыми финнами, старался выяснить их настроения и отношение к России. Чтобы читать в подлиннике необходимые документы по финскому вопросу, он в короткое время овладел шведским языком. В письмах к дяде появились обширные цитаты из шведских газет с параллельным переводом на немецкий³⁵. Внимательно следил он и за русской прессой разных направлений, сопоставляя освещение одних и тех же событий различными органами печати, делая выписки из газет и на их основе — тематические обзоры и подборки фактических данных. На достоверность фактов он обращал особое внимание: проверял газетные сведения по публикациям «Русского архива» и архивным документам, везде в письмах давал ссылки на источник информации и, как правило, указывал степень его полноты и достоверности³⁶. Ему удалось достать ряд секретных изданий официального характера, циркулировавших в придворных кругах³⁷. «Прошу тебя не брезгать посланными брошюрами,— писал он дяде 25 мая 1899 г.,— так как в них есть важные фактические данные, которых, кроме них, нигде нельзя прочитать»³⁸.

В развивавшихся событиях наибольшее внимание Г. В. Чичерина привлекала борьба группировок в правительстве в отношении финляндской политики, двуличие и лицемерие царизма перед общественным мнением, наконец, сам механизм «промыывания мозгов» и манипулирования сознанием как высших государственных сфер, так и широкой массы народа. Полемика официозов с финнами, по его словам, курьезна: «...тяжеловесные, добросовестные умы, *pas encore modernisés* [еще не модернизированные (*фр.*)], с немногими, очень крепкими убеждениями, вдруг подвергаются потоку лжи и софизмов; пока они тщательно обдумывают и готовят свой ход, наши Ноздревы уже успели передвинуть все шашки, и те в изумлении повторяют все те же аргументы и не понимают, что Ноздревы не внемлют»³⁹. Для высших сфер предназначены печатные двухмесячные обзоры периодической печати о Финляндии: «...там действительно все «документально», так что неопытный читатель будет совершенно убежден, но все искуснейшее мошенничество». У Плеве, министра внутренних дел, есть «группа чиновников, опытных в искусстве представлять дело по-своему и тонко исказить, прекрасно изучивши все, касающееся Финляндии, и делающих карьеру на Финляндии. Молодые люди, образованные, внимательно изучающие страну, и *сознательно* ухитряются, чтобы ее *губить!* Они и стряпали «Обзоры»... Этот «Обзор», со всем своим тенденциозным мошенничеством, печатался в *государственной типографии* Российской империи, и потом Плеве направляет эти мнения высокопоставленных людей». Итак, заключал Георгий Васильевич, «новая система — вместо книг... доступных опровержению, писать весьма секретные брошюры, недоступные никаким возражениям и кажущиеся неприкосновенными государственными документами»⁴⁰. Впрочем, выпускались и толстые книги, об одной из которых (написанной неким К. Ф. Ординым), он замечал: «Два тома, масса документов, академическая премия, целый

³⁴ Там же, л. 197 об.— 198.

³⁵ Там же, л. 62 об., 67 об.

³⁶ Там же, л. 138, 246 и след.

³⁷ Там же, л. 234.

³⁸ Там же, л. 201.

³⁹ Там же, л. 208 об.

⁴⁰ Там же, л. 18 об., 2, 11 об.

научный маскарад, чтобы публика считала это непогрешимым источником истины... О большой книге Ордина остроумно говорили, что у него своеобразный метод — дедуктивный: то, что он считает необходимым для интересов империи, он ставит аксиомой, и из этих аксиом выводит факты, объявляя действительными согласующиеся с аксиомами факты, а несогласные — ложью, финляндской интригой, подлогом и т. п.»⁴¹

Закономерен вопрос: как далеко зашли оппозиционные настроения Георгия Васильевича к началу 1900-х годов? В письме Борису Николаевичу 5 сентября 1899 г. он охарактеризовал расстановку общественных сил в стране: «Газеты и журналы — для меня совершенная необходимость, т. к. через них я прихожу в соприкосновения с живой действительностью; это для меня тем необходимее при моем одиночестве, а также при разрозненности и разбитости у нас интеллигентного общества; газеты выводят меня из себя самого в действительность целого и в интересы и борьбы целого. Теперь пошли новые газеты, усиленный подрыв для „Нового времени“. По-моему, „Новое время“, с проповедью беспринципности, дешевыми развлечениями для читателя и постоянным раздражением низменных страстей, было одним из главных орудий для разращения общества в последние 20 лет. У „Моск[овских] вед[омостей]“ карты открыты, а „Новое время“ — настоящий представитель последнего времени, когда вечером снимают виц-мундир и смеются над тем, что делали утром. Но как только молодая газета — там сейчас же марксисты. Странная у нас дилемма — или „Новое время“ или марксисты...»⁴².

Эти же мысли высказаны и в отзыве о Карееве (письмо 4 октября 1899 г.): «В университете разгром; сорвали гнев на профессорах и многих удалили. Уволены лучшие историки — Кареев и [И. М.] Гревс. Гревс — молодой преемник [В. Г.] Васильевского — прелестный, полный восторженности, очень любимый студентами, тип добросовестного умеренного либерала. Прохвост, подлиза Платонов способствовал этому несчастью. Увольнение Кареева — крупная потеря. При всей своей болтливости, он был носителем истинно научных преданий, соединяющих основательную разработку всего специального с философскими общими основаниями и с общим образованием. В последние годы он стал водянист, но его труд по истории французского крестьянства в XVIII веке⁴³ остается лучшим в этой области. Его «энциклопедические» лекции были болтовнею, но специальные лекции были очень хороши, решительнее лучше его книг. Никто в Петербурге не обладает такою начитанностью в историчес[кой] литературе, его суждения о разных течениях мысли отличались спокойствием зрелости и беспристрастности, с точки зрения глубокого знакомства со всеми противоположностями человеческой мысли. Его научное влияние на студентов было самое благотворное, как противовес ремесленной специализации. Может быть, еще выше было его значение по общему смягчающему воздействию на студентов... Нетрудно смеяться над его водянистостью, но заслуги его несомненны, и его увольнение — одна из возмутительнейших современных гадостей. С точки зрения «чем хуже, тем лучше», это можно приветствовать, т. к. удален в лице Кареева один из оплотов против всеобщего хаоса. За него ухватились всл[едствие] его великого авторитета в глазах молодежи и разбили одно из лучших орудий порядка»⁴⁴.

В 1900-е годы основную часть времени Георгия Васильевича поглощала работа в архиве. 16 января 1903 г. он писал дяде: «Эти два года я был занят работами по составлению истории Министерства иностранных дел... Конечно, в общем мои труды гораздо обширнее, чем то, что попало

⁴¹ Там же, л. 57—57 об.

⁴² Там же, л. 101—102.

⁴³ Имеется в виду кн.: *Кареев Н. И.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879.

⁴⁴ ОР ГБЛ, ф. 334, карт. 10, д. 1, л. 73—74 об.

из них в книгу⁴⁵. История министерства теперь издана, и я надеюсь показать ее тебе. В ней самое краткое резюме того, что я сделал. Я преимущественно занимался эпохой Александра II и сначала исследовал политику его царствования в полном объеме, не для гласности; затем, согласно данным мне указаниям, я составил краткий обзор *la partie ostensible* [открытой части (*фр.*)]; этот краткий обзор прошел еще через несколько рук, и был крайне сокращен; наконец, я участвовал в составлении окончательного текста, совещаясь с другими лицами. Это первый связный очерк внешней политики Александра II, построенный на серьезных основаниях; литература предмета полна вообще грубейших ошибок. Из эпохи Николая I я занимался ближайшим образом Крымскою войною, но изложение этого места в окончательной редакции столь кратко, что влияние моей работы является ничтожным. Отчасти я участвовал и в обсуждении остальных частей изложения эпохи Николая I. Я занимался и царствованием Александра III; часть посвященной ему главы основана на более обширных моих исследованиях по отдельным вопросам внешней политики того времени. Очень много энергии было мною положено на собиранье коллекции портретов; она вышла действительно интересною. Я вел также обширную переписку с разными лицами по поводу нашего издания. Зато в чем я совершенно не участвовал... это изложение настоящего царствования. К текущей политической переписке мы не имеем доступа; поэтому составление очерка политики Николая II было поручено чиновникам из нынешних деятелей. Результат показывает, что такое — нынешняя бюрократия. Более глупым чиновничьим образом нельзя было написать, с канцелярским многословием, гимназическим красноречием и пафосом, непрерывным фимиамом... Таким образом, два года я имел иллюзию деятельности. Это был счастливый случай, исключительного характера. При своем рамолиссементе (расслабленности.— *Е. Н.*), я не могу сделаться историком, и между тем, я два года писал историю»⁴⁶.

Непосредственным начальником Г. В. Чичерина в архиве был историк Н. П. Павлов-Сильванский, «живой, интеллигентный, неглупый человек, с которым можно разговаривать»⁴⁷, работавший тогда над книгой о феодализме в Древней Руси.

Интересно письмо Георгия Васильевича, написанное тете вскоре после начала русско-японской войны, 15 февраля 1904 г.: «...Вместе с войною на меня нахлынули спешные дела. Есть части архива, где я могу ориентироваться лучше других; поэтому мое присутствие — абсолютная необходимость... У нас... персонал малочисленный, а архив большой. Есть такие отделы, где я один могу быстро делать нужное. Время тяжелое, тревожное, критическое, никто не знает, какие новые осложнения принесет следующий день. Я в первый раз переживаю войну и вижу, что все в индивидуальной судьбе приносится в жертву в виду мировых событий»⁴⁸. «Архив для меня благодать,— продолжал он в письме 2 апреля 1904 г.,— именно то, что мне нужно, прямо незаменимо. Ничто другое для меня невозможно; без архива я не имел бы в жизни ничего, это была бы пустыня... Архив, конечно, также и связывает; отпуска теперь брать не могу, да и вследствие войны отлучаться абсолютно невозможно. Война сильно волнует; свершаются *события*, судьба наша репается, и притом не знаешь ни в каком отношении, что принесет завтрашний день, какие будут *последствия* войны? Какой *leap in the dark* [прыжок в неизвестность (*англ.*)] мы теперь совершаем? И чувствуешь, как вселенная — *en ebullition* [в возбуждении (*фр.*)], поднимаются отовсюду великие интересы, чувствуешь, что попадаешь в зубы общего, многовекового, в зубы всемирной истории, властно идущей своею дорогою»⁴⁹.

⁴⁵ Имеется в виду кн.: Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб., 1902.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 98—98 об., 101—101 об., 99.

⁴⁷ Там же, л. 82.

⁴⁸ Там же, д. 589, л. 1.

⁴⁹ Там же, д. 157, л. 102—102 об.

Это высказывание очень важно: если в 1890-е годы история была для юного Чичерина прежде всего воображаемым полигоном для испытания собственных творческих сил, то в 1900-е годы на первый план выдвинулась связь истории и современности, неразрывное единство судеб науки с идеологической борьбой в обществе. 1904 год принес ему ощущение истории как великой всемирной человеческой драмы, которое усилилось в связи с событиями 1905—1907 гг. «Я будто бы оторвался от русской действительности и уже не понимаю ее? — повторял он вопрос Александры Алексеевны в письме 23 августа (5 сентября) 1906 г. — Я *глубже вник в истинную русскую действительность*»⁵⁰.

Если в 1892 г. имение дяди Караул ассоциировалось у Юрия с «изящной жизнью, наполненной оживленными умственными и эстетическими интересами»⁵¹, то в ноябре 1905 г. оно стало «воплощением процесса развития России в предыдущей стадии, и притом одной из самых блестящих эпох русской истории... Наоборот, Сергиевка — кристаллизация *целой системы гнета и неподвижности*». История так быстро идет вперед, продолжал Г. В. Чичерин, что чувствуешь себя, как на другой планете, Сергиевка так же далека, как египетские сфинксы⁵².

Осознание иной качественной цельности прошлых эпох означало существенный шаг вперед в формировании историзма мышления Г. В. Чичерина и привело к важным выводам. Настоящее отделялось им от прошлого и будущего, но соединялось с ними в поступательном общественном развитии, которое трактовалось как объективно обусловленная необходимость и борьба старого с новым. Из письма от 2(15) июля 1906 г.: «В жизни — сияющая пантеистическая красота жизни, в ней же — зародыш новой, сменяющей ее жизни. Жизнь умирает, чтобы из себя дать вырасти новой жизни на смену. Надо *быть открытым жизни*; надо понимать и новую *frisch knospender Leben* [свежую распускающуюся жизнь (нем.)]. На новую жизнь надо смотреть с радостью деда, благословляющего играющих веселых внуков. Воспоминания прекрасны — благословить же надо и конец их, и переход воплотившихся в них форм в новые дальнейшие формы»⁵³. В истории есть и постепенная эволюция — ее Георгий Васильевич называл «*historische Methode*» [исторический метод (нем.)], — примером которой является Англия, и вулканические взрывы — «*revolutionäre Methode*» [революционный метод (нем.)], — имевшие место на европейском континенте. «Но если *historische Methode* дал первые образцы политической свободы на практике, то только *revolutionäre Methode*, создание *tout d'une pièce* [из цельного куска (фр.)], дало общие принципы, чистые общечеловеческие формулировки демократизма», — замечал он в письме 14(27) ноября 1905 г.⁵⁴ Рост интереса к типологическим обобщениям также говорит об углублении историзма его мышления. Характерно, что и себя он рассматривал в преемственном ряду борцов за свободу: «Я думал, — обращался он к Александре Алексеевне 2(15) июля 1906 г., — что ты относишься ко мне так, как наше старшее поколение относилось к моим предшественникам 70—80-х гг. А теперь им скоро памятники будут ставить на площадях!»⁵⁵

В письмах Георгия Васильевича 1904—1908 гг. много говорится о будущем. Сознвая, что «родовых» имений, вероятно, уже вскоре не будет, что страна стоит «на очереди аграрного переворота, подобного реформе Солона»⁵⁶, он тем не менее уверенно смотрит в завтрашний день: «Что кас[ается] меня, надеюсь приспособиться к новым условиям новой России и войти в новые формы общественности. Верю в прогресс,

⁵⁰ Там же, л. 109 об.

⁵¹ Там же, л. 46—46 об.

⁵² Там же, д. 589, л. 12—12 об. Сергиевка — поместье Владимира Николаевича Чичерина — брата Бориса Николаевича в Борисоглебском уезде Тамбовской губ.

⁵³ Там же, д. 157, л. 108.

⁵⁴ Там же, д. 589, л. 8—8 об.

⁵⁵ Там же, д. 157, л. 107.

⁵⁶ Там же, л. 105, 113.

и потому «в надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни». Похоронив дворянское прошлое, скажу: «Спящий в гробе, мирно спи! Жизнью пользуйся живущий!»⁵⁷

На чем же был основан этот оптимизм человека, по рождению принадлежавшего к покидавшему историческую арену классу — дворянству? На отказе от идейных позиций своего класса. На поразительной по своей гармонии и гуманизму философии, которая основана на синтезе истории, социологии, политики и этики. «Милая моя тетя Саша, — писал он 14 (27) ноября 1905 г. — разумеется, к человеческим страданиям и к несчастьям жертв я отношусь с человеческим сочувствием. Обратное предположение более чем странно. Я должен указать, что процесс развития, все завоевания истории совершаются через слезы и кровь... Я должен еще указать, что в истории — как бы круговая порука, и когда строй — сплошная преступность, то как бы все виноваты за всех, и *dies irae* [день гнева (*лат.*)] поражает безразлично злоупотреблявшего и не злоупотреблявшего, и поражает иногда даже не самые те поколения, а внуков их!»⁵⁸ Исторически все дворянство обречено на гибель, как бы хороши ни были отдельные его представители, — вот основная его мысль. Дворяне должны находить себе нравственную опору, «полное удовлетворение и примирение и забвение тягостей собственного положения» в том, что «человек есть цель, а не средство». Нужно «отрешиться от себя, жить во всеобщем»⁵⁹.

Огромное внимание уделено в письмах Г. В. Чичерина проблеме писателей и судеб культуры. Уже в 1905—1907 гг. он отстаивал ту линию, которую последовательно проводил после Великого Октября. «Не находишь ли ты прекраснейшим исходом..., — спрашивал он тетю в июле 1906 г., — если хозяином делается в будущем сам народ, самое человеческое все, и там, где прежде развевалась изящная жизнь кучки немногих, теплился одинокий огонек высшей культуры на вершине горы посредине мрака общего варварства, — там будет *Gesellschaftshaus* [общественный дом (*нем.*)] среди общественного парка, подобно брюссельской *Maison de peuple* [Народному дому (*фр.*)], как Пропилеи и Парфенон древних афинян, будет центр самого общества, общественных собраний, науки, искусства и высоких наслаждений? Стоит ли человек на почве социализма или же стоит на почве буржуазных приверженцев постепенного возвышения культуры с сохранением частной собственности, — и в том и в другом случае, все равно, всякий мыслящий и чувствующий человек... должен признать варварским то состояние, при котором блага культуры суть удел маленькой изолированной привилегированной кучки... Именно *какот** дали высший расцвет Греции, и лучший плод греческой культуры был человек массы, простой человек, уличный мещанин — Сократ. В аристократической культуре красота — трагическая красота, ибо она по своей же природе осуждена на смерть»⁶⁰. Александра Алексеевна придерживалась противоположной точки зрения. Задолго до первой русской революции она спрашивала Юрия, не лучше ли было бы, если бы пожар в Карауле уничтожил все, ибо кто знает, в чьи руки попадут картины и скульптуры. В 1906 г. она по-прежнему сочувствовала «именно такому роду культурной индивидуальной деятельности в Карауле», которую считал семейной святыней ее муж⁶¹.

Переписка 1904—1908 гг. документально запечатлела переход Георгия Васильевича от либерализма к марксизму и его идейное размежевание с Александрой Алексеевной и в ее лице с мировоззрением всего дворянского класса. Восторженное письмо племянника, окрыленного успехами революции осенью 1905 г., показалось тете «зубоскальством по поводу

⁵⁷ Там же, л. 105.

⁵⁸ Там же, д. 689, л. 7—7 об.

⁵⁹ Там же, д. 157, л. 107 об., д. 941, л. 1 об., д. 589, л. 10.

* *Граждане* (*греч.*) — перевод Г. В. Чичерина.

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 107—108.

⁶¹ Там же, л. 107; д. 941, л. 4.

несчастья других», так как в это время были аграрные волнения в уезде, где находилось ее имение; рассуждения же о необходимости слез и крови в истории привели ее к мысли, что молодой человек равнодушен к людским страданиям и несчастьям⁶². Она выступала как сторонница мирной эволюции, «разумных реформ» (сначала в школах, а затем в других областях), «сохраняющих истинную культуру» от «дикой массы» и «внутренних варваров»⁶³. А вот мнение Г. В. Чичерина по этому поводу: «Когда социально-экономический процесс требует переделки форм, — формы меняются. Когда социально-экономический процесс ведет к созданию нового гражданина, то вчерашний традиционный будто бы варвар необыкновенно быстро превращается в нового гражданина. И это есть. Какие чудные типы были, например, среди потемкинцев!»⁶⁴

Обращаясь к Александре Алексеевне, он писал осенью 1906 г.: «Я стараюсь делиться с тобою лучшим, что у меня есть... своею драгоценнейшею сокровищницею, тем, чем жить»⁶⁵. «Делиться лучшим» — это значило убеждать ее в столь очевидной для него необходимости революционной замены старого новым, уничтожения помещичьей земельной собственности, «обобществления, отречения от замкнутой единицы, всяких замкнутых миров, семейности, привилегированности», передачи культурного достояния народу, участия в общественном движении на стороне пролетариата⁶⁶. Прочность чисто человеческих нитей, связывавших этих двух людей, долго мешала им понять друг друга: чувство Георгия Васильевича к тете было «слишком нежно, чтобы облекать его в грубую форму слов». Она, в свою очередь, замечала: «Мне все это невыразимо грустно и больно! И сквозь эту боль я продолжаю тебя любить за прошлое, от которого ты отказываешься столь резко и высокомерно!»⁶⁷ Однако уже в октябре 1907 г. он писал: «...стоя на исторической, реальной почве марксизма, я тебя вижу насквозь и постигаю, а ты меня, как дальнейшую стадию, не постигаешь, постичь же значит победить...»⁶⁸

Переписка 1904—1908 г. отразила попытку Георгия Васильевича оценить идейное наследие умершего 3 февраля 1904 г. дяди. Вот его характерные высказывания того периода. Из письма от 2 апреля 1904 г.: «Какие остались в Карауле бумаги? Не будешь ли просить у самых видных корреспондентов дяди Бориса возвращения его писем, чтобы готовить их издание? Мне кажется, их собиране было бы необходимо. Он отзывался в письмах на такую массу разнообразных вопросов, которая не могла быть затронута в книгах». Из письма 23 ноября (6 декабря) 1904 г.: «Если бы ты могла прислать мне хоть какие-нибудь письма, где дядя Борис высказывался откровенно о режиме, это было бы именно то, что требуется в нынешний момент. Дядя Борис не дождался настоящего момента, когда трещит внутренне подгнившая постройка — так по крайней мере через посредство каких-либо писем или бумаг, где он высказывался откровеннее, чем мог в печати, да примет участие его дух в этом великом деле»⁶⁹. Из письма от 14(27) ноября 1905 г.: «На долю нашего поколения выпало величайшее счастье — мы дождались величественного Volksfrühling [весны народов (нем.)] Восточной Европы, — после такого бесконечного терпения, после такой безнадежности! Перед таким головокружительным счастьем, которому слов нет, — что значат личные жертвы? Разве дядя Борис на минуту колебался бы приносить жертвы ради свободы?»⁷⁰

⁶² Там же, д. 589, л. 11, 7.

⁶³ Там же, д. 157, л. 111, 112.

⁶⁴ Там же, л. 111. Потемкинцы — участники восстания на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г.

⁶⁵ Там же, л. 109.

⁶⁶ Там же, л. 114—116.

⁶⁷ Там же, д. 941, л. 1 об., 5.

⁶⁸ Там же, д. 157, л. 112.

⁶⁹ Там же, л. 102 об.—103, 104.

⁷⁰ Там же, д. 589, л. 9.

Рассмотренная переписка Г. В. Чичерина с родными — яркое свидетельство переплетения в жизни вопросов философии, политики, морали. Она показывает, что в истории вообще, а в переходные эпохи в особенности, социальные условия и перемены проявляются через столкновение характеров, кипение страстей, личные драмы. Переписка — важный источник для изучения мироощущения и мировоззрения Г. В. Чичерина в 1880—1900-х годах. В своих письмах он подробно высказывался о политике, истории, философии, морально-этических проблемах, делился своими сомнениями и раздумьями, сообщал о переменах в работе и личной жизни. Это дает возможность подойти к изучению системы взглядов Чичерина, включающей не только его оценки текущей политики России. Письма показывают, как менялись его интересы и суждения, как постепенно, шаг за шагом, в сложной борьбе с самим собой он поднимался от психологического самоанализа к философскому и политическому осмыслению окружающей действительности и своего места в ней. Высказанное в письмах Чичерина признание исторической неизбежности смены низших форм общественного строя высшими и связывание борьбы за будущее общество с интересами и чаяниями определенного класса — пролетариата — было важнейшим признаком, возвестившим о его переходе на позиции марксизма. Переписка его с родными является также ценным источником по истории культуры рубежа XIX—XX в., очень полно и всесторонне характеризующим бытие и сознание определенных групп интеллигенции, в том числе шедшие в ее глубинах идейные дифференцирующие процессы.

М. Ф. Шумейко

К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ В. Я. БОГУЧАРСКОГО

В галерее историков общественного движения в России конца XIX—начала XX в. видное место принадлежит Василию Яковлевичу Богучарскому (Яковлеву) (1861—1915). Его имя связано с собиравшим и публикацией документальных материалов по истории революционного движения, в основном разночинского периода. Заслуга Богучарского в том, что он собрал и спас от гибели большой материал нелегальных журналов, частных писем, записок, воспоминаний, относящихся к периоду героической борьбы народовольцев против самодержавия¹.

Редактор сборников документов о государственных преступлениях в России XIX в. и приложений к ним², специальных исторических журналов «Былое», «Минувшие годы», автор одних из первых монографий о

¹ См. о нем: СИЭ. М., 1962, т. 2, стб. 512.

² Государственные преступления в России в XIX в.: Сборник из политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России / Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Штутгарт — Париж, 1903—1905. Т. 1—3. (Приложения: Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах. Париж, 1905; Революционная журналистика семидесятых годов. Париж, 1905; Литература партии «Народной воли». Париж, 1905). Любопытно отметить, что в библиотеке В. И. Ленина в Кремле хранится один из томов этих приложений — «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах». Там же находится и «Галерея шليسельбургских узников» (Под ред. Н. Ф. Анненского, В. Богучарского, В. И. Семевского и П. Ф. Якубовича. СПб., 1907. Ч. 1). Кроме того, в библиотеке имеется несколько вырезок из журнала «Минувшие годы», выходявшего под редакцией Богучарского (Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 217, 203, 209, 218). Узнав в феврале 1908 г. о выходе первого номера журнала, в котором были опубликованы письма К. Маркса и Н. К. Михайловского, В. И. Ленин просил М. И. Ульянову прислать ему этот номер (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 248).

«Народной воле» и «активном народничестве» 1870-х годов³, он внес определенный вклад в историографию истории общественно-политической мысли в России конца XIX — начала XX в. До настоящего времени исследователи часто используют сборники документов под редакцией Богучарского, его статьи и книги⁴.

В современной историографии утвердилось мнение о Богучарском как либерально-буржуазном историке общественного движения в России⁵, что вполне понятно, ибо именно этим вопросам посвящены его основные работы. Концепция истории зарождения, развития и эволюции революционного народничества, ее сильные и слабые стороны также более или менее обстоятельно проанализированы в советской исторической литературе, и материалы, составляющие личный архивный фонд историка (имеются в виду прежде всего неопубликованные), мало что добавляют к уже написанному.

Однако для создания научной биографии ученого порой бывает недостаточно изучить его основные труды, чтобы судить в целом о творческом пути. На помощь исследователю приходят материалы личного архива ученого (рукописи опубликованных и неопубликованных работ, документы биографического и полубиографического характера, переписка и др.), которые содержат важные сведения, дополняющие или поясняющие тот или иной шаг в творческой биографии фондообразователя.

Задачей настоящего обзора является, во-первых, попытка воссоздать на основании материалов личного архива некоторые стороны творческой биографии Богучарского, мало или совсем не известные в историографии, во-вторых, познакомить с основными комплексами документов архива Богучарского, находящимися ныне в различных хранилищах. Основное внимание уделено научной и общественной деятельности ученого, изучению им истории революционного и общественного движения.

Первые попытки создания научной биографии историка были предприняты вскоре после его смерти. Группа близких ему лиц решила издать сборник памяти Богучарского. Предполагалось, что он будет состоять из биографического очерка и ряда воспоминаний тех, кто встречался с Богучарским в различные периоды его жизни и на различных поприщах деятельности. Общая редакция сборника была поручена А. А. Корнилову. Однако далее составления плана, ныне хранящегося в ЦГАЛИ⁶, дело по изданию сборника не пошло ввиду сложностей, вызванных условиями военного времени.

После 1917 г. часть подготовленных для сборника воспоминаний была опубликована в различных периодических изданиях, ряд неопубликованных находится в архиве историка или в архивах лиц, принимавших участие в работе над сборником⁷. Они носят отрывочный характер, имеют много фактических неточностей и не содержат, как правило, целостных оценок научной и общественной деятельности Богучарского.

Оказалась неудачной и попытка бывшего секретаря редакции журналов «Былое» и «Минувшие годы» Л. П. Куприяновой подготовить к

³ Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в.: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912; *Он же*. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.

⁴ Волк С. С. Народная воля. 1879—1882. М.; Л., 1966, с. 14—15; Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965, с. 9; Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Л., 1974, с. 54—55; и др.

⁵ Историография истории СССР. М., 1971, с. 394—395; Историография истории СССР. М., 1978, с. 228; Седов М. Г. Героический период революционного народничества: (Из истории политической борьбы). М., 1966, с. 31—32.

⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696 (В. Я. Яковлев-Богучарский), оп. 1, д. 207.

⁷ Кранихфельд В. В. Я. Яковлев-Богучарский.— *Былое*, 1917, № 1(23), с. 229—253; № 2(24), с. 218—231; Майнов И. И. (Сараговец). На закате народничества: (Памяти В. Я. Яковлева-Богучарского).— *Былое*. 1917, № 5/6 (27/28), с. 41—81, 1922; № 18, с. 78—123, № 20, с. 135—162, 1923; № 21, с. 118—146; № 22, с. 166—184; ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 196 (Воспоминания Г. [Ф.] Борзякова); д. 199 (Воспоминания С. О. Плаксина); и др.

10-летию со дня смерти историка биографический очерк для «Былого»⁸. Куприянова располагала некоторыми уже выпедшими к этому времени воспоминаниями о Богучарском, большей частью заграничной переписки историка, относящейся ко времени его наиболее активной научной работы. Несмотря на это, в очерке не обобщен и не проанализирован имеющийся материал, в нем дано изложение основных вех биографии ученого-историка, более или менее свободное от фактических неточностей⁹.

История архива Богучарского такова: после смерти историка он был передан вдовой — Э. В. Яковлевой (Покорни) в качестве дара в ААН. О характере материалов, составлявших первоначальный нераспыленный фонд, можно судить по газетной заметке, в которой сообщалось: «Помимо личных бумаг... в архив Богучарского входят отрывки архивов заграничного издания «Вперед» и здешнего «Былого» и часть переписки П. Л. Лаврова. Среди бумаг этой переписки находятся письма к Лаврову от Бебеля, Либкнехта, Маркса, Энгельса, Спенсера, Реклю, Рошфора, Клемансо и др. В архив Богучарского входит также часть архивов шефов жандармов Мезенцева и Селиверстова»¹⁰. Впоследствии материалы фонда передавались в Музей революции, оттуда — в Государственный литературный музей, ЦГАЛИ СССР, ЦГАОР СССР.

В настоящее время личный архивный фонд Богучарского насчитывает около 2,5 тыс. дел, рассредоточенных по нескольким архивохранилищам Москвы и Ленинграда. Основные комплексы рассматриваемых в настоящей статье документов находятся в ЦГАОР СССР, ЦГАЛИ СССР, РОИРЛИ, ОРФ ГЛМ. Кроме этого, материалы Богучарского выявлены в ОР ГБЛ, ОР ГПБ, ЦГИА СССР, ААН¹¹. Архив Богучарского распределен неравномерно по разным архивохранилищам: в ЦГАЛИ СССР — около 500 дел (с коллекцией), в РОИРЛИ — более 100, в ОРФ ГЛМ — около 2 тыс., в ЦГАОР СССР — 49, в ААН — около 10, как и в ОР ГБЛ.

Наиболее полно (в смысле разнообразия документов) представлены материалы в ЦГАЛИ СССР, сгруппированные в несколько разделов. Здесь наряду с биографическими документами и перепиской хранятся и творческие материалы историка. Аналогичные документы имеются в ОРФ ГЛМ, РОИРЛИ, ЦГАОР СССР. Можно выделить условно следующие основные группы документов, составивших личный архивный фонд

⁸ Выправленная корректура очерка хранится в личном фонде П. Е. Щеголева — одного из редакторов послереволюционного «Былого». (РО ИРЛИ, ф. 1093, оп. 1, д. 115, л. 1—41). В журнале очерк не публиковался.

⁹ Выяснению роли Богучарского в подготовке и публикации в журнале «Минувшие годы» писем основоположников научного коммунизма посвящена заметка: *Шумейко М. Ф.* К истории первой публикации писем К. Маркса и Ф. Энгельса Н. Ф. Даниельсону. — Вопросы истории КПСС, 1975, № 2, с. 120—121. В основе ее документы личного архивного фонда историка: его дневник, переписка с Г. А. Лопатиным и Н. Ф. Даниельсоном. О редакторской деятельности Богучарского см.: *Шумейко М. Ф.* Материалы архива В. Я. Богучарского по истории журнала «Былое» («Минувшие годы»). — АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 276—284.

¹⁰ Новые рукописи Академии наук. — Наш век, 1917, 31 декабря. Архив П. Л. Лаврова и бумаги из архивов шефов жандармов были приобретены редакцией «Былого» в 1906 г. (Былое, 1906, № 1, с. 336). О них Богучарский писал: «Возможности этой мы обязаны одной счастливой случайности: работая над историей общественного движения в России и собирая для этой цели материалы, мы приобрели у букиниста архив одного сановника, находившегося в конце 70-х гг. на очень высоких ступенях иерархической лестницы» (ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 169, л. 28). Материалы из архива Лаврова печатались в «Былом»; это письма И. С. Тургенева, документы по истории Общества красного креста партии «Народная воля», истории переговоров Исполнительного комитета со «Священной дружиной» в 1882 г. (Былое, 1906, № 2/3; 1907, № 9). Документы из архивов шефов жандармов были частично использованы Богучарским в посмертно опубликованной статье «В 1878 году (Всепопданнейшее донесение шефа жандармов)». — Голос минувшего, 1917, № 7/8, с. 124—168; № 9/10, с. 108—143.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 854, оп. 1; ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, РО ИРЛИ, Р I, оп. 2, Р. III, оп. 2; ОРФ ГЛМ, ф. 2, оп. 1; ОР ГБЛ, ф. 435 (В. Г. Короленко), раз. II—III, ф. 261 (Издательство М. и С. Сабашниковых); ЦГИА СССР, ф. 776 (Главное управление по делам печати), оп. 9; ААН, ф. 103 (М. М. Ковалевский), оп. 2; ф. 134 (А. А. Шахматов), оп. 3; ф. 202 (Э. К. Пекарский), оп. 2; ф. 489 (В. И. Семевский), оп. 3; и др.

историка: а) рукописи статей, выписки из книг, вырезки из газет и журналов с пометами; б) дневники, переписка; в) личные документы Богучарского (а также воспоминания о нем, некрологи).

Отличительной особенностью архива является то, что преимущественное место в нем занимает переписка и сравнительно небольшое (исходя из числа опубликованных книг и статей) — творческие материалы. Отсутствие подготовительных материалов к двум основным трудам по истории революционного и общественного движения можно объяснить тем, что обе монографии — «Активное народничество семидесятых годов» (М., 1912) и «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в.» (М., 1912) были подготовлены историком за границей, и он вряд ли мог привезти с собой в Россию кипы выписок, черновики, конспектов. Другая причина — обыски, которые, по свидетельству самого Богучарского, уносили массу бумаг; кроме того, им уничтожались многие материалы, которые утратили практическое значение, но в то же время могли дать улики в руки полиции. В материалах архива почти нет также рукописей больших исторических работ, подготовленных, но в силу каких-то обстоятельств не дошедших до издателя. Сохранилось несколько небольших незавершенных статей: «Исполнительный комитет в среде народофильской партии» (б/д, черновой автограф, 2 л.), «О Петре Григорьевиче Зайчневском» (б/д, черновой автограф, 4 л.), «Главные радикальные течения в России в 70-х годах» (1912, автограф, 9 л.)¹² и др. Они представляют интерес для выяснения особенностей работы историка; принципиальных, важных дополнений к сформулированной им концепции истории политической борьбы или свидетельств эволюции его взглядов по тем или другим вопросам в них не обнаружено.

Первые занятия Богучарского исследовательской и публикаторской деятельностью относятся ко времени его пребывания в Западной, а затем Восточной Сибири. Высланный туда в 1885 г. за участие в военном народофильском кружке, действовавшем в Константиновском военном училище, отставной поручик Яковлев «с большим любопытством набросился на встреченных им в Якутске дружинников всех полков, какие выступали на Руси против царских сил за всю боевую пору движения»¹³. К числу сохранившихся первых литературно-публицистических работ, являвшихся своеобразной пробой пера будущего историка, относятся очерки «Из прошлого» (б/д, автограф, 6 л.), «Выстрел» (б/д, автограф, 5 л.), «Марсельеза» (б/д, автограф, 7 л.)¹⁴, рассказ «По Лене» (Из записной книжки) (б/д, автограф, 19 л.)¹⁵. Очевидно, они были написаны Богучарским в ссылке для редактируемого им рукописного журнала ссыльнопоселенцев «Улусный сборник»¹⁶.

С созданием в начале 1899 г. легального марксистского журнала «Начала» Богучарский принял в нем активное участие. Во всех четырех номерах издания (включая и уничтоженный цензурой апрельский) были помещены его статьи, заметки, обзоры. Корректурная одна статья, подготовленная историком к юбилею А. С. Пушкина, но не пропущенная цензурой, находится в ЦГАЛИ СССР¹⁷. В статье Богучарский доказывал на основании рассказов декабристов, что Пушкин полностью сочувствовал их идеям и только случайность помешала ему быть 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в рядах восставших¹⁸.

¹² ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 59, 63, 48.

¹³ Майнов И. И. (Сараговец). На закате народофильства: (Памяти В. Я. Яковлева-Богучарского), с. 62.

¹⁴ РО ИРЛИ, Р I, оп. 2, д. 331, 332, 333.

¹⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 72.

¹⁶ В просмотренных нами архивных материалах историка не удалось обнаружить следов этого журнала, хотя сведения о нем неоднократно встречаются в воспоминаниях лиц, находившихся вместе с Богучарским в ссылке.

¹⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 40.

¹⁸ Познакомившись со статьей, редакторы «Начала» были не уверены в возможности ее публикации. Показательно письмо А. М. Калмыковой, которая 1 мая 1899 г. писала Богучарскому: «Статья Ваша очень хороша, но она так идет вразрез с ли-

Значительный интерес для дополнения творческой биографии историка в первое десятилетие XX в. представляют его дневник за 1906—1908 гг.¹⁹, а также отрывочные путевые заметки Богучарского о поездке на Балканы в 1910—1911 гг.²⁰ Дневник включает более или менее регулярные записи конца 1906 — середины 1908 г. Это толстая тетрадь, исписанная мельчайшим почерком, изобилующая массой журнальных и газетных вклеек с комментариями автора. Дневниковые записи отражают политические взгляды автора, их эволюцию, раскрывают взаимоотношения со многими русскими и зарубежными учеными-историками, писателями, общественными деятелями, характеризуют научные интересы Богучарского. Они несут и своеобразную справочную нагрузку — дают ключ к пониманию отдельных неясных мест переписки, договаривают недосказанное в ней, уточняют или исправляют факты биографии историка.

Особую ценность представляют дневниковые записи, отражающие редакторскую деятельность Богучарского. В них содержатся многочисленные свидетельства отношения автора дневника к тем или иным статьям, воспоминаниям, документам, их авторам и владельцам. Писавшийся «для себя» дневник передает внутреннее состояние историка, вынужденного, кроме редакторской работы, постоянно заниматься «возней со всякими надзирающими учреждениями», испытывать на себе «свободу слова», дарованную манифестом 17 октября 1905 г. Дневник содержит некоторые малоизвестные данные об общественной деятельности Богучарского в начале XX в.²¹: участии в «Союзе освобождения», в Шлиссельбургском комитете — общественной организации, созданной для оказания помощи бывшим узникам шлиссельбургской тюрьмы после октября 1905 г.

После поражения Первой русской революции активная общественная деятельность Богучарского сменилась углубленной научной работой, собиранием документальных материалов для задуманных им трудов по истории революционного народничества. Своеобразным «всплеском» общественной активности историка в этот период было участие в создании литературного дома-музея им. Л. Н. Толстого в Петербурге начиная с июня 1908 г. Для проходившего в этом месяце I Всероссийского съезда писателей им был подготовлен и сделан доклад «Литературный дом-музей им. Л. Н. Толстого в Петербурге», опубликованный в журнале «Минувшие годы»²². Избранный секретарем комиссии по устройству дома-музея, Богучарский развернул активную деятельность. В ЦГАЛИ СССР хранится тетрадь, озаглавленная «Дневниковые записи Богучарского о заседаниях комиссии по устройству дома-музея Толстого в Петербурге» (1908—1909 гг., автограф, 13 л.)²³. Ее содержание в совокупности с другими документами характеризует вклад историка в работу по созданию музея.

После прекращения издания «Минувших годов» в декабре 1908 г. Богучарский начал писать статью о «Священной дружине» — тайном монархическом обществе, созданном для борьбы с революционерами после убийства Александра II. Она должна была печататься в 1909 г. в журна-

кованием и торжеством, что и не знаю, что сказать о возможности для нее увидеть себя в руках читателей» (ОРФ ГЛМ, ф. 2, оп. 1, д. 170). По словам цензора, «появление подобной статьи именно теперь, в пушкинские дни, могло бы произвести большую сенсацию среди молодежи» (цит. по: *Абрамкин В., Дыгмищ А.* «Начало»: Марксистский журнал 90-х годов. М., 1932, с. 55). 10 февраля 1927 г. литературовед В. Е. Евгеньев-Максимов опубликовал в вечернем выпуске «Красной звезды» (Ленинград) заметку «Запрещенная статья о Пушкине», в которой на основании допесения цензора Главному управлению по делам печати раскрыл характер и содержание неопубликованной статьи Богучарского (вырезка этой заметки хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 33).

¹⁹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 39, л. 1—239.

²⁰ Там же, д. 56, л. 1—10.

²¹ Они частично использованы в статье: *Шацкило К. Ф.* Первый день «свободы» в Петербурге: (18 октября 1905 г. по воспоминаниям В. Я. Богучарского). — АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 271—276.

²² *Минувшие годы*, 1908, № 7, с. 303—311.

²³ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 49.

ле «Современный мир». Однако после проведенного в редакции обыска, во время которого охранник Статковский обратил внимание на уже набранную корректуру, редакция отказалась от ее публикации. Автору пришлось забрать рукопись обратно. Вскоре в ноябрьских номерах газеты «Речь» появились четыре публикации под общим названием «„Священная дружина“ (Очерки дней мицувших)»²⁴, которые представляли собой отрывки из статьи Богучарского.

28 ноября 1909 г. Богучарский был арестован. Формальная причина ареста — переписка с эмигрантом В. Л. Бурцевым и хранение якобы секретного документа Департамента полиции. По существу же это был только повод разделаться с редактором «крамольного» журнала. Сам Богучарский писал об этом председателю комиссии по устройству дома-музея им. Л. Н. Толстого М. А. Стаховичу в письме, написанном в доме предварительного заключения в декабре 1909 г.²⁵ 31 декабря 1909 г. Богучарский был освобожден и в январе 1910 г. уехал в Болгарию, куда правительство высылало его на три года.

Период ссылки совпал с наиболее напряженной научной работой историка. Это стало возможным вследствие освобождения от редакторской деятельности, от полицейских и цензурных преследований и главное — в связи с открывшейся возможностью пользоваться необходимыми источниками. С целью розыска недостающих материалов Богучарский неоднократно выезжал в Германию, Францию, Швейцарию²⁶.

Имеются сведения о том, что он собирался основательно заняться изучением истории конституционного движения в России в 1870-х—1880-х годах, очевидно, не без влияния работ И. П. Белокопского, которому Богучарский писал в мае 1913 г.: «Я тоже задумал написать целую книгу о конституционном движении 70 и 80 гг. Вы разработали (в первом издании Вашей книги²⁷) главным образом движение последних 10—12 лет, а предыдущий период очертили слишком бегло — теперь же имеется уже много материалов очень интересных о 70 и 80 гг., и им-то я и думаю посвятить особую работу. Туда войдет и З[емский] союз, и Св[ященная] др[ужина], и В[ольное] сл[ово], и т. д., ибо в первой моей книге, как посвященной «Нар[одной] воле», я коснулся конституционного движения лишь вскользь»²⁸.

Реализовать этот замысел историку не удалось: начавшаяся первая мировая война оторвала его от научных занятий, не позволила обобщить уже частично собранный материал. Сохранились выписки из уже упоминавшейся книги Белокопского, книг А. А. Корнилова «Общественное движение при Александре II» (М., 1909), сборника статей и воспоминаний под редакцией А. А. Кизеветтера «Памяти В. А. Гольцева» (М., 1910), многочисленные письма к Богучарскому бывших участников земского движения в ответ на составленную и разосланную им анкету²⁹.

Выход в свет монографий «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в.» и «Активное народничество семидесятых годов» вызвал большой интерес научной (и не только научной) общественности и серьезную критику как слева, так и справа. В майском номере журнала «Современный мир» за 1912 г. была опубликована статья Г. В. Плеханова под названием «Неудачная история „партии Народной воли“», которая содержала резкую критику основных положений книги Богучарского

²⁴ Речь, 1909, 8, 14, 21, 29 ноября.

²⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 175, л. 42—43 об.

²⁶ В ЦГАЛИ СССР хранятся его читательские билеты библиотеки им. Г. А. Куклина (Женева), им. проф. А. И. Чупрова (Дрезден) и др. (ф. 1696, оп. 1, д. 6).

²⁷ Здесь имелась в виду, вероятно, книга Белокопского «Земство и конституция» (М., 1910).

²⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 86 (И. П. Белокопский), оп. 4, д. 1, л. 53. Определенную роль в возникновении идеи такой книги могло сыграть и постоянное общение с бывшими «земцами» И. И. Петрункевичем, А. А. Русовым, Д. И. Шаховским и другими, которые не раз писали Богучарскому о необходимости иметь историю конституционного движения.

²⁹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 169, л. 102.

о «Народной воле». Одним из основных недостатков монографии Плеханов считал попытку ее автора сблизить конституционное и народническое движение, умалить значение последнего. В этом же году была издана отдельная книга кадетского историка Б. А. Кистяковского, посвященная критике исследования³⁰. Ученик М. П. Драгоманова, он поставил своей задачей опровергнуть предположения Богучарского о том, что «Земского союза» как политической организации в России не существовало, а Драгоманова, издававшего газету «Вольное слово», мистифицировал агент «Священной дружины» А. П. Мальшинский, выдававший себя за члена «Земского союза». Кистяковский подвергал сомнению подлинность переписки последнего с Драгомановым³¹.

Вслед за выходом статьи Плеханова и книги Кистяковского Богучарским была подготовлена «Заметка для Плеханова», предназначавшаяся для печати; черновик ее (б/д, автограф, 4 л.) вместе с журнальной публикацией статьи Плеханова находится в ЦГАЛИ СССР³². Анализ содержания заметки показывает, что историк не опровергал по существу замечаний Плеханова, но пытался противопоставить их выводам Кистяковского. Так, он писал: «Г. Плеханов находит, что все мои симпатии лежат па стороне либералов... а вот г. Кистяковский... обвиняет меня как раз в обратном — в устремлении не в сторону „либерализма“, а в сторону противоположную»³³.

Готовя заметку, Богучарский тщательно изучил не только рецензию Плеханова, но и книгу Кистяковского. Экземпляр последней с его пометами (причем он делал их дважды — до и после чтения книги бывшей сотрудницей Драгоманова по «Вольному слову» А. В. Гольштейн) находится в РОИРЛИ³⁴. Эти пометы в совокупности с письмами, дневниковыми записями дают возможность проследить, какие доказательства использовал Богучарский для выяснения роли Драгоманова в земском конституционном движении, определения размаха движения и т. п. Дополняя содержание опубликованных работ Богучарского, они представляют интерес и в наше время в связи с продолжающимся изучением истории земского движения³⁵.

Будучи за границей, Богучарский не оставлял и публицистической деятельности. В 1910—1912 гг. им было подготовлено несколько статей, посвященных национальному движению на Балканах, среди них: «Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции». «Национальное движение и социальный вопрос в Турции» (1910 и б/д, автограф

³⁰ *Кистяковский Б.* Страницы прошлого: К истории конституционного движения в России. По поводу книги: В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.

³¹ Работая над статьей о «Священной дружине», Богучарский опубликовал ряд документов, касающихся ее переговоров в 1882 г. с Исполнительным комитетом партии «Народная воля». В письме из Белграда 4 февраля 1911 г., отвечая на вопросы Г. А. Лопатина, усомнившегося в подлинности некоторых документов, Богучарский сообщал, что для этого нет оснований, ибо документы взяты из архива «Дружины». «Был такой момент, — писал он, — (при издании в Петербурге «Былого»), когда мы находились в этом деле у самого первоисточника (архив «Священной дружины»), но катастрофа с журналом разразилась прежде, чем мы имели возможности использовать этот первоисточник до конца. Дело было тонкое и деликатное, быстро его вести было нельзя, но кое-что, и «кое-что» — самое несомненное — у нас все-таки в руках уже оказалось» (ЦГАОР СССР, ф. 9104 (Г. А. Лопатин), оп. 1, д. 48, л. 24).

³² ЦГАЛИ СССР, ф. 4696, оп. 1, д. 51.

³³ Там же, л. 1.

³⁴ РО ИРЛИ, Р I, оп. 2, д. 340.

³⁵ *Лиурмова Н. М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово»: (По поводу одного документа из архива М. К. Лемке) — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964; *Они же.* О достоверности одного документа из архива М. К. Лемке: (М. П. Драгоманов в «Вольном слове»). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Т. 3; Чья це фальшивка? — Витчизна, 1965, № 8; и др.

и машинопись, 7 л.), «Социалистическое движение в Болгарии» с выписками по истории Болгарии 80-х годов XIX в., (б/д, автограф и рукописная копия, на рус. и болг. яз., 26 л.), «Идея балканской федерации и балканские социалисты» (б/д, автограф, 11 л.)³⁶.

В это же время в Болгарии им был сделан для редакции «Вестника Европы» перевод некоторых глав книги В. Лаферте «Александр II. Неизданные подробности о его личной жизни и его смерти» (*Laferté V. Alexandre II. Détails inédits sur la vie intime et sa mort. Paris, 1882*). В предисловии к переводу Богучарский писал: «В книге нет особых фактов, которые бы привлекли особое внимание. Но два вопроса, по которым книга становится интересной. Откуда взял Лаферте те материалы, которыми он пользовался при составлении своей книги, и какова степень достоверности этих материалов»³⁷. Историк устанавливал источник сведений Лаферте по воспоминаниям Л. А. Тихомирова «Конституционалисты в эпоху 1881 г.» (3-е изд. М., 1895), письму М. Т. Лорис-Меликова от 8 мая 1882 г., напечатанному в 25-м номере «Освобождения» за 1904 г., переписке К. П. Победоносцева с Е. Ф. Тютчевой, опубликованной в майском номере «Русского архива» за 1907 г., дневнику П. А. Валуева за 1877—1884 гг., часть которого была опубликована в сборнике «О минувшем» (М., 1909) под названием «Граф П. А. Валуев в 1881—1883 гг.»³⁸

Существенными сторонами научной деятельности Богучарского были рецензирование книг и научных статей, посвященных проблемам общественного и революционного движения, и участие в издании энциклопедических словарей. Сохранились рукописи его рецензий на книги: А. В. Луначарский «Религия и социализм» (СПб., 1908) и В. А. Мякотин «Из истории русского общества. Этюды и очерки. (СПб., 1902), а также черновики словарных статей: «В. И. Засулич», «Зубатовщина», статья (без начала) о «Земле и воле» (б/д, автографы, 5 л.)³⁹, написанные после 1912 г. (в них имеются ссылки на уже вышедшие к этому времени монографии о «Народной воле» и «активном народничестве»).

Несмотря на то, что, как говорилось, историком уничтожались многочисленные подготовительные материалы, часть их сохранилась в архиве Богучарского. В ЦГАЛИ СССР, например, находится ряд вырезок из газет и журналов с пометами, выписки из сочинений К. Маркса, М. А. Бакунина, А. И. Герцена, Ф. А. Гилярова, А. Н. Пыпина, К. Ф. Рыльева, И. С. Тургенева, В. Шекспира, воспоминаний В. К. Дебагория-Мокриевича, С. М. Степняка-Кравчинского, В. Н. Фигнер и др. Здесь хранятся вырезки из газет «Смоленский вестник», «Наша жизнь», «Правда жизни» и других за 1896—1915 гг. со статьями о преследованиях русской печати, публицистическими заметками, сообщениями о политической и общественной жизни⁴⁰, выписки из «Русских летописей», «Судебного вестника», «Русского инвалида», «Правительственного вестника». Все это подготовительные материалы для сборника документов «Государственные преступления в России в XIX в.», отдела «Современная летопись», который вел историк в журнале «Былое», для позднейших его работ по истории революционного движения в России.

В РОИРЛИ представляют интерес пометы Богучарского на «Известиях Совета рабочих депутатов» г. Костромы от 19 и 20 ноября 1905 г. и брошюре В. И. Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата», на вырезках из газет и журналов с рецензиями на книгу «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в.»⁴¹ и др. Архивные материалы

³⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 41, 84, 56 (Последняя статья напечатана: «Запросы жизни», 1912, № 12).

³⁷ Там же, д. 57, л. 1—2.

³⁸ Полностью дневник опубликован позднее: *Валуев П. А. Дневник. 1877—1884*. Ред. и примеч. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. Пг., 1919.

³⁹ ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 61, 79, 53.

⁴⁰ Там же, д. 31, 32, 36.

⁴¹ РО ИРЛИ, Р I, оп. 2, д. 337, 341, 335.

показывают, что ленинскую брошюру Богучарский мог изучать в связи с подготовкой им по поводу запрещения журнала «Былое» статьи (1907, автограф, 2 л.), в которой говорится о тактике социалистов и левой демократии в III Думе⁴², или статьи о взаимоотношениях буржуазии и правительства и сущности позиции кадетов (б/д, автограф, 5 л.)⁴³.

Интересны также блокноты Богучарского с записями высказываний философов и историков (б/д, автограф, 860 л.), выписки из книги С. С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование» (СПб., 1903, т. 1—2)⁴⁴.

Значительную часть материалов личного фонда Богучарского составляет переписка. Среди его корреспондентов — ученые, писатели, артисты, общественные деятели, бывшие участники революционного движения. В соответствии с содержанием переписки ее можно условно сгруппировать по нескольким разделам: письма, отражающие основную научную деятельность историка и связанные с подготовкой им монографий, научных статей, публикаций документов; переписка Богучарского как редактора журналов «Былое», «Минувшие годы» с авторами статей, воспоминаний, владельцами документов, редакторами, издателями; письма, характеризующие общественно-политическую деятельность историка (участие в Вольно-экономическом обществе, «Союзе освобождения», комиссии по устройству литературного дома-музея им. Л. Н. Толстого в Петербурге и т. д.). Письма 1906—1908 гг. в большинстве своем содержат просьбы к Богучарскому поместить статьи, воспоминания в журналах «Былое» и «Минувшие годы»; письма 1909—1913 гг. связаны с обсуждением работ Богучарского по истории революционного движения; переписка с издателем М. В. Сабашниковым и редактором Д. И. Шаховским содержит обсуждение условий издания его книг.

Среди корреспондентов историка, чьи письма хранятся в ЦГАЛИ СССР, — П. Б. Аксельрод (1 письмо, б/д); О. В. Аптекман (1 письмо, 14 июня 1912 г.); Р. М. Бланк (4 письма, 1906—1912 гг., на рус. и фр. яз.); С. А. Венгеров (1 письмо, б/д); Н. А. Герцен (1 письмо, 25 мая 1912 г.); А. В. Гольштейн (1 письмо, б/д); Л. Я. Гуревич (1 письмо, 15 февраля 1912 г.); В. К. Дебагорий-Мокриевич (2 письма, 28 марта 1911 г. и 29 августа 1912 г.); Л. М. Драгоманова (2 письма, 2 марта 1913 г. и апрель 1913 г.); А. М. Калмыкова (1 письмо, б/д); А. А. Кизветтер (1 письмо, 22 мая 1910 г.); Б. А. Кистяковский (10 писем, 1912—1913 гг.); В. Г. Короленко (1 письмо, 9 апреля 1908 г.); М. К. Лемке (1 письмо, 16 сентября 1906 г.); Е. А. Ляцкий (5 писем, 1912—1913 гг.); С. П. Мельгунов (3 письма, б/д); Н. А. Морозов (1 письмо, 27 июня 1911 г.); Л. Ф. Пантелеев (5 писем, 1909—1913 гг.); И. И. и А. Ф. Петрункевич (4 письма, 1911—1912 гг.); Н. А. Рубакин (1 письмо, б/д); А. А. и С. Ф. Русовы (4 письма, 1911—1913 гг.); М. В. Сабашников (2 письма, 1 июня и 29 ноября 1912 г.); С. Г. Сватиков (1 письмо, 25 ноября 1909 г.); Д. И. Шаховской (9 писем, 1911—1912 гг.); П. Ф. Якубович-Мельшин (1 письмо, 10 марта 1906 г.). Определенный интерес для выяснения политических взглядов Богучарского, их эволюции после событий первой русской революции представляет упомянутое выше неотправленное письмо М. А. Стаховичу, обнаруженное среди выписок на разные темы. Письмо содержит дополнительные сведения об истории журнала «Былое», его редакторах.

Более значительная как по числу корреспондентов (свыше 400), так и по объему (около 1,4 тыс. писем) переписка находится в ОРФ ГЛМ. Здесь имеется и несколько писем, написанных самим Богучарским: А. И. Куприну (1908 г.); П. Б. Струве (1911 г.); Ф. Ф. Фидлеру (1909 г.); Э. Бернштейну (1908 г.). Корреспондентами, более других писавшими Богучарскому, были А. В. Амфитеатов (4 письма, 1908—

⁴² ЦГАЛИ СССР, ф. 1696, оп. 1, д. 73.

⁴³ РО ИРЛИ, Р I, оп. 2, д. 339.

⁴⁴ ОРФ ГЛМ, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 2.

1912 гг.); Н. Ф. Анненский (17 писем, 1902—1909 гг.); О. В. Аптекман (15 писем, 1905—1912 гг.); М. Ю. Ашенбреннер (6 писем, 1905—1906 гг.); Е. В. Барамзин (2 письма из сибирской ссылки, 1899—1900 гг.)⁴⁵; Ф. Д. Батюшков (11 писем, 1904—1913 гг.); И. П. Белоконский (16 писем, 1906—1913 гг.); П. И. Бирюков (2 письма, 1908 г.); Р. М. Бланк (22 письма, 1906—1912 гг.); П. Д. Боборыкин (3 письма, 1908 г.); В. Г. Богораз-Тан (7 писем, 1901—1905 гг.); В. Д. Бонч-Бруевич (2 письма, 1911 г.); П. И. Вейнберг (3 письма, 1906—1908 гг.); С. А. Венгеров (9 писем, 1903—1914 гг.); З. А. Венгерова (3 письма, 1911 г.); А. А. Вербицкая (6 писем, 1900—1904 гг.); В. В. Вересаев (3 письма, 1901—1902 гг.); В. В. Водовозов (12 писем, 1911—1912 гг.); П. А. Гейден (9 писем, 1905—1906 гг.); М. О. Гершензон (3 письма, 1906—1907 гг.); З. Н. Гишпиус (5 писем, 1908—1912 гг.); В. С. Голубев (9 писем, 1899—1908 гг.); А. В. Гольштейн (16 писем, 1909—1914 гг.); И. М. Гревс (3 письма, 1906—1907 гг.); Л. Я. Гуревич (13 писем, 1905—1906 гг.); Н. Ф. Даниельсон (1 письмо, 1908 г.); И. Ф. Дубровинский (2 письма, 1899, 1910 гг.); А. И. Зенкевич (2 письма, 1905 г.); Н. Золотарев (3 письма, 1911—1912 гг.); С. А. Иванов (7 писем, 1905—1907 гг.); А. М. Калмыкова (16 писем, 1899—1911 гг.); Н. И. Кареев (16 писем, 1904—1912 гг.); И. Н. Кашинцев (17 писем, 1912 г.); Н. С. Клецов (4 письма, 1913 г.); С. Ф. Ковалик (4 письма, 1906 г.); Е. Е. Колосов (7 писем, 1913 г.); А. А. Корнилов (6 писем, 1908 г.); В. Г. Короленко (13 писем, 1899—1910 гг.); В. Ф. Костюрин (11 писем, 1893—1906 гг.); В. П. Крапихфельд (4 письма, 1909 г.); Е. В. Лаврова (4 письма, 1912—1913 гг.); Е. Е. Лазарев (4 письма, 1906—1911 гг.); М. К. Лемке (8 писем, 1897—1914 гг.); Г. А. Лопатин (43 письма, 1905—1915 гг.); И. Д. Лукашевич (2 письма, 1906, 1909 гг.); Е. А. Ляцкий (7 писем, 1912—1913 гг.); Н. П. Маклецова (3 письма, 1906 г.); С. П. Мельгунов (16 писем, 1906—1910 гг.); Н. А. Морозов (2 письма, 1913 г.); В. Я. Муринов (10 писем, 1896—1913 гг.); М. В. Новорусский (3 письма, 1906—1910 гг.); Ф. И. Огарков (6 писем, 1899—1904 гг.); Л. Ф. Пантелеев (29 писем, 1894—1913 гг.); Н. Е. Парамонов (14 писем, 1906—1907 гг.); М. Р. Попов (10 писем, 1906 г.); В. В. Португалов (4 письма, 1902—1910 гг.); В. А. Поссе (2 письма, 1899 г.); С. Н. Прокопович (7 писем, 1906—1910 гг.); А. С. Пругавин (7 писем, 1905—1908 гг.); З. К. Ралли-Арборе (5 писем, 1906 г.); И. Е. Репин (2 письма, 1905 г.); Н. А. Рубакин (4 письма, б/д); Н. С. Русанов (6 писем, 1906—1908 гг.); С. Ф. Русова (6 писем, 1906 г.); М. П. Сажин (3 письма, 1906 г.); В. И. Семевский (16 писем, 1900—1912 гг.); Ю. М. Стеглов (3 письма, 1912—1913 гг.); П. Б. Струве (37 писем, 1898—1912 гг.); Е. В. Тарле (9 писем, 1906—1907 гг.); П. Ю. Тодоров (8 писем, 1911—1912 гг.); М. Н. Тригони (4 письма, 1906 г.); М. И. Туган-Барановский (5 писем, 1905 г.); Д. В. Философов (17 писем, 1908—1914 гг.); А. А. Шахматов (3 письма, 1908—1909 гг.); Д. И. Шаховской (17 писем, 1908—1912 гг.); П. Е. Щеголев (45 писем, 1908—1916 гг.); П. Ф. Якубович-Мельшин (12 писем, 1906—1908 гг.).

В РОИРЛИ находятся письма Богучарскому, относящиеся в основном к 1906—1909 гг.⁴⁶ Среди его корреспондентов — К. И. Арабакин, М. Ю. Ашенбреннер, П. Д. Боборыкин, В. Л. Бурцев, С. А. Венгеров, Е. П. Водовозова, А. В. Гольштейн, В. К. Дебагорий-Мокриевич, И. С. Джабадари, Н. Ф. Даниельсон, А. И. Иванчин-Писарев, М. М. Ковалевский, А. А. Корнилов, В. П. Крапихфельд, Г. А. Лопатин, И. Д. Лукашевич, И. М. Ляховецкий, И. Л. Манучаров, Б. А. Маркович, С. П. Мельгунов, Л. Ф. Пантелеев, Н. Е. Парамонов, Э. К. Пекарский, М. Р. Попов, Н. С. Русанов, В. И. Семевский, М. Н. Тригони, Д. В. Философов, И. Франко, Н. В. Чайковский, П. Ф. Якубович-Мельшин и др.

⁴⁵ В письме от 19 января 1900 г. имеются сведения о предстоящем вскоре освобождении из ссылки В. И. Ленина (Из истории пребывания Е. В. Барамзина в сибирской ссылке / Публ. подг. М. Ф. Шумейко. — СА, 1980, № 2, с. 74—76).

⁴⁶ РО ИРЛИ. Р III, оп. 2, д. 2253—2349.

Переписка Богучарского, как и другие материалы биографического и полубиографического характера, представляет значительный интерес для изучения жизни и деятельности историка, выяснения особенностей его творчества, установления круга лиц, с которыми он общался, источников, над которыми работал, воссоздания своеобразного «духа времени», его окружавшего.

Творческая биография Богучарского была типичной для ученого-историка, занимавшегося проблемами изучения революционного и общественного движения до 1917 г. Его научные занятия, шедшие вразрез с интересами господствующего строя, встречали враждебное отношение со стороны властей, так как «царизм не был заинтересован в истории того движения, с которым он боролся всеми доступными ему средствами»⁴⁷. Однако и в этих чрезвычайно сложных условиях историку удалось обобщить с таким трудом собранный им документальный материал. Состав его личного архивного фонда в известной степени показывает это.

Следует отметить и другое важное обстоятельство. Если для 1920—1930 гг. было характерно обращение исследователей проблем общественного и революционного движения к материалам коллекции, собранной Богучарским (примером тому являются публикации С. Н. Валка)⁴⁸, то в настоящее время уже документы самого историка стали предметом пристального внимания⁴⁹. Это свидетельствует о том, что архив Богучарского продолжает «работать», и нет сомнений, что дальнейшее изучение его документов будет способствовать углублению наших представлений об историографии изучения общественно-политической мысли и движения в конце XIX — начале XX в. и развитию современного источниковедения данной проблемы.

⁴⁷ Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. М., 1927, т. 1, ч. 1, с. X.

⁴⁸ Лев Тихомиров и С. С. Синегуб. Смерть Д. И. Гамова: Из архива В. Я. Богучарского / Сообщил С. Валк.— Каторга и ссылка, 1927, кн. 31, с. 95—100; К биографии Людвиг Варынского: Из архива В. Я. Богучарского / Сообщил С. Валк.— Там же, 1927, кн. 32, с. 98—102; Самоубийство К. А. Иванайнена: Из архива В. Я. Богучарского / Сообщение С. Н. Валка.— Там же, 1927, кн. 35, с. 105—109; и др.

⁴⁹ Шаццлло К. Ф. Первый день «свободы» в Петербурге: (18 октября 1905 г. по воспоминаниям В. Я. Богучарского).— АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 271—276; Шумейко М. Ф. К истории первой публикации писем К. Маркса и Ф. Энгельса Н. Ф. Даниельсону.— Вопросы истории КПСС, 1975, № 2, с. 120—124; Он же. Письма Е. В. Тарле В. Я. Богучарскому.— АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 357—360; Вандалковская М. Г. Из архива В. Я. Богучарского [Письма Л. Ф. Пантелеева В. Я. Богучарскому].— История и историки: Историографический ежегодник. 1976. М., 1979, с. 379—385.

В. Н. Серeda

МАТЕРИАЛЫ О ПРЕПОДАВАНИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ФОНДЕ А. Н. СПЕРАНСКОГО

Александр Николаевич Сперанский (1891—1943) более 10 лет жизни посвятил преподаванию вспомогательных (или специальных — по определению, все более распространяющемуся в наше время) исторических дисциплин в вузах Москвы. Он читал лекции по дипломатике, палеографии, истории государственных учреждений дореволюционной России на историческом отделении историко-филологического факультета МГУ, ИКП, МОПИ им. Н. К. Крупской. Однако наиболее тесно его педагогическая деятельность связана с МГИАИ, где он не только читал лекции и вел семинары, но и заведовал аспирантурой, был первым руководителем кафедры вспомогательных исторических дисциплин.

Фонд А. Н. Сперанского в архиве МГИАИ (фонд не имеет номера) насчитывает 80 дел¹, из которых 6 дел составляют материалы его учебно-педагогической деятельности, ставшей заметным явлением в истории преподавания вспомогательных исторических дисциплин в нашей стране в довоенный период². Эти материалы отражают разные этапы работы ученого над лекционными курсами и программами по отдельным вспомогательным историческим дисциплинам.

Сохранилось пять недатированных вариантов программ, в названиях которых входят слова «курс по дипломатике» (автографы чернилами и карандашом на тетрадных листах большого формата)³. Это либо перечни основных разделов работ по дипломатике других авторов, либо наброски пунктов собственной программы курса. Последний, пятый, вариант очевидно, завершающий в работе; он назван автором «примерной программой курса по дипломатике публично-правовых и частно-правовых актов Московского государства XVI—XVII вв». Она включает в себя собственно программу на 11 листах (л. 32—34, 10—11, 26—29, л. 35—36) и объяснительную записку к ней (л. 13—25). По структуре программа сходна с предшествующими набросками (варианты 2 и 4) и целиком их поглощает.

«Примерная программа...» состоит из четырех разделов и «Заключительной беседы». Первый раздел посвящен истории развития дипломатии на Западе и в России, второй — «общим понятиям и основным методам дипломатической критики актового материала», третий — «специальным методам дипломатического анализа документов», четвертый — эвристике актов. В заключение подводятся «итоги дипломатического изучения актового материала в СССР» (л. 36). Подобный объем курса, по мнению Сперанского, соответствовал задачам не только ознакомления с основными направлениями научной мысли в области дипломатики и «современным состоянием дипломатики как специальной вспомогательной исторической науки», но и сообщения слушателям «необходимых практических навыков по эвристике актового материала и его критической интерпретации» (л. 13).

В первом разделе речь идет об определении задач дипломатики и истории ее возникновения «из практических нужд», о развитии ее на Западе (во Франции и Германии) и в России. Для исторического экскурса характерны обращение лишь к переломным моментам в истории дипломатики и оценка вклада видных ученых в этой области: Ж. Мабильона, Б. Монфокона, А. Жири (во Франции), И.-К. Гаттерера, Г. Штейнакера (в Германии), Н. П. Лихачева, С. А. Шумакова, А. С. Лаппо-Данилевского (в России). В объяснительной записке к программе, однако, выделяется мысль о зависимости развития науки от «всей социальной обстановки, определявшей в тот или иной период научные интересы» и влиявшей на темпы этого развития (л. 13—14).

Истории развития западной дипломатики Сперанский уделял больше внимания, объясняя это, во-первых, относительной молодостью русской дипломатики, а во-вторых, непосредственным влиянием идей французской и немецкой школ на формирование взглядов Лихачева и Лаппо-Данилевского. В деятельности последнего Сперанский подчеркивал, с одной стороны, «ошибочность методологических предпосылок» и, с другой, —

¹ Более подробно о составе фонда А. Н. Сперанского и его биографии см.: Булгаков М. Б. Обзор фонда А. Н. Сперанского. — АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 284—289.

² Устюгов Н. В. Ред. на кн.: Н. С. Чаев, Л. В. Черепнин. Русская палеография. — ВИ, 1947, № 12, с. 111; Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет. — СА, 1967, № 5, с. 133; Он же. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 45; Копанев А. И. Советская дипломатика. — ВИД. Л., 1968, вып. 2, с. 60; Кукушкина М. В. Советская палеография. — Там же, с. 77.

³ Архив МГИАИ, ф. Сперанского, оп. 1, д. 22. В деле последовательность листов при систематизации нарушена. Далее ссылки на номер дела и листы приводятся в тексте в скобках.

ценность «техники разработки актового материала» (л. 33—34). Состояние отечественной дипломатики характеризовалось лишь краткой фразой об «отсутствии кафедр в университетах, отсутствии специалистов» (л. 34). Это свидетельствует, в частности, о значении работ самого Сперанского для изучения истории становления дипломатики в нашей стране.

Второй раздел программы был посвящен определению характера документов, «подлежащих дипломатическому изучению». Автор проводил классификацию письменных источников по признаку наличия «юридического содержания» и выделял группу актов — «документов с правовым содержанием, составленных по определенной форме» (л. 34, 10). В объяснительной записке к программе трактовались термины «документ», «акт», «частноправовой акт». Введение пункта о происхождении актов было вызвано необходимостью «создания у них (слушателей.— В. С.) более конкретного представления о порядке написания актов» (л. 19); сюда же Сперанский включал данные по истории канцелярий и нотариата в связи с эволюцией феодальных отношений допетровской Руси.

Второй раздел завершался рассмотрением основных вопросов дипломатического изучения актов (вид, время, место создания, подлинность, история вида, его формуляр) и способов их разрешения (внешняя и внутренняя критика). Сюда же отнесен вопрос о месте дипломатики среди «исторических вспомогательных наук» как отрасли знания, изучающей вид, форму и содержание актов (л. 18 об.).

Центральное место в программе (третий раздел) отведено специальной части курса. «Принятые в ней подразделения и входящие в последние темы являются обычными для курса дипломатики и охватывают... с достаточной полнотой все вопросы, обычно встающие перед дипломатистом-исследователем» (л. 19). Вначале излагается история письменности на Руси по XVIII в. включительно и техника чтения рукописей, затем хронология и способы датировки по палеографическим признакам, актовая терминология, ономастика и «топография», т. е. топонимика, как средства датировки акта. Далее Сперанский намечал картину развития формы акта на Западе и в России, вводил понятия «составных частей акта», формуляра, типичного формуляра определенного вида актов, приводил определение клаузулы, обращал внимание на значение установления формуляра для изучения данного вида документа и устанавливаемых им общественных отношений. В самостоятельный пункт выделены вопросы установления подлинности и подложности документов по внешним признакам и формуляру.

Особое место в этом разделе отведено изучению однородного актового материала статистико-графическим методом (разработанным Лаппо-Данилевским), намечены его этапы и те вопросы, ответы на которые может дать применение этого метода. Сперанский видел ценность метода в «воспитании в начинающем исследователе внимательного отношения к источнику», а научное значение — в возможности получения обоснованных «статистической обработкой данных, заключающихся в отдельных клаузулах» (л. 28).

Цель последнего раздела «Эвристика» — охарактеризовать важнейшие издания актового материала в России, историю архивного дела в стране, основные архивные фонды, содержащие актовые материалы и познакомить слушателей с изданными описаниями документов приказного делопроизводства и правилами описания документов. В объяснительной записке к программе подчеркивалось, однако, что непосредственное «отношение к области дипломатики», по его мнению, имеет лишь вопрос об изданиях актов в России (л. 20).

Объяснительная записка завершается списком рекомендательной литературы, где указаны работы как русских (Н. П. Лихачева, С. А. Шумакова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. И. Андреева, В. И. Пичеты и др.), так и зарубежных, немецких и французских, авторов. При этом Сперанский отмечал, что литература должна отразить «различные точки зрения на задачи и объем дипломатики как науки» и что «нет ни одного посо-

зия, которое могло бы быть безоговорочно рекомендовано студентам» (л. 21, 22). Критическое отношение Сперанского к работам своих предшественников, его стремление по-новому построить программу курса дипломатики вызывают особый интерес к вопросу о датировке рассмотренной группы материалов.

В 1926—1929 гг. Сперанский был аспирантом Института истории РАНИОН, где под руководством С. Б. Веселовского подготовил, в частности, два доклада, один из которых посвятил обзору русской литературы по дипломатике, а второй — разработке программы курса по русской дипломатике (д. 1, л. 35). Касаясь в упомянутой объяснительной записке вопроса о необходимости расширить программу за счет архивоведческой части, Сперанский делал оговорку, что она «при включении в учебный план вуза архивоведения как особая дисциплина должна быть включена целиком в программу данного предмета» (л. 20). Разумеется, нельзя прямо отождествлять «Примерную программу...» с аспирантским докладом, но упоминание «вуза архивоведения» позволяет отнести и создание программы к периоду, когда поднимался вопрос об открытии такого вуза⁴.

Среди рекомендуемых в программе монографий и статей нет ни одной, опубликованной после 1928 г. Учитывая все это, можно датировать рассмотренную программу курса дипломатики 1929—1930 гг.

В архиве имеются также несколько недатированных вариантов курса палеографии и дипломатики (д. 21). Общность внешних признаков — почерка, цвета чернил, бумаги — свидетельствует об их хронологической близости. Три варианта не имеют заголовков. Это разрозненные листы с подробными тезисами двух первых лекций курса. Лекции сходны по группировке вопросов и их содержанию: первая посвящена определению задач курса и истории палеографии и дипломатики как научных дисциплин, а вторая — развитию письменности на Руси. Три других варианта имеют заголовки. В «Программе курса „Введение в русскую дипломатику и русскую палеографию“ для аспирантов Историко-архивного института им. М. Н. Покровского» темы, подлежащие рассмотрению, сгруппированы по-иному: 1-я лекция — дипломатика, ее предмет, задачи, история развития; 2-я — то же о палеографии; 3-я — история возникновения славянской письменности. Два других варианта представляют собой наброски вводных лекций «просеминария» по палеографии и дипломатике (л. 12—13 об.).

К рассмотренным вариантам примыкают и лекционные курсы по палеографии и дипломатике, один из которых читался в МГИИИ, а второй — в МОПИ. Первый из них представлен «Стенограммами лекций и. о. профессора А. Н. Сперанского по русской палеографии и дипломатике» (д. 18), подготовленными к печати Н. П. Каллистратовым в сентябре—декабре 1937 г., и «Оглавлением» к этим стенограммам (д. 19), составленным в 1939 г.

Всего сохранилось 12 лекций из 21 (I—III, V—VII, X—XI, XIV—XV, XIX—XX)⁵. Это машинописные экземпляры либо на плотной писчей бумаге через два интервала (35—37 л.), либо на папиросной через один интервал (8—16 л.). Несколько лекций имеют подшитые обложки с наклеенными на внутренней стороне карманами для библиотечных формуляров. Судя по последним записям на сохранившихся формулярах, лекции оказались в фонде не ранее второй половины 1941 г., а до этого хранились в библиотеке института в качестве учебных пособий по курсу. Возможно, их появление в фонде связано с возвращением Сперанского из эвакуации и возобновлением в декабре 1941 г. преподавательской деятельности в МГИИИ.

⁴ Например, о подготовленном И. А. Голубцовым проекте института архивоведения см.: Иван Александрович Голубцов (Некролог). — АЕ за 1966 год. М., 1968, с. 441; Валк С. И. И. А. Голубцов. — ВИД. Л., 1968, вып. 1, с. 309.

⁵ В обзоре М. Б. Булгакова (АЕ за 1969 год. М., 1971) не указана лекция XV.

Более полное представление об объеме курса и группировке материала по лекциям дает «Оглавление». Это школьная тетрадь с текстом синими чернилами и карандашной правкой. В каждой лекции приводится лишь перечень подлежащих рассмотрению вопросов, которые полностью соответствуют их числу и порядку в «Стенограммах лекций...». Можно предположить, что курс читался без серьезных изменений в 1937—1941 гг.

Содержание вопросов и их группировка по лекциям позволяют выделить несколько больших тематических разделов курса: 1) определение предмета и задач курса, история развития палеографии и дипломатики на Западе и в России (лекции I—II); 2) славяно-русская палеография XI—XVII вв. с элементами хронологии (лекции II—VIII); 3) история государственных учреждений XIV — начала XVIII в. и делопроизводства (лекции VIII—XI); 4) происхождение и классификация публично-правовых и частноправовых актов и других документов приказного делопроизводства (лекции XII—XV); 5) краткая характеристика предмета и задач хронологии, генеалогии, исторической географии, терминологии, сфрагистики (лекции XVI—XVIII); 6) вопросы подлинности и подложности документов (лекции XIX—XX); 7) принципы передачи текста документов XVI—XVIII вв. (лекция XXI).

Лекционный курс, прочитанный студентам МОПИ им. Н. К. Крупской в феврале—апреле 1940 г., называется «Введение в палеографию и дипломатику». В фонде сохранились разрозненные листы (машинопись через 2 интервала) тезисов лекций I—VII и X (д. 21, л. 35—38). Весь курс состоял из 10 лекций и по содержанию полностью соответствовал рассмотренному курсу, читанному в МГИАИ.

Очевидно, недатированные рукописные наброски лекций, близкие по содержанию и построению курсам палеографии и дипломатики, непосредственно им предшествовали и могут быть отнесены хронологически к 1934/35 г., когда Сперанский начал читать лекции по этим дисциплинам студентам и аспирантам и вести семинары у студентов МГИАИ (д. 1, л. 31, 38). Это же подтверждается, на наш взгляд, и упоминанием Сперанским в одной из лекций осенью 1937 г. о желании возродить практические занятия со студентами по дипломатическому анализу кормленых грамот, не совсем удачный опыт которого он провел «три года назад» (д. 18, л. 37).

В фонде не сохранилось материалов, подтверждающих то, что Сперанский читал курс лекций именно по палеографии. Упоминания о курсе у Л. В. Черепнина и М. В. Кукушкиной восходят к рецензии Н. В. Устюгова⁶; об этом же пишет в своей статье Е. И. Каменцева⁷. Скорее всего речь идет здесь о курсе и палеографии и дипломатики,

Существует мнение о непричастности Сперанского к разработке и чтению лекций по источниковедению в МГИАИ⁸. Однако в деле наряду с проектами программ курсов по различным дисциплинам есть и составленные рукой Сперанского развернутые тезисы цикла из семи лекций, озаглавленные «Источниковедение» (д. 23).

Лекция 5 имеет второй вариант, а лекция 6 — начало второго варианта. Первые пять лекций датированы, возможно, днями прочтения их: первая от 28 апреля 1935 г., пятая — от 20 мая 1935 г. Характер почерка (размашистого, с отклонением от линии письма, возрастом лигатур и обрывов слов на гласных к концу страницы), а также предельно краткие указания на источники и литературу и обилие зачеркиваний

⁶ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике..., с. 45; Кукушкина М. В. Указ. соч., с. 77; Устюгов Н. В. Указ. соч., с. 111.

⁷ Каменцева Е. И. Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин. — АЕ за 1968 год. М., 1970. с. 282. Статья написана по личным воспоминаниям и письмам Устюгова к автору.

⁸ Соколов Н. К. К 5-летней годовщине ИАИ им. М. Н. Покровского. — Архивное дело, 1936, № 1(38), с. 33; Рослова А. С. 25 лет работы МГИАИ. — ТМГИАИ. М., 1958, т. 11, с. 14.

свидетельствуют о том, что текст каждой лекции писался сразу, «в один присест».

Первые три лекции посвящены обзору источников по истории сельского хозяйства. В круг вопросов, подлежащих рассмотрению, Сперанский включает и развитие производительных сил, и классовую борьбу в деревне. Но ввиду обилия источников он намечает ограничить рассмотрение лишь определением видов источников, среди которых большое место уделяет писцовым книгам, их предыстории, истории и содержанию (л. 15—15 об.). Из других источников выделены переписные книги XVII в., материалы ревизий XVIII—XIX вв., документы межеваний, вотчинных архивов, сельскохозяйственной и земской статистики. Указано несколько работ В. И. Ленина (точно читается название лишь одной — «Развитие капитализма в России»).

Часть лекций 3 и 4 отведена «транспортной статистике», документам по истории дворянства, включая беглое знакомство с генеалогией, геральдикой, сфрагистикой, «архивом волостных миров на Севере и Востоке», источникам по истории финансов. Лекции 4—6 посвящались изучению источников, характеризующих развитие ремесла, мануфактуры, фабрично-заводской промышленности. В каждом из хронологических периодов намечено рассмотреть структуру производства, организацию его управления, основные виды документов, архивы, их хранящие, публикации и работы историков по данной теме. К этим материалам примыкает обзор развития торговли, характеристика ее исторических форм, законодательства о ней, учреждений по контролю, архивных документов и их сборников, а также историография вопроса.

Большая часть лекции 7 уделена источникам по «истории революционного движения в России». Сюда включены материалы о противоправительственных выступлениях вне зависимости от их социально-политической направленности: «смута» и городские восстания, «разинщина» и движение раскольников в XVII в.; восстания К. Булавина и Е. Пугачева, дворцовые перевороты и масонство, движения крестьян и рабочих людей в XVIII в.; солдатские волнения и декабристы, петрашевцы и польское восстание 1863 г., выступления крестьян и первые рабочие союзы, процессы «землевольтцев» и народовольцев в XIX в.; революции 1905 и 1917 гг., — вот неполный перечень событий, намеченных в связи с анализом документов и публикаций. В конце лекции предполагалось рассмотреть (под общим заголовком «Пресса») публицистические произведения XVI—XVII вв. и периодику XVIII—начала XX в. разных классово-политических направлений: социал-демократического, мелкобуржуазного, либерального, реакционного (л. 23—23 об.).

Во введении к лекционному курсу «Источниковедение» есть указание на два возможных пути построения этого курса: как «комментария к курсу диалектического материализма» или «как обзора содержания разного вида и типов источников. Хронологически (по формациям) или систематически (по темам) распределение материала» (л. 15). Очевидно, был выбран второй путь тематического изложения курса с его неизбежной «энциклопедичностью».

Причина выбора такого построения курса и явная неполнота видов рассматриваемых источников, возможно, получают объяснение благодаря следующим тезисам из введения: «Проф. Любомиров и построение его программы. Практическая необходимость устранения перестройки курса. План продолжения курса. Рассмотрение пройденного материала. Неизбежность излишней затраты времени на повторение (невольное) разработанных тем» (л. 15). П. Г. Любомиров читал в 1934/35 г. в МГИАИ курсы источниковедения для аспирантов и студентов⁹, и в материалах Сперанского сохранился гектографированный экземпляр списка «Литературы по курсу источниковедения для аспирантов Историко-архивного института» за подписью Любомирова (л. 14). Вся рекомендованная ли-

⁹ *Рослова А. С.* Указ. соч., с. 14.

тература сгруппирована в этом списке по 12 пунктам (1—3 автора в каждом). В п. 1—6 аспирантам предлагались работы по исторической географии, этнографии, яфетической теории, археологии, нумизматике и о былинах; в п. 7—11 — работы (К. Н. Бестужева-Рюмина, М. А. Дьяконова, В. С. Иконникова, Н. И. Костомарова и других) о законодательных памятниках, истории архивов дореволюционных и советских, истории государственных учреждений, о летописях, мемуарах, сочинениях иностранцев и других источниках по соответствующим разделам т. 1 «Русской истории» Бестужева-Рюмина (1872 г.). В последнем пункте «для общего ознакомления и справок» предлагалась работа «Вспомогательные исторические дисциплины» А. М. Еольшакова (1924 г.).

Обзор материалов Сперанского по курсу дипломатики, а также по курсу палеографии и дипломатики показал, что содержание этих курсов для аспирантов и студентов принципиально не отличалось, а рекомендуемая литература в обоих случаях группировалась по схеме программы. Если допустить возможность подобного подхода со стороны Любомирова (он читал лекции, как и Сперанский, одновременно и аспирантам и студентам), то появляется возможность реконструкции содержания программы курса Любомирова по имеющемуся списку литературы. В нем собственно источниковедческими являются п. 7—11 и только два из них — «об учреждениях центральных и местных» и «об архивах дореволюционной поры» — относятся к тематике курса, написанного рукой Сперанского (л. 16—18 об., 20, 22). Очевидно, что лишь объединение видов источников из «списка» Любомирова и их «видов и типов» из «курса» Сперанского и дает возможность охватить почти всю совокупность известных тогда источников для истории дореволюционной России. Такое допущение разъясняет смысл тезисов о двух путях построения курса и выборе именно второго как способа «устранить перестройку курса», чтение которого необходимо продолжить (л. 15). Этот опыт тематической разработки курса источниковедения представляет несомненный интерес для истории его преподавания в высшей школе.

К рассмотренным группам материалов примыкает и стенограмма лекции Сперанского «Вспомогательные исторические дисциплины», прочитанной 16 июля 1939 г. (л. 19, л. 12—50). Это машинопись через два интервала без авторской правки. Лекция была первой в цикле из трех, вводящих студентов в изучение курса вспомогательных исторических дисциплин, который с осени 1938 г. читался в МГИИИ доцентом Н. В. Устюговым (л. 12). Текст лекции сохранился неполностью; последние листы отсутствуют, как и две другие лекции этого вводного цикла.

Задачу вводного цикла Сперанский видел в раскрытии общих принципиальных вопросов связи вспомогательных исторических дисциплин с марксистско-ленинской методологией изучения истории как закономерного процесса. По его мнению, вспомогательные исторические дисциплины развиваются параллельно и одновременно с развитием исторической науки, и их содержание и требования, предъявляемые к ним, видоизменяются, «особенно в связи с ходом развития и изучения нами прошлого нашей Родины» (л. 16). Предметом этих дисциплин является «предварительная критическая обработка» источников «определенного круга» с целью представления историкам «готового материала» в их построениях. Сперанский предостерегал при этом от того, что он определял как «гипертрофию цели», когда «каждый, занимающийся отдельной отраслью вспомогательных наук, начинает рассматривать ее как самостоятельную науку» (л. 22—23).

Существование вспомогательных исторических дисциплин Сперанский выводил из многообразия исторических источников, которые подразделял на три категории: источники языка, т. е. устное творчество, вещественные и письменные, причем первую категорию он выводил за пределы компетенции какой-либо вспомогательной исторической дисциплины (л. 17).

Далее он коротко останавливался на разъяснении назначения каждой

из этих дисциплин, к числу которых он относил историческую географию, этнографию, археологию, эпиграфику, палеографию, дипломатику, сфрагистику, хронологию, метрологию, нумизматику, геральдику, генеалогию.

Рассмотренные материалы о преподавании вспомогательных исторических дисциплин, хранящиеся в фонде Сперанского, позволяют заключить, что обращение к подобным документам в фондах историков будет, несомненно, способствовать более детальному и объективному изучению истории развития этих дисциплин, а также истории отдельных учебных заведений.

По мнению Л. В. Черепнина, особой заслугой Сперанского была разработка курсов палеографии и дипломатики «на новых методологических основах», т. е. с учетом обусловленности развития этих научных дисциплин «общими факторами исторической жизни»¹⁰.

¹⁰ Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин..., с. 133.

В. Ф. Козлов

МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА МГИАИ, ПОСВЯЩЕННОГО ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА П. П. СМИРНОВА

В ЦГАОР г. Москвы в фонде МГИАИ (ф. Р-535, оп. 1, д. 337; далее указаны только листы) хранится стенограмма заседания Ученого совета института от 28 мая 1947 г., посвященного памяти скончавшегося 2 апреля 1947 г. известного историка лауреата Государственной премии профессора Павла Петровича Смирнова, преподававшего в МГИАИ с 1938 г.¹ На заседаниях были заслушаны доклады и выступления Н. В. Устюгова «П. П. Смирнов как историк», А. А. Новосельского «Труды П. П. Смирнова по истории русского посада», А. А. Савича «П. П. Смирнов как педагог», К. Ф. Богдановой «П. П. Смирнов — воспитатель молодежи», С. П. Первой «П. П. Смирнов как руководитель аспирантов». Правленая стенограмма заседания была подписана председателем А. В. Черновым и ученым секретарем А. И. Андреевым 7 июня (л. 47).

Заседание открыл А. В. Чернов, который в кратком вступительном слове говорил о П. П. Смирнове как ученом, педагоге, воспитателе молодежи, руководившем кафедрой истории СССР МГИАИ, подготовкой аспирантов, студенческим научным кружком, особо подчеркнув то, что «в тяжелые годы начала Великой Отечественной войны П. П. возглавлял восстановленный после небольшого перерыва в конце 1941 г. институт и кафедру истории СССР» (л. 3).

В обстоятельном докладе Н. В. Устюгова (л. 5—20), основанном на изучении изданных трудов Смирнова, а также подготовленной к печати второй части его монографии «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», приведены биографические данные об авторе и охарактеризовано его научное творчество. Показав значительный вклад Смирнова в изучение отечественной истории, и особенно истории феодального города и городских восстаний, Устюгов попытался нарисовать картину развития научных интересов ученого, расширения им сферы исследования истории посада и ее источниковой архивной базы. В докладе было отмечено и то, что некоторые положения трудов Смирнова не получили признания в науке (о рабовладении в Древней Руси, об эко-

¹ О П. П. Смирнове (1882—1947) и его трудах см.: СИЭ, т. 13, стб. 80—81.

номических предпосылках образования централизованного государства в России и др.), но все его работы отличали дерзание, способность ставить острые вопросы, и «годы не охладили почти юношеского пыла П. П., и он ушел от нас таким же „молодым“, каким и начал свою научную карьеру» (л. 20). «Общую концепцию исторического развития русского посада в XV—XVII вв.», детально изложил А. А. Новосельский (л. 21—31), опиравшийся преимущественно на последнюю фундаментальную монографию ученого.

Профессор Московского городского пединститута А. А. Савич охарактеризовал Смирнова как преподавателя высшей школы, лектора, основываясь на личных впечатлениях и данных о преподавании ученого в Киеве, Саратове, Ташкенте, Москве. Савич вспоминал, что летом 1937 г. в ответ на его предложение «поступить в какое-нибудь научно-исследовательское учреждение» Смирнов ответил: «Нет, я без студентов скучаю, не могу жить без педагогической работы. Это для меня стихия; аудитория для меня — необходимое условие для моего собственного развития» (л. 34). Очень интересными для него оказались встречи с московскими учителями в Институте усовершенствования учителей. П. П. Смирнов к лекциям готовился «постоянно, как бы хорошо ни знал материал, он просматривал источники, хронологические даты» (л. 35); «он всегда следовал такому принципу, что если профессор не будет работать над собой, то потеряет способность двигать вперед студентов» (л. 39). Он читал лекции и делал научные доклады без записок, «рекомендовал своим ученикам не пользоваться конспектами, которые только связывают; пусть он будет перед глазами или в боковом кармане, но пусть слово будет живым словом» (л. 35—36). «У меня сложилось глубокое убеждение, что он творил в процессе чтения. Я сужу об этом по тому, что он иногда подыскивал нужную для него фразу, иногда его мысль не попевала за формулировкой...» — отмечает Савич (л. 36). Лекции отличала логическая стройность, насыщенность выдержками из источников, и потому материал этот успешно запоминался. «Бросилось мне в глаза,—продолжал Савич,—что он никогда не пользовался профессорской. Павла Петровича слушатели не выпускали из аудитории, его забрасывали вопросами... между студентами и профессором был необычайно живой и тесный контакт» (л. 37). Смирнов заинтересованно консультировал, принимал экзамены. «Он умел увлечь, дать хорошую тему и привлечь молодежь не только к учебной, но и научно-исследовательской работе» (л. 39).

О том, как воспринимались лекции и самый образ ученого студентами, рассказала К. Ф. Богданова. Павел Петрович, по ее словам, учил серьезно работать с источниками (на семинарских, практических занятиях, особенно в научном кружке), «он не любил, когда студент старался снять только верхушку... требовал детального изучения источников» (л. 41) и был строгим экзаменатором. На организованные им экскурсии (в Коломенское), так же как и на его лекции, приходили и его бывшие студенты. Богданова привела слова проф. И. Л. Маяковского о том, что у Смирнова нет секретов от студентов, все что он знал, весь свой опыт он стремился передать им (л. 42).

В дни Великой Отечественной войны Смирнов, говорила Богданова, «воспитывал в нас прежде всего патриотизм, любовь к Родине, гордость за нашу Родину» (л. 41). Она вспоминала вечер встречи 1942 г., организованный Смирновым, когда, он, поздравляя студентов с новым годом, сказал: «Несмотря на то, что мы с вами сейчас встречаем 1942 год в условиях, когда враг стоит буквально у стен нашей столицы, я верю и верьте все вы, что наши войска дойдут до врат Берлина». Он буквально так выразился. И мы дожили до этого дня и вместе с Павлом Петровичем отметили, когда наши войска взяли Берлин» (л. 41). С Смирновым студенты встречались не только в учебной, но и в трудовой обстановке (будучи директором МГИАИ он разгружал вместе с ними дрова). «К нему приходили всегда запросто, за всем» (л. 43).

Аспирантка С. П. Первова отметила «необыкновенно большую требовательность» Смирнова и к себе, и к своим ученикам, внимательное отношение к аспирантам и к их работам (особенно к разделам историко-поведения и историографии) (л. 44, 45). «В его выступлениях, — вспоминала Первова, — были всегда два момента: с одной стороны, его глубокие, очень ценные замечания, которые помогали в нашей дальнейшей работе; с другой стороны, некоторый элемент одобрения, известной похвалы, которая воодушевляла нас и давала нам силы вновь и вновь идти в архив и разыскивать документы, проверять свою работу. У П. П. была еще одна очень хорошая черта; он никогда не навязывал своих выводов. Он заставлял нас самих работать и приходиться к нему с готовым суждением. Он так говорил: „Нужно идти от документа к выводу и только после того, как собран в достаточной степени материал“. П. П. всегда спрашивал: „Ну, а какой вывод Вы смогли сделать?“ И мы обычно начинали робко, неуверенно рассказывать. Он одобрительно кивал головой, раскрывал свои мысли и продолжал работу. Он играл в ней большую роль, но с таким мастерством, что нам казалось, что мы сами добились такого суждения и вывода» (л. 45—46).

Материалы стенограммы заседания помогают составить представление о деятельности П. П. Смирнова и об отношении к нему его коллег и учеников.

В деле хранятся также машинописные копии писем П. П. Смирнова жене Софье Васильевне, написанных в больнице 12 марта — 1 апреля 1947 г. (л. 48—59), и записки-воспоминаний Смирнова «Война и Историко-архивный институт в 1941 г.» (л. 60—76). Последний текст — с подписью и датой: «Профессор Павел Смирнов, бывший директор Историко-архивного института, доктор исторических наук. Москва, 10 февраля 1943 г.» Вероятно, с этими документами вдова ученого ознакомила присутствовавших и потому они оказались в одном архивном деле с другими материалами заседания. С. В. Смирнова была тесно связана с МГИАИ, часто общалась с коллегами и учениками Смирнова, с директором его библиотеки Г. В. Трониным, и передала в дар институту библиотеку их любимого профессора.

В записке много дат, разных подробных описаний и высказываний людей, с которыми общался Смирнов. Очевидно, что в основе записки — современные событиям дневниковые записи², что придает ей значение непосредственного свидетельства очевидца. Существенно и то, что Смирнов обладал чувством обостренного внимания к окружающим его явлениям и выработал привычку быстро, образно и откровенно фиксировать свои впечатления. Остается пока невыясненным, что побудило историка написать записку именно в феврале 1943 г.

В основном он фиксирует то, что связано с МГИАИ, к чему был непосредственно причастен, что сам видел и слышал. В записке есть и его наблюдения о Москве тех месяцев. Из содержания видно, какие события общественной жизни оставили особенно памятный след в его сознании: митинг ученых в Доме Союзов 12 октября, куда он был делегирован; выступления по радио руководителей партии и правительства, парад войск на Красной площади 7 ноября 1941 г. Это, по его словам, вселяло надежду и «выводило в широкий фарватер общественных задач» (л. 69).

В записке отражены события с первого дня Великой Отечественной войны по май 1942 г., но основное внимание уделено тому, что происхо-

² Этот факт подтвердился при знакомстве с материалами личного фонда П. П. Смирнова в ОР ГБЛ (ф. 279). Там хранятся машинописные экземпляры записки-воспоминаний (к. 14, № 2), стенограммы заседания Ученого совета МГИАИ от 28 мая 1947 г. (к. 37, № 20) и дневник осени 1941 г. (к. 1, № 10). Дневник начинается фразой: «Я начинаю записывать события и впечатления 4 ноября, хотя мысль писать хронику Москвы явилась у меня еще 16 октября с момента обострения положения в столице. Постараюсь задним числом восстановить картину последних 2 недель». Последняя запись датирована 19 ноября 1941 г. В дневниковых записях и в записке-воспоминаниях обнаруживаются и текстуальные совпадения.

дило в Москве в октябре-ноябре 1941 г. Вначале описываются Москва и Подмоскowie первых военных месяцев (семья Смирнова жила тогда в Новогирееве, «в одной усадьбе» с семьей С. Б. Веселовского). Далее автор вспоминает о начале занятий в МГИАИ с 1 августа 1941 г., уходе большинства юношей-студентов добровольцами на фронт, переписке с ними, о чтении лекций на призывных пунктах, переезде 14 сентября в студенческое общежитие на Большой Андропьевской ул. (д. 22). Смирнов продолжал интенсивную педагогическую работу, посещал со студентами Исторический музей, «который наполовину свернул свои колллекции, но все же еще давал достаточно материала для иллюстрации лекций» (л. 61), правил рукопись своего монографического исследования по истории русского посада.

Подробно описываются события середины октября, когда стало известно, что МГИАИ не попал в список эвакуируемых вузов и преподавателям и студентам в дирекции сообщили, что институт ликвидирован. Озабоченный судьбой института, Смирнов обратился во Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ), выяснил, что действия дирекции МГИАИ были неправильны и ему было предложено повести «линию на восстановление института» (л. 69). В этом ему помогали председатель месткома аспирантка И. И. Корнева и студентка четвертого курса В. Н. Зеленецкая³. Они вместе составили докладную записку (текст ее воспроизводится в воспоминаниях), в которой ходатайствовали «о принятии мер к восстановлению» МГИАИ. На нее очень скоро отреагировали и в ВКВШ и Главархиве, и 14 ноября начальник Главархива предложил Смирнову стать исполняющим обязанности директора МГИАИ. «Мы с Корневой стали собирать людей — преподавателей, служащих, студентов и готовиться к возобновлению занятий, о чем было возведено и в „Известиях“ и по радио на весь Союз» (л. 72). Несмотря на некоторые осложнения (МГИАИ было предложено эвакуироваться; затем предполагалось сделать его факультетом одного из больших вузов), занятия начались — в институт вернулись сразу же некоторые эвакуировавшиеся преподаватели (из г. Горького А. Н. Сперанский и А. В. Чернов), зачислены были новые преподаватели, «много было принято студентов и со стороны», и в феврале 1942 г. удалось провести зимнюю экзаменационную сессию (л. 76).

В записке много набросков жизни прифронтной Москвы тех дней. Вот одно из таких описаний: «Другая бомба вечером 29 октября упала перед зданием университета, на чугунную решетку. Решетки нет, в прах обращено и ее каменное основание. Чугунные ворота правой места удара разрушены. Их остатки еще висят на петлях. Левый каменный устой, сложенный из каменных плит белого известняка длиной в два шага и полтора в ширину, вывернут воздушной волной и стоит наискосок к ограде. В главном здании вылетели не только стекла, но и рамы. Волна прошла через здание, разрушая все на пути, и вырвалась наружу, сорвавши кровлю с правой половины здания и разрушивши купол. Внутри главного здания и боковых флигелей нет ни одной комнаты, которая не была бы разрушена, как мне сообщил стоявший около двери правого флигеля служитель. На белых стенах здания, как кровавые раны, зияют выбоины, выбитые ударами камней и осколков снаряда на красном кирпиче. Кружевная церковка изнеженного московского барокко XVII века, что виднелась между главным зданием и левым флигелем, лишена всех своих украшений и вздымает вверх 3 ободранных головки на длинных тонких и безобразных шеях. Находящееся напротив через улицу здание манежа разрушено внутри и ободрано снаружи. Рамы выбиты, крыша на участке против места падения бомбы сорвана, и на месте торчат только концы стропил. Сила удара была такова, что пострадали стекла

³ Ираида Ивановна Корнева (1912—1970) и Вера Николаевна Зеленецкая (1906—1972) впоследствии стали кандидатами наук, доцентами и преподавали в институте.

даже в здании Московской гостиницы [гостиницы «Москва».— В. К.]. И при этом почти нет воронки: на месте падения снаряда осталась только небольшая вмятина; вся сила удара направлена была в сторону» (л. 66—67). Сообщая и о других разрушениях после налета 29 октября, автор пишет: «Дикое и с боевой точки зрения почти бессмысленное разрушение, которое едва ли на миллиметр приблизит ожидаемую немцами победу» (л. 67).

Заканчивается записка словами: «В начале мая 1942 г. в институт был назначен директором П. Б. Жибарев, и 12 мая я благополучно сдал ему должность, вместе с нею сняв со своей души административные тревоги. Передо мной стояла новая и нешуточная задача — защита докторской диссертации, которую я передал с этой целью на Исторический факультет МГУ» (л. 76). Речь идет о труде П. П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» За эту работу он был удостоен в 1943 г. Государственной премии СССР, которую отдал в фонд обороны.

В. В. Лучкова

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО АРХИВА И. Л. МАЯКОВСКОГО В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ

Илья Лукич Маяковский (1878—1954) принадлежал к числу видных историков-архивистов, внесших значительный вклад в становление и развитие советского архивоведения. Кроме всестороннего знания истории, географии, русской классической литературы, он был знатоком истории народного образования, педагогики, вспомогательных исторических дисциплин — источниковедения, палеографии, дипломатики, свободно владел семью иностранными языками. По таким дисциплинам, как история архивного дела в России и в иностранных государствах, археография, теория и практика архивного дела, Маяковский создал научные труды, сохраняющие свое значение и в настоящее время¹.

Маяковский родился в селе Новопавловске (бывшая Екатеринославская губ.), в 1903 г. окончил Петербургский историко-филологический институт со званием преподавателя гимназий. В этом же году он начал преподавать в гимназии на юге России (сначала в Херсонской губ., затем в г. Одессе). С 1913 г. работал в Петербурге в комиссии по научному описанию архива Министерства народного просвещения. Им были написаны ряд вводных очерков к т. I «Описания архива Министерства народного просвещения» (Пг., 1917), отредактированы т. II и III того же «Описания...» (Пг., 1921). Одновременно Маяковский вел работу над магистерской диссертацией о народном образовании на юге России, занимался изучением истории Петербургской публичной библиотеки. После Великой Октябрьской социалистической революции научные и организаторские способности Маяковского нашли свое наиболее полное применение. С 1922 г. он работал в различных учебных заведениях и архивных учреждениях страны. Великая Отечественная война застала его в Ленинграде. В 1942 г. он был эвакуирован из блокадного Ленинграда и зачислен в штат МГИАИ, с которым связана вся его последующая жизнь. С 1942 по 1943 г. Маяковский работал на кафедре архивоведения, а после ее реорганизации возглавил кафедру теории и практики архивного дела МГИАИ. Одновременно начиная с 1946 г. он являлся

¹ Арапова Л. И., Рудельсон К. П. Видный историк-архивист.— СА, 1973, № 2, с. 55.

экспертом-консультантом Архивного управления Министерства иностранных дел СССР.

Период деятельности Маяковского в МГИАИ был чрезвычайно плодотворным. Он работал одновременно по двум кафедрам. Как профессор кафедры истории и организации архивного дела он создал курс лекций по истории архивного дела в иностранных государствах; как профессор и заведующий кафедрой теории и практики архивного дела он читал курс лекций по истории археографии, по теории и практике работы над фондами личного происхождения и др. Маяковский написал ряд статей, научных докладов по истории, теории и практике архивного дела, проводил большую научно-методическую работу в архивных учреждениях, осуществлял руководство кандидатскими диссертациями, редактировал учебные пособия, монографии и некоторые тома «Трудов МГИАИ»².

Архив Маяковского хранится в лаборатории МГИАИ, его материалы представляют значительный интерес для истории науки. Настоящий обзор имеет целью дать общее представление о творческом наследии ученого.

Самая крупная работа Маяковского «Очерки по истории архивного дела в СССР» (ч. 1) была опубликована в 1941 г. Сохранился автограф этого труда, ставшего ценным вкладом в разработку истории архивного дела³. Рукопись состоит из трех частей, каждая из них в отдельных тетрадах с авторской надписью «Очерки по истории и организации архивного дела в СССР». Оглавление и предисловие здесь отсутствуют. Работал над этим трудом Маяковский в 1937—1938 гг. Сохранился и третий экземпляр машинописи первой редакции учебника, где во многих местах имеются авторские добавления, исправления и пометы красным карандашом. Здесь уже есть титульный лист, оглавление, предисловие. Вторая редакция учебника, которая была закончена 20 февраля 1939 г., представлена машинописью с авторской правкой. На одном из экземпляров рукой Маяковского написано, что эта редакция просмотрена А. А. Покровским.

В фонде также имеются проект учебника «Очерки по истории архивного дела в СССР» (первоначальная и окончательная редакции), сделанная Маяковским запись обсуждения учебника и стенограмма заседания кафедры архивоведения МГИАИ 1 июля 1938 г., на котором обсуждался учебник. Свое мнение высказали А. Н. Сперанский, В. В. Максаков, И. С. Назин, М. Г. Рабинович, А. В. Чернов. Сохранились отзывы на этот труд А. И. Яковлева от 7 декабря 1942 г., Н. Л. Рубинштейна — от 21 ноября 1942 г., В. И. Пичеты — от 9 декабря 1942 г.

Другим крупным вкладом Маяковского в архивоведение явилась разработка курса лекций «История архивного дела в иностранных государствах», который автор предполагал издать в форме очерков. В 1959 г., уже после смерти ученого, было издано учебное пособие для студентов МГИАИ «Архивы и архивное дело в рабовладельческих государствах древности и в эпоху феодализма», подготовленное его учениками. По сохранившимся материалам можно судить, что эта работа была задумана Маяковским намного шире.

Сохранились наброски и машинописный экземпляр учебного пособия «Архивы и архивное дело в иностранных государствах» (ч. 1, 271 л.), подготовленный в декабре 1947 г. Маяковским к печати, но не опубликованный при жизни автора. В предисловии он писал: «Настоящая кни-

² Памяти Ильи Лукича Маяковского.— ТМГИАИ. М., 1957, т. 8, с. 355—367.

³ В 1960 г. учениками Маяковского было выпущено второе издание этого учебного пособия. На заседании научного студенческого кружка при кафедре теории и практики архивного дела МГИАИ, состоявшемся 19 октября 1979 г., своими воспоминаниями о жизни и творчестве Маяковского поделились Н. В. Бржостовская, Н. А. Орлова, Л. Г. Сырченко. Бржостовская рассказала, что неожиданная смерть прервала работу Маяковского над 2-м изданием учебника. Им был подготовлен материал по XVIII в. включительно, который вошел без изменения в учебник; при доработке учениками не было внесено больших дополнений.

га представляет собой опыт обзора развития архивов и архивного дела, начиная с рабовладельческих государств древнего мира и кончая современными государствами западной Европы и Америки». Автор стремился показать, что архивное дело было поставлено на службу эксплуататорских классов. В работу включены следующие очерки: архивы и архивное дело на Древнем Востоке, в Древней Греции и Древнем Риме (несколько редакций этих очерков, написанных в 1942 г. и дополненных позже, сохранились); архивы и архивное дело в эпоху феодализма; реорганизация архивного дела во Франции в эпоху буржуазной революции конца XVIII в.; реорганизация архивного дела в Бельгии и Голландии в связи с его реорганизацией во Франции; архивы и архивное дело во Франции, Бельгии и Голландии вплоть до первой мировой войны. Маяковский предполагал выпустить ч. II и III этого учебного пособия: ч. II — архивное дело в других странах Западной Европы и Америки до первой мировой войны; ч. III — исторический обзор архивов и архивного дела в период между первой и второй мировыми войнами.

Маяковский работал также над программой курса «Архивы и архивное дело в иностранных государствах». Сохранились первая, третья и четвертая редакции этой программы, написанные в 1945—1948 г., и доклад о ней, прочитанный 30 января 1945 г. на заседании Ученого совета МГИАИ. В фонде хранятся и записи лекций Маяковского по этому курсу, сделанные студентами.

Представляют интерес статьи об архивном деле в иностранных государствах, написанные в период Великой Отечественной войны: «Историки и архивисты США о своих задачах в современной войне. Работа национального архива США»⁴, «Постановка архивного образования в Западной Европе и США» 1943 г. (первая и окончательная редакции), доклад в организационно-методическом отделе Главного архивного управления НКВД СССР 15 января 1944 г. «Описательные работы в архивах иностранных государств и дореволюционной России», а также исторический очерк развития археографии в Западной Европе «Западноевропейская археография».

Сохранились также документальные материалы и по другой теме, которую ученый разрабатывал долгие годы — фонды личного происхождения. Это первая и вторая редакции «Проекта инструкции по научно-технической обработке фондов личного происхождения», составленного Маяковским в 1944—1945 гг.; стенограмма заседания Научного совета Главного архивного управления, посвященного рассмотрению проекта инструкции от 24 августа 1945 г. (в обсуждении принимали участие Н. Р. Прокопенко, Е. М. Тальман, И. С. Назин, Н. А. Павлова, В. В. Макасов и др.); тезисы и текст доклада Маяковского «О проекте инструкции по научно-технической обработке фондов личного происхождения», написанный 10—12 августа 1945 г.; лекции, читанные Маяковским в 1944/45 учебном году и повторно в 1952 г. по спецкурсу «Фонды личного происхождения»; подборка сведений о фондообразователях личных и семейных фондов, сделанная для Маяковского научно-методическим отделом Главного архивного управления 28 июля 1947 г. Заслуживает внимания неопубликованная статья ученого «Вопрос о понятии личных фондов», написанная, видимо, в 40—50-х годах. В ней автор отмечал, что понятия личного фонда за рубежом и в дореволюционной России не было, употреблялось понятие «частные архивы». Материалам личного происхождения не придавалось большого значения, они либо собирались в библиотеках, либо расходились по частным коллекциям.

Многие статьи и доклады Маяковского были посвящены выдающимся историкам-архивистам, например, статья «Калачов как историк-архивист», написанная в 1944 г. к 75-летию его выступления на I Археоло-

⁴ Машинописный сборник статей, подготовленный в 1943 г. для «Трудов Историко-архивного института» (с. 25—31), хранится в библиотеке МГИАИ.

гическом съезде (1869 г.) с проектом реорганизации архивного дела⁵. В материалах фонда имеются: доклад «А. И. Андреев как архивист», прочитанный в Институте истории АН СССР 25 марта 1947 г. и доклад на Ученом совете МГИАИ 26 ноября 1947 г. «Колесников как архивист». Привлекают внимание статьи о развитии архивного дела и историко-архивном образовании в нашей стране: «О профиле Историко-архивного института» (датирована 20 января 1941 г.), а также статья для журнала «Архивное дело», посвященная 20-летию реорганизации и централизации архивного дела в СССР (помечена 7 февраля 1937 г.). В ней Маяковский намечал этапы, пройденные советским архивоведением за этот период, подчеркивал достоинства централизации архивного дела, высоко оценивал деятельность советских архивистов.

В методическом плане интересна статья «Роль кабинета и лаборатории архивоведения в учебном процессе» (15—23 ноября 1942 г.). Автор указывал на значение наглядности в учебном процессе, которую должны обеспечить и кабинет (наглядные пособия и справочная литература), и лаборатория (документальные материалы).

Сохранилась написанная Маяковским в соавторстве с В. В. Максимовым статья «Перспективы архивного образования в СССР». На ее основе Маяковским в 1944 г. была составлена докладная записка в Главное архивное управление о перспективах развития МГИАИ. К этим материалам примыкают статья «Приоритет советского архивоведения» и методический доклад Маяковского о приемах учебно-воспитательной работы со студентами (1941—1943 гг.).

В послевоенный период Маяковский работал над учебным пособием «Сборник законов, постановлений и распоряжений по архивному делу в иностранных государствах». В 1947 г. был подготовлен его вып. 1 «Законы, постановления и распоряжения по архивному делу во Франции». В фонде хранятся машинописный сброшюрованный экземпляр этого пособия, подготовленный к печати, а также автографы предисловия и перевода документов.

Интересны материалы, связанные с подготовкой к изданию хрестоматии, которая первоначально была названа Маяковским «Из истории разработки методов публикации источников», а затем «Археография» (1952 г.). Во введении Маяковский подчеркивал значение научной передачи текста при подготовке его к публикации, давал обзор советской и зарубежной литературы о состоянии этой проблемы в начале 1950-х годов. Одну из основных задач пособия он видел в наглядности показа методики передачи текста конкретных исторических источников, относящихся к различным социально-экономическим формациям и эпохам, «путем одновременной демонстрации оригиналов в виде фотокопий и документов с обработанными для издания текстом и необходимыми методическими пояснениями». Хрестоматия состоит из 13 разделов, в которых освещались вопросы передачи текста документов до XVI в., затем XVI—XVII вв., XVIII в., XIX — начала XX в. и советской эпохи. Особые разделы посвящены основополагающим теоретическим принципам советской археографии, а также публикации текстов документов, переданных по телеграфу, литературных текстов. В фонде хранятся копии отзывов на хрестоматию, подписанные Н. В. Устюговым, А. А. Зиминим, В. И. Самойловым.

Значительная группа материалов характеризует работу Маяковского в качестве заведующего кафедрой теории и практики архивного дела МГИАИ с 1946 по 1954 г. К ней относятся докладные записки, планы, отчеты, материалы обследования кафедры, рецензии на курсовые работы и т. п. Особое место занимают отзывы Маяковского на кандидатские диссертации И. А. Алявдиной, Н. В. Бржостовской, Т. В. Ивницкой, А. А. Нелидова, К. И. Рудельсон, М. И. Шобухова, Д. М. Эпштейн и др.

Представляют интерес подготовительные материалы по истории Ри-

⁵ МГИАИ. М., 1948, т. 4, с. 159—177.

шельевской гимназии, собранные Маяковским примерно в 1906—1913 гг. Хранящиеся в трех больших папках выписки из документов архива Министерства народного просвещения посвящены народным училищам ряда губерний Юга и Центрально-промышленного района дореволюционной России. Большую группу подготовительных материалов (9 папок) занимают документы, связанные с подготовкой Маяковским в 1935—1936 гг. к изданию Полного собрания писем И. С. Тургенева.

Среди документов личного характера можно выделить блокноты с заметками, написанными карандашом; письма Маяковскому, личные и официальные (их всего 66) — от В. К. Лукомского, бывших учеников; гимназические и студенческие тетради Маяковского; поздравления и приветствия от Центральных государственных архивов в связи с 70- и 75-летним юбилеями Маяковского.

В фонде Маяковского находятся труды других авторов, присланные ему на рецензирование и редактирование, например, учебное пособие К. Г. Митяева «Теория и практика архивного дела» (М., 1944), а также оттиски статей Г. Л. Гейрманса «Татищевские списки Русской правды» и В. К. Лукомского «Герб как исторический источник»⁶.

Материалы личного архива Маяковского представляют собой богатый источник для изучения истории советского архивоведения, археографии, вспомогательных исторических дисциплин и их преподавания в МГИАИ в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

⁶ Статьи опубликованы: ПИ, М.; Л., 1940, сб. 3, с. 163—174; КСИИМК. М., 1947, вып. 17, с. 49—57.

И. А. Курникова

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А. В. ЧЕРНОВА

Анатолий Васильевич Чернов (1901—1966), доктор исторических наук, профессор, был крупным специалистом в области истории СССР, архивоведения и истории государственных учреждений. В течение 30 лет он вел педагогическую работу в МГИАИ, все свои знания и опыт отдавая подготовке историков-архивистов нашей страны. Основные сведения о жизни и деятельности Чернова приведены в статьях о нем¹; в настоящем обзоре сообщаются данные о малоизвестном раннем периоде его творческой биографии и работах, оставшихся неопубликованными.

Научная деятельность Чернова в архивных учреждениях началась в январе 1931 г. в Нижнем Новгороде (ныне г. Горький) после окончания им историко-экономического отделения Нижегородского педагогического института. Его первая печатная работа, статья «К истории побега Ярослава Домбровского», появилась в 1930 г. в журнале «Красный архив»². В ней были использованы документы Нижегородского краевого архивного бюро, в частности материалы фонда канцелярии нижегородского губернатора.

С января 1931 г. до осени 1934 г. Чернов работал в Нижегородском краевом архивном бюро. В эти годы в журналах «Красный архив», «Нижегородское краеведение», «Нижегородский архив» им были опубликованы работы, в которых он широко использовал архивные документы. Эти работы касаются преимущественно двух тем: истории революцион-

¹ ВА, 1962, № 2, с. 99—100; История СССР, 1966, № 3, с. 232—233 (некролог). К некрологу приложен список основных печатных работ Чернова за 1930—1963 гг.

² КА, 1930, № 40, с. 189—191.

ного движения в Нижегородской губернии и архивного строительства в Нижегородском крае.

Развитию революционного движения посвящены статьи «Первые марксистские кружки среди нижегородских рабочих», «К истории молитовской фабрики „Красный Октябрь“» и подборка документов «К истории революции 1905 г. на заводе Сормово»³. Неоднократно Чернов выступал в печати со статьями о подготовке квалифицированных архивных кадров, о важнейшем народнохозяйственном значении архивных документов и их широком и всестороннем использовании. Одна из статей так и называется «Архивы на службу пятилетке»⁴.

Осенью 1934 г. Чернов становится аспирантом МГИАИ и в 1939 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Очерки по истории Поместного приказа», где подробно характеризуется деятельность приказа с XVI до начала XVIII в., когда приказ был ликвидирован. В работе были использованы документы, хранящиеся в фонде приказа: указная книга приказа, писцовые, переписные, межевые, дозорные и другие книги, приказные дела. Диссертация была опубликована частично. В т. 9 «Трудов» МГИАИ (1957 г.) напечатана статья Чернова «Внутреннее устройство Поместного приказа в XVII в.»

С сентября 1935 г. до конца своей жизни Чернов вел большую педагогическую работу в МГИАИ сначала ассистентом, преподавателем, затем доцентом, а после защиты докторской диссертации — профессором, заведующим кафедрой истории государственных учреждений, проректором института. Чернов разработал и читал курс лекций по истории и организации архивного дела в СССР, в 1940 г. вышло в свет подготовленное им учебное пособие «История и организация архивного дела в СССР». В конце 40-х — начале 50-х годов был опубликован также ряд его статей по истории и организации архивного дела⁵.

Одновременно ученый интенсивно занимался историей вооруженных сил России в IX—XVII вв., опубликовал работы по этой тематике⁶. В 1951 г. он защитил докторскую диссертацию «Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. (до Петра I)». Диссертация представляет собой капитальное исследование, в котором автор на основе богатого фактического материала показал самостоятельность и оригинальность развития вооруженных сил Русского государства. Основной вывод работы: в XVII в. был сделан значительный шаг в образовании регулярной армии в России. Частично материалы диссертации нашли отражение в монографии «Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.» (М., 1954).

Став в 1952 г. заведующим кафедрой истории государственных учреждений МГИАИ, Чернов уделял большое внимание разработке курса лекций по этой дисциплине, составлению программ учебных пособий⁷, справочников. В 1960 г. было опубликовано подготовленное им справочное пособие «Государственные учреждения России в XVIII в. (законодательные материалы)».

³ КА, 1934, № 65/66, с. 193—246; Нижегородское краеведение, 1931, № 4/6, с. 8—13; Нижегородский архив, 1931, № 2/3, с. 49—77; 1932, № 1(4), с. 31—63.

⁴ Там же, 1931, № 1, с. 3—8.

⁵ Чернов А. В. Центральный государственный архив древних актов как источник по военной истории Русского государства до XVIII в.— ТМГИАИ. М., 1948, т. 4, с. 115—157; *Он же*. Государственный архив РСФСР.— Там же, с. 53—69; *Он же*. Архивное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки.— Там же. М., 1954, т. 5, с. 41—75.

⁶ Чернов А. В. Зарождение регулярной армии в России.— В кн.: Военное искусство рабовладельческого и феодального общества. М., 1953, вып. 1, с. 277—285; *Он же*. Образование стрелцкого войска.— ИЗ, 1951, т. 38, с. 281—290; *Он же*. Материалы о вооруженных силах Древнерусского государства в период феодальной раздробленности и Русского государства XV—XVII вв.— В кн.: Очерки истории СССР. IX—XV вв. М., 1953, ч. 1, с. 96—102; 153—166; 275—310; ч. 2, с. 144—167; *Он же*. [Разделы о вооруженных силах].— В кн.: Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, с. 116—123, 324—338; XVII в. М., 1955, с. 439—456.

⁷ Под его редакцией вышла книга: История государственных учреждений в России до Великой Октябрьской социалистической революции: Учебное пособие. М., 1965.

Архив А. В. Чернова хранится у его вдовы Г. А. Дреминой. В нем находятся рукописи неопубликованных работ по истории СССР, истории государственных учреждений, истории и организации архивного дела в СССР. Все работы подготовлены к печати.

Научные работы 1931—1934 гг. по истории СССР посвящены первым годам Советской власти. Статья «Июльское восстание 1917 г. в Нижнем Новгороде» (машинопись, 58 л.) вскрывает причины восстания, характеризует его как непосредственное продолжение июльских событий в Петрограде, показывает поддержку солдат рабочими и крестьянами. В ней использовались документальные материалы фондов штаба Московского военного округа (дело Нижегородской военно-следственной комиссии), Московской городской думы. В статье «Крестьянское движение по Горьковскому краю в 1917 г.» (машинопись, 83 л.) показан рост революционных настроений, общественного сознания крестьянства в период с начала первой мировой войны до Великой Октябрьской социалистической революции. Автор привлек документы фондов Нижегородского прокурора, окружного суда, губернского комиссара Временного правительства, губернатора, губернского управления и др. Не была опубликована подготовленная к изданию подборка документов «О революционной деятельности Я. М. Свердлова в Н. Новгороде» (машинопись, 47 л.). Они были выявлены в фонде нижегородского губернского жандармского управления и в начале 1930-х годов еще не были напечатаны⁸. В их числе — постановление об аресте Свердлова за участие в демонстрации, протокол допроса, содержащий сведения о создании Свердловым рабочих кружков в Н. Новгороде, донесения начальника нижегородского охранного отделения начальнику костромского губернского жандармского управления о связи Свердлова с костромскими подпольными организациями и др.

Работая в Н. Новгороде, Чернов начал изучать документы по истории гражданской войны на Волге и Каспии; этой темой он занимался около 20 лет. В его архиве имеется большое число выписок из документов Нижегородского краевого архивного бюро и рукопись 1934 г. «Социально-производственный и политико-культурный состав волжского пролетариата в годы гражданской войны» (машинопись, 94 л.). Первый полный вариант был закончен в 1941 г. и назывался «Иностранная военная интервенция и гражданская война на Волге и Каспийском море»; он состоял из двух частей: «Борьба за советскую Волгу», «Борьба за советский Каспий». В послевоенные годы рукопись дорабатывалась, вводились новые интересные факты. Окончательный вариант представляет собой монографию «Очерки истории гражданской войны на Волге (1917—1920 гг.)» (1962 г., машинопись 400 л.). Это оригинальное исследование, посвященное созданию и деятельности Волжской военной флотилии. Следует отметить, что в большом числе научных работ других авторов о гражданской войне в Поволжье деятельность Волжской военной флотилии раскрыта неполно⁹.

Монография состоит из предисловия, пяти глав и заключения. В предисловии отмечается большое значение, которое имел в ходе гражданской войны разгром внешней и внутренней контрреволюции на Волге, и то, что разгром контрреволюции на Волге является не только заслугой моряков Волжской военной флотилии, но и всего волжского пролетариата. В связи с этим Чернов не ограничивается освещением только боевых действий Волжской военной флотилии, он показывает революционную

⁸ Позднее документы были частично опубликованы в сборнике «Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1900—1904 гг.». Горький, 1957, с. 112—113, 168—169, 207—209; использовались в монографии В. Панкратова «Я. М. Свердлов. Начало революционной деятельности» (Горький, 1970, с. 14—16).

⁹ *Архипова В. Ф.* Роль Нижегородской организации РКП(б) в создании и укреплении Волжской военной флотилии в 1918—1919 гг. — Тр. горьков. политех. ин-та, Горький, 1958, т. 14, вып. 4, с. 73—101; *Мордвинов Р. Н.* Курсом «Авроры». М., 1962, с. 155—258; *Гражданская война в Поволжье 1918—1920 гг.* Казань, 1974, с. 63—65, 75—79, 97—99.

борьбу волжского пролетариата, рост его идейного сознания и переход от поддержки мелкобуржуазных партий к безоговорочной ориентации на партию большевиков. В предисловии даны подробная историография и полная характеристика использованных источников, из которой видно, что Черновым была проведена большая работа по выявлению документов, хранившихся в ряде архивов: Военно-портовом архиве г. Баку, Нижегородском и Астраханском областных архивах. В 1940 г. эти документы были переданы в ЦГАВМФ СССР: фонды штабов Волжской, Астраханско-Каспийской и Волжско-Каспийской военных флотилий, Северного отряда Волжско-Каспийской военной флотилии. Автору удалось осветить процессы формирования и вооружения флотилий, комплектования их личным составом, боевые операции дивизионов и десантного отряда моряков. Ценнейшим источником Чернов считал журнал флотилии, поскольку в нем содержатся подневные записи о всей ее жизни и деятельности. В монографии использованы многие документы ЦГАОР СССР, в первую очередь фондов ВЦИК и СНК РСФСР.

Для освещения хода гражданской войны на Волге привлекались материалы контрреволюционных правительств (Морского управления вооруженных сил юга России и штаба Каспийской военной флотилии белых).

Документы, выявленные Черновым в ГАГО, в фондах Областного управления водного транспорта Волжского бассейна, Нижегородского районного комитета водников, заводов «Сормово», «Двигатель революции», «Теплоход» и других, представляют несомненный интерес. Они характеризуют состав, состояние и деятельность речного флота в годы войны, участие «волгарей» в образовании и боевых действиях Волжской флотилии, организацию добровольческих отрядов «волгарей» и их боевые подвиги на Волге и в Поволжье, состояние политико-воспитательной работы.

Первая глава монографии называется «Борьба за волжский флот в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Она имеет вводный характер: в ней показаны истоки и формирование единства речников в годы гражданской войны, превратившихся в полноправных хозяев волжского флота. До Великого Октября волжский пролетариат был одной из наиболее отсталых групп русского пролетариата, что могло сыграть роковую роль в вооруженной борьбе на Волге в 1917—1920 гг. Благодаря твердому руководству со стороны большевистской партии волжский пролетариат стал победителем в этой борьбе.

Во второй главе «Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны на Волге» характеризуется положение, создавшееся на Средней Волге в связи с мятежами белочехов и местного кулачества, парализовавшими действия советского речного флота на значительном участке Волги. В главе основное внимание уделено мероприятиям большевистской партии и Советского правительства по организации борьбы с контрреволюционными силами на Волге, прежде всего созданию Восточного фронта, вопросам перестройки флота для боевых действий. Приведены данные о попытках меньшевиков и эсеров добиться нейтрализации Волжского флота, что являлось прямым предательством революции.

В третьей главе «Разгром белогвардейцев на Волге и Каме в 1918 г.» подробно освещен процесс организации военной флотилии по указанию В. И. Ленина, пополнения ее боевыми судами Балтийского флота. Значительное место уделено боевым действиям флотилии под Казанью и Свияжском, показана ее роль в боях за Симбирск и при обороне Царицына. Все это убедительно показывает, насколько своевременной была организация военной флотилии на Волге.

Четвертая глава «Разгром Колчака на Каме в 1919 г.» посвящена освобождению берегов Камы, Вятки и Белой от колчаковцев, в котором основную роль сыграли боевые действия Волжской флотилии. В ней также показана большая роль рабочих приволжских заводов и мастерских в подготовке судов к боевым действиям.

В пятой главе «Боевые действия на Нижней Волге в 1919 г.» значительное место уделено обороне Астрахани, боям за овладение Царицыном. Отмечены и недостатки в использовании флота военным ведомством, показаны решительные действия Советского правительства, направленные на упорядочение использования флота.

В кратком заключении сформулированы общие выводы исследования.

А. В. Чернов предполагал написать самостоятельную работу о боевых действиях флотилии на Каспии, собрал материал по этой теме и частично его обработал. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве ученого выписки и статьи (машинопись, 280 л.).

Значительная часть материалов архива Чернова посвящена истории архивного строительства и истории государственных учреждений в нашей стране. В 1947 г. им было закончено составление справочника-указателя «Архивное строительство в СССР. (Законодательные акты и другие руководящие материалы, важнейшие даты и факты по архивному делу. Справочник-указатель)» (машинопись, 184 л.). Материал справочника освещает организацию архивного дела с 1918 по 1938 г. в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Азербайджане, Грузии, Армении, Туркмени, Узбекистане, Таджикистане, Казахстане и Киргизии. Справочник был отпечатан на пишущей машинке в 1958 г. всего в трех экземплярах (184 л.): один оставался у автора, два других были переданы на кафедру истории и организации архивного дела и кафедру теории и практики архивного дела МГИАИ. До настоящего времени это единственное справочное пособие по истории архивного строительства в СССР.

Особого внимания заслуживает подготовленное Черновым справочное пособие «Государственные учреждения России в XIX — начале XX в. (законодательные материалы)» (1964 г., машинопись, 1295 л.). Оно было положительно оценено и рекомендовано к изданию рецензентами (редактором справочника Н. П. Ерошкиным и Ю. Ф. Кононовым), отзывы которых находятся в архиве Чернова. Справочник является продолжением изданного в 1960 г. пособия по предшествующему периоду и был составлен в помощь студентам и архивным работникам. В нем кратко изложены законодательные акты о государственных учреждениях России, опубликованные в трех «Полных собраниях законов Российской империи» (ПСЗ). Период первой мировой войны и Февральской буржуазной революции (1914—1917 гг.) представлен законодательными материалами «Собрания узаконений царского и Временного правительства» и отдельными актами «Сборника указов и постановлений Временного правительства», не вошедшими в «Собрание узаконений». В предисловии подчеркивается значение законодательных документов как источников, содержащих наиболее точные сведения о времени возникновения учреждений, их функциях, структуре, преобразованиях, времени ликвидации; отмечается также и то, что затрудняет пользование законодательными актами: неполнота их публикации в ПСЗ, ошибки и опечатки в датировке, наименовании и тексте актов и т. п. Ввиду обилия законодательных материалов XIX — начала XX в. справочное пособие было разделено на два выпуска.

Вып. 1 пособия, подготовленный к печати, состоит из трех разделов и указателя учреждений. В первый раздел включены материалы по общему законодательству: документы о создании министерств, их функциях и структуре, взаимоотношениях министров с выше- и нижестоящими учреждениями, о порядке рассмотрения дел и т. п. Во второй вошли законодательные акты о высших государственных учреждениях. Принцип расположения материала — хронологический (по времени возникновения учреждений, публикации законодательных актов). Для справок указываются источник (публикация акта) и номер документа (статья).

В XIX — начале XX в. в России сложилась достаточно определенная ведомственная структура сети центральных и местных учреждений. Она в основном сохранена в справочном пособии; самостоятельно выделены только те учреждения, которые существовали до возникновения мини-

стерств и ведомств. Данные о комиссиях, комитетах и других подведомственных органах, о которых опубликовано мало законодательных материалов, включены в разделы, посвященные соответствующим министерствам или главным управлениям. В третьем разделе особую группу составляют благотворительные учреждения и организации.

Справочное пособие не опубликовано, хотя его издание было бы необходимо не только в учебных целях, но и для использования научными работниками. До настоящего времени историки и архивисты не располагают подобным справочником¹⁰, хотя потребность в нем достаточно осязательна.

Надо надеяться, что материалы архива А. В. Чернова привлекут внимание исследователей, а его неопубликованные труды станут достоянием широкой научной общественности.

¹⁰ В 1966 г. в Нидерландах был издан справочник по истории государственных учреждений России с XVIII в. по 1917 г. (*Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966*). Однако он охватывает не все учреждения дореволюционной России, сведения о преобразованиях учреждений даны неполно. Справочник Амбургера не переведен на русский язык.

А. И. Агафонов

ДОКУМЕНТЫ ОБ ИСТОРИКЕ И АРХЕОЛОГЕ ГЕРОЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г. А. ИНОЗЕМЦЕВЕ

Научная деятельность Георгия Александровича Иноземцева была многогранна и плодотворна. Автор 35 печатных работ по различным проблемам истории СССР, он получил широкое признание как один из крупных организаторов археологических раскопок на Нижнем Дону и в Приазовье, пропагандист научных и краеведческих знаний. Каждая опубликованная работа Иноземцева представляет собой самостоятельное исследование, опирающееся на широкий круг источников и литературы, в которых сочетаются глубокое знание изучаемого предмета, высокая культура и эрудиция, мастерство ученого-исследователя.

Г. А. Иноземцев родился 17(30) апреля 1902 г. в с. Батайское (ныне г. Батайск) Ростовской области в семье фельдшера. В 1922 г. окончил Донской археологический институт, а в 1927 г. историко-филологическое отделение Северокавказского университета. В студенческие годы и после окончания университета Иноземцев принимал активное участие в работе Северокавказской экспедиции ГАИМК, Северокавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (СККОАИЭ), в других научно-исследовательских организациях. Результаты полевых исследований, посвященные бронзовому веку в Подонье — Приазовье, опубликованы в многочисленных статьях.

В годы Великой Отечественной войны Иноземцев прошел путь от командира взвода противотанковых ружей до командира 71-й гвардейской Витебской орденов Ленина и Красного Знамени стрелковой дивизии. Участвуя в разгроме и уничтожении Витебской фашистской группировки, полк, которым командовал Иноземцев, первым форсировал Западную Двину. За этот подвиг подполковнику Г. А. Иноземцеву и десяти гвардейцам были присвоены звания Героев Советского Союза¹.

¹ Герой Советского Союза Г. А. Иноземцев. — Боевой натиск, 1944, октябрь; *Гуленков С.* Герою Советского Союза Г. А. Иноземцеву. — Боевой натиск, 1944, декабрь; *Селиванов Ф.* Гвардейцы. М., 1960, с. 147—150, 187—188; Навечно в сердце народном. Минск, 1975, с. 160; *Хоришко В.* Воин и ученый. — В кн.: Отважные сыны Дона. Ростов н/Д, 1963, с. 153—154; 2-е изд., 1970, с. 308—309; *Он же.* Во имя жизни. — За советскую науку. Ростов н/Д, 1964, 21 февраля.

После демобилизации Иноземцев вновь вернулся к научно-исследовательским занятиям; с 1946 г. работал директором областной государственной научной библиотеки им. К. Маркса в г. Ростове-на-Дону, затем преподавал в РГУ. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию «Бронзовый век Нижнего Дона» и стал деканом историко-филологического факультета РГУ.

Большой вклад внес Иноземцев в организацию изучения и пропаганды истории Донского края, в совершенствование учебного процесса. Под его руководством в 1956 г. были созданы впервые на историко-филологическом факультете РГУ ежегодная студенческая полевая археологическая экспедиция и научный студенческий кружок, превратившиеся в важную форму приобщения студентов к научно-исследовательской работе². Тесно сотрудничая с Северокавказским бюро краеведения (СКБК), впоследствии — с Ростовским, Иноземцев оказывал ему методическую помощь в разработке и написании краеведческих программ, создании местных краеведческих организаций и проведении различных исследований.

Тяжелые ранения и болезнь подорвали здоровье Г. А. Иноземцева, он умер 16 февраля 1957 г.³

Труды Иноземцева посвящены истории Ростовской области. Основное внимание он уделял изучению бронзового века на Нижнем Дону и в Приазовье⁴. Он составил новый, более точный и подробный план Танаиса с окрестностями. Важной вехой в изучении Ростовской области являются статьи и работы Иноземцева по истории городов и населенных мест, путеводители по городам советского Дона и Волго-Донскому судоходному каналу им. В. И. Ленина⁵. В них Иноземцев проявил себя как патриот, неутомимый исследователь и пропагандист истории Донского края. Видное место в творчестве Иноземцева занимают статьи по воен-

Георгий Александрович Иноземцев
(май 1945 г.)

² Иноземцев Г. А. Археологическая экспедиция.— За советскую науку, 1956, 14 сентября; Он же. Историко-филологический факультет.— За советскую науку, 1956, 20 августа; и др.

³ Лукин Б. В. Г. А. Иноземцев.— Советская археология, 1957, № 2, с. 320; Молот (Ростов н/Д), 1957, 17 февраля; За советскую науку, 1957, 17 февраля.

⁴ Иноземцев Г. А. Ближайшие задачи археологии Северного Кавказа.— Бюллетень СКБК, 1926, № 3/4; Он же. Ростовские городище.— Записки СККОАИЭ. Ростов н/Д, 1927. Кн. 1 (т. 3). Вып. 2; Он же. Древнее поселение римской эпохи на месте Ростова-на-Дону.— Наука и техника, 1929, № 3; Он же. Древности греческой колонии Танаиса.— Наука и техника, 1929, № 16; Он же. Приазовские древности.— Наука и техника, 1929, № 38; Он же. Раскопки кургана в станице Верхне-Гниловской.— В кн.: Памятники древности на Дону. Ростов н/Д, 1940. Вып. 1; Он же. Археологические раскопки у станицы Верхне-Гниловской.— Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея, 1957, вып. 1, с. 103—114; и др.

⁵ Иноземцев Г. А. У истоков рабочего движения на Дону. Ростов н/Д, 1956; Он же. Ростов-на-Дону.— БСЭ. 2-е изд., 1955, т. 37, с. 238—240; Он же. Таганрог: Историко-краеведческий очерк. Ростов н/Д, 1951; Он же. По городам советского Дона. Ростов н/Д, 1951; Он же. Волго-Донской судоходный канал им. В. И. Ленина: Путеводитель. Ростов н/Д, 1952; Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Ростов-на-Дону. [Ростов н/Д], 1951; и др.

ным вопросам, основанные на личном опыте и изучении тактики пехотного боя в годы Великой Отечественной войны⁶.

Архивное наследие Г. А. Иноземцева невелико — по объему около 150 единиц хранения. Большая часть его находится в семье и представляет собой биографические документы, опубликованные научные работы и рукописи кандидатской диссертации, подготовительные материалы к ним, переписку и фотографии. Наиболее ранними из сохранившихся документов являются его студенческая зачетная книжка и диплом об окончании Северокавказского университета.

Значительная по объему и содержанию часть материалов отражает участие Иноземцева в Великой Отечественной войне: послужной список, копии наградных листов с описанием боев, за которые был награжден, удостоверения личности комсостава Красной Армии, подписанные командующим 6-й гвардейской армией генерал-полковником И. М. Чистяковым, письма с фронта жене — Л. В. Иноземцевой, вырезки из газет со статьями Иноземцева по военным вопросам и о нем, об участии полка и дивизии в освобождении Белоруссии и Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков, наброски для статьи о боях за южные районы Псковской области, фотографии военных лет.

Ценность представляют копии наградных листов, свидетельствующие о мужестве и героизме Иноземцева в боях, о его руководстве подразделениями. 55 фотографий за 1942—1945 гг. важны для изучения истории полка и дивизии, в которых воевал Иноземцев.

Научно-педагогическая деятельность Иноземцева отражена в архиве менее полно. Сохранились удостоверения Иноземцева — научного сотрудника Ростовского городского архива и СКБК, разрешения на проведение раскопок Верхне- и Нижне-Гниловского городищ, Открытый лист на проведение в 1952 г. археологических исследований в хуторе Верхне-Подпольный, выданный Институтом археологии АН СССР; статьи, опубликованные в «Записках» СККОАИЭ; «Бюллетенях» СКБК и в других периодических изданиях, тексты лекций по археологии и методике археологических исследований, подготовительные материалы к ним, фотографии археологических раскопок и археологической студенческой экспедиции.

Эпистолярное наследие Иноземцева также немногочисленно: упомянутые письма с фронта жене, некоторые с описанием боев, в которых он участвовал, поздравления однополчан с присвоением звания Героя Советского Союза, письма из госпиталей с просьбой о переводе в свою часть (1943—1944 гг.), переписка с ректором РГУ проф. С. Е. Белозеровым (1951—1952 гг.), письма и поздравления от проф. Б. В. Лунина, запросы из Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и Вильнюсской городской школы № 37 о боевом пути Иноземцева и 67-й гвардейской стрелковой дивизии, в которой он воевал.

Документы и материалы о жизни и деятельности Иноземцева хранятся и в Ростовском областном музее краеведения (РОМК)⁷. Часть из них выставлена в экспозиции: фотография Г. А. Иноземцева со звездой Героя Советского Союза (1945 г.), Указ Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. о присвоении звания Героя Советского Союза; ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Суворова III степени и Александра Невского, медали; дипломы кандидата исторических наук и доцента РГУ; личные вещи периода Великой Отечественной войны — шинель, планшет и карта боевых действий. Довольно широко в личном фонде музея и в экспозиции отражена научная деятельность

⁶ *Иноземцев Г. А.* До последнего дыхания быть преданным Родине.— Красное знамя, 1951, 19 июля; *Он же.* По-суворовски — не числом, а умением.— Красная звезда, 1950, 18 мая; *Он же.* Разведка ночью.— Красная звезда, 1946, 30 мая; *Он же.* Стрелковая цепь в наступлении.— Красная звезда, 1946, 27 марта; *Он же.* Использовать оружие пехоты на всю мощь.— Суворовец, 1945, 17 марта; *Он же.* Боевой приказ — повеление Родины.— Суворовец, 1945, 18 февраля и др.

⁷ РОМК, ф. Г. А. Иноземцева, оп. 1, 41 ед. хр. (1926—1957 гг.).

Иноземцева — опубликованные статьи по археологии Подонья — Приазовья, книги по истории Ростовской области и заметки в газетах.

Небольшой экспозиционный комплекс, посвященный ратному подвигу Иноземцева на территории Белоруссии, имеется в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны: фотография Иноземцева, копия наградного листа о присвоении звания Героя Советского Союза, листовка издания газеты «Боевой натиск» (июль 1944 г.) с описанием подвига Иноземцева и полка, которым он командовал, при форсировании Западной Двины.

О боевом пути Иноземцева в рядах 67-й гвардейской стрелковой дивизии свидетельствуют многочисленные документы. Большой интерес представляют личные дела офицеров, и прежде всего Г. А. Иноземцева⁸, содержащие данные об участии в боях с врагом, личных и боевых качествах как командира подразделения, наградах и поощрениях.

Важные дополнительные сведения к характеристике Иноземцева содержат формуляры 199-го и 201-го гвардейских полков (входивших в состав 67-й гвардейской стрелковой дивизии), наградные листы 201-го гвардейского стрелкового полка, журналы боевых действий, боевые донесения, оперативные сводки, итоговые донесения 201-го гвардейского стрелкового полка и 67-й гвардейской стрелковой дивизии⁹. Они характеризуют обстановку в районе боев, раскрывают героизм и мужество солдат и офицеров, целых подразделений, дают сведения о правительственных наградах и присвоении полкам и дивизии гвардейского звания; о числе пленных и трофеях, о количестве уничтоженной боевой техники противника.

Сохранившиеся документы и материалы Г. А. Иноземцева отражают важнейшие периоды его жизни и научно-педагогической деятельности. Они представляют интерес для изучения истории Великой Отечественной войны, истории советской науки и распространения исторических знаний.

⁸ Центральный архив МО СССР, ф. 67 гсд, д. 11443. Автор выражает благодарность В. Н. Хоришко за предоставленные материалы.

⁹ Там же, оп. 149414, д. 4, т. 1, 2; оп. 203879, д. 1, 3; оп. 203884, д. 3, 36; оп. 463336, д. 1, оп. 686044, д. 501, 1238, 3033; оп. 697582, д. 1, оп. 697583, д. 1; и др.

В. О. Седельников

РАБОТА НАД БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ РУССКИХ ИСТОРИКОВ (1919 Г.)

Вопрос о создании биобиблиографического словаря отечественных историков ставился неоднократно. Впервые попытка создать такой словарь была предпринята Главным управлением архивным делом (ГУАД) в 1919 г.¹ Она представляет интерес для изучения как самой истории такого начинания, так и методики составления словаря. Изучение этого опыта может быть полезно и для практического использования собранных при этом материалов.

Созданием словаря занимался научно-статистический отдел ГУАД в г. Москве², включавший в себя русский и библиотечный подотделы

¹ Следует заметить, что эта попытка не была единственной со стороны архивных учреждений. В 1950—1960 гг. силами студентов МГИАИ был подготовлен «Биобиблиографический словарь архивистов дореволюционной России» и велась работа по подготовке словаря, посвященного советским архивистам (*Шмидт С. О.* Советские историки и архивы.— СА, 1968, № 6, с. 12; *Митрофанов Н. Н.* Из истории составления справочника «Архивисты России».— Наст. изд.

² Аналогичное подразделение было и в Петрограде; см. о нем: *Летопись архивной жизни*.— ИА, 1919, кв. 1, с. 511—513.

и насчитывавший 9 человек. В рассматриваемый период в нем работали: заведующий отделом И. Б. Новицкий (ученый-юрист, профессор Московского университета), заведующая русским подотделом В. С. Шамолина, заведующая библиотечным подотделом С. П. Масловская, научные сотрудники М. Н. Миловский, Е. И. Николаева, С. И. Фин, Э. М. Андрес, О. С. Острейко, Л. А. Хухрина. Трое последних занимались сбором материалов для словаря³.

Работа, начатая в апреле 1919 г., заключалась в составлении картотеки собираемых по литературным источникам данных о жизни и деятельности русских историков. Наряду с этим среди историков-москвичей была распространена специальная анкета, с помощью которой предполагалось проверить и дополнить сведения литературных источников⁴.

По-видимому, в июне 1919 г. систематическая работа предварительного характера была закончена, в дальнейшем она свелась к получению заполненных анкет. По крайней мере, она не фигурирует в отчетах отдела и ГУАД за оставшийся период 1919—1920 гг. Не встретилось упоминаний о ней и в организационно-распорядительной документации (протоколах, переписке и т. п.). Частично это можно объяснить тем обстоятельством, что в июне 1919 г. текущая работа в отделе была в значительной степени свернута, поскольку все его сотрудники были заняты подготовкой съезда губернских уполномоченных ГУАД и организацией его работы⁵.

Материалы, отложившиеся в процессе работы над словарем⁶, можно разбить на три группы: документы подготовительно-организационного характера; анкеты, заполненные историками, выписка из литературных источников, сделанные сотрудниками отдела.

В пояснительной записке к анкете сформулированы задачи, которые ставили перед собой составители словаря. Документ этот дошел до нас в двух вариантах, не имеющих принципиальных смысловых различий, причем один вариант не завершен. Записка представляет собой неавторизованную рукопись. Она, по-видимому, была документом для внутреннего пользования и являлась обоснованием работы. Планы автора (или авторов) записки были поддержаны руководством ГУАД. Об этом свидетельствует сводный отчет управления за май — июнь 1919 г., в котором в несколько измененной редакции приведены задачи, сформулированные в записке. Целью работы было «прежде всего составление полной библиографии как по собственным трудам каждого историка, так и по трудам о нем — критическим и библиографическим»⁷, а также выяснение принадлежности историка к той или иной исторической школе, освещение преемственности в развитии русской исторической мысли⁸.

Вторая группа материалов — анкета — включает в себя пять вопросов: о дате рождения; о полученном образовании; о наличии ученых степеней, времени получения и за что; о деятельности, связанной с разработкой и развитием исторической науки; о списке всех печатных трудов с пожеланием указания рецензий на эти труды.

В анкете содержится просьба указать не только научного руководителя, но и других преподавателей высшей школы, ученых, оказавших влияние на развитие исторической мысли опрашиваемого, а также сообщить, к какой исторической школе он сам себя причисляет. Характерно, что составителей словаря интересовало, что повлияло на выбор работы, на формирование общей концепции исторического процесса, на выработку у ученого приемов исторического исследования. В пояснительной

³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 132, л. 1—2; д. 15, л. 7—7 об. О деятельности отдела, помимо работы над словарем, см.: Архивное строительство в СССР (1918—1941 гг.). — СА, 1978, № 2, с. 9.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 132, л. 23 об., 25 об. — 26; д. 14, л. 225.

⁵ Там же, д. 132, л. 27.

⁶ Там же, д. 159, 159 доп.

⁷ Там же, д. 132, л. 25 об. — 26.

⁸ Там же, л. 26.

записке к анкете особое внимание уделено методике научной работы при определении критериев отбора трудов к числу исторических. Указывается, что «если для установления какого бы то ни было факта, хотя бы исторически и не важного, применяются... методы и приемы», составляющие «специальное достояние исторической науки», то такая работа будет считаться исторической⁹. В неоконченном варианте записки это положение иллюстрируется на примере историко-литературного исследования: «Разработкой исторического материала является в первую очередь описание и критическое издание документов, затем критика текста. В этом пункте историческое исследование тесно соприкасается с историко-литературным. Если мы имеем дело с каким-либо литературным памятником — древним или средневековым, то наша первая задача — установить первоначальный текст, произвести все возможные наблюдения над языком, кругом интересов и идей автора и т. п. Всю эту работу историк литературы должен проделать в такой же мере, как и собственно историк. Поэтому в отступление, быть может, от общепринятого деления мы будем такого рода исследования, принадлежащие историкам литературы, относить к историческим и включать их авторов в настоящий словарь»¹⁰.

Среди видов деятельности, так или иначе связанных с разработкой и развитием исторической науки, авторы анкеты на первое место поставили архивную работу, затем — преподавание в высшей школе и участие в ученых исторических обществах. В записке к анкете указаны также «труды по собиранию и охранению памятников прошлого»¹¹.

Списки, подготовленные составителями словаря, включают имена 146 историков, в основном живших в Москве (только 6 человек — не москвичи). Можно предположить, что по этим спискам рассылались анкеты.

Сохранилось 8 заполненных анкет, поступивших в научно-статистический отдел в июле—декабре 1919 г. Наряду с известными историками М. О. Гершензоном, А. А. Захаровым, А. Н. Савиным, А. Н. Филипповым, В. М. Хвостовым их прислали также архивисты: В. С. Арсеньев (деятель Витебской, Псковской, Тульской губернских ученых архивных комиссий, автор более 150 работ в области генеалогии и археографии, с декабря 1919 г. — сотрудник научно-статистического отдела ГУАД в Москве), А. А. Грунау (сотрудник 1-го Московского отделения VII секции ЕГАФ), М. В. Панов (старейший сотрудник бывш. Лефортовского архива, с 1918 г. — 1-го Московского отделения III секции ЕГАФ). Впрочем, деление лиц, приславших анкеты, на историков и архивистов довольно условно, поскольку в то время многие видные ученые были сотрудниками архивных учреждений. В частности, в 1919 г. работали в архивах А. Н. Савин — в качестве заведующего отделом первой половины XIX в. 3-го Московского отделения I секции ЕГАФ и А. Н. Филиппов — заведующим 2-м отделом 1-го Московского отделения II секции ЕГАФ.

Анкеты представляют собой более или менее сжатые ответы на поставленные вопросы; в одной из них (А. А. Грунау) имеются элементы воспоминаний.

Третья группа материалов в подавляющем большинстве представляет собой выписки на карточках сведений биографического и библиографического характера. Иногда составители словаря не выписывали труды того или иного историка, довольствуясь ссылкой на определенный источник, в котором имеется список этих трудов. Развернутые биографические справки даны только об А. С. Лаппо-Данилевском, М. К. Любавском, В. И. Пичете, А. И. Станкевиче. Более краткие сведения приведены о следующих лицах: А. В. Адрианове, М. Н. Александровиче, А. С. Алексееве, М. М. Алексеенко, епископе Пензенском и Саранском

⁹ Там же, д. 159, л. 8.

¹⁰ Там же, д. 159, доп., л. 1 об.

¹¹ Там же, д. 159, л. 9.

Амвросии (А. А. Орнатском), В. К. Андриевиче, А. А. Андриевском, В. Б. Антоновиче, С. В. Бахрушине, М. М. Богословском, В. И. Герье, Ю. В. Готье, П. В. Ефремове, Н. Д. Извекове, К. И. Невоструеве, А. И. Покровском, И. А. Покровском, Н. Г. Попове, А. Н. Савине, С. И. Соболевском, В. И. Снежневском, П. Б. Струве, Б. И. Сыромятникове, А. Н. Филиппове, С. К. Шамбинаго, И. А. Шляпкине, А. И. Яковлеве.

Интересно, что наряду с энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона, «Критико-биографическим словарем русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, «Словарем членов общества любителей российской словесности при Московском университете» (М., 1911), библиографическим сборником «Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.)» (М., 1915), юбилейными и памятными сборниками статей, посвященных отдельным ученым, журналами («Русская старина», «Библиограф» и др.) в работе по собиранию данных использовался такой необычный источник, как «Заявления, поступившие в юридический факультет 1-го Московского университета до 20 января 1919 года на Всероссийский конкурс на замещение освободившихся с 1 января 1919 года кафедр» (М., 1919).

На основании пояснительной записки к анкете, списков историков и собранных для словаря материалов можно сделать вывод о том, что круг ученых, который составители предполагали включить в справочник, достаточно широк. Однако в записке оговорен и ряд ограничений в отношении близких к истории научных дисциплин. Так, проведена резкая граница между историей и социологией. Кроме того, указывается, что «из области собственно исторической науки исключаются все „истории“ искусства, права, литературы, религии, языка, поскольку эти явления рассматриваются со стороны их внутреннего содержания и внутренней последовательности, а не как результат и как фактор социальных процессов...»¹² В то же время, как отмечалось выше, работы из этих областей знания признавались историческими и соответственно их авторы подлежали включению в словарь в случае использования в процессе исследования методов исторической науки. Признавалось, что все эти ограничения относятся лишь к современной исторической науке. Что же касается историков прежних времен, то к их числу относили всех «лиц, дававших сообщения о состоянии России в любой форме»¹³. В записке нет четкого указания на хронологические рамки словаря. Трудно предположить упущение в столь принципиальном вопросе. Скорее всего, этот вопрос и не вставал в силу очевидности замысла включить в словарь всех историков, начиная с зарождения русской историографии. Косвенно об этом свидетельствуют и собранные для справочника материалы, относящиеся к жизни и деятельности не только живших в то время, но и покойных ученых.

Судя по отчетным данным отдела, согласно которым было составлено около 850 карточек¹⁴, найдены не все материалы, подготовленные для словаря, поскольку оба дела, в которых они сосредоточены, насчитывают 225 листов. Кроме того, списки историков дают основание предполагать, что до нас дошли не все анкеты, полученные от ученых. Не исключено, что оставшаяся часть материалов может быть обнаружена в личных архивных фондах сотрудников московского научно-статистического отдела.

Осталось невыясненным, в какой степени было реализовано намерение разослать анкеты иногородним ученым. Известно, однако, что письмо с просьбой собрать необходимые сведения об историках Петрограда было послано 9 сентября 1919 г. в петроградский научно-статистический отдел, сотрудники которого подготовили списки (52 ученых, работавших в то время в университете и архивах) и распространили анкету¹⁵. В фонде

¹² ИГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 159 доп., л. 7 об.

¹³ Там же, л. 8 об.

¹⁴ Там же, д. 132, л. 23 об., 25 об.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 6900, оп. 3, д. 188, л. 1—4.

Петроградского отделения ГУАД (ЦГИА СССР, ф. 6900) заполненных анкет найти не удалось. Если они все же поступили от ряда ученых, то, возможно, их, как и московские материалы, следует искать в личных архивах сотрудников, причастных к работе над словарем в Петрограде.

Работа над библиографическим словарем русских историков является еще одним свидетельством того, сколь многогранна была деятельность ГУАД в первые годы Советской власти. Думается, что материалы, собранные составителями словаря, могут оказаться полезными при выполнении подобной работы на современном этапе.

Н. Н. Митрофанов

ИЗ ИСТОРИИ СОСТАВЛЕНИЯ СПРАВОЧНИКА «АРХИВИСТЫ РОССИИ»

Работа по созданию библиографического словаря «Архивисты России» была начата в МГИАИ в 1957 г. Трудоемкая по характеру, разноплановая хронологически (XVIII—XX вв.) и тематически (применительно к отдельным персоналиям и их группам), она потребовала значительных организационных усилий и выработки соответствующей методики. Несмотря на сложности сбора и обработки информации о нескольких поколениях деятелей русского архивного дела, рукопись труда за несколько лет превысила 20 печатных листов, вобрав в себя около 400 статей-справок о специалистах-практиках и теоретиках, знатоках документальных материалов и их исследователях, коллекционерах и публикаторах. К сожалению, этот обширный материал, включавший немало разнообразных и ранее не известных сведений, уточненных дат, впервые составленных библиографий, не был опубликован. В печати появились лишь отдельные публикации активных участников подготовки словаря, основанные на их собственных изысканиях в центральных, местных и ведомственных архивах. К настоящему времени специальные исследования творческого наследия деятелей дореволюционного и советского архивоведения дали результаты, многие из которых перекрывают сведения об этих людях, приведенные в словаре. Однако специфика его содержания и принципов построения, структуры, а также вопросы организации его составления по-прежнему представляют, по нашему мнению, интерес и в известной мере сохраняют свою актуальность.

Потребность в справочном пособии энциклопедического типа, которое объединило бы сведения об архивистах прошлого и позволило бы судить о вкладе каждого из них в накопление и изучение документальных богатств, вызывалась в первую очередь развитием советской архивистики в 1950-е годы. Необходимо было обобщить опыт дореволюционных и советских историков-архивистов, по достоинству оценить их роль в развитии отечественного архивоведения и тесно связанных с ним специальных исторических дисциплин. Поскольку исследовательская работа архивных учреждений страны охватывала все более широкий круг вопросов организации архивного дела в СССР и нуждалась в необходимом подспорье, ГАУ и МГИАИ предпринимали ряд шагов по организации сбора материалов для сводного критического обзора творческого наследия деятелей русского и советского архивоведения. Этому способствовали такие издания, как журнал «Исторический архив», бюллетень «Вопросы архивоведения» и его местные аналоги, «Труды МГИАИ». Историко-архивоведческая тематика занимала все более значительное место в работах историков.

Инициаторами составления справочника об архивистах России выступили преподаватели МГИАИ Н. В. Бржостовская, К. И. Рудельсон, Д. М. Эпштейн; они привлекли к работе студентов — членов нескольких

кружков научного студенческого общества МГИАИ. Авторы будущих словарных статей-справок выбирали объекты своих исследований, изучали жизнь и деятельность историков-архивистов, главным образом XVIII—XIX вв. и составляли лаконичные тексты с биографическими данными, списками основной библиографии трудов ученых и работ о них. По первоначальному словнику-списку, насчитывавшему до сотни имен самых известных архивистов прошлого, к концу 1957 г. было подготовлено около половины материала. Первые опыты были несовершенны, тексты отличались большими объемами, перегруженностью деталями, в библиографические списки вводился максимум названий, поскольку поглощенная библиография поначалу не принималась во внимание. Критический разбор ряда статей не обескуражил энтузиастов словаря, не охладил их. В этом была большая заслуга их старших товарищей, которые своей слаженностью и терпением весьма благотворно действовали на студентов, делавших первые шаги по научной стезе.

В конце 1957 — начале 1958 г. на совместных заседаниях архивоведческих кружков были заслушаны результаты научно-методических разработок (автор Л. М. Хлебников), послужившие затем практическим руководством для авторов словаря: уточненный формуляр статьи, списки необходимых биографических и библиографических справочников, а также указания на архивные источники. На этих же заседаниях Ю. Б. Симченко проводил организационную работу, распределяя между будущими авторами отдельные персоналии и комплексы их, связанные с деятельностью различных обществ и губернских архивных комиссий. О конкретном опыте разработки материалов Нижегородской архивной комиссии докладывал на одном из заседаний автор настоящего сообщения. Заседания, проходившие при обязательном участии преподавателей МГИАИ — руководителей студенческого словарного коллектива, отличались атмосферой заинтересованности и целеустремленности. Вообще этой работе был свойствен дух оптимизма и творческой увлеченности. Работа над словарем стала для ряда его энтузиастов школой самостоятельности, серьезной проверкой их способностей к продуктивной профессиональной деятельности.

Практическое осуществление работы легло в основном на ответственных составителей: Н. Н. Митрофанова, Ю. Б. Симченко, Л. М. Хлебникова, В. Н. Шабанова, ныне покойного (1935—1979). К середине 1959 г. в итоге подготовки новых статей-справок, редактирования и переработки старых общее их число превысило 320. Была образована редакционная коллегия словаря в составе Н. В. Бржостовской, В. В. Максакова, К. Г. Митяева, А. С. Рословой, К. И. Рудельсон, С. О. Шмидта, Д. М. Эпштейн; ей предстояло рассмотреть подготовленные материалы и решить вопрос о целесообразности их издания.

Что же представлял собой тогда справочник «Архивисты России»? В него были включены сведения об историках-архивистах и археографах, главным образом дореволюционной России (персоналии архивных деятелей Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа и Средней Азии в него не входили). Эти сведения давали возможность персонифицировать процесс эволюции отечественного архивного дела во времени и по различным направлениям, позволяли приблизиться к пониманию того, как в связи с развитием исторических знаний, потребностей государства, реализации культурных задач своей эпохи усложнялись задачи архивов, преодолевались неблагоприятные условия их функционирования, их разобщенность. Особое внимание уделялось видным ученым-архивистам конца XVIII — начала XIX в., трудившимся в МАКИД, позднее МГАМИД, чей исторический кругозор и опыт архивной и археографической деятельности хорошо известен: Н. Н. Бантышу-Каменскому, Г. Ф. Миллеру, М. М. Стриттеру (И. Г. Штриттеру), А. Ф. Малиновскому, К. Ф. Калайдовичу, П. М. Строеву, А. Х. Востокову и др. Важные сведения сообщались о ряде сотрудников МАМЮ, руководителям которого Н. В. Калачеву и Д. Я. Самоквасову принадлежат наиболее серьезные

и разработанные проекты архивной реформы в России. Нашли отражение в справочнике и данные о лицах, работавших в исторических архивах военного и морского ведомств, архивах Сената, Синода, Государственного совета, Академии наук и других крупных хранилищах. Весьма большое место было отведено энтузиастам — местным любителям истории, отдававшим много сил разысканию и изучению письменных памятников прошлого. Работая в губернских статистических комитетах и губернских ученых архивных комиссиях, они оставили свой след в деле собирания, хранения и опубликования исторических документов (хотя на результатах работы многих из них сказывался недостаток специальной подготовки).

Деятельность многих археографов XIX — начала XX в. была связана со специальными учреждениями, занимавшимися изданием исторических документов: ОИДР, РИО, Археографической комиссией в Петербурге, комиссиями для печатания древних актов в Киеве и Вильно и др. Заметный вклад в развитие архивоведения и археографии внесли также Московское археологическое общество, Общества истории и древностей при Казанском, Одесском университетах. Р. Ф. Тимковский, К. М. Строев, А. И. Тургенев, О. М. Бодянский, работая в этих обществах, создавали для русской исторической науки обширную источниковую базу, разрабатывали методы издания исторических документов; в словаре им посвящались достаточно объемные статьи-справки. Нашла отражение и деятельность тех, кто по своей инициативе содействовал опубликованию ценных документов (Н. И. Новиков, П. И. Бартевев и др.), ряда фамильных архивов.

Определенное внимание справочник уделял собирателям и обладателям крупнейших рукописных коллекций, в их числе были В. Н. Татищев, А. И. Мусин-Пушкин, Н. П. Румянцев, М. П. Погодин, А. И. Щукин и др. При всех недостатках, свойственных частному коллекционированию, оно сыграло большую положительную роль, расширяя круг вводимых в научный оборот источников, многие из которых вошли в состав государственных собраний, хранящихся ныне в музеях и библиотеках.

В словарь включены были персоналии тех архивистов дореволюционной России, которые работали затем в советских архивных органах и научных учреждениях, став крупными учеными: С. И. Архангельского, С. К. Богоявленского, С. Б. Веселовского, Ю. В. Готье и др. В справочник вошли и сведения о лицах разных профессий, принимавших участие в работе обществ и учреждений, имевших отношение к архивному делу; большое внимание было уделено местным архивистам-публикаторам, архивистам-краеоведам.

Источниками при составлении справочника послужили печатные материалы (издания исторических обществ, губернских ученых архивных комиссий, архивов, справочные и другие пособия) и неопубликованные — архивные, извлеченные из фондов ЦГАДА, ЦГВИА, ЦГИА, ЦГАВМФ, ЦГАЛИ, ААН и др. Для сбора необходимых данных использовалось пребывание студентов на практике в архивохранилищах. Кроме того, МГИАИ в 1959 г. дважды посылал автора настоящего сообщения в командировки — в Горький и Ленинград (в последнюю вместе с В. Н. Шабановым).

Следует отметить, что биографические и библиографические сведения справочника не являлись исчерпывающими, а состояли лишь из основных данных о деятельности лиц; однако многие сведения вводились в научный оборот впервые. Каждая статья справочника включала две части: биографическую и библиографическую.

Биографическая часть давала справку о датах жизни, социальном происхождении, служебной и научной деятельности каждого лица. Особое внимание уделялось работе историков-архивистов в архивах, причем с возможной полнотой указывались разработка ими методических вопросов и практическая деятельность в области архивного дела. По воз-

возможности в справке характеризовались археографическая деятельность, общеисторические, краеведческие и другие труды, работа в исторических обществах, архивных комиссиях и прочих учреждениях, связанных с архивным делом. Здесь же сообщались сведения о личных фондах и коллекциях характеризуемых лиц (с указанием мест хранения).

Библиографическая часть статьи состояла из двух разделов: «библиография трудов», «литература». При отборе изданий, по возможности без ущерба для непосредственного пользования справочником, учитывалась взаимопоглощенность литературы в ретроспективной библиографии. Основное внимание уделялось изданиям, представляющим интерес в архивоведческом отношении, поэтому в разделе 1 перечислялись основные работы в области архивоведения или труды, явившиеся результатом работы в архивах. В раздел 2 входили опубликованные сведения о данном лице: печатные списки его трудов, списки литературы о нем, посвященные ему книги, очерки, статьи, заметки, некрологи и пр., а также ссылки на имеющиеся описания личных фондов и коллекций, различные справочные издания.

Содержание подготовленного к 1959 г. варианта справочника было оценено редколлекцией в основном положительно. На заседании редколлекции, помимо ее членов Н. В. Бржостовской, К. Г. Митяева, К. И. Рудельсон, С. О. Шмидта, Д. М. Эпштейн, выступил проф. А. В. Чернов, поддержавший идею издания рукописи после некоторой доработки. В отзыве о ней А. А. Зимина (от 29 июня 1959 г.) говорилось: «Составители в результате упорного и плодотворного труда составили книгу, к которой будут обращаться все специалисты по русской истории и особенно специалисты в области архивного дела... Рецензируемый труд должен быть как можно скорее сдан в печать. Некоторые замечания, которые могут быть сделаны в адрес составителей, легко учесть при редакционной доработке»¹.

Пожелания о доработке и дополнении рукописи сводились к следующему: нужен более четкий критерий отбора персоналий для словаря, а поэтому и более отчетливое обозначение направленности их деятельности. Необходимо дополнить словарь рядом персоналий, исключить имена поддельщиков, владельцев незначительных рукописных коллекций, второстепенных и эпизодических дел архивного дела фигур. В «Добавлениях к биобиблиографическому словарю» 4 июля 1959 г. С. О. Шмидт обосновывал необходимость включения в словарь данных и об архивистах, т. е. сотрудниках государственных и частных архивов, и о тех, кто теоретически разрабатывал правила издания документов и издавал их, а также о лицах, которые принимали участие в разработке вопросов архивного дела (выступления на археологических съездах, в комиссиях, в печати и т. п.). Признавалась целесообразность включения фамилий некоторых видных историков, занимавшихся археографической работой и необходимости написания справок о создателях и хранителях революционных архивов. В «Добавлениях...» содержалось более 40 фамилий, а также указывалось на необходимость проверить полноту сведений об активных членах губернских архивных комиссий. Ряд пропусков отметил в своем отзыве Зимин, считавший обязательным включение в справочник статей о Г. П. Георгиевском, И. А. Голубцове, тверском архивисте и краеведе А. Н. Вершинском, саратовском архивисте А. А. Гераклитове, а также ссылок на фонд переславль-залесского архивиста М. И. Смирнова, хранящийся в ОПИ ГИМ, на краткий некролог А. Н. Зерцалова, написанный В. О. Ключевским и сохранившийся в Научном архиве Института истории СССР АН СССР.

Рукопись была дополнена новыми именами (авторами большинства этих справок были Митрофанов и Хлебников), снабжена обстоятельным

¹ Подлинники всех цитируемых документов о справочнике хранятся у автора настоящего сообщения; отзывы А. А. Зимина сохранились (у него же) в виде машинописных копий, снятых в 1960 г.

предисловием, основная часть которого принадлежала Н. В. Бржостовской. В октябре — декабре 1959 г. рукопись вновь обсуждалась редколлегией и была направлена на рецензирование в связи с выдвижением ее на московский городской конкурс студенческих работ. 26 декабря 1959 г. Зиминым был дан следующий отзыв: «В дополнение к первому отзыву о справочнике архивистов могу сообщить следующее: авторский коллектив справочника провел большую работу по дополнению и исправлению текста справочника по тем замечаниям, которые были сделаны рецензентами: уточнена характеристика общественно-политических взглядов отдельных архивистов, дополнен текст рядом новых имен и т. п. В целом перед нами солидный и крайне полезный труд, который заслуживает самой высокой оценки». В отзыве заместителя директора ГПИБ РСФСР М. Л. Иткина от 21 января 1960 г. подчеркивалось, что рукопись словаря была внимательно изучена сотрудниками библиотеки, готовящими ретроспективную библиографию по истории СССР, и говорилось: «Рекомендуем справочник „Архивисты России“ к печати. Изданный массовым тиражом, он окажет большую помощь научным работникам, преподавателям и студентам вузов, сотрудникам архивов и научных библиотек».

Положительную оценку содержал и обстоятельный отзыв ГАУ (от 27 февраля 1960 г., авторы Л. Л. Смоктунович и В. А. Черных). В нем говорилось: «Библиографический справочник „Архивисты России“ является ценным трудом, подытоживающим деятельность дореволюционных русских историков и археографов. Справочник составлен вполне квалифицированно, грамотно и методологически правильно». В отзыве имелись также справедливые указания на недочеты рукописи, практические рекомендации по ее доработке и дополнения по составу персоналий (исследователи-публикаторы материалов зарубежных архивов, архивисты военного ведомства и др.).

В начале 1960 г. справочник был удостоен второго места на конкурсе студенческих работ — высшей оценки для работ по гуманитарным дисциплинам (первое место не было присуждено ни одной из них).

Дальнейшая работа над словарем заключалась в создании статей-справок о лицах, рекомендованных для включения в него членами редколлегии и рецензентами, перепечатке и научно-техническом оформлении. Важную работу по техническому редактированию и подготовке справочника к изданию провела Т. Н. Долгорукова. Однако вопрос о публикации его, несмотря на энергичные усилия ряда членов редакционной коллегии, не был решен вовремя. Впоследствии автор настоящего сообщения продолжал (правда, с меньшей интенсивностью) написание статей-справок для словаря, вносил правку на основании сведений выходящей литературы. Работу в этом направлении проводил также Л. М. Хлебников. У него в настоящее время хранится один из машинописных экземпляров рукописи словаря. С определенностью можно указать местонахождение еще одного экземпляра — архив В. В. Максакова. Сведения об остальных (их было, по крайней мере, еще 5), мы не располагаем.

В 1965 г. была предпринята попытка издать на ротاپринтере словник-список и предисловие к справочнику для рассылки в местные архивные и научные учреждения. Предполагалось, что ГАУ и МГИАИ таким образом откорректируют окончательный общий перечень персоналий, смогут уточнить годы жизни отдельных русских архивистов и другие данные по архивным документам, местным изданиям и периодике. Однако подготовленные на правах рукописи «Материалы для библиографического справочника „Архивисты России“» объемом в 1 п. л. напечатаны не были.

Таковы основные сведения о работе, в ходе которой был собран значительный материал, способствующий более глубокому изучению истории русского архивоведения, археографии, дающий возможность подробнее ознакомиться с деятельностью отдельных их представителей и правильно оценить их большой и самоотверженный труд.

Можно только сожалеть, что справочное издание, ценность которого не вызывает сомнений², осталось неопубликованным, хотя оно могло бы стать не только объектом, но и показателем совместной работы вузов, архивов и других научных учреждений.

² Шмидт С. О. Советские историки и архивы.— СА, 1968, № 6, с. 12.

И. Л. Беленький

УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ П. А. КРОПОТКИНА

Библиография деятелей русского революционного движения и русской науки последней трети XIX — начала XX в. пополнилась новым, чрезвычайно ценным изданием. Это подготовленный Е. В. Старостиным справочник об опубликованных и неопубликованных материалах П. А. Кропоткина¹. Исследователи жизни и творчества Кропоткина, историки революционного движения, общественной мысли и науки теперь имеют в своем распоряжении органически взаимосвязанный комплекс справочных материалов; указатель изданных на различных языках с 1861 по 1979 г. книг, статей, рецензий, писем Кропоткина, составленный впервые (в отечественной и зарубежной литературе) с такой полнотой и тщательностью; исследование о его псевдонимах; указатель библиотечных фондов и неопубликованных материалов в отечественных и зарубежных архивохранилищах с краткой, но информативной характеристикой этих материалов Кропоткина. Примечания к последнему разделу по существу являются материалами к библиографии литературы о П. А. Кропоткине. Объединение в одном монографическом издании историко-книжных, архивно-источниковедческих и библиографических изысканий продиктовано их естественной взаимосвязью, логикой исследовательского поиска, определяемого, по словам Е. В. Старостина, принципом движения «от архивного источника к публикации», и стремлением составителя к максимальной полноте разносторонней документальной информации. Своеобразие замысла и построения этой по-настоящему интересной книги выражает стилистику исследовательского почерка ее автора, много лет занимающегося выявлением, описанием, изучением и опубликованием наследия П. А. Кропоткина.

Тираж справочника настолько незначителен (300 экз.), что представляется безусловно необходимым его переиздание. В связи с этим хотелось бы высказать несколько пожеланий. Во-первых, примечания к «указателю библиотечных фондов и неопубликованных материалов», являющиеся тематически сгруппированными материалами к указателю литературы о П. А. Кропоткине, целесообразно переработать в самостоятельный раздел под этим же названием, но с определенной систематизацией включенной литературы. Во-вторых, указатель имен имеет смысл разбить на два: указатель имен к двум библиографическим разделам и указатель имен к архивному разделу. И наконец, в-третьих, в комплексный справочник подобного типа имело бы смысл в том или иной виде включить сводку биографических и генеалогических документов или публикацию части из них.

¹ П. А. Кропоткин (1842—1921): Библиографический указатель печатных трудов / Сост. Е. В. Старостин. Ред. кол.: П. Н. Кропоткин, Н. М. Пирумова (отв. ред.) и др. М., 1980, [ч.] 1—2. 250 с. (АН СССР, Ин-т истории СССР, МГИАИ). В справочных фондах ГБЛ и ГПИБ хранится первоначальный вариант этой работы: Старостин Е. В. П. А. Кропоткин (1842—1921): Библиографический указатель печатных трудов. Краткий обзор архивных материалов / Под ред. В. Е. Иллерицкого. М., 1975. В него включены также сведения о редакторской и переводческой деятельности Кропоткина.

**БИБЛИОГРАФИЯ АВТОРЕФЕРАТОВ ДИССЕРТАЦИЙ,
ЗАЩИЩЕННЫХ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ**

(1971—1980 гг.) *

С 1944 г. Ученому совету МГИАИ предоставлено право принимать к защите диссертации и присваивать ученую степень кандидата исторических наук.

С 1968 г. в институте защищаются докторские диссертации. За период 1971—1980 гг. защищено 11 докторских диссертаций:

А. А. Кузин. Причины, результаты и закономерности развития техники геолого-разведочных работ в России до середины XIX в.: В 4-х т.—1972 г.; *Н. П. Ерошкин.* Основные тенденции развития высшей государственности феодально-крепостнической России первой половины XIX в.—1973 г.; *В. П. Иванов.* Рабочий класс Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства (1919—1925 гг.)—1973 г.; *О. М. Медушевская.* Теоретические проблемы источниковедения.—1975 г.; *Ж. Ф. Сергазин.* Исследования методов и оптимизация условий обеспечения сохранности документов Государственного архивного фонда СССР.—1977 г.; *В. Р. Копылов.* Зарубежные интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции.—1978 г.; *Г. Г. Воробьев.* Информационная теория документа.—1979 г.; *Г. А. Желтова.* Биография социалистического строительства советского Узбекистана.—1979 г.; *А. Р. Исмаилов.* Осуществление Советами Дагестана культурно-воспитательной функции в ходе строительства социализма, его упрочения и развития (1921—1961 гг.)—1979 г.; *А. Д. Самойлов.* Деятельность Коммунистической партии по укреплению Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке (октябрь 1922—1929 гг.)—1979 г.; *С. И. Сметанин.* Генезис капитализма в промышленности Урала (1800—1861 гг.)—1979 г.

В данной библиографии авторефераты расположены по хронологии их публикации, внутри годов — по алфавиту фамилий диссертантов.

Л. И. Юрченко

1971

Арсенин Н. Д. Курская битва и ее освещение в исторической литературе.

Волков Л. В. Проблемы истории позднего феодализма в России в советской исторической науке (1917 г.—середина 30-х годов).

Годунова Л. Н. Военная организация партии «Народная воля» (1880—1884).

Джусульбекова Г. С. Аграрные преобразования в Казахстане в 1917—1930 гг. (на материалах Южного Казахстана).

Королев Г. И. Издание исторических источников во Франции в XIX в. (20-е—60-е гг.).

Королева Н. Г. Совет Министров России в годы первой русской революции.

Максимов К. Н. Органы государственной власти и государственного управления Калмыцкой автономной области и документирование их деятельности (1920—1935 гг.).

Малигилов А. С. Основные направления документоведческих и архивоведческих исследований в СССР (1956—1970 гг.).

Мингалева В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники.

Мордовина С. П. Земский собор 1598 года. Источники. Характер представительства.

Сокова А. Н. История унификации и стандартизации документов в СССР (1917—1920 гг.).

Степанов А. Б. Английская мемуарная литература о роли СССР во второй мировой войне (Мемуары У. Черчилля «Вторая мировая война»).

Филатова Л. Г. История и организация научно-информационной деятельности в СССР в 1917—1936 гг. (На примере ВСНХ, Наркомпроса, отраслевых наркоматов).

1972

Алексенцев А. И. Войска внутренней охраны республики в борьбе за упрочение Советской власти (декабрь 1917 г.—январь 1921 г.).

Васильев В. Д. Информационные особенности патентной документации и их использование в справочно-информационной работе.

Дынин И. А. Теоретическое и экспериментальное исследование качества централизованной классификации по УДК и методы его оптимизации.

Палатова Р. П. Разработка локальной документальной информационной системы на базе тематического реферативного журнала.

Плющев В. А. Победа власти Советов в Южном Зауралье (ноябрь 1917 — июнь 1918 г.).

Рыков Ю. Д. «История о Великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины.

Смирнова В. Б. Вотчинное хозяйство в XVIII — первой четверти XIX в. (По материалам Саровского монастыря).

Смородина З. Н. Государственная деятельность Н. К. Крупской (октябрь 1917—1920 гг.).

Старостин Е. В. Источники о жизни и деятельности П. А. Кропоткина. (Из

* Библиографию авторефератов за 1949—1970 гг. см.: АЕ за 1970 год. М., 1971. с. 332—337.

истории русской общественной мысли конца XIX — начала XX в.).

- Тарган С. К.* Определение области поиска патентной документации на основе исследования ссылочного аппарата описаний изобретений по станкостроению.
- Федотов Н. Н.* Исследование методов кодирования технико-экономической информации.
- Шажиров Т. Ш.* Анализ тенденций развития и применения средств документационной техники в аппарате управления.

1973

- Авербух В. М.* Разработка специализированной документальной ИПС и исследование ее параметров.
- Акимов Г. С.* Главный по снабжению армии комитет (Земгор) 1915—1918 гг. (Организационное устройство и деятельность).
- Богина С. Л.* Материалы процесса «193-х» как источник о революционной деятельности П. И. Войнарынского в первой половине 70-х годов XIX в. (К методике анализа судебно-следственных материалов)
- Голубович Д. И.* Исследование процессов и средств автоматизации документирования информации.
- Ершов Г. Д.* Научная и общественная деятельность академика И. В. Курчатов.
- Крюкова Л. Н.* Экспертиза научно-исторической и практической ценности кинодокументов и комплектование ими государственных архивов.
- Кучеренко М. Е.* Источники по истории планирования и управления промышленностью. (Исследование нормативных документов ВСНХ СССР. 1928—1932 гг.).
- Максимов В. Р.* Исследование задач оптимизации параметров структуры документальной автоматизированной системы информационного обеспечения.
- Надточий А. И.* Исследование и разработка автоматизированной системы документационно-информационного обеспечения в области атомной науки и техники.
- Олейник К. Е.* Документы съездов и пленумов ЦК Компартии Молдавии как источник изучения истории республики (1941—1951 гг.).
- Панфилова А. К.* Народный комиссариат земледелия РСФСР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.).
- Петров Г. Д.* Политическая и научно-публицистическая деятельность А. М. Коллонтай в годы первой мировой войны и подготовки Великого Октября (август 1914—октябрь 1917 г.).
- Распоркин Ф. П.* Роль народного контроля в обеспечении рационального использования земельного фонда страны (1965—1972 гг.).
- Севастьянов Ю. И.* История гражданского и оборонительного строительства в Москве и Московской области в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).

- Батраков А. Ф.* Критика буржуазной фальсификации истории социалистической индустриализации СССР.
- Веселая Г. А.* Массовые общественные выступления московского студенчества в конце XIX — начале XX вв. (1896—1904 гг.).
- Григорченко А. И.* Критика Ф. Энгельсом и В. И. Лениным муниципального социализма и ее значение для современности.
- Дурновцев В. И.* Проблемы истории дореволюционной России в научно-литературном наследии академика Е. В. Тарле.
- Исаев Г. Н.* Исследование и разработка автоматизированной системы обработки данных по подготовке специалистов в вузах РСФСР.
- Круглов С. Л.* Изучение использования научных документов и пути их совершенствования.
- Курбатова Г. В.* Опыт КПСС в проведении мобилизации на фронт в годы гражданской войны (1918—1920 гг.).
- Межова К. Г.* Источники по архивно-собирательской деятельности В. Д. Бонч-Бруевича (1931—1941 гг.).
- Мовшон Л. М.* Исследование и разработка метода автоматизированного поиска документации для отраслевой системы управления в области сельского хозяйства.
- Морозов В. А.* Исследование процессов всегда документов в автоматизированные информационные системы.
- Нефедова К. Ф.* Документы по истории нефтяной промышленности Среднего Поволжья и комплектование ими государственных архивов.
- Овчинникова Н. В.* Ленинские принципы работы с кадрами аппарата управления и их значение в условиях развитого социализма.
- Правдивая Л. М.* Источники по истории промышленности Прикарпатья (1919—1959 гг.).
- Растегаев В. И.* Исследование и разработка информационно-документационного обеспечения аппарата управления.
- Сайкин О. А.* Революционная деятельность Г. А. Лопатина. 60—80-е гг. XIX в.
- Филимонов С. Б.* Источники по истории исторического краеведения в РСФСР. 1917—1929 гг.

1975

- Акинъшина А. Е.* Критерии и методы комплексной экспертизы ценности документов учреждений сельского хозяйства. (На примере Оренбургской области).
- Васильев М. А.* Проблема унификации текстов управленческих документов, применяемых в делопроизводстве советских учреждений (История и современное состояние).
- Веселина М. С.* Комплектование фонда Владимира Ильича Ленина из личных архивов его современников. 1923—1973 гг.
- Гайшин И. А.* Тюменская партийная организация во главе социалистического

- соревнования нефтяников в годы восьмой пятилетки.
- Гербер В. К.** Исследование и разработка векторного метода документирования алфавитно-цифровой и графической документации.
- Гурьев И. А.** Горнозаводской Урал XVIII в. в русской дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографии.
- Додонова М. И.** Проблема делопроизводства в советской литературе 20-х годов.
- Киор В. Б.** Деятельность московских большевиков по интернациональному воспитанию и сплочению трудящихся масс в период Великой Октябрьской социалистической революции.
- Магнарадзе В. Ш.** Советская историография истории Грузии в период Великой Отечественной войны. (1941—1945 гг.).
- Мокроусова М. Б.** Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева.
- Мишеллидзе А. И.** Исследование и разработка методов анализа и унификации учебной документации по научно-технической информации.
- Плахова Р. Е.** Источники по истории Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов (май 1917 г.).
- Прохоров М. Ф.** Помещичьи крестьяне Московской губернии в третьей четверти XVIII века.
- Самгин Ю. С.** Система исследований патентной документации в процессе создания новой техники.
- Солдаткин Ю. И.** Исследование вопросов комплексной механизации и автоматизации обработки документной информации.
- Соловьев О. Е.** Источниковедческий анализ газет Советской России. (На примере центральных и местных органов Советской власти). (Октябрь 1917—1920 гг.).
- Тамж И. Е.** Становление советского государственного делопроизводства. 1917—1923 гг.
- Усанов В. И.** Дореволюционная историография истории горнозаводских рабочих пореформенного Урала (1861—1895 гг.).
- Щенснович Г. Г.** Разработка основных принципов организации системы документирования в условиях АСУ.
- 1976**
- Брагина Л. И.** Экспертиза ценности документов организаций потребительской кооперации областного, районного и сельского звена. (На примере Орловской области).
- Волкова Р. В.** Деятельность московской партийной организации по становлению и развитию станкоинструментальной промышленности в годы первых пятилеток (1928—1937 гг.).
- Гальцов В. И.** Архив Посольского приказа в XVII веке. (Опыт изучения описей Посольского архива).
- Кеменова А. Я.** Помощь СССР народам Польши, Чехословакии и Австрии в период освобождения их от фашистского ига (1944—1945 гг.).
- Корнев В. В.** Борьба В. И. Ленина и большевиков против стратегии и тактики кадетской партии в период Государственной Думы I и II созыва (1906—1907 гг.).
- Костомаров М. Н.** Деятельность Московской Рабоче-Крестьянской Инспекции по совершенствованию аппарата управления и делопроизводства (1920—1929 гг.).
- Кремер Б. И.** Вопросы организации документооборота в советском делопроизводстве. (История, современное состояние, перспективы дальнейших исследований). По материалам разработки Единой государственной системы делопроизводства).
- Мамагова Е. П.** Писцовые книги как источник по истории феодального землевладения Рузского уезда в XVI—20-х гг. XVII веков.
- Маслакова Ф. А.** Воспоминания как источник по истории компартии Туркменистана: (Собирание, публикация, использование).
- Моисеева Г. В.** Деятельность партийных организаций по ускорению научно-технического прогресса в станкоинструментальной промышленности в годы восьмой пятилетки.
- Музылева Л. В.** Борьба московской организации РСДРП(б) за большевизацию Совета солдатских депутатов (март—ноябрь 1917 г.).
- Полегаев О. А.** Создание добровольческих и регулярных формирований Красной Армии в Москве и Московской губернии (январь 1918—февраль 1919 г.).
- Просвирицын В. М.** Документальные источники по истории планирования и развития промышленности Урала в годы первой пятилетки: (Анализ и методы публикации).
- Седова О. Л.** Исследование технологии хранения и разработка методов контроля фонодокументов в государственных архивах, (Фонодокументы на магнитной ленте).
- Селиванова Г. И.** Классовая борьба уральского пролетариата в период империализма в советской историографии (20-е—середина 50-х гг.).
- Семчук И. М.** Регулирование роста и социального состава московской партийной организации в восстановительный период (1921—1925 гг.).
- Смольников А. С.** Большевизация XII армии Северного фронта (1917 г.).
- Чижевский А. В.** Разработка методических основ построения систем обеспечения патентной документации.
- 1977**
- Алеврас Н. Н.** Источники по истории аграрных отношений на казенных горных заводах Урала в пореформенный период (1861—1890-е годы).
- Банасюкевич В. Д.** Управленческая документация как исторический источник. (На материалах Министерства угольной промышленности СССР за 1971—1975 гг.).
- Ефименко Р. Н.** Проблема преемственности учетно-справочного аппарата учреждений и научно-справочного апа-

- рата ведомственных архивов на современном этапе.
- Камынин В. Д.* Исторические источники о росте производственной активности рабочего класса в металлопромышленности Урала в первые годы социалистической индустриализации (1926—1929 гг.).
- Ларин М. В.* Ведомственные органы рационализации и их деятельность по совершенствованию государственного аппарата и делопроизводства (1923—1932 гг.).
- Мусатова Т. Н.* Экспертиза ценности научно-технической документации (На примере комплекса документации по машиностроению).
- Подольская И. А.* История развития методических основ рационализации делопроизводства в СССР.
- Романова Т. Д.* Деятельность организации общества «Знание» РСФСР по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи в современных условиях (1966—1976 гг.).
- Стрекопылов С. П.* Организация научно-технической деятельности Высшего совета народного хозяйства в 1918—1925 гг. (Из истории связи науки с производством в первые годы Советской власти).
- Терентьев В. П.* Документы партийных, советских и профсоюзных организаций Иваново-Вознесенской губернии как исторический источник о массово-политической работе среди текстильщиков в годы гражданской войны (1918—1920).
- Ходаковский Н. И.* Источниковедческая эвристика. (Проблемы поиска письменных исторических источников).
- Хунг Ч. В.* Справочники по фондам государственных архивов СССР. (История, методика, опыт составления и издания путеводителей и кратких справочников).
- Шибанов О. И.* Деятельность КПСС по экономическому сближению наций, народностей СССР в годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.).
- 1978
- Аругюнов К. А.* Научно-познавательное значение кинофотофонодокументов истории Великой Отечественной войны.
- Архипова Н. И.* Документационное обеспечение управления вычислительными центрами (История, современное состояние и перспективы развития).
- Белозуров М. Г.* Источники об организации и составе сельских Советов РСФСР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.).
- Владыкина В. А.* Мемуары деятелей театра как источник по истории становления советской художественной интеллигенции (1917—1927 гг.).
- Гриценко Е. А.* Деятельность Коммунистической партии по воспитанию у рабочих социалистической дисциплины труда в первый год пролетарской диктатуры. (По материалам столичных промышленных районов).
- Зубов Ю. П.* Советы Коми-Пермяцкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).
- Исаджанян Ж. Г.* Совершенствование документирования функций управления аппарата промышленного министерства.
- Киприянова М. А.* Рабочее движение в Пермской губернии в годы нового революционного подъема 1910—1914 годов. (Источники и методы отбора их для печати).
- Каширина Т. В.* Источники по истории народного образования в Таджикистане (1924—1932 гг.).
- Коннова Н. Н.* Экспертиза ценности документов местных органов государственного управления. (На примере документов исполкомов Советов народных депутатов г. Москвы и Московской области).
- Королев В. М.* Идеино-политическое воспитание молодой творческой интеллигенции в первые послевоенные годы (1946—1950).
- Красавин А. С.* Документирование трудовой деятельности работников органов государственного управления: (История и современное состояние).
- Кущегеров Р. М.* Партийное руководство деятельностью специалистов в развитии колхозно-совхозного производства (1966—1970 гг.). (На материалах Ставропольского края).
- Малофеев В. В.* Партийные организации Южного Урала в борьбе за выполнение решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. (На материалах Курганской, Оренбургской и Челябинской областей).
- Матвеев Н. П.* Трудовой подвиг автомобильистов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).
- Петров Ю. А.* Документационное обеспечение управления в полевых условиях.
- Райхцаум А. Л.* Совершенствование аппарата управления и делопроизводства в СССР органами вневедомственной рационализации (1924—1931 гг.).
- Смеляков М. А.* История организации и совершенствования отраслевой системы контроля за исполнением документов. (На примере союзно-республиканского Министерства промышленности строительных материалов СССР. 1939—1978 гг.).
- Сушко В. Т.* Студенческое движение в Петербурге в период назревания революционного кризиса в России на рубеже XIX—XX веков (1899—1904 гг.).
- Тихонов И. А.* Культура Северной Осетии в условиях развитого социализма (1959—1965 гг.).
- Чеснокова К. Н.* Трудовые коллективы лесной промышленности в борьбе за выполнение планов девятой пятилетки (На материалах предприятий Европейского Севера СССР).
- Шишкова Г. А.* Совершенствование системы документационного обеспечения в аппарате государственного управления. (На примере отрасли).

Ананьева Т. Н. Исследование и разработка информационного обеспечения документально-фактографической системы организационно-распорядительной документации отрасли.

Багинский И. М. Деятельность В. В. Куйбышева по совершенствованию аппарата и делопроизводства Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР.

Бойко Н. В. Всеобщая трудовая повинность и ее осуществление в первые годы Советской власти. 1917—1921 гг.

Голубцова Р. И. Развитие советской археологии на Урале (1917 — середина 1930-х гг.).

Гринберг Ю. Г. Проблемы создания отраслевой нормативно-методической базы документационного обеспечения деятельности аппарата управления.

Демина Т. А. Государственные крестьяне Исетской провинции в 30—80-х гг. XVIII в. (К истории развития производительных сил и производственных отношений в позднефеодальную эпоху).

Колесник И. И. Poleмика вокруг «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в русской дореволюционной историографии.

Корников А. А. Критика фальсификации истории Великой Октябрьской социалистической революции в мемуарах лидеров меньшевиков.

Могилачева М. П. Проблемы истории России в демократических журналах второй половины XIX века (1869—1884).

Осокина Н. М. Исследование процессов автоматизации поиска документальной информации в ведомственных архивах.

Плазугина В. Т. Руководство Коммунистической партии органами внутренних дел Казахстана в годы реконструкции народного хозяйства (1926—1932 гг.).

Попеску Т. А. Источники по истории складывания книжного рукописного собрания Троице-Сергиева монастыря в XIV—XVII вв.: (Описи, вкладные и переписные книги).

Радченко В. В. Деятельность Коммунистической партии по охране здоровья подрастающего поколения (1917—1925 гг.).

Рогозов В. В. Исследование и совершенствование документооборота в системе управления научными работами в угольной промышленности.

Рубцова Л. А. Историография истории создания комсомола.

Степанов Е. А. Совершенствование документационных процессов в системе управления высшим и средним специальным образованием СССР: (История и современное состояние).

Ткаченко М. А. «Воспоминания» С. Ю. Витте. Вопросы источниковедческого анализа.

Токарев А. Д. Историография деятельности КПСС по формированию и развитию рабочего класса СССР в годы восьмой пятилетки. (На материалах Москвы, Московской и Ленинградской областей).

Чекунова А. Е. Вотчинное хозяйство и крестьяне в конце XVII — первой чет-

верти XVIII в. (По материалам Донского монастыря).

Шерстянников Н. А. Идеино-политический и организационный крах меньшевиков в Восточной Сибири (март 1917 — март 1920 г.).

1980

Балк А. Л. Деятельность газеты «Правда» по воспитанию высоких морально-политических и боевых качеств советских воинов в период коренного перелома в Великой Отечественной войне.

Вонсавичюс Б. К. Документы колхозов и местных советских учреждений как источник по истории колхозного строительства в Литовской ССР (1948—1958 гг.).

Голотик С. М. Городские Советы Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). На материалах Свердловской и Челябинской областей.

Горячева Т. М. Документы Радиокomiteта периода Великой Отечественной войны как исторический источник.

Даскалова А. К. Классификация и методика изучения источников в СССР и ее практическое значение для источниковедения НРБ (1965—1980 гг.).

Жебраков Н. М. Руководство Московского городского комитета партии деятельностью вузовских партийных организаций по повышению творческой активности студентов (1966—1970 гг.).

Жукова М. П. Научные основы экспертизы ценности документов издательской деятельности системы учреждений Госкомиздата СССР.

Зинов С. М. Развитие микрофильмирования документов Государственного архивного фонда Союза ССР (1956—1975 гг.).

Кирклис Э. А. Исследование и разработка машиночитаемых документов.

Кузнецов А. А. Сибирские депутаты в Государственной думе (1906—1914 гг.).

Купча Э. А. Деятельность Коммунистической партии СССР по развитию и укреплению топливной промышленности в годы первых пятилеток.

Лебедева Э. Н. Высшая школа РСФСР периода ее революционных преобразований 1917—1920 гг. в советской историографии.

Неуен Ван Тхам. Экспертиза ценности архивных документов в советской историографии 1960-х — 1970-х годов.

Осичкина Г. А. Партийное руководство идейно-воспитательной работой комсомола в период восстановления и развития народного хозяйства СССР (1946—1950 гг.). (На примере Московской городской партийной организации).

Пашкова Л. А. Партийное руководство Советами в условиях развитого социализма. (На материалах нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 1964—1970 гг.).

Смирнов Ю. Д. Фальсификация истории последнего похода Антанты в англо-американской буржуазной историографии.

Тужилкина Н. Е. Местные документы по истории аграрных преобразований Великой Октябрьской революции по Цен-

трально-Промышленному району России (ноябрь 1917 — июль 1918 гг.).
Тюльпанов С. И. Основные направления создания отраслевой системы документирования и документационного обеспечения управления высшей школой СССР.
Ходак А. А. 2-я Особая армия республики (ноябрь 1919 — январь 1921 г.). Анализ источников о трудовой и боевой деятельности армии, приемы и методы их публикации.
Чулков Е. А. Борьба Волгоградской областной партийной организации за технический прогресс в промышленности в годы восьмой пятилетки.
Чунигин В. И. Партийное руководство

подготовкой и воспитанием кадров сельского хозяйства северных областей Казахстана в годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.).
Чучмай Г. Т. Краснодар. 1793—1917 гг.
Шаталов Д. Н. Воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции на Урале как исторический источник.
Шолович З. Б. Деятельность советских военных комендатур на территории Восточной Германии в 1945—1949 гг.
Шумейко М. Ф. Истории выявления и собрания документов революционного движения в России второй половины XIX — начала XX в. По материалам архива В. Я. Богучарского.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А. А. ЗИМИНА *

1941

Война России с Турцией в 1806—1812 гг.— В кн.: Третья научная студенческая конференция МГУ 18—23 апреля 1941 г. М.: Изд-во МГУ, с. 39—40.

1946

О периодизации истории Русского государства.— ВИ, № 8/9, с. 148—150.

1947

К истории восстания Болотникова.— ИЗ, т. 24, с. 353—385.

1948

Княжеские духовные грамоты начала XVI в.— ИЗ, т. 27, с. 266—290.
Ред. (совм. с М. Н. Тихомировым): Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 170 с.; Сост. указателей.— Там же, с. 80—107, 163—170; Введение к публ. долговой книги.— Там же, с. 117—121; Подготовка текста долговой книги.— Там же, с. 122—162.

1949

Обсуждение вопросов периодизации истории СССР в Институте истории АН СССР.— ВИ, № 4, с. 149—152.
Рец. на кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.— СК, № 11, с. 67—71.
Рец. на кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, 228 с.— ВИ, № 7, с. 140—143.

* Составитель А. Л. Хорошкевич. В списке не указана работа в качестве члена редколлегии ВИРА (сб. 5—9, 11, 12, 1958—1961, 1963, 1964), ИЗ (т. 71—102, 1962—1978), а также сборников статей: «Источниковедение отечественной истории» (сб. 1, 2. М., 1973, 1976), «Историкографический сборник» (вып. 1/4—4/7. Саратов, 1973—1978), «Актовое источниковедение» (М., 1979), публикации «Акты Русского государства. 1505—1526» (М., 1975). Список включает работы, вышедшие до мая 1981 г.

Рец. на кн.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 470 с.— ВИ, № 9, с. 119—122 (совм. с В. Т. Пащуто).

1950

К. В. Базилевич (Некролог).— ВИ, № 3, с. 156—157 (без подписи).
 Краткие летописцы XV—XVI вв.— ИА, кн. V. М.; Л., с. 3—39.
 Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода.— ВИ, № 3, с. 69—76.
Подгот. к печати: Троицкий список Новгородской первой летописи.— В кн.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 511—561; археогр. введение.— Там же, с. 510—561 (совм. с А. Н. Насоновым).
Подгот. к печати: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 455; Предисл.— Там же, с. 3—19; Археогр. введение.— Там же, с. 20—49.
Рец. на кн.: ИА, кн. IV. М.; Л., 1949.— ВИ, № 2, с. 124—126.
Рец. на кн.: Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950. 593 с.— ВИ, № 12, с. 144—147.
Рец. на кн.: Юшков С. В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М.: Юриздат, 1950. 380 с.— СК, № 8, с. 73—75.
Рец.: За дальнейший расцвет советского славяноведения (Ученые записки Ин-та славяноведения, 1949, т. 1).— Славяне, № 8, с. 73—76.
 Die Fahrt des Afanassi Nikitin über drei Meere von 1466—1473.— Sowjetwissenschaft. Gesellschaftliche — wissenschaftliche Abteilung. Berlin, Bd. 18, N 3, S. 145—149.

1951

Архив В. О. Ключевского — ЗОР ГБЛ. М., вып. 12, с. 76—86.
 О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи.— ВИ, № 2, с. 89—91 (совм. с А. Н. Насоновым).

Рец. на кн.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950, 332 с.—СЖ, № 2, с. 85—88.

1952

Народные движения 20-х годов XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси.—ИАН. Сер. ист. и филос., т. 9, № 1, с. 61—65.

Статейные списки уложений 11 января и 17 ноября 1628 г. как источники Соборного уложения 1649 г.—ЗОР ГБЛ. М., вып. 13, с. 164—176.

Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича.—В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, с. 123—131.

Einige Fragen der Periodisierung der Feodalperiode in der Geschichte der UdSSR.—Zur Periodisierung des Feodalismus und Kapitalismus in der geschichtlichen Entwicklung der UdSSR. Diskussions Beiträge.—Sowjetwissenschaft. Gesellschaftliche-wissenschaftliche Abteilung, Berlin, Bd. 20, S. 145—156.

Подгот. к печати (совм. с И. А. Голубцовым и Л. В. Черепниным). Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Изд-во АН СССР, т. 1. 804 с.

Подгот. к печати, введение, переводы, коммент.: Памятники русского права. М.: Госюриздат, вып. 1. Памятники права Киевского государства. 287 с.; От составителя.—Там же, с. XIV—XVI.

Рец.: Неудачное пособие для учителей (Бушчи Л. П. История СССР в средней школе, ч. 1. М. Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1951.—ПИШ, № 1, с. 104—109 (совм. с Н. Цыгановым и В. Королюком).

Рец. на кн.: Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951, 254 с.—ВИ, № 8, с. 88—91.

Рец. на кн.: Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 715 с.—ВИ, № 12, с. 131—134.

Рец. на кн.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2, М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 428 с.—СЖ, № 4, с. 65—68.

Ред. (совм. с С. В. Бахрушиным, А. А. Новосельским, Н. В. Устюговым): История Москвы. М.: Изд-во АН СССР, т. 1. Период феодализма. XII, XVII вв. 778 с. Предисловие.—Там же, с. 3—6 (совм. с ними же); гл. IV. Москва в период укрепления Русского централизованного государства XVI в. § 6. Просвещение, наука, литература.—Там же, с. 243—263 (совм. с С. В. Бахрушиным); гл. V. Москва в годы Крестьянской войны и интервенции. Москва в годы восстания Болотникова.—Там же, с. 303—312 (совм. с С. В. Бахрушиным); [заключение].—Там же, с. 682—684 (совм. с С. В. Бахрушиным, А. А. Новосельским, Н. В. Устюговым).

Ред., подгот. к печати: Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, т. 1. 263 с. (совм. с Н. В. Устюговым).

1953

Документ Разрядного приказа.—ИА. М.: кн. VIII, с. 21—60 (совм. с Р. Г. Королевой).

Народы европейского Севера в IX — первой четверти XIII в.—В кн.: Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М.: Изд-во АН СССР, ч. 1, с. 734—738 (История народа коми; совм. с С. В. Бахрушиным). Народы Севера.—Там же, с. 455—461 (История народа коми; совм. с С. В. Бахрушиным).

О политической доктрине Иосифа Волоцкого.—ТОДРЛ. М.; Л., т. IX, с. 159—177.

Сост., подгот. к печати: Памятники русского права. М.: Госюриздат, вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. 442 с.

Рец. на кн.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М.: Изд-во МГУ, 1952. 544 с.—СЖ, № 3, с. 59—63 (совм. с В. Д. Королюком).

Рец. на кн.: Пашуто В. Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М.: Учпедгиз, 1951. 131 с.—ПИШ, № 2, с. 106—108.

Рец. на кн.: Судебники XV—XVI вв. / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Комментар. А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина. Под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 615 с.—ВИ, № 5, с. 113.

Рец. на кн.: Тихомиров М. Н., Шепкина М. В. Два памятника новгородской письменности.—ТГИМ. М.: Госкультпросветиздат, 1952, вып. VIII. 30 с.—ВИ, № 12, с. 161—162.

Рец.: Учебник по истории средних веков (История средних веков, т. 1. Под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Скакина. [М.]: Госполитиздат, 1952. 748 с.) — Коммунист, № 17, с. 142—121 (совм. с С. Архангельским и Б. Поршневым).

1954

Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права.—СЖ, № 4, с. 116—122.

К истории текста Краткой редакции Русской Правды.—ТМГИАИ. М., т. VII, с. 155—208.

О сложении приказной системы на Руси.—Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР, вып. 9, с. 164—176.

Рец.: Ценный труд по истории Украинской ССР (История Украинской ССР, Киев, т. 1, 1953. 837 с.)—ВИ, № 6, с. 128—132 (совм. с В. Д. Мочаловым и А. А. Новосельским).

Ред.: Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. II. 379 с.

Ред.: Волков А. М. Зодчие. М.: Детгиз, 1954. 374 с.

1955

«Беседа валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства.—ТОДРЛ. М.; Л., т. XI, с. 198—208.

- Введение.— В кн.: Очерки истории СССР / Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV—XVI вв.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. М.: Изд-во АН СССР, с. 5—18 (совм. с А. Н. Насоновым и Л. В. Черепниным); гл. I. Русское централизованное государство в конце XV и первой половине XVI в. 1. Историография.— Там же, с. 19—29; гл. II. Укрепление Русского централизованного многонационального государства. Реформы правительства Ивана Грозного (1547—1584). 1. Историография.— Там же, с. 209—219; Сельское хозяйство. Развитие феодального землевладения и эксплуатации крестьян.— Там же, с. 219—236; Обострение классовой борьбы в середине XVI в. Восстание 1547 г. в Москве.— Там же, с. 278—290; Правительство компромисса и реформы 50-х годов XVI в.— Там же, с. 291—301 (совм. с С. В. Бахрушиным); Внутренняя политика в 60-х — первой половине 80-х годов XVI в. Опричина.— Там же, с. 301—321 (совм. с П. А. Садиковым); Коми.— Там же, с. 640—648 (совм. с С. В. Бахрушиным); Заключение.— Там же, с. 901—903 (совм. с А. Н. Насоновым и Л. В. Черепниным).
- От составителей.— В кн.: Памятники русского права. М.: Госюриздат, вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV—XV вв., с. 41—42 (совм. с А. Г. Поляком, В. Н. Автократовым и С. М. Каштановым). *Подгот. текстов, введение, коммент.*: Памятники церковной юрисдикции.— Там же, с. 417—460; Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание).— Там же, с. 463—491.
- И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI в.— ВИРА, М., т. III, с. 311—324.
- Письмо в редакцию журнала «Государство и право».— СГП, № 1, с. 140—142.
- Предисловие.— В кн.: С. В. Веселовский, В. Снегирев, Н. Коробков. Подмосковье. М.: Моск. рабочий, с. 5—10 (совм. с С. В. Безононовым).
- Предисловие.— В кн.: Очерки по истории Коми АССР. [Сыктывкар]: Коми книжное изд-во, т. 1, с. 3—5 (совм. с К. В. Сивковым и Л. И. Суриной); гл. II. Разложение первобытно-общинного строя и становление феодальных отношений на территории Коми АССР. Коми народ в составе Новгородской феодальной республики. Присоединение Коми края к Русскому государству.— Там же, с. 31—75 (совм. с С. В. Бахрушиным); гл. III. Развитие феодальных отношений в Коми крае. Коми край в составе Русского централизованного государства (конец XV — начало XVII в.).— Там же, с. 75—96.
- Состав русских городов XVI в.— ИЗ, т. 52, с. 336—347.
- Подгот. текста, введение* (совм. с Я. С. Лурье): Послание игумена Иосифа Волоцкого епископу Нифонту Суздальскому (две редакции).— В кн.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 419—433; *подгот. текстов, введение*: Слово о «благопремудростных коварствах».— Там же, с. 498—503; Послание о соблюдении соборного приговора 1504 г.— Там же, с. 503—510; Послания Иосифа Волоцкого Василию III.— Там же, с. 513—520.
- Рец. на кн.*: ТОДРЛ. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1954, т. X. 508 с.— ВИ, № 6, с. 151—154.
- Ред.*: Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, т. III, ч. 1, 2. 375 с., 300 с. (совм. с Н. В. Устюговым, Л. В. Черепниным и В. И. Шунковым).
- Ред.*: Очерки по истории Коми АССР. [Сыктывкар], Коми книжное изд-во, т. 1. 351 с. (совм. с К. В. Сивковым и Л. И. Суриной).
- Ред.*: Очерки истории СССР / Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV—XVI вв.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. М.: Изд-во АН СССР. 959 с. (совм. с А. Н. Насоновым и Л. В. Черепниным).

1956

- Губные грамоты XVI в. из Музейного собрания.— ЗОР ГБЛ, вып. 18, с. 210—229.
- К истории военных реформ 50-х годов XVI в.— ИЗ, т. 55, с. 344—359.
- «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в.— Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР, вып. 10, с. 78—88.
- Матвей Башкин — вольнодумец XVI в.— ВИРА, М., т. IV, с. 230—245.
- О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.— ИА, № 6, с. 133—143.
- О хронологии договорных грамот Велико-Новгорода с князьями XIII—XV вв.— ПИ, М., вып. V, с. 300—327.
- Общественно-политические взгляды Федора Карпова.— ТОДРЛ. М.; Л., т. XII, с. 160—173.
- Памятники русского права. М.: Госюриздат, вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVII вв. От составителей, с. 46—48 (совм. с С. М. Каштановым, А. И. Копаневым и А. Г. Поляком). *Подгот. к печати, введение и коммент.*: Акты феодального землевладения и хозяйства.— Там же, с. 51—97; Акты местного управления.— Там же, с. 176—198, 222—225; Судебник 1550 г.— Там же, с. 233—261, 341—347; Уставные (указные) книги приказов.— Там же, с. 351—406 (совм. с А. Г. Поляком); Сводный судебник.— Там же, с. 477—570; Приложение.— Там же, с. 571—603.
- Развитие феодально-крепостнических отношений во второй половине XVI в.: Укрепление централизованного государства. Народы нашей страны во второй половине XVI в. Россия и народы нашей страны в конце XVI — начале XVII вв. Крестьянская война. Борьба с

интервенцией.— В кн.: История СССР. М., т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма, с. 227—258, 261—272, 273—289.

Подгот. к печати: Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: Изд-во АН СССР, ч. 2. 663 с.

Подгот. к печати, коммент.: Ключевский В. О. Сочинения. М.: Госполитиздат, т. 1. Курс русской истории, ч. 1. 426 с. (совм. с В. А. Александровым).

Подгот. к печати: Сочинения И. Пересветова / Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 386 с.; И. С. Пересветов и его сочинения.— Там же, с. 3—27; Археографический обзор сочинений И. С. Пересветова.— Там же, с. 78—120.

Подгот. к печати: Сочинения И. Пересветова. Текст.— Там же, с. 121—274.

Подгот. текста, введение: Сказание о Петре, воеводе Волосском.— Там же, с. 331—349.

Рец. на кн.: Дмитриева Р. П. «Сказание о князьях Владимирских». М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, 214 с.— ИА, № 3, с. 235—238.

Ред.: Николаева А. Т. Русская палеография. М. 62 с. Ротапринт, МГИАИ.

1957

Акты Земского собора 1612—1613 гг.— ЗОР ГБЛ. М., вып. 19, с. 185—194.

Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века).— ВИ, № 12, с. 135—160 (совм. с А. А. Преображенским).

Иоасафовская летопись. М.: Изд-во АН СССР. Предисловие, с. 3—14; *Подгот. текстов* (совм. с С. А. Левиной): Иоасафовская летопись.— Там же, с. 17—181.

Приложение № 1. Отрывок из списка Оболенского Никоновской летописи.— Там же, с. 182—190. Приложение № 2. Отрывок из летописи по Иоасафовскому списку (ГБЛ, ф. МДА, № 140, л. 2—7 об.).— Там же, с. 191—196. Приложение № 3. Продолжение Ермолинской летописи (ГБЛ, Муз. № 8665)— Там же, с. 197—200.

К изданию сочинений В. О. Ключевского.— История СССР, № 2, с. 266—267.

К изучению источников Степенной книги.— ТОДРЛ, т. XIII, с. 225—230.

Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина.— Там же, с. 437—439.

Подгот. к печати, коммент.: Ключевский В. О. Сочинения. М.: Госполитиздат, т. II, III. Курс русской истории, ч. 2, 3, 467, 425 с. (совм. с В. А. Александровым).

Die Völker des europäischen Nordens vom 9. Jahrhundert bis ins erste Viertel des 13. Jahrhundert.— In: Geschichte der UdSSR. I. Feodalismus 9—13. Jh. Hb. II. B., S. 774—779 (совм. с С. В. Бахрушиным).

Рец. на кн.: М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, 553 с.— Византийский временник, т. 12, с. 270—284 (совм. с Г. Л. Курбатовым).

Рец. на кн.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане / Из истории русской повести

XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956, 223 с.— ИАН, ОЛЖ, т. XVI, вып. 3, с. 267—269.

1958

Дело «еретика» Артемия.— ВИРА, М., т. V, с. 213—232.

Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии.— ТОДРЛ. М.; Л., т. XIV, с. 229—233.

Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в.— ВИ, № 3, с. 97—113.

О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.— ИЗ, т. 63, с. 180—205.

О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.— ПИ. М., вып. VI, с. 275—324.

Пересветов И. С. и его современники. М.: Изд-во АН СССР. 498 с.

Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания.— ЗОР ГБЛ, вып. 20, с. 186—204.

«Приговор» 1555—56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве.— История СССР, № 1, с. 178—182.

Развитие феодально-крепостнических отношений и укрепление централизованного государства в XVI в.— В кн.: Всемирная история. М.: Изд-во АН СССР, т. IV, с. 456—498 (совм. с К. Н. Сербинной).

Состав Боярской думы в XV—XVI в.— АЕ за 1957 год, с. 41—87.

[*Первоначальн. подгот. текстов актов из ОР ГИМ и ОР ГБЛ:*] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, т. II, 727 с.

Подгот. к печати, коммент.: Ключевский В. О. Соч. М.: Госполитиздат, т. IV, V. Курс русской истории, ч. 4, 5, с. 421, 503 (совм. с В. А. Александровым).

Unele probleme ale istoriei războiului țărănesc din Rusia de la începutul secolului.— Probl. istor. București, N 2, p. 125—148.

Рец. на кн.: ТМГИАИ, т. 8. Под ред. В. В. Максакова и К. И. Рудельсон. М. 368 с.— ИА, № 2, с. 223—229.

Музей должен отражать богатое прошлое, пропагандировать новое, передовое (Отклик на статью В. Малышева и Г. Езовских).— Печорская правда, 1958, 14 сентября.

Ред.: Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—первой половины XVII вв. М.: Изд-во АН СССР. 49 с.

Ред.: Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 131 с.

1959

Два отрывка из новгородской писцовой книги конца XV в.— ИА, № 1, с. 154—159.

Из истории поместного землевладения на Руси.— ВИ, № 11, с. 130—142.

Методика издания древнерусских актов. М. 64 с. Ротапринт, МГИАИ.

Памятники русского права. М.: Госюриздат, вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. От составите-

- лей, с. 45—46 (совм. с С. М. Каштановым, А. И. Копаневым и А. Г. Поляком). *Подгот. текста, археогр. комментарий, введение* (совм. с А. Г. Поляком): Уставные книги Разбойного приказа.— Там же, с. 183—239, 315—326; *Подгот. текста, введение, комментарии: Указная книга Земского приказа*.— Там же, с. 327—428.
- Русская публицистика конца XV—XVI в. М. 55 с. Ротапринт, МГИАИ.
- Русские географические справочники XVII в. (Из сборника в Собрании Московской духовной академии).— ЗОР ГБЛ. М., вып. 24, с. 220—231.
- Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI в.— В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 337—343.
- Подгот. текстов, коммент.:* Ключевский В. О. Соч. М., т. VI. Специальные курсы. 516 с. (совм. с Р. А. Киреевой и В. А. Александровым); т. VII. Исследования, рецензии, речи (1866—1890). М. 485 с. (совм. с В. А. Александровым); т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890—1905). М. 490 с. (совм. с В. А. Александровым).
- Подгот. к печати* (совм. с Я. С. Лурье): Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 390 с.; Археографический обзор.— Там же, с. 98—136 (совм. с Я. С. Лурье). Тексты.— Там же, с. 241—286 (совм. с Я. С. Лурье); *Археогр. обзор, подгот. текстов, комментарии* (совм. с Я. С. Лурье); Приложения.— Там же, с. 287—369; Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г.— Там же, с. 370—374.
- Рец. на кн.:* Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. 288 с.— История СССР, № 2, с. 209—214.
- Ред.:* Бахрушин С. В. Научные труды. М., т. 4. 257 с. (совм. с Н. В. Устюговым, Л. В. Черепнинным и В. И. Шунковым).
- Ред.:* Гадзяцкий С. С., Николаева А. Т. Уч. пособие по изучению русской скорописи XV—XVIII вв. (для студентов заочного факультета МГИАИ). М. 401 с.
- 1960**
- Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в.— ИА, № 3, с. 143—150.
- К изучению взглядов И. С. Пересветова.— ТОДРЛ. М.; Л., т. XVI, с. 639—646.
- Новые списки Русской правды.— АЕ за 1958 год. М., с. 323—330.
- Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М.: Соцэкгиз. 511 с.
- Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в. М. 36 с. Ротапринт, МГИАИ. Переизд.: Slavistic Printings and Reprintings, The Hague, N 163, II + 36.
- Din istoricul stăpînirii pămînt de tip «romestie» in Russia veche.— Anal. romîno-sovietice. Ser. istor. Bucureşti, N 2/30, p. 39—55.
- Рец. на кн.:* Методическое пособие по археографии / Под ред. М. С. Селезнева, Е. М. Тальман. М.: Изд. МГИАИ, 1958.
- 302 с.— ИА, № 1, с. 225—229 (совм. с Д. А. Коваленко и В. Е. Полетаевым). *Рец. на кн.:* ПСРЛ, т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.— ВИ, № 9, с. 136—138.
- Рец.:* Ценные публикации (Обзор военно-исторических публикаций в журнале «Исторический архив» за 1955—60 гг.).— ВИЖ, № 8, с. 108—113.
- Ред.:* Задера А. Г., Пронштейн А. П. Практикум по истории СССР / (Пособие для студентов-заочников историч. отделений ун-тов). [Ростов н/Д]: Изд-во РГУ. 254 с.
- Ред.:* Каменцева Е. И. Русская хронология. М. 84 с. Ротапринт, МГИАИ.
- 1961**
- Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в.— В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М.: Изд-во АН СССР, с. 247—251.
- Доктор Николай Булев — публицист и ученый медик.— В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Изд-во АН СССР, с. 78—86.
- Законодательные памятники Русского государства конца XV — начала XVII в. М. 38 с. Стеклограф, МГИАИ.
- К изучению таможенной реформы середины XVI в.— ИА, № 6, с. 129—133.
- От редакции.— В кн.: Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, с. 3—6 (совм. с В. Т. Пашуто).
- Новгород и Волоколамск в XI—XV вв.— Новгородский исторический сборник. Новгород, вып. 10, с. 97—116.
- Преобразование центрального государственного аппарата в годы опричнины.— Научные доклады высшей школы. Ист. науки, № 4, с. 117—133.
- Творческий путь Сергея Владимировича Бахрушина.— Там же, № 2, с. 117—127.
- Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в.— ИЗ, т. 69, с. 178—196.
- Рец.:* Новая хрестоматия по истории народов СССР («Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.» Под ред. М. Н. Тихомирова. Изд-во МГУ, 1960. 735 с.).— ИА, № 4, с. 242—245.
- Ред.:* Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М., Изд-во АН СССР. 578 с. (совм. с В. Т. Пашуто).
- 1962**
- Века и книги.— Неделя, № 38, 16—22 сент., с. 19 [о библиотеке Ивана Грозного].
- Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.).— ВИ, № 12, с. 60—79.
- Земский собор 1566 г.— ИЗ, т. 71, с. 196—235.
- Историческая песня о Кострюке-Мастрюке.— Slavia, гоф. XXXI. seř. 4, с. 555—577.
- Ключевский В. О. Год 1812-й.— Неделя, № 41, 7—13 окт., с. 13.

- Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ. М.; Л., т. XVIII, с. 305—308.
- Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам.— АЕ за 1961 год. М., с. 28—40.
- Митрополит Филипп и опричнина.— ВИРА. М., т. XI, с. 269—292.
- О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в.— ВА, № 1, с. 33—45.
- О смердах Древней Руси XI—начала XII в.— В кн.: Историко-археологический сборник. [М.]: Изд-во МГУ, с. 222—228.
- Предисловие.— В кн.: Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX в. М.: Московский рабочий, с. 5—10.
- Пушкину тридцать пять лет...— Неделя, № 40, 30 сентября—6 октября, с. 15.
- Состав наместников Русского государства в первой половине XVI в.— АЕ за 1960 год. М., с. 27—42.
- «Хозяйственный кризис» 60—70-х годов XVI в. и русское крестьянство.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.: Изд-во АН СССР, т. V, с. 11—20.
- Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. М.: Соцэкгиз, с. 3—10. Предисловие. Подгот. текстов, введения: Устюжская таможенная грамота.— Там же, с. 29—36. Кормленая грамота Василия III Н. И. Арсеньеву на волость Засенье. Около 1515—1516 гг.— Там же, с. 71—72.
- Schlözer und die russische Chronistik.— In: Lomonosov — Schlözer — Pallas! Deutsch-Russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert. В.: Akad.-Verl., 1962, S. 132—137.
- Рец. на кн.: Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. [М.]: Изд-во МГУ, 1960, 264 с.— История СССР, № 4, с. 170—174.
- Рец. на кн.: История Эстонской ССР, т. 1 (с древнейших времен до середины XIX в.) / Под ред. А. Вассара и Г. Наана. Таллин, 1961, 955 с.— ИАН ЭССР, Сер. обществ. наук, № 3, с. 294—301 (совм. с Н. И. Казаковым).
- Рец. на кн.: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.— ВВ, т. XXI, с. 225—230.
- Рец. на кн.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 532 с.— ВИ, № 11, с. 150—153.
- Рец. на кн.: Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XIX вв. Сыктывкар, 1960.— ИАН, ОЛЯ, т. XXI, вып. 1, с. 68—70.
- Рец.: Труд по истории экономической мысли («История русской экономической мысли», т. I, ч. 1—2; т. II, ч. 1. М.: Госполитиздат, 1955—1960).— Коммунист, № 12, с. 118—121 (совм. с Е. Филатовой).
- Ред.: Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. [М.]: Изд-во МГУ. 751 с.
- Древняя Русь в трудах академика М. Н. Тихомирова.— Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., т. XXVI, с. 10—23.
- К изучению восстания Болотникова.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, с. 203—212.
- К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв.— ТМГИАИ. М., т. 17. Вопросы источниковедения истории СССР, с. 399—428.
- К поискам библиотеки московских государей.— РЛ, № 4, с. 124—132.
- Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв.— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов: V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М.: Изд-во АН СССР, с. 91—119.
- Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку.— Крат. сообщ. Ин-та славяноведения. М., вып. 37, с. 66—75.
- Переписка старцев Иосифо-Волоколамского монастыря с Василием III.— В кн.: Лингвистическое источниковедение. М.: Изд-во АН СССР, с. 131—135.
- Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни.— История СССР, № 3, с. 98—110.
- Палеографические описания списков: Правда Русская. М.: Изд-во АН СССР, т. III. Факсимильное воспроизведение текстов (совм. с А. А. Новосельским, Н. А. Баклановой, Л. В. Черепниним, А. Н. Насоновым).
- Пушкину тридцать пять лет...— В кн.: Забытым быть не может. М.: Московский рабочий, с. 50—54.
- Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой.— В кн.: Лингвистическое источниковедение. М.: Изд-во АН СССР, с. 136—139.
- Die Oprichnina Ivan Groznyjs in der historischen Literatur.— Jahrb. Gesch. UdSSR, Berlin, Bd. 7, S. 217—257.
- Рец. на кн.: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII в. Уч. пособие. М.: Соцэкгиз, 1962. 495 с.— ВИ, № 5, с. 113—116.
- Рец. на кн.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962. 387 с.— Советская археология, № 3, с. 272—279.
- Рец. на кн.: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М. 1960. 410 с.— Dtsch. Literaturztg. Kritik intern. Wiss., 1963, Sept., Jg. 84, H. 9, S. 743—745.
- Ред.: АЕ за 1962 год. М. 497 с.
- Ред.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР. 484 с.

1964

История СССР. М.: Мысль. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г.: Первобытно-

- общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма; Развитие феодально-крепостнических отношений во второй половине XVI в. Укрепление Русского централизованного государства. Народы нашей страны во второй половине XVI в., с. 254—280, 283—293; Россия и народы нашей страны в конце XVI — начале XVII в. Крестьянская война. Борьба с интервенцией, с. 293—309.
- К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве.— ТМГИАИ, т. 17, с. 399—428.
- Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв.— АЕ за 1963 год. М., с. 56—71.
- Новое об опричнине.— Наука и жизнь, № 1, с. 60—64.
- О монетной реформе правительства Елены Глинской.— Нумизматика и эпиграфика. М.: Изд-во АН СССР, т. IV, с. 245—250.
- О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма.— В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М.: Наука, с. 18—49.
- Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 535 с.
- Отголоски событий XVI в. в фольклоре.— В кн.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л.: Наука, с. 404—414.
- Письмо в редакцию журнала «История СССР».— История СССР, № 2, с. 242—243 (совм. с В. А. Александровым, В. И. Бугановым, Н. И. Павленко и др.).
- Холопы Древней Руси.— В кн.: Тезисы докладов I симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада. Кишинев: Карта молдовеняеска, с. 22—28.
- Das «Lied von Zorn Groznujs auf seinem Sohn».— Zeitschrift für Slawistik. Berlin, Bd. 9, Hft. 1, S. 45—65.
- Рец. на кн.: Бойко И. Д. Селянство України в другій половині XVI — першій половині XVII ст. Київ: Від. АН УРСР, 1963, 330 с.— УІЖ, № 3, с. 136—138.
- Рец. на кн.: Голобуцкий В. А. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев: Від. АН УРСР.— ВИ, № 2, с. 137—139.
- Рец. на кн.: Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. [М.]: Изд-во МГУ, 1961. 199 с.— История СССР, № 2, с. 184—187.
- Ред.: Пронштейн А. П., Задёра А. Г. Практикум по истории СССР: Уч. пособие для студентов-заочников историч. отделений ун-тов и пед. ин-тов. 2-е изд., доп. [Ростов н/Д]: Изд-во РГУ. 464 с.
- 1965
- Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов.— В кн.: Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., т. 1, с. 124—132.
- Из истории архивного дела в России.— ВА, № 3, с. 96—97.
- В. И. Ленин об истории России XVI в.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной сессии «В. И. Ленин и историческая наука». Киев, с. 75—77.
- Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в.— История СССР, № 5, с. 159—173 (совм. с А. Л. Хорошкевич).
- Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI в.*— ВИ, № 3, с. 38—52.
- Памяти Михаила Николаевича Тихомирова.— ИЗ, т. 78, с. 272—276.
- Феодальная государственность и Русская правда.— ИЗ, т. 76, с. 230—275.
- Хозяйственный год в селе Павловском.— В кн.: Материалы по истории крестьянства и земледелия. М.: Наука, сб. 6, с. 64—83.
- Холопы Древней Руси.— История СССР, № 6, с. 39—75.
- Подгот. текста (совм. с М. Е. Бычковой), ред.: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича.— В кн.: ПСРЛ. М.: Наука, т. 29, с. 9—116; Предисловие.— Там же, с. 3—5.
- Рец.: У истоков русского шахматного искусства (Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1964. 162 с.).— Шахматы в СССР, № 5, с. 24—25.
- 1966
- Две редакции Задонщины.— ТМГИАИ. М., т. 24. Вопросы источниковедения и истории СССР, вып. 2, с. 17—54.
- Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани).— В кн.: Города в феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М.: Наука, с. 231—238.
- Из истории феодального землевладения в Волоцком удельном княжестве.— В кн.: Культура Древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Николая Николаевича Воронина. М.: Наука, с. 71—78.
- История СССР, т. II. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XVII вв. Образование единого Русского государства. М.: Наука, Введение, с. 7—16 (совм. с М. Н. Тихомировым, Л. Г. Бескровным, В. И. Бугановым); Укрепление Российского государства. Народы Поволжья и Приуралья в XVI в., с. 142—182; Опричнина и Ливонская война, с. 183—209 (совм. с В. И. Корещким). Восстание Болотникова, с. 252—268; Культура русского народа в XIII—первой половине XVII в., с. 353—407 (совм. с Л. В. Черепниним, А. Л. Хорошкевич, В. И. Корещким и Ю. А. Тихоновым).
- К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» (опыт исторического анализа).— Исторический сборник. Чебоксары, с. 138—155. (Учен. зап. НИИЯЛИ при СМ Чувашской АССР, вып. 31).
- Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в.— АЕ за 1965 год. М., с. 342—353.
- Изучение истории феодализма в России.— В кн.: Очерки истории историче-

* Статья переведена на япон. яз.: Учен. зап. ун-та Сэнсю. Сер. ист. наук. Токио, 1977, т. 9, с. 71—97.

ской науки в СССР / Под ред. М. В. Нечкиной и др. М.: Наука, т. 4, с. 271—307 (совм. с А. А. Преображенским).
Послесловие.— В кн.: Волков А. М. Зодчие. М.: Детская литература, с. 369—372.
Приписка к Псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве».— РЛ, № 2, с. 60—74.
Розмысл Петров.— ВИЖ, № 1, с. 119.
Устав про холопів — пам'ятка з історії холопства в Київській Русі.— УІЖ, № 7, с. 48—60.

Холопы на Руси XIV—XV вв.— В кн.: Тез. докл. и сообщ. IX (таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1966). Таллин, с. 69—71.

Рец.: Книги о вдохновенном труде историка (Натанов Н. Путешествие в страну летописей. М.: Детская литература, 1965; Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М.: Изд-во МГУ, 1965; Пересветов Р. По следам находок и утрат. 3-е изд. М.: Московский рабочий, 1965).— ПИШ, № 3, с. 101—105.

Рец.: О лукаре капитала (Пе маржина вол. 1 ал «История РСС Молдовенеште»): История Молдавской ССР, т. 1 (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1965. 659 с.— Молдова социалиста, 8 септембрие, № 207 (совм. с А. Ф. Смирновым).

Рец.: Хроніка Быхауца (на кн.: Хроника Быховца. Предисловие, коммент. и перевод Н. Н. Улащика. М.: Наука, 1966. 153 с.)— Польша, Минск, № 9, с. 169—171.

Рец.: История СССР, т. II. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XVII вв. Образование единого Русского государства. М.: Наука. 631 с. (совм. с М. Н. Тихомировым, Л. Г. Бескровным и В. И. Бугановым).

1967

Задонщина. (Опыт реконструкции текста Пространной редакции).— Учен. зап. НИИЯЛИ при СМ Чувашской АССР, вып. 36. История, этнография, социология, с. 216—239.

Когда было написано «Слово»?— ВЛ, № 3, с. 135—152.

Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.— В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л.: Наука, с. 55—71.

Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке.— Вопросы историографии и источниковедения, сб. 2. Казань, с. 3—13 (совм. с В. И. Бугановым). (Учен. зап. КГПИ, вып. 50).

События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., с. 91—103.

Спорные вопросы текстологии «Задонщины».— РЛ, № 1, с. 84—104.

Борьба за подчинение церкви государству. Учреждение патриаршества.— В кн.: Церковь в истории России

(IX в.— 1917 г.): Критические очерки. М.: Наука, с. 110—125 (совм. с В. И. Корецким). Церковная реформа и раскол.— Там же, с. 145—161 (совм. с А. М. Сахаровым и Е. Ф. Грекулом).

Рец. на кн.: История Молдавской ССР, т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев, 1965. 659 с.— ВИ, № 3, с. 163—168 (совм. с А. Ф. Смирновым).
Рец.: Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М.: Наука. 390 с.

1968

Борьба дворянства с монастырским землевладением в конце XVI — начале XVII в.— Из истории Татарии, сб. 3. Казань, с. 109—124. (Учен. зап. КГПИ, вып. 52).

Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве».— История СССР, № 6, с. 43—64.

Федор Карпов, русский гуманист XVI в.— В кн.: Прометей: Историко-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, т. 5, с. 364—370.

Проблемы истории России XVI в. в свете ленинской концепции истории русского феодализма.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М.: Наука, с. 317—329.

Программа по вспомогательным историческим дисциплинам. Раздел VII. Русская дипломатика. М., с. 40—47, 65—66.

«Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор.— В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре: Материалы и исследования. Русский фольклор. М.; Л.: Наука, т. XI, с. 212—224.

Подгот. к печати: Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука. 525 с. (совм. с Р. А. Киреевой); археограф. послесловие, примеч.— Там же, с. 413—484 (совм. с Р. А. Киреевой).

1969

Николай Петрович Долинин.— История СССР, № 2, с. 251—252.

Зарождение земских соборов.— Вопросы историографии и источниковедения, сб. 4. Казань, с. 5—22 (Учен. зап. КГПИ, вып. 71).

«Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина».— АЕ за 1967 год. М., с. 41—58.

Текстология Пространной Задонщины.— Учен. зап. НИИЯЛИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, вып. 47, с. 91—111.

Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, с. 427—449.

Участник взятия Казани в 1552 г. литвин Размысл Петров.— В кн.: Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в. М.: Наука, с. 273—278.

Подгот. публ.: Ключевский В. О. Записки по всеобщей истории: (Из лекций, читанных в Александровском военном училище в 1871/72 и 1872/73 учебных годах).— Новая и новейшая история, № 5, с. 116—121; № 6, с. 92—102.

Ivan il Terribile.— In: I Protagonisti della storia universale. Bologna, vol. VI, p. 29—56.

Реу. на кн.: Smith R. S. F. The Enserfment of the Russian peasantry. Cambridge, 1968, 180 p.— История СССР, № 5, с. 203—205.

1970

Иван Грозный и Сямеон Бекбулатович в 1575 г.— Из истории Татарии, сб. 4. Казань, с. 141—163 (Учен. зап. КГПИ, вып. 80).

Из тектологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины».— ВИД, сб. III. Л.: Наука, с. 233—249.

Источники по истории местничества в XV—первой трети XVI в.— АЕ за 1968 год. М., с. 109—118.

В. И. Ленин о «Московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI века.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М.: Наука, с. 270—293.

Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в.— В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 1. Вологда, с. 432—486 (совм. с. А. И. Копаневым). Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г.— СА, № 5, с. 68—73.

Ред.: Кампанов С. М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука. 499 с.

Ред.: Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед. М.: Наука. 223 с.

1971

Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в.— ИЗ, т. 87, с. 219—286.

К итогам изучения первой крестьянской войны в России.— Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс—Каунас, сентябрь 1971 г.) М., с. 46—49.

Максим Грек и Василий III в 1525 г.— ВВ, т. 32, с. 61—84.

О статье Ю. Лотмана «Об оппозиции честь — слава в светских текстах Киевского периода».— В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, сб. V, с. 464—468.

Смерды в законодательстве Владимира Мономаха.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л.: Наука, с. 56—68.

Состав холопов на Руси XIV—XV в.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, с. 43—52.

Существовал ли «невидимка» XVI века?— Знание — сила, № 8, с. 46—48.

Экран тревог и надежд [о кинофестивале].— Искусство кино, № 12, с. 117—149.

Реу.: Бушук Л. П. Иллюстрированная история СССР XV—XVII вв. М., 445 с.; Предисловие, с. 5—10.

Ред.: Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М.: Наука. 255 с.

1972

Античные мотивы в русской публицистике конца XV в.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М.: Наука, с. 128—138.

История крестьянства России XVI—начала XVII в. в трудах симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л.: Наука, с. 20—28.

Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль. 451 с. Ред.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М.: Наука. 338 с.

1973

Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV—первой трети XVI в.— ВИД. М.; Л.: Наука, сб. V, с. 182—195.

О методике изучения повествовательных источников XVI в.— Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, сб. 1, с. 187—211.

Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV—первой трети XVI века.— История СССР, № 3, с. 124—142.

Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.: Наука. 389 с.

Послесловие.— В кн.: Бадитин К. С. Корсары Ивана Грозного. М.: Детская литература, с. 390—396.

Подгот. публ.: Академик С. Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе.— История и историки: Историографический ежегодник. 1971 г. М.: Наука, с. 351—376.

Подгот. публ.: Из рукописного наследия В. О. Ключевского. (Новые материалы к курсу по русской историографии).— История и историки: Историографический ежегодник. 1972 г. М.: Наука, с. 307—336 (совм. с. Р. А. Киреевой).

1974

За что мы любим «Мосфильм» [об исторических фильмах].— Вечерняя Москва, 13 февраля.

И. И. Болотников и падение Тулы в 1607 г.— В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII в.: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, с. 52—64.

Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства.— Вопросы историографии и источниковедения. Казань, с. 87—103. (Учен. зап. КГПИ, вып. 121).

К итогам изучения Первой Крестьянской войны в России.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г. Вильнюс, с. 80—88.

На заре истории.— В кн.: История Москвы: Краткий очерк. М.: Наука, с. 7—

15; За единство русских земель.— Там же, с. 17—37. Столица единого Русского государства.— Там же, с. 39—59; В зареве феодальных восстаний.— Там же, с. 61—89 (совм. с А. А. Преображенским).

Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.).— В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М.: Наука, с. 240—251.

Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в.— ИЗ, т. 94, с. 271—301.

О методике изучения древнерусского летописания.— ИАН, ОЛЯ, т. 33, № 5, с. 454—464.

Письмо в редакцию о памятнике XVII в. на Кий-острове.— Литературная Россия, 15 августа, с. 19.

Подгот. к печати: Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. [М.]: Изд-во МГУ. 254 с. (совм. с В. А. Александровым и Л. В. Миловым).

Рец.: Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносопного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск: Наука, 230 с.— История СССР, № 6, с. 203—206.

1975

Государственный архив и учреждение опричнины.— В кн.: Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященных 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, с. 296—304.

Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.— В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.: Сб. статей, посвященных памяти Алексея Андреевича Новосельского. М.: Наука, с. 28—56.

Рец.: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М.: Наука. 214 с.

1976

Выпись о втором браке Василия III.— ТОДРЛ. Л.: Наука, т. XXX, с. 132—148.

Из историографии советского источниковедения («Русская правда» в трудах С. В. Юшкова).— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М.: Наука, с. 275—282.

К изучению реформ «Избранной рады».— История СССР, № 4, с. 154—159.

На заре истории.— В кн.: История Москвы. Краткий очерк. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, с. 7—16; За единство русских земель.— Там же, с. 17—38; Столица единого Русского государства.— Там же, с. 39—60; В зареве феодальных восстаний.— Там же, с. 61—90 (совм. с А. А. Преображенским).

Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов.— В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, с. 142—147.

Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы).—

ТОДРЛ. Л.: Наука, т. XXXI, с. 176—201.

Суздальские и ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в.— ВИД. Л.: Наука, сб. VI, с. 56—70.

Рец. на кн.: Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в.— ВИ, № 9, с. 165—168.

1977

Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря.— ЗОР ГБЛ. М.: Книга, вып. 38, с. 15—29.

Крупная феодальная борьба и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М.: Наука, 356 с.

Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в.— В кн.: История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука, с. 161—188.

Послесловие.— В кн.: Бадигин К. С. Кораблекрушение у острова Надежды. М.: Детская литература, с. 406—411.

Рец.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Сост. Хорошкевич М., [вып. 1.] 227 с. Ротап rint. Ин-т истории СССР АН СССР.

1978

Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в.— В кн.: Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию проф. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, с. 77—84.

К изучению русских законодательных памятников конца XVI — начала XVII в.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, с. 220—231.

На заре истории.— В кн.: История Москвы. Краткий очерк. 3-е изд., испр. и доп. М.: Наука, с. 7—15; За единство русских земель.— Там же, с. 17—37; Столица единого Русского государства.— Там же, с. 39—59; В зареве феодальных восстаний.— Там же, с. 61—89 (совм. с А. А. Преображенским).

Присоединение Коми-края к единому Русскому государству. Становление феодальных отношений (совм. с С. В. Бахрушиным).— В кн.: История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, с. 29—38; Коми-край в составе единого Русского государства. Развитие феодальных отношений в конце XV — начале XVII в. (совм. с С. В. Бахрушиным).— Там же, с. 38—51.

Русская культура и общественная мысль в советской историографии.— В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М.: Наука, вып. 2. Дооктябрьский период, с. 153—182 (совм. с А. И. Клибановым, Я. Н. Щаповым и Г. И. Щетининой).

Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов.— ВИ, № 9, с. 92—111.

Подгот. текста, коммент.: Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., с. 631. Ротап rint. Ин-т истории СССР АН СССР.

Ред.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Сост. Хорошкевич. М., вып. 2, 218 с. Ротапринт, Ин-т истории СССР АН СССР.

1979

Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. — ИЗ, т. 103, с. 195—244.

О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. — В кн.: *Актовое источниковедение*. М.: Наука, с. 164—178.

Подгот. к печати: Первое послание Курбского Ивану Грозному. Первая редакция. — В кн.: *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. Л.: Наука, с. 7—9, 352—356.

1980

На заре истории. — В кн.: *История Москвы: Краткий очерк*. 4-е изд., испр. и доп./ Отв. ред. С. С. Хромов. М.: Наука, с. 9—17; *За единство русских земель*. — Там же, с. 19—39; *Столица единого Русского государства*. — Там же, с. 41—61; *В зареве антифеодальных восстаний*. — Там же, с. 63—69.

О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. — *История СССР*, № 1, с. 117—131 (совм. с В. И. Бугановым).

Выбор, подгот. [текста], ред.: *Задонщина*. Древнерусская песня. Повесть о Куликовской битве. Тула: Приокское кн. изд-во, 125 с. Введение. — Там же, с. 5—17; *Примеч. к тексту*. — Там же, с. 86—94; *Коммент.* — Там же, с. 95—122.

Ред.: Хорошкевич А. Л. *Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI вв.* М.: Наука, 292 с.

1981

Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений. — *ВИД*. Л., 1981, т. XII, с. 28—47.

Ред.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., вып. 3, 190 с. Ротапринт, Ин-т истории СССР АН СССР.

Статьи в энциклопедиях

БСЭ, 2-е изд., 1950—1956, т. 2, 5, 8, 11, 14—18, 23, 28, 29, 31, 32, 35, 41, 44: *Акты Южной и Западной России*; Богомолов; Бодянский; Бож; Болотников; Борис Годунов; Брючеслав; Буджанские татары; Букеевская орда; Бубков П. Г.; Бутурлин В. В.; Василий Шуйский; Верстание; Веселовский С. Б.; Владимир Святославич; Власев; Воевода; Годунов С. Н.; Годунов Ф. Б. *Дипломатика (в России)*; Дополнения к Актам историческим; Заключенчество; Заруцкий, Земские соборы; Земщина; «Иное сказание», Иосиф Волоцкий; Кормление; Монголо-татарское иго; Московские летописи; Нестор; Опричнина; Пересветов; Разбойный приказ; Сильвестр; Смерды; Сто Иванское; Стоглав; Стоглавый собор; Страдники; Судебник 1497 г.; Судебник 1550 г.; Судебник 1589 г.; Сурожане; Таможенные книги, Устав Владимира Мономаха.

СИЭ, 1969—1974, т. 12, 15; *Русская правда*; *Холопы*.

Энциклопедический словарь/ Гл. ред. Б. А. Введенский, 1954—1955, т. 2, 3; *Патриаршество*; *Польско-шведская интервенция*; *Престол*; *Скиит*; *Скопин-Шуйский*.

Юридический словарь. М., 1956, т. 2: *Смерды*.

Подготовлены к печати (машинпись)

Витязь на распутье (1425—1462). Кн. 1. Исследование. Машинопись. 360 с. Кн. 2. Справочник (Источники. Города. Люди. Соседи. Этюды). 760 с.

Возрожденная Россия (1480—1505). 500 с. *Зарубежная библиография по истории России*. IX — начало XVII в. (1917—1970). 400 с.

Правда Русская. 600 с.

Путь к власти (1573—1598). 500 с.

Россия времени Ивана Грозного. 250 с. (совм. с А. Л. Хорошкевич).

Слово о полку Игореве. ч. 1, 2. 550 с.; 650 с.

Формирование состава Боярской думы. Вторая половина XV — первая треть XVI в. 700 с.

[*О нем*]:

Александр Александрович Зимин. — *ВИ*, 1980, № 4, с. 189.

Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин — ученый и педагог. — *История СССР*, 1980, № 6, с. 152—157.

Кобрич В. Б. Александр Александрович Зимин — ученый и человек. — *ИЗ*, М., 1980, т. 105, с. 294—309.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ДОКУМЕНТЫ О ВОССТАНИИ 1614—1615 ГГ.

Восстанию 1614—1615 гг.¹ принадлежит важное место в истории гражданской войны в России начала XVII в.²

Прежде чем перейти к разбору следственной документации, относящейся к восстанию, упомянем о некоторых обстоятельствах, которые сопутствовали ее возникновению.

Первая группа казаков во главе с атаманами Михаилом Баловневым и Родионом Корташевым была арестована в середине дня 23 июля 1615 г., когда предводителей казачьего войска вызвали в Москву якобы для получения жалованья. По официальной версии правительства, «лучшие люди» были взяты у казаков «для сыска» (док. № 5)³, и не исключено, что этот сыск проводил Разрядный приказ. 24 июля 1615 г. 18 колодникам, «что сидели в Розряде за приставы, атаманом Баловню с товарищи» были выданы кормовые деньги на два дня⁴. Днем раньше в той же приходно-расходной книге Разрядного приказа была сделана запись об изъятии у других 18 атаманов и казаков (М. Баловнева и Р. Корташева среди них не было) 240 руб. 17 алтын⁵. Отметим, что именно в Разрядном приказе проводились допросы и участников восстания Болотникова⁶.

В сражении правительственных войск с казаками, которое произошло под Даниловым монастырем почти одновременно с арестом М. Баловнева, многие казаки попали в плен и прямо с поля боя были отправлены в Разрядный, Стрелецкий и Казачий приказы, где записывались расспросные речи пленных и показания задержавших их ратных людей. В Разрядном приказе в этих целях была заведена особая «Записная тетрадь» (док. № 3). В день сражения и в ближайшие дни после сражения в те же приказы отвели еще некоторых казаков, пытавшихся укрыться в Москве или окрестных лесах. Из приказов казаков отправляли в тюрьмы (док. № 1, 2 и др.). Более 30 человек были задержаны в июле — августе 1615 г. в городах вокруг Москвы — в соответствии с правительственными распоряжениями, местные воеводы и дьяки допрашивали и пытали пленных, а затем сообщали их имена и полученные от них сведения в Разрядный приказ.

Материалы следствия над атаманом Баловнем и другими казаками, арестованными вместе с ним, не сохранились, за исключением единственного документа — росписи 39 атаманов, есаулов и казаков, разосланных из Москвы в тюрьмы других городов 23 сентября 1615 г. (док. № 17). Эта роспись находится в настоящее время среди так называемых «безгласных» столбцов Разрядного приказа, но относится она, несомненно, к делопроизводству Приказного стола Разряда, который ведал, в частно-

¹ См. о нем: *Фигаровский В. А.* Крестьянское восстание 1614—1615 гг. — Изд. М., 1963, т. 73, с. 194—218; *Станиславский А. Л.* Восстание 1614—1615 гг. — ВИ, 1978, № 5, с. 111—126.

² *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1975, с. 50.

³ В скобках приводятся номера документов настоящей публикации.

⁴ РИБ. М., 1912, т. 28, стб. 356.

⁵ Там же, стб. 290.

⁶ *Зимин А. А., Королева Р. Г.* Документ Разрядного приказа. — ИА. М., 1953, т. 8, с. 30, 31 и др.

сти, содержанием колодников и ссыльных⁷. Роспись подтверждает свидетельство Нового летописца о том, что после казни Баловня «с товарищи» другие «старшины» были разосланы по тюрьмам⁸.

Хотя подлинные расспросные речи рядовых казаков в московских приказах также не сохранились, они отразились в «делах» об освобождении «тюремных сидельцев», находящихся в одном из столбцов Приказного стола Разрядного приказа⁹. Инициативными документами в таких «делах» являются челобитные об освобождении из тюрьмы, написанные от имени заключенных, их родственников, бывших владельцев или феодалов, которые просят выдать им казаков в холопы. Как правило, в связи с такой челобитной делалась выписка из подлинных расспросных речей казака в день ареста. Если расспросные речи не содержали дополнительного обвинительного материала (помимо принадлежности к мятежным казакам), а только такие дела и собраны в столбце, то по приговору Боярской думы думный дьяк Разрядного приказа С. Васильев делал на челобитной и на выписке помету об освобождении заключенного из тюрьмы на поруки. Поручная запись составляет обычно последний документ в деле. Иногда в «делах» встречаются и другие документы, связанные с дополнительной проверкой показаний казаков (сказка, обыск и т. д.). Такая проверка не обязательно требовала оформления специальным документом, но могла отразиться в помете дьяка (док. № 10). Наконец, в том же столбце имеются и иного рода документы о пленных казаках: переписка Разрядного приказа с городовыми воеводами и властями Троице-Сергиева монастыря (грамоты и отписки), роспись заключенных в тюрьмы по городам и др. Практика массового освобождения рядовых участников народных движений на поруки и порядок оформления связанной с этим документации сложились, вероятно, в ходе гражданской войны. Только использованием более ранних образцов можно объяснить, например, запрещение отъезжать в «воровские города» в поручной записи по И. Ф. Кошелеву (док. № 18), принимая во внимание, что в 1615 г. вся территория государства, за исключением областей, захваченных Швецией и Речью Посполитой, контролировалась правительством М. Романова.

Хотя в соответствии с традициями делопроизводства XVII в. выписки из расспросных речей казаков делались, скорее всего, дословно, мы находим в них только сведения о социальном происхождении пленных, их службе и обстоятельствах ареста, но не о действиях или планах всего казачьего войска и его предводителей. Что особенно любопытно, в них ни разу не упоминается о пытках казаков. Быть может, такие данные, не имевшие прямого отношения к самому заключенному, в «выписки» не попадали. Но вероятнее другое. Арестовав М. Баловня и несколько десятков других предводителей войска, правительство не имело нужды выяснять намерения казаков у рядовых участников движения. Следует помнить также, что большинство казаков было арестовано в день сражения, и их допросы, происходившие также 23 июля, приказные судьи должны были вести в ускоренном темпе.

В других городах воеводы и дьяки отнеслись со всей серьезностью к требованию правительства пытать и расспрашивать пленных казаков. Не случайно именно в воеводских отписках (док. № 5, 6, 7, 8) сохранились уникальные сведения о руководителях, приговорах и планах казачьего войска. Отписки — наиболее ценный источник и для изучения социального состава казачества, так как почти все они точно сообщают, кем были пленные до вступления в казачьи отряды.

Сопоставление документов различных видов позволяет сделать некоторые наблюдения и об их достоверности. Отметим прежде всего, что казаки, как правило, верно указывали (если указывали) свое происхождение

⁷ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1908, кн. 15, с. 1.

⁸ ПСРЛ. М., 1965, т. 14, с. 136.

⁹ ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Приказного стола, № 2, л. 1—504.

ние — в противном случае им было бы трудно получить «крепкую поруку». Иногда можно проверить их показания не только по документам, собранным в этом столбце. Дмитрий Прокофьев, например, назвавшийся смоленским стрелцом и мастером портного и сапожного дела (док. № 11), значится среди стрельцов в крестоприводной книге Смоленска 1598 г. с профессией сапожника¹⁰.

Для многих челобитных (особенно написанных родственниками казаков) характерно стремление доказать неправомерность заключенного к мятежным казакам или вынужденность его пребывания в отряде (казаки взяли его силой, отбили у «литвы», а затем держали силой и т. д.). В этом отношении характерна челобитная стариц Московского Рождественского монастыря Евдокии и Понареи об освобождении их брата С. Петрова, которого арестовали в Москве «за казака место», хотя «в воровских казаках он не бывал» (док. № 27). Между тем из расспросных речей С. Петрова выясняется, что он стал казаком еще во время похода к Москве Лжедмитрия II и что в 1615 г. он пришел к Москве вместе с другими казаками (док. № 28). Вместе с тем у нас нет оснований сомневаться в достоверности всех без исключения утверждений о невольном пребывании у казаков, в частности служилого иноземца И. Шолковского, захваченного, по его словам, казаками в своем белозерском поместье (док. № 1).

Рассказывая другие подробности из жизни, казаки, естественно, умалчивали о деяниях, преступных с точки зрения правительства, в частности о службе у Лжедмитрия II (а тем более на стороне Болотникова) и, напротив, подчеркивали свое участие в борьбе с польскими и шведскими интервентами в 1611—1614 гг. Иногда они, по-видимому, приписывали себе «лишние» службы. А. Иванов, например, писал в челобитной, что «сидел» в Андомском остроге вместе с воеводой Б. Чулковым (док. № 31). Однако в составленном Б. Чулковым списке «вольных казаков», защищавших острог от запорожцев в ноябре 1613 г., он не упоминается¹¹. В отличие от воеводских отписок челобитные (и выписки из расспросных речей) не всегда позволяют судить и о социальном происхождении казаков.

Но, несмотря на некоторые ограничения, описанные документы содержат значительный материал как по истории восстания 1614—1615 гг., так и по истории более ранних событий гражданской войны начала XVII в. Особый интерес они представляют для изучения социального состава «вольного» казачества.

Публикуемые документы расположены в хронологическом порядке. Два дела (док. № 13 и 18) публикуются полностью. Из других извлечены отдельные документы. Утраченные и легко восстанавливаемые части текста заключены в квадратные скобки. Документы публикуются по «Правилам издания исторических документов» 1969 г. Текстуальные подстрочные примечания обозначены буквами, примечания по содержанию документов отмечены арабскими цифрами и помещены после публикации.

А. Л. Станиславский

№ 1. Не ранее 1615 г. июля 23.— Челобитная иноземца И. Шолковского об освобождении из тюрьмы

Царю государю и великому князю Михаилу Федоров[и]чю всеа Руси *л. 313*
бьет челом твой иноземец Ивашка Шолковской старых иноземцов.

Служил яс, холоп твой, твои царские службы [с] своею братьею с иноземцы с Москвы в роте Федора Старовского. И было, государь, за мною твое царская жалованья, поместейца на Белоозере¹. И как, государь, пришли на Бело-озеро козаки, и меня, холопа твоего, казаки взяли в твоей царской жалованье, в моем поместейце, и меня, холопа твое-

¹⁰ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Крестоприводная книга Смоленска 1598 г.— В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 159.

¹¹ Акты Московского государства, изданные имп. Академиею наук. СПб., 1890, т. 1, с. 83.

во, били и мучили нещадно, и животы мои поимолу. И как, государь, те козаки пошли з Бела-озера под Москву, и меня, холопа твоего, взяли с собою неволею. И как те козаки пришли под Москву, и я, холоп твой, от них отъехал к Москве^а и стал на Тверской улицы у немчина, твоего государева сопальника^б, у Костентина. И как, государь, велел ты тех козаков имать в своей царьской опале, и меня, холопа твоего, в те же поры взял с подворья сотник стрелецкой с стрельцами Семен Федоров и привел, государь, меня в Стрелецкой приказ. И с Стрелецкова, государь, приказу послали меня, холопа твоего, в тюрьму. И яс, холоп[п] твой, и по ся мест живот свой мучю в темнице, помираю голодною смертью.

Милосердый государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа, вели меня, холопа своего, ис темницы выкинуть и вели, государь, меня дать на поруку, чтобы я, холоп твой, сидеши в темнице, напрасною см[е]ртью не умер и твоей царьской службы впредь не отст[ал].

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Под текстом отметка: Пристав Сергей Олексеев.

На об. помета: Государь пожаловал — будет крепкая порука будет, кому мочно верить, и ево дать на поруку.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2 л. 313. Подлинник.

№ 2. 1615 г. не ранее июля 23.— Выписка из расспросных речей казака Ф. Андреева в Разрядном приказе 23 июля 1915 г.

л. 483

Сыскано в Розряде в приводном списке. 123-го июля в 23 день, как побрили воров под Даниловским, и на том бою Переславля Залесского Макар Смольников взял казаков Федку Ондреева^а. А Федко Ондреев сказался Стародубовы станицы. Бывал Царева Займища пашенной крестьянин. А как вор стоял в Тушине, и он был на Москве, а стоял в Овчинной слободке у Тимохи у Быка. А с Москвы съехал на Вологду перед Московским разореньем^г марта в первом числе^д. И как розорили Вологду^е, и он ушел душею да телом в Ерославль и кормился извозом. И нынешнего 123-го перед Рождеством Христовым за неделю до Спиридонова дни ехал он с ызвозом из Ерославля на Вологду, и против Карнильева монастыря на Вологодтской дороге казаки их^ж перебили и переграбили, а иных насмерть перебили. И ево де взяли ранена и водили с собою и привели к вере, что ему от них бегом не отойти, и был у них по неволи.

И государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси бьет челом Фетка Ондреев, чтобы государь его пожаловал — велел свободить.

На об. отметка: Выписал Офонко Мезенцов.

Под текстом помета: Указать.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 483. Подлинник.

№ 3. 1615 г. не ранее июля 23 — 1615 г. не ранее июля 26.— Дело об освобождении из тюрьмы на поруки бывшего сына боярского казака Ф. И. Квашнина

л. 212

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси бьет челом бедная горкая вдова Ивановская женишка Квашнина Акулиница.

Служил, государь, муж мой твои государевы службы всякие сорок лет, и при царе Василье на Москве в осаде сидел. И мужа моего взяли в полон литовские люди в те поры, как послали с Москвы Сердомирсково провожать^а, и посажен был во Ржеве в тюрьму, и сидел в тюрьме три[т]цать недель, а изо Ржевы ис тюрьмы муж мой ушел в Великий Новго[род] к боярину ко князю Михайлу Васильевичю Скопину и во всем пох[о]де был и к Москве со князем Михаилом припол, а в ызмене не бывал.

^а В рукописи ошибочно Мскве.

^б Так в рукописи.

^в Написано по другому слову.

^г В рукописи второе е ошибочно написано два раза.

^д Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

И как Московское государство литовские люди розорили, и муж мой с литовскими людьми бился, и литовские люди убили мужа моего в Московское розоренья. А сынишка моего Федку да дочеришко Варварицу в полон взяли. И сынишка моего отгромили у литвы козаки в Ноугородском уезде, и держал сынишка моего у себя козак. И как пришли козаки под Москву, и нынеча сынишка моего взяли в козачьих таборах, и приведен в Розряд.

Милосердый государь царь и великий князь Михаила Федорович всеа Руси, пожалуй меня, горкую вдовицу, вели сынишка моего освободить на поруку, чтоб мне, бедной безприютной и безплемянной, волочась меж двор, без сынишка своего з голоду позорною смертью не умерла.

Царь государь, смилуйся!

На л. 212 об. помета: Государь пожаловал — велел сыскать ^а.//

И выписан из записной тетрати. 123-го июля в 23 день, как побили ^{л. 213} воров в Даниловском и по Серпуховской дороге, и с тово бою привел в Розряд смольнянин Илья Микулин казака Гарасимовы станицы Обухова Федку Иванова сына Квашнина, а взял его за Котлом в погоне. А Федка сказался ржевитин, сын боярской, Иванов сын Квашнина, а в казаках он другой год з бедности.

А ныне бьет челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Федкина мать Квашнина Окулина, чтоб государь ее пожаловал — велел сына ее Федку ис тюрьмы дать на поруку.

На л. 213 об. справа: Справил Васька Сав[и]н.

На л. 212—213 по склейке и на л. 213 под текстом помета: 123-го июля в 26 день государь пожаловал — велел дать на крепкую поруку з записью, что вперед не воровать и х казаком не приставать ^ж.//

Се яз, Григорей Офонасьев сын Озеров, зубченин, да яз, Михаилу Данилов сын Озеров, зубченин, да яз, Григорей Поспелов сын Дирин, Ржевы Володимеровы, да яз, Олександра Матвеев сын Голенищев, Ржевы Володимеровы, да яз, Максим Юрьев сын Озеров, Ржевы Володимеровы, да яз, Осан Ондреев сын Хвостов, Деревские пятины, да яз, Ортемей Яковлев сын Бараков, Деревские пятины, да яз, Буган Микитин, сын Кляшунов, старичанин, да яз, Илья Васильев сын Чемесов, Ржевы Володимеровы, да яз, Пятой Ратаев сын Мусин, Деревские пятины, да яз, Захарей Фадеев сын Дирин, Деревские пятины, да яз, Юрья Давыдов сын Дирин, Деревские пятины, да яз, Гарасим Тимофеев сын Зеленой, да яз, Иван Яковлев сын Бараков, да яз, Сила Вешняков сын Ивков, Деревские пятины, да яз, Иван Михайлов сын Козлов, зубчанин, да яз, Ондрей Офонасьев сын Зезевитов, государев жилец ^з, — все мы дети боярские выручили еси Московского розряду у пристава у Ондрея Напольского Ржевы Володимеровы сына боярского Федора Иванова сына Квашнина, что ему за нашею порукою в Крым и в Литву, и в Немцы, и в ыные ни в которые господства, ни к воровским казакам не отъехать и с ними не воровать, и не знатца, и не зсылатца.

А будет он за нашею порукою в Крым и в Литву или в Немцы, или в которые в ыные господства, или к воровским казаком отъедят, или с ними учнет воровать, или знатца, или ссылатца, и на нас, на порутчиках, пеня государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии пеню, что государь укажет. И наши порутчиковы головы в его головы место. А как нас, порутчиков, будет в лицах, на том государева пеня!

И порука на то послуси: Григорей Федоров сын Володимеров. А запись писал Маркелко Семенов сын Никитина лета 7000 сто двадесят третьяго году.

На л. 214 об. рукоприкладства: Михайла ручал и руку приложил. Александра ручал и руку приложил. Григорий Дирин ручал и руку приложил. Ондрей Зезевитов ручал

^а Далее текст написан вторым почерком.

^ж Далее текст написан третьим почерком.

^з Далее текст написан четвертым почерком.

и руку приложил. Максим ручал и руку приложил. Осан ручал и руку приложил. Иван Козлов ручал и руку приложил. Илья ручал и руку приложил. Пято[й]Мусин ручал и руку приложил. Захар ручал и руку приложил. Сила ручал и руку приложил. Послух Гришка руку приложил.

ЦГАДА, ф. 210. Столбцы Приказного стола, № 2, л. 212—214. Подлинник.

л. 235 № 4. 1615 г. между 23 и 29 июля.— Челобитная певчего дьяка А. Порывкина об освобождении из тюрьмы его сына казака Т. Порывкина
Царю государю и великому князю Михаилу Федорович[ю] всея Руси бьет челом холоп твой государев певчей дияк Ондрюшка Порывкин.

В Московское, государь, разорения вз[яли] у меня в полон литовские люди сынишка Тимошку. Да и по ся места, государь, про того сынишка моего вести не бы[ло]. И нынеча, государь, тот сынишко мой, Тимошка, объявился в козачьих таборах у казака в холопех и прибежал бед[ной], государь, тот сынишко мой ко мне. И я, холоп твой, без твоего царьского ведома ево у себя держати не смел и отвел е[го] в Розряд. И нынеча, государь, живот свой мучит в Розряде за приставом.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того сынишка моего, Тимошку, мне, холопу своему, из-за пристава выдати за моею порукою.

Государь царь, смилуйся, пожалуй!

На об. помета: 123-го июля в 29 день государь пожалов[ал] — велел ему дать на поруку.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 235. Подлинник.

л. 232 № 5. 1615 г. между 24 и 31 июля.— Отписка коломенского воеводы кн. В. А. Звенигородского и дьяка Д. Яковлева в Разрядный приказ о поимке казаков

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Р[уси] и холопы твои Васка Звенигородцкой да Данилко Яковлев челом бьют.

В нынешнем, государь, 123-м году июля в 24 день в твоей государеве грамоте писано к нам, холопом твоим, что были в воровстве в Заволских и в Поморских городех атаманы и казаки. И пришли к Москве будто де к тебе, государю, вину свою принесли. И по твоему государеву указу взяты у них для сыску лутчие люди, и те де воры от Москвы побежали Коломенскою и Коширскою дорогою, и на побеге те воры побиты и поиманы. И нам бы, холопом твоим, жити на Коломне с великим береженьем, чтоб те воры, пришед украдом, над городом какова дурна не učinили. А по дорогам и по стежкам велеть заказ крепкой учинити и станицы и подьезды послати по всем дорогам, и велети про тех воров про казаков проведывати "всякими обычай", и их имати и, розпрашивая, пытати, и с пытки вершити их.

И по твоей государеве грамоте мы, холопы твои, послали в подьезды и по дорогам и по стежкам дворян и детей боярских, которых на твою государеву службу збирает зборщик Микита Маслов, и велели про казаков, где объявятца, проведывати и имати, и приводити на Коломну. И того ж, государь, часу дети боярские привели к нам, холопом твоим, Томила Долгова станицы Трофимка Иванова — был де в товарыщех у есаула у Никитки Зубахина, да Васку Кондратова, Гаврилка Матвеева.

л. 500 И в розпросе и с пытки Трофимко сказал. Переговаривали де атаманы и есау//лы и казаки, а он у них слышел: будет де государь не пожалует, вины не отдаст, и у [а]т[а]манов де и у казаков мысль и совет был отъех[ать] в Литву, а к Лисовскому де хотели отписывать⁵. А в заводе де были атаманы Михайло Баловень да Ермола⁶ да Родка Курташ. А иного де он не слышал. А Васка Панкратов^к да Гаврилка Матвеев в розпросе и с пытки не сказали ничего.

И мы, холопы твои, тех воров велели посадить в тюрьму до твоего государева указу.

^{к-к} Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

^к Так в рукописи, ср. выше Васку Кондратова.

На л. 232 об.:

Отметка о подаче: 123-го июля в 31 день подал Евсей Рышков.

Помета: Писать, чтоб их ис тюрьмы без государева указа не пущать, и написать в роспись в Розряде, где что во всех городех объявилось.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 232 и 500. Подлинник.

№ 6. 1615 г. между 25 и 29 июля.— Отписка боровского воеводы
Т. И. Поливанова в Разрядный приказ о поимке казаков

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии л. 215
холоп твой Тимошка Поливанов челом бьет.

Июля, государь, в 24 день привез ко мне, холопу твоему, Василий Подымов твою государеву грамоту за приписью дьяка Марка Паздеева. А в твоей государеве грамоте пишет. Были в воровстве в Заволских и в Поморских городех атоманы и казаки и пришли к Москве бутто тебе, государю, вину свою принесли. И по твоему государеву указу взяты у них для сыску лутчие люди. И те воры от Москвы побежали Колужскою и Серпуховскою, и Коширскою дорогою. И на побеге те воры побиты многие и пойманы. И мне, холопу твоему, велено тотчас по всем дорогам и по степкам велети заказ крепкой учинити и станицы и подьезды послати по всем дорогам, и велети про тех воров про казаков проведывать всякими обычай накрепко. Да будет воры объявятца, и мне, холопу твоему, велено посылать на них голов, а велети над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст. А каво воров казаков учнут ко мне приводить в Боровеск, и мне, холопу твоему, велено их велети пытать, а с пытки велеть вешать.

И по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу я, холоп твой, тотчас в Боровске на посаде и по слободам и около Боровска верст по пяти и по шти заставы и заказы про тех//воров учинил. [И] где хто тех воров объявитца, велел, имая, л. 215
приводить к себе в Боровеск. А над заставщики приказал досматривать боровитину Степану Татарину.

И того ж, государь, числа с понедельника против вторника в другом часу ночи Степан Тотаринов з заставщики поймали в Боровске на посаде на заставе и ко мне, холопу твоему, привели тех воров казака Ермочка Провторова, прозвища Малой. И в роспросе и с пытки мне, холопу твоему, тот Ермочко сказал. Был де он в станице у Матвея у Губоря, и стояли под Москвою. И июля де в 23 день в неделю в другом часу дни почели выходить из Москвы твои государевы ратные люди и учили уржать полки. И он де из воровских табор поехал в Боровеск к жене своей побывать. А ходил он, Ермочко, с теми ворами в Заволских и в Поморских городех два года.

И июля ж, государь, в 25 день посылал я, холоп твой, Степана ж Тотаринова с козаки по заставом дозировать. И в пятом часу дни Степан Тотаринов с козаки и з заставщики поймали на заставе под Боровском под посадом и ко мне, холопу твоему, привели в[оро]в//козаков пяти л. 217
человек. А в роспросе и с пытки передо мною, холопом твоим, те воры сказались. Баловневы станицы: Томилка Иванов, прозвище Хрипун, бывал рязской козак, да Лукьянко Григорьев, бывал Московского уезда Троицы Сергиева монастыря села Рахмы крестьянин, да Солтанко Сергеев, бывал Ерославльскаго уезда князь Яковлевской человек Лвова. Да Мотвеевой станицы Губорева Мишка Мартинов, бывал Можайскаго уезда села Потанова Григорьев крестьянин Татищева. Да Будаевы станицы Семенова Ивашка Иванов, бывал нижегородец, козак. И с воры, с отоманы и с козаки, были в воровстве в Заволских и в Поморских местех — с Ермаком да з Баловнем, да с Кордаш[ем], да с Матвеем Губарем с товарыщи. И пришли де к М[о]ске для твоей царския милости, вину свою к тебе, государю, принесли. Июля ж де в 23 день в неделю взяли у них атоманов и казаков, Ермока и Баловня и Родю Корд[а]ша, к Москве. И часу де в другом дни почели из Моск[вы] выходить твои государевы ратныя люди и полки. А к ним де в табор с Москвы приехал атоман Ермак, а велел им лошадей седлатъ и коши отпускать, а сквоз[ал] им, что

на Москве атоманов Баловня и Кордаша и лучших козаков падовали за приставы. И оне де, слыша от Ермока такие речи и увидя твоих государевых ратных людей, что твой государев боярин князь Борис Михайлович Лыков пошел на Воробьевскую гору, а из Раговской идут на них полки, и оне д[е], исторопяся, побежали. И твои де государевы ратные люди их топтали от Москвы тритцать верст да реки Похры и многих казаков побили. А инья розбр[е]лись по лесу. А отоман Ермак с розгреду утек с теми же [во]ры. А пошли де их товарищи врознь, розным[и] дарогами и проселочными стешками. А таво не ведоют, где тем варом товарищем их итти. А ушли де немногия люди.

а. 218 Да с теми ж, государь, воры с козаки, с Томилком с товарищи, на заставе поймали тех же станиц козачьих товарищев, робят. Адин сказался Якушко Петров, лет в петнадцать, каргополеп, дворцового села Верхних Барков деревни Борисовы крестьянской сын. Жил Баловневы станицы у козока Митки. Да Таропецкаг[о]^п//уезда Русина Челищева крестьянин Федка Иванов, лет в тринацать, у козока живет в Матвеев станице Губарева семей год у Мотвея Березникова. А тот М[а]твей был можаеин сын боярской, и ныне он ис п[о]д Москвы побежал с ворами и козками. Да Третья[ко]вы станицы козачей малой Митка Жданов, лет в^м ... натдоть, крестьянский сын, жил в Матвеев же станиц[е] у козока Мотвеевы станицы Губарева. Козачей детина Микитка Семенов, волоченин, Осипова м[онастыря] крестьянской сын, лет в дватцоть, взят был под Волокам Ламски[м], и был у литвы на рубежи за Смоленским, козаки у л[и]твы ево взяли на бои, и жил у козака в Мотвеевы станице у Трофимка з год.

И я, холоп твой, тех козаков Ермочка Ляда и Томилка с товарищи [и ко]зачьих робят, каторыя с ними приведены, велел вкинуть в тюрьму до твоего государева указа.

а. 219 Июля ж, государь, в 22 день по твоему государеву указу и по грамоте ис Поместного приказу в Ерославецкой уезд Малого в Филиповское поместье для лова, для росправного дела, "посылал я" верейтина сына боярскова Зверя Исаева. Да июля же в 25 день послал я, холоп твой, про воров про казаков в Колугу к твоем[у] государеву боярину и воеводам ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому с отпискою боровитина посадцкого человека Ивашка Розщиби Шапку, да в подъезд Ерославца Малова сына боярскова Родиона Бокеева. И воры козаки того Зверя Исаева в Ерославце Малом убили до смерти, а Родиона Бокеева изсекли до полусмерти, а Ивашка Розщиби // Шапку ранили ж и, ограбя, замертва покинули⁸.

И я, холоп твой, тех приведенных воровских козаков Ивашка⁹ Иванова, нижегородца, послал к тебе, государю, к Москве с Степаном Тотариновым для роспросу. А о достальных, государь, воровских козаках, Ермочке и о Тамилке с товарищи и о робятех, которые с ними приведены, мне, холопу своему, как укажешь?

На л. 215 об.:

Отметка о получении: 123-го июля в 29 день боровитин Степан Татарин.

Помета: Взять и роспрашивать.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2 л. 215—219. Подлинник.

№ 7. 1615 г. не ранее августа 2.— Отписка суздальского воеводы И. В. Шелкалова и дьяка В. Бормосова в Разрядный приказ о поимке казаков

а. 484 Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Ивашко Шелкалов, Васка Бормосов челом бьют.

Июля, государь, в 26 день прислана к нам, холопом твоим, твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии гра-

^п Ошибочно повторено дважды.

^м Далее утрачены три — пять букв — обрыв.

^{п-н} Написано над строкой более светлыми чернилами.

⁹ Ошибочно повторено дважды.

мота из Розряду за приписью твоего государева дика Марка Поздеева. А велено нам, холопом твоим, по всем дорогам и по степкам заказ крепкой учинити и станицы и подьезды посылати по всем дорогам, и жити велено с великим береженьем, и про воров про казаков прове-
дывати. Да где воры объявятца, и на тех воров велено посылати посылки голов, а велено над ними промыслять, сколько бог помощи подаст, чтоб те воры в Замосковные города никуды не прошли. А которых воров казаков учнут к нам, холопом твоим, приводить, и тех казаков велено пытать, а с пытки вешати.

И июля, государь, в 28 день привел к нам, холопом твоим, в Сть[ез]жью избу суздалец сын боярской Михайло Соколов дву человек казаков: Серешку Данилова да Федку Максимова. А приехали де к нему те казаки июля в 25 день в поместье без нево, а тот де Серешка преж тово у него у Михайла служил и в прошлом де во 122-м году под Новым городом от Михайла збежал. А того де Федки Максимова мать живет за ним за Михайлом в бобылах. Да августа, государь, во 2 день привел к нам, холопом твоим, в Сть[ез]жью избу суздалец посадкой человек Петрунка пирожник мужика. А пришел де к нему тот мужик начевать, а сказался Федоров крестьянин Тороканова да Ивана Загосткина. Да июля ж, государь, в 13 день привел к нам, холопом твоим, в Съезжею избу архиепископли отчины села Красного шоп Олексей малово. А пришел де к нему тот малой начевать, а сказал // де, что он отстал от казаков от Троицы, как шли те казаки к Москве. Да июля ж, государь, в 29 день привел к нам, холопом твоим, в Сть[ез]жью избу покровской служба Иван Лощкин малово, а стоял на стороже на Московской дороге. А тот де малой шол от Москвы большою дорогою, а ушел де от казаков с Москвы.

л. 485

И мы, холопи твои, тех казаков расспрашивали и пытали. А что нам, холопом твоим, те казаки в роспросе и с пытки говорили, и мы, холопи твои, те распросные и пытошные речи и имяна их послали к тебе, государю, с сею отпискою вместе. А тех, государь, казаков посадили мы, холопи твои, в тюрьму до твоего государева указа.

И о том, государь, нам, холопом своим, как укажешь?

На л. 484 об. помета: Что московским будет указ, быть тож.
ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 484—485. Подлинник.

№ 8. 1615 г. не ранее августа 2^н.— *Распросные речи казаков в Суздальской съезжей избе*

Роспросные речи воровских казаков

л. 486

Казак Серешка Данилов в роспросе сказал. Преж деи тово служил он у Михайла Соколова. И в прошлом деи в 122-м году был он с Михайлом на государеве службе под Новым городом и от Михайла збежал и был и по ся мест у казака у таварыщах. И как деи те казаки пришли к государю к Москве, и он у тех казаков ^рс Москвы^р ушел и приехал опять к Михайлу Соколову.

И тот казак Серешка пытан, а с пытки говорил. Слышал деи он у казаков в кругах, как пошли к государю к Москве: что деи было им государю вина своя принесть, а будет деи их государь пожалует, вины им отдаст и жалованье даст, и им де было итти под Смоленск, а будет деи государь велел бы розбирати, которые были в казаках боярские люди или крестьяня, и им деи было за то помереть всем за один и итти по городом, а иным на Дон. А приговор деи у казаков был в Пушкине: которые боярские люди были в казаках, а учнут отъезжати к государю к Москве — и тех деи казаков вешати. И отъехал деи было от них к Москве казак, а бывал Иванов человек Измайлова, и оне деи тово казака на заставе поймали да и повесили. А иново деи никаково умышленья у казаков не слышал.

^п Датировается на основании времени поимки казаков (ср. док. № 7).
^{р-р} Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

а. 487 Казак Федка Максимов в роспросе сказал. Был деи он преж тово Спассково Еуфимьева монастыря в вотчине в Медвежье Углу во крестьянех. А после деи тово жил Спас//скова ж Еуфимьева монастыря у служки у Якова Скрябина. А после деи Якова Скрябина жил у вдовы у Василисы у Ермолины жены Недоброво, и в прошлом де в 122-м году от Василисы збежал и пристал х казаком и был и по ся мест в воровских казаках. А нынече де было он приехал в Михайлово поместье Соколова к матери своей, а хотел деи жить за Михайлом Соколовым во крестьянех на пашне.

И тот казак Федка Максимов пытан, и с пытки говорил тож.

Казак Васка Яковлев — сказался Федоров крестьянин Тараканова да Ивана Загоскина. А ездил деи он к Москве з запасом к Федору Тарканову.

И тот казак Васка Яковлев пытан, а с пытки говорил. В прошлом деи в 122-м году побежал он из Федорова помесья Тараканова от отца и пристал к вором х казаком, да и по ся мест был с казаки. И как деи те казаки стояли под Москвою, и сказывали деи им московские харчевники, что на казаков хотя бояря приходить и их побити, а имян харчевником не ведает. И он деи, послыша то, от казаков побежал.

а. 488 Малой Ондрюшка Степанов — сказался Юрьев да Федоров человек Тиринова. А взяли деи ево литва и немцы в полон в Углецком уезде. И ево деи у немец отгромили казаки на Ладоге, да и по ся мест деи жил у казаков. И как деи на Москве на ка//заков был погром, а ево деи в тот день послали по траву. И послышал деи он зук от казаков, и он, покиня сено, побежал, и ево де ограбилц на Яузе. А иные деи казачьи многие робята побежали в розные города.

Малой Окулько Федоров — сказался Суздальсково уезда Быковские волости крестьянин. А как деи та Быковская волость была в поместье за ст[о]льником за князем Васильем Семе[н]овичем Куракиным, и в прошлом деи в 122-м году взял ево князь Василе[й] в люди под Бронницы з запасом. И как деи немцы розгромили боярина и воеводу князя Дмитрея Тимофеевича Трубецково, и ево покину[ли]⁹. И он деи пришел под Тихвину и жил в наймитах у крестьянина. А как деи князь Микита Волконской ис под Тихвины пошел к Москве, и он пристал х казаку и шол с казаки до Троицы, а от Троицы деи ево казаки отпустили¹⁰. И он деи было пришел жити в Быковскую ж волость к брату своему родному х Куземке. А умышленья деи никаково у казаков не слыхал.

На л. 486 об. помета: Ждать, что московским будет указ, а им тож.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 486—488. Подлинник.

№ 9. 1615 г. между 3 и 11 августа.— Отписка тульских воевод кн. В. С. Куракина, Р. А. Вельяминого и дьяка С. Зеленого в Разрядный приказ о поимке казаков

а. 238 Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Васка Куракин, Ратманко Вельяминов, Сенка Зеленой челом бьют.

Августа, государь, в 2 день привели к нам, холопом твоим, от острожных от Фроловских ворот с караула сгрельцы дву человек. А в роспросе сказались гулящие люди Старитцкого уезду села Молочина деревни Косошины Баженко Фофанов да Овдюшка Кондратьев, произвище Воробей, и пришли на Тулу кормитца.

И мы, холопи твои, спрашивали их некрепко: не были ль они^с в казакех? И оне, государь, сказали, что в казакех были и за Волго[ю] и в Поморских городех воровали, и под Москву пришли с казаки ж, и были в Лавринове станицы Дубровского. А как ис под Москвы казаки побежали, и они с ними ж были. И как деи боярин князь Борис Михайлович Лыков дошол их за Ярославцом Малым, и они от казаков отворотили пеши

^с Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

и шли мимо Кологу^т на Тулу. И по тем речем они пытаны, а с пытки сказали тож, что и в роспросе.

Да августа ж, государь, в 3 день привели к нам, холопом твоим, на Съезжей двор от Никольских ворот с караула стрельцы прихожего человека. А в роспросе сказался тульской жилаец Кленка Матвеев, а был в казакех со 116-го году, а к Москве пришол с казаки, воровав за Волгою и в Поморских городех, а был в станицы у Ондрея Стародубова. И как деи казаки ис под Москвы побежали, и он деи в те поры остался на Москве и прибежал к брату своему в Малые Лужники к барышнику к Васке Людоедову, и по ся места жил, укрываясь, у него, Васки. А как с Москвы побежал на Тулу, и он оставил у того брата своего мерин карь с седлом да самопал. А укрывал де ево во всем тот Васка. И по тем, государь, речем он пытан, а с пытки сказал тож.

И мы, холопи твои, тех казаков велели посадить в тюрьму до твоего государева указа.

И о том, государь, нам, холопом своим, как укажешь?

На об.:

Отметка о подаче: 123-го августа в 11 день подал Карп Киреев.

Помета: Отписать — велеть в тюрьме их держать до указа, а на Москве написать в список.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 238. Подлинник.

№ 10. 1615 г. не позднее августа 18.— Челобитная сибирского царевича М. Атаулова об освобождении из тюрьмы татарина К. Кайбалова, взятого в плен казаками

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии *л. 460*
б[ьет] челом холоп твой сибирской царевич Маметкул Атаулов.

Были, государь, двора моего татар десять человек на твоей государеве службе з боярином и воеводою со князем Борисом Михайловичем Лыковым, а голова у них был Офонасей Алалыкин. И как, государь, боярин князь Борис Михайлович Лыков послал голов под Углич за ворами, и головы ис под Углича посылали в посылку татар, как воры стояли в Прилуках под Колязиным, Баловень с товарищи. И не доходя Прилука версты за две, сошлись с воры, и было тут дело¹¹. И на том деле взяли воры моего двора тотарина Келдебека Кайбалова и возили его с собою, и пришли к Москве. И как побежали те воры от Москвы, и тот тотарин Келдебек от тех воров побежал к Москве. И на побеге его зграбил казак князя Микиты Волконского полку — Плакидою зовут — и привел его в Розряд. И нонеча, государь, тот мой тотарин Келдебек, в тюрьме седя, живот свой мучит.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоров[и]ч всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели того тотарина Келдебека выкинуть ис тюрьмы и отдати мне, чтоб, государь, тот тотарин, в тюрьме седя, с нужи не умер, а я б, холоп твой, вперед твоей царской службы не отбыл.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На об.:

Отметка: Приходил подъячей Микита Петелин августа.

Помета: Боярин князь Борис Михайлович Лыков сказал, что он с ним был, и его помали за делом. И его отпустить. Августа в 18 день.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 460. Подлинник.

№ 11. 1615 г. не позднее августа 18.— Челобитная боярина кн. А. В. Лобанова-Ростовского о выдаче ему из тюрьмы в холопы казаков Я. Константинова, В. Иванова, А. Дмитриева и Д. Прокофьева

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии *л. 368*
бьет челом холоп твой Офонка Лобанов-Ростовской.

Взяты, государь, у воровских казаков в языках Якушко Костянтинов, а бывал посадкой человек ноугородец, да Васка Иванов, сказался —

¹¹ Так в рукописи.

бывал княж Федоров человек Шехонсково, да Оксенко Дмитриев, сказался москвитин посадской человек Ордынские сотни, да Митко Прокофьев, сказался — бывал смоленской стрелец, портные и сапожные мастеришка. ⁷А сидят в тюрьме⁷.

Милостивый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели мне тех людей ис тюрьмы выдать в холопи.

Царь государь, смилуйся!

На об. помета: 123-го августа в 18 день государь пожаловал — велел ему дать. ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 368. Подлинник.

№ 12. 1615 г. августа 20.— Сказка атамана Таира Федорова в Разрядном приказе о службе посаженного в тюрьму казака З. Савельева

а. 491

И 123-го ж августа в 20 день атаман Таир Федоров сказал по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии крепостному целованью. Казак Захар Савельев был в станице с ним, с Таиром. И был под Ладогою и государю служил. И пошли были под Ладогою к городу, и он поехал был наперед для заимки. А в те поры у них учинился с воровскими казаки от Ладогои за полтретьятцать верст бой. И он, Таир, со князем Никитою пошли на Тихвину. А того казака Захарка отхватили под Ладогою воровские казаки. А проехать было ему ко князю Никите нельзе¹². А воровства деи за ним никоторого не было. А к Москве он пришел с казаки, з Баловнем с товарищи, и от них отстал. А как воры побежали, и он в те поры был на Москве.

На об. рукоприкладство: К сей скаске в Таирово место руку приложил^ф Таировы станицы Федорова Фетка Иванов.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 491. Подлинник.

№ 13. 1615 г. августа 27.— Память^х в Разрядный приказ о высылке в приказ пленных казаков, которые были до казачества детьми боярскими

а. 477

Лета 7123-го августа в 27 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память дьяком думному Сыдавному Васильеву да Марку Паздееву.

По государеву наказу за твоею Сыдавновою приписью велено Борису Микифоровичу Давыдову да дьяку Василью Семенову казаков, которые бывали преж сего в детех боярских, отобрав, отослати в Розряд. А хто именем детей боярских из казаков отобранны, и имен их список подклеен под сее память за дьячьёю приписью — послан к вам в Розряд^п с подьячим с Романом Шестовым^п. И дьяком думному Сыдавному Васильеву да Марку Паздееву тех казаков ^у подьячево у Рамана^п велети взяти.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 477. Подлинник.

№ 14. 1615 г. августа 27^а.— Список посланных в Разрядный приказ пленных казаков, которые были до казачества детьми боярскими

а. 478

Казаки, которые приходили из лесу к Москве после боярина князя Бориса Михайловича Лыкова.

Ларионовы станицы Дубровского. Ивашка Томилов сын Сторокашева — епифанец сын боярской.

Захарьевы станицы Киреева дети боярские. Боровеск — десятник Гаврило Иванов сын Сивинцын. Нижней Новгород — Пинайко Семенов сын Хлуденев. Кошира — Мокарко Юменев сын Боранцов. Белая — Мишка Яковлев сын Терпигорев.

Под текстом припись: Василий Семенов.

На л. 477—478 по склейке помета: Дать на крепкую поруку.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 478. Подлинник.

⁷—⁷ Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

^ф Далее зачеркнуто с.

^х Состав судей не позволяет определить, из какого приказа послана память.

^{п-п} Вписано на оставленном свободном месте дьяком В. Семеновым.

^п Датруется на основании памяти о составлении этого списка и высылке бывших детей боярских в Разрядный приказ (ср. док. № 13).

№ 15. 1615 г. не ранее августа 27^м. — Челобитная боярина Б. М. Салтыкова и кравчего М. М. Салтыкова о выдаче им из тюрьмы казаков К. Панова, Б. Недякова и С. Недякова — бывших холопов В. И. Бутурлина

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Р[уси] а. 473
бьют челом холопи твои Бориска да Михалка Салтыков[ы].

Васильевския, государь, люди Бутурлина Кречко Панов да [Бо]риска да Серешка Недяковы были в коза[ках], а нынеча, государь, оне переиманы и сидят в тюрь[ме].

Милосердый государь царь и великий князь Михайла Фе[до]рович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, г[осударь], тех Васильевских людей Бутурлина ис тюрьм[ы] выпустить и нам отдать.

Царь государь, смилуйся, по[жалуй]!

На об. пометы:

Государь пожаловал — велел им тех людей отдати.

Дать.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 473. Подлинник.

№ 16. 1615 г. августа 27. — Запись о выдаче из тюрьмы Б. М. и М. М. Салтыковым казаков К. Панова, Б. Недякова и С. Недякова 123-го августа в 27 день взяты^м ис тюрьмы^м и отданы боярину Борису а. 474

Михайловичю да Михаилу Михайловичю Салтыковым Васильевские люди Бутурлина: Кречко Панов — ростом средней человек, чермен, бороду стрижет укурчева, на голове волосы русы, глаза кари; Бориско Недяков — ростом средней, плоск, в лице бледноват, борода чермна, на голове волосы русы, у левые руки от мизинца по персту по мычелку ранен бывал, и перст свело; Серешка Недяков — ростом высок, тонковат, смугол, борода и ус и на голове воласы русы, по правой руке по пальцу в мычелок застрелен ис пищали, рана велика, зажила. Взял их Богдан Шорин.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 474. Подлинник.

№ 17. 1615 г. сентября 23. — Роспись атаманов, есаулов и казаков, посланных из московских тюрем в тюрьмы других городов

124-го сентября в 23 день посланы по городом в тюрьму воры — атаманы и казаки. а. 24

В Нижний Новгород. Атаманы: Третьяк Чорной — свобожон^б. Олександр Трусов — свобожон^б. Войсковые ясаулы: Сергей Омельянов. Микита Зубахин. Гаврило Левонтьев. Казаки: Влас Степанов. Карп Назарьев. Гришка Орефьев.

На Коломну — Атаманы: Мурза Семенов. Петр Ондреев. Ясаулы: Олексей Иванов. Гарасим Ондреев. Феоктист Иванов — умре^б. Еремей Петров. Ондрей Кузьминской. // Казак Федка Максимов. а. 25

В Касимов. Атаман Фторой Крылов. Казаки: Микифор Созонов. Осипко Васильев. Васка Сергеев. Михалко Максимов. Фомка Левонтьев. Титко Матвеев. Ондрюшка Иванов.

На Балахну. Атаман Родя^б Гурьев. Казаки: Петрушка^б Левонтьев. Ивашко^б Микифоров. Михалко^б Васильев. Ивашко^б Матвеев. Семейка^б Олексеев. Ивашко^б Григорьев.

На Кострому. Атаман Левонтей Олексеев. // Казаки: Кондратко Иванов. Митя Фролов. Иванко Федоров. Ондрюшка Коршунов. Мартынка Михайлов. Ивашко Заборовской — свобожон^б. Онкудинко Микифоров — 124-го августа в 8 день прислан^{а-1} к Москве по государеве грамоте по челобитью чашника Ивана Офонасьевича Плещеева. а. 26

^ш Датируется на основании записи о выдаче казаков из тюрьмы челобитчикам (ср. док. № 16).

^{ш-ш} Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

^б Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

^б Далее зачеркнуто Григорьев.

^б Над словом поставлен знак +.

^а Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

^{а-1} Написано над зачеркнутым по грамоте.

В Галич. Атаман Василей Тимофеев. Казаки: Пятуня Иванов Ситцкой. Куземка Остафьев. Беляйко Федосеев. Сенка Селиванов. Федунка Федоров. Ивашко Симонов. Титко Игнатъев.

В Суздаль. Атаман Ондришка Стародуб. Казак Обросимко Яковлев сын Милютенин.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Безгласного стола, № 11, л. 24—26.
Копия первой четверти XVII в.

№ 18. 1615 г. не позднее сентября 25.— 1615 г. не ранее октября 9.—
Дело об освобождении из тюрьмы на поруки казака И. Ф. Кошелева

л. 256

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом и плачетца ис тюрьмы сирота твой государев москвитин посадцкой человек Ивашка Федор[о]в.

Служил я, сирота твой, казачью службу с Московского разоренья и под Москвою служил полтретья года, а ис под Москвы был на Броннице с воеводою со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубетцким. И з Бронниц с розгрому пошли ратны[е] люди розна и пришли в Торжок. И я, сирота, тво[й], ис Торжку поехал было к Москве, и на дороге взяли меня казаки с собою по неволе. И нынече, как приехали казаки к Москве, и я, сирота твой, прибрел с ними ж к Москве. Был в ста[ни]це у Петра Ондреева. И приехал ис полков в город к зятю своему на подворье. И как стали казаков имать в город, и в тот же день взял[и] меня здеся на Москве в городе у зятя на п[о]дворье и привели меня в Козачей приказ, а ис Козачья приказу отослали меня в Большой Розряд, а из Розряду вкинули меня в тюрьму. И нынече в тюрьме помираю голодную смертью.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, бедново сироту, не дай умереть в тюрьме голодную смертью, вели, государь, меня ис тюрьмы выкинуть на поруки.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!⁶⁻¹

На л. 256 об. помета: 124-го сентября в 25 день государь пожаловал — велел дать на крепкие поруки, будет так.//

л. 257

И выписано ис приводу

123-го июля в 25 день прислан ис Казачья приказу казак Петровы станицы Ондреева Ивашко Федоров. А в роспросе сказал в Казачье приказе. Приехал он в палачи к зятю своему к полачю к Микитке Григорьеву того дни, как бояре побили казаков. И его, ограбя, привели в Казачей приказ. А то в роспросных речах не написано, какой он человек преж казачья службы бывал.

А нынешнего 124-го сентября в 25 день по[т]пись на челобитной думново дьяка Сыдавново Васильева: Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожаловал — Москве на посадцкого человека тюремново сидельца Ивашка Федорова велел дать на крепкую поруку, буде так, как он бьет челом.

И в сыску про Ивашка Федорова Покровские улицы торговые люди сказали^{в-1}.//

л. 258

Лета 7124-го октября в 6 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Иван Волохов обыскивал по Покровской улице торговыми лавочными людьми про торгового человека про Ивашка Федорова сына Кошелева: преж сево ево, Ивашков, отец и он, Ивашко, торговые ль люди были и где торговали, и каким товаром, и лавочные места у них Покровской улице ест ли, и тот Ивашко Федоров сын Кошелев как стал в казаки, и сколь давно, а как учинился над казаками под Москвою розгром, и тот Ивашко в тот розгром где взят?

И в сыску сказали по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси кресному целованью Покровские улицы торговые лавочные старинные люди Лука Спиридонов, Ом[е]льян Дмитре-

⁶⁻¹ Далее текст написан другим почерком.

^{в-1} Далее текст написан третьим почерком.

ев, Иван Сидоров, что де тот Иван и отец ево Федор Кошелев изстари прямые торговые лавочные люди, а торговали с нами на одной Покровской улице, а на Покровке де и ныне их два лавочные места, а торговали де оне в тех лавках хмелем и медом и всяким товаром, а в Московское де разоренье тот Иван был в казаках, а как де в казачей розгром, и где его взяли, того не ведаем. То де наши и речи.

А обыскные речи писал Митка Иванов сын Резвой лета 7124-го.

На л. 256—258 по склейкам и на л. 258 под текстом помета: 7124-го сентября в 8 день дать Покровские поруки з записми.

На л. 258 под текстом отметка: Октября в 9 день пристав Иван Волохов г¹. //

Яз, Гаврило Макарьев сын, сторож Олексеевского монастыря, торгую овощом, а живу своим двором в Олексеевской слободе, да яз, Семен Фомин сын Дегуня, Пушкарского приказу извоцик, живу в Кузнецкой пушечной слободе своим двором, да яз, Микита Григорьев сын, Розбойново приказу мастер, да яз, Осип Кузьмин сын, масленик, да яз, Сава Тимофеев сын, стрельцы Данилова приказу Пузикова, д¹ да яз д¹, Кондратей, прозвище Богдан, Власьев сын, ветошник, живу в Голутвине своим двором, да яз, Фома Игнатьев сын, извоцик Пушечново приказу, живу своим двором, торгую в Железном ряду, да яз, Михайло Олферьев сын Утинок, кузнец Пушкарского приказу, живу своим двором, да яз, Дмитрий Микитин сын, железник, живу у Гаврила Великова на Поганом прутце своим двором, торгую в Железном ряду, да яз, Иван Яковлев сын, Розбойново приказу мастер, выручили еси у розрядново сына боярсково у Ивана Микифорова сына Волохова казака Петровой станицы Ондреева Ивашка Федорова сына Кошелева в том, что жити ему за нашу порукою здесь, на Москве, по-прежнему. А в казаки ему ни в которую станицу не писатца и в казаках не быть и никаким воровством не воровать: не красть и не розбивать, и с воровскими казаки грамотками и никакими воровскими речми не ссылатца, и с Москвы без указа не съехать, и ни в которые воровские города и к литве не ехать.

А будет он, Ивашко, за нашу порукою учнет воровать: красть или розбивать, или в казаки станет, или с воровскими казаки учнет знатись и грамотками или речми учнет ссылатца, или в которые воровские города х казаком или к литве отъедет, и на нас, на поручиках, пеня государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси. А пеня, что государь укажет. И наши порутчиковы головы в его голову место. А кои нас будет, порутчиков, в лицах, на том пеня и порука.

А на то послуши Василей Павлов сын да Неудача Савельев сын Сухоносов.

А запись писал Гришка Лукьянов лета 7000 сто дватцать четвертаго.

На л. 259 об. рукоприкладства: Послух Васка и руку приложил. Послух Неудача и руку приложил.

№ 19. 1615 г. не позднее октября 19^{с-1}.— Челобитная казака Б. Карпова об освобождении из тюрьмы

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом и плачетца сирота твоя государева из нужные темницы ис тюрьмы Богдашко Карпов сын, москвитин, хлебник.

Как были, государь, твои государевы ратные люди под Москвою и стояли против твоих государевых изменников, против литовских людей, а я, государь, в те ж поры был в Межакове станицы в казачишках и с твоими государевыми изменники, с литовскими людьми, под Москвою бился и кровь свою проливал за тебя, праведнаго государя. И как, государь, Московское государство от литовских людей очистились, и я, сирота твоя, от казачества отстал и спел в Ерославль, и жил в Ерославле,

г¹— Далее текст написан четвертым почерком.

д¹— д¹— Ошибочно повторено два раза.

с¹— Датируется на основании пометы на выписке из расспросных речей Б. Карпова, составленной в связи с этой челобитной (л. 269—270).

и из Ерославля пошел к Москве. И на дороге, государь, меня к живона-
чальные троицы Сергееву монастырю наехали казаки Баловневы станицы
знакомые, которые стояли с нами под Москвою. А сказалися, что идут
к Москве на твое государево имя. И я, государь, к тем казаком пристал
и к Москве с ними пришел. И как, государь, я шел Покровскою улицей
пьян, и меня, государь, туто на Покровской улице взяли на проходе пья-
наго в травы решеточные прикащики и привели в Розряд. И в Розряде
я по грехом своим сказался пьян Баловневы станицы казаком. И меня,
государь, вкинули в тюрьму. И я, государь, сежю в заключеньи в тюр-
ме и по ся места и помираю голодною смертью и всякою темничною
нужею.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа
Русии, пожалуй меня — вели, государь, меня из заключенья ис тюрьмы
вон выкинуть и дати на поруку. А порука, государь, по мне будет добра,
что я не вор и тебе, государю, не изменник.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На об. помета: Выписать.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 268. Подлинник.

№ 20. 1615 г. не позднее октября 22^{ж-1}. — Челобитная бывшего сына бояр-
ского казака С. Д. Милохова об освобождении из тюрьмы

а. 276 Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии
бьет челом холоп твой каширенин Сенка Дмитриев сын Милохов.

Был, государь, з бедности безпоместной в козаках. И как, государь,
каза[ки] пришли в Тушина под Москву, и я, холоп твой, из Тушина от
к[а]заков отъехал к Москве. А жил, государь, а бегал я, холоп твой,
по лесу, блюлся твоей царьския апалы. И как, государь, твой государев
боярин князь Борис Михайлович Лыков пришел к Москве, и я, государь,
заслышав, что велели к Розряду приходит записаватца казаком, и я,
государь, пришел к Москве из лесу и пошел к Разряду. И прихожю,
государь, к Яузким воротам и встречу, государь, недельчики Казачья
приказу — привели в Козачей приказ, а из Казачьева, государь, приказу
послали в Верх к бояром, а с Верху послали в тюрьму.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа
Русии, пожалуй, меня, холопа своего, для, государь, своей царьской свет-
лости и вели, государь, меня, беднова, из темницы выкинуть и дать на
поруки.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На об. помета: Выписать.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 276. Подлинник.

№ 21. 1615 г. не позднее октября 22. — Выписка из расспросных речей
бывшего сына боярского казака С. Д. Милохова в Казачьем приказе
26 июля 1615 г.

а. 277 Выписано из казачья приводу, как во 123-м году июля в 23 день
побили казаков под Москвою.

И после того на третей день, пойман на Москве, и приведен в Казачей
приказ казак Первушиной станицы Булгакова Сенка Дмитриев сын Ми-
лохов. А в роспросе сказал. Пришел он к Москве ныне з Баловнем с
товарыщи. А как атаманы и казаки, заворовав, ис под Москвы побежали,
и он, Сенка, в те поры был на Москве за Яузскими вороты в Казачье
слободе, начевал у казака у Шмака на дворешке. А лошади ево были
в стаде под Симановым, и те его лошади поимали дети боярские. И после
казачья розгрому по ся места бродил по Загородью и по слободам, и его
за Яузскими вороты в слободе приставы поимали. А ис Казачья приказу
прислан в Розряд, а из Розряду посажен в тюрьму.

^{ж-1} Датируется на основании отметки на выписке из расспросных речей С. Д. Ми-
лохова, составленной в связи с этой челобитной (ср. док. № 21).

И Сенка Милохов бьет челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, чтоб государь его пожаловал — велел дать на поруку.

Под текстом отметка: 124-го октября в 22 день. Пристав Гришка Кондратьев.

На л. 276—277 по склейке и на л. 277 под текстом помета: Дать на крепкую поруку з записью.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 277. Подлинник.

№ 22. 1615 г. не позднее октября 23. — *Отписка властей Троице-Сергиева монастыря в Разрядный приказ о казаках, сидящих в монастырской тюрьме*

Государю царю и великому князю Михаилу Федорови[чю] всеа Руси живоначальные Троицы Сергиева монастыря богомольцы твои государевы архимарит Дионисей да келарь старец Авра[а]мей з братьею челом бьют. л. 284

Писали, государь, мы, богомольцы твои, к тебе, государю, преж сего пр[о] беглых воровских казаков, которые пойманы в тюрьме в селе Клеменьевском. И в прошлом, государь, в 123-м году август[а] в 5 день прислана к нам твоя государева грамота ис приказы Большого Дворца: тех воровских казаков велено держати в тюрьме до твоего государева указа. И по ся мест те казаки сидят в тюрьме, а милостыни им не дают — кормим монастырским хлебом.

А хто имянем и чей сын, и которого города, и сколько лет в казаках, и мы тому послали к тебе, государю, роспись, подклея под сею отпискою.

На об.: Отметка о подаче: 124-го октября в 23 день подал троецкой слуга Федор Коныщев.

Помета: Не велети выпущать и послать их в Переславль в тюрьму.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 284. Подлинник.

№ 23. 1615 г. не позднее октября 23^{а-1}. — *Роспись казаков, сидящих в тюрьме Троице-Сергиева монастыря*

Имяна казаком, которые сидят в тюрьме л. 285

Казак Евсейка Иванов — Михайлавскаго уезда села Павелкова крестьянской сын, а в козацах четыре года. Гришка Степанов — Суздальскаго уезда Васильевскаго монастыря крестьянин, в козацах был пять лет. Осипка Григорьев — служил у казака Семейки Григорьева год, а преж был Фомин человек Шестакова. Баженка Павлов — служил у казака год, а преж того был Вологодскаго уезда Бориса Михайловича Салтыкова села Ильинскаго. Ивашко Григорьев — Вологодскаго уезда села Кубенскаго Бориса Михайловича Салтыко[в]а, был у казака у Щербака пол-году. Григорьев человек Булгакова, государева стремяннава конюха, Матюшка — послал де меня с Вологды боярин в поместье в деревню Костянтиновское к теще своей Анне. Казак Васка Еремеев сын Харин-Ростовскаго уезду села^{к-1} Караша, а стал в вольные казаки, как прибирал Григорей Волуев, тому осмой год. Казак Фетка Михайлов — Старицкаго уезду троецкие вотчины села Васильевскаго приселка Михайлавскаго крестьянской сын, а стал в казаки в те поры, как князь Михайло шол с немцами.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 285. Подлинник.

№ 24. 1615 г. не ранее октября 23. — *Роспись пленных казаков, находящихся в тюрьмах Москвы и других городов*

Да на Москве в тюрьме сидят воров казаков, которых побили под Москвою и иманы на деле, а иные иманы на лесех — 125 человек. И из них многие дают по себе в воровстве поруки. л. 117

Да по городом: в Володимере, в Суздале, в Переславле Залезском^{к-1} и на Резани^{к-1} и в иных городех сидят казаков 33 человека, которые

^{а-1} Датируется на основании пометы на отписке, вместе с которой роспись была послана (ср. док. № 22).

^{к-1} Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

^{к-1} — ^{к-1} Написан над строкой теми же почерком и чернилами.

в городаы приходили от тех же воровских казаков и с побоеу ис под Москвы. //

а. 118 И выписано из отписок которые воры казаки сидят в городех по тюрьмам.

123-го году июля в 29 день по отписки из Боровска воеводы Тимофея Поливанова посажены в Боровску воры казаки в тюрьму: Матфеевы станицы Губарева — Ермочка Протоворов, прозвище Ляд, Баловневы станицы — Томилко Иванов, прозвище Хрипун, Лукьянка Григорьев, Салтанко Сергеев, Матфеевы станицы Губарева — Мишка Мартинов, Будаевы станицы Семенова — Ивашко Иванов. Да тех же станиц казачьи таварыщи, робята: Баловневы станицы — Якушко Петров, Матфеевы станицы Губарева — Федка Иванов, Третьяковы станицы — Митка Жданов, Матфеевы станицы Губарева — Микитка Семенов. А Ивашка Иванов прислан к государю к Москве.

Да июля ж в 31 день по отписке с Коломны воеводы князя Василья Звенигородцкого посажены в тюрьму на Коломне воры казаки Томиловы станицы Долгово: Трофимка Иванов, Васка Кондратов, Гаврилко Матфеев.

Да августа в 2 день по отписке ис Серпухова воеводы князя Ивана Масальского посажены в Серпухове воры казачьи робята Ивашка Данилов с товарищи — 5 человек. //

а. 119 Да августа ж в 5 день по отписке ис Переславля Резанского воеводы князя Федора Борятинского да дьяка Михайло Милославского посажены в тюрьму 2 человека: Федка Тимофеев да Степанко Иванов.

Да августа ж в 11 день по отписке с Тулы стольника и воевод князя Василия Куракина да Ратмана Вельяминова посажено казаков 3 человека: Баженка Фофанов, Овдюшка Кондратьев, прозвище Воробей, да Калинка Матфеев.

По отписке ж из Во[ло]димеря^{п-1} воеводы Микиты Пушкина посажен в тюрьму Бориска Иванов.

По отписке ж из Суздаля воеводы Василья Щелкалова посажены в тюрьму Серешка Данилов да Федка Максимов да^{м-1} Васка Яковлев^{м-1} [да] 2-е робят: Ондрушка Степанов да Окулька Федоров.

Да октября в 23 день по отписке ис Троецкого ис Сергиева монастыря архимарита Деонисья да келаря старца Авра[а]мья з братьею посажены в тюрьму воры казаки: Евсейка Иванов, Гришка Степанов, Осипко Григорьев, Баженка Павлов, Ивашко Григорьев, Васка Харин, Федка Михайлов, Матюшка — а чей Матюшка словет, тово в отписке не написано.

На л. 116—117 по склейке и на л. 117 под текстом помета: Государь пожаловал — велел дать всех на крепкие поруки.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 117—119. Подлинник.

№ 25. Не ранее 1615 г. октября 23^{н-1}. — Челобитная костромского сына боярского Ф. К. Шестакова об освобождении из тюрьмы его холопа О. Григорьева, уведенного казаками

а. 185 Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой костромитин Фомка Казаринов сын Шестаков.

В прошлом, государь, во 123-м году приходили, государь, в Костромской уезд воры казаки. И меня, холопа твоего, в те поры розграбили и розорили до конца, и человека моего, Оску Григорьева, поймали, и жены моей и детей сыскывая и животов моих, ево жгли и пытали всякими крепкими пытками, и, пытавши, ево взяли с собою. И как шли воры казаки под Москву, Ермолка Терентьев с товарищи, и человек было мой, Оска, от них ушел и побежал ко мне, холопу твоему. И человека моего, Оску, поймали у Троицы в Сергиеве монастыре и сослали, государь, в Переславль в Залеской в тюрьму, и человек, государь, мой, Оска, и пося места в Переславле сидит в тюрьме.

^{п-1} В рукописи ошибочно Водимеря.

^{м-1} — ^{м-1} Написано над строкой теми же почерком и чернилами.

^{н-1} Датируется на основании пометы на отписке владыкой Троице-Сергиева монастыря о высылке пленных казаков в тюрьму Переяславля Залесского (ср. док. № 22).

Милосердый и праведный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели моего человека Оску из тюрьмы освободить для ево крови и терпенья, чтоб ему внапрасне в тюрьме не умереть.

Царь государь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, смилуйся, пожалуй!

На об. помета: Выписать, где взят и за что посажен в тюрьму.
ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 185. Подлинник.

№ 26. 1615 г. не позднее октября 23^{о-1}. — Челобитная казаков В. Иванова и М. Иванова об освобождении из тюрьмы

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси л. 282
бьют челом бедные ис темницы холопи твои государевы козаки Сидоровские станицы Заварзина Васка да Мишка Ивановы детишка.

Служили, государь, мы, холопи твои, под Москвою с твоими государевы бояры со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким без съезду. Да мы ж, холопи твои, были на твоей государеве службе з боярином жа вместе под Новым городом на Бронницах, стояли до отходу. И после, государь, отходу кормилися. И как, государь, козаки пришли под Москву и ис под Москвы пошли, и нас, холопей твоих, взяли на Москве и привели в Козачей приказ к Ивану Михайловичу Пушкину. И ис Козачьева приказу вкинули, государь, нас в тюрьму. И мы, бедные холопи твои, в темнице живот свой мучим с тех мест и по ся мест и помираем голодною смертью.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих бедных, и вели, государь, нас ис темницы выкинуть на поруки, чтоб мы, холопи твои, сидячи в темнице, вконец не погибли и голодною смертью не померли.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 282. Подлинник.

№ 27. 1615 г. не позднее ноября 6^{п-1}. — Челобитная стариц Московского Рождественского монастыря Евдокии и Понареи об освобождении из тюрьмы их брата С. Петрова

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси л. 289
бьют челом нищие твои государевы богомолицы Рожества пречистые богородицы монастыря старица Евдоксеища да старица Понарища.

В прошлом, государь, во сто двадесят третьем году, как побили под Москвою воровских казаков, и в те поры, государь, взяли братишка нашего Степанка Петрова сына на Москве за козака места и вкинули ево в тюрьму. И с тех мест по ся места живот свой мучит, сидя в темнице, и помирает голодною смертью. А братишка, родимец, от Николы чудотворца Зараского крестьянской сын и в воровских казаках он не бывал.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, нищих своих государевых богомолиц, дай бедному свет видеть, вели, государь, братишка нашего ис темницы выкинуть вон на московскую поруку, что он, сидя в темнице, голодною поспрасною смертью не умер.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На об. помета: Выписать ис приводу.
ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 289. Подлинник.

№ 28. 1615 г. не позднее ноября 6. — Выписка из расспросных речей казака С. Петрова 23 июля 1615 г.

Выписан ис казачья приводу

В прошлом во 123-м году июля в 23 день, как бояре и воеводы побили воров под Даниловским, и того дни приведен казак Мурзиной станицы л. 290

^{о-1} Датируется на основании отметки на выписке из расспросных речей В. и М. Ивановых, составленной в связи с этой челобитной (л. 283).

^{п-1} Датируется на основании пометы на выписке из расспросных речей С. Петрова, составленной в связи с этой челобитной (ср. док. № 28).

Семенова Степанко Петров. В роспросе сказался крестьянской сын от Николы Заразково государевой Солоченской волости — был в казаках как вор пошел из Стародуба¹⁴. И ныне он сидит в тюрьме.

И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом Рождественно монастыря старицы Евдокея да старица Понарья: как побили казаков, и в те поры взят брат их Степанко Петров, и государь был их пожаловал — велел брата их дать на поруку.

На об. справа: Справил Васка Савин.

На л. 289—290 по склейке и на л. 290 под текстом помета: 124-го ноября в 6 день бояре приговорили дать на крепкую поруку.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 290. Подлинник.

№ 29. 1615 г. не позднее ноября 21.— Челобитная казака Ф. Иванова об освобождении из тюрьмы

л. 298 Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом Васильевы жены Федоровича Воранцовы Марья Васильевны крестьянинец из подмосковной деревни села Гребенева Фетка Иванов.

В Смутное, государь, время в Московское разарение был, государь, я, сирота твоя, с казаками под Москвою. И как, государь, нарекли тебя, государя, на Московское государство, и нас, государь, из Ерославля послали со князем Семеном Прозоровским на Тихвино в осаду¹⁵. А из Тихвина были под Новым городом и под Ладогою, и на Бронницах в осаде, государь, сидели, и всякия твои царские службы служил. И в прошлом, государь, во сто двадцат третьем году, как к тебе, государю, казаки пришли к Москве, и меня, сироту твою, взял сын боярской чебоксарец Федор княж Горской здесь, на Москве, и привел меня в Разряд, а назвал меня своим человеком, а хотел в свое поместье свести. А нынеча, государь, я, сирота твоя, сижу в тюрьме.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, [сиро]ту свою, вели, государь, меня из тюрьмы на поруки выкинуть и вели, государь, мне быти за государынею сво[ею] по-старому во крестьянех.

Царь государь, смилуйся!

На об. помета: Государь пожаловал — велел дать на крепкие поруки ноября в 21 день. ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 298. Подлинник.

№ 30. 1615 г. не позднее декабря 4.— Челобитная кравчего М. М. Салтыкова о выдаче ему из тюрьмы казака С. Уразова — бывшего холопа П. Ф. Басманова

л. 301 Царю государю и великому князю Михаилу Федорови[чю] всеа Русии бьет челом холоп твой Михалка Салтыков.

Милосердый государь царь и великий князь Михайл[о] Федорович всеа Русии, пожалуй меня, хо[ло]па своего, вели, государь, мне Петровского челов[ека] Босманова строшника Суханка Ураз[ова] ис тюрьмы дать. А тот, государь, Суханка Ураз[ов] был в казаках¹⁶.

Царь государь, смилуйся, пожал[уй]!

На об. пометы:

Государь пожаловал — велел дать.

124-го декабря в 4 день вынят, и взял его Михайлов человек Степан Не...сов.^{p-1}

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 301. Подлинник.

№ 31. 1616 г. не позднее января 30^{c-1}.— Челобитная казака А. Иванова об освобождении из тюрьмы

л. 361 Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом бедной заключеной ис темницы Ондрюшка [Ива]нов.

Служил, государь, я тебе, государю, казачью службу. Бы[л] на твоей царской службе у Пречистыи Богородицы в Тихвин[е у] стольника и воеводы со князем Семеном Васильевич[ем] Прозоровским да с Левонть-

^{p-1} Утрачены две-три буквы — обрыв.

^{c-1} Датируется на основании пометы на выписке из расспросных речей А. Иванова, составленной в связи с этой челобитной (ср. док. № 32).

ем Ондреевичем Вельям[и]новым, от немец и от литвы в осаде сидел и всякую осадную нужу терпел, и ранен, государь, я был четьыржи. И после тово был я, холоп твой, на т[воей] царской службе в Корельском уезде и на Немецком рубеж[е], и под Шавельским городком з головами с Ондреем Тюче[вым] да с Ываном Золиным. Да яс же, холоп твой, был на твоей царской службе в Заонеских погостех с в[о]еводю з Богданом Чюлковым, от литвы в Андомск[ом] и в Толвоском острошках сидел¹⁷, да яс же, государь, был на твоей царской службе под Ладугю¹⁸ з головою с Вилипом¹⁹ Арпыбушовым.

И как, государь, казаки пошли к Москве к тебе, государю, а яс, бедной, прибрел с ними ж. И ис под Москвы, государь, казаки побежали, а яс, государь, был здесь в Москве и на другой день в понедельник прибрел яс, бедной, к записке в Розряд сам. И м[е]ня, государь, вкинули в тюрьму, и яс, бедной, мучю живот свой в тимнице от тех мест и по яс места, помираю голодною смертью.

Милосердый и праведный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, смилуйся, дай бедному свет видеть, вели, государь, меня, бедного, ис темницы выкинуть, чтобы яс, бедной, сидя в темнице голодно[ю] смертью не умер и вконец не погиб.

Царь государь, смилуйс[я]!

На об. помета: Выписать из роспросных речей.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 361. Подлинник.

№ 32. 1616 г. не позднее января 30. — Выписка из расспросных речей казака А. Иванова в Разрядном приказе 23 июля 1615 г.

И выписано ис приводу

л. 362

В прошлом во 123-м году июля в 23 день, как побили бояре и воеводы воров казаков под Москвою, и тово ж дни привел в Розряд Ивановы жены Босманова человек Сомсонка Елизаров казака Олександровы станицы Трусова Ондрюшка Иванова. А сказал Самсонка Елизаров, что ево взял на Москве у Живого мосту. И приводной человек казак Ондрюшка Иванов в роспросе сказал. Хаживал он в Ямском приказе в неделях. А в казакех был с Тихвинской осады. А сказал: взят на Москве у Живого мосту.

И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом Ондрюшка Иванов, чтоб государь ево пож[а]ловал — велел ево ис тюрьмы дать на поруку.

На об. справа: Справил Офонка Мезенцов.

На л. 361—362 по склейке и на л. 362 под текстом помета: 124-го генваря в 30 день дать на крепкую поруку з записью.

На л. 362 под текстом отметка: По сей помете февраль в 2 день пристав дал Кондратей Бобров.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 362. Подлинник.

№ 33. Не ранее 1616 г. февраля 3^{Ф-1}. — Челобитная казака И. Петрова об освобождении из тюрьмы

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом и плачетца сирота твой ис темницы Ивашка Петров.

л. 369

Служил я тебе, государю, твои государевы службы в стрельцах в Михайлове приказе Темкина. А после, государь, Московскаго розоренья служил казачью службу. И как, государь, казаки учили быть не в послушанье, и меня, сироту, с собою волочили сильно для рукоделишка, что стружю ножнишка сабельные. И ты, государь, на казаков положил свою государеву опалу — велел их своим государевым ратным людям побить, а достальных в тюрьму помятать. И меня, сироту, в те поры взяли за Котлом, и ныне в тюрьме живот кончаю.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пощади, пожалуй от смерти живот, вели, государь, дати меня на

¹⁷⁻¹ Так в рукописи.

¹⁸⁻¹ Так в рукописи.

^{Ф-1} Датируется на основании пометы на выписке из расспросных речей И. Петрова, составленной в связи с этой челобитной (л. 370).

поруки, а пор[у]ка, государь, по мне крепкая. А воровства, государь, моего наперед тово нигде не бывало.

Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй!

На об. помета: Выписать ис приводу.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 369. Подлинник.

№ 34. 1616 г. не позднее марта ^{x-1}. — Челобитная казаков Р. Савельева и Я. Иванова об освобождении их родственников из угличской тюрьмы

а. 134

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьют челом холопи твои козачишка псковские седельцы Таирово станицы Федорова Ромашко Савельев да Федоровой станицы Титова Якунка Иванов ¹⁸.

В прошлом, государь, во 123-м году, как был на Вологде твой государев боярин и воевода князь Борис Михайлович Лыков, и посылал от себя посылку юртовских татар под Баловня. И от Баловнева войска брели пеши к тебе, ко государю, к Москве мой Ромашков брат иноземец, затымской черкашенин, а мой Якушков братишко Милейко Семенов да племянник Фетка Булдаков. И в той, государь, посылке те юртовские татарове их на дороге поймали и привели на Углич и посадили в тюрьму. И нынеча, государь, они на Угличе сидят в тюрьме.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас холопей своих — вели, государь, нам дати свою государеву грамоту на Углич и вели, государь, их ис тюрьмы выкинуть, чтоб они, сидятчи в тюрьмы, напрасно голодною смертью не померли.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На об. помета: Отписать — больше того вины нет, дать на крепкие поруки.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 134. Подлинник.

№ 35. 1616 г. между апреля 9 и апреля 22. — Отписка Боровского воеводы Т. И. Поливанова в Разрядный приказ о побеге казаков из тюрьмы и их поимке

а. 162

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Тимошка Поливанов челом бьет.

Писал я, холоп твой, к тебе, государю: в нынешнем во 124-м году апреля в 9 день в ночи поткопались ис тюрьмы тюремные сидельцы козаки шеснатцать человек, которые приходили после розгрому, как ходил боярин князь Борис Михайлович Лыков за воры за козаки, которые с погрому бежали ис под Москвы. И я, холоп твой, за теми тюремными утеклецы посылал Леонтья Поливанова да Михаила Хомякова, а с ними козаков. И Леонтей и Михайло и козаки тех воров поймали десять человек, а про достальных утеклецов заказ учинили. Тех достальных утеклецов шти человек поймали и в Боровск привели Ивана Ондреева сына да Июды Загряжских люди и крестьяне да Несмеяновы крестьяне Чаплина. И я, холоп твой, тех воров велел в тюрьму пометать до твоего государева указу.

И о тех, государь, тюремных сидельцах как укажешь?

На об.: Отметка о получении: 124-го апреля в 22 день.

Помета: Сыскать прежнюю отписку и по тому отписать.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 162. Подлинник.

№ 36. 1616 г. не позднее мая 4 ^{x-1}. — Челобитная казака С. Угримова о возвращении лошадей, украденных служившими у него молодыми казаками

а. 140

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси б[ьют] челом холоп твой козак Таировы станицы Федорова Семейко Угримов.

^{x-1} Датируется на основании грамоты в Углич, посланной в связи с этой челобитной (л. 135—136).

^{x-1} Датируется на основании грамоты в Троице-Сергиев монастырь, посланной в связи с этой челобитной (л. 141).

Деелось, государь, в прошлом сто дватцать в третьем году — шли мы, холопы твои, с Тифины к тебе, государю, к Москве с твои государевы воеводы со князем Микитою Волхонским да Степаном Чемесовым. И в те поры побежали у меня у реки Учи трое моих робят, а с собою свели четверо лошадей: мерин гнед да мерин коур, да кобылу рыжу, да мери[н] же гнед. И тех, государь, моих робят переимали у Живонача[льной] Троицы в Сергиеве монастыре, и в записке ведомо ш[то] те лошади прямы мои. А без твоей царьской грамоты мне, холопу твоему, не отдадут.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, пож[а]луй меня, холопа своего, вели мне дать к живоначальной Троице в Сергиев монастырь по те мои лошади свою ц[ар]скую грамоту, чтоб я, холоп твой, твоей царьской службы [не] отстал и вконец в том не погиб.

Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На об. помета: Дать грамота, а велеть сыскать да отписать.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, № 2, л. 140. Подлинник.

Примечания

- ¹ В 1612—1613 гг. в Белозерском уезде было испомещено значительное число новых помещиков, в том числе иноземцев.
- ² «Московским разорением» в те годы называли сожжение Москвы поляками 20 марта 1611 г.
- ³ Вологда была захвачена и опустошена польско-литовским отрядом в сентябре 1612 г.
- ⁴ Посланный В. Шуйским для сопровождения М. Мнишек и ее отца отряд был разбит под Белой в августе 1608 г. войсками Лжедмитрия II.
- ⁵ Отряд А. Лисовского появился под Брянском весной 1615 г.
- ⁶ Ермола, Ермак — атаман Ермолай Терентьев (ср. док. № 25).
- ⁷ Далее приводится наиболее подробное по сравнению со всеми другими источниками описание сражения правительственных войск с казаками под Москвой.
- ⁸ Отступая из-под Москвы, казаки прошли мимо Боровска и были окружены под Малоярославцем на р. Луже (ср. док. № 9).
- ⁹ В Бронницком остроге в 1614 г. находилась основная часть армии боярина кн. Д. Т. Трубецкого, осаждавшей Новгород. Когда в июле шведы захватили острог, воевода с остатками войск отошел к Торжку.
- ¹⁰ В январе 1615 г. казаки согласились вернуться на царскую службу и во главе с присланными к ним воеводами кн. Н. А. Волковским и С. В. Чемесовым двинулись под Тихвин. В конце мая или в июне между Тихвином и Ладогой произошел раскол казачьего войска: большая часть казаков отъехала от воевод, меньшая вместе с воеводами возвратилась в Москву. С этими казаками и шел О. Федоров.
- ¹¹ По приговору Земского собора боярин кн. Б. М. Лыков выступил против казаков в сентябре 1614 г. Определить точно время столкновения в Прилуцкой волости известные источники не позволяют.
- ¹² Сказка содержит оригинальный рассказ о расколе казачьего войска (см. прим. 10), существенно дополняющий сведения разрядных книг.
- ¹³ Здесь Ермолай Терентьев (Ермак) именуется главой казачьего войска; однако большинство документов, а также Новый летописец, называют вождем казаков Михаила Баловнева. Е. Терентьев был, по-видимому, вторым по влиянию атаманом у составших. В начале февраля 1614 г., еще находясь на правительственной службе, он отличился в бою с запорожскими казаками на Олонце (Акты Московского государства, т. 1, с. 86).
- ¹⁴ Отряды Лжедмитрия II начали поход из Стародуба в сентябре 1607 г.
- ¹⁵ Отряд кн. С. В. Прозоровского и Л. А. Вельяминова был осажден в Тихвине в августе 1613 г. и в течение месяца защищал город от осаждавших его шведских войск.
- ¹⁶ П. Ф. Басманов погиб вместе с первым Лжедмитрием в мае 1606 г. С этого времени, очевидно, его холоп и стал казаком.
- ¹⁷ А. Иванов описывает свое участие в военных действиях против находившихся на шведской службе отрядов запорожских казаков в конце 1613 — начале 1614 г.
- ¹⁸ Таир Федоров — один из атаманов, отъехавших к воеводам в результате раскола казачьего войска под Тихвином. После подавления восстания отряды казаков, в том числе Т. Федорова, были посланы в Псков, осажденный летом 1615 г. шведским королем Густавом-Адольфом.

ВОСПОМИНАНИЯ С. К. БОГОЯВЛЕНСКОГО О В. О. КЛЮЧЕВСКОМ

Известный историк и архивист член-корреспондент АН СССР Сергей Константинович Богоявленский (1871—1947) не оставил прижизненных публикаций статей и воспоминаний о В. О. Ключевском. В монографии М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский» широко использованы воспоминания его учеников — написанные (печатные и рукописные) и устные, в том числе и Богоявленского. При этом Нечкина отмечает, что приводимые ею сведения о Ключевском основаны на устных сообщениях Богоявленского¹. Оказывается, однако, что в 1946 г. С. К. Богоявленский публично выступил с воспоминаниями о Ключевском на заседании Ученого совета МГИАИ 25 мая 1946 г., посвященном 35-летию со дня кончины Ключевского. Неправленная стенограмма выступления находится в фонде МГИАИ в ЦГАОР г. Москвы (ф. Р-535, оп. 1, д. 282). В личном фонде ученого, хранящемся в Архиве АН СССР, этого материала нет².

Заседание открыл А. И. Андреев. Вслед за ним говорил С. К. Богоявленский. Затем были заслушаны доклады П. П. Смирнова и Л. В. Черепнина о Ключевском как исследователе³ и Н. В. Устюгова о Ключевском как преподавателе. Машинописный текст воспоминаний С. К. Богоявленского находится на л. 3—15 дела.

Скорее всего, Богоявленский во время выступления не имел перед собой текст и иногда как бы отступал в сторону от намеченного плана и обращался — по ассоциации — к близким по теме сюжетам. Для тех, кто имел возможность слушать когда-либо Сергея Константиновича, ясно, что стенограмма, видимо, достаточно точно передает его манеру небыстрой, точной в определениях и одновременно образной речи.

Информационная ценность и своеобразие воспоминаний С. К. Богоявленского о В. О. Ключевском как историографического источника несомненны. Воспоминания эти содержат любопытный материал о некоторых подробностях биографии Ключевского и образе его поведения, о людях, его окружавших, и их взаимоотношениях. (Хотя материал этот, конечно, необходимо сопоставить с целью критической проверки с другими данными о Ключевском).

Воспоминания С. К. Богоявленского интересны и как свидетельство того, что сохранилось в памяти о Ключевском у его учеников через 35 лет после кончины историка⁴ и что они полагали нужным сообщить о Ключевском молодым поколениям.

С. О. Шмидт

Товарищи! Я до сих пор ни разу не выступал с воспоминаниями о Василии Осиповиче Ключевском. Мне всегда казалось, что то, что я расскажу, будет слишком бледно, будет недостаточно отчетливо характеризовать такую замечательную личность, каким был Василий Осипович. Теперь, когда прошло 35 лет, я думаю, что можно поделиться некоторыми воспоминаниями, тем более, что Ключевского первый раз я увидел очень давно. Мне было тогда лет шесть. Мой дед был ректором Духовной академии и именно он открыл Ключевского и уступил ему кафедру русской истории, а сам перешел на один из богословских предметов¹. Между нашей семьей и Ключевским была всегда тесная связь, и надо

¹ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 599, 603.

² Черепнин Л. В. Сергей Константинович Богоявленский как историк. — АЕ за 1972 год. М., 1974; Станиславский А. Л. Личный фонд С. К. Богоявленского в Архиве АН СССР. — Там же.

³ Доклад Л. В. Черепнина, подготовленный к печати Л. В. Шохиним, публикуется в наст. изд.

⁴ Незадолго до этого С. К. Богоявленский уже пытался кратко передать в печати свое впечатление от лекций В. О. Ключевского в статье, посвященной памяти Ю. В. Готье (ИАН. Сер. истории и философии, 1944, т. 1, № 3, с. 109).

сказать — сердечная связь, которая не прерывалась до самой смерти Ключевского. Не скрою, что в этот период времени бывали и некоторые недоразумения между нами, — я дальше укажу, какие к этому были причины.

С именем Ключевского я познакомился, когда был еще в гимназии. Тогда у нас был учитель истории плохой, слабый (я учился в Третьей гимназии), который задавал нам уроки «от сих пор до сих пор», так же спрашивал нас уроки и редко-редко, когда читал нам какую-нибудь статью. А между тем у гимназистов были другие запросы, которые касались и истории, и мы читали Ключевского, его литографированный курс. Диссертации его осилить мы в то время еще не могли, но курс читали с увлечением. Поэтому, когда я окончил гимназию и после размышлений — на какой факультет мне идти, курс Ключевского сыграл большую роль, и я поступил на историко-филологический факультет.

Естественно, что появление Ключевского, которого я видел и до этого много раз в своем детстве, но в очень раннем детстве, — было для меня очень интересно.

И вот, — первая лекция Ключевского! Мы прослушали нескольких профессоров и некоторые лекции их были очень неудачны. Московский университет, когда я в 1891 году поступил туда, обладал множеством замечательных, талантливых, блестящих профессоров, но вместе с тем в их среду были вкраплены и некоторые очень слабые силы, которых студенты называли «убогими». После лекций двух профессоров из слабых мы попали на лекцию Ключевского. Ключевский пришел на лекцию точно в назначенный час, появился в аудитории своей обычной походкой; (когда он шел в аудиторию, он как бы пробирался как-то) подошел к кафедре, но он не всходил на нее, а останавливался на приступочке, опираясь на пюпитр. Затем из громадных размеров портфеля он вынимал литографированный курс своих лекций. Это было обязательно, без этого не начинал он ни одной лекции. А обязательным это было потому, что он был очень мнителен и очень неуверен в своих силах. Для тех, кто считает, что они все знают, — фигура Василия Осиповича, который во время лекции иногда заглядывал в свой курс, хотя читал он его 30—50 раз, — эта черта Ключевского должна быть поучительным примером.

Чтобы охарактеризовать Василия Осиповича, я укажу, что он перед каждой лекцией, даже в последние годы своей жизни, очень волновался, как-то робел немного и спасительный литографированный курс его лекций был для него как бы якорем спасения. А между тем он прекрасно все это знал, и, конечно, не только свой курс, но и гораздо, гораздо более того.

Я припоминаю такой случай. В Духовной академии было торжественное заседание по поводу юбилея преподобного Сергия. Речь, которая потом напечатана², посвященная памяти преподобного Сергия, должна была быть произнесена Ключевским. На этом собрании присутствовал митрополит, целый ряд архиереев, студенты, приглашенные, в числе которых был и я. Рядом со мной сидела жена Василия Осиповича — Анисья Михайловна. Между первыми рядами слушателей и кафедрой было довольно большое пустое пространство, которое должен был пройти Ключевский, чтобы попасть на кафедру, получив благословение митрополита. Ключевский пошел к кафедре и по дороге вытащил пачку листков, на которых была написана его речь. И вдруг Ключевский как-то загнулся и все листочки рассыпались по свободному пространству. Моя соседка говорит: «Я очень волнуясь за Василия Осиповича, как он обойдется без этих листков...». А супруга Василия Осиповича отвечает: «Успокойтесь, он все наизусть выучил». И Ключевский действительно прекрасно говорил, без остановок, без запинок. И все же, — нет-нет, а нагнется и поднимет один из листков и положит перед собой. Такая робость, неуверенность в своих силах, которая иногда даже вызывала удивление, была очень характерна для Ключевского, так как бывали случаи, когда он должен был быть господином положения.

Готовясь к лекции, он припоминал все жесты, которые надо сделать в данном случае. Мне удалось дважды прослушать его полный курс: первый раз будучи студентом и второй раз уже по окончании университета. Когда я был студентом и впервые слушал курс Василия Осиповича, меня поражала и захватывала художественная часть его лекций. Научные достоинства я в то время не оценил еще в полной силе, но то, что передо мной был первоклассный художник слова — это я понял уже и тогда. Я как сейчас помню его лекцию, касавшуюся событий в Москве в начале 17-го века, периода интервенции, когда Ключевский говорил, как русский человек поднялся на защиту родины, как появились Минин и Пожарский и проч. Лекция происходила в большой «словесной» аудитории, окна которой выходили на Кремль. И вот, когда Ключевский говорил о силе русского духа, о появлении русских героев, — он как-то поднял руку, пальцем как бы указывая на Кремль, и обратился туда взором. Впечатление это создавало колоссальное. Но этот жест не был случайным, он был обдуман заранее. Когда во второй раз я слушал курс Василия Осиповича, я следил и ожидал, как он будет произносить эти фразы. И он точно так же приподнял руку, точно так же устремил взгляд на Кремль.

Необычайно остроумный от природы человек, находчивый, о чем можно судить по его работам, он и каждую свою остроту обдумывал заранее. Это был человек, который как-то не был уверен в себе и поэтому заранее продумывал все до мельчайших подробностей.

Первые лекции Ключевского, помню, прошли не очень заметно, мы не очень поняли и оценили их. Но чем дальше, тем лекции становились все интереснее и интереснее, и даже некоторые «аристократы», которые были у нас на курсе и сидели для вида на первых партах, чтобы быть замеченными профессорами, — перестали дремать на лекциях Ключевского. Аудитория на лекциях Ключевского неудержимо росла. Я не говорю уже об историках, которые должны были слушать его курс, и все присутствовали на лекциях, за редким исключением, но на этих лекциях появлялись в большом количестве слушатели, не имевшие никакого отношения к историко-филологическому факультету: юристы, медики. Аудитория всегда была переполнена.

Я припоминаю такой случай. Был один классик, который нам читал на 4-м курсе. Но нам было некогда слушать его скучные лекции, но экзамен надо было сдавать, и поэтому мы установили очередь слушания его лекций — по два человека. Но и это оказалось нам не под силу, так как приходилось писать сочинения, и мы нашли другой выход: мы наняли двух праздных юристов, чтобы они слушали этого профессора. Мы платили из расчета по 50 копеек за час. Но они не оправдали нашего доверия, и профессор стал жаловаться на студентов на факультетском собрании. Субинспектор, который был расположен к нам, догадался, в чем дело, но сказал так: «Что это профессор жаловался, что студенты обленились, ничего не делают, на лекциях бывают только два человека, но один из них спит, а другой „Вестник Европы“ читает ...». Тогда Ключевский говорит: «Валериан Александрович³, Вы говорите, студенты не посещают лекций, а у меня их много бывает».

Мы все больше и больше увлекались лекциями Ключевского, и именно, слушая этот курс, я думаю, многие решили заняться историей. Ключевский так все преподносил логично обоснованно, так все вытекало у него одно из другого, что, казалось, заниматься историей — просто пустяки, надо только логически мыслить. И на первом же курсе у нас появилось желание делать открытия, и немалые открытия...

Когда мы были уже на 4-м курсе, с Ключевским стряслась беда — он был освистан студентами⁴. Мы, историки, ничего не знали, но подозревали, а некоторые, может быть, и знали, что среди студентов идут разговоры о том, что Ключевский подхалимничает, что в «Обществе истории и древностей российских» он произнес речь, в которой превозносил Александра III. В университете мы нашли большую, возбужденную тол-

пу студентов. В вестибюле была масса студентов и на третьем этаже стояло много народу, пушукались и шумели. Ключевский по обыкновению проскользнул на кафедру, но видно было, что он волнуется. Мы тоже волновались. На кафедре у Ключевского лежала иллюстрированная басня относительно подхалимства. Ключевский посмотрел и отложил картинку в сторону. Когда он кончил лекцию, раздались неистовые свистки, шум, и Ключевский, собиравший в это время свои пожитки, быстро вышел из аудитории. Но ему пришлось пройти длинную лестницу, вдоль которой стояли студенты и свистели ему вслед. Оказывается, это устроили медики, чтобы продемонстрировать свое недовольство поведением Ключевского. Шум продолжался. Забегали субинспектора, педели; медики живо исчезли. Это дело до конца осталось неразъясненным. На следующий день или через день, когда Ключевский пришел на очередную лекцию, студенты-историки встретили его громом аплодисментов, и он, видимо, был этим очень тронут.

На 4-м курсе были семинарские занятия Ключевского. Но Ключевский семинарские занятия не вел так, как это обычно делается — в виде работ студентов. Он читал нам об источниках и читал мастерски относительно летописей, и мы думали, как это не приходило в голову раньше, это же так ясно и просто все скомбинировать. Надо сказать, что может быть в связи с инцидентом, о котором я только что рассказал, Ключевский мало занимался со студентами. Охотно и много он занимался со студентами Духовной академии.

На 4-м курсе был ряд недоразумений по поводу П. Н. Милюкова. Ключевский читал курс лекций наследнику Георгию Александровичу, который был болен туберкулезом в последней стадии, жил в Абастумане, и Ключевский был приглашен прочесть ему курс лекций. Это ставилось ему в вину. Милюков очень внимательно занимался со студентами, давал им темы, студенты разбирали их. Милюков руководил прениями, и это проходило так живо и интересно, что на эти занятия часто сходились студенты других курсов. Милюков в то время был наиболее либеральным из профессоров и вызывал у студентов огромные симпатии. И вдруг Милюкова в конце 4-го курса выслали в Рязань. Это повело к тому, что отношение к Ключевскому сильно изменилось — ухудшилось. Как потом выяснилось, Ключевский не имел никакого отношения к высылке Милюкова, но он был в ссоре с Милюковым, и эта ссора сказалась во время диспута. Милюков представил большую книгу «Государственное хозяйство России»⁵. Предполагалось, что за эту работу он получит сразу докторскую степень. Но Ключевский воспротивился этому. Между ними было много недоразумений. И Ключевский и Милюков были люди резкие, и каждый из них имел свое твердое самостоятельное мнение. Наступил день диспута. Речь Милюкова была встречена аплодисментами. Студентов собралось большое количество. Ключевский обычно блистал на диспутах, но на этот раз он чувствовал некоторую как бы пришибленность, ему было не по себе. А Милюков на каждое возражение давал свой ответ, подчас в очень резкой форме. Ключевский говорит: такого документа нет. Милюков отвечает: есть, я сам видел его. Вот в таком роде шел спор. И когда Ключевский кончил говорить, раздалось несколько свистков, а обычных аплодисментов не было.

Эти настроения коснулись, естественно, и меня. И по окончании курса, когда Ключевский при встрече со мной пригласил меня зайти к нему потолковать на квартире о моем будущем, я пошел к нему, но, должен сознаться, был с ним недостаточно почтителен. Я пытался уличить Ключевского в том, что мою кандидатскую работу он не читал.

Кончил я университет, и затем долгие годы я не виделся с Ключевским, пока не пришлось встретиться в «Обществе истории и древностей российских», в Архиве⁶.

Ключевский занимался очень усердно в Духовной академии. Там его обожали, тем более что малоинтересные чисто богословские предметы разнообразились лекциями Ключевского. Ключевский был несколько

замкнутым, не простым человеком. А у Троицы он становился простым, доступным человеком. Он сам прошел духовную школу, и такие профессора, как Голубцов⁷ и другие, были там. Рассказывали о его выступлении. Когда закончил курс один из выпусков, решили устроить Ключевскому особое приветствие с изъявлением благодарности за его лекции. В это время ректором Академии был Храповицкий, который соблазнял студентов идти в монахи, так что даже острили, что это не Духовная академия, а «парикмахерская», где «постригаются». Ключевскому это не нравилось. Многие шли в Академию ради карьеры, а монашеская карьера была более выгодной. И вот, когда студенты Академии пришли приветствовать Ключевского, и тут же присутствовал и Храповицкий, Ключевский обратился к ним с ответным приветствием и благодарностью. Студенты стояли с двух сторон — с одной монахи, с другой светские. Он обратился к ним, сначала к монахам и сказал: «Благодарю вас, принявших ангельский чин, и вас (обратился к другим) — благодарю, не потерявших человеческий».

По окончании курса, после неудачных работ по археологии, я поступил в архив исторических дел. Туда постоянно заходил Ключевский. Этот архив вообще был своего рода ученым клубом. Здесь встречались московские ученые с приезжими из Петербурга, например, Платоновым⁸, здесь работали Кизеветтер⁹, Богословский¹⁰ и многие другие. И Ключевский заходил туда, чтобы воспользоваться архивными документами. Он был очень сосредоточен на своих работах; если он писал какую-нибудь работу, например о Екатерине II, он весь погружался в это занятие. А ему мешали работать, дергали во все стороны. Если, например, какой-нибудь художник ищет тему для своей картины или не знает, как написать какие-то вещи, все обращаются к Ключевскому. Если артист хочет в своей роли сказать что-то новое, он обращается к Ключевскому (при постановке исторических пьес). Это сильно мешало в работе Ключевскому, он сердился на эти помехи. В архиве же работало много людей, с которыми Ключевскому интересно было побеседовать на свою тему, и он часто бывал у нас. В то время работали в Архиве и Белокуров¹¹ и я. Мы все видели, как много времени уходит у Ключевского на эти пустяки, разные справки и проч. и как это мешает ему работать. Как-то раз приходит Ключевский и говорит: «Нет ли здесь где-нибудь указаний, тут один художник пишет о ереси жидовствующих, о том, как их посадили на лошадей лицом к хвосту и пустили по городу, так вот художник не знает, было это зимой или летом, какой надо дать пейзаж». По этому можете судить, как его обременяли такими вещами. Мы охотно дали справку. Но иногда справки были более сложные, требовавшие серьезного исследования, но мы всегда охотно делали эту работу для Ключевского. У Ключевского была необыкновенная способность провидения, и он иногда говорил: чувствую, что в работе что-то не так, а не разберусь. Иногда бывали интересные сопоставления, когда встречались, например, Ключевский и Платонов. Они оба острили, изопрямь один перед другим. Платонов довольно скоро должен был обычно только слушать, а не говорить, т. е. с Ключевским трудно было соперничать в остроумии. Или Бартенев¹², у которого было два героя: Екатерина II и митрополит Филарет; по этому поводу Ключевский сказал: «это посмертный любовник Екатерины II». Много таких остроумных словечек им было сказано.

Представляю себе Ключевского на диспутах. Он всегда бывал блестящ. Некоторые уверяют, что он не всю книгу подчас прочитывал, идя на диспут. Но заметить это было трудно. Иногда обращали внимание, что он говорит о начале книги, но уличить его в том, что он конца не прочел, было трудно. Василий Осипович не любил толстых, тяжелых книг. Он читал обычно на ходу, держа книгу в руках, ходя через три комнаты в мягких туфлях, в коротком архадуке, на ходу листал книгу. Поэтому держать в руках толстый том ему было неудобно, и толстые книги обычно он разрывал на части.

Ключевский часто с какой-то новой точки взглядывал на тот или иной вопрос и так ясно освещал его, что обычно выступления его кончались бурными аплодисментами, а диспутант только иногда произносил: «Да, это очень интересно, благодарю Вас».

Я помню диспут один. Он накануне приезжает и говорит: «С. К., Вы геометрию помните? Мне надо вычислить здесь круг, а потом еще один круг побольше, что обозначен полосочками». Я говорю: помнится, что-то «пи» там участвует. На следующий день он говорит: «Как Вы не разобрались в лесной полосе вокруг Москвы. Достаточно решить маленькую геометрическую задачу, чтобы определить».

Ключевский был очень интересен неожиданностями, которыми сопровождался диспуты, в которых он участвовал. Выпивал он основательно и иногда развеселится так, что я до сих пор помню, как он рассказывал о Московском университете и о том, как он начинал свою карьеру. Это было просто замечательно. Диспутанты очень трусили перед своими выступлениями, когда знали, что будет выступать Ключевский.

Надо упомянуть о моих встречах с Ключевским в «Обществе истории и древностей российских». Это было закрытое общество, куда могли попадать только члены его. А для того, чтобы быть принятым в члены общества, надо было прочитать доклад. Создавалось положение, что нежелательный элемент не допускался туда. Ключевский там тоже был в своей среде. Там был его большой приятель Любавский¹³, потом Барсов¹⁴, архитектор Никитин. Это был небольшой кружок, который очень дружно работал. В Обществе были «Чтения» — это источник, без которого не обойдешься. Ключевский был председателем Общества. В 900-х годах я нашел Судебник царя Федора Иоанновича, и Ключевский пожелал, чтобы я прочел доклад по этому поводу. И тогда я был избран в члены Общества, раньше Кизеветтера и других. Заседания Общества были очень интересны, особенно теми резюме, которые делал Ключевский. Он был мастером этого дела, и это всегда бывало блестяще. Еще интереснее бывали ужины, которые устраивал Ключевский после заседаний Общества. При этом всегда бывала одна и та же церемония. Он сидит и слушает доклад. Против него сидит Белокуров — секретарь Общества. Вдруг Ключевский берет листочек бумаги и медленно, своим каллиграфическим почерком что-то шипет, а затем передает записку Любавскому. Любавский кладет ее в карман. Мы все знали в чем дело: Ключевский писал, кого пригласить на ужин после заседания. И когда кончалось заседание, к Ключевскому подходил старый служитель Василий, который работал сорок с лишним лет, и говорил: «Ваше превосходительство, пожалуйста», и Ключевский уходил, ни с кем не прощаясь. Белокуров обходил всех и некоторым тихонько говорил: «К Ключевскому». Тот, кто получал это приглашение, веселел, а тот, кто не получал — огорченные разъезжались по домам. Я довольно часто получал приглашения, вероятно, из-за близости с Ключевским по архивной работе. За ужином бывал один и тот же установленный церемониал: закуска — белуга, ростбиф, еще какие-то закуски и в большом количестве разные напитки. При этом на бутылках были наклеены ярлыки необычайных вин: «Шато ла-Роз» или что-либо в этом роде... Заведовал всем этим сын Ключевского Борис. И после того, как выпивалось вино из бутылок, Борис брал пустую бутылку, уходил за ширму и там слышалось бульканье — это наливалось в бутылки 30-ти копейное вино «Автандилова» или в этом роде. Борис был очень скуп, он забирал у отца все деньги, он боялся, чтобы не украли у них экземпляр курса Ключевского. Однажды он советовался о том, как бы составить завещание так, чтобы деньги пошли на то-то, а не на что-нибудь другое. За столом бывали очень интересные разговоры, особенно если Ключевский займется воспоминаниями. Большей частью за столом говорил он один.

Ключевский кончил свою деятельность в качестве председателя Общества. Появился Глазов¹⁵, генерал от инфантерии, который был одно время министром народного просвещения, а еще раньше начальником

[Академии] Генерального штаба. Глазов считал себя ученым и начал выдвигать такой план, чтобы его выбрали председателем Общества, а он выхлопочет субсидию правительства не в 5, а в 10 тысяч. Ключевский узнал об этом и подал в отставку. Выбрали Глазова, и действительно правительственная субсидия была повышена. Но Глазов потерпел большую неприятность на первом же заседании. Был доклад Георгиева, который нашел ряд писем солдатских времен похода Миниха. Глазов выслушал доклад и затем стал говорить о значении Миниха как полководца и высказывал мнение, что приказы Миниха и теперь полезно читать. Ключевский попросил слова и начал разбирать походы Миниха: из такого-то похода вернулись потому, что не было воды; там-то зажгли степь; там погибли от голода... И заключил так: «Этак погубить 60 тысяч человек, не видевши неприятеля — это и без приказов Миниха всякий генерал сумеет».

Я перенесся в эти славные времена Московского университета, и в конце концов мною овладевает грусть: все это было...

ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 282, л. 3—15.

Примечания

- ¹ Дедом С. К. Богоявленского был историк и богослов Сергей Константинович Смирнов (1818—1889).
- ² Речь была произнесена 26 сентября 1892 г. Статья «Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства» опубликована в издании «Богословский вестник», 1892, № 11, с. 1—15.
- ³ Видимо, речь идет о профессоре кафедры классической филологии Московского университета В. А. Шеффере (1864—1900).
- ⁴ Подробности об этом см. в книге М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский», с. 348 и сл.
- ⁵ Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. Отзыв В. О. Ключевского на работу П. Н. Миллюкова опубликован в кн.: *Ключевский В. О.* Соч., М., 1959. Т. 8. О диспуте см.: Историческое обозрение, 1892, т. 5, с. 198—215.
- ⁶ С. К. Богоявленский начал службу в Московском главном архиве Министерства иностранных дел в 1898 г.
- ⁷ Голубцов Александр Петрович (1862—1911), профессор Духовной академии.
- ⁸ Платонов Сергей Федорович (1860—1933), профессор Петербургского университета.
- ⁹ Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933), профессор Московского университета.
- ¹⁰ Богословский Михаил Михайлович (1867—1929), профессор Московского университета.
- ¹¹ Белокуров Сергей Алексеевич (1862—1918), историк.
- ¹² Бартнев Петр Иванович (1829—1912), издатель журнала «Русский архив».
- ¹³ Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936), профессор Московского университета.
- ¹⁴ Барсов Елпидифор Васильевич (1836—1917), секретарь ОИДР.
- ¹⁵ Глазов Владимир Гаврилович (1848—1916).

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ О В. О. КЛЮЧЕВСКОМ

В 1981 г. исполняется 140 лет со дня рождения и 70 лет со дня смерти выдающегося русского ученого, одного из наиболее любимых историков дореволюционной России Василия Осиповича Ключевского. Талантливый исследователь русской истории, автор многих научных сочинений, мастер художественного слова, Ключевский заслуженно славился как великолепный лектор. Его лекции имели огромный общественный резонанс и собирали всегда многолюдную аудиторию. Впечатление, производимое им, надолго врезывалось в память слушателей. Доказательства тому — записи, сделанные как под непосредственным воздействием прослушанных лекций, так и воспоминания, записанные несколько десятилетий спустя. Настоящая публикация включает в себя подобные свидетельства трех деятелей отечественной культуры, рукописи которых хранятся в ЦГАЛИ. Это фрагменты из дневника популярной в прошлом писатель-

ницы и драматурга Рашели Мироновны Хин-Гольдовской (1863—1927); воспоминания поэта, художественного критика и литературоведа Евгения Яковлевича Архиппова (1882—1950) и театрального деятеля Зиновия Григорьевича Дальцева (впоследствии заслуженный деятель искусств РСФСР) (1884—1963).

Всех названных авторов объединяет желание передать вынесенное ими впечатление от лекций Ключевского, понять тайны его мастерства, запечатлеть живой облик ученого — его манеру говорить, малейшие модуляции голоса, его движения, взгляд, мимику, позы, привычки, — одним словом, они рисуют словесный портрет историка. Но прежде всего их свидетельства являются документами своей эпохи и отражают «дух» своего времени. Так, записи Хин-Гольдовской, относящиеся к 1890-м годам, запечатлели общую атмосферу тех лет и наиболее драматический эпизод из жизни Ключевского как профессора — демонстрацию передового студенчества против его панегирического выступления в связи с кончиной Александра III. Дальцев же, слушавший Ключевского в предреволюционный 1904 г., сообщает ценные сведения об использовании революционным студенчеством лекций наиболее посещаемых профессоров — В. О. Ключевского и К. А. Тимирязева — для негласных сходок с целью сбора средств политическим заключенным. В материалах Хин-Гольдовской и Дальцева ощущается сочувствие революционно настроенному студенчеству, тогда как Архиппову явно была ближе официально-охранительная позиция, зиждившаяся на пресловутой триаде: «православие, самодержавие, народность». Публикуемые материалы носят ярко индивидуальный характер, но собранные вместе, они дополняют и взаимно обогащают друг друга. И вместе с тем они показывают, как относились к Ключевскому различные круги и поколения российской интеллигенции. А облик самого Ключевского получает дополнительное освещение.

В тексте буквами обозначены подстрочные текстуальные примечания, цифрами — комментарии, данные в конце публикации.

Р. А. Киреева

Р. М. Хин-Гольдовская

ТРИ ФРАГМЕНТА ИЗ ДНЕВНИКА

1893 г.

1 февраля. Слушала лекцию Ключевского: «Два воспитания — семья и школа». Ключевский — замечательный лектор. Он обладает особым даром рассказывать даже известные вещи так, что в воображении вдруг оживает целая эпоха, о которой в памяти, под грудой других воспоминаний, хранились какие-то обрывки. Ключевский — не только большой ученый, он виртуоз, величайший актер, в котором никто не посмеет, не помыслит указать на «актерство», — до того у него все выходит «натурально». Я ни у кого, кроме Ленского¹, Коклена^{2 а}, — не знаю такого мастерства оттенков в голосе, мимике, жестикуляции — и это при кажущемся однообразии тона, суховатости всей фигуры и строгой сдержанности в жесте. Он завораживает аудиторию. Пока он говорит, все во власти этого волшебника. В чем эти чары: в игре глаз, неуловимой вибрации голоса, в особенном произношении слов, в особенной мимолетной, внезапно вспыхивающей и внезапно угасающей усмешке рта, в лукавом выражении его сухого, умного лица... не знаю... Что ему нравится, за что или за кого он стоит — никогда нельзя угадать. Сегодня он говорил о древнерусской семье. И как говорил! Прямо поэма. Муж-государь учит разуму чад и домочадцев. Жена-государыня, кроткая и домовитая хозяй-

^а Далее неразборчиво одно слово.

ка, благочестивая, разумная советчица и сотрудилица, сияет как венец на голове мужа... Я подумала: вот его идеал. Вдруг, медлительный, эпический темп голоса дрогнул, по лицу скользнула мефистофельская улыбка и величавая фигура патриарха, наставника, правдолюбца точно провалилась в люк, а на ее месте очутился неуклюжий боярин, кот[орый] тупо твердит домостроевскую премудрость: любяй сына, учащай ему раны и т. д. Это уже не богобоязненный «глава семьи», а человек с «автоматической совестью», которому «мирное строение» приуготовило мораль на все случаи жизни...

Особенно блестяща была вторая часть лекции: — Екатерининская эпоха, Бецкий, его любимое детище — оранжерейный кадетский корпус... Бесподобны российские энциклопедисты, в один мах перескочившие от педагогики попа Сильвестра к философии Руссо и Дидерота.

По плану Бецкого, чтобы создать идеальных воинов-граждан, шестилетних детей отрывали от семьи. Педагогическая казарма принимала человеческое «сырье» и превращала его в живую статую по рецепту кондитерки. Вместо прежнего человека с «автоматической совестью» появился новый манекен с «автоматическими чувствами». А семье... предоставлялась роль «кустарной мастерской» для изготовления педагогического материала. Огромная аудитория исторического музея была полным полна. [...]

1894 г.

29 ноября [...] Ключевский в «Общ[естве] русских древностей» недавно прочитал такую лекцию — дифирамб минувшему царствованию, что все растерялись от неожиданности. Никто не понимает, что «сей сон» значит. Мало этого: Ключ[евский] напечатал свой панегирик Ал[ександру] III-ему отдельной брошюрой³. Тогда студенты (кот[орых] научил кто-то из профессоров, у Янжул⁴ говорили кто — но я забыла) скупили брошюру, вклеили в нее басню Фонвизина «Лисица—кознодей» и разослали всем московским «нотаблям». Басня очаровательная. Написана 100 лет тому назад, а веет от нее такой «современностью»! Видно, plus que change, plus c'est la même chose...⁵ особенно на святой Руси...

[после 30 ноября]. В университете целый скандал. Студенты освистали Ключевского⁵. Университетская «администрация» пригласила полицию. Пошли, конечно, аресты. Кое-кого исключили. Досадно, конечно, что Ключевский явился таким панегиристом Алекс[андра] III-го. Но и студенты хороши. Как ни как, Ключевский слава и гордость не одного только московского университета — и нельзя обращаться с ним, как с Брызгаловым⁶. Говорят, что сам Ключевский хлопочет теперь за арестов[анных] и исключенных⁷.

ЦГАЛИ, ф. 128, оп. 1, д. 2, л. 28—29 об.; 97; 104—104 об. Автограф, чернила.

Е. Я. Архиппов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ. В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ ПРОХОЖДЕНИЕ К КАФЕДРЕ

Когда В. О. Ключевский шел по коридору в аудиторию, а затем вдоль стены, почти боком, с наклоненной головой быстро проходил к кафедре, часто хотелось хоть на мгновение (знаю, что это нелепость) остановить его, броситься к нему, пожертвовать всем самым дорогим, ощутить холод или теплоту Его руки, коснуться Его одежды, чем-либо облегчить, украсить Его священную, но уже согбенную, принятым на себя подвигом, жизнь, не отрываясь зарисовать в своем молитвенно-ученическом сознании это драгоценное, русское историческое явление: повседневное прохождение Василия Осиповича к кафедре.

⁵ Новое — это хорошо забытое старое (франц.).

Разве можно найти слова, чтобы характеризовать манеру Василия Осиповича говорить, читать, произносить. Слово «красноречие» меньше всего здесь может помочь. Красноречивый оратор неизбежно олицетворяет собою дух пошлости. Отделанность голоса, щегольство, создание эффектов, показная сторона и построение фразы — это все то, что было чуждо речи Василия Осиповича. Вспоминая выдающихся ораторов-профессоров и сопоставляя их с Василием Осиповичем, чувствуешь одно желание: отвернуться от них, забыть их европейский блеск, их гладкостилье, их внутренний холод при разгоряченности стиля и, забыв, прикинуть душевно к старинной наставительной речи великого старца, где-нибудь в далеком монастыре, слушать биение национальной великорусской стихии в голосе, падающем до шепота и расширяющемся до предсказательного, четкого, немного жуткого впечатления ^в текста.

Положение на кафедре (осанка, наклон головы, положение рук) зарисовано достаточно (Л. Пастернак, А. Герасимов, М. Добров ^в). Всегда на ступеньках, всегда стоя, положив в локте правую руку на левое крыло кафедры, а левую всегда в одном и том же положении удерживая на бедре, Василий Осипович был мастером именно произносимого слова. Негромкий голос, взгляд, падающий на первые четыре ряда аудитории через верхнюю часть очков.

При произнесении особенных мест курса: формул, магически кратких характеристик, определений в стиле эпохи — Василий Осипович еще более наклонял голову, взгляд падал на аудиторию поверх очков: и в нем открывалась вся неразгаданная до сих пор сложность: ирония мудреца, казнящая улыбка и те лучи, что светили и уводили в погребенный лабиринт великорусской истории. Покров за покровом падал со столетий и лиц, но тайна только начинала светить: все ниже, заповедней ступени, все глуше голос путеводящий и все прозрачнее тайна и настороженность, ведущие к сослужению триединства: духа нации, духа церкви и государства. Вот почему всегда несоответственно звучал в конце лекции ошеломляющий треск аплодисментов, и полным диссонансом с шумом казался торопливо скрывающийся обаятельный силуэт Василия Осиповича.

1913 ^г

ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, д. 41. Автограф рукописи, чернила; д. 38. Машинопись в переплете.

З. Г. Дальцев

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕКЦИЯХ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

По субботам в Богословской аудитории юридического факультета устраивались эпизодические лекции выдающегося русского историка В. О. Ключевского.

Огромная аудитория бывала переполнена как вследствие огромного интереса к лекциям знаменитого профессора, так и потому, что эти лекции так же, как и лекции великого русского ученого Тимирязева ^в в старом здании университета, были местом негласных сходок студентов для сбора денег политическим заключенным.

Подписной лист ходил во время лекций по рукам, а студенты независимо от партийной принадлежности охотно жертвовали из своей скудной наличности.

^в В рукописном варианте текста: напечатления.

^г Далее в разделе «На Моховой» автор описывает свои впечатления от фотографии гроба В. О. Ключевского.

Конечно, находились провокаторы, которые доносили университетской администрации, и меня, например, хотя я ни к какой партии не принадлежал, вызвали к проректору университета Мензбиру¹⁰, когда я пришел за получением железнодорожных литеров при отъезде из Москвы на рождественские каникулы и не прежде выдали литеры, чем получили от меня объяснение о причинах систематических посещений эпизодических лекций Ключевского и Тимирязева.

Лекции В. О. Ключевского мне доставляли огромное эстетическое наслаждение. В. О. Ключевский был большим артистом, глубоко переживавшим все то, о чем он говорил, и ярко и художественно отображал свои переживания в замечательной мимике, жесте, своем художественном образом слове¹¹ ученого-публициста.

Из всех лекторов и ораторов, которых мне довелось слышать, я не знаю ни одного, который мог бы сравниться с В. О. Ключевским¹². Я имел счастье слушать лекции В. О. Ключевского в 1904 г., то есть когда ему было 65 лет.

Я ярко помню внешность Василия Осиповича: его худощавую фигуру в черном скюртуке, его резкие, слегка угловатые движения, седую голову и седую клинушкой бородку, большие необычайно выразительные глаза, то полные юмора и сарказма, то трагического ужаса, то боли и сострадания, то лукавой и хитрой усмешки из-под очков в стальной оправе. А его свободно модулирующий голос, способный передавать все переживания от ярко комических до трагических, от везде слышимого шопота до металлических раскатов.

Благодарные студенты шумными овациями провожали своего любимого профессора, бывшего почетным ученым и заслуженным профессором Московск[ого] университета и Московск[ой] духовн[ой] академии и ординарным академиком Академии наук.

В лице Василия Осиповича слились мыслитель, ученый и художник. Он был красой и славой Моск[овского] университет[ета], красой и славой русской научной мысли, красой и славой русск[ого] худож[ественного] слова.

Родившись в 1841¹³ г., В. О. умер в 1911 г. В. О. был учеником знаменит[ого] русск[ого] истор[ика] Серг. Мих. Соловьева и после смерти последнего в 1879 г. был приглашен его заместителем.

В. О. Ключевский был воспитан на традициях Грановского, сочинения которого были первыми историческими книгами, которые тщательно изучил В. О. Ключевский.

15 октября 1950

ЦГАЛИ, ф. 2413, оп. 1, д. 16, л. 1—3. Автограф, чернила.

Примечания

¹ Ленский Александр Павлович (1847—1908) — выдающийся русский актер, режиссер и театральный критик.

² Коклен Бенуа Констан (старший) — выдающийся французский актер. В 1889 и 1891 гг. гастролировал в России.

³ Речь Ключевского по поводу смерти Александра III была опубликована в «Чтениях ОИДР», 1894, кн. 4 и отдельной брошюрой (М., 1894).

⁴ Янжул Иван Иванович (1845/46 — 1914), профессор Московского университета по кафедре финансового права.

⁵ Демонстрация студентов против Ключевского произошла 30 ноября 1894 г.

Этот инцидент был использован для расправы с неугодными студентами: часть участников была арестована, многие получили выговор, более 40 человек были исключены из университета без права поступления в другие учебные заведения.

⁶ Речь идет о бывшем инспекторе Московского университета А. И. Брызгалове, вводившем в практику университетской жизни систему шпионства и доносов. В разгар студенческих волнений 1887 г. по требованию студентов и группы поддержавших их профессоров Брызгалов был уволен.

⁷ Ключевский действительно выступал в защиту репрессированных студен-

¹⁰ Далее зачеркнуто лектора.

¹¹ Далее зачеркнуто Я слу[шал].

¹² В рукописи ошибочно 1839 г.

тов. От себя лично он писал в правление университета, а в числе других профессоров Московского университета (петиция 42 профессоров) ходатайствовал перед московским генерал-губернатором вел. кн. Сергеем Александровичем о возвращении в университет высланных из Москвы студентов.

⁸ Из трех портретов Ключевского кисти указанных художников известно местонахождение работы Л. О. Пастернака «Ключевский читает лекцию в Училище живописи, ваяния и

зодчества» (1909 г.) — ГИМ в Москве; этот портрет воспроизведен в цвете в книге академика М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества». (М., 1974).

⁹ Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920) во времена студенческого движения открыто поддерживал революционное студенчество.

¹⁰ Мензбир Михаил Александрович (1855—1935), зоолог, профессор Московского университета.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТОВ В 1920-Е ГОДЫ.

ВОСПОМИНАНИЯ С. Н. ЧЕРНОВА О Е. Е. ЯКУШКИНЕ

Сергею Николаевичу Чернову (1887—1942) принадлежат «выдающиеся по значению работы» по истории общественного и революционного движения в России первой четверти XIX в.¹ А. Е. Пресняков, выделяя в потоке публикаций, вызванных столетием восстания 14 декабря 1825 г., работы С. Н. Чернова, писал, что его этюды «занимают свое особое место по свежести данных и вдумчивой их трактовке»². После смерти Чернова в январе 1942 г. в оккупированном г. Пушкине под Ленинградом большинство его неопубликованных работ погибло³. Однако не исключены находки затерявшихся рукописей, дополняющие сохранившееся научное наследие Чернова.

В фонде Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев хранятся воспоминания Чернова о внуке декабриста И. Д. Якушкина — Е. Е. Якушкине⁴, не появлявшиеся в печати и не зарегистрированные в списке трудов историка⁵.

Публикуемые воспоминания дополняют наши представления об облике Чернова, позволяют заглянуть в лабораторию ученого⁶. В них отразился «интерес к людям, к погружению в их биографию и психологию», который Чернов отметил в работах Б. Е. Сыроечковского и В. Н. Куна. Чернов был мастером психологической характеристики, его глубоко интересовали родовые корни, бытовая обстановка, духовный склад изучаемой личности; он стремился «прощупать через ажур источников живое человеческое лицо».

Евгений Евгеньевич Якушкин родился в Ярославле 31 (19) декабря 1859 г., в 1886 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета⁷, затем преподавал языки на Высших женских курсах и в средних учебных заведениях Москвы. В 1912 г. умер его брат — выдающийся историк освободительного движения и литературы В. Е. Якуш-

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4, с. 344.

² Былое, 1926, № 1, с. 195.

³ Подробнее о Чернове и его вкладе в декабристоведение см.: Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960; Порог И. В. Некоторые вопросы истории общественного движения в России первой половины XIX столетия в работах советских исследователей. — Учен. зап. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1960. Т. 68, вып. историч.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 76, л. 6—22.

⁵ Чернов С. Н. Указ. соч., с. 408—415.

⁶ Научная биография Чернова не написана. Работа С. Н. Валка в серии биографий историков осталась незавершенной (Иванова В. И. Фонд С. Н. Валка в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР. — ВИД. Л., 1976, т. 8, с. 321—322; АЕ за 1976 год. М., 1977, с. 310).

⁷ ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 294, д. 890, л. 5.

кин, и в распоряжение Е. Е. Якушкина перешел семейный архив — «громное собрание ценнейших материалов по истории декабризма»⁸. Он стал публикатором и комментатором этого собрания. Вкладом в источниковедение декабристов явился сборник «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных», а также первое полное, обстоятельно комментированное издание «Записок И. Д. Якушкина» (обе книги вышли в 1926 г.)⁹.

Е. Е. Якушкин скончался в Москве 19 августа 1930 г.¹⁰ Архив приобрело Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев; ныне он хранится в ЦГАОР СССР.

В публикуемых воспоминаниях Е. Е. Якушкин предстает как исследователь декабристов и как потомок одного из наиболее ярких участников движения. В его облике историк находил черты своего любимого героя И. Д. Якушкина, духовную преемственность поколений. Верность наблюдений Чернова подтверждается Д. И. Шаховским, писавшим Б. Е. Сыроечковскому в ноябре 1931 г.: «Якушкинская черта донесена до нас не только поступками Ив[ана] Дм[итриевича], не только его записками, не только его архивом, а живым продолжением его телесного и духовного существования в виде его потомства, которое жило и живет с нами»¹¹.

Подробный рассказ Чернова о возникновении секции по изучению декабристов и их времени вводит в атмосферу 20-х годов, когда накануне юбилея сложились центры изучения декабристов в Центральном архиве, Пушкинском Доме Академии наук и Обществе политкаторжан¹². Декабристская комиссия Общества политкаторжан возникла в октябре 1923 г.¹³ С апреля 1925 г. в ее работе участвовали Музей Революции, Исторический музей, Институт истории РАНИОН, Общество старых большевиков, Общество любителей российской словесности, Государственная академия художественных наук¹⁴. В декабре 1925 г. комиссия была преобразована в секцию по изучению декабристов и их времени¹⁵; в январе 1926 г. аналогичная секция возникла в Ленинграде¹⁶. Обе секции просуществовали до марта 1931 г.¹⁷

С воспоминаниями об Е. Е. Якушкине Чернов выступил 28 января 1931 г. на заседании секции по изучению декабристов. Сохранился незаверенный и недатированный машинописный текст выступления. На авторство Чернова указывает хроника заседаний секции¹⁸. Имеется позднейшая машинописная копия воспоминаний, атрибутированная и стилистически отредактированная Б. Е. Сыроечковским¹⁹. По всей видимости, текст представляет собой стенограмму выступления Чернова, правленную по его записям. По мнению учениц Чернова Е. Н. Кушевой и Е. П. Подъяпольской, он печатался с рукописи Чернова.

Воспоминания написаны в период между смертью Е. Е. Якушкина и днем заседания, посвященного его памяти (август 1930 г. — январь 1931 г.). Материалы заседания предназначались к публикации, которая не была осуществлена²⁰.

⁸ Чернов С. Н. Из отчета о командировке в Москву и Ленинград осенью 1922 г. Саратов, 1924, с. 6.

⁹ Комментарии Е. Е. Якушкина широко использованы в кн.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Ред. и ком. С. Я. Штрайха. М., 1951. (Сер. Литературные памятники). Текст «Записок» печатался Штрайхом по изданию 1926 г. (Миронова И. А. Записки И. Д. Якушкина о движении декабристов. — АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 140).

¹⁰ Известия, 1930, 20 августа, с. 4 (указано В. В. Якушкиным).

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 74, л. 30.

¹² Там же, д. 79, л. 5.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 86, л. 2.

¹⁴ Каторга и ссылка, 1925, № 4, с. 296—297.

¹⁵ Там же, № 8, с. 297.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 91, л. 1.

¹⁷ Там же, д. 99, л. 1.

¹⁸ Там же, д. 80, л. 6.

¹⁹ Там же, д. 79, л. 18—23.

²⁰ Там же, д. 74, л. 5.

Воспоминания публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1969). Ошибки исправляются без оговорок.

За помощь в подготовке публикации приношу благодарность Е. Н. Кушевой и Е. П. Подъяпольской.

А. В. Ратнер

Е. Е. ЯКУШКИН

В числе людей, с которыми мне приходилось встречаться, Е. Е. Якушкин занимает совсем особенное место. Я даже затруднился бы его сблизить с кем-нибудь из других мною знаемых людей: настолько он в своей целостности был своеобразен и — я бы сказал — своеобразчен.

Я очень живо помню свою первую встречу с ним. Это было летом 1920 г., когда я только начинал заниматься его знаменитым дедом и только что приехал в Москву из Петрограда с копиями двух дел об Ив. Дм. Якушкине, полных следственного о нем дела, и в выписках дела о нем III отд[еления] с. е. и. в. к. Я тогда рассчитывал искать дополнительный материал в московских архивах — ген[ерал]-губ[ернатора]^а и Военном Лефортовском^б. И вот в одном из книжных магазинов на Моховой один из моих новых и, в существе дела, случайных московских знакомцев, разговорившийся со мною не только о моих книжных поисках — я тогда закупал книги для кабинета русской истории Саратовского университета — но и о моих тогдашних занятиях, узнав, что я занимаюсь Ив. Дм. Якушкиным, сказал мне: «Что же Вы это к главному-то материалу не обратились». «К какому материалу?» — удивленно спросил я. «Да к семейному архиву Якушкиных», — отвечал он. «Да разве там есть что об Ив. Дм. [Якушкине?] «Есть». «Как же познакомиться с архивом. Где он?» — допрашивал я. «А Вам надо поговорить с Е. Е. Якушкиным, внуком декабриста», — сказал мне новый знакомец. «Да ведь я его не знаю...» Мой собеседник молчал. «Послушайте, — сказал, помолчав, он мне, — ведь я Вас тоже, в сущности, не знаю. Что от того, что вы — профессор в Саратове. Скажите мне, кто Вас знает в Москве». Я назвал ему двух-трех старых москвичей. Немного подумав, он мне сказал: «Е[вгений] Е[вгеньевич] довольно часто бывает здесь. Был вчера и, может быть, зайдет сегодня. Я поговорю с ним о Вас». Какова же была моя радость, когда на другой же день мой случайный московский знакомец сказал мне, что Е. Е. согласен разрешить мне занятия в своем архиве и просит, не отлагая, зайти к нему. Кажется, тотчас же я отправился к Е. Е.

Живо помню, как перед дверью его квартиры я ощутил невольный страх. Что за человек, как отнесется. Кажется, он сам и отпер мне. И как не бывало неприятного ощущения. В сущности говоря, мне даже не пришлось ни просить Е. Е. разрешения на занятия, ни хотя бы чувствовать себя просителем. Он сам сразу деловито заговорил о моем желании работать в его архиве, обстоятельно расспросил о моих прежних занятиях и об уже собранном мною материале и обещал всем, чем может, помочь в моей дальнейшей работе над материалами его архива.

И действительно, он очень помогал мне в моей работе. Начать с того, что семейный архив не был в полном порядке, да и сам Е. Е. в те годы еще не вполне ознакомился с ним, и поэтому найти в нем материал, который мне был нужен, вовсе не было простым и легким делом, тем более что не зная состава архива, я мог просить у Е. Е. нужный мне материал или предположительно, или в очень общих выражениях. И вот

^а Фонд хранился в Московском историко-революционном архиве, ныне — в ЦГИА г. Москвы.

^б Ныне ЦГВИА СССР.

Е. Е., чтобы помочь мне в моих занятиях, стал, не ограничиваясь теми сведениями, которые уже имел об архиве, разбирать свой архив и подробно знакомиться с его содержанием. Бывало, придешь к нему вечером, закончив работу в Лефортове, а он уже ждет с какою-нибудь новою находкою или с каким-нибудь неожиданным для меня припоминанием о каком-нибудь письме или документе, которые, как он теперь ясно вспоминает, имеются в архиве, только трудно сказать, где лежат. А вечером на другой день, или на третий, или даже через несколько дней и неделю, Е. Е. вынет из шкафа или вынесет с какою-то добродушной торжественностью из соседней комнаты письмо или документ, которого сразу не мог отыскать. И при этом обязательно скажет: «А вот, посмотрите-ка, я нашел...»

Так было и всегда позже — до самых последних встреч и занятий. Но его активность выходила и за пределы его архива. Я как-то рассказал Е. Е. о некоторых своих находках в фонде Рачинских, входившем в состав секции частных фондов [ЕГАФ]. Он вспомнил, что у Г. А. Р[ачинского] есть томик, которого в этом фонде, по моему описанию, недостает, сам вызвался испросить у владельца мне разрешение ознакомиться с этим томиком, получил таковое и принес в свое хранилище недостающий мне материал, оказавшийся особенно интересным¹.

Это была очень активная помощь моей работе. Но он не огра²

Работая над изучением Ив. Дм. Якушкина, я невольно переходил к изучению его среды: это были его родные, свойственники, знакомцы, сослуживцы и сопроцессники. Знакомясь с ними, я имел перед собой очень разнообразный материал, но очень часто не имел возможности прощупать через ажур источников живое человеческое лицо. И вот Е. Е. приходил ко мне на помощь со своими особыми знаниями среды Ив. Дм. [Якушкина]. Это были знания семьи, и «старой Москвы», пожалуй, и обрывки знаний «старого Смоленска». Когда он по тому или другому поводу, по моей просьбе или без нее начинал свой всегда короткий [рассказ], я не однажды быстро и отчетливо прощупывал живое лицо давно умершего человека. И еще одно: Е. Е. хорошо знал характер связей в среде своего деда: кто с кем и как был в родстве, свойстве, дружбе, знакомстве или на одной службе. И эту сеть человеческих взаимоотношений среды своего деда он опять-таки охотно от случая к случаю раскрывал...

И вот десять лет прошло в этих завязавшихся у его архива отношениях.

Другая сеть отношений складывалась вокруг участия Е. Е. в организованном изучении декабристов и их времени. Зимой 1924 г. Ц[ентр]-а[рхив РСФСР] привлек его к работам своей комиссии по изданию архивных материалов, описей, ученых исследований и других работ, относящихся до восстания декабристов. Встречи и отношения в этой комиссии быстро привели Е. Е. к сближению с ее секретарем Б. Е. Сыроечковским². Одновременно с работой в к[омиссии по] и[зданию] а[рхивных материалов] он вел и большую личную исследовательскую работу. Тогда же, работая в архиве — я разумею АОР, где тогда хранилось дело д[екабристов] — Е. Е. встретился с профессором В. Н. Куном³, который в эти годы внимательно изучал политическое движение первой четверти XIX века и его деятелей. Оказалось, что в работах обоих — и Б. Е. С[ыроечковского], и В. Н. К[уна] — был жив и действителен один интерес, дорогой и близкий Е. Е.: интерес к людям, к погружению в их биографию и психологию.

Конечно, у всех трех, особенно же у Б. Е. [Сыроечковского] и В. Н. [Куна], интерес к декабристам вовсе не сводился только к этому; но интерес к этому был, и он властно окрашивал собой поиски Б. Е. [Сыроечковского], направленные к изучению тех общих экономи-

² Далее текст отсутствует; предлагаемое прочтение: ничивался материалами, касающимися только его деда.

ческих, политических и культурных условий, которые вызвали собою взрыв дворянского недовольства в 10—20 гг. XIX века; и глубокое и тонкое изучение В. Н. [Куна], пытающегося построить «декабристов», как культурно-психологическое явление. Этот властный интерес к людям звал Б. Е. [Сыроечковского] и В. Н. [Куна] к изучению бытовой обстановки, бытовых частностей. И они надеялись найти материал для их изучения не только в д[еле] д[екабристов] АОРа, но — и в степени большей, чем там — в частных архивах. Самым большим и замечательным из них и в то время территориально самым для них близким и доступным был архив Е. Е. Естественно, что они и обратились к работе над его материалами. На это же время падает сближение Е. Е. с Д. И. Шаховским⁴, который тогда как раз изучал личность и судьбу своего деда — декабриста Ф. Н. Ш[аховского] и с еще большей пристальностью работал над замечательным представителем русской философской и общественной мысли — П[етром] Яковл[евичем] Чаадаевым.

⁴ Если к этому перечню прибавить ряд других лиц, которые в это время работали в Москве над изучением декабристов и их времени, то получится достаточно большой список лиц для организации не только совместного обсуждения личных разысканий, но и организации некоторых совместных научно-исследовательских [изысканий].

Я разумею таких лиц, как О. И. Попова, с которою к этому времени Е. Е. был хорошо знаком по ее работе в его архиве, С. С. Мильман, проф. Н. К. Пиксанов, А. А. Покровский, Н. П. Чулков, Б. С. Пушкин, С. Я. Штрайх и некоторые другие. Можно было надеяться, что это первоначальное ядро быстро обретет рядом новых работников. Более того, можно было быть твердо уверенным, что в Л[енинграде], где тоже такие работники, как А. Е. Пресняков, Б. Л. Модзалевский, П. Ф. Лавров, Ю. Г. Оксман, А. А. Шилов и некоторые другие, с самого начала удастся наладить такую же твердую, организованную и организующую вокруг себя исследовательской силы работу⁵.

Следующей зимой 1925—26 г. небольшой кружок лиц, сложившийся вокруг Е. Е., заложил основание широкого общественного изучения декабристов и их времени, тогда же осуществленное в форме особой исследовательской секции О[бщест]ва п[олит]к[аторжан] и сс[ыльнопо]селенцев]. Пожалуй, стоит рассказать, как возникла мысль об этой организации, сыгравшей и играющей заметную роль в изучении декабристов и их времени. Она возникла в беседах вокруг Е. Е. и с ним и впервые была высказана, кажется, В. Н. Куном, была разделена и продумана Е. Е., Б. Е. С[ыроечковским] и мною. Когда первые очертания будущей работы стали вырисовываться, мы привлекли и к обсуждению планов и организации Н. П. Чулкова⁵ и Д. И. Ш[аховского]; первый — генеалог и совершенно исключительный знаток «старой Москвы», второй не только был полон живой декабристской традицией, а известен, как энергичный организатор. Живое помню встречи и совещания в АОРе, по обе стороны Трубниковского переулка в квартирах Е. Е. и В. Н. [Куна]. В последний раз мы собрались, кажется, у В. Н. [Куна]; там по докладу Б. Е. [Сыроечковского] были приняты нами основные принципы новой организации и общие планы работ. Кажется, что именно на этом последнем совещании мы окончательно остановились на мысли обратиться к Вс[есоюзному] о[бщест]ву п[олит]к[аторжан] и с[сылно]п[оселенцев] с просьбою-предложением об организации секции по изучению декабристов и их эпохи.

Это решение вовсе не было случайным. Дело в том, что один из видных работников редакционного комитета журнала О[бщест]ва «Каторга и ссылка» Б. П. К[озьмин], встретившийся в комиссии Ц[ентр]а[рхива] с Е. Е., Б. Е. [Сыроечковским] и мною, а в АОРе, кроме нас, и с В. Н. [Куном], Н. П. [Чулковым], Д. И. [Шаховским], С. С. [Мильманом] и другими исследователями декабристов и их време-

⁵—⁷ Вставка на отдельном листе.

ни, еще в 1924 г. и в первые месяцы 1925 г. сблизил нас с О[бщест]вом и его журналом⁶. Поэтому для всех нас была совершенно естественной мысль налаживать широкую организацию изучения декабристов именно в О[бщест]ве. И вот при его содействии наша мысль и была воплощена в секции, которая сегодня поминает Е. Е.

Когда, собираясь, мы обсуждали основные проблемы организационной нашей будущей работы, перед нами встало несколько вопросов, от разрешения которых зависит ход наших работ, по крайней мере на кратчайшее время. Одним из таких вопросов, конечно, был вопрос о президиуме секции. Мы знали, что с[овет] О[бщества] желал видеть председателем секции Веру Николаевну Фигнер, и горделиво радовались тому, что она оказала нам честь исполнить просьбу совета. Но кто же должен стать заместителем председателя секции. Благодаря тому, что в нашей среде был Е. Е., этот вопрос [решался] для нас с совершенною простотой и ясностью: им должен стать и быть именно Е. Е.; я в этом смысле не помню ни у кого из нас, кроме Е. Е., никаких колебаний или сомнений, это было для нас, можем сказать, «истиной самоочевидной». Надо ли объяснять, почему так было. Думаю, что нет, потому что все знают, как было у каждого, кто имел счастье сталкиваться с Е. Е., велико уважение к его моральной высоте и глубоким знаниям в изучаемых людях и времени. И наше убеждение в том, что именно Е. Е. должен стать заместителем председателя нашей секции, было так единодушно и твердо, что даже его колебания и сомнения были очень не долги — он согласился. Так в высокой степени — можно сказать, на редкость — благополучно разрешился у нас первый важный организационный вопрос.

Опускаю, как и почему именно так, а не иначе, мы разрешали другие важнейшие организационные вопросы, упомяну только об одном, сравнительно второстепенном: на⁷ вопросе о докладе и докладчике на первом заседании секции. И опять-таки было столь же естественным наше желание видеть Е. Е. докладчиком на первом же заседании секции, хотя тема его доклада — о пр[отоиерее] Мысловском — нам казалась и несколько узкой, и немного не отвечающей основной теме наших работ...⁷

Когда вспоминаешь Е. Е. как заместителя председателя нашей секции, вспоминаешь его — говорю о поле своих наблюдений, правда, несколько менее длительном и менее широком, чем у многих других, — вспоминаешь прежде всего как председательствующего на заседаниях секции, всегда деловитого, внимательного и очень бережно относящегося и к докладчику, и к его оппонентам, и к самой теме исследования, особенно если этой темой были люди, все равно декабрист, или его тюремщик, или автор исследования о декабристах и их времени. Вспоминаешь его на заседаниях президиума секции или в различных совещаниях работников секции — вспоминаешь всегда рассудительным, осторожно взвешивающим чужое, или еще более чем чужое, свое суждение, внимательным к участникам заседания или совещания, одинаково внимательным и к интересам лиц, о которых шла речь.

Когда вспоминаешь Е. Е. как докладчика, вспоминаешь его спокойный, бесприязательный, всегда обстоятельный рассказ — всегда по написанному тексту, точно и ясно излагающий хорошо продуманные и изученные факты, осторожный в построении, еще более осторожный в выводах, с настоятельным стремлением какой-нибудь нечаянной формулой не сказать в выводах более, чем позволяет материал. При этом Е. Е. не только всегда сознательно избегал постановки и тем более решения вопросов общего характера, но и вообще уклонялся от всякого рода перехода к толкованиям или сопоставлениям, желая остаться лишь излагателем и комментатором материала. Зато нельзя не сознаться, что Е. Е. был прекрасным излагателем и комментатором своего материала.

Е. Е. выступил и с рядом статей и публикаций по вопросам истории

⁶ Так в тексте.

декабристов и их времени. Их характер тот же, что отличает его доклады: это безукоризненно поданный текст или столь же безукоризненно сделанное изложение фактов с богатым, но всегда сдержанным комментарием. Позволю себе для примера остановиться на переизданных им «Записках» его деда — Ив. Дм. Якушкина. Его переиздание сделано по подлинной рукописи «Записок». Мне пришлось быть свидетелем той упорной работы, которую Е. Е. проделал над сверкой предыдущего издания с этой рукописью. Эта сверка была очень трудной, потому что 3-я часть «Записок», на которую она главным образом падала, сохранилась в черновике, о котором сам Е. Е. в своем предисловии к переизданию «Записок» замечает: «Черновая, писана рукой Ивана Дмитриевича, карандашом, с многочисленными поправками... в некоторых местах карандаш стерся, и вследствие многочисленных поправок и перечеркиваний рукопись читается с трудом»⁸. Результатом сверки было восстановление подлинного текста Ив. Д. Якушкина с решительным устранением из нового издания тех [неловкостей] в языке, которые были допущены в недостаточно внимательных предыдущих изданиях, и последовательным восстановлением в примечаниях ряда зачеркнутых автором мест, сообщающих новый факт или интересную подробность, и ясным обозначением мест, где осталось неразобранное слово. Что касается приложений, которыми Е. Е. снабдил свое издание «Записок» деда, то некоторые из них привлекали к себе особенное внимание: таковы, например, «родословные» замечания об Якушкиных, Левашевых и Муравьевых, в значительной степени сделанные по документам и семейной памяти, с рядом метких и тонких наблюдений о личных отношениях и свойствах ума и характера некоторых лиц; устные сведения проникают собой и другие части приложений — таково, например, замечание, основанное на рассказе тоже тогда уже покойного С. Д. Шереметева о судьбе бумаг деда; также интересны и критические замечания Е. Е. к некоторым утверждениям деда, например, по поводу его слов о беседах с Мысловским «в наших разговорах не было и речи о религии», по поводу его рассказа о своих исповеди и причащении, по поводу его общих суждений о Мысловском и, наконец, по поводу дат, в которые И. Д. [Якушкин] уложил свою невольную поездку в Сибирь; другие утверждения деда Е. Е. снабдил пояснительными замечаниями — таково, например, его замечание к словам деда, что «сентиментальная фраза» об его терзаниях «страстно несчастной любви» принадлежит Никите Муравьеву; в то время, когда Е. Е. переиздавались «Записки» деда, эта справка представляла тем больший интерес, что дело Н. Муравьева, из которого он эту справку взял, еще не было напечатано; то же самое надо сказать о ряде других его пояснительных замечаний, в которых он впервые напечатал некоторые отрывки из следственного дела о д[екабристах], в том числе и замечательное письмо Ив. Д. [Якушкина] к имп[ератору] Николаю Павловичу: эти части следственного дела в то время еще не были напечатаны; такое свое значение его [пояснительные] замечания доселе сохраняют в той части, где составлены по материалам семейного архива Якушкиных. Эти достоинства «Записок» не уменьшают некоторые небольшие и, т[ак] сказать, формальные недостатки издания.

Таковыми же качествами отличаются и другие работы Е. Е. Так, например, в книге «Д[екабристы] на поселении» даны прекрасные сопроводительные заметки и пояснительные примечания, в которых использованы и вкраплены устные предания и неизданная переписка. Говоря о неизданных работах Е. Е., надо прежде всего обратить внимание на его интереснейшие очерки из истории настроений в русской армии времени д[екабристов]: я разумею его статью о Раздьяконове, четко излагающую сохранившийся архивный материал⁹.

Все работы Е. Е. имеют еще одну черту: простой и точный язык и чрезвычайную краткость выражения. Можно прочитать много строк текста Е. Е., прежде чем встретишь придаточное предложение. Может быть, не лишено некоторого значения наблюдение, что употребление при-

даточных предложений у Е. Е. увеличивается по мере роста его душевного волнения, [вызванного] сюжетом его размышлений и исследования. Обладая большим природным вкусом, Е. Е. умело выбирал для издания и исследования первоклассный материал: так, по внутреннему изяществу подобранных в «Д[екабристах] на п[оселении]» писем — это лучшее, что издано из переписки д[екабристов].

Мудрено ли, что в процессе встреч с Е. Е. около его архива или по секции менялось отношение к нему, вырастая в большое чувство искреннего уважения и сердечной любви к нему. Он пробуждал эту перемену уже теми чертами своего облика и поведения, о которых, т[ак] ск[азать], сказано выше. По мере того, как любой человек узнавал его больше, чем прежде знал, в нем раскрывались новые черты, вызывающие рост этих чувств к нему.

Я бы сказал, что этих черт было четыре. Первая — большая доброта, вторая — открытая правдивость, третья — обезоруживающая скромность и четвертая — красивая простота быта и обращения. Эти черты характера Е. Е. легко все более и более располагали к нему всех, кто, по той или другой причине войдя с ним в деловое или личное соприкосновение, потом в этом соприкосновении с ним и оставался более или менее длительное время.

Но эти черты сами по себе и в их между собою переплетениях заслуживают того, чтобы на них остановиться немного более, чем это сейчас было сделано. Так, доброта Е. Е. есть факт совершенно бесспорный. Но Е. Е. был не только по-настоящему добрым человеком; его доброта была добротой глубоко осознанной и покоилась не на одном влечении сердца, но и на глубоком убеждении, что *надо* делать добро людям. Наоборот, там, где по его убеждению доброта отношений могла вредить другим, он не только надевал маску суровости, но и действительно умел быть строгим. Когда замечаешь в человеке проявление то доброты, то строгости, обычно получалось естественное впечатление, что этот человек имеет две мерки к людям и отношениям, т. е. в существе дела, *не* добрый человек, или, может быть, совершенно непостоянен в своих настроениях. У Е. Е. абсолютно не было ни того, ни другого: доброта — и доброта большая, с «ласкающей добродушной улыбкой»¹⁰, которую все мы помним в его старости и уже немногие хранят в памяти от его молодых лет, доброта, которая заставила товарища его студенческих лет воскликнуть: «Каким он был одарен нежным, кротким, мягким сердцем», — и вместе с тем суровая строгость были ему одинаково свойственны, одинаково ему органичны; в этом смысле он был даже не двулик, а двуедин, двуедин оттого, что норма отношений в духе строгости — иногда суровой — или мягкой доброты диктовалась ему глубоким внутренним рассуждением о том, что в данном конкретном случае полезнее: строгость или доброта. При этом норма поведения определялась не только интересами данного конкретного лица, но и интересами дела, с которым он и это лицо соприкасались, и теми общими принципами, которые Е. Е. признавал руководящими в своем поведении и своей деятельности. Так, Е. Е. решительно отменял все, что хоть издали и немного отзывалось скандалом, сплетней и душевной нечистотой. И строгость его в этом отношении была так велика, что при нем стеснялись говорить то, что легко говорилось при других. Ведь если сказать, он, может быть, и промолчит, но посмотрит с своим особым, осуждающим выражением глаз или отвернется и сделает вид, что ничего не видел и не слышал. Мудрено ли, что иногда в целых больших [областях] своей деятельности Е. Е. оказывался суровым. Так, говорят, что он вообще был суровым преподавателем.

Одним из проявлений присущей Е. Е. суровости была его суровость к себе самому. Ее также подметил его современник-студент: «Вообще он производил на меня особенное впечатление строгостью, с которой он относился к себе, не допуская ни малейшего отступления». Его строгость к себе проявлялась различным образом, но в ее основе всегда лежало

то же рассуждение. Например, он был очень суров к себе как автору. Помню, он как-то предложил мне обработать имеющийся у него в архиве материал о взглядах Фонвизина на закон 1842 г. об обязанных крестьянах. Когда же я спросил Е. Е., почему он сам не хочет обработать этот материал, он отвечал, что работа требует знаний и навыков, которых у него нет, и что он поэтому не может справиться с нею. Так же строг Е. Е. был к себе, как ученому и идеологу; он говорил только то, что знал, и предпочитал догадке сказать простое «не знаю».

Точно так же Е. Е. был лично очень правдив; из той же строгости к себе он психологически не мог сказать неправды и, сколько я знаю, никогда не говорил ее. Более того, совершив поступок, противоречащий или обязательствам, которые он на себя в отношении кого-либо принял, или чьим-либо интересам, он считал своим долгом тотчас же о нем сообщить лицу, интересы которого считал этим поступком задетыми. Единственное отступление, которое Е. Е. делал в этих тяжелых вопросах личного поведения, заключалось, по-видимому, в том, что он никогда не договаривал до конца или смягчал тяжелую для него или другого лица истину, но основное содержание трудной для открытого высказывания истины он всегда сообщал. При этом следует отметить, что Е. Е., высказывая тяжелую истину, никогда не прибегал к дипломатическим уверткам или даже дипломатическим шагам, если не считать некоторых подготовительных замечаний и серьезно-мягкого тона беседы с неизменными: «Ну, вот видите...» Так же любопытно отметить, что вместе с этой открытой правдивостью мы в Е. Е. видим замкнутость, в сущности, очень большую. Эта замкнутость, думается мне, была его самозащитой против всего грубого и пошлого, что несла жизнь и вносила в среду близких к нему людей.

Опять Е. Е. стоит перед нами двуединым. И опять в основе этого двуединства — рассуждение, но уже ставшее, можно сказать, инстинктом.

Что лежало в основе этой строгости Е. Е. к себе. Отвечая, я перехожу к следующей характерной черте Е. Е. — к его большой скромности. Совершенно несомненно, что Е. Е. был очень скромным человеком. Можно даже сказать, что все его поведение и все его высказывания, при всей строгой определенности и его поведения, и его высказываний, были проникнуты духом этой совершенно обезоруживающей скромности. И ее проявления были столь обыденны и вместе с тем разнообразны и так охватывали собой всю жизнь Е. Е., что нет никакой возможности их перечислять и никакой нужды приводить им примеры. Конечно, эта скромность Е. Е. продиктована той же его строгостью к самому себе. С этой скромностью Е. Е. кажется тесно связанной и коренится в той же его строгости к самому себе и вся простота его быта и поведения.

Но было бесконечно интересно наблюдать рядом с этой большой скромностью всего поведения и всех высказываний Е. Е. его глубокое сознание собственного достоинства, более того, его глубокую уверенность в правоте своих чувств, настроений, мысли и поведения. Это не значило, что он не знал колебаний, ни переживательности в своей оценке лица или происшествия, тем более в своих поступках. Все это бывало, особенно когда разнообразные трудности положения волна за волною ложились на его настроение, волю и мысль. Но характерным для него состоянием была именно полнота этой уверенности. Приглядываясь ближе к этим спрятанным за внешнею скромностью поведения и высказываний чертам душевного облика Е. Е., видим, что они коренятся в очень интимном и глубоко скрытом, может быть, вполне им даже не осознанном чувстве гордости Е. Е.

В этом мы опять встречаем неожиданное двуединство... Гордый внутри себя, он был продуманно скромнен вовне. Что это была за гордость? Что родило и поддерживало ее в этом, казалось бы, бесконечно и обезоруживающе скромном человеке. Я бы сказал, что это была в двух смыслах родовая гордость. Во-первых, Е. Е. как немногие гордился своим родом — собственно своим дедом И. Д. [Якушкиным], отцом Е. И. [Якуш-

киным], братом В. Е. [Якушкиным], прабабкою Н. Н. Ш[аховской] и бабушкой А. В. [Якушкиной]. Я бы даже сказал, что память о роде не только всегда и во всем сопутствовала Е. Е. и его собою наполняла, но, в сущности говоря, во многом совершенно определяла собою самые его чувства, настроения, мысли и поступки. Ведь он был такой же Якушкин, как они, и должен был поступать так же, как поступали или же поступили бы в его положении они, особенно, как поступил бы в его обстоятельствах его знаменитый дед. «Зов предков» в значительной степени определял собою поведение Е. Е., и подражание им,^е то бессознательное, то определенно осознанное^е, было его невольным ответом на этот зов...

Но в нем, во-вторых, была и та родовая гордость, которую мы хорошо знаем по его деду — первой отчетливой и ясной фигуре в роде Якушкиных. Дело евгеников проследить черты повторения в нем облика знаменитого декабриста, мое дело ограничиться небольшой наметкой: в физическом облике Е. Е. можно подметить ряд черточек сходства с дедом (укажу, например, на сходство в строении лица, на крепость фигуры); точно так же и в его психическом облике: своеобразное сочетание доброты, за которую деда, «безбожника», звали настоящим христианином, и большой строгости, о которой он сам сказал с любовью и сочувствием приведенные Е. Е. слова (см. в «З[аписках] И. Д. Я[кушкина]») ¹¹; строгость к самому себе^е, особенно ригористический образ жизни в молодые годы^е, правдивость, простота быта, так хорошо описанные Граббе ¹². Самая гордость и, конечно, ряд других черт, но отнюдь не скромность, которой надо искать других корней и содействующих развитию которой в Е. Е. черты^ж надо внимательно высмотреть в его очень несложной биографии. Да, скромность не черта И. Д. [Якушкина]; ее начаток, может быть, надо искать у бабушки Е. Е., великой нещастливцы А. В. [Якушкиной], может быть, и у матери Е. Е. А черты, которые помогли ее упрочению и развитию^з в Е. Е., кажется, легко подыскать, пересматривая общий ход и факты его, повторяю, очень несложной биографии.

Так, поступок отца с родною землею вычеркнул Е. Е. из ряда материально обеспеченных лиц и обрек его на повседневный заработок ¹³. По понятиям среды, к которой принадлежал Е. Е., и отсутствию у него свободных денежных средств это мог только быть заработок службою или свободною интеллигентною профессией; по семейным традициям — скорее первое, чем второе. И Е. Е. стал служить — и, надо сказать, служить, если не по самому тяжелому и неблагодарному в условиях того времени ведомству, то, во всяком случае, по одному из таковых — педагогическому. Обстоятельства Е. Е. складывались так, что он, не соединив со своею службою ученой работы, как то сделали его отец и брат, да, кажется, в ранней молодости и не имел особого стремления к ней, хотя и был хорошим и отличаемым студентом. Кажется, в сторону от науки к практической деятельности его властно увлекало еще одно обстоятельство: в студенческой молодости он пережил некоторые социально-политические увлечения; так, товарищ тех его лет М. Н. Буткевич ¹⁴ рассказывает, что «вспоминается из бесед с ним и то, как привлекали его мысль, внимание и интересы те сферы, „где стонут наши братья, где вечный труд и бедняки“ ¹⁵, и как стремился отдаться служению ближним, имея в виду идеалы двуединой правды-истины, правды-справедливости» ¹⁶. Если М. Н. Буткевич невольно не исказил ранних высказываний Е. Е., то надо признать, что в студенческие годы он испытал воздействие социалистической мысли. Дальнейшее замечание М. Н. Буткевича, кажется, дает возможность точнее определить, к какому из социалистических течений того времени Е. Е. стоял ближе: «При этом он формулировал одну из первенствующих общественно-политических задач эпохи в кратком выражении „обращение подданных в граждан“», — сквозь

^{е-е} Напечатано над строкой.

^ж Так в тексте.

^з и развитию напечатано над строкой.

эти слова как будто проглядывает некоторая близость к народовольцам. Если учесть, что сам М. Н. [Буткевич] был в несомненной, хотя бы и слабой, связи именно с ними, особенно со Степняком-Кравчинским¹⁷, то вовлечение Е. Е. в орбиту народовольческих настроений и идей должно бы представляться очень вероятным. Надо отметить, что по тем же припоминаниям М. Н. Б[уткевича] Е. Е. студенческих лет был очень активной фигурой в вопросах общественно-политического поведения: он внушал „и другим бодрость в исполнении долга без страха борьбы, без боязни противодействия“ и вообще „был одарен... какой силой и жаждой правды и любви в исполнении нравственного долга“.

Как бы то ни было, но Е. Е. не пошел на научную работу, а сделался скромным педагогом средней школы и, в сущности, по самой деятельности своей в средней школе, и на среде¹⁸ на очень долго замкнулся. Между тем это были 80—90 гг.— пора расцвета реакции в М[инистерстве] н[ародного] п[росвещения]. Для людей типа Е. Е., с гордостью, да еще родовою, крылья служебного продвижения были надолго и прочно подрезаны. Приходилось оставаться «скромным» работником и невольно все более и более житейски скромным человеком. Думаю, что именно таким образом это *не* идущее от И. Д. Якушкина начало скромности развилось и возобладало в Е. Е., став рядом с фамильною гордостью и, как она, окрасив собою его внутренний мир и внешнее поведение. Думаю и другое, что та полнота доброты, которою исполнен был Е. Е., идет не только от доброго, но и сурового дедушки И. Д. [Якушкина], но и от тех же бабушки и, может быть, матери; а развилась она, возможно, в общественно-политических порывах юных лет. Как бы то ни было, но основными чертами и своего физического облика, и своего психического уклада Е. Е. уходит к деду-декабристу.

В этом смысле очень интересно отметить две черты Е. Е.: во-первых, его наполненность фамильною дедовскою и декабристскою традицией¹⁹ и, во-вторых, его глубокий культ и деда, и декабристов. «Зов предков», о котором я говорил выше, приобретал в нем глубокий интимный и идеологический смысл. Он живо чувствовал в себе этот «зов» и по нему, с постоянной оглядкой на прошлое, с примеркою на предков (и прежде всего на деда), строил свое поведение и всю свою жизнь. Это было «иго», которое он носил на себе, хотя никогда на себя его не вскладывал, унаследовав его от отца и его среды. Было ли «благим» и «легким» это «иго». Мне, знавшему его уже уходящим из жизни стариком, очень трудно отвечать на этот вопрос. Но одно впечатление, настойчиво владеющее моим сознанием, ведет меня к такой наметке ответа. Как я уже ранее говорил, с Е. Е. было легко и свободно. Но в общении с ним очень часто, если не почти всегда, чувствовалась какая-то определяющая грань. В Е. Е. ясно чувствовался не только он сам, но как бы и представитель некоторой очень определенной среды; он чувствовался во многом, если не почти во всем, особенно же ясно в тех случаях, когда Е. Е. должен был решить трудный житейский вопрос. Тогда в его речи с особою напряженностью проглядывало то примеривание обсуждаемого им решения под предков, о котором я говорил; помнится мне, что он как-то раза два так и обмолвился словами — раз, что «дед поступил бы так», а другой — что «так бы дед не поступил». Но тогда не только проступал этот факт примеривания, проступала и трудность, я бы сказал, тяжесть этого примеривания; она заключалась не только в том, что примеривание приходилось проводить в совсем других политических и социальных условиях, чем те, в которых жили и действовали предки, особенно дед, но и в том, что принимаемое решение ложилось тяжелым камнем на свободу житейского поведения в трудных жизненных условиях.

Вот это настойчиво владеющее сознанием впечатление тяжести, с которой Е. Е. примеривал под предков обсуждаемое решение, ведет меня к тому, чтобы не назвать «легким» «иго», которое он на себе носил.

¹⁸ Так в тексте, т. е. на педагогической среде.

Но оно было «благим» — в том смысле, что в невероятно трудных условиях жизни придало всему поведению Е. Е. большую ясность, силу и красоту, высоко поднимало его над окружающим и заслужило ему имя и славу «совести старой Москвы». И действительно, такие поступки Е. Е., как его отказ в чрезвычайно тяжелых жизненных условиях от предложенных ему учреждением, где он работал, хлопот о пенсии за то, что он был внуком декабриста, конечно, не только находили себе опору в поведении предков, но и прямо им диктовались. Чтобы яснее представить себе силу отказа Е. Е. от предложенных хлопот о пенсии, надо иметь в виду, что в отличие от многих других, получавших и получающих пенсии за заслуги предков, он сохранил семейный архив и, открыв к нему свободный доступ, в сущности говоря, фактически сделал его общественным достоянием. Мало того, он сам много работал по декабристам и их эпохе и еще более помогал работать другим. Можно думать, что в известной мере он сам заработал свое право на эту пенсию за заслуги деда... Но такой отказ, даже в таких условиях, был в идущих от деда суровых традициях рода.

Мне чувствуется, что он честно нес то нелегкое бремя, которое на него возложила в память деда семья его отца, хотя и не раз испытывал его мучительную тяжесть, но вместе с тем, думается, что именно это бремя сделало его «совестью старой Москвы» и таким привлекательным для нас, его молодых друзей и почитателей.

И когда учитываешь это бремя, которое он нес, еще более ценишь его глубокую честность мысли: он осуждал поступок деда, отказавшего жене в согласии на поездку в Сибирь в памятном ярославском свидании¹⁸, он осуждал и отца за недобрый тон его известного письма о поведении Орлова в 1820 — [18]21 гг.¹⁹ Он остался честным и правдивым до конца в самых дорогих для него вопросах рода. Мудрено ли, что в нашей памяти его образ останется, хотя многие из нас знали его уже уходящим из жизни стариком, уже работающим с некоторой вялостью, апатией, внутренне бодрым и сильным.

Мудрено ли, что у него мы будем долго учиться исследовательской совести, честности ищущей и решающей мысли.

Примечания

- ¹ Очевидно, неопубликованные воспоминания родственников И. Д. Якушкина Лыкошиных — Колецицких (их описание см.: *Чернов С. Н.* Отчет о командировке в Москву летом 1924 года. Саратов, 1925, с. 18—39). В издательский план секции по изучению декабристов на 1928 г. Черновым были заявлены «Записки Лыкошиных — Колецицких — Рачинских» (ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 74, л. 2). Рачинский Григорий Алексеевич (1853—1939) — историк литературы, переводчик, в начале 20-х годов преподаватель Высшего литературно-художественного института.
- ² Сыроечковский Борис Евгеньевич (1881—1961) — декабристовец, в 1924—1926 гг. секретарь комиссии Центrarхива для издания материалов по истории движения декабристов.
- ³ Кун Владимир Николаевич (1886—1955) — историк феодализма в России, декабристовец, профессор вузов Петрограда, Казани, Ташкента и других городов; в середине 20-х годов жил в Москве; большинство его работ по истории декабризма остались неопубликованными (сообщено Н. М. Пирумовой).
- ⁴ Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1940) — политический и общественный деятель, историк русской общественной мысли первой половины XIX в.
- ⁵ Чулков Николай Петрович (1870—1940) — историк, в 20-е годы сотрудник Центrarхива.
- ⁶ Рассказ Чернова дополняют воспоминания Сыроечковского: «...было призвано, что Общество политкаторжан и по общему направлению своей деятельности, и по характеру своей организационной структуры, и по своим издательским возможностям будет наилучшим патроном для замышляемой организации» (ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 79, л. 7). Козьмин Борис Павлович (1888—1958) — заведующий редакцией журнала «Каторга и ссылка», один из создателей комиссии по подготовке празднования столетия декабристов; привлек к ее работам Б. Г. Кубалова, С. С. Мильмана, Б. Е. Сыроечковского, С. Я. Штрайха и других исследователей. В феврале началась переписка комиссии с Черновым; в сентябре того же года по докладу Чернова комиссия постановила привлечь к сотрудничеству

- Е. Е. Якушкина (ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 86, л. 9, 13 об.)
- ⁷ Доклад «Священник Мысловский и декабристы» был прочитан Е. Е. Якушкиным 21 декабря 1925 г. (Декабристы и их время. Труды московской и ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928, с. 229). П. Н. Мысловский — священник Казанского собора, приставленный к заключенным в Петропавловской крепости декабристам для увещаний, «агент политического розыска в рясе» (*Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1961, т. 2, с. 331).
- ⁸ Записки И. Д. Якушкина. М., 1926, с. 5; ср.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 551.
- ⁹ Доклад «Отголоски восстания Черниговского полка (дело рядового Раздьяконова)» был прочитан Е. Е. Якушкиным 8 июня 1928 г. (ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 80, л. 5); его публикация во 2-м томе трудов «Декабристы и их время» не осуществилась (там же, д. 74, л. 1).
- ¹⁰ Здесь и далее Чернов цитирует неопубликованные воспоминания М. Н. Буткевича, участника революционного движения 70-х годов XIX в. (ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 76, л. 63—65). Подробнее о Н. М. Буткевиче см.: Деятели революционного движения в России. М., 1929, т. 2, вып. 1, стб. 157.
- ¹¹ Из письма И. Д. Якушкина И. И. Пущину 10 июня 1841 г. (Записки И. Д. Якушкина, с. 171; полностью опубликовано в кн.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 281—282).
- ¹² Граббе Павел Христофорович (1789—1875) — член Союза благоденствия, автор мемуаров. Замечания Граббе об И. Д. Якушкине разыскать не удалось. В тексте воспоминаний Чернова, отредактированных Сыроечковским, слова «так хорошо описанные Граббе» отсутствуют (ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 79, л. 35).
- ¹³ Выполняя идейное завещание отца-декабриста, Е. И. Якушкин «еще до отмены крепостного права... отдал крестьянам всю землю в имении на льготных условиях» (*Будаев Д. И.* Сын декабриста Е. И. Якушкин (Освобождение крестьян в смоленском имении И. Д. Якушкина). — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 66—74).
- ¹⁴ М. Н. Буткевич познакомился с Е. Е. Якушкиным в 1880 г. в Ярославле по возвращении из вологодской ссылки. В воспоминаниях он пишет: «Случалось и после того, когда я вновь поступил в СПб унив[ерситет] для окончания курса, в начале 80-х годов встречаться изредка с Е. Е. в Москве, когда и он состоял студентом Московск[ого] университета, но после того наши жизненные пути разошлись в разные стороны...» (ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 76, л. 63).
- ¹⁵ Из стихотворения А. Л. Боровиковского «К судьям» (Вольная русская поэзия XVIII—XIX вв. М., 1975, с. 432, указано Е. В. Чихачевой).
- ¹⁶ Из статьи Н. К. Михайловского 1877 г. «Письма о правде и неправде» (*Михайловский Н. К.* Соч. СПб., 1897, т. 4).
- ¹⁷ М. Н. Буткевич был арестован после покушения Л. Ф. Мирского на шефа жандармов А. Р. Дренгельна 13 марта 1879 г. и выслан под гласный надзор полиции в Вологодскую губ. Связи Буткевича с С. М. Степняком-Кравчинским установить не удалось.
- ¹⁸ Во время последнего свидания в Ярославле в октябре 1827 г. И. Д. Якушкин просил жену не ехать за ним в Сибирь, если ей не позволят взять детей. Дальнейшие хлопоты А. В. Якушкиной о поездке к мужу были безуспешны.
- ¹⁹ Статья Е. И. Якушкина «Съезд Союза благоденствия в Москве. 1821 г.» была напечатана в журнале «Русская старина» (1872, т. 11, с. 597—602) в ответ на статью сына декабриста М. Ф. Орлова — Н. М. Орлова в том же журнале (1872, т. 5, с. 775—781).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ДОКЛАД Л. В. ЧЕРЕПНИНА «В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ КАК ИСТОЧНИКОВЕД»

25 мая 1946 г. на заседании Ученого совета МГИАИ, посвященном 35-летию со дня смерти В. О. Ключевского, Л. В. Черепнин, который тогда преподавал на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, выступил с докладом «В. О. Ключевский как источниковед». Публикуемый документ представляет собой правленный автором машинописный текст, напечатанный на восьми листах с обеих сторон, приложенный к стенограмме этого заседания (ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 282, л. 33—40 об.). При написании доклада Л. В. Черепнин использовал рецензии В. О. Ключевского на работы В. С. Иконникова, Н. Р. Чечулина, М. И. Горчакова, С. Ф. Платонова, Н. А. Рожкова, опубликованные

в сборнике «Отзывы и ответы»¹, а также его монографии «Сказания иностранцев о Московском государстве», «Древнерусские жития святых как исторический источник», статьи «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае», «Состав представительства на земских соборах древней Руси», «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему». Курс В. О. Ключевского по источниковедению, который впервые был издан только в 1959 г. в т. 6 Сочинений В. О. Ключевского, в данном докладе Л. В. Черепнина, вполне понятно, не мог быть рассмотрен.

Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев использовали источниковедческие наблюдения В. О. Ключевского при новом издании и комментировании «Псковской судной грамоты»². Эти наблюдения получили отражение и в монографии Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» (М.; Л., 1948—1951). Л. В. Черепнин обратился к житейной литературе как к источнику для изучения классовой борьбы³. Но в последующих опубликованных работах он мало возвращался к этой теме. В написанном Л. В. Черепниным разделе о В. О. Ключевском в т. 2 «Очерков истории исторической науки в СССР» работы В. О. Ключевского с источниковедческой точки зрения не рассматриваются. Этот вопрос отнесен к общему разделу историографии источниковедения, написанному С. М. Каштановым⁴. Творческая лаборатория В. О. Ключевского раскрыта в монографиях Э. Г. Чумаченко⁵ и М. В. Нечкиной⁶. Л. В. Черепнин отметил это в рецензиях на труд М. В. Нечкиной⁷.

Л. И. Шохин

¹ *Ключевский В. О.* Отзывы и ответы. Третий сб. статей В. О. Ключевского. М., 1914. Из. М., 1940, т. 6, с. 260, 263.

² *Черепнин Л. В.* Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. — Вестник МГУ. Сер. общественных наук, 1952, № 4, с. 111—124.

³ *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1960, т. 2, с. 581, 587—588, 593—595.

⁴ *Чумаченко Э. Г.* В. О. Ключевский — источниковед. М., 1970.

⁵ *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

⁷ *Черепнин Л. В.* М. В. Нечкина. Василий Осипович Ключевский — История СССР, 1975, № 4, с. 167—171; *Он же.* Выдающееся исследование о В. О. Ключевском. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976, с. 3—9.

Л. В. Черепнин

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ КАК ИСТОЧНИКОВЕД

Роль Ключевского в развитии русской исторической мысли в настоящее время выявлена в достаточной степени. Блестящий представитель исторической науки второй половины XIX — начала XX в., он создал своеобразную концепцию русского исторического процесса, так ярко изложенную сначала в исследовании о «Боярской Думе древней Руси», а затем в курсе русской истории. Мы знаем, под какими влияниями складывалась эта концепция и каково ее значение в создании школы последующих историков. Гораздо в меньшей степени изучена исследовательская техника Ключевского, те приемы, которыми он пользовался сам и рекомендовал пользоваться другим при работе над историческими источниками. Ключевский как источниковед — это тема, которая требует специального исследования. Она трудна, так как Ключевский не оставил нам какого-либо сводного очерка, в котором изложил бы основы источниковедения так, как он его понимал. Но есть два пути для разрешения поставленной темы. Это, во-первых, изучение критических статей Ключевского, его рецензий и отзывов о различных монографиях

на исторические темы. Ключевский предъявлял авторам этих монографий определенные требования по поводу того, как надо работать с источниками. Взятые в целом, критические статьи Ключевского дают прекрасный материал для суждения о его взглядах на задачи исторического источниковедения. Другой путь — это анализ собственных статей и монографий Ключевского, в которых с предельной ясностью отразилась его исследовательская техника. Я, конечно, не в силах сегодня осветить в достаточной мере обе стороны вопроса. Но в какой-то степени мне хотелось бы это сделать. Я начну с критических замечаний Ключевского на книги, поступавшие к нему на отзыв, причем, говоря о его понимании задач источниковедения, постараюсь по возможности воспроизвести его собственные высказывания, сохранив их яркий образный язык, меткие формулировки, четкие определения.

Ключевский придавал громадное значение критическому изучению источников, как необходимой предпосылке для научно-исторического построения. Он предъявлял в этом отношении самые суровые требования к авторам исторических монографий. «Главным ученым грехом» Ключевский считает недостаток самостоятельности и непосредственного знакомства с первыми источниками¹. По поводу одной докторской диссертации, основанной частично на печатных изданиях памятников, а в еще большей степени на чужих трудах, Ключевский высказывался со свойственной ему прямоотой и резкостью: «В пользовании печатным материалом нам не удалось нигде заметить попыток отнестись к нему критически. Автор с одинаковым доверием пользуется и древней Новгородской летописью, и Татищевым, и даже Флетчером. Но главным источником у автора являются чужие исследования с тем же критическим отношением к ним. Из всех способов пользования этим источником он предпочитает самый простой — дословное выписывание: в труде его встречаем целые страницы, целиком выписанные из какого-нибудь сочинения. Автор вообще тщательно избегает всяких намеков на свои познания в древнерусской литературе, а где не сдерживается, там впадает в неточность... При означенном способе пользования источниками трудно судить о качестве литературного языка автора: в этом отношении на литературном языке автора отразилось все разнообразие тех ученых пособий, из которых он выписывал»².

Работа в архивах представлялась Ключевскому кровным делом историка, обязанностью, которую налагает на него его профессия. Ключевский очень тонко и язвительно высмеял одного исследователя, занимавшегося житийной литературой и ссылавшегося на невозможность воспользоваться рукописными текстами ввиду их разбросанности по ряду архивных хранилищ. «Для характеристики нашей науки, — замечает Ключевский, — очень любопытно выслушать исповедь одного из «людей науки»: при всем желании воспользоваться рукописными житиями исследователь никогда не воспользуется ими вполне, ибо они рассеяны по разным библиотекам, причем многие жития имеют по несколько редакций; кто ручается за доброкачественность того списка, который будет служить источником? и т. д. Такими затруднениями отражает автор наше замечание о массе житий, им цитируемых, но не читанных. Если в этом признании звучит жалоба доктора истории на выбор неподходящей специальности, мы охотно согласимся с ним, но делать из такой исповеди возражения рецензенту можно только, взяв в руководство худшую половину известного лозунга: «*mourir en combattant!*»³.

Для Ключевского характерно необычайное внимание ко всем палеографическим деталям рукописного текста. Он не может простить одному автору утверждения, что «в древнерусской письменности скоропись является только с половины XVI в. Эта ошибка, — указывает Ключевский, —

¹ Ключевский В. О. Отзывы и ответы. М., 1914, с. 44.

² Ключевский В. О. Отзывы и ответы, с. 22.

³ Ключевский В. О. Отзывы и ответы, с. 104.

⁴ Умереть в борьбе (перев. с фран.) (Прим. сост.).

произошла от того, что автор, не выдавший в глаза ни одной древнерусской рукописи, не мог видеть и рукописей XV в., писанных скорописью; притом его здесь ввело в заблуждение не совсем ясное выражение о скорописи Востокова (в предисловии к „Описанию Румянцевского Музея“)»⁴.

Понимая значение для исторических наблюдений внешних данных памятников письменности (тип письма, орфографии и т. д.), Ключевский настаивал на том, чтобы издание текстов стояло на должной высоте. В числе тех вспомогательных дисциплин, которым он уделял свое внимание, стояла и археография. Ключевский дал развернутый отзыв по поводу первого тома Макарьевских Четых-Миней, изданных Археографической комиссией. Он отметил отсутствие последовательности в принятых Комиссией Правилах передачи старого письма и с обычной для него иронией подверг критике некоторые отступления от рукописей. «Из дальнейшего изложения приемов издания мы узнаем, что, вводя в него новые знаки препинания и уничтожая титла и некоторые согласные, не существующие в нынешнем алфавите, редакция удерживает старинное правописание с остальными его особенностями, юсами, надстрочными значками и проч. Это смелый для Комиссии шаг вперед, важная уступка ученым приличиям, подающая большие надежды на ее дальнейшее исправление. Прежде она ничего не признавала в старинных рукописях: ни старинных знаков препинания, ни старинной транскрипции с ее двойными согласными, надстрочными значками и т. д. Теперь хоть значки пощажены,—и за это будет благодарен изучающий историю русского языка и письменного дела»⁵.

Столь же высокие требования предъявлялись Ключевским историкам в отношении знакомства с древнерусским языком, необходимым для правильной интерпретации актового материала, летописных сводов и других разновидностей письменных источников. Со всей беспощадностью обрушился Ключевский на М. Горчакова, автора книги о митрополичьем землевладении, за то, что тот допустил ряд рискованных выводов, основанных на незнании языка изучаемых памятников. Горчаков нашел одну правую грамоту времен Ивана III с показаниями старожильцев относительно владельца спорной земли за 60 с лишним лет «до великие меженины». Отсюда автор сделал вывод, что при Иване III состоялась «общая меженина во всем государстве». Ключевский извительно удивляется той «сухости и сдержанности, с какою исследователь выражается о таком необыкновенно важном факторе русской истории, как генеральное государственное межевание в России около половины XV в., особенно, если вспоминать, с какими трудностями сопряжено было это даже во второй половине XVII в. Этот факт, научно поставленный и доказанный, мог бы перейти навеки в русскую историографию с именем автора, как перешел в механику закон Ньютона. К величайшему прискорбию русской историографии, едва ли не следует отказаться от столь важного открытия, как от плода той опасной критики, с которой исследователь церковных имуществ в древней Руси обращается к изучению своих источников. Нам помнится, что слово „меженина“... было очень употребительно и всем понятно в древней Руси и везде значило одно: голод с его обычными следствиями, дороговизной, увеличением смертности и т. д. В таком смысле было оно известно доселе всем, заглядывавшим в древнерусские исторические памятники. Впрочем, слово это не есть достояние лингвистической палеонтологии: из словарей г.г. Даля, Рыбникова и др. видно, что оно удержалось доселе в нарядном языке с некоторыми изменениями в своей этимологической форме и имеет значение засухи, жаркой поры»⁶.

Несколько ниже Ключевский снова доказывает «бесплодность филоло-

⁴ Ключевский В. О. Отзывы и ответы, с. 70.

⁵ Там же, с. 16.

⁶ Там же, с. 181.

гического объяснения, так сказать снятого со слова на глазомер». Примером подобной интерпретации терминов является предложенное Горчаковым словопроизводство «деревни» от «дернь», «одерень», что значит приобретение в бессрочное и неотъемлемое владение. Сближение указанных терминов дает Горчакову право на вывод о том, что «„деревня“, как учреждение юридическое, была предметом бессрочного и неотъемлемого владения ее обывателей». Ключевский высказывает недоумение: «Как могли быть предметом такого владения, например, деревни, поставленные крестьянами на владельческих землях, с которых землевладелец мог сослать обывателей по закону каждый год в известный срок»⁷.

Тщательная внешняя критика источника, вдумчивая и умелая его интерпретация — таковы неперемненные условия исследовательской работы. Но ими не исчерпываются проблемы исторического источниковедения так, как их понимает Ключевский. Следующая стадия работы над источником состоит в его внутренней критике, в критике достоверности. Источник сам не дает ответа на те вопросы, которые могут интересовать историка. Надо заставить его заговорить, а для этого надо поставить те вопросы, на которые источник может ответить, и предложить их в такой форме, чтобы сделать этот ответ предельно четким. С исключительной яркостью демонстрирует Ключевский это положение на примере изучения писцовых книг: «Писцовая книга — очень хороший исторический свидетель, который может много и правдиво рассказать, но ее надобно спрашивать только о том, о чем она может рассказать; иначе ее показания не разъяснят, а запутают дело»⁸.

Для того чтобы составить себе ясное представление о степени достоверности источника, необходимо различать в нем условную форму от реального исторического содержания. Это требование в одинаковой мере следует соблюдать при критике источников самого разнообразного характера. Ключевский иллюстрирует это положение на источниках совершенно различного типа, например на писцовых книгах и житиях древнерусских святых. При изучении писцовых книг следует иметь в виду, что древнерусский писец вносил в свои описи условные знаки, термины, формулы. «Важно знать, отражались ли в этих приемах какие-либо действительные, житейские отношения, или они служили только техническими удобствами для писца»⁹. Ключевский замечает и те пути, которые должны привести к разрешению вопроса о степени условности писцовых книг и о ценности тех исторических данных, которые можно из них почерпнуть. Для этого нужно вскрыть процесс составления писцовых книг, расценить собранные писцом данные, в частности использованные им свидетельские показания, определить степень его личного участия в подборе нужных сведений. Важно «разъяснить, какими способами и какие данные добывал писец и какую цену придавал он разным категориям данных, что он расследовал сам, что он узнавал от ответственных местных показателей, окладчиков и т. п., что, наконец, заимствовал из прежних описей. Вообще не маловажный для исследователя вопрос — степень участия личного усмотрения писца в приемах и составе описи, особенно в установлении единиц и размеров податного обложения; не решив этого вопроса, можно принять каприз писца за бытовую норму»¹⁰.

Ключевский предостерегает исследователя от той опасности, которая грозит ему при рассмотрении источника изолированно, вне связи с другими памятниками, которые могли бы пролить свет на его содержание. В рецензии на книгу Н. Р. Чечулина о городах Московского государства Ключевский указал автору на то, что он не вышел из узкого круга писцовых книг и это отразилось на результатах его исследования. «Не раз автор с своей обычной добросовестностью усиливается объяснить какой-нибудь темный или своеобразный термин или неясное показание

⁷ Там же, с. 196.

⁸ Там же, с. 410.

⁹ Там же, с. 409.

¹⁰ Там же.

писцовый книги; но так как он ищет объяснения в этой же книге, которая его не дает, то он как в уравнении с двумя неизвестными делает разные предположения, которые, однако, обыкновенно разрешаются тем же окончательным выводом, что положительно утверждать этого нельзя, что прямых указаний для решения этого нет и т. п.»¹¹

Если метод использования одного источника без попытки проверить его показания при помощи других, дополнительных, Ключевский признавал порочным методом, то в такой же мере он восставал против сопоставления разнородных, разновременных и несравнимых источников. В. С. Иконников хотел вычислить сумму поземельного дохода в России. Для этого он воспользовался цифрой годового дохода Троицкого Сергиева монастыря по Флетчеру с цифрой монастырских крестьян по ревизии 1744 г. «Соединив в вычислении своем эти показания,— пишет Ключевский в своем отзыве,— разделенные почти двумя столетиями, автор получил вывод,— за какое время — неизвестно. Сам автор его не обозначает. Вычисления его иногда напоминают те задачи, которыми иногда испытывают сообразительность детей, учащихся арифметике: если умножить 10 руб. на две сажени, что выйдет рубли или сажени? Дети обыкновенно становятся в тупик. Наш статистик не стал в тупик и решил задачу. Такие вычисления, видимо, доставляют ему удовольствие»¹². В другом месте Ключевский еще раз критикует источниковедческие приемы Иконникова, которыми тот оперирует при разработке статистических данных. «Где можно и необходимо пойти дальше непосредственного факта, там автор обнаруживает крайнюю молчаливость в выводах и соображениях. Зато в тех случаях, где самый пытливый исследователь остановился бы в раздумьи, наш автор своей смелостью решительно хочет брать города. Исследовательность его достигает высшей степени напряжения в статистических выводах»¹³.

Изучая источники, историк стремится к воссозданию исторического факта. Но некоторые исследователи суживают значение факта, сводя его к событию или происшествию. Ключевский возражает против такого узкого подхода к источнику, считая, что нельзя ограничиваться извлечением из него только внешней канвы исторических событий. Ключевский высоко расценил книгу С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник». Но в то же время он отметил, что автор не достаточно широко и глубоко подошел к изучаемым источникам именно вследствие того, что искал в них событий, а не фактов. «Обо всех сказаниях, составленных до окончания смуты, исследователь замечает, что они „или вовсе не дают фактического материала для историка, или дают сведения, нуждающиеся в строгой критической проверке“. Притом, что называть фактическим материалом для историка. Исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты и очень важные, точно так же требующие критического изучения. Значение, которое приобретало в обществе смутного времени иное сказание, политическая роль, едва ли не впервые доставшаяся тогда русскому перу,— это сам по себе такой важный факт, который стоило бы усиленно подчеркнуть в исследовании об источниках смутного времени»¹⁴.

С точки зрения Ключевского, в исследовании С. Ф. Платонова преобладает элемент внешней критики, но не достаточно развернута критика внутренняя. Для Ключевского правильно поставленная проблема источниковедения должна представлять гармоническое сочетание обоих видов критики. «Внушая доверие к выводам о происхождении, источниках и составе памятников, исследование г. Платонова не всегда достаточно убедительно в характеристике этих памятников как исторических источников. Причина этого в некоторой неопределенности критической

¹¹ Там же, с. 410.

¹² Там же, с. 54.

¹³ Там же, с. 53.

¹⁴ Там же, с. 390.

мерки, прилагаемой к ним исследователем. Критика автора недостаточно полно захватывает содержание разбираемых им произведений как источников для истории смуты. Основывая свою оценку на качестве и количестве „фактического материала“, какой дает памятник историку, автор не вводит в состав этого материала политических мнений и тенденций, проводимых в памятниках, считая их только „литературными“, а не историческими фактами и таким образом смешивая или отождествляя не вполне совпадающие понятия исторического факта и исторического события или происшествия»¹⁵.

Правильный, развернутый, глубокий, критический подход к историческому источнику, по мысли Ключевского, возможен только тогда, когда автор отчетливо ставит задачу исследования, исходя из наличных материалов, и когда последние он подчиняет своим целям. Односторонне поставленная проблема и одностороннее использование источников отражается на выводах. С такой строгой меркой подошел Ключевский к книге Чечулина о городах Московского государства в XVI в. «Автор тесно связал свое исследование с довольно однообразным материалом. Такая связь наложила на исследователя двойное стеснение. С одной стороны, он рассматривал состояние городов только в пределах тех данных, какие представляют писцовые книги, а с другой, и в писцовых книгах он разбирает только части, описывающие состояние городов. Автор не взял ни цельного предмета, ни цельного источника, и поэтому избранный им источник стеснял его взгляд на предмет исследования, а предмет затруднял его отношение к источнику. Отсюда вышли два рода неудобств, с которыми пришлось бороться автору и которые он одолевал не с одинаковым успехом: одни из них вытекали из отношения автора к основному источнику, другие из отношения этого источника к предмету исследования»¹⁶.

Таковы требования, высокие требования, которые предъявлял В. О. Ключевский к исследователям, работавшим над историческими источниками. Ввиду исключительного внимания к вопросам источниковедения, в силу понимания того, что правильно поставленная разработка архивных материалов является фундаментом, от крепости которого зависит прочность исторического построения, Ключевский считал совершенно необходимым наличие в каждой исторической монографии специальной главы источниковедческого характера. Читатель должен знать, какие источники привлек автор, какими приемами их обработки он пользовался, и какие требования вправе предъявлять исследователь к источникам, а читатель к исследователю. Ключевский дал очень благоприятный отзыв о книге Н. А. Рожкова, посвященной изучению сельского хозяйства в Московском государстве в XVI в., но отметил в ней один существенный пробел. «По новости темы и важности дела читатель прежде всего надеялся бы найти в книге предварительный критический обзор, по крайней мере, основных ее источников. Но такого обзора автор не дает ему, обещая только в предисловии со временем обратиться к обстоятельному критическому изучению писцовых книг. Этим пробелом в книге создается немаловажное затруднение для читателя. При самом начале работы перед автором должен был встать важный методический вопрос об отношении плана предпринятого труда к материалу, каким мог располагать исследователь, — вопрос о том, выдержит этот материал все научные требования, какие вытекают из существа избранной темы в той постановке, какую дал его автор. Вопрос этот может быть разрешен только специальным критическим разбором основных источников»¹⁷. «При чтении такого крупного и научно интересного по новизне предмета труда, как исследование Рожкова, надежда найти в нем сравнительно-критическую оценку всевозможных способов проверки писцовых книг является не требованием строгого критика, о котором говорит автор в предисло-

¹⁵ Там же, с. 398.

¹⁶ Там же, с. 408.

¹⁷ Там же, с. 457.

вию, а скромным желанием читателя, которому хотелось бы освоиться с любопытным, но довольно запутанным материалом, положенным в основу работы»¹⁸.

Требования Ключевского к исследователям, приступающим к работе над историческими монографиями, в достаточной мере ясны. Вполне соответствовала этим высоким требованиям и исследовательская техника в его собственных трудах. Характерно прежде всего, что две первых работы Ключевского, в которых он уже вполне определился в качестве крупного ученого, были посвящены вопросам чисто источниковедческого характера. Темой его кандидатского сочинения явился разбор «Сказаний иностранцев о Московском государстве». Его магистерская диссертация посвящена одному из самых интереснейших видов повествовательных источников — житийной литературе.

В книге «Сказания иностранцев о Московском государстве», помимо очень интересных детальных наблюдений, относящихся к тому или иному автору, помимо критики отдельных сообщений иностранных путешественников, побывавших в России, дана общая оценка их записок как исторического источника. Эта оценка до сих пор не утратила своего значения. Автор указывает, что при правильном критическом подходе иностранные известия могут быть очень важным материалом для изучения прошедшей жизни народа. «Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себя внимание чужого наблюдателя. Незнакомый или малознакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам, иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их; но описать, выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривычного к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них с своей домашней, условной точки зрения. С этой стороны записки иностранца могут служить важным дополнением к отечественным историческим памятникам»¹⁹.

В этой студенческой работе, представляющей первый опыт научного исследования, Ключевский уже выступает как тонкий и глубокий исследователь-источниковед.

Недаром исследованием Ключевского о «Сказаниях иностранцев» восхищался А. Ф. Кони. Его привлекла при этом не только яркость красок, живость и образность изложения, но и «строгая разборчивость автора в материале, которым он пользуется, стараясь провести ясную грань между внешней и внутренней жизнью народа, между той областью, где следует искать Wahrheit⁶, и тою, где неминуемо приходится встретиться с Dichtung⁶ со стороны чужих»²⁰.

Настоящим источниковедческим шедевром является магистерская диссертация Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник». Тема дана была Ключевскому С. М. Соловьевым. Он упорно работал над нею в течение пяти лет, исследовал целый ряд рукописных хранилищ, изучил до 160 житий в 250 редакциях по спискам, число которых достигает пяти тысяч. Сам Ключевский говорил, что у него часто являлось чувство человека, который, нырнув в глубину, затаив дыхание движется под водой и думает: хватит ли у него сил выдержать. Окончив же книгу, он почувствовал себя воскресшим. Однако когда друзья Ключевского указывали ему, что работа над житиями недостойна его таланта, что это черное, рудокопное дело, а ему следует заниматься прагматической разработкой истории, он не соглашался с ними и возражал, что

¹⁸ Там же, с. 460.

¹⁹ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918, с. 8.

⁶ Правду. ⁶С вымыслом (перев. с нем.) (Прим. сост.).

²⁰ Кони А. Ф. Воспоминания о В. О. Ключевском — В кн.: Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. М., 1912, с. 149.

изучение агиографической литературы не так бесплодно, как это может показаться с первого взгляда.

Основной вывод, к которому пришел исследователь, был неутешителен и, казалось, не оправдывал громадных усилий, им затраченных. Критический подход к источнику укрепил Ключевского в мысли о том, что в житиях слишком мало оригинального, что в них преобладает искусственная форма, созданная по чужим образцам, что в них почти отсутствуют черты реальной действительности. «Все лица, жизнь которых описана в житиях, сливаются перед читателем в один образ, и трудно отметить в них особенности каждого, как по иконописным изображениям воспроизвести портреты, и те и другие изображения дают лишь образы без лиц»²¹.

Такая оценка произведений житийной литературы, казалось, слишком умаляла их значение в качестве исторического источника. Поэтому основной вывод Ключевского об искусственности житийной литературной формы встретил сильные возражения и на диспуте, и в частных беседах. Когда Ключевский поднес свою книгу церковному историку старого поколения А. С. Казанскому, тот, перелистывая ее, рассыпался в похвалах по адресу отдельных мест, но дойдя до заключительной главы, переменил тон и заметил: «А вот эту главу я бы оторвал и бросил в печьку». «А между тем,— говорит Ключевский,— последняя-то глава и была особенно близка моему сердцу». Впоследствии, под влиянием замечаний своих критиков, особенно С. М. Соловьева, Ключевский несколько сгладил свой суровый приговор в отношении житийной литературы и во втором томе курса русской истории мы уже читаем: «...сквозь строгие условности житийного изложения проглядывают обаятельные черты житийной личности»²².

Сам Ключевский использовал в своем курсе житийный материал и на его основе написал яркие страницы, посвященные монастырской колонизации, присоединению Новгорода к Москве и т. д. Таким образом, он ввел в научный оборот житийную литературу на полных правах, наравне с другими источниками. Его же специальная монография о житиях до сих пор остается непревзойденным образцом источниковедческого анализа повествовательных памятников.

В своей дальнейшей разносторонней и по тематике, и по материалу, и по приемам исследовательской деятельности, Ключевский остается блестящим источниковедом. Многообразие его научных интересов сочетается с широким кругом привлекаемых источников, с разнообразием методов их обработки.

В своей статье «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае», появившейся почти параллельно с монографией о житиях, Ключевский показал, как тема о монастырской хозяйственной жизни может быть разрешена на основе одновременного использования повествовательных источников (жития) и актового материала, как оба вида исторических источников взаимно корректируют и дополняют друг друга. Ключевский первый ввел по-настоящему в научный оборот монастырские копийные книги, разработка которых в настоящее время С. Б. Веселовским и другими дала такие блестящие результаты для понимания социально-экономических отношений.

В статьях, посвященных происхождению крепостного права в России, основные положения автора аргументируются также путем одновременного привлечения источников совершенно различного характера. Сочетание порядных записей и памятников законодательства по крестьянскому вопросу дают возможность автору изучить процесс крестьянского закрепощения на фоне реальных житейских отношений между землевладельцами и крестьянами. Надо прямо сказать, что некоторые источниковедческие приемы автора следует признать образцовыми. Поразительны по

²¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 436.

²² Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1906, т. 2, с. 323.

глубине и тонкости его текстологические наблюдения над указным материалом, например над указом 1597 г. Изумительным по изяществу является его разбор отдельных формул порядных записей.

В статье «Состав представительства на земских соборах в древней Руси» Ключевский опытной рукой мастера-источниковеда оживил мертвый перечень членов собора 1566 г., поименный список которых сохранился на приговорной грамоте. Стоило сопоставить этот список с данными Тысячной и Разрядной книг, чтобы перед нами выступили живые люди, представители определенного класса и групп, со своими интересами, стремлениями, требованиями.

Совсем иной характер, чем рассмотренные сейчас исследования носит работа Ключевского «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему». Здесь Ключевский пытается определить меновую стоимость старинного рубля в различные периоды по хлебным ценам. По меткому замечанию Ключевского, известия о ценах в старинных документах — это «историографические загадки», «шифрованное письмо, ключ к которому потеряли». Работа Ключевского заключается в поисках такого ключа. Для этого пришлось просмотреть груды материала, который уложился в конце статьи в 9 строчек заключительных выводов, определяющих стоимость рубля с 1500 до 1750 г. Ошибка Ключевского состояла в том, что он сознательно исключил из поля своего зрения нумизматические данные. Зато его исследование насыщено метрологическим материалом, указаниями на меры, значение которых он выясняет тщательно и кропотливо.

Семинарские занятия В. О. Ключевского были посвящены толкованию таких замечательных памятников древнерусского права, как Русская Правда и Псковская грамота. Литографированное издание этих комментариев, являющееся в настоящее время библиографической редкостью, дает оригинальное объяснение ряда статей, раскрывающее их подлинный смысл.

С исключительной силой талант Ключевского проявился в докторской диссертации, посвященной Боярской думе древней Руси и в курсе русской истории. Сила этого таланта не только в глубине исследовательской мысли и яркости художественных образов, но и в ювелирной технике обработки источников, примером которых являются лекции, освещающие значение в качестве исторических источников Русской Правды и Начальной летописи.

Таков, в очень бледном и неполном освещении Ключевский как источниковед. Сейчас, когда созданы все условия для развития исторической науки, мы с благодарностью вспоминаем его работы по изучению исторических источников и используем его наследие в этой области.

ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 282, л. 33—40 об.

IV. ХРОНИКА

СОСТАВ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АН СССР *

Бюро Археографической комиссии

- Шмидт Сигурд Оттович — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР) — председатель
Литвак Борис Григорьевич — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР) — заместитель председателя
Покровский Николай Николаевич — д.и.н. (ИИФФ СО АН) — заместитель председателя
Черных Вадим Алексеевич — к.и.н. (ИСБ) — ученый секретарь
Александров Вадим Александрович — д.и.н. (ИЭ)
Белявский Михаил Тимофеевич — д.и.н. (МГУ)
Долгих Филипп Иванович — к. филос. н. (Главархив СССР)
Жуковская Лидия Петровна — д.ф.н. (ИРЯ)
Каштанов Сергей Михайлович — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Ковальченко Иван Дмитриевич — член-кор. АН СССР
- Кольцов Анатолий Васильевич — д.и.н. (ЛО ИИЕТ)
Кононов Андрей Николаевич — академик
Копанев Александр Ильич — д.и.н. (ЛОИИ)
Кукушкина Маргарита Владимировна — д.и.н. (БАН)
Левшин Борис Венедиктович — к.и.н. (ААН)
Лихачев Дмитрий Сергеевич — академик
Носов Николай Евгеньевич — д.и.н. (ЛОИИ)
Рутенбург Виктор Иванович — член-кор. АН СССР
Удальцова Зинаида Владимировна — член-кор. АН СССР
Чистякова Елена Викторовна — д.и.н. (УДН)
Янин Валентин Лаврентьевич — член-кор. АН СССР.

Члены Археографической комиссии

- Автократов Владимир Николаевич — к.и.н. (ВНИИДАД)
Автократа Мария Игоревна (ЦГАДА)
Александровская Ольга Андреевна — к.геогр.н. (ИИЕТ)
Андроников Иракий Луарсабович — д.ф.н. (Союз писателей СССР)
Антонюк Дмитрий Иванович — к.и.н. (ИМЛ при ЦК КПСС)
Батаева Тамара Васильевна — д.и.н. (УДН)
Буганов Виктор Иванович — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Волкова Наталья Борисовна — к.ф.н. (ЦГАЛИ)
Воробьев Геннадий Григорьевич — к.г.-м.н. (Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР)
Гирс Георгий Федорович — к.ф.н. (ИВАН)
Голубцова Тамара Васильевна — (Мин-во культуры СССР)
Димитриев Василий Дмитриевич — д.и.н. (НИИЯЛИ при СМ Чувашской АССР)
Дорошенко Василий Васильевич — член-кор. АН ЛатвССР
Дружинин Николай Михайлович — академик
Дьяков Владимир Анатольевич — д.и.н. (ИСБ)
- Елпатьевский Андрей Валерьянович — к.и.н. (Главархив СССР)
Житомирская Сарра Владимировна — к.и.н. (ВООПИК)
Журавлев Валерий Васильевич — к.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Иванов Николай Иванович (Главархив РСФСР)
Капцугович Игорь Севастьянович — д.и.н. (ИГПИ)
Карташов Николай Семенович — д.пед.н. (ГБЛ)
Какх Юхан Юханович — член-кор. АН ЭССР
Колесников Петр Андреевич — д.и.н. (ВГИИ)
Корецкий Вадим Иванович — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Кузеев Раиль Гумерович — д.и.н. (БФАН)
Лашкевич Владимир Викторович (Главархив БССР)
Левочкин Иван Васильевич — к.и.н. (ГИМ)
Лудский Евгений Алексеевич — д.и.н. (МГИАИ)
Мамонов Владимир Михайлович (Главархив СССР)
Медушевская Ольга Михайловна — д.и.н. (МГИАИ)
Метревели Елена Павловна — член-кор. АН ГССР
Митрофанов Николай Николаевич (Союз журналистов СССР)

* Утвержден Президиумом АН СССР 2 октября 1980 г.

Митюков Александр Георгиевич — к.и.н. (Главархив УССР)
 Нарочницкий Алексей Леонтьевич — академик
 Немировский Евгений Львович — д.и.н. (ГБЛ)
 Окладников Алексей Павлович — академик
 Панин Леонид Иванович (Главархив СССР)
 Панухина Наталия Борисовна — к.и.н. (ГИМ)
 Пашуто Владимир Терентьевич — членкор. АН СССР
 Подобедова Ольга Ильинична — д.и.н. (ВНИИИ)
 Поздеева Ирина Васильевна — к.и.н. (МГУ)
 Преображенский Александр Александрович — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Пронштейн Александр Павлович — д.и.н. (РГУ)
 Рогов Александр Иванович — к.и.н. (ИСБ)
 Ростунов Иван Иванович — д.и.н. (Ин-т военной истории)
 Рудельсон Клавдия Ивановна — д.и.н. (ВНИИДАД)
 Рыбаков Борис Александрович — академик
 Самсонов Александр Михайлович — членкор. АН СССР
 Старостин Евгений Васильевич — к.и.н. (МГИАИ)
 Степанский Александр Давыдович — к.и.н. (МГИАИ)
 Стриганов Василий Михайлович — (Минво культуры РСФСР)

Сутырин Борис Алексеевич — к.и.н. (УГУ)
 Тарновский Константин Николаевич — к.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Тихвинский Сергей Леонидович — членкор. АН СССР.
 Тихомиров Николай Борисович (ГБЛ)
 Тихонов Юрий Александрович — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Тронько Петр Тимофеевич — академик АН УССР
 Тюнеев Владимир Алексеевич (Главархив РСФСР)
 Улащик Николай Николаевич — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Усманов Миркасым Абдулахатович — к.и.н. (КГУ)
 Устинов Виктор Михайлович — д.и.н. (МГИАИ)
 Филиппов Николай Григорьевич — к.и.н. (МГИАИ)
 Фонкич Борис Львович — к.и.н. (ИВИ)
 Хачикян Левон Степанович — академик АН АрмССР
 Хромов Семен Спиридонович — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Чирков Сергей Васильевич — к.и.н. (МГИАИ)
 Чудакова Мариэтта Омаровна — д.ф.н. (ГБЛ)
 Шмитков Виктор Дмитриевич — (Центральный архив ВЛКСМ)
 Щапов Ярослав Николаевич — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
 Шепкина Марфа Вячеславна — д.и.н.
 Эйдельман Натан Яковлевич — к.и.н. (Союз писателей СССР)
 Ючас Мечисловас Адольфович — д.и.н. (Ин-т истории АН ЛитССР)

Ленинградское отделение Археографической комиссии *

Копанев Александр Ильич — д.и.н. (ЛОИИ) — председатель
 Носов Николай Евгеньевич — д.и.н. (ЛОИИ) — заместитель председателя
 Воронова Тамара Павловна — к.и.н. (ГПБ) — заместитель председателя
 Либерзон Ирина Зусевна (ЛОИИ) — ученый секретарь
 Александрова Валентина Ивановна — к.и.н. (ЛО ААН)
 Алексеев Юрий Георгиевич — к.и.н. (ЛОИИ)
 Амосов Александр Александрович — к.и.н. (БАН)
 Аваньч Борис Васильевич — д.и.н. (ЛОИИ)
 Бакланова Ирина Алексеевна — к.и.н. (ЛОИИ)
 Бернадская Елена Викторовна — к.и.н. (ГПБ)
 Бубнов Николай Юрьевич — к.и.н. (БАН)
 Бударегин Владимир Павлович (ИРЛИ)
 Ганелин Рафаил Шоломович — д.и.н. (ЛОИИ)
 Горфункель Александр Хаимович — д.и.н. (ЛГУ)
 Гранстрем Евгения Эдуардовна — д.ф.н. (ГПБ)

Демкова Наталья Сергеевна — к.ф.н. (ЛГУ)
 Дмитриев Лев Александрович — д.ф.н. (ИРЛИ)
 Ирошников Михаил Павлович — д.и.н. (ЛОИИ)
 Казакова Наталья Александровна — д.и.п. (ЛОИИ)
 Киселева Людмила Ильинична — к.и.н. (БАН)
 Ковальчук Валентин Михайлович — д.и.п. (ЛОИИ)
 Кожухов Юрий Вячеславович — членкор. Академии пед. наук СССР
 Кольцов Анатолий Васильевич — д.и.н. (ЛО ИИЕТ)
 Кондрашова Нина Ивановна (Ин-т истории партии Ленинградского обкома КПСС)
 Кукушкина Маргарита Владимировна — д.и.п. (БАН)
 Курбатова Ирина Николаевна — к.и.н. (ГПБ)
 Лебедева Ирина Николаевна — к.ф.н. (БАН)
 Лихачев Дмитрий Сергеевич — академик
 Луппов Сергей Павлович — д.и.п. (БАН)
 Лурье Яков Соломонович — д.ф.н. (ИРЛИ)
 Маньков Аркадий Георгиевич — д.и.н. (ЛОИИ)
 Мещерский Никита Александрович — д.ф.н. (ЛГУ)

* Состав отделения утвержден Бюро Отделения истории АН СССР 4 июня 1980 г.

Моисеева Галина Николаевна — д.ф.н. (ИРЛИ)	Скрынников Руслан Григорьевич — д.и.н. (ЛГУ)
Муратова Ксения Дмитриевна — д.ф.н. (ИРЛИ)	Соловьев Иван Николаевич — к.и.н. (ЦГА ВМФ)
Мыльников Александр Сергеевич — д.и.н. (ЛЮ ИСБ)	Старцев Виталий Иванович — д.и.н. (ЛОИИ)
Покровская Вера Федоровна — к.и.н.	Степанов Владимир Петрович — к.ф.н. (ИРЛИ)
Рейсер Соломон Абрамович — д.ф.н. (Ленинградский ин-т культуры)	Творогов Олег Викторович — д.ф.н. (ИРЛИ)
Розов Николай Николаевич — д.ф.н. (ГПБ)	Торопов Илья Арсентьевич (ЦГИА)
Рутенбург Виктор Иванович — член-кор. АН СССР	Цамутали Алексей Николаевич — д.и.н. (ЛОИИ)
Сапунов Борис Викторович — д.и.н. (Гос. Эрмитаж)	Чернуха Валентина Григорьевна — д.и.н. (ЛОИИ)
Свердлов Михаил Борисович — к.и.н. (ЛОИИ)	Шапиро Александр Львович — д.и.н. (ЛГУ)
Сербина Ксения Николаевна — д.и.н. (ЛОИИ)	Шепелев Леонид Ефимович — д.и.н. (ЛОИИ)
Скржинская Елена Чеславна — д.и.н.	Эрастов Дмитрий Павлович — (ЛКРД)

Секция восточной археографии Археографической комиссии *

Кононов Андрей Николаевич — академик — председатель	к.филос.н. (Бурятский ин-т обществен- ных наук БФ СО АН)
Тенишев Эдгем Рахимович — д.ф.н. (ИЯ) — заместитель председателя	Меньшиков Лев Николаевич — д.ф.н. (ЛЮ ИВАН)
Халидов Анас Бакиевич — к.ф.н. (ЛЮ ИВАН) — заместитель председателя, и. о. ученого секретаря	Мухамедова Зелиха Бакиевна — член-кор. АН ТуркССР
Акимушкин Олег Федорович — к.ф.н. (ЛЮ ИВАН)	Мухамедьяров Шамиль Фатыхович — к.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Галаятдинов Ишмухамед Гильмутдино- вич — к.ф.н. (ИИЯЛ БФАН)	Мухлисов Июабек Мухлисович (Отдел уйгуроведения АН КазССР)
Гирс Георгий Федорович — к.ф.н. (ИВАН)	Мухтаров Ахрор Мухтарович — д.и.н. (Ин-т истории АН ТаджССР)
Горегляд Владислав Никанорович — д.ф.н. (ЛЮ ИВАН)	Набиев Рашид Набиевич — член-кор. АН УзССР
Давидович Елена Абрамовна — д.и.н. (ИВАН)	Новосельцев Анатолий Петрович — д.и.н. (Ин-т истории СССР АН СССР)
Каграманов Джангир Вагид-оглы — д.ф.н. (Республиканский рукописный фонд АН АзССР)	Омаров Халид Абдуллаевич (ИЯЛИ ДФАН)
Каюмов Азиз Пулатович д.ф.н. (Ин-т ру- кописей АН УзССР)	Петросян Юрий Ашотович — д.и.н. (ЛЮ ИВАН)
Кенесбаев Смет Кенесбаевич — академик АН КазССР	Плюских Владимир Михайлович — д.и.н. (Ин-т истории АН КиргССР)
Кузеев Раиль Гумерович — д.и.н. (БФАН)	Сыдыкбеков Тугельбай Сыдыкбекович — академик АН КиргССР
Лебедев Виктор Владимирович — к.ф.н. (ГПБ)	Усманов Миркасым Абдулахатович — к.и.н. (КГУ)
Лубсанов Даши Дашипылович —	Халимов Назар Базарбаевич (Ин-т исто- рии АН ТССР)
	Юзеев Нил Гафурович — д.ф.н. (ИЯЛИ КФАН)

* Состав секции утвержден Бюро Отде-
ления истории АН СССР 4 июня 1980 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1980 Г.

21 февраля 1980 г. состоялось совмест-
ное заседание сектора исторической гео-
графии Института истории СССР и Архео-
графической комиссии, на котором с до-
кладом «Программа сводного каталога
„Русский чертеж“» выступил В. С. Кусов
(Географический факультет МГУ). Он
рассказал о работе, предпринятой им в
области систематизации древнерусских
картографических материалов, целью ко-
торой является составление сводного ка-
талога древнерусских географических

чертежей. Термин «русский чертеж» оп-
ределяется им как изображение части
пространства, выполненное в своеобраз-
ной манере, как правило, без строгой кар-
тографической проекции (вопреки уста-
новившемуся мнению, большинство че-
ртежей ориентировано не на юг, а на
восток), но путем использования спе-
циальных графических символов и пояс-
нительных надписей, несущее значитель-
ную информацию о топографии изобра-
жаемой территории.

По предварительной оценке сохранилось около 700 чертежей XVII — начала XVIII в. (наиболее значительные по объему и наименее изученные комплексы их хранятся в ЦГАДА (Поместный приказ, 162 чертежа) и в Московском областном краеведческом музее (Из Ново-иерусалимского монастыря, 55 чертежей). Трудность работы с древнерусским чертежом состоит в том, что это одновременно памятник картографии, письменности и искусства; поэтому программа, построение и содержание предполагаемого каталога должны быть рассмотрены специалистами разных отраслей знания. Каталог должен состоять из пяти частей: введение; описание чертежей; указатель географических названий; воспроизведение наиболее характерных чертежей; библиографический указатель и (в приложении) карта-указатель опознанных территорий. Описания предполагается разместить по географическому принципу (по уездам), начиная от чертежей «мелкомасштабных» и переходя к более «крупномасштабным». Само описание должно быть максимально компактным и состоять из 11 разделов: название; размер; штриховой или раскрашен; качество исполнения; филигранны; уточнение географической привязки; перечень условных знаков и надписей; запись; число населенных пунктов; краткая аннотированная библиография; шифр. В выступлениях по докладу был высказан ряд замечаний и пожеланий по предложенной программе. Л. Г. Бескровный (Ин-т истории СССР АН СССР) отметил сложность работы над подобными описаниями, связанную с недостатком специалистов, и высказал пожелание о приложении к каталогу альбома образцов чертежей. *О. А. Князевская* (Археографическая комиссия) высказалась за возможно более точную передачу топонимов (проект каталога предлагает их унификацию), по крайней мере в указателе. *Н. Б. Шеламанова* (Археографическая комиссия) отметила необходимость выявления внешне однотипных (по графическим особенностям, манере исполнения) материалов, с целью уточнения их происхождения и связи с определенными центрами изготовления. *В. А. Кучкин* (Ин-т истории СССР АН СССР) высказал ряд замечаний по структуре проекта, отметил необходимость привлечения к этой работе историков, имеющих опыт в данной области, и подчеркнул важность составления именного указателя и общей карты. *С. О. Шмидт* (Археографическая комиссия) указал на необходимость проверки полноты собранных материалов и отметил важность включения в каталог указателя хранилищ, имен (владельцев и авторов) и сведений о художественном оформлении.

24 апреля Главархив РСФСР и Археографическая комиссия провели координационное совещание по проблемам полевой археографии. В работе приняли участие представители Археографической комиссии (*А. А. Курносов, В. В. Морозов, В. А. Черных*), БАН (*А. А. Амосов*), Глав-

архива РСФСР (*И. А. Еремченко, В. А. Тюнеев*), ИРЛИ (*В. П. Бударягин*), МГУ (*И. В. Поздеева*), Сибирского (*Е. И. Дергачева-Сюп*) и Уральского (*Р. Г. Пихоя*) отделений Археографической комиссии. На совещании обсуждались вопросы организации выдачи разрешений на ведение полевых археографических работ и четкости экспедиций.

14—16 мая состоялись традиционные Тихомировские чтения, проходившие в этом году в Новосибирске (информация о конференции помещена в наст. изд.).

27 мая на заседании Археографической комиссии выступили с сообщениями *О. А. Князевская, Н. Б. Шеламанова* и *В. А. Черных*, рассказавшие о Тихомировских чтениях 1980 г., *С. О. Шмидт* и *С. М. Каштанов* (Ин-т истории СССР АН СССР), сообщившие о работе Международного симпозиума по греческой палеографии и византийской дипломатике, организованного Международным центром информации об источниках по истории Балкан (СИБАЛ) и проходившего 16—24 мая 1980 г. в Салониках (Греция), и о заседании Комиссии рукописей СИБАЛ (председатель *С. О. Шмидт*), состоявшемся 24 мая в Афинах. Симпозиум имел целью обучение молодых специалистов из разных стран теоретическим и практическим основам греческой палеографии и византийской дипломатии. С докладами выступали специалисты в этой области. *С. М. Каштановым* был сделан доклад о дипломатике русских царских грамот XVI в. афонским монастырям.

29 мая состоялось совместное заседание ЦГАЛИ и Археографической комиссии. С докладом о материалах, относящихся к Великой Отечественной войне в фондах архива, выступила *М. М. Ситковецкая* (ЦГАЛИ). В обзорном по характеру сообщении она рассказала о том, что материалы по Великой Отечественной войне содержатся в большинстве фондов архива, 60% которых относится к советскому времени. Источники чрезвычайно разнообразны по характеру: здесь и фонды писателей, погибших на фронте (*В. Э. Багрицкий, В. П. Ставский, И. П. Уткин* и др.) и пережившие войну (*К. М. Симонюк, Г. Г. Эль-Регистан* и др.), фонды деятелей искусства (*С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, А. А. Яблочкина* и др.), материалы учреждений — творческих союзов, издательств. Разнообразны виды документов — творческие рукописи, дневники, письма, фотографии. В фонде *В. И. Лебедева-Кумача* богато представлены источники по истории песни военных лет. Чрезвычайный интерес представляют материалы писательской военной комиссии, где в стенограммах совещаний сохранились отчеты многих ведущих деятелей литературы (*И. С. Сельвинского, И. Г. Эренбурга* и др.). Для истории героической обороны Ленинграда особый интерес представляет фонд *Вс. Вишневого*, пережившего там всю блокаду, и уже в то время выступившего инициатором собирания источников по истории блокады и обороны города на Неве. В достаточной полноте представлены в фондах архива также официальные документы и печат-

ные материалы (фронтные газеты), программы выступлений фронтных бригад. Особый фонд составляют письма бывших фронтовиков к С. С. Смирнову, содержащие отклики на его выступления. В целом фонды ЦГАЛИ являются неоценимым источником не только для исследователей советской культуры военных лет, но и истории Великой Отечественной войны в целом.

Доклад вызвал оживленную реакцию аудитории. *Н. Б. Волкова* (ЦГАЛИ) дополнила сообщение рассказом о работе, которая ведется в архиве по систематизации и публикации источников о Великой Отечественной войне; член-кор. АН СССР *А. М. Самсонов* (Ин-т истории СССР АН СССР), развивая тему писем фронтовиков С. С. Смирнову, отметил важность сбора подобного рода источников, одновременно обратив внимание на трудности, возникающие в связи с организацией их собрания и последующего хранения, проиллюстрировав это примером с анкетированием и записью воспоминаний участников первых пятилеток на Урале и в Сибири; *А. А. Курнос* (Археографическая комиссия) подчеркнул важность изучения «второстепенных», непрофильных материалов, без которых невозможно представить целостную картину эпохи. *В. А. Черных* (Археографическая комиссия) говорил о работе по сбору и публикации таких массовых источников (писем фронтовиков) в отделениях комиссии. *С. О. Шмидт* (Археографическая комиссия) в заключительном слове обратил внимание на наличие большой архивоведческой проблемы «непрофильных» материалов, в частности относящихся к значительным историческим событиям, — они находятся не только в фондах, где значатся по рубрике. Эти материалы расширяют представление о возможной источниковой базе исследований и одновременно убеждают в необходимости тематических каталогов в различных архивохранилищах.

17 июня на заседании Археографической комиссии с докладом «Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. Лазарев монастырь» выступил член-кор. АН СССР *В. Л. Янин*. Новгородский Лазарев девичий монастырь упоминается в источниках с XIV в. В XVII в. отсюда на Печатный двор были привезены пергаменные служебные миней рубежа XI—XII вв. Убедительно доказав вероятность существования монастыря до XIV в., докладчик предположил возможность создания этих миней в его стенах. Не ограничиваясь названным кругом рукописей, хранящихся в ЦГАДА, *В. Л. Янин* высказал мысль о возможности отождествления одного из писцов Типографских миней, Домки-Якова, с попом Домкой — писцом Милатина евангелия (ГПБ). Принятая в научной литературе датировка этого евангелия 1215 г., идущая от *И. И. Срезневского*, основана на упоминании в записи голода в Новгороде. *В. Л. Янин* привел примеры других голодных лет по новгородской летописи и поставил перед аудиторией вопрос о возможности палеографического отождествления почерков писцов миней

и евангелия и о передатировке последней рукописи.

Доклад вызвал оживленную дискуссию. *Л. П. Жуковская* (ИРЯ) высказала сомнение в датировке Милатина евангелия XIII в. в силу архаичности правописания, но выступила против отождествления почерков. *Т. А. Сумникова* (ИРЯ) решительно высказалась в пользу равнозначности рукописей, объяснив архаичность орфографии Милатина евангелия воздействием протографа. *О. А. Князевская* (Археографическая комиссия) отметила важность изучения проблемы скрипториев, значение в этом плане лингвистического анализа рукописей, указала на трудности работы в данном направлении (разбросанность памятников по хранилищам, недостаток палеографических альбомов), отметил в конкретном случае большую «молодость» общего облика письма евангелия в сравнении с минеями. *И. В. Леоочкин* (ГИМ) указал на необходимость внедрения новых методов палеографического анализа (исследование угла наклона и размера букв) и отметил неустойчивость терминологии у различных исследователей.

С. М. Каштанов (Ин-т истории СССР АН СССР) подчеркнул важность изучения позднейшего бытования рукописей, которое, как в данном случае, может иметь большое значение для определения их происхождения, и отметил необходимость общего взгляда на характер письма (в конкретном случае почерки кажутся ему не идентичными). Кроме того, он поставил вопрос о возможности письма с голоса, когда протограф не влияет на писца. *Н. В. Силицина* (Ин-т истории СССР АН СССР) отметила, что существенным условием для идентификации является знание всей массы почерков определенной эпохи, и высказала мысль о создании при Археографической комиссии палеографического кабинета. *Л. М. Костюжина* (ГИМ) говорила о комплексном рассмотрении памятника в палеографии, когда учитываются индивидуальные почерк и обусловленный временем тип, причем явление первого, претендующее на точную датировку, должно рассматриваться в связи с развитием второго. В конкретном случае в рукописи имеется много сходных начерков, но общий стиль письма разный. *Н. Б. Тихомиров* (ГБЛ) отметил наличие в докладе двух проблем: проблемы скриптория и идентификации почерков. В отношении первой он высказал предположение о большей вероятности существования скриптория при Софийском соборе (епископской кафедре). По второму вопросу он возражал докладчику, что предшествующие исследователи датировали Милатино евангелие прежде всего на основании палеографических признаков, и 1215 г. был выбран как наиболее, по их мнению, соответствующий. *Н. Б. Тихомиров* (на основании фотоснимков) не отвергает полностью возможность наличия в данных рукописях одного писца, но при максимальном хронологическом разрыве. Все выступавшие, независимо от их взгляда на конкретный вопрос, отмечали чрезвычайную важность

и актуальность доклада, говорили о необходимости создания палеографического кабинета и активной исследовательской работы в самих хранилищах.

23 июня состоялось заседание Археографической комиссии, на котором с докладом, посвященным переводу книги Э. Т. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV—XVIII вв.» выступила Ю. В. Андрияшайтите (Археографическая комиссия). Справочник Лауцявичюса вышел в свет в 1967 г. и по объему содержащихся в нем сведений (свыше 4000 бумажных знаков) стоит в одном ряду с трудами Н. П. Лихачева, Ш. Брике, Э. Хивуда, В. А. Мошина, Г. Пикара, однако то обстоятельство, что он издан на литовском языке, сильно затрудняло пользование им. Издание перевода (Вильнюс, 1979), выполненного Ю. В. Андрияшайтите, устранило эту трудность. Работа над переводом имела ряд сложностей как технического (текст требовалось сократить втрое), так и научного характера (недостаточная разработанность специальной терминологии в литовском языке, отсутствие унификации в передаче имен собственных (географической номенклатуре), неточности, допущенные автором). Все выступавшие — М. В. Кукушкина (БАН), Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина (ГИМ), О. А. Князевская, И. Е. Тамм, Н. В. Шеламанова, С. О. Шмидт (Археографическая комиссия) отмечали важность издания перевода, выполненного Ю. В. Андрияшайтите, говорили о ее чрезвычайной научной добросовестности и громадном объеме проделанной работы, далеко выходящей за рамки обычного перевода и носящей научно-исследовательский характер.

15 июля на заседании Археографической комиссии были заслушаны отчеты о научных командировках сотрудников. Н. В. Шеламанова, работавшая в Ленинграде над завершением первого выпуска «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», сообщила также об интересной находке Н. Н. Розова (ГИБ), обнаружившего в Куйбышеве описания рукописей местных хранилищ, выполненные в 1920-х годах М. Н. Тихомировым. В. В. Морозов, принимавший участие в археографической экспедиции БАН в Архангельскую и Вологодскую области, рассказал о результатах экспедиции, среди находок которой были фрагменты рукописей конца XV в., и о состоянии рукописных и старопечатных фондов Кирилловского и Устюженского музеев (в хранилище последнего обнаружен, в частности, новый экземпляр Апостола 1564 г.). О. А. Князевская и А. А. Турилов, работавшие в книгохранилищах Ярославля по уточнению датировок и содержания рукописей XIV и XV вв. для Сводного каталога и «Предварительного списка XV в.», сообщили о своих находках (в собрании музея-заповедника в бумажной рукописи XIV—XV вв. был обнаружен древнейший список Послания Евфимия Тырновского к Киприану; выяснилось, что толкование Псалтыри конца XIV в. имеют русские интерполяции XI в., направленные против языческих вблесков). По результатам отчетов было внесено и одобрено предло-

жение считать формой работы Археографической комиссии ознакомление с фондами периферийных хранилищ. В заключение С. О. Шмидт рассказал о работе Всероссийского слета участников экспедиции школьников «Моя Родина — СССР», проходившего 18—21 июля в Ульяновске, и о результатах поисков и работы в Государственном архиве Ульяновской области с малоизученным видом источников — церковно-приходскими летописями второй половины XIX — первой четверти XX в. (в архиве их оказалось свыше 70).

30 сентября состоялось заседание Археографической комиссии, на котором был заслушан отчет о научной командировке О. А. Князевской, принимавшей участие в работе Международного семинара по славянской палеографии и дипломатике, проходившего 10—25 сентября в Софии (НРБ). На этом совещании, организованном по решению СИБАЛ, присутствовало свыше 60 специалистов из разных стран. Среди докладов особый интерес представляли сообщения о расширении фонда древнейших славянских кириллических рукописей: М. Альбауэра (Израиль) о находке в монастыре св. Екатерины на Синае новых отрывков Синайской псалтыри и К. Станчева (НРБ), обнаружившего в фонде грузинских рукописей Национальной библиотеки в Париже фрагменты двух известных болгарских памятников XIII в. — Добромира евангелия и Ягичева Златоуста — и многочисленные отрывки восточнославянских рукописей XIII—XIV вв.

21 октября на заседании Археографической комиссии с отчетом о результатах научной командировки в Ереван выступила О. А. Князевская, работавшая в Матенадаране с целью уточнения датировки и содержания хранящихся там отрывков славяно-русских рукописей для Сводного каталога. В процессе работы было выявлено два фрагмента XIII—XIV вв., не вошедших в описания М. Н. Тихомирова и Е. Э. Гранстрем.

9 декабря состоялось заседание Археографической комиссии, на котором с докладом «Книжно-рукописная традиция Урала (XVIII—XIX вв.)» выступил Р. Г. Лихоя (УГУ). Собрание рукописей на Урале началось в первой четверти XVIII в. и ведется до настоящего времени. По предварительным подсчетам, в собраниях СССР находится не менее 4000 рукописных и старопечатных книг, происходящих с Урала. Причина того, что Урал стал одним из районов сохранения культурных традиций прошлого в условиях нового времени, связана, по мнению докладчика, с исторической особенностью региона, ставшего с начала XVIII в. местом развития крупной горной промышленной доминирующей роль горнозаводской промышленности в жизни края, замкнутость Урала, оторванность его от центра России имеют важное значение для анализа местной рукописной традиции как части культуры «особого быта Урала». Застойные формы хозяйства, общественных отношений на Урале в XIX в. создавали благоприятные условия для

воспроизводства традиционных явлений культуры. Создателем и хранителем книжно-рукописной традиции Урала выступало прежде всего горнозаводское население края. Важную роль в развитии этой традиции сыграло старообрядчество, на формирование уральских толков которого повлияло массовое переселение на горные заводы в начале XVIII в. жителей Нижегородского Керженца. Во второй половине XVIII — начале XIX в. складываются тесные связи уральских «поповцев» с Иргом. Вопрос о священстве, тесно переплетенный с социальными проблемами горнозаводского населения, стал одной из центральных тем в литературе уральских «часовенных». В середине — второй половине XIX в. на Урале и в Зауралье создаются историко-догматические сочинения («Родословие поморского согласия на Урале и в Сибири»), свидетельствующие о выделении местных «поморцев» в особый толк. Эсхатологические настроения старообрядцев Урала, зафиксированные в местной рукописной традиции, отразились в борьбе завод-

ского населения против феодальной политики государства. В условиях нового времени местная книжная традиция не могла не испытывать влияния светской литературы; в библиотеках уральцев находились летописи, авантюрные романы, издания XVIII в. Особо важную роль в этом круге чтения играли юридические памятники, которые, переосмысливаясь с позиций «наивного монархизма», служили источниками челобитных и прошений заводского населения, использовавшихся в борьбе против заводчиков и феодального государства. Поэтому неправильным представляется сведение книжной традиции Урала лишь к кириллической книге, она является частью мировоззрения горнозаводского населения края XVIII—XIX вв.

Доклад вызвал оживленное обсуждение. Все выступавшие — Н. А. Кобяк (МГУ), О. А. Князевская, С. А. Морозов, В. А. Черныш (Археографическая комиссия) отмечали важность социально-культурного аспекта постановки проблемы и необходимость комплексного подхода к ее решению.

А. А. Турилов

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Историко-краеведческие материалы Фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения / Сост. и автор вступительной статьи С. Б. Филимонов / Под ред. С. О. Шмидта. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980. 164 с. Ротапринт. (Археографическая комиссия АН СССР; Совет Московского горнозаводского отделения Всероссийского обще-

ства охраны памятников истории и культуры).

О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры: (Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев) / Сост.: В. Д. Шмитков, А. А. Курносков, В. Е. Туманов. Ред. С. О. Шмидт. М., 1980. 84 с. Ротапринт. (Центральный архив ВЛКСМ; Археографическая комиссия АН СССР).

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ¹

Ленинградское

Вышел в свет т. 11 ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» (Отв. ред. д.и.н. Н. Е. Носов. Л., 1979). В нем опубликованы статьи и материалы о различных видах документальных памятников (летописных, законодательных, актовых), по генеалогии, дипломатике, нумизматике, палеографии, исторической географии и другим специальным (историческим) дисциплинам.

18 марта на заседании отделения заслушан доклад д.и.н. В. И. Старцева (ЛЮИИ) «К истории манифеста об отре-

чении Николая II от 2 марта 1917 г.». Докладчик детально, по дням, а иногда и по часам осветил обстановку в стране и в Ставке накануне подписания манифеста, проанализировал различия в разных его вариантах, рассказал о работе по розыску этого документа. В обсуждении доклада приняли участие доктора исторических наук П. Ш. Ганелин, А. И. Копанев, С. А. Рейсер, Ю. Б. Соловьев, И. П. Шаскольский.

20 ноября состоялось пленарное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1980 г. Г. В. Маркелов (ИРЛИ) сообщил о результатах сбора рукописей в Латвийской ССР; В. П. Бударягин (ИРЛИ) — об экспедиции в Горьковскую область; Е. М. Шварц (ГПБ) — о сборе рукописей и книг на Северной Двине; А. Г. Бобров (ЛГУ) — о поездке в г. Невель; А. А. Амосов (БАН) — об экспедициях в Архангельскую и Вологодскую области; Н. Ю. Буб-

¹ Обзор полевых археографических исследований, предпринятых региональными отделениями Археографической комиссии, дан в наст. изд.: Морозов В. В. «Археографические экспедиции 1980 года».

нов (БАН) — о собирании рукописей в Поморье; А. Б. Халидов (ЛО ИВАН) — об экспедиции в Дагестанскую АССР с целью собирания рукописей на восточных языках. В. В. Морозов (Археографическая комиссия АН СССР) информировал о предварительных результатах экспедиций, предпринятых в 1980 г. археографами Москвы, Сибири и Урала. На заседании выступили также председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии А. И. Копанев и ученый секретарь комиссии В. А. Черных.

Северное

Вышла в свет книга «Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник» / Отв. ред. П. А. Колесников. Вологда, 1980. 176 с. (Археографическая комиссия АН СССР, Северное отделение; ИЯЛИ Коми филиала АН СССР; Вологодский государственный педагогический институт).

Северное отделение Археографической комиссии совместно с секцией документальных памятников Вологодского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры продолжает работу по обследованию и описанию рукописных и книжных фондов, хранящихся в краеведческих и народных музеях Вологодской области. Помощь в этой работе оказывают БАН и Археографическая комиссия АН СССР. Завершено описание рукописей и старопечатных книг, находящихся в музеях городов Вытегра, Кириллов, Тотьма, Устюг, Устюжна, составлены обзоры документальных памятников, хранящихся в народных музеях в Грязовце, Никольске и Тарногском городке.

В октябре 1980 г. на совместном заседании бюро отделения, секции документальных памятников и кафедры истории СССР ВГПИ подведены предварительные итоги этой работы и принято решение подготовить в 1981 г. к изданию каталог «Памятники письменности в районных краеведческих музеях Вологодской области».

Продолжается работа по обследованию и фотографированию сельских поселений Вологодской области, в результате которой создается документальный фонд о сохранившихся памятниках истории и культуры. Решением Облисполкома создана областная комиссия по руководству этой работой.

Уральское

Наряду с продолжением полевых археографических исследований отделение приступило к планомерному обследованию и описанию собраний рукописей и старопечатных книг в районных библиотеках и краеведческих музеях Урала. Сотрудники археографической лаборатории УГУ оказали помощь Свердловскому объединенному историко-революционному музею. в описании коллекции рукописных и старопечатных книг XVI — начала XX в., сложившейся в результате собиратель-

ской деятельности Уральского общества любителей естествознания. Каталог этого собрания, насчитывающего свыше 300 томов, подготавливается к изданию.

Большое внимание уделяется подготовке кадров археографов — специалистов по собиранию, научному описанию и публикации старинных документальных памятников. На историческом факультете УГУ утверждена специализация подготовки студентов по этим направлениям.

Результаты археографических экспедиций, в которых участвуют студенты УГУ, регулярно обсуждаются на научных конференциях. При кафедре истории СССР (досоветского периода) созданы археографическая лаборатория (заведующий — доцент Р. Г. Пихоя) и хранилище древних книг и рукописей, насчитывающее ныне свыше 1700 рукописных и старопечатных книг XV — начала XX в.

12 марта 1980 г. в УГУ открыт Музей книги, в котором экспонируются наиболее ценные рукописи и издания как из этого хранилища, так и из фондов научной библиотеки УГУ.

Южноуральское

Вышел в свет сборник статей «Археология и источниковедение истории литературы на Южном Урале» (Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа, 1979. 139 с.). В основу сборника легли доклады и сообщения, сделанные на II Южноуральской конференции по источниковедению и археологии (Оренбург, 1975). ИИЯЛ БФАН, партийный архив Башкирского обкома КПСС и ЦГА БССР издали сборник «Документы мужества и героизма» (Уфа, 1980). Сборник освещает подвиги посланцев Башкирии на фронтах и трудовой героизм жителей Башкирии в тылу в годы Великой Отечественной войны.

В июне в Оренбурге прошли научные чтения «Река Урал», организованные Географическим обществом СССР при участии Южноуральского отделения Археографической комиссии. С докладами, объединенными темой «Река Урал в истории, фольклористике и языковедении», выступило 17 человек.

Сибирское

В мае в Новосибирске состоялись «Тихомировские чтения 1980 года»¹. Проведена научная конференция молодых специалистов, на которой был сделан ряд докладов по археографической тематике. В конференции приняли участие исследователи из Новосибирска, Томска, Свердловска.

Подготовлен и сдан в печать V сибирский археографический сборник «Древнерусская книга и ее бытование в Сибири».

Вышли из печати: «Описание рукописей Чудовского собрания (ГИМ)» (Сост. Т. Н. Протасьева. Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1980. 233 с.) и сборник «Сибирское источниковедение и археология» (Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1980).

¹ См. наст. изд.

Секция восточной археографии

Секция восточной археографии Археологической комиссии АН СССР, созданная по постановлению Президиума АН СССР от 5 октября 1978 г. (председатель — акад. А. Н. Кононов), начала свою работу со сбора сведений о деятельности научных учреждений и высших учебных заведений союзных и автономных республик по собиранию, описанию и изданию документальных памятников на восточных языках. На основании собранных сведений разрабатывается перспективный координационный план исследований в области восточной археографии, предусматривающий, в частности, подготовку серийного издания «Каталоги восточных рукописей СССР», продолжение серии публикаций «Памятники письменности

Востока», издание ежегодника «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования» и др.

Подготовлена к печати аннотированная «Библиография арабских рукописей» (ред. А. Б. Халидов). Ведется подготовка Свода рунических памятников тюркской письменности на территории СССР (ред. акад. А. Н. Кононов).

В результате археографических экспедиций, предпринятых в 1980 г. ИЯЛИ Башкирского, Дагестанского, Казанского филиалов АН СССР, Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, КГУ и рядом других учреждений, получено и взято на учет значительное число рукописей и старопечатных книг на арабском, тюркском, персидском, старомонгольском, тибетском языках.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1980 Г.

В 1980 г. учреждениями Академии наук СССР, высшими учебными заведениями, местными библиотеками и музеями, как и в предшествующие годы, были продолжены полевые исследования кириллической книжной традиции.

Сибирское отделение Археологической комиссии провело экспедиции в Красноярском крае, Эвенкийском автономном округе, Бурятской АССР (руководители отрядов — Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев), в Восточно-Казахстанской, Кемеровской (О. Д. Горелкина), Тюменской (О. Н. Садовая) областях и в Кыргызской ССР (Г. В. Вожаева). ИРЛИ были организованы экспедиции в Латвийскую ССР (Г. В. Маркелов), Архангельскую (Е. М. Шварц, Н. И. Николаев), Горьковскую (В. П. Бударгаин) области, а также выезд в Псковскую область в составе археологической экспедиции (А. Г. Бобров). БАН предприняла контрольные обследования в Карельской АССР (Н. Ю. Бубнов), западных районах Архангельской и Вологодской областей (А. А. Амосов), постоянно находящихся в поле зрения археографов.

В зимней экспедиции археологической группы МГУ продолжались комплексные археологические исследования в Брянской области (Е. Б. Смилянская), целью которых было изучение современного состояния старообрядчества и пополнение Ветковско-Стародубского территориального собрания НБ МГУ. В летних экспедициях продолжалось комплексное обследование ряда районов Пермской области и Удмуртской АССР (И. В. Поздеева). Археографами МГУ практически завершено обследование Оренбургской и Уральской (Казахская ССР) областей, начата работа в Гурьевской области Казахстана (Е. Б. Смилянская) и продолжалось обследование южных и центральных районов Казахстана: населенные пункты Алма-Атинской, Джамбульской, Кызыл-Ординской областей (Е. Б. Смилянская). Параллельно с чисто археологической работой выяснялись современные расселение и связи старообрядцев-уральцев Центрального Казахстана.

Зимой 1980 г. УОАЭ (Р. Г. Пихоя) провела работы на территории Свердловской и Курганской областей, летом (В. П. Виктор) обследовались районы Тюменской, Курганской, Свердловской (В. И. Байдин, А. Т. Шашков), Челябинской (Н. П. Парфентьев), Кировской (Л. Г. Медведева), Пермской (Н. Н. Барминская) областей и Удмуртской АССР (В. П. Виктор).

Как и в предшествующие годы, археологи СГУ сосредоточили свое внимание на отдельных, тщательно обследуемых районах Коми АССР (Т. Ф. Волкова, Ю. П. Фесенко). В 1980 г. впервые на территории Горьковской области организована археологическая экспедиция ГГУ (Т. В. Черторицкая). ВЛГПИ продолжил обследование (В. А. Колобанов) юга Владимирской области и прилегающих населенных пунктов Рязанской области. Государственная библиотека Латвийской ССР продолжала археологическое обследование территории республики (Л. А. Лимане, И. С. Шишко). Псковский историко-художественный музей-заповедник провел экспедицию (Н. П. Осипова) на территории области. Археологическая работа в Архангельской области велась и фольклорной экспедицией филологического факультета ЛГУ.

В ходе этих экспедиций, по предварительным данным, получено свыше 500 рукописей и около 300 старопечатных книг кириллической традиции. Археологи Сибири приобрели в Красноярском крае, Эвенкийском национальном округе, Бурятской АССР 14 рукописей (XVII в.— 4) и 54 старопечатные книги (XVII в.— 1), в Восточно-Казахстанской области — 3 рукописи, 5 гектографических изданий и 3 старопечатные книги (XVII в.— 1), в Кемеровской — 1 рукопись и 1 старопечатную книгу, в Тюменской — 4 рукописи и 2 старопечатные книги, в Кыргызской ССР — 2 рукописи и 5 старопечатных книг (XVII в.— 1).

В Древлехранителе ИРЛИ передана 61 рукопись (старопечатные книги поступили в НБ ЛГУ), полученная в Латвии (XVI в.— 1), 39 рукописей (XVI в.— 2, XVI—XVII вв.— 2, XVII в.— 2) из Архан-

гельской, 11 — из Горьковской и 5 — из Псковской (XVII в. — 1) областей. Экспедициями БАН получено в Карелии 12 рукописей и 7 старопечатных книг (XVII в. — 3), в Архангельской области — 18 полных рукописей и фрагментов (XV в. — 1, XV—XVI вв. — 1), в Вологодской области — 3 рукописи.

В НБ МГУ поступило из Брянской области 5 рукописей и 11 старопечатных книг (XVI в. — 2, XVII в. — 6), из Пермской области и Удмуртской АССР — 45 рукописей (XV в. — 1, XVI в. — 2, XVII в. — 2) и 45 старопечатных книг (XVI в. — 6, XVII в. — 30), из Оренбургской области и Западного Казахстана — 14 рукописей и 32 старопечатных книги (XVII в. — 9), из центральных и южных районов Казахстана — 17 рукописей и 10 старопечатных книг (XVII в. — 4).

В НБ ЛГУ всего передана 31 старопечатная книга (XVI в. — 1, XVII в. — 9); в это число включены находки археографов ИРЛИ — 6 старопечатных книг, а также фольклорной экспедиции филологического факультета ЛГУ — 11.

Собрание НБ УГУ пополнилось 204 рукописями (XVII в. — 4) и 60 старопечатными книгами (XVI в. — 5, XVII в. — 18). Из них в Челябинской области получено 9 рукописей и 13 старопечатных книг (XVI в. — 1, XVII в. — 3), в Свердловской — 48 рукописей (XVII в. — 1) и 18 старопечатных книг (XVII в. — 7), в Кировской — 2 рукописи и 1 старопечатная книга (XVII в.), в Курганской — 140 рукописей и 41 старопечатная книга (XVI в. — 2, XVII в. — 6), в Тюменской — 20 рукописных и 2 старопечатные книги. Из Удмуртии привезено 5 рукописей. Кроме того, УОАЭ переданы находки из Пермской области в областную библиотеку: 19 рукописей и 6 старопечатных книг.

Археографы СГУ получили 12 рукописей и 8 старопечатных книг (XVII в. — 1). В НБ ГГУ передано 12 рукописей (XVII в. — 1) и 28 старопечатных книг (XVII в. — 6), 20 книг (не атрибутированы) приобрели археографы ВлГПИ. 2 кириллические рукописи и 1 старопечатная книга (XVI в.) получены археографами Латвии.

Полевый сезон 1980 г. принес очень интересные находки. Сибирские археографы получили Сборник литературный, XVII в., в состав которого входят: Валаамская беседа (промежуточный вид между первоначальной и распространенной редакциями — классификация Г. Н. Моисеовой), Слово Максима Грека о крестном знаменнии, «книги еретические ложные, их же не подобает чести и держати православным христианом», Притча о богатых «из болгарских книг» (самостоятельный текст из Повести о Варлааме и Иоасафе; с опубликованным А. Н. Веселовским текстом имеет очень большие разночтения), выписки из Измарагда, Великого Зеркала, Беседа отца с сыном о женской злобе, притчи о хмеле и др.

Из поступлений Древлехранилища ИРЛИ необходимо отметить: Минею служебную (юль), третья четверть XV в.; Житие Александра Свирского, XVIII в.;

«Бисер драгоценный» М. И. Выпятина, XVIII в.; Апостол-апракос, конец XVI в.; Сборник учительный, конец XVI — начало XVII в., содержащий Устав и другие сочинения Нила Сорского; Минея общая, конец XVI в.; из рукописей XIX—XX вв. несомненный интерес представляют лицевой учительный сборник и лицевые Святцы местного (архангельского) письма со своего рода иконографическим «ключом» к изображению святых и праздников в них.

В БАН поступили: Триодь постная (фрагмент), первая половина XV в., Минея служебная (фрагмент), конец XV — начало XVI в., вышедшая, вероятно, из круга писцов, обслуживавших двор московских великих князей. Интересны также два документа XVII в. — подлинник грамоты 1689 г. (в столбце с печатью) и список с Раздельной записи второй половины века.

В НБ МГУ археографами переданы: Пролог на первую половину года, первая часть (сентябрь — ноябрь), F^o, XV в. (30—40-е годы), в котором при предварительном описании выделено шесть русских и славянских праздников; Сборник смешанного состава, XVI в., включающий 90 статей в значительной части патеричного происхождения; Богородичник, середины XVI в. — из Пермской области; список известного старообрядческого сочинения Ивана Алексея «Титин», 1810-е годы; лицевой Апокалипсис, 8°, XIX в. Из старопечатных книг, переданных в НБ МГУ, следует выделить Триодь постную, изданную в Москве А. Т. Невежей 8.XI 1589 г., и Евангелие-тетр типографии Мамоничей 1600 г. с записью 1724 г., Апостол Киевской типографии Спиридона Соболя 1630 г., полученные в Брянской области; Невежинская псалтирь 1577 г., Октоих (М., 31.I 1584) — в Пермской области; Триодь цветную (М., 27.I 1630) с вкладной записью 1630 г. окольничего А. В. Измайлова, Апостол (М., 3.IX 1633), содержащий 19 записей XVII в. — в Западном Казахстане.

Уральские археографы передали в НБ УГУ: Зерцало мифозрительное первой половины XVII в.; обширное компилятивное сочинение невянских старообрядцев часовенного согласия с выдержками из сочинений известного деятеля уральского старообрядчества XVIII в. отца Максима, 30-х годов XIX в.; 2 экземпляра Триоди постной, изданной А. Т. Невежей (М., 1589); виленское издание Апостола с привилеем (XVI в., после 1595 г.), Новый завет с Псалтирью (Братская типография, 1596), Евангелие (без сигнатуры) (Вильно, 1600). Уральские археографы получили также несколько экземпляров сборных уложений сельских соборов XVIII—XX вв.

В НБ ЛГУ среди важнейших находок года отмечены: Новый завет с Псалтирью (Острог, 1580) печатя Ивана Федорова; Бурцовские издания Шестоднева и Псалтири (М., 1640); Жития святых Дмитрия Ростовского (Киев, 1714).

В НБ СГУ были переданы: Устав (XIX в.) с прекрасными образцами почерков местных переписчиков; Псалтирь

(М., З.Х 1619). Археографы ГГУ приобрели Евангелие учительное, изданное В. М. Гарабурдой (Вильно, ок. 1580).

Как и в предшествующие годы, археографические экспедиции комплектуются на базе кооперации нескольких учреждений. Так, в Сибири в тесном контакте работают ИИФФ СО АН, ГПНТБ СО АН и НГУ. В экспедициях БАН приняли участие Археографическая комиссия и ВГПИ. ИРЛИ работал в содружестве с ЛГУ, организовывая совместные экспедиции и осуществляя передачу рукописей в Древлехранилище им. В. Л. Малышева, старопечатных книг — НБ ЛГУ. В археографические экспедиции МГУ были включены сотрудники НБ МГУ, студенты МГУ и МГИАИ. В составе УОАЭ работали сотрудники УГУ, Археографической комиссии, Пермской областной библиотеки

и Уральской государственной консерватории, а также студенты УГУ. В экспедиции СГУ сотрудничали Ленинградский институт культуры и Вологодская студия документальных фильмов.

Помимо основной археографической деятельности, экспедициями осуществлялась методическая и практическая помощь местным музеям. В частности, экспедицией БАН составлено описание книг кириллической печати в коллекции Каргопольского краеведческого музея. В ходе полевых археографических исследований многими экспедициями было поставлено на учет значительное число рукописей и старопечатных книг, что является серьезной основой успешной работы в будущем.

В. В. Морозов

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ «СВОДНЫЙ КАТАЛОГ СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ КИРИЛЛОВСКОГО И ГЛАГОЛИЧЕСКОГО ШРИФТОВ XV—XVII ВВ.»¹

26—28 февраля 1980 г. в ГБЛ проходило международное совещание, посвященное сотрудничеству национальных библиотек и других организаций социалистических стран в области подготовки Сводного каталога². На совещании присутствовали представители различных учреждений Академии наук, СССР и УССР, библиотек, архивов, музеев СССР, национальных библиотек БНР, ПНР, ЧССР. Совещание открыла Ученый секретарь ГБЛ Л. М. Коваль. С приветственным словом к собравшимся обратился председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт. Были

заслушаны доклады заведующего ОРК ГБЛ Е. Л. Немировского «Сводный каталог старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов», научного сотрудника отдела старопечатных изданий Национальной библиотеки в Варшаве Х. Булгака «К вопросу о польском участии в работе над Сводным каталогом кириллической старопечатной книги», заведующего отделом старопечатных книг и рукописей Национальной библиотеки в Праге П. Покорного «Состояние сводных каталогов старопечатных книг в ЧССР», заведующей отделом редких книг Национальной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии Л. Драголовой «О состоянии обработки фонда книг кирилловской печати в библиотеках Болгарии». С сообщениями о работе с фондами кирилловских изданий выступили представители крупнейших книгохранилищ СССР: Л. И. Киселева (БАН), В. И. Лукьяненко (ГПБ), Н. Ф. Чернышева (ГПИБ), Н. А. Кобяк (НБ МГУ), Л. Н. Горбунова (ЦГАДА). На совещании состоялось обсуждение перспективного плана работы над Сводным каталогом, «Основных правил описания изданий кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв.» Было внесено много предложений по улучшению и повышению действенности работы над Сводным каталогом, в частности Л. П. Жуковская (ИРЯ) говорила о необходимости включения данной темы в план работы Международного комитета славистов.

В заключение совещание приняло рекомендацию, текст которых вместе с материалами докладов и сообщений издается отдельной брошюрой.

Ю. А. Лыбынцев

¹ Об этом см.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. указания.— ОРК ГБЛ, М., 1976, вып. 1; М., 1977, вып. 2; М., 1978, вып. 3. Кирилловские издания Супрасльской типографии; М., 1979, вып. 4. Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI в.; М., 1980, [вып. 5]. Материалы международного совещания специалистов НРБ, ПНР, СССР, ЧССР по работе над Сводным каталогом.

² Помимо собственно каталога предполагается издавать описания старопечатных изданий и всех сохранившихся экземпляров, выпущенных той или иной типографией. Вышел первый выпуск описания: Немировский Е. Л. Описание изданий типографии Швайпольта Фиоля. М., 1979 (Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта, вып. 1).

24 апреля состоялось заседание Научного совета ЦГАОР СССР, посвященное 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Открывая заседание, директор ЦГАОР СССР *С. Т. Плешаков* отметил, что на протяжении всей истории архива одним из главных направлений его работы было и остается изучение фондов с целью выявления и собирания ленинского рукописного наследия и подлинных документов о жизни и деятельности В. И. Ленина. В архиве было выявлено и передано в сокровищницу Ленинианы — ЦПА ИМЛ — около 5700 подлинных документов и автографов вождя партии и государства, а также свыше 9000 отпусков и других документов, характеризующих его жизнь и деятельность. Только за 1971—1979 гг. архивом передано в ЦПА ИМЛ 86 ленинских документов и материалов о жизни и деятельности В. И. Ленина.

Заседание открылось докладом заместителя директора ИМЛ *Д. И. Антоюка* «Новое в Лениниане». В докладе говорилось о новых направлениях в изучении жизни и деятельности основателя нашей партии и Советского государства, о работе по подготовке Биографической хроники В. И. Ленина.

Доклад *М. П. Ирошникова* (ЛОИИ) был посвящен вопросу о роли В. И. Ленина как основателя и руководителя государства Советов. Докладчик подчеркнул большое значение трудов В. И. Ленина для государственного строительства в нашей стране, международное значение ленинского наследия. Было отмечено, что документы ЦГАОР СССР являются ценнейшим источником для изучения истории создания нового государственного аппарата Страны Советов.

Были заслушаны сообщения сотрудников ЦГАОР СССР. С сообщением «Материалы сборников „Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями“ как источник к биографии В. И. Ленина» выступила *К. Г. Ляшенко*. Об изданиях ленинских работ в виде листовок в период Первой русской революции 1905—1907 гг. говорилось в выступлении *З. И. Перегудовой*. Опытом работы по исполнению тематических запросов, связанных с фактами из жизни и деятельности В. И. Ленина, поделилась *Н. В. Михайлова*. *Н. С. Зелов* рассказал о новых поступлениях документов личного происхождения в ЦГАОР СССР.

Совет принял решение, в котором,

в частности, определены важнейшие задачи архива по расширению и совершенствованию дальнейшего выявления и использования документов, освещающих жизнь и деятельность В. И. Ленина.

* * *

20 сентября ЦГАОР СССР отметил свой 60-летний юбилей. Этому событию были посвящены торжественное заседание и Юбилейная научная конференция, состоявшиеся 17—18 сентября 1980 г. В юбилейных торжествах приняли участие руководители Главархива СССР, центральных государственных архивов СССР, представители научной общественности. В Москву на юбилей ЦГАОР СССР прибыли также представители ЦГАОР союзных республик.

Научную конференцию, посвященную 60-летию ЦГАОР СССР, открыл директор архива *С. Т. Плешаков*, выступивший с докладом «Основные итоги научной деятельности и задачи дальнейшего развития ЦГАОР СССР как общесоюзного научно-методического центра по работе с документами своего профиля».

В докладе *Ю. Н. Амиантова* (ЦПА ИМЛ) была показана роль Истпарта в собирании и научной разработке документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Деятельности ЦГАОР СССР по выявлению документов В. И. Ленина было посвящено сообщение заведующего отделом ЦГАОР СССР *Л. А. Шапиро*. Заместитель директора ЦГАОР СССР *А. В. Добровская* остановилась на современных тенденциях совершенствования и развития научно-справочного аппарата архива. Об опыте работы архива по подготовке научных публикаций и использованию документов рассказал заместитель директора ЦГАОР СССР *Б. И. Каптелов*. С сообщением «ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны» выступил *Н. С. Зелов*. О комплектовании ЦГАОР СССР документами, отражающими построение развитого социалистического общества в СССР, говорилось в выступлении *Л. Ф. Пшеничной*.

Директор ЦГАОР УССР *В. В. Кузьменко* выступил с сообщением «Научно-информационная деятельность ЦГАОР Украинской ССР».

Директор ЦГАОР г. Ленинграда *Г. А. Малышева* поделилась опытом научной разработки документов по истории Великого Октября.

О. Н. Копылова

К 30-ЛЕТИЮ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО КРУЖКА В МГИАИ

26 апреля 1980 г. в актовом зале МГИАИ отмечалось 30-летие студенческого научного кружка источниковедения истории СССР. В связи с юбилеем подготовлен сборник статей начинающих исследователей «Источниковедение и ис-

ториография. Специальные исторические дисциплины (к 30-летию деятельности студенческого научного кружка источниковедения истории СССР)». Редколлегия: *С. О. Шмидт* (отв. ред.), *Б. С. Илизаров*, *С. М. Каштанов*, *В. С. Мингалев*,

С. А. Морозов, Е. В. Старостин, Н. Г. Филиппов, С. В. Чирков, М. Ф. Шумейко¹.

I. Источниковедение отечественной истории. *Мякушев С. Д.* Фалеристика и изучение истории советского общества; *Минаев В. В.* Протоколы заседаний бюро МКГ ВЛКСМ как источники изучения военно-организаторской деятельности комсомола Москвы в годы Великой Отечественной войны; *Шумилин С. В.* Николай Островский в письмах В. И. Дмитриевой; *Головкин Г. М.* К истории распространения работ В. И. Ленина в первые месяцы Советской власти (по материалам Нижнего Поволжья); *Лысенко Е. И.* Архивные материалы о Ярославском начальном училище в годы первой русской революции 1905—1907 гг.; *Куренков А. Н.* Дневник самарского губернатора А. Д. Свербева; *Коровайников В. Ю.* О наказах приписных крестьян, мастеровых и рабочих людей Казанской губернии в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.; *Румянцева М. Ф.* Мемуары как источник по истории бюрократии второй половины XVIII в.; *Наузов В. П.* «Записки» Я. П. Шаховского; *Медушевский А. Н.* Боярские списки 1700—1713 гг. как исторический источник; *Зуев М. Н.* Материалы посольства Карлейля 1663—1664 гг.; *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII в. как источник сведений о поместьи-денежном обеспечении чинов Государева двора; *Князьков С. Е.* Источники для предварительной реконструкции следственных дел конца XVI—начала XVII в.; *Курукин И. В.* Данные источников о «нестяжательстве» Сильвестра.

II. Источниковедение архивного дела. *Леонидов Л. В.* Некоторые вопросы реконструкции архивных фондов в работах советских исследователей; *Зубкова Е. Ю.* Личные фонды наших современников; *Туманов В. Е.* О месте документальных памятников школьных музеев в составе ГАФ СССР. (К постановке вопроса); *Верещагин А. И.* Собрание документальных материалов агитпоездом ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда» на строительстве БАМ; *Безбородов А. Б.* Материалы Центрального архива ВЛКСМ о развитии движения студенческих строительных отрядов в 1966—1973 гг.; *Черешня А. Г.* Об источниковедческом изучении плановых документов на машинных носителях; *Омофрийчук В. В.* Работа по составлению сборника документов по истории МГИАИ; *Козлов В. Ф.* Фонд и коллекция О. В. Сваричовской-Мамет; *Малыш-*

кин С. А. Из истории деятельности музеев и музейных органов Московской губернии по собиранию и организации рукописных собраний в 1920 гг.; *Олигов А. В.* Фонд Общества Российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917—1924 гг.); *Воронин С. Д.* Письма А. Белого к матери в ЦГАЛИ СССР; *Наузов Е. Ю.* Письма Г. В. Чичерина к М. А. Кузмину. (К истории формирования эстетических взглядов Г. В. Чичерина); *Филькина Е. Ю.* Судьба архива и коллекции историков Барсуковых; *Морозов Б. Н.* Сведения о старинных документах в описях частных архивов XVIII—XIX вв.; *Карев Д. В.* История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М. К. Любавского.

III. Источниковедение историографии. *Седельников В. О.* Журнал Ленинградского отделения Центрархива «Борьба классов»; *Середа В. Н.* О преподавании вспомогательных исторических дисциплин в довоенный период; *Альтман И. А.* Анализ судебно-следственных документов второй половины XIX в. в учебных пособиях по источниковедению; *Неганов Н. Ф.* Мемуары-исследования И. М. Майского по истории внешней политики СССР (1932—1939 гг.); *Шолин Л. И.* Неопубликованная работа Л. В. Черепнина «В. О. Ключевский как источниковед»; *Андреева Т. А.* Исследовательские материалы историка В. П. Семенникова в ЦГИА СССР; *Присенко Г. П.* Историческое краеведение и источники его изучения (по результатам исследования истории Тульского краеведения XVIII—начала XIX в.); *Демина Л. И.* Воспоминания русских историков в дореволюционной историографии; *Филин М. Д.* Английский язык историка А. Н. Савина; *Шумейко М. Ф.* Материалы об общественной деятельности Г. А. Лопатина в архивном фонде В. Я. Богучарского; *Зайцев А. Д.* О принципах отбора материалов для печати в журнале «Русский архив»; *Тузов А. Л.* Источники о И. Е. Забелине в архивах Ленинграда; *Гуличкина Г. Г.* Малоизвестная работа И. Д. Беляева «Русская история от начала русской земли до смерти Петра Великого»; *Козлова Н. А.* Архивоведение и археология в творчестве Н. Н. Бантыш-Каменского; *Илизаров С. С.* Городовое летописание как источник по историографии города. (К постановке вопроса).

IV. Кружок источниковедения истории СССР. От редакции; *Шмидт С. О.* Наш кружок; *Чирков С. В.* Научная работа кружка источниковедения истории СССР (1950—1980 гг.); *Каштанов С. М.* Тридцать лет спустя, или кружок глазами кружковцев; *Каштанов С. М.* Историк и источниковед Евгений Степанович Сизов; Хроника юбилейного заседания (подгот. М. Ф. Шумейко); Список авторефератов докторских и кандидатских диссертаций, защищенных кружковцами в 1950—1979 гг.; Литература о кружке (свыше 40 названий).

В. Ю. Коровайников

¹ О кружке см.: *Амосов А. А.* В Московском государственном историко-архивном институте. (Деятельность научно-студенческого кружка источниковедения истории СССР).— АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 398—399; *Каштанов С. М.* Кружок источниковедения 30 лет.— ВИ, 1980, № 4, с. 119—120; *Наузов Е. Ю.* 30-летие кружка источниковедения истории СССР МГИАИ.— СА, 1980, № 6, с. 83—85 (Хроника юбилейного заседания).

**АЛЕКСАНДРА
ДМИТРИЕВНА
ЛЮБЛИНСКАЯ**
(1902—1980)

22 января 1980 г. скоропостижно скончалась член Бюро Археографической комиссии АН СССР, профессор, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР, доктор исторических наук Александра Дмитриевна Люблинская. Советская медиевистка потеряла выдающегося представителя отечественной исторической науки, талантливого педагога, деятельного участника редколлегии сборника «Средние века», члена ряда зарубежных объединений историков,— словом, трудно перечислить все научные учреждения и организации, активным участником которых была Александра Дмитриевна¹.

А. Д. Люблинская посвятила себя преимущественно изучению истории феодальной Франции. Ее труды по этой тематике получили и еще получат должное освещение в специальных изданиях. В настоящей статье мы постараемся рассказать о значении деятельности Александры Дмитриевны для развития источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в Советском Союзе, а также о ее публикациях исторических памятников и археографической деятельности. Названные стороны настолько обширны, красочны, плодотворны, что характеризовать их надлежащим образом в краткой статье невозможно и придется ограничиться самыми общими сведениями.

Александра Дмитриевна Люблинская (урожд. Стефанович) родилась в Петербурге 14 мая 1902 г. По ее собственному рассказу, ей было 12 лет, когда она впер-

вые задумалась над тем, почему произошла Варфоломеевская поч? Из этого детского вопроса развился неутолимый интерес к истории Франции, подкрепленный в дальнейшем ее учителями — профессорами Петроградского университета, из которых наибольшее влияние на формирование личности начинающего ученого оказала О. А. Добиаш-Рождественская². Уже на старших курсах университета Александра Дмитриевна начала под руководством Добиаш-Рождественской изучение памятников средневековой западноевропейской письменности, хранящихся в ОР ГПБ. В настоящее время значение этого собрания широко известно, и оно высоко ценится историками и другими учеными соответствующего профиля, но в то время, в начале 20-х годов, эта сокровищница рукописей была почти не исследована. Именно Добиаш-Рождественская и ее ученики — в первую очередь Александра Дмитриевна — занялись раскрытием рукописных богатств ГПБ.

Сначала под руководством своей наставницы, а затем самостоятельно, А. Д. Люблинская приступила к последовательному изучению средневековых латинских рукописей (большая часть этих рукописей — французского происхождения) из собрания П. П. Дубровского. Одновременно в 30-е годы начались занятия по истории латинского письма со студентами ЛГУ, которые мастерски велись Александрой Дмитриевной и вызвали горячий интерес у слушателей. В последующие годы и вплоть до настоящего времени занятия латинской палеографией ведутся уже во многих других вузах

¹ СВ. М., 1972, вып. 35. Этот сборник посвящен 70-летию А. Д. Люблинской. Список ее трудов насчитывал 158 названий (с. 21—29). В настоящее время готовится к печати полный список ее работ, включающий около 200 названий. См. также статью ученицы А. Д. Люблинской В. Л. Романовой: АИ: за 1972 год. М., 1974, с. 218—225.

² Люблинская А. Д. Значение трудов О. А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР: К 25-летию со дня смерти член-кор. АН СССР О. А. Добиаш-Рождественской.— СВ. М., 1966, вып. 29, с. 173—178.

страны учениками Александры Дмитриевны. Добиаш-Рождественская основала школу латинской палеографии в СССР, а Александра Дмитриевна продолжила начатые штудии, обучила целую плеяду специалистов (среди ее учеников насчитывается 8 докторов и 29 кандидатов наук). Она углубила ту же работу в соответствии с требованиями современности, наметила и показала основные направления дальнейших исследований.

А. Д. Люблинская не только ввела в научный оборот неопцененные рукописные богатства ГПБ; западноевропейские рукописи и документы других советских хранилищ также впервые раскрыты именно трудами Александры Дмитриевны. Она первая обратила внимание на необходимость разработки теории латинской палеографии и создания школы специалистов соответствующего профиля в Советском Союзе, где «живут и действуют разные графические системы, являясь своеобразным отражением его многонационального состава и плодотворности его национальной политики... Благодаря такой множественности письменности сформировалось уникальное (во всяком случае, в масштабах Европы) многообразие палеографических специализаций в СССР»³. Это наблюдение относится не только к палеографии и кодикологии, но и к археографии в более широком смысле слова.

Исследования, описания рукописей и публикации А. Д. Люблинской, посвященные хранящимся в нашей стране архивным материалам по истории западноевропейских политических учреждений и архивам исторических деятелей и ученых, наглядно способствовали распространению археографических навыков, прежде всего среди ее учеников, которых она привлекала к подготовке упомянутых изданий. Тут уместно напомнить о многотомных публикациях документов по истории Франции XVI—XVII вв., вышедших в свет под редакцией и с предисловиями Александры Дмитриевны (свыше тысячи документов)⁴. Часть архива Бастилии (хранится в ГПБ), почти не привлекавшая к себе в течение многих лет должного внимания, была полностью описана и оценена Александрой Дмитриевной в качестве источника по

истории этой знаменитой тюрьмы⁵. А. Д. Люблинской были также подготовлены и напечатаны архивные материалы некоторых ученых — архив великого шведского химика И.-Я. Берцелиуса⁶ и письма математиков XVIII—XIX вв. П.-С. Лапласа, К. Ф. Гаусса и других к академику Ф. И. Шуберту⁷.

Наконец, надо напомнить об учебных пособиях для вузов А. Д. Люблинской по латинской палеографии и источниковедению⁸, статьях о новых исследованиях по истории римского письма, о методике публикации средневековых документов⁹.

Яркие, наполненные творческими исканиями выступления Александры Дмитриевны на совещаниях и конференциях неизменно привлекали к себе слушателей, открывая перед ними новые или не замеченные ранее направления и методы в изучении памятников письменности. При этом Александра Дмитриевна всегда была готова помочь всем, кто к ней обращался, своими знаниями, своим опытом, умением работать, живо откликалась на нужды и заботы своих учеников. Она умела не только учить, но и вызывала свойственное ей самой стремление к познанию, к определению главных направлений в современной науке, она возбуждала у младших коллег и учеников стремление подражать себе. Недаром студенты не раз просили Александру Дмитриевну рассказать о методах ее исследований, о приемах работы с книгой.

Такой она и останется в благодарной памяти своих учеников и друзей — светлым, целеустремленным человеком, встречи с которым воспринимались как подарок судьбы всеми, кому посчастливилось ее знать.

До последних минут жизни (она умерла тотчас после одного из своих ярких выступлений по вопросам источниковедения), Александра Дмитриевна продолжала творческий поиск и открывала для советских исследователей новые горизонты науки. В своих выступлениях и статьях за 1977—1979 гг., которые как бы стали ее научным завещанием, Алек-

³ Люблинская А. Д. Введение — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 6.

⁴ Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561—1563 гг. М.; Л., 1962. 362 с.; Документы по истории внешней политики Франции. 1547—1548 гг. М.; Л., 1963. 402 с.; Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633—1649 гг. М.; Л., 1966. 405 с. Два тома того же издания находятся в печати. См. также: Документы по истории Франции середины XVI в. — СВ. М., 1958, вып. 12, с. 149—171; 1958, вып. 13, с. 155—180; 1959, вып. 14, с. 168—190; 1959, вып. 15, с. 148—173; 1961, вып. 19, с. 292—333. Публикации подготовлены Т. П. Вороновой и Е. Г. Гурари.

⁵ Документы из Бастильского архива: Аннотированный каталог. Л., 1960, 327 с. (Ротатор); см. также: Бастилия и ее архив. — В кн.: Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. 1958. М., 1959, с. 104—126.

⁶ Архив И.-Я. Берцелиуса в Ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Вопросы истории естествознания и техники. М., 1957, вып. 5, с. 177—182.

⁷ Научное наследство/ Под ред. акад. С. И. Вавилова и др. М.; Л., 1948, т. 1, с. 801—822.

⁸ Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. 372 с. Латинская палеография. М., 1969. 192 с.

⁹ О новых зарубежных приемах публикации средневековых документов. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968, вып. 1, с. 277—289.

сандра Дмитриевна с присущими ей глубиной и кристальной ясностью мысли характеризовала начало новых существенных явлений в зарубежной исторической науке и источниковедении. Она показала, что история обогащается теперь не только другими специальными дисциплинами (исторической демографией, исторической статистикой, этнологией антропологией), но и науками, выходящими за рамки гуманитарного цикла — экологией, медициной, генетикой, биологией, психологией¹⁰.

Отсюда — возникновение новых, интердисциплинарных отраслей, которые не только требуют от историков расширения своего кругозора, но заставляют выработать и новый подход к источникам. Так, Александра Дмитриевна показала, какие блестящие результаты для истории дает изучение исторической климатологии (на основе анализа книги Леруа Ладюри), как она переплетается с данными гляциологии, фенологии и дендрохронологии. Александра Дмитриевна рассмотрела и новые методы, основанные на совершенстве техники; в частности, применение аэрофотосъемок в исторической географии, что дало, напри-

мер, блестящие результаты для изучения структуры галло-римского землевладения в Пикардии. Она остановилась на анализе данных эпидемиологического и микробиологического характера, позволивших уточнить особенности «черной смерти» 1347—1352 гг., ее влияние на деформацию структуры населения. Вместе с тем Александра Дмитриевна подчеркнула и новые достижения старых дисциплин — исторической картографии; так, 326 карт для Прованса позволяют написать многие исторические исследования! Труд географа Д. Фоше ответил на нерешенные вопросы изучения аграрного строя Франции, поставленные ранее М. Блоком. И Александра Дмитриевна делает вывод: «Подобное „освоение“ историками смежных дисциплин с их особыми источниками привело в некоторых случаях к появлению своего рода „комбинированных“ фондов разнообразных источников, взаимно проверяющих друг друга (например, дендрологические и исторические источники в климатологии и др.), взаимно дополняющих обе соприкасающиеся отрасли и обогащающих их. Нет нужды доказывать, что такого рода расширение источниковедческой базы сможет привести — при умелом ее использовании — и к новым данным, необходимым для расширения самой исторической науки»¹¹.

Можно надеяться, что эти задачи найдут должный отклик в трудах советских исследователей. И это будет достойным памятником замечательному ученому и талантливому педагогу — Александре Дмитриевне Люблинской.

Е. В. Бернадская, Е. Э. Гранстрем

¹⁰ Люблинская А. Д. Задачи источниковедения западноевропейского средневековья на современном этапе: Тезисы доклада. — В кн.: Конференция по истории средневековой письменности и книги. Ереван, 1977, с. 11; *Она же*. Источники в смежных с историей науках. — В кн.: Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979, с. 9—46.

¹¹ Люблинская А. Д. Источники в смежных с историей науках..., с. 46.

**АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЗИМИН**
(1920—1980)

Трудно ставить конечную дату жизни под дорогим мне именем Александра Александровича Зими́на. Я как будто и сейчас еще слышу его голос, продолжаю разговор с ним, напоминающий чем-то урок фехтования, в котором он, опытный и совершенный мастер, легко раскрывал слабые места в «обороне противника», а сам постоянно находился в наступлении. «Вперед, и только вперед!» — таков был его лозунг. Он обескураживал не только логикой, знаниями, остротой ума, но и любовью, которая казалась незаслуженной. Свою сравнительно недолгую (а для него — совсем короткую) жизнь Александр Александрович прожил как бы на одном дыхании — страстно увлекаясь наукой, кино, самой жизнью.

А. А. Зимин родился 22 февраля 1920 г. в Москве. Еще в школьные годы его воображение было захвачено русской историей. Поступив на истфак МГУ в 1938 г., А. А. Зимин углубленно занимался историей России начала XIX в., а затем (совместно с А. В. Новской) — Русской Правдой. После окончания университета в 1942 г. и аспирантуры Института истории АН СССР в 1947 г. А. А. Зимин работал сначала старшим референтом в Отделении истории (1947 г.), но уже в конце 1947 г. был принят в Институт истории в качестве младшего научного сотрудника. В 1951 г. он становится старшим научным сотрудником Института истории (с 1968 г. — Института истории СССР), с которым связана вся его творческая деятельность. В 1947—1973 гг. А. А. Зимин преподавал также в Московском государственном историко-архивном институте (с 1950 г. — доцент, с 1970 г. — профессор).

В 1947 г. А. А. Зиминым была защищена кандидатская, а в 1959 г. — докторская диссертации. Научным руководителем его кандидатской диссертации являлся С. В. Бахрушин, научным кон-

сультантом докторской — М. Н. Тихомиров.

А. А. Зимин был членом Археографической комиссии с момента ее основания; одно время он входил в состав бюро и исполнял обязанности заместителя председателя Археографической комиссии (академика М. Н. Тихомирова).

Вклад А. А. Зими́на в советскую историческую науку велик. Он — один из самых ярких и плодовитых ученых-историков нашего времени. В списке его научных работ более 300 названий, среди которых 14 монографий (из них 7 были опубликованы при жизни автора), ряд капитальных изданий источников, несколько учебных пособий, большое число крупных исследовательских статей, глав и параграфов в коллективных трудах Института истории СССР¹. А. А. Зимин — историк с мировым именем, к его работам обращаются не только советские, но и зарубежные специалисты по истории СССР периода феодализма.

Основной сферой научных интересов А. А. Зими́на была русская история IX — начала XVII в., источниковедение, историография, вспомогательные исторические дисциплины. А. А. Зимин был ученым с большим чувством исторической перспективы, богатой научной интуицией и неутолимой жаждой поиска новых решений в исследовании источников и истории. Не касаясь общесторических взглядов А. А. Зими́на и разработки им отечественной истории как таковой², ос-

¹ Список трудов А. А. Зими́на см. в наст. изд.

² Об этом см.: Александр Александрович Зимин (некролог). — ВИ, 1980, № 4, с. 189; *Каштанов С. М.* Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог. — История СССР, 1980, № 6, с. 152—157; *Кобрин В. Б.* Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек. — ИЗ, 1980, т. 105, с. 294—309.

тановимся вкратце на его деятельности археографа, историкогеографа и специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин. А. А. Зимин был издателем и исследователем очень широкого круга исторических источников разных видов — законодательных, актовых, делопроизводственных, летописных, публицистических, эпистолярных, историографических и др. Значительное число источников было введено им в научный оборот впервые.

Публикации А. А. Зимина отличаются максимальным учетом всех сохранившихся текстов издаваемого памятника. Текстологическим подходом пронизаны как сами публикации, так и историкоисследовательские исследования ученого. А. А. Зимину было свойственно стремление не только к критическому изданию дошедшего текста, но и к реконструкции его протографа. Он выступал также с теоретическими и методическими работами по археографии.

Сфера источниковедческих изысканий А. А. Зимина не менее обширна, чем его публикаторская деятельность. Особенно успешными были его занятия памятниками публицистики, Русской Правдой. А. А. Зимин способствовал развитию отечественной дипломатики. Им написаны ценные статьи о хронологии духовных и догворных грамот, вотчинной части жалованных грамот, актовых подделках. В МГИИ А. А. Зимин читал курс лекций по русской дипломатике. Он выпустил методическое пособие по изданию русских актов, являлся редактором учебных пособий по палеографии, исторической хронологии и др.

В последние годы А. А. Зимина больше других вспомогательных исторических дисциплин увлекала генеалогия. Это было связано с его представлением о том, что, поскольку историю делают живые люди, история как наука должна уделять большое внимание судьбам конкретных людей. Как генеалог А. А. Зимин считал себя непосредственным продолжателем дела С. Б. Веселовского, труды которого высоко ценил. Исследуя историю феодальных родов XV—XVI вв., А. А. Зимин пришел к очень важным выводам о роли различных слоев знати в системе центрального и местного управления, показал закономерность возникновения «боярского правления» в годы малолетства Ивана Грозного. Таким образом, в его руках генеалогия служила эффективным средством исследования не только истории рода и семьи, но и общесторических процессов.

А. А. Зимин был историком, для которого вспомогательные исторические дисциплины не имели самодовлеющего значения. Он постоянно обращался к ним и плодотворно их развивал, но всегда имел при этом в виду перспективы исторического исследования.

Своих учеников он также приобщал к широте понимания задач исторической науки, прививая им навыки профессионализма — источниковедческого, палеографического, археографического и т. д. и в то же время побуждая к глубокому осмыслению истории. Сторонник всесторонней «критики» исторического источника, остро чувствующий в нем малейшие признаки неподлинности или недостоверности, А. А. Зимин был человеком, влюбленным в историю, в труд историка, и в этом смысле он был романтиком — всегда юным в своем энтузиазме и вдохновении. А. А. Зимин относился к своей работе как к делу жизни. Для него история была не только объектом изучения, она несла в себе и нравственный заряд. Он принадлежал к числу тех, кто может «прослушивать сердце» истории и извлекать нравственные уроки из ее опыта. Высокий дар историка сочетался в нем с талантом педагога, воспитателя. И первое, чему он учил, была любовь — к Родине, науке, труду. Сам А. А. Зимин был необыкновенным тружеником. Даже в состоянии тяжелой, изнурительной болезни он работал весь день, начиная с раннего утра. Однако о трудолюбии А. А. Зимина никто из близко знакомых с ним обычно не говорил — слишком бросался в глаза его талант. Да и само его трудолюбие было лишь выражением его таланта. По его собственному признанию, он работал без всякого самопринуждения, из органической потребности заниматься историей. Поражала его изумительная способность отключаться от всех внешних «помех» вокруг себя и работать не замечая никаких слуховых раздражителей.

Последние годы жизни А. А. Зимина были наполнены особенно напряженным трудом. Практически каждый год он писал по новой монографии. Кроме того, он составил сборники своих неопубликованных и частично опубликованных работ, распределив их по тематическим томам. К своему 60-летию А. А. Зимин пришел в расцвете творческих сил, но с разрушенным здоровьем. Сила духа не покидала его. 23 февраля 1980 г. он собрал своих учеников и каждого попросил рассказать о своем «пути» в историческую науку. Так было отмечено его 60-летие — печальное, потому что сам юбиляр не мог встать с постели, но и радостное, потому что всем хотелось верить в его жизнестойкость. Глаза его сияли. Он мне напоминал того Зимина, которого я знал в свои студенческие годы — совсем молодого и полного внутреннего огня.

25 февраля 1980 г. его не стало. Нам уже сейчас ясно, какой глубокий след оставил А. А. Зимин в науке. Пламенный след оставил он и в сердцах людей. Память о нем будет жить вместе с теми, кто его знал и любил.

С. М. Каштанов

**ЛЮБОМИР
ГРИГОРЬЕВИЧ
БЕСКРОВНЫЙ**
(1905—1980)

Любомир Григорьевич Бескровный оставил большой и очень разносторонний след в развитии советской исторической науки. При всей многосторонности его научной деятельности¹ определилась одна область истории России, которой он отдавал в наибольшей мере свои силы и в которой он стал крупнейшим специалистом — это военная история России XVIII—XIX вв.

В каждом из своих военно-исторических исследований Л. Г. Бескровный всегда узнаваем, потому что к явлениям прошлого он подходил с особой, лишь ему свойственной манерой. В чем выражалась эта особенность Л. Г. Бескровного как военного историка? Главное, пожалуй, в широте постановки своих исследований по истории армий и войн, в которых необычно большую и органическую часть составляют разделы, посвященные экономике и социально-политическому положению в стране. В этом отношении характерен подзаголовок его монографии о русской армии и флоте в XIX в. (1973) «Военно-экономический потенциал России». Такой подход характерен не только для данной и предшествующей ей монографии «Русская армия и флот в XVIII в.» (1958), но и для книг Л. Г. Бескровного, посвященных собственно истории войн. Например, в книге «Отечественная война 1812 года» имеются весьма содержательные разделы, раскрывающие состояние материально-технического обеспечения войск.

Такая особенность военно-исторических исследований не только необычайно расширяла круг содержащихся в них сведений, но и сообщала им особую методо-

логическую глубину. В книгах Л. Г. Бескровного как бы утверждалось то положение, что войну выигрывают не только полководцы и армия, но весь народ — создатель всех материальных ценностей.

Советской историографии осталось от прошлого немалое литературное наследие и большое число публикаций источников по истории Отечественной войны 1812 г. Но качество этого опубликованного материала было во многих случаях таково, что требовалась его глубокая проверка, а для серьезного научного изучения — обращение к архивному первоисточнику. Характерно, что базой для исследований Л. Г. Бескровного стали не опубликованные в сравнительно отдаленные времена материалы, а документы, хранящиеся в архивах и частью тексты документов воспроизведенные в строго научных публикациях, обычно выполненных под руководством самого Л. Г. Бескровного.

Л. Г. Бескровный столь же крупный историк, сколько и крупный источниковед, археограф, историограф. Известны его работы: «Очерки по источниковедению военной истории России» (1957), «Очерки военной историографии России» (1962). Они служат хорошим введением и путеводителем для всех вступающих в изучение науки военной истории. Но основы археографии развивались Л. Г. Бескровным и в практике публикаторской работы. Она была огромна. Л. Г. Бескровный возглавлял коллективы работников, подготавливавших к опубликованию капитальные сборники документов по военной истории. В числе этих сборников — много томные издания документов о русских полководцах М. И. Кутузове, П. А. Румянцеве. Л. Г. Бескровный был инициатором изданий и руководителем подготовки таких интересных и научно значительных собраний документов, как «Бородино. 1812—1962. Документы, письма, воспоминания» (1962), «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года»

¹ Библиография трудов Л. Г. Бескровного опубликована в сборниках статей «Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков» (М., 1969, с. 433—442) и «Историческая география России. XII — начало XX в.» (М., 1975, с. 15—20).

(1962), был редактором созданного А. Г. Тартаковским издания «Листовки Отечественной войны 1812 года» (1962). Изучение археографических приемов и принципов Л. Г. Бескровного уже начато². Но теперь особо может быть отмечена одна свойственная Л. Г. Бескровному как археографу черта — его активная позиция в подборе документов для опубликования, чтобы в меру возможности прояснились важные стороны проблемы. В этом смысле характерно для Л. Г. Бескровного стимулирование им поисков материалов, которые могли осветить роль в событиях рядовых их героев и участников.

Архивам Л. Г. Бескровный отдавал чрезвычайно много времени не только как читатель документов, но и как методист архивного дела, как знаток архивных богатств, который всегда мог дать ценную консультацию, как член ученых советов архивных учреждений. Л. Г. Бескровный был членом бюро Археографической комиссии АН СССР.

Занятия военной историей и упорная работа над документальными материалами естественно привели Л. Г. Бескровного к темам картографии и исторической географии. Этим дисциплинам он отдавал много времени и внимания, Л. Г. Бескровный воспринял от В. К. Яцунского руководство сложной работой по созданию историко-географического атласа СССР. В Институте истории СССР АН СССР он возглавлял активно работающий коллектив историков-географов.

В широком плане разносторонняя исследовательская и преподавательская деятельность Л. Г. Бескровного более всего обобщается принадлежностью всех направлений этой деятельности к области изучения истории культуры. Ранние исследовательские работы Л. Г. Бескровного, выполненные им еще во время пребывания на Северном Кавказе, посвящены истории школьного просвещения. Переходный период к новому циклу работ, ставшему для Л. Г. Бескровного основным, к военно-историческим темам, воплотился в обнаружении таких исследований, как «Система обучения и воспитания армии Петра I» (1946), «Военно-воспитательная система Суворова» (1946), «Кузцов как воспитатель русских войск» (1947). Заведая кафедрой военной истории в Военной академии имени М. В. Фрунзе, Л. Г. Бескровный создавал ряд учебных пособий и сборников документов для обучающихся.

В военно-исторических исследованиях Л. Г. Бескровного ощущается повышенный интерес автора к истории военной теоретической мысли, т. е. изучается военное дело прошлого времени в значительной мере под углом зрения истории национальной культуры. В этой связи не окажется неожиданным тот огромный интерес, который проявлял Л. Г. Бескровный к делу охраны памятников старины в нашей стране и щедрая отдача им своих сил и времени для этого дела.

² Буганов В. И. Л. Г. Бескровный как археограф и источниковед. (К 70-летию со дня рождения). — АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 172—177.

В постановке охраны памятников истории и культуры в научно-методическом и организационном плане Л. Г. Бескровным сделано необычайно много. Чтобы придать делу охраны исторических памятников должное направление и размах, требовалось разрешить немало серьезных принципиальных вопросов: какие остатки прошлых времен должны подлежать особому вниманию, как удачнее систематизировать сохраняемые реликты, каковы могут быть разумные формы и пределы практического использования старинных зданий.

Ряд его устных и письменных выступлений посвящен систематизации и обобщению ленинских высказываний о сохранении культурного наследия. Л. Г. Бескровный возглавлял работу по подготовке публикации документов «Охрана памятников истории и культуры. Декреты, постановления, распоряжения правительства СССР и правительства РСФСР. 1917—1968» (1968) и снабдил этот сборник своим введением. Работа в сфере охраны памятников проходила в научно-исследовательском, общественно-организационном и государственно-законодательном плане. Л. Г. Бескровный работал в правительственных комиссиях, где готовились законопроекты об охране и использовании памятников истории и культуры СССР и РСФСР³, активно участвуя в выработке текстов этих законопроектов. Он был активным членом Президиума научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Л. Г. Бескровный был председателем исторической секции ВООПИК. В Институте истории СССР он руководил комиссией по разработке классификации исторических памятников и основ создания свода этих памятников. Эта работа запечатлена в выпусках «Методические рекомендации по подготовке свода памятников истории и культуры СССР», в подготовке которых Бескровный активно участвовал и публиковал свои статьи.

В многоотраслевой деятельности Л. Г. Бескровного ощущалась общая ее подоснова — свойственные Л. Г. Бескровному черты педагога в широком понимании этого слова, что выразилось в необычайно теплом его отношении к людям, близким и далеким. В жизни ученых, особенно молодых, важным и очень волнительным этапом является время, когда готовая диссертация, кандидатская или докторская, может быть предложена к защите на получение ученой степени. В Институте истории СССР Л. Г. Бескровный был в течение многих лет председателем Ученого совета, на котором происходили защиты диссертаций. И было очень уместно и хорошо, что на пороге института диссертанта встречал человек, преисполненный к нему доброй отзывчивости.

П. Г. Рындрзонский

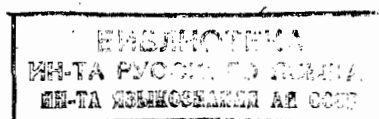
³ Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1976, № 44, ст. 628; Закон РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры. М., 1979.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛАН — Архив Академии наук СССР
 ЛАЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук»
 АВПр ИДУ — Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления
 МИД СССР — Министерства иностранных дел СССР
 АГПБ — Архив Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 АЕ — «Археологический ежегодник»
 АЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР
 АОР — Архив Октябрьской революции
 БАН — Библиотека Академии наук СССР
 БФАН — Башкирский филиал АН СССР
 ВА — «Вопросы архивоведения»
 ВВ — «Византийский временник»
 ВГПИ — Вологодский государственный педагогический институт
 ВДИ — «Вестник древней истории»
 ВЕ — «Вестник Европы»
 ВИ — «Вопросы истории»
 ВИД — «Вспомогательные исторические дисциплины»
 ВИЖ — «Военно-исторический журнал»
 ВИРА — «Вопросы истории религии и атеизма»
 ВЛ — «Вопросы литературы»
 ВЛГПИ — Владимирский государственный педагогический институт
 ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
 ВНИИИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания Министерства культуры СССР
 ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ВРК — Военно-революционный комитет
 ГАГО — Государственный архив Горьковской области
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГАКК — Государственный архив Краснодарского края
 ГАРО — Государственный архив Ростовской области
 ГАСК — Государственный архив Ставропольского края
 ГАСО — Государственный архив Саратовской области
 ГАУ СССР — Главное архивное управление при Совете Министров СССР
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
 ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»
 ГВОМ — Государственный Вятский областной музей
 ГГУ — Горьковский государственный университет
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГКОМ — Государственный Костромской областной музей
 Главархив БССР — Главное архивное управление при Совете Министров БССР
 Главархив РСФСР — Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР
 Главархив СССР — см. ГАУ СССР
 Главархив УССР — Главное архивное управление при Совете Министров УССР
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
 ГПНТБ СО АН — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
 ГРОМ — Государственный Рязанский областной музей
 ГСОМ — Государственный Саратовский областной музей
 Губмузей — Губернский комитет по делам музеев
 ГЦМТ — Государственный центральный музей Гавриды
 ГЯОМ — Государственный Ярославский областной музей
 ДАН — «Доклады Академии наук»
 ДРВ — «Древняя Российская Вивлиофика»
 ДСВ — «Декреты Советской власти»
 ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд РСФСР

- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗВО РАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
ЗОР ГБЛ — «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина»
ИА — «Исторический архив»
ИАИ — «Известия Академии наук»
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
ИВИ — Институт всеобщей истории АН СССР
ИЗ — «Исторические записки»
ИИЕТ — Институт истории естествознания и техники АН СССР
ИИФФ СО АН — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИИЯЛ БФАН — Институт истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
ИИЯЛ ДФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ИКП — Институт красной профессуры
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИМЛИ — Институт мировой литературы АН СССР
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук»
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
ИРЯ — Институт русского языка АН СССР
ИСБ — Институт славяноведения и балканистики АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ИЯ — Институт языкознания АН СССР
ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
КА — «Красный архив»
КГПИ — Казанский государственный педагогический институт
КГУ — Казанский государственный университет
Крымохрис — Крымское отделение охраны памятников старины и искусства
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР»
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР
ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР
ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
ЛО ИИЕТ — Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР
ЛО ИСБ — Ленинградское отделение Института славяноведения и балканистики АН СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
МАМОЮ — Московский архив Министерства юстиции
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
МАКИД — Московский архив Коллегии иностранных дел
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОПИ — Московский областной педагогический институт
НБ ГГУ — Научная библиотека Горьковского государственного университета
НБ ЛГУ — Научная библиотека Ленинградского государственного университета
НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета
НБ УГУ — Научная библиотека Уральского государственного университета
НГУ — Новосибирский государственный университет
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
при СМ Чувашской АССР
НИЛ — «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов»
ОИДР — Общество истории и древностей Российских
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ОЛЯ — Отделение литературы и языка
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР БАН — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ОРК ГБЛ — Отдел редких книг Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
ОРФ ГЛМ — Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея
ПАРО — Партийный архив Ростовской области
ПГПИ — Пермский государственный педагогический институт
ПДСЛ — «Памятники древней славянской литературы»
ПИ — «Проблемы источниковедения»
ПЛ — «Псковские летописи»

- ПР — «Пролетарская революция»
 ПРП — «Памятники русского права»
 ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
 ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
 РА — «Русский архив»
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РБС — «Русский биографический словарь»
 РГУ — Ростовский государственный университет
 РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией»
 РИО — Русское историческое общество
 РЛ — «Русская литература»
 РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР
 СА — «Советские архивы»
 СарГУ — Саратовский государственный университет
 Сб. МГАМИД — «Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел»
 Сб. РИО — «Сборник Русского исторического общества»
 СВ — «Советское византиноведение»
 СГП — «Советское государство и право»
 СГУ — Сыктывкарский государственный университет
 СИБАЛ — Международный центр информации об источниках по истории Балкан
 СИЭ — «Советская историческая энциклопедия»
 СК — «Советская книга»
 СТО — Совет труда и обороны
 СУ — Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР
 ТГИМ — «Труды Государственного исторического музея»
 ТМГИАИ — «Труды Московского историко-архивного института»
 ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»
 УГУ — Уральский государственный университет
 УДН — Университет дружбы народов им. П. Лумумбы
 УИЖ — «Украинский историчный журнал»
 УОАЭ — Уральская объединенная археографическая экспедиция
 ЦГА БССР — Центральный государственный архив БССР
 ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
 ЦГА Даг. АССР — Центральный государственный архив Дагестанской АССР
 ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР
 ЦГА СО АССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР
 ЦГА ЧИ АССР — Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГАЛИ СССР — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
 ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
 ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Ленинграда
 ЦГАОР г. Ленинграда — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
 ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
 ЦГАОР УССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления УССР
 ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив г. Москвы
 г. Москвы
 ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
 ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив УССР
 Центрархив — Центральное архивное управление РСФСР
 РСФСР
 ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
 ЦПА ИМЭЛ — Центральный партийный архив Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС
 ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина
(Совместное заседание Центрального партийного архива
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
и Археографической комиссии АН СССР)

<i>К. Н. Тарновский, З. Н. Тихонова.</i> «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты „Искра“ с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.» (археографические приемы подготовки издания)	3
<i>К. Г. Ляшенко, Е. Д. Орехова, Н. А. Хомякова.</i> Приемы археографической подготовки публикации «Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями»	14
<i>Р. М. Савицкая.</i> Архивные источники Биографической хроники В. И. Ленина советского периода	34
<i>Л. Н. Рас топчина.</i> Хроника заседания	49
* * *	
<i>И. Н. Курбатова</i> (Ленинград). 175 лет «Депо манускриптов»	53
<i>А. А. Амосов</i> (Ленинград). Повести о Куликовской битве в отечественной археографии	62
<i>С. Душкова</i> (Брно, ЧССР). Чешский дипломатий	69
* * *	
<i>В. Л. Янин.</i> Буевище «Петрятино двориче» в Новгороде	80
<i>Н. А. Казакова</i> (Ленинград). Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марциана Бельского	92
<i>А. А. Семин</i> (Ленинград). К истории «Утвержденной грамоты» Земского собора 1613 г.	97
<i>Е. А. Кошлякова</i> Судьба архива декабриста С. П. Трубецкого	105
<i>Н. М. Пирумова.</i> Списки земских служащих конца XIX — начала XX в.	110
<i>Т. П. Воронова</i> (Ленинград). П. П. Дубровский — первый хранитель «Депо манускриптов» Публичной библиотеки	123
<i>Г. М. Головкин</i> (Волгоград). К вопросу о публикации работ В. И. Ленина в местной большевистской печати накануне Октября (по материалам Нижнего Поволжья)	131
<i>Н. М. Михайлова</i> (Душанбе). Деятельность М. С. Ольминского в области публикации источников	137
<i>И. Ф. Угаров.</i> Новейшие публикации документов и материалов по истории первой русской революции	150

Тихомирские чтения 1980 года

<i>Н. С. Гурьянова</i> (Новосибирск), <i>Л. В. Титова</i> (Новосибирск). Хроника конференции «Деятельность М. Н. Тихомирова и актуальные проблемы археографии»	159
--	-----

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Л. Ю. Тугушева</i> (Ленинград). Раннесредневековые уйгурские письменные памятники в рукописном собрании ЛО ИВАН и их изучение	163
<i>О. А. Князевская, А. П. Шёберг</i> (Стокгольм). Древнерусские пергаменные рукописи Швеции	167
<i>Л. П. Кириллова.</i> К истории Конюшенного приказа XVII в. по «Описи разным конюшенным вещам и казне» 1706 г.	172
<i>Б. А. Градова</i> (Ленинград), <i>Б. М. Клосс, В. И. Корецкий.</i> О рукописях библиотеки Д. М. Голицына в Архангельском	179
<i>Н. Ф. Бугай.</i> Архивные документы и публикации о ревкомах Северного Кавказа 1919—1921 гг.	191

<i>А. Б. Закс.</i> Областные музейные конференции в РСФСР 1926—1927 годов (по материалам ОПИ ГИМ)	197
<i>Е. Ю. Наумов.</i> Переписка Г. В. Чичерина с Б. Н. и А. А. Чичериными в фондах московских архивов	212
<i>М. Ф. Шумейко</i> (Минск). К научной биографии В. Я. Богучарского	226
<i>В. Н. Середа</i> (Калинин). Материалы о преподавании вспомогательных исторических дисциплин в фонде А. Н. Сперанского	236
<i>В. Ф. Козлов.</i> Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова	243
<i>В. В. Лучкова.</i> Документы личного архива И. Л. Маяковского в Московском государственном историко-архивном институте	247
<i>И. А. Курникова.</i> Обзор материалов к творческой биографии А. В. Чернова	251
<i>А. И. Агафонов</i> (Ростов-на-Дону). Документы об историке и археологе Герое Советского Союза Г. А. Иноземцеве	256
<i>В. О. Седелников.</i> Работа над библиографическим словарем русских историков (1919 г.)	259
<i>Н. Н. Мигрофанов.</i> Из истории составления справочника «Архивисты России»	263
<i>И. Л. Беленький.</i> Указатель трудов П. А. Кропоткина	268
Библиография авторефератов диссертаций, защищенных в Московском государственном историко-архивном институте (1971—1980 гг.) (Сост. <i>Л. И. Юрченко</i>)	269
Список печатных трудов А. А. Зимина (Сост. <i>А. Л. Хорошкевич</i>)	274

III. Публикации

Документы о восстании 1614—1615 гг. (подг. <i>А. Л. Станиславский</i>)	285
Воспоминания С. К. Богоявленского о В. О. Ключевском (подг. <i>С. О. Шмидт</i>)	308
Воспоминания и дневниковые записи деятелей культуры о В. О. Ключевском (подг. <i>Р. А. Киреева</i>)	314
К изучению истории декабристов в 1920-е гг. Воспоминания С. Н. Чернова о Е. Е. Якушкине (подг. <i>А. В. Рагнер</i>)	319
Неопубликованный доклад Л. В. Черепнина «В. О. Ключевский как источниковед» (подг. <i>Л. И. Шогин</i>)	331

IV. Хроника

Состав Археографической комиссии АН СССР	341
<i>А. А. Турилов.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1980 г.	343
Новые издания Археографической комиссии	347
В отделениях Археографической комиссии	347
<i>В. В. Морозов.</i> Археографические экспедиции 1980 г.	349
<i>Ю. А. Лабинцев.</i> Международное совещание «Сводный каталог старопечатных книг кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв.»	351
<i>О. Н. Копылова.</i> В ЦГАОР СССР	352
<i>В. Ю. Коровайников.</i> К 30-летию студенческого научного кружка в МГИАИ	352
<i>Е. В. Бернадская</i> (Ленинград), <i>Е. Э. Гранстрем</i> (Ленинград). Александра Дмитриевна Люблинская (1902—1980)	354
<i>С. М. Каштанов.</i> Александр Александрович Зимин (1920—1980)	357
<i>П. Г. Рындаюнский.</i> Любомир Григорьевич Бескровный (1905—1980)	359
Список сокращений	361

SOMMAIRE

I. Articles et informations

Le 110-e Anniversaire de la naissance de V. I. Lénine
(Séance commune des Archives centrales du Parti de
l'Institut du marxisme-léninisme près le CC du PCUS
et de la Commission archéographique de l'Académie
des Sciences de l'URSS)

<i>K. N. Tarnovski, Z. N. Tikhonova.</i> «Correspondance de V. I. Lénine et de la rédaction du journal «Iskra» avec les organisations social-démocratiques de la Russie. 1900—1903». Les méthodes archéographiques de l'édition	3
<i>K. G. Liachenko, E. D. Orékhova, N. A. Khomiakova.</i> Les méthodes archéographiques de la publication de la correspondance de V. I. Lénine et des institutions du Parti dirigés par lui avec les organisations du Parti	14
<i>R. M. Savitskaïa.</i> Les sources d'archives de la Chronique biographique de V. I. Lénine de l'époque Soviétique	34
<i>L. N. Rastoptchina.</i> Chronique de la séance	49
* * *	
<i>I. N. Kourbatova</i> (Léninegrad). 175-e anniversaire du «Dépôt des manuscrits»	53
<i>A. A. Amossov</i> (Léninegrad). Les récits sur la bataille de Koulikovo dans l'archéographie russe	62
<i>S. Duškova</i> (Brno, Tchécoslovaquie). Corpus des chartes tchèques	69
* * *	
<i>V. L. Yanine.</i> «Petriatino dvorichtché» à Novgorod	80
<i>N. A. Kazakova</i> (Léninegrad). Les copies complètes de la traduction russe de la «Chronique du monde entier» de Marcin Bielski	92
<i>A. A. Semine</i> (Léninegrad). Sur l'histoire de la «Charte confirmée» de l'Assemblée des états du 1613	97
<i>E. A. Kochliakova</i> . Le sort des archives du décembriste S. P. Troubetskoï	105
<i>N. M. Piroumova.</i> Les listes des employés du zemstvo de la fin du XIX-e — le début du XX-e siècles	110
<i>T. P. Voronova</i> (Léninegrad). P. P. Doubrovski — le premier conservateur du «Dépôt des manuscrits» de la Bibliothèque publique	123
<i>G. M. Golovkine</i> (Volgograd). Sur la publication des travaux de V. I. Lénine dans la presse bolcheviste locale avant l'Octobre (D'après les matériaux de la région de la Basse Volga)	131
<i>N. M. Mikhailova</i> (Douchanbé). Les activités de M. S. Olminski comme publicateur des sources historiques	137
<i>I. F. Ougarov.</i> Les nouvelles publications des documents sur l'histoire de la Première révolution russe	150

Les lectures Tikhomirov, 1980

<i>N. S. Gourianova</i> (Novosibirsk), <i>L. V. Titova</i> (Novosibirsk). Chronique de la conférence «Les activités de M. N. Tikhomirov et les problèmes actuels d'archéographie»	159
---	-----

II. Aperçus, descriptions, bibliographie

<i>L. Yu. Tougouchéva</i> (Léninegrad). Les manuscrits ouigours médiévaux dans les fonds de l'Institut oriental (Séction de Léninegrad) et leur étude	163
<i>O. A. Kniazevskaïa, A. P. Sjöberg</i> (Stockholm). Les manuscrits vieux-russes de parchemin en Suède	167
<i>L. P. Kirillova.</i> Sur l'histoire du Département d'écurie du XVII-e siècle d'après l'«Inventaire des divers articles d'écurie et du trésor» de 1706	172
<i>B. A. Gladova</i> (Léninegrad), <i>B. M. Kloss, V. I. Korétski.</i> Sur les manuscrits de la bibliothèque de D. M. Golitzine à Arkhangelskoïe	179

<i>N. F. Bougaï.</i> Les documents d'archives et les publications sur les Comités Révolutionnaires du Caucase du Nord (1919—1921)	191
<i>A. B. Zaks.</i> Les conférences régionales des musées en RSFSR (1926—1927). D'après les documents du Musée historique d'Etat	197
<i>E. Yu. Naoumov.</i> La correspondance de G. V. Tchitcherine avec B. N. et A. A. Tchitcherine dans les fonds des archives de Moscou	212
<i>M. F. Choumeïko</i> (Minsk). Sur la biographie scientifique de V. Ya. Bogoutcharski	226
<i>V. N. Séréda</i> (Kalinine). Documents sur l'enseignement des sciences historiques auxiliaires dans le fonds de A. N. Spéranski	236
<i>V. F. Kozlov.</i> Documents de la réunion du conseil scientifique de l'Institut de l'histoire et de l'archivistique de Moscou en mémoire du professeur P. P. Smirnov	243
<i>V. V. Loutchkova.</i> Documents des archives privées de I. L. Maïakovski dans l'Institut de l'histoire et de l'archivistique de Moscou	247
<i>I. A. Kournikova.</i> Aperçu des documents sur la biographie de A. V. Tchérnov	251
<i>A. I. Agafonov</i> (Rostov-sur-le-Don). Documents sur l'historien et archéologue, Héros de l'Union Soviétique G. A. Inozémstev	256
<i>V. O. Sédélnikov.</i> L'élaboration du dictionnaire biobibliographique des historiens russes (1919)	259
<i>N. N. Mitrofanov.</i> Sur l'histoire de l'élaboration du dictionnaire «Les archivistes de la Russie»	263
<i>I. L. Bielenki.</i> Index des travaux de P. A. Kropotkine	268
Bibliographie des exposés des thèses soutenus à l'Institut de l'histoire et de l'archivistique de Moscou (1971—1980). Elaborée par <i>L. I. Yurtchéenko</i>	269
Liste des travaux de A. A. Zimine. Elaborée par <i>A. L. Khorochkévitsh</i>	274

III. Publications

Documents sur l'insurrection de 1614—1615. (Publication de <i>A. L. Stanislavski</i>)	285
Les mémoires de S. K. Bogoiavlenski sur V. O. Klioutchevski (Publication de <i>S. O. Schmidt</i>)	308
Mémoires et notes dans des journaux des hommes de culture sur V. O. Klioutchevski. (Publication de <i>R. A. Kiréeva</i>)	314
Sur l'étude de l'histoire des déembristes dans les années 1920. Mémoires de S. N. Tchérnov sur E. E. Yakouchkine. (Publication de <i>A. V. Ratner</i>)	319
Communication non publiée de L. V. Tchérépnine «V. O. Klioutchevski comme investigateur des sources historiques» .(Publication de <i>L. I. Chokhine</i>)	331

IV. Chronique

Membres de la Commission archéographique de l'Académie des Sciences de l'URSS	341
<i>A. A. Tourilov.</i> Activités de la Commission archéographique en 1980	343
Editions nouveaux de la Commission archéographique	347
Dans les filiales de la Commission archéographique	347
<i>V. V. Morozov.</i> Les expéditions archéographiques en 1980	349
<i>Yu. A. Labyntzev.</i> Conférence internationale «Catalogue général des livres des caractères cyrillique et glagolitique des XV—XVII siècles»	351
<i>O. N. Kopylova.</i> Dans les Archives centrales d'Etat de la Révolution d'Octobre	352
<i>V. Yu. Korovainikov.</i> Sur le 30-ème anniversaire du cercle scientifique des étudiants de l'Institut de l'histoire et de l'archivistique de Moscou	352
<i>E. V. Bernadskaïa</i> (Léningrad), <i>E. E. Granstrem</i> (Léningrad). Alexandra Dmitriévna Lioublinskaïa (1902—1980)	354
<i>S. M. Kachtanov.</i> Alexandre Alexandrovitch Zimine (1920—1980)	357
<i>P. G. Ryndziounski.</i> Lioubomir Grigoriévitch Bieskrovny (1905—1980)	359
Liste des abréviations	361

Археографический ежегодник за 1980 год

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории СССР АН СССР*

Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*
Корректоры *Р. В. Молоканова, Л. Д. Собо*

ИБ № 22139

Сдано в набор 4.05.81.
Подписано к печати 29.09.81.
Т-27505. Формат 70×108^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 32,2. Уч.-изд. л. 37,8 Усл. кр. отт. 32,2
Тираж 2300 экз. Тип. зак. 502
Цена 4 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

45 10 12

АРХИВ
УЧЕБНИК
ЭКСПОНАТ

1980

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР